

ISBN 978-5-222-22090-0

9 785222 220900

СВИТКИ ИЗ ПЕПЛА

Павел Полян

Павел Полян

СВИТКИ ИЗ ПЕПЛА

БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОГО ЕВРЕЙСКОГО КОНГРЕССА

издается с 1995 года

Серия

«Свитки из пепла: свидетельства о Катастрофе»

издается при поддержке Российского еврейского конгресса с 2011 года

Составитель серии – П. Полян

Общественный совет:

Б. Брискин, А. Гладкова, Я. Гордин, Д. Гранин, А. Зельцер,
П. Ильин, Ю. Каннер, А. Люстигер, Х.-Х. Нольте, Б. Пастернак,
Н. Поболь, А. Симонов, Л. Смилевичский, Й. Тавор, Л. Терушкин,
Л. Улицкая, К. Феферман, Б. Фрезинский, М. Чайка, А. Шнеер,
М. Эдельштейн.

Подробная информация на сайте www.rjc.ru

Отзывы и предложения направляйте по адресу:

Россия 129110 Москва, Б. Переяславская ул., 46, стр. 2.

Электронный адрес: info@rjc.ru

ПАВЕЛ ПОЛЯН

СВИТКИ ИЗ ПЕПЛА:

**ЕВРЕЙСКАЯ «ЗОНДЕРКОММАНДО»
В АУШВИЦЕ-БИРКЕНАУ
И ЕЕ ЛЕТОПИСЦЫ**

—

**РУКОПИСИ, НАЙДЕННЫЕ В ПЕПЛЕ
У ПЕЧЕЙ ОСВЕНЦИМА
(З. ГРАДОВСКИЙ, Л. ЛАНГФУС,
З. ЛЕВЕНТАЛЬ, Х. ГЕРМАН,
М. НАДЖАРИ И А. ЛЕВИТЕ)**

Москва — Ростов-на-Дону
«Феникс»
2013

Полян, Павел.

П54 Свитки из пепла. Еврейская «зондеркоммандо» в Аушвице-Биркенау и ее летописцы. — Рукописи членов зондеркоммандо, найденные в пепле у печей Освенцима (З. Градовский, Л. Лангфус, З. Левенталь, Х. Герман, М. Наджари и А. Левите). — М. — Ростов н/Д : Феникс, 2013. — 558 с. : [16] л. ил. — (Свитки из пепла: свидетельства о Катастрофе).

Члены «зондеркоммандо», которым посвящена эта книга, суть вспомогательные рабочие бригады, составленных почти исключительно из евреев, которых нацисты понуждали ассистировать себе в массовом конвейерном убийстве десятков и сотен тысяч других людей, — как евреев, так и неевреев, — в газовых камерах, в кремации их трупов и в утилизации их пепла, золотых зубов и женских волос. То, что они уцелеют и переживут Шоа, нацисты не могли себе и представить. Тем не менее около ста десяти человек из примерно двух тысяч двухсот уцелели, а несколько десятков из них или написали о пережитом сами, или дали подробные интервью. Но и многие погибшие оставили после себя письменные свидетельства, и часть из них была обнаружена после окончания войны в земле и пепле близ крематориев Аушвица-Освенцима. Эти свитки — бесспорно, центральные документы Холокоста, до недавнего времени совершенно неизвестные в России, — впервые собраны в этой книге.

Ее композиция двухчастна. Первая часть — сугубо авторская: она посвящена самому лагерю уничтожения и «зондеркоммандо» как беспримерному историческому и психологическому феномену. Реконструируются обстоятельства их сопротивления, увенчавшегося восстанием 7 октября 1944 года, а также ход и результаты послевоенных поисков и находок их рукописей, их перевода на европейские языки и публикации.

Вторая часть книги предоставлена самим летописцам и являет собой антологию, составленную из их произведений, точнее, из тех их частей, что поддались прочтению и переводу. В нее вошли все девять текстов тех пяти членов «зондеркоммандо», рукописи которых были обнаружены: Залмана Градовского, Лейба Лангфуса, Залмана Левенталья, Хайма Германа и Марселя Наджари. Десятой к ней добавлена рукопись Аврома Левите: он не имел отношения к «зондеркоммандо» в Биркенау, но его текст — предисловие к литературному альманаху «Ойшвиц» — был написан всего в нескольких ста метрах от газовых камер, а судьба самой рукописи не менее сложна и впечатляюща. Каждому из шести авторов посвящен специальный раздел, объединяющий как все их тексты, так и предваряющие их эссе П. Поляна.

Все тексты, кроме текстов З. Градовского, переведены специально для этого издания и впервые публикуются под одной обложкой на русском языке.

Переводы с идиша (под редакцией П. Поляна) М. Карпа, А. Полонской, А. Полян и Д. Терлецкой; переводы с французского А. Полонской.

Переводы с немецкого и английского П. Поляна.

Примечания А. Полонской, А. Полян, П. Поляна и Д. Терлецкой.

ISBN 978-5-222-22090-0

© П. Полян, 2013 (текст, серия)

© Переводы: М. Карп, А. Полонская, А. Полян, П. Полян, Д. Терлецкая, 2013

© РЕК, 2011 (серия)

© Оформление: ООО «Феникс», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ:	
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В АДУ	13
Резиденция смерти: демографический баланс Аушвица	15
Что и когда союзники знали об Аушвице?	39
Освобождение Аушвица: еврейская катастрофа — без евреев!	50
Чернорабочие смерти: «зондеркомmando» в Аушвице-Биркенау	64
Уничтоженный крематорий: смысл и цена одного восстания	104
История обнаружения, перевода и издания рукописей, найденных в Аушвице	137
ЧАСТЬ ВТОРАЯ:	
РУКОПИСИ, НАЙДЕННЫЕ В ПЕПЛЕ ВОЗЛЕ ПЕЧЕЙ ОСВЕНЦИМА	155
Залман Градовский.	
В сердцеvine ада	157
И в конце тоже было слово... (П. Полян)	159
Залман Градовский	203
<Дорога в ад> (перевод с идиша А. Полян)	204
В сердцеvine ада (перевод с идиша А. Полян)	240
<Письмо из ада> (перевод с идиша М. Карна)	309
Лейб Лангфус.	
В содрогании от злодейства	311
Раввин в аду (П. Полян)	313
Лейб Лангфус	
Выселение (перевод с немецкого П. Поляна)	333
В содрогании от злодейства (перевод с идиша Д. Терлецкой)	368
Залман Левенталь.	
«Отныне мы всё будем прятать в земле...»	383
Свидетель, хронист, обвинитель! (П. Полян)	385
Залман Левенталь	
<Заметки> (перевод с идиша А. Полонской)	397
<Комментарий к «Лодзинской рукописи»> (перевод с идиша А. Полонской)	425

Хаим Герман.	
Письмо из ада домой	429
«Ад Данте невероятно смешон по сравнению с настоящим адом тут...» (П. Полян)	431
Хаим Герман. <Письмо из ада домой> (перевод с идиша А. Полонской)	434
Марсель Наджари.	
Крик о мести	439
Крик о мести (П. Полян)	441
Марсель Наджари. «Мне не удастся отомстить так, как я хочу, и так, как я знаю...» (перевод с английского П. Поляна)	446
Авром Левите.	
Из антологии «Ойшвиц»	449
Время: Накануне смерти. Место: На эшафоте (П. Полян)	451
Авром Левите. Из антологии «Ойшвиц» (перевод с идиша А. Полонской)	454
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	461
Касиба, которая дошла	462
Postscriptum	463
ПРИЛОЖЕНИЯ	465
<i>Приложение 1.</i> Хроника событий, связанных с «зондеркоммандо» в Аушвице-Биркенау	467
<i>Приложение 2.</i> Список членов еврейской «зондеркоммандо» в Аушвице-Биркенау	480
<i>Приложение 3.</i> Список членов СС, работавших на крематориях в Аушвице-Биркенау	513
<i>Приложение 4.</i> Публикации рукописей членов «зондеркоммандо» и сопроводительные материалы к ним	519
<i>Приложение 5.</i> <i>Anus Mundi</i> : что освободители увидели в Аушвице (Документы)	526
Принятые сокращения	545
Использованная литература	546
Contents	557

ОТ АВТОРА

1

В июне 1989 года в Ленинграде, на открытии Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме я познакомился с Ефимом Григорьевичем Эткиндром. С первой же секунды общения возникло ощущение, как если бы мы дружили долгие годы. И когда он попросил меня с женой присутствовать на одной встрече в этот же день, на которую он не хотел бы идти один, я даже не удивился.

Осенью 1990 года я впервые оказался в Париже и в первый же вечер прибежал к Ефиму Григорьевичу. Он жил тогда около Дефанса и переводил «Сказание об истребленном народе» — пронзительную поэму Ицхака Каценельсона, о которой еще будет говориться в этой книге. Он прочитал несколько поразивших меня отрывков, а я подивился тому, что до Эткинда никто и не пробовал перевести эти стихи на русский¹. Ефим Григорьевич подошел к книжной полке и взял в руки две стоявшие рядом книги — самое первое издание поэмы Каценельсона (уникальное — 1945 года!) и «Атлас Холокоста» Мартина Гильберта, 1982 года издания. Положив раритет на место, я вцепился глазами в «Атлас» и почти весь вечер, не покидая разговор, перелистывал его.

Прощаясь, Ефим Григорьевич протянул мне «Атлас» и сказал: «Возьмите, я вижу, он Вам еще пригодится».

С тех пор я не расстаюсь ни с этим атласом, ни с памятью о ее щедром и внимательном дарителе.

Посвящая ему авторскую часть этой книги, я хотел бы воздать должное как красоте и точности его жеста, так и значимости и серьезности его работы. К слову, «эткиндровское» издание поэмы Каценельсона — совершенно типичское для серии «Свитки из пепла: документы о Катастрофе», и выход ее русского перевода в рамках серии был бы совершенно оправдан.

2

Зарождению и прорастанию самой этой книги серьезно помогла случайность.

Осенью 2004 года, разыскивая в фондах Центрального военно-медицинского музея в Санкт-Петербурге материалы о советских военнопленных, Николай Поболь и пишущий эти строки обнаружили в каталоге упоминание о записной книжке Залмана Градовского — члена еврейской зондеркоммандо в Аушвице-Биркенау.

Ниточки от этой находки потянулись к «зондеркоммандо» как феномену и к зондеркоммандовцам — другим, помимо Градовского, ее членам, также оставившим записки, обнаруженные после войны.

Само их обнаружение после войны в земле и пепле возле газовых камер и крематориев Аушвица-Биркенау в истории еврейского народа и для исто-

рии еврейского народа по своей чудесности сопоставимо разве что с находками в генизе каирской синагоги в конце XIX века и обнаружением кумранских рукописей в 1947 году. Но только они — эти свитки из пепла — не просто пополнили наши знания, но, по наблюдению А.И. Шмаиной-Великановой, еще и перевернули наше знание о себе — представление о человеке.

Перевод на русский язык и публикации текстов Залмана Градовского 2008–2011 годов — журнальная (в трех номерах «Звезды» в 2008 году) и книжные (два издания, выпущенные в 2010 и 2011 гг. издательством «Гамма-пресс») — подвели нас, во-первых, к мысли о введении в научный оборот и других текстов с аналогичной судьбой и, во-вторых, к постановке вопроса об осмыслении «зондеркоммандо» как исторического явления.

Этим предопределена самая структура предлагаемой читательскому вниманию книги, ее двухчастность. Первая ее часть — сугубо авторская, вторая — антологическая, сочетающая в себе авторское и составительское начала.

Первая начинается с глав-очерков, посвященных оценке количества жертв, убитых в Аушвице, информированности об этом лагере стран коалиции — Великобритании, США и СССР, а также тому, как красноармейцы освобождали Аушвиц от немцев, а главпуровцы — уже освобожденный Аушвиц — от евреев. Продолжается — главами о «зондеркоммандо», воспринимаемым как беспрецедентное историческое и, одновременно, психотическое явление. Реконструируются обстоятельства сопротивления в условиях Аушвица-Биркенау и восстания 7 октября 1944 года, а также общий фон послевоенных поисков и находок рукописей, а также публикаций их текстов (индивидуальные особенности вынесены во вторую часть — в преамбулы к соответствующим текстам).

При этом первая часть — все же не монография в строгом смысле слова, а серия очерков, сцепленных друг с другом и с осью повествования не жестко каузально, а свободно и как бы веерно: каждый добавляет в главное свою краску, каждый проливает на него свой дополнительный свет. Некоторые из очерков уже выходили в публикациях, предваряющих книгу, но для настоящего издания все они основательно расширены и переработаны.

Вторая часть книги посвящена — или, лучше сказать, предоставлена — самим летописцам. Она вобрала в себя все девять уцелевших текстов тех пяти членов зондеркоммандо, рукописи которых были обнаружены между 1945 и 1980 гг.: Залмана Градовского, Лейба Лангфуса, Залмана Левенталья, Хайма Германа и Марселя Наджари. Десятой к ней добавлена рукопись Аврома Левите: он не имел никакого отношения к «зондеркоммандо» в Биркенау, но его текст — предисловие к литературному альманаху «Ойшвиц» — был написан всего лишь в нескольких сотнях метров от газовых камер и крематориев: в общем лагере Биркенау, причем судьба самой рукописи также чрезвычайно сложна и впечатляюща.

Тем самым мы имеем дело с некоей внутренней антологией в книге, составленной из произведений, изначально «отобранных» самим Прови-

дением — и не для печати, а для физического спасения! Скомпонованные уже для печати, они, на мой взгляд, дают самое непосредственное представление и самое яркое впечатление о том, что происходило в газовнях и крематориях Биркенау. Без тени преувеличения: это — центральные эго-документы Холокоста!

Учитывая фактическую разножанровость всех этих произведений узников, — от подражания пророкам и до бытового письма, — ее можно было бы уподобить еще и как бы воскресшему альманаху, но боюсь, что замысел редакторов «Ойшвица», при всей его дерзости, был все же гораздо уже.

Каждому из шести летописцев во второй части книги посвящен отдельный раздел, открываемый специальным очерком о его судьбе, о находках его рукописей, их переводах и их изданиях. Далее следуют тексты самих летописцев в переводе на русский язык и с комментариями, подготовленными составителем совместно с их переводчиками. В результате каждый текст оказывается в центре и обрамлении своих индивидуальных контекстных материалов.

Все переводы на русский язык (за исключением текстов Градовского) были выполнены А. Полонской, Д. Терлецкой и мной впервые: при малейшей возможности (то есть физической прочитаемости рукописи) — с оригинала, а при невозможности — с промежуточного источника.

Все тексты, составившие второй раздел, предварительно, отдельно и под именами авторов выходили в периодической печати (журналы «Звезда», «Новый мир», «Ab Imperio», «Голокост і сучасність. Студії в Україні і світі» и «Дилетант», газеты «Московские новости» и «Еврейское слово»²). По сравнению с этими публикациями все переводы для настоящего издания заново просмотрены и уточнены переводчиками.

Отточиями в квадратных скобках [...] обозначены фрагменты, так и оставшиеся непрочитанными. Рабочие конъектуры преобразованы при редактировании в элементы цельного текста. Неавторские заголовки даются в угловых скобках.

Раздел приложений составили: первое — хроника событий, связанных с «зондеркоммандо» в Аушвице-Биркенау, второе и третье — аннотированные списки идентифицированных членов «зондеркоммандо» и идентифицированных эссовцев, имевших непосредственное отношение к тому, что происходило в газовых камерах и крематориях Биркенау³, четвертое — библиография публикаций их текстов, а также, пятое, — подборка советских документов, фиксирующих то, что освободители — Красная Армия — застали в концлагере Аушвиц в день его освобождения.

Завершают книгу перечни принятых сокращений и использованной литературы.

3

Термины «Шоа» и «Холокост» употребляются в настоящем издании, в соответствии со сложившейся практикой, как де-факто синонимы. В то же

время этимологически они весьма отличаются друг от друга: «Холокост» по-гречески — это «всесожжение», а «Шоа» на древнееврейском — «бедствие», «катастрофа». Само по себе уподобление катастрофы «жертвоприношению» более чем сомнительно, но в русском языке, как и в немецком, в отличие, впрочем, от всех европейских языков, восходящих к латыни, не существует словарного различия двух типов жертв — жертв геноцида и вообще насилия и жертв культового заклания, что смягчает названное противоречие и делает приемлемой широко распространившуюся практику употребления слова «Холокост». Следует отметить, что в русском языке все больший вес приобретает синонимическое употребление слова «*Катастрофа*».

Отдельного пояснения, безусловно, заслуживает центральное для книги понятие «зондеркоммандо» (*Sonderkommando*). Оно и приводится, но, в интересах цельности изложения, не здесь, а в начале соответствующей главы (*Чернорабочие смерти: «зондеркоммандо» в Аушвице-Биркенау*). В своем тексте я придерживался взятой в кавычки немецкой транслитерации, с сохранением среднего рода и двойного *m*, как наиболее аутентичного варианта, позволяющего при передаче сути термина не смешивать его с устойчиво негативными ассоциациями с зондеркомандами СД. В литературе, однако, есть и иные примеры: зондеркоманда, спецкоманда, спецбригада.

Обозначение *Аушвиц* закреплено за городом Освенцим в период немецкой оккупации и входит в название современного музейного комплекса, причем Аушвиц-1 — это основной, или базовый, концлагерь. Во всех послевоенных контекстах мы пользуемся польским топонимом *Освенцим*.

Принятая в настоящем издании, вслед за «Календарием» Дануты Чех⁴ и другими изданиями, индексация крематориев римскими цифрами охватывает все пять крематориев Аушвица и Биркенау и начинается с самого первого, расположенного возле основного лагеря в Аушвице-1; остальные четыре крематория, с запада на восток, получили номера со II по V.

В текстах Градовского, Левенталя и Лангфуса нумерация крематориев иная — с I по IV, а крематорий I в базовом лагере Аушвиц-1, где они не провели и нескольких часов, в их сознании просто отсутствует. Во избежание путаницы унифицированная индексация крематориев выдержана по всей книге, а соответствующие исправления в текстах внесены без дополнительных оговорок.

В оформлении и иллюстрировании книги использованы архивные материалы Центрального Военно-Медицинского музея (Санкт-Петербург), Государственного архива Российской Федерации (Москва), Мемориального музея Холокоста в США (Вашингтон), музея Яд-Вашем (Иерусалим), Института народной памяти (Варшава), Центрального Еврейского института (Варшава), Государственного музея Аушвиц-Биркенау (Освенцим), Государственного музея Майданек (Люблин), Музея истории фото-

графии (Краков), семейных архивов Й. Волнермана (Иерусалим), П. Карпа (Лондон) и А. Лопатёнка (Санкт-Петербург), а также автора.

4

Этот проект был бы невозможен без поддержки многих лиц и нескольких организаций.

В первую очередь хочу поблагодарить архивистов — российских, израильских, польских и американских, без помощи которых книга не могла бы состояться. Среди них — сотрудники Военно-медицинского музея в Санкт-Петербурге А. Волькович, В. Грицкевич, В. Лопухов и, в особенности, И. Козырин; Мемориала «Яд Вашем»: Д. Банкье, Н. Гельперин, И. Гутман, Н. Коэн, Р. Марголина и, в особенности, М. Ионина и А. Шнер; Мемориального музея Холокоста в США: П. Блэк и, в особенности, П. Ильин и К. Уэдделл; Государственного мемориального музея Аушвиц-Биркенау в Освенциме: Ф. Пипер, П. Сеткевич и, в особенности, В. Плоса; Института еврейской истории в Варшаве: Э. Бергман, А. Жбиковский и, в особенности, М. Чайка и Я. Ягельский; Института народной памяти в Варшаве: Р. Ляшкевич и Я. Пивовар; Государственного мемориального музея Майданеке в Люблине (А. Войцик, Т. Кранц и, в особенности, Р. Кувалек) и Музея Штутгоф в Штутгове (П. Тарновский и Б. Тартаковская).

В этом же ряду должен быть назван и Иосиф Волнерман (Иерусалим), сын Хаима Волнермана — открывателя и публикатора одной из рукописей З. Градовского, предоставивший сохранившиеся у него материалы.

Неоценимую помощь в архивных разысканиях оказал Николай Поболь (Москва).

Огромное спасибо переводчикам текстов членов «зондеркомандо» — Александре Полян, АLINE Полонской и Дине Терлецкой (все — Москва), они же соавторы комментариев к переведенным текстам. Каждая из них проявила совершенно исключительные энтузиазм и неравнодушие.

Эта книга вынашивалась и писалась в опоре на достижения многих коллег-историков, среди которых особенно значимыми являлись публикации и советы Андреаса Килиана (Франкфурт-на-Майне) и Гидеона Грайфа (Тель-Авив). Очень многим книга обязана Ире Рабин (Берлин), в накаленных спорах с которой, в бытность знакомства с ней, оттачивались или рождались некоторые из ее аспектов. На завершающем этапе с рукописью ознакомилась Анна Шмаина-Великанова (Москва), чьи точные замечания и соображения не раз заставляли меня возвращаться ко многим и, быть может, наиболее трудным ее местам.

Кроме того, я хочу поблагодарить и других коллег, чьи слова или дела помогали этому многолетнему и исключительно трудному проекту. Это М. Ерчинский (Варшава), К. Зелинский (Люблин), Р. Капланов (Москва), Я. Карас (Фрайбург — Афины), М. Карп и П. Карп (Санкт-Петербург — Лондон), Л. Кацис (Москва), К. Крагцат (Фрайбург), П. Криксунов (Иерусалим), М. Куницки-Гольдфингер (Варшава), С.А. Лопатёнок (Санкт-Петербург), А. Люстигер (Франкфурт-на-Майне), Х.-Х. Нольте

(Ганновер), Е. Нудельман (Пассау), А. Поморский (Варшава), М. Рольникайте (Санкт-Петербург), Я. Савицкий (Фрайбург), Ю. Сафонова (Москва), Л. Смилевичкий (Иерусалим) и Г. Смолянский (Петрозаводск), А. Шнеер (Иерусалим) и Ю. Царусски (Мюнхен).

Отдельная благодарность — редакторам и издателям. Как промежуточные публикации текстов З. Градовского и других членов «зондеркоммандо» на русском языке: это М. Зильберквит и В. Панкратова (ГАММА-ПРЕСС), В. Губайловский («Новый мир»), Д. Датешидзе («Звезда»), С. Нехамкин («Известия»), В. Подольный («Еврейское слово»), М. Румер («Еврейская газета»), Б. Пастернак и Е. Рыбакова («Московское время»), А. Семенов (Ab Imperio), М. Тяглый («Голокост і сучасність. Студії в Україні і світі») и В. Дымарский («Дилетант»). Так и итоговой книги, выпущенной в ростовском издательстве «Феникс»: это Е. Барыбин, Г. Логвинова и Д. Очаков.

И, конечно же, тем членам Общественного совета серии «Свитки из пепла: документы о Катастрофе», которые ознакомились с черновым вариантом рукописи и откликнулись на него конкретными замечаниями и соображениями: это Д. Карпов (Москва), П. Ильин (Вашингтон), В. Нахманович (Киев), Л. Улицкая (Москва), Б. Фрезинский (Санкт-Петербург), М. Чайка (Варшава) и М. Эдельштейн (Москва). Спасибо и Н. Клейману (Москва), Т. Лазерсон (Хайфа), В. Порудоминскому (Кельн) и М. Швядкому (Москва) за их отзывы на рукопись или рецензии на книгу З. Градовского.

Наконец, большое спасибо и всем спонсорам этого многоступенчатого проекта. Прежде всего — Д. Хохбауму и Фонду еврейского культурного наследия (Нью-Йорк), чей грант позволил провести самые необходимые первичные разыскания в архивах и библиотеках Москвы, Санкт-Петербурга, Иерусалима, Варшавы и Освенцима, а также перевести и снабдить комментарием все дошедшие до нас тексты Градовского. Во-вторых, Обществу еврейского наследия и культуры, а также В. Слуцкеру, Й. Тавору и С. Шухману, вложившим свои личные средства в издания книг З. Градовского. И, наконец, Российскому еврейскому конгрессу, взявшему на себя расходы по переводу всех остальных, кроме Градовского, текстов членов «зондеркоммандо» на русский язык и подготовке этой книги к изданию в рамках серии «Свитки из пепла: документы о Катастрофе». Отмечу ту позитивную роль, которую в переговорах с РЕК сыграли Ю. Каннер и Л. Витенберг.

Павел Полян

¹ Впрочем, в 1970-е гг. А. Шмаиной-Великановой эта поэма попадалась и в самиздатском переводе, но кто был переводчиком — уже и не вспомнить.

² См. Приложение 4.

³ В их основу положены таблицы, составленные А. Килианом (Friedler, Slebert, Killian, 2002), но с существенными дополнениями и уточнениями. Эти приложения позволили освободиться от необходимости давать соответствующие справки в примечаниях.

⁴ Czech, 1989.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ:

**ЖИЗНЬ
И СМЕРТЬ
В АДУ**

Памяти Ефима Григорьевича Эткинда

РЕЗИДЕНЦИЯ СМЕРТИ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ БАЛАНС АУШВИЦА

*И удивительная вещь: скоты использовали все —
кожу, бумагу, ткани, все служившее человеку, все нужно
и полезно было скотам, лишь высшая драгоценность мира — жизнь
человека — растапывалась ими.*

Василий Гроссман. «Треблинский ад»

*Там, в Засолье, немцы построят печи
и сожгут всех детей Авраамовых.*
Еврейский мальчик Алекс-Стерх из Ушпицына

*Возможности уничтожения
даже в Аушвице были не безграничны.*

Р. Хёсс

1

Ареал Холокоста в точности следует контурам Второй мировой войны на европейском театре боевых действий. Военные и карательные органы Германии и ее сателлитов, как и их многочисленные добровольные помощники из оккупированных областей, с энтузиазмом хватали и убивали евреев на просторах от Лапландии до Крита и от Амстердама до Нальчика. Если бы танки Роммеля не увязли в песках Аламейну, а прорвались на восток и вошли в Иерусалим, то за айнзацгруппой дело бы не стало: она была сформирована в Италии и только и ждала отправки...

Негласной столицей этой империи человеконенавистничества являлся концлагерь в Аушвице, ныне Освенциме (по-еврейски Ойшвиц, или Ушпицын). *Anus Mundi*, или «Задница Земли», — как честно назвал это место один из не самых сентиментальных эсэсовцев¹. Позднее Аушвиц-Биркенау назовут новыми для человеческого уха именами: «лагерем уничтожения», «фабрикой смерти», «мельницей смерти» и т.п., а иные даже расколют историю надвое — на время «до» и «после» Аушвица, причем «после» — уже не гоже писать стихи.

И сегодня, посещая Биркенау-Бжезинку и глядя на сохранившиеся ступеньки газовен, руины крематориев и деревья, видевшие все и вся, инстинктивно задерживаешь дыхание — и словно перестаешь дышать. И только пропуская над собой своды брамы — и выходя, наконец, из этой резиденции смерти, прочь от наликовавшихся власть и налагавшихся еврейской крови убийц и палачей, — невольно останавливаешься для того, чтобы дать легким встретить возвращающийся воздух, восстановить дыхание и прийти в

себя. До чего же уютным и милым был старинный *Inferno* во времена Орфея и Данта!..

О сатанинской сакральности этого места существует одна легенда, которую можно было бы назвать и прекрасной, когда бы не те жуть и оговоры, что стоят за ее содержанием. Это история об Алексее-Аисте из Ушпицына — настоящая хасидская притча.

Я наткнулся на нее, читая книгу Генриха Шенкера, сына Леона Шенкера, последнего председателя Ушпицынской еврейской общины перед войной и первого председателя Освенцимской после войны — единственного еврея, кто пытался если не найти, то хотя бы выкупить у мародеров-поляков еврейские рукописи, выкопанные алчными подонками из земли вокруг крематориев.

... Однажды зимой 1939/1940 гг. 9-летний Генрих играл, как всегда, один на берегу Сола и встретил там душевнобольного мальчика, Алекса, лет 11-ти. Его прозвищем было «Стерх», то есть «Аист». Если кто-то давал ему монетку, то он становился на колени, махал руками, как крыльями, сжимал губы и нос в клюв и кричал-кричал птичьим голосом — не отличишь! Если же монетка была большой, то он еще и танцевал в этом положении, махал крыльями-руками. Все смеялись, и «Аист» тоже, но лицо его оставалось неизменно печальным.

Часами и днями сидел Алекс на берегу реки и наблюдал за птицами. Он редко заговаривал сам, но слова его были всегда бессвязными. Каждое утро Генрих приносил для него бутерброд.

Однажды Алекс повернулся к Генриху, показал рукой на другой берег, по которому шла дорога в Бжезинку, и сказал совершенно нормальным голосом: «Там, в Засолье, немцы построят печи и сожгут всех детей Авраамовых». И добавил: «Но ты, ты не должен бояться!» — «Откуда ты это знаешь?» — спросил его потрясенный услышанным мальчик. — «Птицы рассказали», — так же разборчиво сказал Алекс и обнял его, как бы защищая от невидимой еще опасности. «И еще они мне сказали, что скоро здесь будет пахнуть жареным мясом и что они должны будут меня покинуть».

После чего его усталые глаза закрылись, и он снова потерял связь с миром...

2

В Аушвице-Биркенау, прибегая к словечку *Lebensentziehung*² из терминологии палачей, была «отрешена от жизни» каждая шестая жертва Шоа!

Рассмотрим историю и динамику оценок числа жертв этого места — быть может, самого зловещего на всей земле. Она поучительна.

Обзор соответствующих источников приводится в многочисленных исследованиях, выходящих на всех языках и по всему миру. Весьма обстоятельные первичные сведения, базирующиеся на уцелевших концлагерных архивах, можно почерпнуть из неперIODических аналитико-доку-

ментальных сборников «Освенцимские тетради» и других изданий, выпущенных научным отделом мемориального музея в Освенциме. Компактное, но весьма цельное описание таких источников Франтишек Пипер дал в своей монографии «Количество жертв Аушвица на основе источников и исследований, выполненных в 1945–1990 гг.»³.

Концлагерь Аушвиц был освобожден 27 января 1945 года войсками 1-го Украинского фронта, на его территории работал целый ряд советских государственных комиссий. Перед оставлением и эвакуацией лагеря немцы систематически уничтожали лагерные архивы. Тем не менее в руки освободителей попал весьма значительный блок архивных материалов⁴. 26 марта 1945 года они были направлены в Главное архивное управление НКВД СССР, где их привели в порядок, систематизировали и отчасти изучили. Та часть лагерного архива, что попала в Советский Союз, со временем была распределена между тремя хранилищами — ГАРФ, РГВА и ЦВММ.

Большинство документов относилось к находившемуся на территории лагеря «Центральному строительному Управлению войск СС и полиции безопасности в Аушвице»: эти материалы поступили для анализа, каталогизирования и оперативного использования в так называемый Особый архив НКВД СССР, где аккумулировались различные трофейные архивные материалы (позднее он стал составной частью РГВА).

Другая — меньшая — часть документов оказалась частью архива комендатуры концентрационного лагеря Аушвиц, а также архива: их оригиналы были переданы в ЦВММ в Санкт-Петербурге для изучения медицинских аспектов жизни и смерти в концлагере. Позднее к ним добавилась и рукопись на идише, написанная Залманом Градовским, польским евреем из-под Гродно, одним из зондеркомандовцев и руководителей их восстания 7 октября 1944 года⁵.

Наконец, в ГАРФ, в фонде ЧГК⁶, отложились главным образом материалы, сформировавшиеся во время работы в бывшем концлагере Аушвиц различных советских и советско-польских комиссий по установлению преступлений национал-социализма. Поскольку эти комиссии в значительной степени привлекали к подготовке своих отчетов и обнаруженный на месте архивный материал, то в ГАРФ отложилось немало копий тех документов, что впоследствии осели в РГВА и ЦВММ. Среди них встречаются и материалы, непосредственно относящиеся к демографическим оценкам Холокоста — в частности, самые первые оценки количества жертв Аушвица, датированные еще 16 марта 1945 года⁷.

Основополагающее значение имела система отбора и регистрации узников этого концлагеря — система, вошедшая в историю под названием СЕЛЕКЦИЯ. Аушвицкая коннотация этого мирного и позитивного слова, в довоенном сознании увязанного скорее с агрономией и Мичуриным, отныне и навсегда подмяла под себя любые другие его смыслы.

Одних узников, пригодных для принудительного труда, медицинских экспериментов и еще каких-нибудь целей, могущих родиться только в

головах наци, ставили по одну сторону рампы⁸, других — старых, больных, инвалидов, малых детей — по другую.

Первыми никто, правда, не восхищался, никто не гладил их по головке, но их регистрировали, накалывали на запястьях их персональные номера и везли в карантин. Им как бы говорили: «Ты нам еще нужен, ты будешь работать, а мы тебя будем даже кормить — так что будь пайнкой и поживи пока».

А вот другим — тем, которых, как правило, на рампе было подавляющее большинство, — посылался иной сигнал: «Ну для чего нам вас всех регистрировать? Ведь вы даже и не к нам, а совсем в другой лагерь — мы вам сейчас наврем, наплетем про трудовые лагеря на востоке, про баню и про дезинфекцию, а вы уж, пожалуйста, не волнуйтесь, проходите себе в раздевалку и делайте, что вам говорят».

В каком-то смысле все это правда. Не прошедшим селекцию — и впрямь не место в концлагере, в его великолепных утепленных бараках, на его восхитительных, на его роскошных трехэтажных нарах! Их, не прошедших селекцию, ждет совершенно другой лагерь, расположенный, правда, тут же, в двух шагах. Он не такой «площадной», как собственно концлагерь, он почти что «линейный», ибо состоит из рампы, дороги в газовые камеры и дыма из труб крематориев.

Впрочем, он и площадной тоже, ибо всех доходяг и всех «мусульман»⁹, — по крайней мере, всех еврейских доходяг, — в любом из бараков Аушвица-1, Биркенау, Моновица и десятков филиалов концлагерного комплекса в округе ожидали текущие селекции в бараках, затем перевод в больницы женской или мужской зон, а оттуда — все в те же газовни и крематории¹⁰! Среднее время нахождения узника Аушвица в живых составляло, согласно некоторым расчетам, около девяти месяцев, а средний доход, который его рабский труд за это время приносил его палачам, — 1631 рейхсмарку, с зачетом стоимости его личных вещей, зубов и волос, но без учета полученного из него пепла, хотя и пепел тоже шел в дело¹¹.

Лагерь смерти Аушвиц-Биркенау — это по-своему совершенное и новаторское предприятие конвейерного типа, плод напряжения идеологической и инженерной мысли лучших национал-социалистических умов! Даже экономико-географическое положение было принято во внимание! А оно было незаурядным — фактически на пересечении пяти железных дорог! Широтная ось Краков–Гливице (или Краков–Катовице) встречается здесь (в Засолье, ближе к Биркенау-Бжезинке) с меридиональной дорогой Варшава–Острава, и совсем неподалеку и еще одно диагональное ответвление — на Сосновец.

Все до мелочей продумано и предельно технологично. Например, приспособления для подогрева воздуха в газовых камерах, благодаря чему синильная кислота из гранул одного дезинфицирующего спецсредства испаряется быстрее, и смерть не заставляет себя слишком долго ждать. Или эти желобки для ускоренного стекания жира, или эти сита-дробилки для

просеивания пепла и размельчения непрогоревших костей, или эти совершенно особые «санитарные» машины с красными крестами на бортах для перевозки банок с теми самыми гранулами и обслуживающих их сотрудников в противогасах, ежедневно и героически рискующих своей жизнью во имя высокой и очистительной цели — обезвреивания Европы!¹²

Поначалу, заметим, — около года с лишним — концлагерь Аушвиц ничем зловещим среди других аналогичных заведений СС не выделялся. Верится с трудом, но до осени 1941 года никаких массовых убийств здесь еще не было, и самую первую партию обреченных на смерть жертв даже пришлось отсюда вывозить!

Это произошло 28 июля 1941 года, когда транспорт с 575 неизлечимо больными узниками-поляками был отправлен в Пирну-Зонненштайн. Этот городок под Дрезденом был одним из центров так называемой «Акции Т-4», или, если воспользоваться нацистским эвфемизмом, «эвтаназии». Все 575 человек были подвергнуты там газации, их тела — кремированию, а их родственники получили липовые свидетельства о смерти¹³.

С этих нескольких сот поляков и с этого момента, в сущности, и начала свой отсчет история Аушвица-Биркенау *как лагеря смерти*. Продолжение — в лице тысяч советских военнопленных и сотен тысяч евреев — не заставило себя долго ждать.

Аушвиц стал едва ли не единственным из лагерей, что столь успешно совмещал свою функцию концлагеря с иной ипостасью, административно нигде не зафиксированной, хотя, в сущности, и основной — с миссией *отрешения евреев — ВСЕХ евреев — от жизни*. Кроме Аушвица и Люблина-Майданека, в эту небольшую, но необычайно действенную смертоносную сеть входили еще четыре временных лагеря смерти: Хелмно (Кулмхоф), Трешлинка, Белжец и Собибор¹⁴. Седьмым правомерно считать и концлагерь Штутгоф, но только начиная с июня 1944 года, когда имевшаяся в нем газовую камеру перепрофилировали с дезинфекции имущества на уничтожение людей¹⁵.

Но Аушвиц-Биркенау выделялся отныне на любом фоне. И он не слишком стыдился или таился — этот *лагерь в лагере*, эта его фабрика смерти! Это двери *его* газовен втягивали в свое драконово чрево шевелящиеся ленты еще дышащих очередей, тянущиеся от рампы; это зарева *его* костров и трубы *его* крематориев дымились или светились пламенем и днем, и ночью, и никакая роцица вдоль дальней кромки огромного лагеря не могла заслонить собой эти жуткие отблески или защитить от сладковато-тошняка запаха горелого человеческого мяса. Через таинство селекции проходили все — и те, и *эти*. И когда трудоспособные и пока живые счастливики из заурядного концлагеря — в полосатых робах и с вытатуированными номерами — наконец догадывались о связи всех этих явлений, то больше уже не спрашивали о судьбе своих близких, с которыми они распростились на рампе не на время, а навсегда...

Общее количество эфемерных узников этого второго — незримого — лагеря насчитывало, согласно Ф. Пиперу, 880 тыс. чел. Подавляющее их большинство — 98% — евреи, остальные 2% приходятся на советских военнопленных, поляков, а также на неустановленных узников других концлагерей, привезенных в Аушвиц все с тою же гуманной целью — в видах *экономного умерщвления*.

Или же умерщвления *экспериментального*. Собственно говоря, экспериментами поначалу были и сами селекция и газация: именно с опыта двух тысяч советских военнопленных, — а вернее, с опыта над двумя тысячами советских военнопленных, — все и началось.

Их привезли в концлагерь Аушвиц в начале сентября 1941 года (а возможно, что несколько сотен поступили и погибли, как кролики, еще в августе). Привезли из окрестных шталагов¹⁶, где незадолго до этого их тоже подвергли селекции и вывели-таки на чистую воду — разоблачили как политруков или как евреев. На территории Рейха в шталагах их расстреливать не полагалось, вот и везли их, в точном соответствии с «Боевыми приказами» начальника РСХА Гейдриха, в их последний путь — в специально отведенные для этого места. Расстрелять их никогда не поздно, но не лучше ли принести их в жертву во имя науки, — науки, определенно центральной в этом Рейхе, — науки убивать людей?

История советских военнопленных в концлагере СС для военнопленных Аушвиц делится на *легендарную*, основанную главным образом на устной истории, и на *документированную*, ведущую свой отсчет от 6 октября 1941 года, когда на них впервые была заведена отдельная картотека.

Отсчет *легендарной истории* начинается чуть ли не тремя месяцами раньше — с середины июля. Именно тогда, по сообщению узника Казимира Смолена, в Аушвиц прибыл первый транспорт с советскими военнопленными¹⁷. Это же подтверждал и комендант лагеря Рудольф Хёсс, уточнивший, что они прибывали небольшими партиями из лагерей в близлежащих областях — вокруг Бреслау, Троппау и Катовица¹⁸. Житель Варшавы З. Барановский сообщил ЧГК, что первая партия советских военно-пленных — около 400 человек — прибыла в Аушвиц 13 августа 1941 года и сразу же, без регистрации, была помещена в так называемый «бункер» — штрафной блок № 11, откуда их водили на работу в щебеночный карьер¹⁹.

Более вероятно, что первая партия военнопленных поступила в лагерь не ранее второй половины августа. Ибо только 14 августа был издан «Организационный приказ ОКВ № 40 об организации лагерей для военнопленных в Рейхе», в соответствии с которым в VIII Военном округе были созданы два шталага на территориях бывших стрельбищ — № 308 в Нойхаммере близ Бреслау и № 318 в Ламсдорфе близ Оппельна. Именно из них шло потом в концлагерь большинство зарегистрированных эшелонов.

Но когда бы первая партия советских военнопленных ни прибыла, стояла она из обреченных на смерть комиссаров и евреев, выловленных бдительным СД и направленных в Аушвиц, собственно говоря, на казнь. Для этого имелось два расстрельных места — или в щепеночном карьере, или у так называемой «стены смерти» во дворе самого страшного из блоков основного лагеря — одиннадцатого (так называемого Бункера).

Но очень скоро от траты пуль отказались — после того как заместитель Хёсса шутцхафтлагерфюрер и гауптштурмфюрер СС Карл Фритцш революционизировал процесс казни. Именно он предложил поэкспериментировать с газами-инсектицидами и, в частности, с гидрогенцианидом — «Циклоном Б», разработанным для уничтожения вредителей на полях и в изобилии складированном в Аушвице²⁰.

Всего таких экспериментов было как минимум три, и все они упоминаются в воспоминаниях Р. Хёсса, а по отдельности — и в других источниках. Самый первый пришелся на то время в конце августа, когда Хёсса вызвали в Берлин на совещание у Эйхмана. На совещании обсуждались вопросы логистики того грядущего нового, что сделает Аушвиц на весь мир знаменитым местом — эпицентром уничтожения евреев!

В отсутствие шефа его заместитель, шутцхафтлагерфюрер Карл Фритцш был занят тем же, чем и Хёсс в Берлине, а именно логистикой Холокоста. В порядке эксперимента он испробовал наличествовавшие инсектициды на «живых кроликах» — советских военнопленных²¹. И произошло это, по-видимому, в конце августа, в так называемом *Monopol-Gebäude*²², в трехэтажном здании, обособленно стоявшем примерно в километре от лагеря (на полпути к вокзалу) и расположенном возле щепеночного карьера. Так это или не так, но именно в это время впервые сошлись все главные предпосылки для такого экспериментирования — наличие а) помещения, б) самого яда и в) смертников-жертв, о числе которых ничего не известно.

О втором эксперименте известно гораздо больше — и не от одного Хёсса. Состоялся он 3 сентября 1941 года и унес жизни 860 человек — 600 советских военнопленных²³, 250 польских больных или инвалидов и 10 польских штрафников, коллективно осужденных за побег узника Яна Новачека 1 сентября²⁴.

К эксперименту явно готовились заранее: в книге регистрации поступающих в «бункер» — ни одной записи о приеме кого-либо в интервале между 31 августа и 5 сентября²⁵. Вечером 3 сентября, в послерабочее время, во всем лагере была объявлена «шперра» — строжайший, под страхом смерти, запрет на выход из жилых блоков²⁶.

Местом экспериментальной казни были выбраны камеры подвала 11-го блока, зарешеченные окна которых лишь узкой полоской выходили на улицу: эти окна присыпали землей. Намеченные жертвы переполнили собой все помещения.

Десять приговоренных к смерти поляков и без того находились к этому времени в бункере²⁷. Из соседней больнички санитары привели или при-

несли еще 250 поляков — туберкулезных больных, отобранных накануне лагерным врачом, доктором Зигфридом Смелой. Затем из бараков привели 600 советских военнопленных, скорее всего только что прибывших — вероятно, всех, что были на этот момент в наличии. Возможно, экспериментаторов интересовали различия в выживаемости больных и относительно здоровых еще людей.

Смерть наступала очень быстро, каждый успевал закричать всего лишь один раз, — похвалялся Хёсс в воспоминаниях. Но действительность была несколько иной: когда назавтра, 4 сентября, рапортфюрер Герхард Палиш, в противогазе, открыл дверь бункера, то увидел, что некоторые советские военнопленные еще живы. Двери тотчас заново закрыли и добавили еще газ. И только после обеда двери открыли, окна освободили от земли и открыли для проветривания. Вечером — снова «шперра».

В безлюдном лагере были собраны 20 штрафников из блока 5а (куда их перевели на время из бункера), все санитары и два помощника из мертвецкой с тачками (своеобразное «зондеркомmando» нулевой формации) для транспортировки трупов в крематорий. Им была обещана дополнительная пища и строго-настрого приказано — молчать об этой операции.

Работа длилась всю ночь и состояла из четырех рабочих этапов и, соответственно, групп. Первые (в противогазах) вытаскивали трупы из бункера на поверхность. Вторые раздевали их догола: больные были в нижнем белье, а военнопленные в форме, в их карманах были документы, деньги и сигареты. Третьи относили трупы во двор блока 11, а четвертые грузили их на тележки и отвозили к крематорию. Но закончить все до утра они так и не успели, поэтому назавтра — в то же время и в том же составе — работа была продолжена. Особенно плохо получалось с проветриванием импровизированной газовой камеры и со сжиганием трупов: на это потребовалось еще несколько дней. Штрафная рота была возвращена в «свой» 11-й блок только 11 сентября.

Следующий — третий — эксперимент состоялся 16 сентября и уже в мертвецкой крематория (использование для этих целей бункера блока 11 создавало столько проблем, что было признано нецелесообразным). Жертвами послужили 900 человек — все советские военнопленные²⁸.

Сведения об убийстве советских военнопленных и польских узников газами просочились наружу, — по-видимому, через тех, кто работал в крематории. В сообщении подпольного бюллетеня Главного командования Союза вооруженной борьбы «Текущий информатор» («Informator bieżący») от 17 ноября 1941 года событие датировалось 5–6 сентября, то есть в точности днями поступления трупов от второго эксперимента в крематорий.

В своих «Записках» Р. Хёсс вспоминал, что в ноябре 1941 года был в Берлине, на совещании у Эйхмана, на котором было дано указание приступить к экспериментам с газацией (удушением газами) в промышленном

масштабе. Он скромно умалчивает о том, что такое указание могло появиться только на основании его, Хёсса, представления и анализа.

Что касается *задокументированной истории* советских военнопленных в Аушвице, то она начинается с 15 сентября. Именно этим числом датируется номинальное «открытие» рабочего лагеря СС для русских военнопленных в составе концлагеря Аушвиц. Под него была отведена и обнесена колючей проволокой под током практически вся территория лагеря слева от браны: блоки 1–3, 12–14 и 22–24, между блоками 14 и 24²⁹ был устроен вход³⁰. Организационно — рабочий лагерь СС и полиции, а не вермахта, как все остальные шталаги и дулаги³¹.

Вторая важнейшая веха в этой истории — 1 октября 1941 года. С этого дня в структуре лагерного управления существовало Спецотделение по организации лагеря для военнопленных под началом группенфюрера СС инженера Хайнца Каммлера. 3 ноября, то есть спустя месяц с небольшим, оно было объединено с Управлением нового строительства СС Аушвиц, в результате чего образовалось Центральное управление строительства СС под началом штурмбанфюрера СС Карла Бишофа³².

Когда начальник политического отдела концлагеря Аушвиц Максимилиан Грабнер, отвечавший за регистрацию узников, обратился к Хёссу с предложением навести порядок в деле регистрации советских военнопленных, тот с улыбкой заметил: «Да не волнуйтесь Вы так, они все равно не жильцы»³³.

Третья такая дата — 6 октября 1941 года. В этот день в лагере зарегистрированы первые советские военнопленные, о чем свидетельствуют фрагменты частично сохранившейся именной картотеки. Это как раз самые начальные ее фрагменты, они насчитывают 18 томов и охватывают 7900 человек, поступивших в Аушвиц-1 менее чем за две недели. Первые сто (ровно сто!) военнопленных были зарегистрированы 6 октября 1941 года. 7 и 9 октября были зарегистрированы две большие партии — примерно в 1800–1900 человек (крайний номер 3833). Затем — странная прогалина примерно в 250 душ (номера с 3834 по 4087), после чего еще около 900 человек, прибывших тоже 9 октября (номера с 4088 по 4999) и примерно столько же — за 14 октября (номера с 5000 до 5899). И далее, вплоть до номера 7900, идут — вперемешку — прибывшие 19 и 20 октября.

С этими данными неплохо коррелируют сведения о транспортах с советскими военнопленными, прибывшими в Аушвиц. Первые два задокументированные из них — с 2014 и 2145 душами — прибыли из шталага 308 в Нойгамме, соответственно, 7, 8 и 9 октября. Сравнение с числом зарегистрированных дает разницу примерно в 300 и 500 человек: вот они — первые жертвы селекции, еще не ставшей рутинной!³⁴ 19, 20 и 25 октября в Аушвиц из шталагов 308 и 318 (что в Ламсдорфе) прибыли еще три эшелона с советскими военнопленными — соответственно, с 1955, 986 и 1908 человек. Задокументирована и партия в 75 человек, прибывшая из Нойгамме 15 ноября.

Сохранились *Totenbücher* — два журнала регистрации смерти советских военнопленных³⁵. Их естественная — уже после селекции, безо всякой газации — смертность была просто чудовищной: за первые 144 дня ведения журналов умерло 8320 человек. При этом в октябре 1941 года умирали в среднем по 51 человеку ежедневно, в ноябре — 122 человека, в декабре — 61 человек, а в январе и феврале 1942 года — по 33 человека в день. Анализ картотеки регистрации и журналов смертности показывает, что к марту 1942 года в живых оставалось лишь 1688 человек из зарегистрированных не позднее 20 октября 1941 года, а медианная продолжительность их жизни располагалась где-то между 2 и 4 неделями³⁶.

Рекордными стали первые четыре дня ноября, когда было зафиксировано соответственно 253, 213, 258 и 352(!) трупа, а также 13–15 ноября: 284, 255 и 201 покойника³⁷.

Зондеркомиссия СД во главе с начальником гестапо в Катовицах д-ром Рудольфом Мильднером, прибывшая в Аушвиц на стыке октября и ноября, разделила военнопленных на четыре группы: фанатичные (около 300 чел.), политически отягощенные (700), политически стоящие вне подозрений (800) и способные к перековке (30). Иными словами, в ноябре к селекции по здоровью добавилась политическая селекция, и не исключено, что ноябрьские пики смертности возникли «благодаря» тем самым «фанатичным» военнопленным³⁸.

Относительно крепких физически «фанатиков» либо расстреляли во дворе 11 блока, либо умерщвляли уколами фенола врачи. Трупы сжигали в Крематории-1, но если он ремонтировался, то их, как, например, 19 ноября, вывозили в Биркенау, где к этому времени уже действовали первые огненные ямы.

Трудоспособных военнопленных эксплуатировали с первого дня, но официальное уведомление Инспектора концлагерей и Уполномоченного по трудовому использованию о введении их трудового использования датировано только 29 ноября. Соответственно вводилась и обязанность вести о трудящихся военнопленных такую же статистику, как и о других группах. Дважды в месяц (каждые 1-е и 15-е число) сообщались сведения об общем количестве, количестве специалистов среди них, трудовом использовании в разрезе профессий и др.³⁹ В конце года было принято решение о строительстве в Биркенау нового гигантского лагеря для советских военнопленных, рассчитанного на 100–125 тыс. человек, — решение, за которым на самом деле «прятались» замаскированный переход к массовой концентрации и подготовка к массовому уничтожению, начиная с 1942 года, уже не военнопленных, а евреев.

Точное число узников Аушвица накануне 1942 года неизвестно: оценочно это около 20 тысяч. В течение 1941 года в лагерь поступило более 27 тысяч узников, среди них 9997 зарегистрированных советских военнопленных и 17 270 иных. Смертность среди зарегистрированных военнопленных составила 83%, а с оценочным учетом незарегистрированных,

то есть прибывших до 6 октября или не прошедших селекцию на рампе после этого, она зашкаливала и за 90%.

Сам по себе концлагерь Аушвиц, изначально созданный в июне 1940 года как своего рода лагерь-тюрьма и, отчасти, транзитный пункт для штрафников-поляков из тюрем Верхней Силезии и Генерал-губернаторства, очень быстро выкуклился из этих своих функций и превратился в средоточие самых жесточайших репрессий истребительного характера по отношению к советским военнопленным и, отчасти, к польским политическим заключенным. Наряду с косвенными приемами уничтожения (нечеловеческие условия в сочетании с тяжелой работой) здесь применялись и прямые методы — экспериментальные и массовые убийства военнопленных и польских заложников посредством расстрелов, впрыскивания фенола или газа.

... На прямой вопрос, кому в концлагере Аушвиц приходилось хуже — евреям или советским военнопленным, такой уникальный польский свидетель как Зигмунд Соболевский — узник Аушвица с порядковым номером 88! — не задумываясь, ответил: «Военнопленным!»⁴⁰

4

Итак, с советских военнопленных, предназначенных для пробных экзекуций с удушением газами, и начинаются все три основополагающие аушвицкие практики, сыгравшие определяющую роль в судьбе евреев, — практика *селекции*, практика *нерегистрации* и практика *убийства в газовых камерах*. Кроме того, использовались они еще и для дезинформации и маскировки подлинных целей палачей: обозначение всего лагеря в Биркенау (Аушвиц-2) как лагеря для военнопленных, но гигантского — вместимостью в 125 тыс. человек, вероятно, могло послужить формальным оправданием и прикрытием для строительства гигантских газoven (как камер по борьбе с вшивостью) и монстров-крематориев⁴¹. Демаскирующим тут является и то обстоятельство, что организацией, курирующей крематории, была не комендатура лагеря Биркенау и не гигиеническая служба концлагеря в целом, а его политическое управление!⁴²

Однако отсутствие регистрации и картотек еще не означает отсутствия иной документации. Так, многочисленны документы, связанные с транспортировкой заключенных в Аушвиц (эшелонные списки, списки прибывших эшелонов и т.д.). Особенно подробны сведения такого рода, документирующие депортацию сюда 437 402 венгерских евреев⁴³. Кроме того, существовали отчеты наверх об итогах проведенных селекций, политический отдел концлагеря направлял их в РСХА в Берлин, а отдел трудового использования — в Ораниенбург, в отдел D II Главного управления концентрационных лагерей СС и полиции безопасности. Отчеты первого типа не сохранились, а вот отчеты второго типа, — по крайней

мере, три — уцелели. В одном из них, датированном 20 февраля 1943 года, сообщалось о трех эшелонах, прибывших из Терезиенштадта 21, 24 и 27 января 1943 года. Всего в них находились 5022 евреев, из них 930, в том числе 614 мужчин и 316 женщин, были отобраны для трудового использования, а прочие 4092 человека, в том числе 1422 мужчины и 2670 женщин и детей, были «устроены по-особому» (*Sonderuntergebracht*)⁴⁴. В таких случаях еще более употребительными, нежели «особое обустройство» (*Sonderunterbringung*), были термины «особое обхождение» (*Sonderbehandlung*) и «особые мероприятия» (*Sondermaßnahmen*). Но смысл их был всегда один и тот же — «ликвидация», или «убийство».

Сведения о самом лагере смерти, о его временных обитателях и их вечной трагедии, день изо дня столь рутинно и буднично разыгрывавшейся в Аушвице, достигали союзнических штабов, но, как правило, клались под сукно и на протяжении долгого времени в прессу упорно не попадали⁴⁵.

Комитет по делам военных беженцев при правительстве США предал гласности справку об уничтожении в Аушвице, по состоянию на ноябрь 1943 года, около 1,5 млн евреев. Вальтер Розенберг (он же Рудольф Врба) на процессе А. Эйхмана в 1961 году называл еще большую цифру — 1750 тыс. по состоянию на 7 апреля 1944 года и на основании коллективного учета транспортов, а также 2,5 млн — как суммарную оценку⁴⁶. Эта цифра — максимальная из всей информации, поступившей от аушвицкого подполья. Она была сложена из еврейского населения следующих стран (в тыс. чел.): Польша — 900, европейские евреи, уже доставленные на территорию Польши, — 300, Франция — 150, Голландия — 100, Германия — 60, Бельгия — 50, Югославия, Италия и Норвегия — 50, Греция — 45, Литва — 30, Чехия, Моравия и Австрия — 30, Словакия — 30.⁴⁷ С учетом данных о смертности других национальностей общее число убитых в Аушвице оценивалось подпольщиками приблизительно в 2 млн человек. И, хотя многие оценки существенно завышены по сравнению с поддающейся верификации действительностью, все же нельзя не подивиться тому вниманию, какое руководителями подполья уделялось такого рода подсчетам и оценкам, как и той тщательности, с которой каждая новая информация аккумулировалась и обрабатывалась в их руководстве.

Близкие цифры циркулировали и во втором центре подпольного сопротивления в Аушвице — среди еврейских членов зондеркоммандо. И Залман Градовский, и Залман Левенталь упоминали в своих сотрясающих душу записках «миллионы» евреев, прошедших буквально через их руки. Другие зондеркоммандовцы давали следующие оценки: Станислав Янковский, он же Альтер Файнзилбер, — 2 млн чел., Яков Каминский — 2,5 млн чел. (по состоянию на август 1943 года и в передаче Я. Гордона), Хенрик Таубер и Шлоймо Драгон — 4 млн чел., Хенрик Мандельбаум — 4,5 млн чел.⁴⁸

Того же порядка и оценки еврейских жертв нееврейскими узниками Аушвица. Поляк Казимир Смолен, работавший писарем в регистратуре

политического отделения, утверждал, что из числа зарегистрированных узников концлагеря погибли не менее 300 тыс. чел., тогда как число незарегистрированных жертв составляло, по его оценке, 2,5 млн чел., итого — 2,8 млн чел. Там же работала и Станислава Рахвалова: она слышала о том, что число жертв — от 4 до 5 млн чел. Витольд Кула оценивал эту величину в 3,5–4,0 млн чел., Эрвин Ольшовка — в 4,0–4,5 млн чел., а Казимир Чижевский полагал, что их было от 4 до 5 млн чел. Немец Ганс Рот говорил о 4 млн, добавляя при этом, что это, мол, было известно каждому. Бернар Шардибо, капо⁴⁹ складской команды в базовом лагере Аушвиц-1, давал максимальную из оценок такого рода — 5,0–5,5 млн чел.⁵⁰ Близкие цифры называли и два венгерских свидетеля — Бела Фабиан говорил о 5,1 млн чел. (11 апреля 1945 года)⁵¹, а доктор Дьюла Галь — о 5 млн жертв, из них 3,5 млн евреев и 1,5 млн поляков и русских (22 марта 1945 года)⁵².

И, как ни странно, того же порядка оценки у большинства из представителей «палачей» (млн чел.): Пери Броуд и Фридрих Энтрес — 2,0–2,5, Вильгельм Богер — не менее 4,0; Влодзимеж Билан — 5,0–5,5 млн⁵³, начальник политического отделения концлагеря Максимилиан Грабнер — от 3 до 6 млн⁵⁴.

Особенно интересны в этой связи признания самого информированного из свидетелей — коменданта Хесса. В своих показаниях на Нюрнбергском процессе он назвал 2,5 млн чел. как суммарную величину еврейских жертв в Аушвице, сославшись при этом на А. Эйхмана. При этом сам Хесс находил эту оценку завышенной: *«Возможности уничтожения даже в Аушвице были не безграничны»*. И когда он попытался восстановить по памяти число еврейских жертв по отдельным странам, то назвал следующий ряд цифр (тыс. чел.), суммирующий в 1,13 млн чел., хотя и явно неполный: Верхняя Силезия и Генерал-губернаторство — 250, Германия и Терезиенштадт — 100, Голландия — 95, Бельгия — 20, Франция — 110, Греция — 65, Венгрия — 400, Словакия — 90⁵⁵.

Что касается самого Эйхмана, то на своем процессе в Иерусалиме он отказался подтвердить или опровергнуть какую-либо конкретную цифру числа своих жертв в Аушвице.⁵⁶

5

Начальный этап определения количества жертв в Аушвице был напрямую связан с результатами расследования советской ЧГК, приступившей к своей деятельности почти сразу же после освобождения лагеря. Была создана специальная Экспертная техническая комиссия⁵⁷, опросившая около 200 бывших узников и бывших сотрудников концлагеря; среди лиц, активно с нею сотрудничавших, были и трое бывших зондеркомандовцев, добровольно вернувшиеся на место бывшего лагеря, — Х. Таубер, Ш. Драгон и Х. Мандельбаум⁵⁸. Комиссия основательно изучила также сохра-

нившиеся чертежи и документацию о крематориях и газовых камерах Аушвица-Биркенау и их остатки на местности.

В печати, в частности в «Красной Звезде» (в предпоследний день войны — 8 мая 1945 года!⁵⁹), были опубликованы только окончательные выводы Комиссии по интересующему нас вопросу. Необычайно выразительно то, что евреи в тексте Сообщения ЧПК об Освенциме практически не упомянуты! Зато упомянуты — и напрасно! — граждане Румынии и Болгарии, отнюдь не характерные для контингента узников Аушвица (хотя часть румынских евреев из Трансильвании, в 1940–1945 гг. входившей в Венгрию, действительно, попала в Аушвиц — вместе с собственно венгерскими евреями).

Выводы Комиссии базируются исключительно на технологических параметрах оборудования по уничтожению людей и содержат целый ряд мелких и крупных неточностей. Заметить и понять их помогает сравнение с промежуточными данными и результатами, впервые сведенными нами воедино и представленными в *Приложении 5*.

Так, в первом из своих расчетов — «Расчете по определению количества людей, уничтоженных немцами в лагере Освенцим» — Комиссия, разбив деятельность лагеря смерти на этапы и просуммировав поэтапные данные, пришла к выводу, что в Аушвице были убиты газами и сожжены 4058 тыс. чел., или, округленно, 4 млн чел. При этом она допустила несколько серьезных просчетов, в том числе и арифметических. Ориентируясь, по-видимому, не столько на технические параметры установок, сколько на показания зондеркомандовцев, они заложили в расчет явно завышенные (причем существенно — в среднем в 1,5 раза) данные о суточной пропускной способности крематориев. Но самое главное: неравномерность работы крематориев хотя и учтена (с помощью поправочных коэффициентов), но очень существенно недооценена. Такой сверхнапряженной ситуации, как во время «венгерской операции», не было ни до, ни после нее.⁶⁰ Не вполне точны и данные о количестве месяцев эксплуатации крематориев (отклонения от действительных составили от 1–3 до 11 месяцев!).

В окончательном «Акте» Комиссии⁶¹ суммарный итог, взятый даже без учета костров при бункерах 1 и 2⁶², составил даже ощутимо большую, нежели 4058 тыс. чел., величину, а именно 5121 тыс. чел. С этим еще предстоит разобраться, но в качестве гипотезы выскажем предположение, что здесь не были учтены поправочные коэффициенты из первого расчета, учитывавшие фактическую наполняемость крематориев в разные периоды. Решительно непонятно, зачем нужно было приводить еще более высокую цифру, если официальный итог был назван все равно таким же, как и в предыдущем расчете, — не менее 4 млн чел.

Сразу же после окончания работы советской Комиссии к работе приступила и польская, созданная в рамках Главной Комиссии по расследованию немецких преступлений в Польше. Она могла уже опереться на ряд материалов, не доступных зимой и ранней весной 1945 года, в том числе и на показания Хесса. Тем не менее и она взяла за основу цифру, равную не

менее 4 млн жертв. Иными словами: расхождений между официальной советской и официальной польской оценками числа жертв практически не было!

Та же цифра была затвержена и на Главном процессе над нацистскими преступниками в Нюрнберге⁶³. Она представляла собой, по сути, демографический официоз, закрепленный в заключениях международных и государственных организаций и судов. Еще долгое время она оказывала сильнейшее давление не только на мемориальную работу в музеях, но и на самую историческую науку, особенно в восточноевропейских странах.

Так что не удивительно, что именно она была высечена и на мемориальных плитах, встречающих посетителя мемориала в Биркенау почти сразу же после того, как он миновал рампу. Надпись на двадцати двух языках гласила:

«Да будет на века криком отчаяния и предостережения для человечества это место, где гитлеровцы уничтожили около четырех миллионов мужчин, женщин и детей, большей частью евреев, из разных стран мира. Аушвиц, Биркенау. 1940–1945».

Сами по себе такие неточности вполне понятны, они даже почти неизбежны и поэтому простительны для столь раннего этапа исследования лагеря — считанные недели спустя после его освобождения! Хуже другое: этот сырой — и уже тогда недостоверный — результат в 4 млн чел. был санкционирован идеологически и сразу же принят за истину в последней инстанции, а со временем и закреплен везде, где только можно: в экспозиции музея, в путеводителях по нему и даже в памятных гранитных досках при входе...

Существование альтернатив или хотя бы сомнений было начисто проигнорировано. А ведь от пресловутых четырех миллионов отклонялись еще цифры Верховного Народного суда Польши, приговорившего Р. Хесса к смертной казни за ответственность в убийстве 300 тыс. зарегистрированных узников Аушвица, а также не поддающегося установлению числа, но никак не менее 2,5 млн незарегистрированных узников, главным образом евреев, и 12 тыс. советских военнопленных. Интересно, что при обосновании приговора фигурировала в качестве наиболее вероятной следующая «вилка» вероятного числа жертв — не менее 3 и не более 4 млн чел.

Относительно этих цифр суд заказал два заключения: одно — уже знакомому нам профессору Р. Давидовскому (оно мало чем отличалось от его прежних коллективных расчетов), а второе — Нахману Блументалю. Последний применил совершенно другой подход и оттолкнулся от общего количества польских евреев, убитых в Шоа. Эта цифра принималась в Польше равной 3 млн чел. Проанализировав данные о числах погибших польских евреев в других пяти лагерях смерти, а также о числе депортированных в Аушвиц евреев из других европейских стран, Блументаль пришел к выводу о том, что в Аушвице погибли от 1,3 до 1,5 млн евреев, в том числе около 1 млн европейских евреев, включая сюда и 450 тыс. венгерских⁶⁴.

Западные исследователи были много свободнее от такого гипноза, отсюда и большой разброс в соответствующих оценках — от 770 тыс. у

Джеральда Рейтлингера до 2,5 млн у Аарона Вайса и Иегуды Бауэра. Кажется, лишь один из них один — Ойген Когон с его оценкой в 3,5–4,5 млн чел. — вписывался в систему советско-польских демографических взглядов⁶⁵.

Оценка Рейтлингера не только самая низкая, но и, как оказалось, наиболее точная. Но она еще и самая ранняя: английское первое издание его классической книги «Окончательное решение. Попытка Гитлера уничтожить европейских евреев в 1939–1945 гг.» вышло в 1953 году⁶⁶. Позволим себе процитировать то место, от которого впоследствии оттачивались все будущие исследователи:

«Что касается общего количества евреев, признанных на рампы Аушвица и Биркенау для селекции, то их можно довольно точно сосчитать для западно- и центральноевропейских, а также для Балканских стран; чего не скажешь о Польше. Не за что уцепиться и в вопросе о доле среди них тех, кого отправили в газовые камеры. Эта доля была сравнительно низкой до августа 1942 года и после августа 1944 года, но в промежутке она могла опускаться в отдельных случаях до 50% и тут же взвиваться до 100%. В нижеследующей таблице учтены транспорты из Франции и Греции, направлявшиеся в Майданек, 34 тысячи голландских евреев, перенаправленных в Собибор, а также различные транспорты в Терезиенштадт, Бельзен и Равенсбрюк:

Бельгия	22 600
Хорватия	4500
Франция	55 000
Великогермания (включая концлагеря и Протекторат, только прямые эшелоны)	*20 000
Великогермания и Протекторат (через Терезиенштадт)	41 500
Греция	50 000
Нидерланды	62 000
Венгрия (в границах военного времени)	380 000
Италия	5000
Люксембург	2000
Норвегия	700
Польша и Балтийские страны	180 000
Словакия (в границах 1939 г.)	20 000
[ИТОГО:]	843 300

*Неточные данные.

Лишь немногие из этого огромного количества в настоящее время живы; самое меньшее 770 тысяч погибли в Аушвице до момента эвакуации лагеря в январе 1945 года. В газовых камерах Аушвица умерли сразу же по прибытии от 550 000 до 600 000 чел., однако из тех, по меньшей мере, 300 000, которые умерли уже после того, как поступили в один из лагерей-филиалов, многие нашли свою смерть именно в газовых камерах⁶⁷.

Но только в 1967 году текст на двадцати двух мемориальных плитах был откорректирован: вместо четырех миллионов стало полтора.

Но и эта оценка представлялась многим исследователям все же завышенной. Такие ученые, как Рауль Хильберг, Вольфганг Шеффлер и Эдвард Крэнкшоу, исходили из 1 млн еврейских жертв в Аушвице⁶⁸, а Жорж Веллер — из 1352 тыс.⁶⁹

В то же время Мартин Гилберт исходил из 1,5 млн⁷⁰, «Энциклопедия Холокоста» — из 1,6 млн⁷¹, Леон Поляков, Люси Давидович и Йозеф Биллиг — из 2 млн чел.⁷², Иегуда Бауэр — из 2,5 млн⁷³, а Аарон Вайс — извилки между 1 и 2,5 млн чел.⁷⁴ Однако за названными цифрами чаще всего стоят не собственные исследования, а то или иное отношение — своего рода поправочные коэффициенты — к демографическому официозу или к оценкам предшественников. Так, Биллиг, например, получает свою цифру в 2 млн как... среднюю величину между оценками Хесса и Эйхмана (затем он прибавляет к ним 230 тыс. зарегистрированных умерших узников-евреев).

По-настоящему оригинальной стала работа Жоржа Веллера, опубликованная в 1983 году. Он шел как бы по методическим следам Рейтлингера и заново проанализировал потоки депортированных в Аушвиц из отдельных стран. Опираясь на уточненную уже во многом эмпирику, он насчитал в общей сложности 1613 тыс. чел., депортированных в Аушвиц (см. табл. 1).⁷⁵

Таблица 1
Количество лиц, депортированных в Аушвиц в 1940–1945 гг., и лиц, убитых или умерших в Аушвице (по Ж. Веллеру, чел.)

Категории	Депортировано	Убито или умерло	Доля погибших, %
Итого	1 613 455	1 471 595	91,2
В т.ч.:			
Евреи	1 433 405	1 352 980	94,4
Поляки и прочие	146 605	86 675	59,1
Цыгане	21 665	20 255	93,5
Русские	11 780	11 685	99,2

Источник: *Welters*, 1983. S. 125–159.

Иной подход продемонстрировал разве что Рауль Хильберг, исходивший, как и Н. Блументаль, из того, что всего в шести лагерях уничтожения на территории современной Польши погибли 3 млн евреев, из них более 1 млн — в Аушвице, 750 тыс. — в Трешлинке, 600 тыс. — в Белжеце, 200 — в Собиборе, 150 — в Хелмно и 50 — в Майданеке.

Результаты и Веллера, и Хильберга поставил под сомнение Ф. Пипер — один из тех польских ученых, кто в свое время твердо держался демографических пропилеев 1945–1946 гг. Это не помешало ему — уже в 1990-е гг. — заново проанализировать всю соответствующую литературу и отважиться как на ее критический пересмотр, так и на свою собственную оценку (см. табл. 2)⁷⁶.

Таблица 2

**Количество лиц, депортированных в Аушвиц в 1940–1945 гг.,
и лиц, убитых или умерших в Аушвице (по Ф. Пиперу, тыс. чел.)**

Категории	Всего 1305	Незарегистрированные 905	Зарегистрированные 400
Итого			
В т.ч. убитые или умершие	1082	880	202
Евреи	1095	890	205
В т.ч. убитые или умершие	960	865	95
Поляки	147	10	137
В т.ч. убитые или умершие	74	10	64
Цыгане	23	2	21
В т.ч. убитые или умершие	21	2	19
Советские военнопленные	15	3	12
В т.ч. убитые или умершие	15	3	12
Остальные (чехи, русские, украинцы, белорусы, югославы, немцы, австрийцы и др.)	25	–	25
В т.ч. убитые или умершие	12	–	12

Рассчитано по: Piper, 1993. S. 200, 202. Table 29, 31.

Исправляя неточности Рейтлингера и Веллера (но, к сожалению, не оговаривая их подробно), он дает свою вилку величины убитых в Аушвице евреев — от 960 тыс. до 1 млн чел. Однако новейшие разыскания Кристиана Герлаха и Геца Али показали, что около 105 тыс. венгерских евреев, депортированных в Аушвиц, были не уничтожены, а переброшены оттуда в другие лагеря.⁷⁷

Поэтому в соответствующей поправке нуждается и суммарное число еврейских жертв в этом лагере: Дитер Поль оценивает его приблизительно в 900 тыс. чел.⁷⁸

6

Очередную статистическую «революцию» — почти двукратное сокращение числа еврейских жертв в Аушвице — попытался произвести журналист из «Шпигеля» Фритьоф Мейер⁷⁹. Свою аргументацию он почерпнул из уже озвученных (во время процесса Д. Ирвинга против Д. Липштадт в Лондоне в 2000 году) и опубликованных, но, по его мнению, недооцененных документов. Его первое журналистское «открытие» — в переписке между фирмой «Гепф и сыновья» и СС вокруг строительства крематориев в Аушвице встречается внутреннее противоречие: если принять верными и универсальными данные о пропускной способности крематориев, то придется, мол, менять и статистику. Само противоречие Мейер никак не анализирует, и все обстоятельства, аргументирующие иные цифры, а главное — документирующие иную практику, начисто игнорирует.

Второе его «открытие» — новое прочтение того эпизода из показаний Р. Хесса, где он говорит, что крематории нельзя было держать в рабочем

состоянии постоянно, так что их приходилось останавливать каждые 8–10 часов⁸⁰. Вывод: в крематориях II и III за 971 их рабочих дней могло быть сожжено не более чем 262 170 трупов, а в крематориях IV и V за 359 рабочих дней — не более чем 51 696, итого — 313 866. Еще 107 тыс. были сожжены в ямах-кострах возле бункеров 1 и 2⁸¹. А с учетом тех 12 тыс. трупов, что были, по Ф. Мейеру, сожжены в старом крематории I, он и приходит к такому результату: в Аушвице были сожжены в общей сложности 433 тыс. трупов.

В действительности гипотеза о многократных остывании и разогреве крематориев, как и гипотеза о многонедельных простоях крематориев, противоречит десяткам свидетельств, в том числе и из самых первых рук — от зондеркомандовцев и от эсэсовцев, а также ежесуточной отчетности о занаряживании рабочих команд в Биркенау, в том числе и «зондеркомандо»⁸².

Тем «купелом», который Ф. Мейер стремится опровергнуть, является та самая обновленная оценка количества жертв, представленная в работах историков из Освенцима, в частности Ф. Пипера. Цифры, к которым пришел Пипер, представлены в табл. 2: из 1305 тыс. депортированных в Аушвиц 1095 были евреями, из них 205 тыс. были зарегистрированы, а 895 не были, причем из 960 тыс. погибших в Аушвице евреев 865 тыс. пришлось на не зарегистрированных и еще 95 тыс. — на зарегистрированных.

Интересно, что на самого Ф. Пипера Мейер практически не нападает: он упрекает его лишь для блезиру — в том, что количество венгерских евреев до сих пор не уточнено, а также в том, что 300 тыс. чел. как оценка депортированных из Польши — это чересчур много.⁸³ В качестве «девочки для битья» он берет коллегу Пипера по музею — Дануту Чех, составительницу фундаментального «Календарiums Аушвица», где строго хронологически и весьма тщательно сведены воедино практически все основные сведения о том, что происходило в Аушвице, в том числе перечислены все известные ей транспорты⁸⁴. Общее число депортированных в Аушвиц, без учета венгерских транспортов, оценивается ею, по словам Ф. Мейера, в 735 тыс. чел. Отнимая от этой цифры 400–405 тыс. чел. зарегистрированных узников⁸⁵, а также (и, кстати, по второму разу) 15 тыс. советских военнопленных, он получает цифру в 315 тыс. узников, оставленных без регистрации. Далее он суммирует тех, кто не погиб в Аушвице: 225 тыс. были переведены в другие лагеря⁸⁶, 59 тыс. были эвакуированы в январе 1945 года и еще 8,5 тыс. остались в Аушвице и его филиалах, все остальные, то есть 428 500 чел. (что крайне близко к рассчитанному Мейером только что числу трупов!), и суть погибшие в Аушвице!

Не подумайте только, что Мейер умолчал или забыл о венгерских евреях. Тут он даже опирается на данные Д. Чех (60 транспортов, около 180 тыс. чел., из них 29 тыс. зарегистрированные): при этом, с одной стороны, он умалчивает о том, что эти данные неполные, а с другой — не упускает случая указать, со ссылкой на К. Герлаха и Г. Али, что 110 тыс. из них были переадресованы в другие лагеря⁸⁷. Таким образом, для газовен остается

всего лишь 40 тыс. венгерских евреев! И чем это занимались чуть ли не 800 человек зондеркомандовцев с середины апреля и по середину июля 1944 года — занимались, да так, что их даже переселили поближе к работе?!..

Прибавив эти 40 тысяч к ранее уже полученным примерно 430 тысячам и накинув еще 30 тысяч на прочие, помимо газовых камер, способы жизнеотрешения (расстрелы, уколы, медицинские эксперименты), Ф. Мейер пришел к неожиданно круглой цифре в полмиллиона еврейских жертв в Аушвице (в самом конце он набросит еще 10 тыс.). При этом он неожиданно добавил, что только 356 тыс. из них погибли в газовых камерах⁸⁸: если до этого все его шаги были хоть как-то, но аргументированы, то здесь, радикально меняя структуру орудий уничтожения, он обошелся и без подпорок.

При этом у Ф. Мейера хватило бесстыдства глумливо заметить, что то обстоятельство, что неработоспособные люди после селекции отправлялись в камин, вообще-то нигде и никем не задокументировано⁸⁹: этот аргумент настолько не нов и настолько знаком, что делает трудно различимой разницу между отрицателями прошлых лет и «неоревизионистом» Мейером из уважаемого журнала⁹⁰.

Впрочем, согласно Ф. Мейеру, последнее до него слово в деле оценки главной трудовой деятельности СС в Аушвице-Биркенау произнес все же не Пипер, а Жан-Клод Прессак⁹¹: количество убитых — в вилке от 631 до 711 тыс. чел., из них от 470 до 550 тыс. — убитые в газовых камерах и не зарегистрированные евреи, 126 тыс. — узники, чья смерть была зарегистрирована, 15 тыс. — советские военнопленные, 20 тыс. — прочие, среди них цыгане.

При этом Мейер игнорирует ремарку Прессака о том, что его оценка фиксирует лишь абсолютный *минимум*, тогда как источники, могущие ее увеличить, еще не обработаны или не обнаружены⁹². Свой же собственный результат Мейер конкретизирует так: *не более* 510 тыс. мертвецов, из них 356 тыс. умерших в газе.

Свою статью Мейер заканчивает следующей красивой фразой: «*Этот результат не релятивирует варварство, но уточняет его истинные размеры — жесткое предупреждение против новой цивилизационной катастрофы*». В ней, как в капле воды, отразилась вся его «методология» — запутать и оглушить читателя мнимой сенсационностью.

Собственно говоря, это идеология отрицательства, но в его новой, микрирующей под классическую историческую науку, версии — редукционистской: мол, мы не будем больше отрицать сам факт Холокоста или существования газовых камер, но мы сведем его размеры до минимально возможного и тем самым выьем табуретку хотя бы из-под «мифа о шести миллионах».

¹ Эсэсовский врач И. Кремер (*Kremers Tagebuch*, 1971).

² Термин *Lebensentziehung* встречается в технической документации газовых камер и

крематориев; в качестве его перевода можно предложить следующие варианты: «кизнелишение», «жизнеотъятие», «жизнеотрешение» и даже «обезжизнение» и «отрешение от жизни». Не менее впечатляющим термином является обозначение газовых камер словом *Entwesungskammer* — «камера для уничтожения существования»! (ГАРФ. Ф.Р-7021. Оп. 108. Д.30. Л.41об.).

³ Цитирую по: Piper, 1993.

⁴ Эти документы поступили в Главное архивное управление НКВД СССР от Уполномоченного НКВД по 4-му Украинскому фронту при отношении № 6070 от 26 марта 1945 г. и находились в состоянии почти полной россыпи. См. соответствующий отчет: «Архив Германского концентрационного лагеря в Освендипе (Аушвице). Краткий обзор» от 4 сентября 1945 г., подписанный начальником 3-го отделения организационно-инспекторского отдела Главного архивного управления НКВД СССР лейтенантом Милоушиным (ГАРФ. Ф.Р-7021. Оп. 108. Д.30. Л. 1-45об.). От внимания составителей отчета не ускользнуло, что комплекс вопросов, связанных с евреями, в уцелевших документах нашел себе отражение в наименьшей степени (Л.9об.), что говорит косвенно и о том, что именно эти документы в наибольшей степени уничтожались накануне оставления лагеря.

⁵ См. подробно в настоящем издании.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп.108.

⁷ См. Приложение 5.

⁸ От *rampe* (фр.) — слабоклонный пандус между двумя разными уровнями, обычно служащий для перемещения транспортных средств на железнодорожных платформах, на складах и т.п. Так называлась широкая платформа между двумя железнодорожными путями в Аушвице, а затем и в Биркенау, на которой, выбравшись из вагонов, оказывались новоприбывшие жертвы и где происходила селекция.

⁹ «Мусульманами» («мозл-менер» на идише) в концлагерях назывались заключенные, дошедшие до крайней степени истощения. Как ставших непригодными к работе их после внутрилагерной селекции чаще всего уничтожали.

¹⁰ Для чего раз в месяц, а то и чаще, все узники проходят через визуальный медицинский контроль.

¹¹ См.: Strzelecki, 2000b. S. 134.

¹² Задokumentировано как минимум одно легкое отравление члена СС газом «Циклон Б» (см. особый приказ коменданта Р. Хесса от 12 августа 1942 г. в: *Auschwitz-Prozess 4 kS 2/63*, 2004. S. 292).

¹³ August, 2009.

¹⁴ Если отвлечься от оккупированных частей СССР, то в Хелмно приступили к массовому уничтожению евреев раньше всех — еще в декабре 1941 г. (действовали по март 1943 г.). Расположенный недалеко от Лодзи (Литцманштадта), он «отвечал» за уничтожение нетрудоспособных евреев и цыган в Вартегау. Трешлинка, Белжец и Собибор отвечали за то же, но в Генерал-губернаторстве (действовали с июля 1942 по март-октябрь 1943 г.): организационно они были объединены в рамках так называемой «Операции Рейнхард», целью которой была месть за убийство чешскими партизанами Р.Гейдриха в июне 1942 г. Как явствует из так называемых телеграмм Хефле от 11 января 1943 г. (Witte, Tyas, 2001), частью этой широкой операции СС была акция «Праздник урожая», увенчавшаяся расстрелом в Майданеке 3 ноября 1943 г. — в отместку за восстание в Собиборе — практически всех евреев Люблина и его окрестностей, без селекции по степени их трудоспособности.

¹⁵ В Шгутгоф поступали евреи из Прибалтики, а также часть эшелонов, перенаправленных из Аушвица, в мае-июле 1944 г. не справлявшегося с усилившимся потоком.

¹⁶ От *Stalag* (*Stammlager*) — стационарные лагеря для военнопленных (в отличие от транзитных лагерей — дулагов: от *Dulag*, или *Durchgangslager*).

¹⁷ Brandhuber, 1961. S. 15.

¹⁸ АРМАВ. Н68-Процесс. Bd.21. Bl, 2, 162.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп.108. Д.38. Л.21. По его словам, их и еще 100 поляков, больных

туберкулезом, вскоре удушили газом. См. также свидетельства Людвига Р. (*APMAB*. Нёß-Prozess. Bd.4, Bl. 53–58) и Богдана Г. (Prozess gegen die SS-Mitglieder des Auschwitz Lager, Bd.54, Bl.207).

²⁰ См. о газе и о его действии ниже.

²¹ *Czech*, 1989. S. 115–116.

²² Здание ранее принадлежало государственному управлению монопольной табачной торговлей. В 1940–1941 г. использовалось в качестве помещения для карантина прибывающих в лагерь польских узников.

²³ Брандхубер утверждает, что то были офицеры и комиссары, о чем сохранились свидетельства членов импровизированной зондеркомандо, видевших документы убитых, однако ссылок, прогив обыкновения, не приводит (*Brandhuber*, 1961. S.17).

²⁴ *Czech*, 1989. S.116–117.

²⁵ *Czech*, 1989. S. 117. Со ссылкой на: *APMAB*. Нёß-Prozess, Bd.2, Bl.97; Bd.4, Bl.21, 34, 99, 128; Bd. 54, Bl. 207; Bd.78,Bl.1. Aussagen ehemaligen Häftlinge.

²⁶ З. Соболевский сообщает, что аналогичная мера — в форме своего рода разового комендантского часа — применялась и в самом городке Аушвиц. В дни, когда прибывали транспорты с евреями, их разгрузка откладывалась до вечера, а жителям города запрещалось выходить на улицы после 21 часа.

²⁷ В связи с экспериментом остальных обитателей шпрафного блока переместили в блок 5.

²⁸ *Höss*, 1958. S. 122–126.

²⁹ В блоке 24 и находились Политуправление и регистраура, а одно время и лагерный бордель.

³⁰ *Czech*, 1989. S. 122. Со ссылкой на: *APMAB*. Нёß-Prozess, Bd.4, Bl.71, 122; Bd.7, Bl. 219. ? также: *Brandhuber*, 1961. S.18.

³¹ Аналогичный «артефакт» был еще только в Майданеке. Тамошний «Лагерь СС для военнопленных/Люблин» был переименован в нечто более заурядное — в «Концентрационный лагерь СС Люблин» — по указанию Гимmlера от 16 февраля 1943 г. (*APMM*. If17).

³² *Czech*, 1989. S. 137–138. Со ссылкой на: *APMAB*. D-Aul-3a, Ordner 17, Bl. 289, 292.

³³ *ГАРФ*. Ф.Р-7021. Оп.108. Д.34. Л.25. Особенно актуально это было для военнопленных-евреев: именно для их выявления в процедуру регистрации военнопленных входил и их медицинский осмотр с раздеванием догола или со спусканием штанов.

³⁴ *Czech*, 1989. S. 126. Со ссылкой на: *APMAB*. Нёß-Prozess, Bd.4, Bl. 64, 71, 128; Bd.7, Bl. 219; D-Aul-3/1...7646. Kartei der russischen Kriegsgefangenen. О первом эшелоне известно, что он был подвергнут некоей холодной дезинфекции.

³⁵ *APMAB*. D-Au 1-5/1. Первый журнал охватывает период с 7 октября по 15 ноября 1941 г., второй — дальше, вплоть до 28 февраля 1942 г.

³⁶ *Brandhuber*, 1961. S. 33, 36. См. также: *Czech*, 1989. S. 131–136. Со ссылкой на: *APMAB*. D-Aul-3/1...7646. Kartei der russischen Kriegsgefangenen; D-Aul-5/16 Kgf. Lager Auschwitz, Totenbuch, Krankenbau.

³⁷ *Brandhuber*, 1961. S.25.

³⁸ Жан-Клод Прессак, решительно игнорируя все иные свидетельства, счел — совершенно безосновательно — именно работу этой комиссии главной предпосылкой для первой газации, каковую он продагировал, соответственно, декабром 1941 г. (*Pressac*, 1995. S. 41–42.)

³⁹ *Czech*, 1989. S. 148. Со ссылкой на: *APMAB*. D-Aul-5/1, R. Kgf-Lager Auschwitz, Totenbuch, Krankenbau; Нёß-Prozess, Bd.8, Bl. 20, 79, 81.

⁴⁰ Интервью с З. Соболевским (*УИА*. 03/8410. P. 31). Соболевский прибыл в Аушвиц еще в июне 1940 г., с самым первым транспортом. Работал сначала в стюлярной мастерской, затем в пожарной команде.

⁴¹ Симптоматично, что строительство объектов для проведения «особых мероприятий» в «лагере для военнопленных» в Биржанау было самым крупным из всех строительных объектов концлагеря

в 1942 г.: на него приходилось около 1/3 всего строительного бюджета лагеря — 18,1 из 51,8 млн рейхсмарок по состоянию на 26 октября 1942 г. (ГАРФ. Ф.Р-7021. Оп. 108. Д.30. Л.16об.-17).

⁴² ГАРФ. Ф.Р-7021. Оп. 108. Д.30. Л.38об.

⁴³ Piper, 1993. S. 69–70.

⁴⁴ Цит. по: Piper, 1993. S. 65–67. Со ссылкой на: АРМАВ. D-Aul-3a/65-66. Arbeitseinsatz — Briefe und Telegramme betr. den Arbeitseinsatz von Häftlingen.

⁴⁵ См. главу «Что и когда союзники знали об Аушвице» в настоящем издании.

⁴⁶ Vrba — Bestic, 1968. S. 310–313. См. также: Piper, 1993. S. 81–82.

⁴⁷ Отметим методическую сторону: это первый случай расчета числа еврейских жертв в разрезе стран их происхождения.

⁴⁸ Piper, 1993. S. 84–85.

⁴⁹ Аббревиатура от КаРо — *Kameradschaft-Polizei*. Часто, но ошибочно, возводится или к не существовавшему термину *Kazet-Polizei*, или к итальянскому *capo* — начальник.

⁵⁰ Piper, 1993. S. 85–86.

⁵¹ Piper, 1993. S. 93. Факсимиле статьи из «Los Angeles Times» от 8.5.1945.

⁵² ЦАМО. Ф.243. Оп.2914. Д.272. Л. 145.

⁵³ Piper, 1993. S. 86–87.

⁵⁴ См. его показания ГАРФ. Р-7021. Оп.108. Д.34. Л.5.

⁵⁵ Höss, 1958. S. 162–163.

⁵⁶ См.: Pendorf, 1961.

⁵⁷ В составе двух польских и двух советских специалистов — двух профессоров и инженеров из Кракова Р. Давидовского и Я. Долинского, кандидата химических наук инженер-майора В.Ф. Лаврушина и инженер-капитана А.М. Шуера

⁵⁸ С помощью Ш. Драгона и была обнаружена и упоминавшаяся уже выше рукопись З. Градовского.

⁵⁹ Интересно, что в тот же день советская цифра — 4 млн жертв в Освенциме — была опубликована и в США (со ссылкой на сообщение «Ассошиэйтед пресс» от 7 мая 1945 г.).

⁶⁰ См. детальнее в: Piper, 1993. S. 94.

⁶¹ См. Приложение 5.

⁶² Не путать с «Бункером» в блоке 11 основного лагеря!

⁶³ На последующих процессах, связанных с Аушвицем, эта цифра постепенно поползла вниз: в процессе «IG Farbenindustrie» — до 3–4 млн, в процессе Поля — до 3 млн чел. (см. Piper, 1993. S. 96).

⁶⁴ Piper, 1993. S. 95–96.

⁶⁵ Kogon, 1974. S. 157.

⁶⁶ Reitlinger, 1953. Переиздана в 1971 г. Немецкий перевод: Reitlinger, 1958.

⁶⁷ Reitlinger, 1958. S. 523–524. Позднее Рейтлингер несколько пересмотрел свои результаты в сторону их незначительного увеличения: из прибывших в Аушвиц 800–900 тыс. евреев погибли 790–840 тыс.

⁶⁸ Hilberg, 1982. S. 811; Scheffler, 1961, S. 78; Crankshaw, 1959, S. 191 ff.

⁶⁹ Wellers, 1983. S. 125–159.

⁷⁰ Gilbert, 1982, S. 100.

⁷¹ *Encyclopaedia of the Holocaust*. New York, London 1990, S. 117.

⁷² Poliakoff, 1951; Dawidowicz, 1975. S. 191.

⁷³ Bauer, 1985, S. 173.

⁷⁴ Weiss, 1984, S. 132;

⁷⁵ Wellers, 1983. S. 125–159.

⁷⁶ Впрочем, как и у тех, кого он охотно за это критикует, многое строится на экспертных оценках и у него, правда, чаще на собственных.

⁷⁷ Gerlach, Götz, 2001. S. 409 ff.

⁷⁸ Поль Д. Так сколько же?... О числе евреев, уничтоженных в ходе национал-социалистических преступлений // *Отрицание отрицания...*, 2008. С. 171.

⁷⁹ Meyer, 2002. S. 631–641.

⁸⁰ АРМАВ. Нёв-Prozess. Bd. 26b. S. 168. Тут он, кстати, Хессу доверяет, тогда как другим его высказываниям — о числе жертв в «его» лагере, например, — приписывает совершенно иной статус: вслед за другими отрицателями, он утверждает, что эти признания Хесса сделаны под пытками и определенными установками. Остается однако загадкой: если уж Хесс был игрушкой в руках заговорщиков-стагистиков, то почему ему вложили в рот цифры, столь существенно отличающиеся от советско-польского официоза (4 млн жертв фашизма в Освенциме).

⁸¹ О некомпетентности Ф. Мейера говорит уже одно то, что он утверждает, что никто, мол, не знает и до него никогдане интересовался тем, где были захоронены останки тел тех, кого сожгли до открытия мощных крематориев в марте 1943 г.

⁸² Соответствующие наряды сохранились и в ЦВММ.

⁸³ Неясно только, где Ф. Мейер взял эту оценку: в таблице, на которую он при этом ссылается, для поляков приведена цифра в 147 тыс. чел., а евреи (если только он имеет в виду еще и польских евреев) не разбиты по странам.

⁸⁴ Не под каждым событием приведены источники, но пишущему эти строки приходилось убеждаться в том, что таковые источники имеются в архиве музея. Тем не менее на отсутствие источников и пеняет ей Ф. Мейер, попутно «уличив» ее, в том числе и с помощью рукописей зондеркомандовцев и даже Р. Хесса, на двух-трех предположительных неточностях в сведениях (естественно, в тех, что «завышают» численность в эшелонах).

⁸⁵ Рассчитано по максимальным известным номерам для каждой из категорий узников, имевших отдельную нумерацию при регистрации.

⁸⁶ Ссылка приводится, но без малейшей попытки критически рассмотреть источник.

⁸⁷ Ф. Мейер не считает нужным уточнить, были ли эти 110 тыс. включены в вышеупомянутые 225 тыс. переведенных из Аушвица в другие лагеря или не были. Из чего можно сделать только два вывода: во-первых, были, а во-вторых, мы снова встречаемся с двойным счетом.

⁸⁸ Хотя перед этим немало труда положил на то, чтобы показать, что их было, самое меньшее, 433 тыс.

⁸⁹ Это вступает в вопиющее противоречие с предыдущими аргументами Мейера — только что произнесенными им «уточнениями» нескольких возможных неточностей у Д. Чех!

⁹⁰ См.: *Отрицание отрицания...*, 2008. С. 254–257. Об отрицательской подтежке последнего говорит и глубоко презрительное и надменное отношение к жертвам, являющимся для него не более чем единицей измерения.

⁹¹ См.: Pressac, 1989; Pressac, 1995. S. 192–202.

⁹² Pressac, 1995. S. 202. К тому же рассуждения и расчеты Прессака были подробно проанализированы и аргументированно отвергнуты Ф. Пипером в рецензии на его книгу (Piper, 2009).

ЧТО И КОГДА СОЮЗНИКИ ЗНАЛИ ОБ АУШВИЦЕ?

*...Непропорционально много времени Министерства тратится на этих
причитающих евреев.*

В. Перл¹

*Не стоило бы на основании этих материалов составить и опублико-
вать сообщение об этом месте Освенцим?*

А. Вышинский²

Что знали в Лондоне и Вашингтоне

Англичане, еще в 1940 году раскрывшие радиокод Главного экономического управления СС, знали — или, при желании, могли узнать — всю правду об Аушвице с самого его начала. Начиная с 11 июня 1942 года информация о плановых расстрелах в концлагерях из «совершенно секретной» (*Geheime Reichssache*) была переведена в просто «секретную» (*Geheim*): так что же заменило ее в совершенном качестве? И неужели им не стало интересно понять, для чего вдруг коменданту лагеря Хессу понадобились в ноябре 1942 года сразу 600 новых противогазов?.. И почему бы им не задуматься над нестыковкой эсэсовской статистики движения «населения» в концлагере Аушвиц с железнодорожной, явно предполагавшей совершенно другие объемы перевозок?..

Тадеуш Хцюк-Цельт, один из агентов польского правительства, выбросился с парашютом в тылу у немцев еще в декабре 1941 года: в середине июня 1942 года он сообщал о массовых уничтожениях в Аушвице и о наращивании соответствующей инфраструктуры. Другой агент, около года проживший непосредственно в городе Аушвиц, в октябре 1942 года сообщал о 95 тысячах евреев, не зарегистрированных и умерщвленных в местном концлагере (правда, наряду с газовыми, он называл еще и электрические и пневматические камеры)³.

Еще в 1941 году в Лондоне на английском языке вышла книга Джона Эванса «Нацистский новый порядок в Польше», основанная на материалах лондонского правительства⁴. В январе 1942 года само Польское правительство в изгнании выпустило свою «Черную книгу», озаглавленную «Немецкий новый порядок в Польше», содержащую главу о репрессиях против польских евреев в гетто. Тогда же, в 1942 году, польские подпольщики выпустили книгу Натальи Зарембиной «Лагерь смерти», написанную по канве рассказов узников и касиб из Аушвица⁵. Десятки свидетельств об Аушвице или из Аушвица, охватывающих события с 1940 по

1944 гг., увидели свет и в подпольной периодике — от «Информационного бюллетеня» Армии Крайовой до социалистических «Баррикады свободы» и «Трибуны свободы»⁶.

Первые отдельные сообщения о массовом уничтожении людей в Аушвице стали проникать на волю еще в 1942 году. Так, газета «*Polish fortnightly review*», официальный орган польского правительства в изгнании, обнародовала данные о пробных отравлениях газом советских военнопленных и польских больных в выпуске от 1 июля 1942 года⁷. Делегатуры Международного Красного Креста достигла касиба⁸ от польских подпольщиков, датированная 29 августа 1942 года; в ней сообщалось о двух газовых камерах с пропускной способностью до 1200 трупов в сутки и о 300 тыс. чел., уже погибших к этому времени. 24 февраля 1943 года — новая статистика жертв: с момента основания лагеря и по 15 декабря 1942 года — 640 тыс. чел., из них 520 тыс. — евреи. Касиба от 22 сентября 1943 года говорит о 468 тыс. евреев, уничтоженных после сентября 1942 года⁹.

Немецкие эксперименты в Аушвице как таковые не были для союзников тайной. Англия и США узнали о газовых камерах не позднее начала декабря 1942 года из меморандумов о двух миллионах уже убитых евреев, врученных Рузвельту и Черчиллю еврейскими лидерами, после чего последовала опубликованная 18 декабря совместная Декларация правительств Бельгии, Великобритании, Голландии, Греции, Люксембурга, Норвегии, Польши, США, Советского Союза, Чехословакии, Югославии и Французского Национального Комитета о проводимом гитлеровскими властями истреблении еврейского населения Европы — иными словами, о Холокосте¹⁰. Англичане, знавшие радиокод СС, знали об этом, наверное, еще раньше¹¹.

Еще 4 апреля 1944 года ВВС США была сделана первая разведывательная аэрофотосъемка этой местности. Но оперативный интерес для воздушного флота при этом представляли не крематории в Биркенау, а завод *Buna werke IG Farbenindustrie* в Моновице¹².

Польское подполье докладывало в Лондон и напрямую — по радио и курьерами: 15 ноября 1942 года — о массовых газациях в Аушвице советских военнопленных и евреев, 23 марта 1943 года — о готовящемся здесь открытии новых крематориев с пропускной способностью до 3000 трупов в день, 18 мая 1943 года — новая статистика о 640 тыс. жертв Аушвица, из них 26 тыс. советских военнопленных, 65 тыс. поляков и 540 тыс. евреев¹³. Тогда же, в мае, пришел отчет и о Треблинке, называвшейся крупнейшим центром уничтожения евреев. А в январе 1944 года в Лондон прорвалась некая Ванда практически с теми же цифрами — 645 тыс. жертв¹⁴.

12 декабря 1942 году глава Польского правительства в изгнании генерал Сикорский обратился к правительству США с письмом, в котором обращал внимание на страдания польских евреев под немецкой оккупацией. В тот же день Шмуль Цигенбойм, член Национального Совета евреев в Британии, выступил по Би-Би-Си и огласил некоторые сведения, получен-

ные из рук Яна Карского от Варшавского Бунда. Он обратился в Лигу Наций с требованием спасти еще не погибших евреев. Вместе с 11 другими странами-союзниками по антигитлеровской коалиции Польша подписала 17 декабря «Совместную декларацию», посвященную оккупационной политике Рейха¹⁵.

Приходится констатировать известные потери и деформацию информации на ее пути наверх, к адресатам. Польское подполье — главный поставщик сведений — не гнушалось «прорежать» и «процеживать» первичную информацию, которой располагало. Это наводило адресатов иной раз на весьма странные идеи. Так, в августе 1943 года, то есть уже после докладов Карского и тогда, когда ямы-костры у двух сельских домиков-газовен хуторка Биркенау не гасли уже около полутора лет, правительство Сикорского, не моргнув, обратилось к англичанам с предложением бомбить не Биркенау, а Аушвиц, дабы создать там условия для массового побега польских узников из лагеря.

Наверное, самым известным «контрабандистом» сведений о том, что происходит в бывшей Польше с евреями, был Ян Карский — человек, лично удостоверившийся в том, что и как происходило с евреями в Варшавском гетто и в Белжецком лагере, и в чьем курьерском багаже было немало документов и из Аушвица, и об Аушвице. Но Сикорский и его окружение не верили или не хотели верить Карскому ни в Париже, ни в Лондоне, демонстрируя в его адрес примерно то же предвзятое отношение, что и польское подполье в Аушвице-1 по отношению к еврейскому в Биркенау.

Не менее важным источником информации стали сами беглецы из Аушвица, по крайней мере, те из них, чьи письменные «отчеты» достигли нужных глаз и ушей. Их было немного — в сущности, пятеро. Самый первый из них — бывший польский майор Ежи Веселовский (по кличке Ежи Табо), бежавший вместе с Романом Целишко из Биркенау 19 ноября 1943 года: из Закопане, куда они добрались, Табо перебрался в Краков, где в декабре сел за свои записки, ныне известные как «Отчет польского майора». По секретным каналам отчет был передан в Швейцарию, в Берн, где с ним ознакомились и дипломаты, и представители еврейских кругов¹⁶. Отчет этот весьма подробен и достоверен: он содержит описание технологии массового уничтожения и даже оценку числа жертв — около 1,5 млн человек. Вскользь, буквально одной фразой сообщалось и о еврейской «зондеркоммандо»¹⁷.

Остальные четверо — евреи, две пары удачливых беглецов¹⁸. Первые двое, Альфред Ветцлер и Рудольф Врба, 25 апреля 1944 года добравшись до Жилины в Словакии, в тот же день встретились с Оскаром Нойманом, Оскаром Краснянским и Э. Штейнером — представителями местной еврейской общины и Словацкого еврейского совета. Беглецы особенно подчеркивали ту опасность, которая столь грозно нависла над венгерскими евреями. Было решено, что свой рассказ они зафиксируют на бумаге,

что и было сделано в течение последовавших двух дней. Отчет в 60 страниц был снабжен предисловием О. Краснянского и переведен на немецкий; отпечатан на машинке. К нему были приложены чертеж одного из крематориев, сделанный советским военнопленным по имени Василий, и этикетка от газа «Циклон Б», которую им передал Ф. Мюллер из «зондеркоммандо».

Еще в апреле отчет был получен Рудольфом Кастнером, председателем Венгерского еврейского совета в Будапеште, но Кастнер, занятый спасением единственно себя и небольшого круга еврейской элиты Венгрии, положил его под сукно! В начале мая отчет получили братиславский раввин Мишель Дов Виссмандель, около 10 июня переправивший его в Швейцарию, и монсеньор Джузеппе Бурцио в Братиславе, представитель Ватикана в Словакии, в свою очередь переправивший его в Ватикан 22 мая¹⁹. Однако в Ватикане его изучили только пять месяцев спустя, 26 октября 1944 года.

Другая пара — Чеслав Мордович и Альфред Розин. Их отчет представляет собой изложение событий в Биркенау, последовавших непосредственно за побегом Ветцлера и Врбы. Упоминается в нем и «зондеркоммандо», состав которой, как пишут авторы, был увеличен до 800 человек за счет венгерских евреев из самых первых транспортов²⁰. Во второй половине июня в Братиславе состоялась встреча Врбы и Мордовича с монсеньором Мортилоччи в монастыре Св. Юра под Братиславой.

Что же дальше происходило с этими свидетельствами²¹?

Все три отчета достигли Швейцарии не позднее начала июня 1944 года. Доктор Яромир Копецкий, постоянный представитель Чехословацкой республики в Лиге Наций, разослал их копии или извлечения из них во все западные столицы, в том числе и своему лондонскому правительству, а также еврейским организациям и в Красный Крест. 14 июня телеграммой, подписанной вместе с представителем Чехословакии во Всемирном Еврейском Конгрессе д-ром Герхартом Ригнером, он информировал Лондон и, еще позднее, Вашингтон²².

Уже 15 июня этот отчет в эфире «процитировала» Би-Би-Си, дав четкую информацию об убийстве 7 марта 1944 года в Аушвице четырех тысяч терезинских евреев и о намерении уничтожить в ближайшее время остающиеся три тысячи²³. Приводились и имена исполнителей акции — в качестве лиц, заочно приговоренных к смертной казни. Перевод текста этой части передачи, присланный из Берлина в Аушвиц, буквально ошеломил эсэсовцев: на что-что, а на гласность и на подробности они никак не рассчитывали!

Ряд сообщений, датированных 1944 годом, рассказывают о судьбе венгерских евреев, причем впервые сообщаемые цифры близки к реальности: по несколько (вплоть до 13) эшелонов поступают в лагерь ежедневно, в четырех газовых камерах ежедневно гибнут до 10 тыс. чел. В 1944 году венгерская контрразведка перехватила и передала немцам шифровки по-

слов США и Великобритании в Швейцарии о гибели 1,5 млн евреев в Аушвице²⁴.

Предание гласности основных фактов об Аушвице и о судьбе венгерских евреев избавило от сдержанности и представителей официальных кругов. На адмирала Хорти, правителя Венгрии, обрушился вал требований спасти венгерских евреев: с этим к нему обратились папа Пий XII, Международный Красный Крест, шведский король Густав V Адольф и правительства других нейтральных стран. Президент США Ф. Рузвельт попросту пригрозил Венгрии тем, что ее судьба будет иной, нежели у других стран, если Венгрия не остановит депортации. И действительно: 6 июля 1944 года, после массивной бомбардировки Будапешта 2 июля, депортации были прекращены²⁵.

В середине июня кружным путем — через сальвадорского посла и английского журналиста Вальера Гаррета — сведения из отчета просочились и в швейцарскую прессу. В общей сложности было опубликовано около 400 заметок и статей, посвященных Аушвицу. Значительно позже — в ноябре 1944 года — все три отчета были выпущены в Вашингтоне отдельной брошюрой «Немецкие лагеря уничтожения — Аушвиц и Биркенау»²⁶.

Совершенно иной — и прямо противоположной — была позиция союзников, когда они сами становились адресатами официальных и обоснованных просьб со стороны еврейских и некоторых других организаций. Просьбы эти касались главным образом бомбардировки Биркенау и подъездных путей к рампе. Адресатами выступали американские и британские военные. Так, Американский Комитет по делам беженцев под председательством Джона Пеле (*John Pehle*) неоднократно обращался с этим в Министерство обороны и к самому Рузвельту²⁷. Результат был всегда один и тот же — равнодушие и отказ, но непременно завернутый в фантики вежливости или псевдопрагматизма. В основе лежали меморандум начала 1944 года и негласное правило — не бомбить невоенные объекты: правило, из которого, однако, делалось не так уж и мало исключений (например, Дрезден, Хиросима, Нагасаки), чтобы так уж на нем настаивать. Отвечали обычно так: наши ресурсы ограничены, и мы должны потратить их с максимальным толком. Кроме того, бомбежка только навредит узникам. Поэтому лучшее средство против Холокоста — это скорейшая победа над врагом!

Иными словами, евреи, жертвы массового и целенаправленного уничтожения, и тут — и как бы еще раз — приносились в жертву!

Примерно то же самое — и в Лондоне. 6 июля 1944 года, во время встречи с министром иностранных дел Энтони Иденом, представители Всемирного Совета евреев Хайм Вейцман и Моше Черток просили о бомбардировке железных дорог на всем протяжении от Будапешта до Аушвица и крематориев в Аушвице. Назавтра Иден направил соответствующий запрос министру военно-воздушных сил Великобритании Арчибальду Синклеру и получил от него 15 июля довольно противоречивый, хотя и

очень что-то напоминающий ответ. Бомбардировка практически невозможна, она принесет узникам только вред, а если это и делать — то лучше всего попросить об этом американцев²⁸.

Что ж, была предпринята и эта попытка. 9 августа Арьех Леон Кубовицкий, руководитель Отдела по спасению евреев Всемирного еврейского конгресса, переадресовал заместителю секретаря Министерства обороны США Джону Мак-Клою (*John McCloy*) сообщение Эрнеста Фришера из Чехословацкого Государственного Совета: *«Я уверен, что разрушение газовых камер и крематориев в Освенциме посредством бомбардировки возымело бы сейчас серьезный эффект. Немцы в настоящее время эксгумируют и сжигают трупы в попытке скрыть следы своих преступлений. Это может быть предотвращено разрушением крематориев, после чего немцам, возможно, придется прекратить массовые уничтожения, особенно учитывая то, как мало времени у них осталось. Бомбардировка железнодорожных коммуникаций в этом же районе может иметь значение и в сугубо военном отношении».*

Итак, бомбардировка цехов фабрики смерти, по убеждению авторов запроса, смогла бы пресечь или до крайности затруднить дальнейшие акции по уничтожению евреев.

В своем ответе от 14 августа Мак-Клой писал об имевших место консультациях с Комитетом по делам беженцев войны по вопросу о практическойности этих предложений. Анализ показал, что такая операция потребует мобилизации самых различных ресурсов и их отвлечения от других оперативных задач. И все это при столь большом сомнении относительно эффективности их использования, что в этом случае не стоит и рисковать! Закругляя отписку, он не постеснялся подобрать следующие слова: *«Относительно эффекта от предлагаемых мер, в случае если бы они даже были осуществлены, сложилось общее мнение, что они способны спровоцировать карательные акции со стороны немцев в еще большей степени. Министерство обороны полностью разделяет гуманитарные мотивы, лежащие в основе Вашего предложения, но по вышеизложенным причинам такая операция не будет или не может быть произведена, по крайней мере в настоящее время»*²⁹.

Лукавый цинизм этого ответа становится особенно очевидным, если вспомнить, что уже 20 августа американцы отбомбились именно в этом районе: их целью, однако, были не цеха фабрики смерти в Биркенау и даже не подъездные пути к ним, а фабричные корпуса в Моновице, расположенном всего в 5 км от Биркенау!..³⁰ Безопасными для атакующих такие налеты стали еще начиная с апреля 1944 года, когда люфтваффе было в общем и целом повержено.

Помимо отчетов беглецов, весьма аутентичными сведениями и материалами их периодически снабжало по радио польское подполье. Так, 21 марта 1944 года состоялась знаменитая передача Би-Би-Си (а также польской радиостанции «Свит» из Лондона) с публикацией списка палачей

и объявлением им смертного приговора³¹. 10 октября в эфир вышла и передача о так называемом «Плане Молля» — предложении о бомбардировке Аушвица и Биркенау с воздуха немецкими самолетами³².

Немаловажным источником информации об Аушвице и о Холокосте были и допросы немецких военнопленных, число которых в британском и американском плену особенно резко возросло за лето 1943 года³³.

Как видим, информация о том, что происходило внутри и вокруг крематориев в Биркенау, у союзников имела и была весьма достоверной и точной³⁴.

Совершенно другое дело — то, как они ею распоряжались, этой информацией!

Когда в начале сентября 1944 года секретарь Палаты представителей британских евреев А.К. Бротман написал в *Foreign Office* и предложил наладить сотрудничество с Красной Армией, освобождающей концлагеря на востоке, мидовский чиновник А.Р. Дью набросал на его письме следующие — чрезвычайно выразительные и безо всяких фантиков — слова: *«По моему мнению, непропорционально много времени Министерства тратится на этих причитающих евреев»*³⁵.

...Г-н Дью набрасывал эти строки как раз тогда, когда в двух тысячах километрах восточнее, в Биркенау, «причитающий еврей» Залман Градовский судорожно выкапывал свои записки из земли и пепла возле крематория IV — чтобы переложить их из стеклянной банки в герметичную солдатскую флягу и доложить в нее свое письмо потомкам.

Что знали в Москве

Впервые Аушвиц — правда, еще не названный по имени! — попал на хорошо цензурируемые страницы советской печати еще 30 июля 1942 года. Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС) сообщило об экспериментальном отравлении газами 5 сентября 1941 года 1000 узников неназванного концлагеря под Тарнувом³⁶, но ведь именно такой эксперимент — и практически день в день — был проделан над советскими военнопленными в подвале аушвицкого Бункера!

Первое печатное упоминание Аушвица под своим именем в СССР датируется 10 марта 1943 года, когда газета «Труд», вслед за сообщениями в Англии и США, поместила заметку о пользующемся дурной славой лагере в Освенциме (Аушвице): мол, польских патриотов расстреливают там в таких количествах, что вынуждены были пустить шесть специальных печей для сжигания их трупов. Идентификации с «лагерем под Тарнувом» еще нет, а еврейская адресность этих печей проигнорирована («польские патриоты» — это то же, что и «советские граждане» в свое время и в своем месте)³⁷.

3 апреля все тот же «Труд», сказав о трех миллионах жертв в этом лагере, из них нескольких десятках тысяч — поляках, как бы намекнул

этой разницей на евреев³⁸. Впрямую в связи с Аушвицем евреи были названы только 14 апреля 1943 года, когда, со ссылкой на агентство Рейтер, одновременно «Правда» и «Труд» сообщили о начале ликвидации еврейского гетто в Кракове: эшелоны увозили людей в Аушвиц, где их убивали газами или электричеством³⁹. Следующее упоминание Аушвица и, более глухо, еврейской трагедии отмечено К. Берковым только 27 октября, то есть спустя полтора года⁴⁰!

Но уже 29 ноября «Правда» и другие советские газеты публикуют совершенно недвусмысленные выдержки из Отчета Управления по делам беженцев в США, где, в частности, говорится о четырех крематориях и газовнях в Биркенау с общей пропускной способностью 6000 трупов в сутки и о примерно 1,7 млн евреев, убитых таким образом на протяжении последних двух лет⁴¹.

Но помимо сведений, поступавших от союзников или циркулировавших в подцензурных газетах, СССР располагал и некоторыми иными, собственными, источниками информации. Так, 4-е Управление НКВД Украины докладывало руководству НКВД показания о концлагере Освенцим граждан СССР А.С. Петько и В.Я. Пегова, бежавших непосредственно из него в ноябре 1943 года⁴².

16 марта 1944 года немецкий перебежчик Генрих Анис, сдавшийся в расположении 50-й армии, дал показания об Аушвице как о лагере уничтожения. Сам Г. Анис прослужил в лагере всего около 3-х недель, после чего был отправлен на фронт. В допросе, снятом заместителем начальника разведотдела штаба армии подполковником Блиновым, он сообщил абсолютно достоверные сведения о том, что происходило в этом чудовищном лагере, вплоть до ужасного запаха сжигавшихся трупов⁴³.

Весьма полные и достоверные данные о гитлеровских концлагерях вообще и чуть ли не о каждом из них в отдельности были получены при освобождении Майданека 3 июля 1944 года войсками 2-й Танковой армии 1-го Белорусского фронта, а также при освобождении таких концлагерей и пунктов уничтожения людей, как Треблинка, Собибор и Белжец. Захваченные в них документы и показания чинов администрации, узников и местных жителей дали возможность советским органам иметь необходимые данные о немецких концлагерях, об их сути, способах действий и применяемых средствах. На их основании в августе 1944 года НКВД Украины представил специальный обобщенный доклад о сведениях, добытых партизанами о концлагере Аушвиц⁴⁴.

29 сентября 1944 года заместитель наркома внутренних дел комиссар ГБ 2 ранга С.Н. Круглов написал зам. министру иностранных дел А.Я. Вышинскому: *«По вопросу о немецком концентрационном лагере в Освенцим и массовом уничтожении в нем заключенных, нами выявлены и допрошены военнопленные, знающие о существовании этого лагеря. По показаниям военнопленных, концлагерь в Освенциме организован немцами в 1940 году в зданиях, где ранее находились военные казармы. Лагерь*

расположен в 1,5 км южнее Освенцим (южнее Катовице). Вначале немцы сосредоточили в лагере евреев. В 1941–43 гг. в лагерь свозились в большом количестве русские, поляки, французы, голландцы. Лагерь вмещает до 40 тысяч человек, и немцы систематически его заполняют взамен истребленных, доставляя заключенных в специальных эшелонах.

Показания военнопленных о массовом уничтожении немцами заключенных, пытках, избиениях и т.п. характеризуют лагерь в Освенцим так же, как и «Майданек».

До 1943 г. трупы убитых немцы сжигали в 2-х специально для этого оборудованных печах. В 1943 году печей было уже 8. Таким образом, истребление людей приняло в лагере массовый характер. Режим лагеря военнопленные, со слов своих знакомых и близких, характеризуют точно так же, какой существовал в «Майданеке». Как утверждают пленные, немцы уже уничтожили в этом лагере несколько сотен тысяч заключенных. От всех опрошенных военнопленных получены собственноручные заявления, копии которых и схема расположения лагеря в Освенцим — прилагаются.

*Дальнейшая проверка военнопленных для выявления очевидцев зверств немцев в лагере Освенцим продолжается*⁴⁵.

К письму были приложены выжимки или цитаты из показаний нескольких немецких военнопленных. Получив письмо, Вышинский начертал председателю ЧГК: *«т. Шверник Н.М. Не стоило бы на основ[ании] этих материалов составить и опубликовать сообщение об этом месте Освенцим?»*

Скорее всего, этот запрос был инициирован специальным обращением в НКВД по поводу лагеря в Аушвице британского посла Кларка Керра от 20 сентября 1944 года. 27 октября, после того как НКВД получил информацию от смежников, заместитель наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинский отвечал послу более чем расплывчато: о лагере, мол, давно знаем, а вот о новых планах толком не знаем ничего⁴⁶.

Но ни осенью 44-го года, ни зимой 45-го такой отчет не был опубликован. Лишь 8 мая 1945 года, то есть за считанные часы до немецкой капитуляции и спустя 3,5 месяца после освобождения Аушвица, «Красная звезда» напечатала сообщение ЧГК «О чудовищных преступлениях германского правительства в Освенциме». Спустя еще месяц⁴⁷ это сообщение было размножено 50-тысячным тиражом в виде отдельной 34-страничной брошюры, выдержавшей еще одно издание в том же году⁴⁸.

Тем удивительнее, на первый взгляд, вывод Л.А. Безыменского: *«...Войска 1-го Украинского фронта, как это вытекает из архивов штаба фронта и 60-й армии, перед началом Висло-Одерской операции в январе 1945 года не имели сколько-нибудь определенных данных об Освенциме и получили их лишь в ходе боев»*⁴⁹.

Но удивление сходит, и начинаешь понимать: информация о таком необычном месте, как Аушвиц, которой уже располагала Ставка к началу

Висло-Одерской операции, так и осталась под штабным сукном. Для проведения операций она показалась настолько ничтожной, что ее даже не сообщили фронту — хотя бы для принятия к сведению.

¹ *Perl*, 1989. P.270.

² Резолюция А.Я. Вышинского на письме С.Н. Круглова от 29 сентября 1944 г. (*ГАРФ*. Ф.Р-7021. Оп. 108. Д.37. Л. 1а-2).

³ *Breitman*, 2004. P. 185.

⁴ *Evans*, 1941.

⁵ *Zarembina N.* Oboz smierci. 1942. В 1943 г. ее переиздали по-польски в Лондоне, а в 1944 г. выпустили по-английски в Лондоне и Вашингтоне.

⁶ Подробнее см.: *Swiebocki*, 2002. P. 70–72.

⁷ *Perl*, 1989. Это было первое упоминание вне Германии о применении в Аушвице отравляющих газов.

⁸ Обозначение писем из тюрьм, попавших на волю тем или иным нелегальным способом.

⁹ *Piper*, 1993. S. 75–77. Все цифры относительно реальности сильно завышены, но тут важен сам факт коммуникации вовне лагеря.

¹⁰ См. также в заявлении Информбюро Наркомага иностранных дел СССР «Осуществление гитлеровскими властями плана истребления еврейского населения Европы» от 19 декабря 1942 г. (Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т. 1. М.: ОГИЗ, 1946. С. 329–336).

¹¹ Так, из *Funk-Abwehr-Berichte* — сообщения Службы прослушивания радиостанций противника — от 16 июня 1944 г. (по копии в *АРМАВ*) явствует, что в Лондон сообщили о немецких планах уничтожить в Аушвице еще около 3000 чешских евреев из Терезиенштадта — очевидно, в дополнение к уничтожению 5-тысячного семейного лагеря из Терезиенштадта, ликвидированного ранее, 8 марта 1944 г.

¹² Разведывательная аэрофотосъемка осуществлялась также 31 мая, 26 июня, 25 августа, 13 сентября и 21 декабря 1944 года. Впервые она была проанализирована на любительском уровне в 1979 году. В конце 1990-х гг. Кэрролл Лукас (*Carroll L. Lucas*), специалист-аналитик ЦРУ, проанализировал ее снова и в полном объеме, отметив как наличие крематориев и мест массовых захоронений возле них, так и следы работ по ликвидации соответствующих ям. См.: *Zimmerman*, 2000.

¹³ См. факсимиле в: *Swiebocki*, 2002. P. 77.

¹⁴ См.: *Breitman*, 2004. P. 185–194.

¹⁵ *Swiebocki*, 2002. P. 82–83.

¹⁶ *Swiebocki*, 2002. P. 13–24. Табо, посланный через Будапешт в Лондон для личного доклада об Аушвице, был вынужден вернуться в Краков из-за оккупации Венгрии.

¹⁷ См. доклад Ежи Табо (*London has been informed...*, 2002. P. 99–168). В частности о «зондеркоммандо»: P. 143–144. О самом Е. Табо см. в том же издании: P. 13–24.

¹⁸ Подробнее о самих побегах см. в главе «Уничтоженный крематорий: смысл и цена одного востания» в настоящем издании.

¹⁹ См. доклад Р. Врбы и А. Ветцлера (*London has been informed...*, 2002. P. 169–274). О самих Врбе и Ветцлере см. в том же издании: P. 24–42.

²⁰ См. Доклад Ч. Мордовича и А. Росина (*London has been informed...*, 2002. P. 275–290). В частности о «зондеркоммандо»: P. 212–214. О самих Ч. Мордовиче и А. Розине см. в том же издании: P.42–53.

²¹ В. Ледерер утверждал, что он также отправлял свои материалы в Швейцарию: в мае 1944 г. — письмо, а в ноябре — подробный отчет, но никаких следов этого М. Карный не обнаружил (*Карпу*, 1999. S. 157–183).

- ²² Через Аллена Даллеса, в то время американского резидента в Швейцарии, Леланда Гаррисона, посла, и Розвелла Мак-Клеянда, представителя Комитета США по вопросам беженцев войны.
- ²³ См. ее текст в: *Swiebocki*, 2002. P. 55–56. См. также: Funk-Abhör-Bericht Nr. 1603-7 Va от 16 июня 1944 г. (*АРМАВ*. D-20/ 132. *Materiały Ruchu Oporu*, т. XXIV. S. 3). В течение нескольких дней это сообщение перепечатали все важнейшие английские и американские газеты.
- ²⁴ *Piper*, 1993. S. 78–81. Эти данные, за исключением последней цифры, весьма близки к действительности. Их источником, по всей видимости, были сообщения нескольких узников, которым в 1944 г. удалось бежать из концлагеря.
- ²⁵ *Swiebocki*, 2002. P. 62–63.
- ²⁶ *German extermination camps...*, 1944.
- ²⁷ *Swiebocki*, 2002. P. 63–66.
- ²⁸ *Wasserstein*, 1979. P. 309–312.
- ²⁹ См.: *America and the Holocaust*, 1990. P. 164–165 (Documents 54, 55). Оба документа экспонируются в Мемориальном музее Холокоста в США.
- ³⁰ Впоследствии американцы бомбили Моновиц еще три раза: 13 сентября, 16 и 18 декабря. Цели, расположенные всего в 20–25 км от Биркенау, бомбили еще 7 июля и 7 августа, а цели в радиусе 75–100 км — многократно и начиная с июля.
- ³¹ *Swiebocki*, 1995.
- ³² Об этом предупреждали, в частности, С. Клюдзинский и Й. Циранкевич (*Swiebocki*, 2002. P. 86–93).
- ³³ *Tyas*, 2008.
- ³⁴ Так что генерал Мак-Клой был хорошо осведомлен о сути вопроса, вступая в переписку со Всемирным еврейским конгрессом по этому поводу.
- ³⁵ *Perl*, 1989. P. 270.
- ³⁶ Чудовищные преступления гитлеровских палачей в Польше // Труд. 1942, 30 июля. С. 4 (здесь и далее сведения о газетных публикациях, кроме оговоренных, приводятся по: *Berkhoff*, 2009. P. 79, 94).
- ³⁷ Чудовищные зверства гитлеровцев в Польше // Труд. 1943, 10 марта. С. 4.
- ³⁸ Страдания и борьба польского народа // Труд. 1943, 3 апреля. С. 4.
- ³⁹ Зверства гитлеровских людоедов в Польше // Правда. 1943, 14 апреля. С. 4. То же и тогда же — в «Труде».
- ⁴⁰ Лагерь смерти в Освенциме // Правда. 1943, 27 октября. С. 4. То же и тогда же — в «Известиях» и «Труде».
- ⁴¹ Сообщение американского управления по делам беженцев о зверствах немцев в Польше // Правда. 1943, 29 ноября. С. 4.
- ⁴² *ГАРФ*. Ф. Р-7021. Оп. 108. Д. 35. Л. 1–8. Впервые (с неточностями): Информационный бюллетень Научно-просветительного центра «Холокост». 1995. № 4. [С. 2]. Публ. Г. В. Костырченко.
- ⁴³ *Документы обвиняют...*, 1996. С. 109–110. Со ссылкой на: *ЦАМО*. Ф. 50-й армии. Оп. 9783. Д. 110. Л. 289.
- ⁴⁴ *Петренко*, 2000. С. 99.
- ⁴⁵ Письмо за № 1/18747 от 9 октября 1944 г. ответственный секретарь ЧГК П. Боговяленский направил копию этого письма в НКВД, т. Грибанову (*ГАРФ*. Ф. Р-7021. Оп. 108. Д. 37. Л. 1а–2).
- ⁴⁶ *ГАРФ*. Ф. Р-7021. Оп. 108. Д. 36. Л. 32.
- ⁴⁷ Подписано в печать 6 июня 1945 г.
- ⁴⁸ См. выдержку из него в *Приложении 5*.
- ⁴⁹ Цит. по: *Петренко*, 2000. С. 99–100.

ОСВОБОЖДЕНИЕ АУШВИЦА: ЕВРЕЙСКАЯ КАТАСТРОФА — БЕЗ ЕВРЕЕВ!

Евреи уничтожены полностью...

Генерал-майор И.М. Гришаев¹

К осени 1944 года, то есть к началу Висло-Одерской операции, в ходе которой был освобожден и Аушвиц, в Ставке в Москве имелись весьма достоверные и точные данные об Аушвице как о «фабрике смерти», причем смерти именно евреев². Таким образом, в штабах и 1-го Украинского фронта, и 60-й армии, несомненно, могли бы знать о существовании и о специфике концлагеря Освенцим, если бы этого захотела Москва.

Однако никаких мероприятий по заблаговременной подготовке к его освобождению никем не намечалось и не проводилось. Ни при подготовке войск к Висло-Одерской операции, ни в ее ходе до дня освобождения концлагеря не только общевойсковая «Красная Звезда», но и фронтовые многотиражки — «За честь Родины» 1-го Украинского фронта, «Армейская правда» 60-й армии или «За Родину» 107-й стрелковой дивизии — ни словом не обмолвились о гитлеровских лагерях уничтожения, в том числе и об Освенциме.

О том, что даже командование 1-го Украинского фронта не имело данных о концлагере Освенцим до момента его освобождения, косвенно свидетельствует И. Конев в своих мемуарах: *«К 27 января фронт добился новых успехов: 21-я и 59-я армии ведут бой за Катовице, а 60-я армия овладела Освенцимом... Первые сведения о том, что представлял этот лагерь смерти, мне уже были доложены»*.

Остается предположить, что никакой ориентирующей информации об Освенциме Главпура даже командующему фронтом не посылал.

Ведь если бы маршал Конев, его штаб и командование 60-й армии знали, что Освенцим — не просто польский городок районного масштаба, не имеющий какого-либо военного или экономического значения, а база самого чудовищного гитлеровского концлагеря, то как-то по-другому был бы составлен план Висло-Одерской операции³.

Кстати, применительно к Майданеку анализ генерала Петренко⁴ столкнулся с точно таким же «небрежением», как и в случае Аушвица. Сведения о Майданеке у Сталина были, но он «не грузил» ими командование 1-го Белорусского фронта, занятое в июле—августе 1944 года подготовкой и ведением операции «Багратион»⁵.

Круг на карте: Висло-Одерская операция

Еще в ноябре 1944 года командующий 1-м Украинским фронтом маршал И.С. Конев докладывал план Висло-Одерской операции в Ставке. Очень внимательно все выслушав и обстоятельно изучив план, Сталин обвел паль-

цем на карте Верхнюю Силезию и только что и молвил сакраментально: «Золото!» Конев, конечно же, прекрасно все понял: освободить Домбровско-Силезский промышленный район надо по-особому — так, чтобы максимально сохранить его уникальный промышленный потенциал.

Отдадим должное Петренку. Пусть и задним числом, но он тоже понял генералиссимуса и упрекнул его за то, что тот, зная об Аушвице и его прелестях, не обвел на карте вокруг него никакого круга и ничего другого сакраментального, — например: «Ужас!», — не произнес⁶. Тогда бы Конев взял под козырек и со всей тщательностью и упорством перестроил свой план так, чтобы в первую очередь взять в клещи именно Аушвиц и упредить тем самым эвакуацию лагеря, начавшуюся еще в сентябре 1944 года и увенчавшуюся «маршами смерти» в январе 1945 года⁷.

Анализ директивы Ставки № 5614, полученной Коневым вечером 17 января 1945 года, как и анализ его, Конева, собственной директивы войскам фронта, отданной в 1 час 45 минут 18 января (к слову сказать — в день вывода большинства лагерного населения Аушвица на марши смерти!) и подписанной в том числе и К.В. Крайнюковым, опытным политработником и членом Военного Совета фронта, заставили В. Петренку пересмотреть свою собственную и искреннюю позицию, которую он как советский освободитель Освенцима много раз отстаивал в ряде послевоенных дискуссий. А именно: наша доблестная Красная Армия, не щадя сил и ресурсов, рвалась на Запад и освободила Освенцимский лагерь смерти ровно настолько рано, насколько это было возможно.

Собрав и переосмыслив факты, он встал практически на сторону своих оппонентов: да, фактическое промедление с освобождением лагеря смерти имело место, да, оно шло с самого верха. Если бы директива № 5614 была выполнена буквально, то освобождение состоялось бы не раньше 2–3 февраля, и в таком случае бойцы 28-го корпуса, по мнению В. Петренки, *«увидели бы там только груду развалин, огромное, уже остывшее, пепелище и ни одного живого узника»*⁸. Этого не произошло только благодаря тому, что маршал Конев взял инициативу на себя и несколько отошел от указаний Ставки: 23 января он развернул 3-ю гвардейскую танковую армию генерала П.С. Рыбалко, чье наступление в лоб на Одер захлебнулось, и пустил ее вдоль Одера с севера на юг, создав отчетливую угрозу окружением мощной верхнесилезской группировке противника. Немцы это тотчас же поняли и сняли с угрожаемых позиций сразу три стрелковые дивизии, что, собственно, резко облегчило и ускорило выполнение 60-й армией ее тактических задач. В результате, перегруппировавшись, 24 января она перешла в наступление, при этом 106-му стрелковому корпусу в составе 100-й, 148-й и 107-й стрелковых дивизий было приказано захватить Освенцим и Нейберун. Применительно к Освенциму это произошло 27 января, то есть дней на 7–8 раньше намечаемого, согласно директивам, срока — и, может быть, дней на 4–5 позже вероятного срока в том случае, если бы сами директивы были другими.

В то же время не правы и те, кто утверждал, что замедление темпов наступления накануне Висло-Одерской операции было намеренным — ради того только, чтобы дать немцам возможность уничтожить в Аушвице как можно больше евреев. Такого дьявольского плана у Сталина, при всем его коварстве, не было. Все дело было именно в расстановке им сакраментальных акцентов и в вытекающей из них той самой пресловутой «попутности». Генералиссимусом двигал не антисемитизм, а стратегическая жадность: захватить как можно больше и как можно более целых индустриальных трофеев — вот чего он хотел в Силезии.

А на то, что происходило с евреями где-то внутри начертанного им лакомого круга, ему было, по большому счету, наплевать.

Освобождение Аушвица и Биркенау — евреев нет

Освобождение Аушвица войсками Красной Армии было лишь крохотной частью Висло-Одерской операции, проведенной с 12 января по 3 февраля 1945 года. Как точно и не без горечи отмечал один из освободителей лагеря — Василий Яковлевич Петренко, командир 107-й стрелковой дивизии, специальная задача освобождать именно концлагерь Аушвиц-Биркенау перед 1-м Украинским фронтом никогда и никем не ставилась.

Эта задача решалась и была решена левым крылом фронта и, в частности, 60-й армией под командованием генерала П.А. Курочкина попутно, по ходу охвата Верхней Силезии с юго-востока и занятия важных опорных пунктов обороны немцев на Висле — Хшанува, Нейберуна и Аушвица (Освенцима)⁹.

Первыми войскам этой армии стали попадаться восточные филиалы концлагеря. Так, 24–25 января войсками 106-го стрелкового корпуса¹⁰, в частности 100-й и 322-й¹¹ дивизиями, были освобождены сразу два филиала аушвицкого концлагеря — Моновиц¹² и Зарац, после чего, собственно, комкор и поставил перед 14-й и 107-й стрелковыми дивизиями задачу захватить Нейберун и, не останавливаясь, наступать на Аушвиц.

В эти же дни возле Биркенау немцы оказали особенно ожесточенное сопротивление, а между 23 и 25 января — правда, силами всего лишь одного полка, — даже пытались перейти в контрнаступление¹³.

В одной из докладных записок начальника политотдела 60-й армии генерал-майора Гришаева начальнику политуправления 1-го Украинского фронта генерал-майору Яшечкину, написанной 26 января 1945 года, читаем: *«На станции Лебионж юго-западнее Хшанува нами обнаружен филиал концлагеря Освенцим со случайно уцелевшими узниками. Среди них — 30 евреев, остальные — венгры, французы, чехи, поляки и русские — все, кто успел укрыться на угольных шахтах, где работали узники. Остальные были немцами умерщвлены. Всего в этом лагере на станции Лебионж было 920 заключенных.*

Один из них, еврей Левер, рассказал, что до Лебионжа находился в Освенциме. Там одновременно было от 25 до 30 тысяч евреев из многих стран Европы. Их свозили сюда непрерывно в течение четырех лет. Все, кто не мог работать — женщины, старики, дети, больные — отделялись от здоровых мужчин и уничтожались сразу. Они направлялись в отдельные бараки в южной части лагеря, там их раздевали, потом в специальные камеры убивали газами, а трупы сжигали в крематориях. Всего было для этого оборудовано 12 печей, действующих частично на электричестве, частично на угле. Левер считает, что число жертв евреев составляло примерно 400 000 человек. В последние два года были уничтожены и узники-мужчины. Кормили узников очень плохо: один раз в день водянистая похлебка и 150-200 граммов хлеба. От непосильного труда и голода люди обессиливали и умирали. Три раза в неделю врач осматривал заключенных, и неспособных к труду отправляли в газовые камеры. <...>. В декабре 1944 печи были немцами взорваны»¹⁴.

Еще один филиал Аушвица — Явожно — был освобожден 286-й стрелковой дивизией 59-й армии не позднее 25 января. Этим днем датирован акт о его обнаружении, подписанный старшим инструктором по оргпарработе капитаном Курбаговым, старшим инструктором по работе среди войск и населения противника гвардии старшим лейтенантом Оруджевым и жителем города Явожно Станиславом Ярошевским. Этот акт содержит данные об этом лагере, записанные со слов освобожденных советских военнопленных, а также «венгров, французов, чехословаков, поляков и евреев западных стран». При этом сам освобожденный лагерь, организованный только в 1942 году и являвшийся отделением концлагеря Аушвиц, ошибочно поименован здесь как «Аушшвайц». Он был рассчитан на 3–4 тыс. заключенных, при этом на его территории или в подвалах было обнаружено свыше 200 трупов убитых или умерших от голода и около 350 человек оставшихся в живых, сумевших так или иначе укрыться от эвакуации, тогда как большинство его узников были угнаны в глубь Германии¹⁵.

На основании этого акта начальник политотдела 286-й дивизии подполковник А. Лушников направил 28 января члену Военного Совета и начальнику Политотдела 59-й Армии, а также начальнику Политотдела 115 стрелкового корпуса политдонесение, в котором писал: «При освобождении города ЯВОЖНО на шоссе на дороге, ведущей на ДОМБРОВА, был обнаружен немецкий концентрационный лагерь, в котором фашисты содержали военнопленных русских, французов, чехословаков, евреев. Установлено, что лагерь этот организован в 1942 году и в нем периодически содержалось от 3-х до 4-х тысяч заключенных. При отступлении немцы лагерь эвакуировали, в нем было оставлено около 300 человек больных, которые в период боя разбежались, а затем перешли в освобожденные села. При осмотре в подвалах зданий и на территории было обнаружено большое количество трупов. Мною создана комиссия по рас-

следованию немецко-фашистских злодеяний, которая в результате своей работы составила акт, который я Вам высылал раньше»¹⁶.

Около 3 часов дня 27-го января 100-я стрелковая дивизия генерала Ф.М. Красавина¹⁷ освободила Аушвиц и Биркенау.¹⁸ Одним из первых и в город, и в лагерь ворвался штурмовой отряд 106-го стрелкового корпуса под командованием майора Анатолия Шапиро¹⁹. Это его отряд разминировал подступы к лагерю, после чего майор Шапиро лично открыл ворота лагеря Аушвица-1 и участвовал в подавлении сопротивления СС²⁰.

В этот день Совинформбюро сообщило: «Войска 1-го УКРАИНСКО-ГО фронта, продолжая наступление, 27 января овладели городами СОСНОВЕЦ, БЕНДЗИН, ДОМБРОВА ГУРНЕ, ЧЕЛЯДЗЬ и МЫСЛОВИЦЕ — крупными центрами Домбровского угольного района, а также с боями заняли на территории Польши города КОБЫЛИН, БОЯНОВО, ОСВЕНЦИМ и на территории Германии города ВОЛАУ, ДИХЕРНФУРТ, ОБЕРНИГК»²¹.

Из аушвицких лагерей это было справедливо и для самого Аушвица-1. Но лагерь Биркенау был освобожден только назавтра, 28 января, — 107-й стрелковой дивизией под командованием полковника В.Я. Петренко, который накануне уже успел побывать «с экскурсией» у Красавина, в Аушвице-1.

Тогда же и, по-видимому, там же, в Аушвице-1, был составлен и следующий акт²²:

АКТ

1945 года 27 января

Мы, нижеподписавшиеся майор ЧЕЛЯДИН Иван Петрович, капитан ТОМОВ Ф.П., ст. сержант РОССОЛОВ Георгий Петрович, ефрейтор ВАСИЛЕНКО Андрей Юрьевич, врач лагеря (из заключенных) АУШВИЦ ШТЕЙНБЕРГ Самуил Юльевич, врач ГОРДОН Яков Абрамович, врач ВОЛЬМА Яков Абрамович, доцент медицинских наук КАПУСТИНСКИЙ Станислав Ансельмович, профессор ЭПШТЕЙН Бергольд Вильгельмович (чехословак из Праги), учетчик лагеря ФОЛЬКЕНШТЕЙН Гуго Иосифович, составили настоящий акт о чудовищных зверствах немецко-фашистских извергов в концентрационном лагере Аушвиц, расположенном 57 км западнее города Кракова. Концентрационный лагерь «Аушвиц» создан 15 июня 1940 года. На протяжении существования лагеря уничтожено от 4,5 до 5 миллионов человек. В большинстве уничтожались евреи всех оккупированных стран, русские военнопленные и угнанные на работу в Германию поляки, чехословаки, французы, бельгийцы, голландцы, цыгане и др. В лагерь привозились люди под видом использования на земледельческих работах, но по прибытии эшелонов людей сформировывали, молодых мужчин физически здоровых, а также и женщин (совершенно ничтожное количество) посылали на работу, всех остальных мужчин, женщин и детей грузили на автомашины и везли их сразу на уничтожение в специально созданных подвалах, загоняя туда людей под предлогом санобработки, для чего раздевали, герметически закупоривали подвалы, которых было в лагере 5, вместимостью

2000–3000 человек каждый, выкачивали воздух, а потом бросали через специальное отверстие в потолке газовые бомбы, начиненные синильной кислотой, от которой находившиеся люди в подвале через несколько минут погибали. После этого погибших сжигали в крематориях, коих было также пять, пропускной мощностью 2500–3000 чел. в сутки каждый, причем, не успевая сжигать в крематориях, фашистские звери производили сжигание в специально вырытых канавах, детей же бросали живыми в ров или в печь и сжигали. Те же люди, которые оставались в лагере при поступлении в таковой, на руке у каждого татуировался очередной номер, таких номеров было за все время существования лагеря 253 700 мужчин и около 70 000 женщин. Но и те, которые оставались на работах, подвергались своеобразным изысканиям средств быстрого уничтожения. Во-первых, уничтожались путем голода, путем непосильной человеческой работы, разных методов пыток; лишения воды, избивания палками, прикладами, лопатой и т.п., бытовые условия были поставлены так, чтобы человек погиб — завышенность, недоставание воды для мытья посуды, что приводило к эпидемическим заболеваниям (сыпной и брюшной тиф и дизентерия). Однако заболевших не лечили, а отбирали и уничтожали газом, впрыскиванием карболовой кислоты в сердце и физическим удушением. Кроме того в лагере расстреливали, особенно в II блоке — политических заключенных, в большинстве поляков. В лагере также существовала своеобразная лаборатория опытов по стерилизации, кастрации, преследуя своей основной цели лишения славянского и вообще побежденных народов давать потомство. Кроме того, проводились опыты действия медикаментов, определения их смертельной дозы. Из числа 253 700 мужчин и 70 000 женщин, которые работали на разных работах, оставались в живых 27.1.45 48 342 заключенных мужчин, 16 403 женщин. В лагере находилось 16 000 военнопленных русских — осталось всего лишь 96 человек живых. Характерно то, что к пленным применялись особенно изысканные фашистские жестокие средства уничтожения, пыток. В первую очередь уничтожался офицерский состав и имеющие специальность учителя, врача, журналиста, инженера и другие. А всего на день вступления Красной Армии в лагере осталось 4800 человек больных и частично работавших в лагере заключенных и обслуживающий персонал — остались только благодаря тому, что немецко-фашистские захватчики в связи со стремительным наступлением Красной Армии не успели вывезти, а также уничтожить.

[Подписи:]

п/п Майор — Челядин И.П.

Капитан — Томов Ф.И.

Ст. сержант — Россолов Г.П.

Ефрейтор — Василенко

Врач лагеря — Штейнберг С.Ю.

Врач Гордон Я.А.

Врач Вольма Я.А.

Доцент мед. наук Капустинский С.А.

Профессор Эштейн Б.В.

Учетчик лагеря Фолькенштейн Г.И.

Позднейшее обобщение показало, что в момент освобождения на территории концлагеря и его филиалов было обнаружено около 650 трупов узников, в основном женщин, или умерших от истощения, или расстрелянных эсэсовцами перед уходом. Дожили же до освобождения около 9 тысяч человек, из них 7 тысяч — в трех главных лагерях — Моновице, Биркенау и Аушвице²³.

А вот как то же самое выглядело глазами первого советского коменданта Аушвица-Освенцима Григория Давидовича Елисаветинского. Спустя неделю, 4 февраля, он описал жене то, с чем столкнулся:

«Моя Любушка, Ненуся!

Вот уже три дня как я тебе опять не мог написать. Но на этот раз причины необычные. Мало того, что мы в движении, так то, что я пережил за последние три дня, не поддается никакому описанию. За три с половиной года войны я видел много ужасов и кошмаров, но то, что я лично видел в Освенциме, этого нельзя было себе представить даже при самой невероятной фантазии. Представь себе город, вокруг которого устроено 9 лагерей, в которых в среднем 60-80 тыс. народа со всех стран мира. Но туда достаточно зайти, не только там быть, и увидеть этих людей, чтобы лишиться рассудка. Здесь было четыре печи (крематории), в которых ежедневно сжигали по 15-25 тыс. человек. В дни наибольшей нагрузки, когда не успевали в печах сжигать людей, их сжигали в таких специальных цементных ямах, куда людей бросали живыми. В этих ямах сжигали по 15 тыс. человек. Людей привозили сюда, якобы для санобработки, раздевали и вводили в такие подвалы, расположенные над печами, там все было устроено, как в душевой. Когда же подвал заполнялся от 1500 до 2500 чел., закрывалась дверь, и туда пускали газы. Через 10-15 мин. умерщвленных людей подавали наверх, где и сжигали в печах. При этом эти изверги рода человеческого заставляли сжигать свои жертвы из числа обреченных на смерть. Большие того — отца заставляли сжигать своих детей; сына — родителей, а потом и самих исполнителей сжигали. Еще сейчас там картина потрясающая. Везде валяется столько трупов, что я тебе передать не могу. Входил в барак, где лежит в ряд 400 живых трупов. Эти люди лежат несколько дней, и никто к ним даже не входил. Никто им не давал ни есть, ни пить, и они лежали и ждали своей мучительной кончины. Можешь себе представить, какой вой они подняли, увидев живых людей, в которых они сразу почувствовали своих спасителей. Сейчас развернут там госпиталь (наш), куда уже свезли 4000 чел., но это только капля в море. А если бы ты видела, что делалось с людьми, когда они увидели хлеб, они ноги целовали, они выли (буквально выли, а не плакали), как безумные. В лагере имеется детский барак. Когда мы зашли туда, мои нервы больше не выдержали, у меня сперло дыхание, и слезы меня начали душить. Туда свезли еврейских детей разных возрастов (близнецов). На них, как на кроликах, производили какие-то эксперименты. Я видел парня лет 14, которому с какой-то «научной» целью впрыснули в вену

керосин. Потом у него вырезали кусок тела и послали в Берлин в лабораторию, ему же вставили другой кусок тела. Сейчас он лежит в госпитале весь в глубоких гниющих язвах, и ничего с ним сделать нельзя. По лагерю ходит красавица-девушка, молодая, но умалишенная. Я вообще поражаюсь, как эти люди, которых мы видели, не сошли с ума все. Да, если до сих пор мы освобождали лагерь смерти, то Освенцим можно по праву назвать «Главное назначение лагерей — массовое истребление людей, в первую очередь евреев, свозимых со всей Европы... Евреи уничтожены полностью. Город поголовного массового истребления неповинного народа». До 15 миллионов чел. они здесь истребили.

Ненуся, родуночная моя! Может, я не должен был тебе писать это, но поверь, я не могу не поделиться с тобой. Четвертый день, как не ем, спать не могу. Я даже смеяться перестал. Я серьезно заболел. Как жаль, что я не обладаю даром слова и не владею пером. А то бы я все то, что видел, описал бы в печать, чтобы все читали, чтобы все знали, что такое немец, ибо до сих пор мы еще, оказывается, по-настоящему не изучили этих двуногих зверей. Теперь я только убедился, как бледно описывают в печати наши репортеры все ужасы и кошмары, чинимые немецкими зверями. Ведь если описать простыми словами то, что я видел, так люди бы, читая, рыдали»²⁴.

Обратите внимание на то, что узники лагеря смерти и их освободители пользуются еще немецкими топонимами (Аушвиц, Биркенау), а советский комендант — уже польскими! Отныне на польские — Освенцим и Бжезинка — предстояло переучиваться всем!

28 января Гришаев докладывал Ящечкину, что в Освенциме и его филиалах осталась несколько тысяч узников из всех стран Европы: «Все крайне истощены, плачут, благодарят Красную Армию. Люди — многих национальностей, но евреев не встречал. Узники говорят, что все они были уничтожены <...> Картина страшная по своей трагичности»²⁵.

С каждым днем тон донесений становился тверже.

На следующий день, 29 января: «Специальной комиссией установлены ужасные злодеяния немецких извергов в лагере Освенцим, которые превосходят все известные нам зверства. По показаниям освобожденных, за 4,5 года уничтожено до 4,5 миллионов человек. Бывали дни, когда уничтожалось по 25–30 тысяч человек, в первую очередь евреи из всех стран Европы. Перед приходом Красной Армии примерно 8 тысяч заключенных вывезено в Германию. Печи немцы взорвали, пепел развеяли по полям, ямы с сожженными трупами заровняли»²⁶.

А донесение от 30 января имело даже подзаголовок «Об освенцимском концлагере»:

«В радиусе 20–30 километров на территории Домбровского угольного района имеется 18 филиалов концлагеря. Каждый — до 10 квадрат-

ных километров. В лагере — до 80 барачков. Барак — на 200–300 узников. Главное назначение лагерей — массовое истребление людей, в первую очередь евреев, свозимых со всей Европы. Узники — даровая рабочая сила на шахтах и заводах синтетического горючего. За 4,5 года в этих лагерях уничтожено 4,5 миллиона человек. Бывали дни, когда прибывало 8–10 эшелонов с заключенными. 5–10% здоровых, годных для тяжелых работ, оставляли, остальных — уничтожали. 4 крематория имели по 10 камер для удушения людей газом и до 30 печей для сжигания трупов. Каждая камера вмещала до 600 человек. Крематории не справлялись с сжиганием трупов, и часть их сжигали в ямах 40х40 метров, обливая горючим.

Одновременно в лагере было 25–30 тысяч человек. Режим быстро приводил к истощению, обрекая узников на смерть. Работали по 12 и более часов. Избиения, пытки, издевательства, расстрел на каждом шагу. В лагере Освенцим освобождено 2 тысячи узников, в Бжезинке 2,5 тысячи, в других по 500–800 человек. Евреи уничтожены полностью. 40% так истощены, что не могут двигаться. Их совсем не кормили уже несколько дней»²⁷.

Точные детали здесь перемешались с неточными, но представление о том, чем являлись Аушвиц-Освенцим и Биркенау-Бжезинка на самом деле и какую «роль» во всем этом играли евреи, на уровне политотдела армии и даже фронта было совершенно реалистичным: «Главное назначение лагерей — массовое истребление людей, в первую очередь евреев, свозимых со всей Европы... Евреи уничтожены полностью».

Напомним еще раз выводы Ф. Пипера: около 90% главных изделий этого конвейера смерти — человеческих трупов и пепла — пришлось на евреев: в абсолютном измерении, по оценкам серьезных ученых, это составляет 900–960 тысяч жертв из общего числа в 1,0–1,1 миллиона²⁸.

Освенцим и Бжезинка — евреев не стало еще раз

От Ящечкина из Политуправления 1-го Украинского фронта сообщения об Освенциме ушли еще выше — в ГлавПУРККА, а оттуда — еще выше, в ЦК ВКП(б): 9 февраля 1945 года заместитель начальника Главного политического управления РККА Шикин доложил в ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову содержание донесений начальника Политуправления 1-го Украинского фронта генерал-майора Ящечкина об освобождении Освенцима и, по-видимому, приложил копии некоторых из процитированных выше документов.

Это письмо отделяет от последнего из донесений Гришаева всего 10 дней, но по мере подъема по этой вертикали представление об Освенциме за одну декаду трансформировалось до неузнаваемости. Прочитав часть письма, которая касается Освенцима целиком:

«ЦК ВКП (б)

Тов. АЛЕКСАНДРОВУ Г.Ф.

Начальник Политуправления 1-го Украинского фронта генерал-майор тов. Яшечкин донес ГлавПУРККА следующее:

1. Немецкий концентрационный лагерь в Освенциме состоял из 22 филиалов, размещавшихся вокруг города. В лагере имелось до 80 барачков, в каждом из них содержалось 300–400 человек. Главное назначение лагеря — массовое истребление людей, свозимых со всех оккупированных немцами стран Европы.

Француз офицер армии де Голля, находящийся и сейчас в Освенциме, капитан Лео Морис, бывший заключенный, имевший лагерный порядковый номер 185 930, заявил: «Я видел своим глазами прибывающие в лагерь транспорты с людьми. Царивший в лагере внешний порядок и музыка вначале обманывали людей. Однако сильный трупный запах и быстрая молчаливая сортировка прибывавшим внушали тревогу. Обреченные на казнь уже больше не видели друг друга. Я никогда не забуду эти страшные дни в моей жизни».

Хирург Штейнберг, француз, который провел в Освенцимском лагере три года, сказал: «Лагерь в Освенциме страшнее лагеря в Майданеке, он раньше отстроен и дольше существовал. В нем впервые немцы применили новые средства уничтожения людей».

Адам Курилович, бывший председатель профсоюза железнодорожников Польши, находившийся в лагере с 26 июня 1941 года, лично знавший многих заключенных, рассказал: «С первых же дней я понял, что лагерь создан для истребления людей. Орудия истребления были тогда самые примитивные. Конвоиры, сопровождавшие нас на работу во время рытья земли, ударяли заключенного лопатой по голове, человек падал. Немец поворачивал его, ставил лопату на горло и нажимал на нее ногой. Ослабевших людей сталкивали в канавы, где они гибли».

15 сентября 1941 г. для испытания только что построенной газовой камеры загнали в нее 80 русских и 600 поляков. Все они были умерщвлены в течение трех дней. Мы выносили и взрывали их трупы, так как кремационных печей в то время не было. Заключенных расстреливали ежедневно. Лагерный палач немец Лалич хвастался, что он расстреливал за день 280–300 человек».

Венгерский ученый профессор Мансфельд, заключенный в лагерь за участие в международном физиологическом конгрессе в Москве и спасенный нашими войсками, заявил: «С начала 1942 года немцы стали практиковать впрыскивание раствора карболовой кислоты в вены, затем в аорты и наконец в сердце. Человека с завязанными глазами усаживали в кресло и вонзали шприц между ребер в сердце. Смерть наступала мгновенно. Однажды таким способом сразу было убито 140 подростков-поляков. Палачи исследовали на заключенных различные способы умер-

цвления. На моих глазах одному больному впрыскивали в ногу керосин, а потом отрезали куски тела для исследования изменений, происходящих в тканях. На заключенных применялись также различные способы стерилизации людей».

Умерщвление людей при помощи газовых камер было признано немцами самым рентабельным. В 1942 г. в лагере № 2 Бжезилька²⁹ были пущены 4 газовых камеры и 8 крематориев, по пятнадцати печей. К началу 1943 г. подвели железнодорожную ветку, по которой ежедневно подавались эшелоны смертников. Истребление людей проводилось круглосуточно. 3 тысячи штатных палачей работали под звуки оркестра, заглушавшие предсмертные вопли жертв. Всего сожжено в печах, на кострах, замучено и расстреляно более 4 миллионов человек.

27 января войска армии, где начальником политотдела тов. Гришаев, освободили несколько тысяч заключенных, которых гитлеровцы не успели угнать в глубь Германии. В числе освобожденных белорусская женщина из колхоза «Затишье» Верняк Мария Николаевна, сосланная сюда вместе с дочерью за помощь партизанам; украинка Дьяченко Ольга, бывшая студентка Харьковского химтехникума, пытавшаяся убежать с германской каторги; чешка Скалова Анастасия, схваченная гестаповцами в селении Лидице вблизи Праги, югославка Коваль Фаня, арестованная за участие сыновей в партизанском отряде; французженка Мотте Маддена; итальянка Матеуси и многие другие. Среди освобожденных около 3.000 больных и истощенных людей, не способных самостоятельно передвигаться и которых администрация лагеря не успела уничтожить.

Больные лежали в комнатах-казематах на трехэтажных нарах, тесными рядами. В последние дни их совсем не кормили. Сейчас больные и истощенные размещены просторнее. Им оказывается медицинская помощь и организовано питание³⁰.

<...>

Заместитель начальника Главного политического управления Красной Армии ШИКИН». ³¹

Как видим, события, напрямую касавшиеся почти исключительно евреев, в донесении упоминаются, а вот сами евреи — ни разу! Интересно, на каком из этажей сконструировали эту «заглушку» — на уровне армии или на уровне ГлавПУРККА?

Мало того — бумага стерпела еще и не то! 22 апреля 1945 года инструктор капитан Рыбаковский опросил несколько узников концлагеря Аушвиц, находившихся на пересыльном пункте в Кракове. В донесении, poslanном начальнику отделения по работе среди польского населения, он привел следующее «свидетельство» инженера-строителя из Киева Н.А. Курского³²: «Акт отравления газом и сожжения трупов до VIII м[еся]ца 1944 г. производили евреи, которые знали хорошо немецкий язык и надеялись стать впоследствии немцами. С VIII м[еся]ца, когда

Красная армия перешагнула польскую границу; евреи все были сожжены, а их место заняли поляки, которые приспособивались к немцам и очень сильно тиранили русских, украинцев и вообще граждан СССР, не скрывая, что они ненавидят русских за отнятые у Польши Зап. Украину и Зап. Белоруссию»³³.

Отчеты, сделанные своими по освобождению филиалов Аушвица и самого Аушвица в конце января 1945 года, мало что добавили к этой картине. Относительно числа жертв разные донесения давали разные цифры — от 400 тыс. до 4-4,5 млн жертв.³⁴

Примечательно, что уже в этом отчете не было ни малейшего намека на еврейство, как, впрочем, и указаний на советских военнопленных.

Тем более не было их в более поздних документах. Так, в заключении госсоветника юстиции Д.И. Кудрявцева, эксперта и представителя ЧГК на процессе над военными преступниками — служебным персоналом КЛ «Освенцим», представленном Верховному трибуналу ПНР 13 декабря 1947 года, слово «еврей» вообще ни разу не прозвучало. Более того, очевидные случаи преступлений, совершенных против греческих евреев, например, характеризуются в заключении как преступления против греков³⁵.

Желание вытравить этнический компонент из всего того, что происходило в Аушвице, более чем очевидно.

Заключительным аккордом стало сообщения ЧГК «О чудовищных преступлениях германского правительства в Освенциме», опубликованное в «Красной звезде» накануне Дня Победы — 8 мая 1945 года. В нем говорится, что «...за время существования Освенцимского лагеря немецкие палачи уничтожили в нем **не менее 4 миллионов граждан СССР, Польши, Франции, Югославии, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Болгарии, Голландии, Бельгии и других стран**».

Если немецкие нацисты изводили «Циклоном Б» именно еврейскую расу и упивались именно еврейской кровью, то интернационалисты-большевики главпуровской перекисью постарались вытравить именно этническую составляющую чудовищного преступления, совершавшегося в Аушвице или в Бабьем Яру.

Подумать только — Шоа мирных советских граждан!

Еврейская катастрофа — и без евреев!

¹ *Документы обвиняют...*, 1996. С. 115–116. Со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 60-й армии. Оп. 10597. Д. 151. Л. 165-171.

² См. в главе «Что и когда союзники знали об Аушвице» в настоящем издании.

³ *Петренко*. 2000. С. 100.

⁴ Петренко Василий Яковлевич (1912–2003), генерал-лейтенант. Профессор, бывший начальник кафедры военного искусства Академии имени Фрунзе.

⁵ *Петренко*. 2000. С. 103.

⁶ Петренко. 2000. С. 90–91.

⁷ Эвакуировались не только люди, но и вещи. Так, между 1 декабря 1944 и 16 января 1945 гг., или в последние 1,5 месяца функционирования концлагеря, в вещевом складе «Канада» было переработано и подготовлено для отправки 99 992 штуки детского платья и белья, 224 269 штук мужского платья и белья и 192 652 штуки мужского платья и белья, итого 516 843 штуки платья и белья. Уже к 9 января 1945 г. 96 310 штук различных видов одежды было разослано по концлагерям во внутренней Германии — больше всего в Маутхаузен и Гросс-Розен, но, кроме того, и в Дахау, Равенсбрюк, Миттельбау-Дора, Нойенгамме, Заксенхаузен, Штуттоф и Флоссенбург (*Strzelecki*, 2000a. S. 92–94.)

⁸ Петренко. 2000. С. 93.

⁹ Петренко, 2000. С. 86–88.

¹⁰ Командир — генерал П.Ф. Ильиных.

¹¹ Командир — генерал П.И. Зубов.

¹² По другим данным, освобождение Моновица состоялось только утром 27 января (*Czech*, 1989. S. 993–994).

¹³ Журнал боевых действий 286-й стрелковой Ленинградской Краснознаменной дивизии (*ЦАМО*. Ф. 1584. Оп.1. Д.52. Л.3об.)

¹⁴ *Документы обвиняют...*, 1996. С. 111–112. Со ссылкой на: *ЦАМО*. Ф.60-й армии. Оп. 10597. Д.151. Л.70-73. Воспроизведено также в: Петренко. 2000. С. 108–109. (Со ссылкой на *ЦАМО*, но без указания сигнатуры и без упоминания Ф.Д. Свердловца). См. также: «Трагический урок» [Интервью с генералом В.Я. Петренко]. // Лехаим. 2001. Февраль. № 2.

¹⁵ *ЦАМО*. Ф. 1584. Оп.1. Д.103. Л.34-35 (нам сообщено Д. Полем и М. Ульмом, обнаружившим этот документ). В акт включены свидетельства С. Ярошевского и бывших советских военнопленных Н.К. Сафонова, К.А. Казаринова. Последний, в частности, рассказал, что в городе Явожно был и обособленный лагерь английских военнопленных, эвакуированных немецким командованием вглубь Германии за два месяца до прихода Красной Армии.

¹⁶ *ЦАМО*. Ф. 1584. Оп.1. Д.103. Л.26-27.

¹⁷ Начальник штаба полка полковник Дегтярёв.

¹⁸ В донесении Гришаева Яшечкину от 27 января 1945 г. говорится об освобождении и Аушвица, и Биркенау; в этом донесении, при всей путаности и фантастичности некоторых его данных, сообщенных узниками, действительно упоминаются признаки обоих лагерей (*ЦАМО*. Ф. 60-й армии. Оп. 10597. Д.151. Л.82-83). Однако, по другим сведениям, Биркенау освободили только на завтра, 28 января. См.: Журнал боевых действий 286-й стрелковой Ленинградской Краснознаменной дивизии (*ЦАМО*. Ф. 1584. Оп.1. Д.52. Л.3об.)

¹⁹ Шапиро Анаголий Павлович (1913, Константинополь Полтавской губ. — ок. 2005, США) — в 2006 г. президент Украины В. Ющенко присвоил ему посмертно звание Героя Украины с вручением ордена «Золотая Звезда».

²⁰ В боях за освобождение концлагеря и его филиалов погиб 231 красноармеец (*Czech*, 1989. S. 994–995).

²¹ См. на сайте «Наша победа», подготовленном РИА «Новости» — <http://9may.ru/27.01.1945/inform/m2931>

²² *ЦАМО*. Ф. 1584. Оп.1. Д.103. Л.20-21 (нам сообщено Д. Полем и М. Ульмом, обнаружившим этот документ).

²³ *Czech*, 1989. S. 995.

²⁴ *Сохрани мои письма...*, 2007. С. 299.

²⁵ *Документы обвиняют...*, 1996. С. 113–114. Со ссылкой на: *ЦАМО*. Ф. 60-й армии. Оп. 10597. Д.151. Л.85. Последняя переключка, проведенная 17.01.1945 в трех Аушвицких концлагерях и их филиалах, дала следующий результат (чел.): Аушвиц-1 — 10 030, Аушвиц-2 — 11 576 и Аушвиц-3 — 33 045, всего 54 651 чел., в т.ч. 96 советских военнопленных (*Kraus, Kulka*, 1991. S. 370–371).

²⁶ *Документы обвиняют...*, 1996. С. 114. Со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 60-й армии. Оп. 10597. Д.151. Л.201-202.

²⁷ *Документы обвиняют...*, 1996. С. 115–116. Со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 60-й армии. Оп. 10597. Д.151. Л.165-171.

²⁸ См. в главе «Резиденция смерти...» в настоящем издании.

²⁹ Так в тексте.

³⁰ В самом Освенциме был развернут Терапевтический полевой подвижной госпиталь № 2692 (см. в главе «Свитки из пепла...» в настоящем издании).

³¹ *РГАСПИ*. Ф.17. Оп. 125. Д.323. Л.1-5. За № 257200 с пометой: «В архив. 8/III».

³² Лагерный номер 183830. В Биржанау Николай Курский попал из Майданека 13 апреля 1944 г. Он зафиксирован в документации Института Гигиены СС в Аушвице среди лиц с диагнозом «подозрение на туберкулез дыхательных путей» за 8, 18 и 20 сентября 1944 г. (*АРМАН*. Segr. 48. SS.1387; Segr.49. S. 754; Segr. 50. S. 677)

³³ *ГАРФ*. Ф.Р-7021. Оп.108. Д.26. Л.4.

³⁴ *Документы обвиняют...*, 1996. С. 111–116. Различные отчеты начальника политотдела 60-й армии, освобождавшей Освенцим. См. их сводку в: Полян П.М. Первые советские оценки численности жертв лагеря смерти Аушвиц // *Отрицание отрицания...*, 2008. С. 359–382.

³⁵ *ГАРФ*. Ф.Р-7021. Оп.108. Д.38.

ЧЕРНОРАБОЧИЕ СМЕРТИ: «ЗОНДЕРКОММАНДО» В АУШВИЦЕ-БИРКЕНАУ

Были мы люди, а стали людьё...
О. Мандельштам

Умри ты сегодня, а я завтра...
Гулаговская поговорка

Я тогда вообще не был человеком. Если бы я им был, то не уцелел бы и секунды. Мы только потому выстояли, что в нас не оставалось ничего человеческого.

Высказывание члена «зондеркоммандо»

«Зондеркоммандо»: понятие и фронт работ

...В Аушвице убивали всегда. Убивали жестоко, беспощадно, по-садистски. Но поначалу — в рутинные времена старого концлагеря — как-то нетехнологично. Забить плеткой, расстрелять во дворе тюремного бункера и даже вколоть в больнице фенол в сердце подходящей жертве эксперимента — все это как-то слишком индивидуально, как-то неуместно полюбительски и как-то чересчур нерационально.

Тогда еще не было селекций, каждый узник был зарегистрирован и именовался не иначе как *Schutzhäftling* — «заключенный под защитой»¹. Он ли находился под защитой или защита была — от него?..

Историческая ирония этого оксюморонного словосочетания не ускользала от внимания тех, кого это напрямую касалось: «*Быть „подзащитным заключенным“ (Schutzhäftling) в величайшем лагере уничтожения парадоксально, это ирония судьбы, сознательной судьбы. Убийцы, садисты защищают нас! Мы пребываем под защитой, что означает предание нас произволу таких людей, таких воспитателей, которые и сами прошли соответствующее обучение — окончили аспирантуру высшего садистского знания, и все ради того, чтобы иметь возможность нас соответствующим образом «защищать»!»²*

Несостоятельность и неуместный романтизм персонифицированной смерти стали очевидны перед лицом поставленной однажды лагерю задачи: посылить помощь в решении еврейского вопроса в Европе и перейти на принципиально новый вид убийства — массовый, безымянный и, в пересчете на один труп, недорогой.

Чуть ли не здесь же, в Аушвице, сами и догадались о наилучшем оружии такого убийства — о химическом: дешевый газ-инсектицид «Диклон

А», уже применявшийся в сельском хозяйстве для дезинфекции одежды и помещений и для борьбы со вшивостью, подходил для этого идеально.

После серии «успешных» экспериментов в бункере 11-го блока и в мертвецкой крематория I в сентябре 1941 года в качестве оптимального орудия убийства была признана особая разновидность «Циклона А», перенацеленная на людей, — газ «Циклон Б»³.

Этот яд представлял собой так называемый кизельгур — пропитанные синильной кислотой гранулы инертного пористого носителя зеленоватого или голубоватого цвета. При их вбрасывании в помещение газовых камер происходило испарение паров синильной кислоты, причем наиболее эффективное испарение начиналось при температуре около 12 градусов по Цельсию. Поэтому помещения газовых камер всегда, даже летом, немного протапливали: газ тогда лучше расходился и быстрее вершил свою работу.

Для удушения 1000 человек парами содержащейся в «Циклоне Б» синильной кислоты было достаточно всего четырех килограммовых банок вещества!

Этот незримый, без цвета и запаха, газ — «Циклон Б» — не знал жалости: перекрывая (буквально) человеческим тканям кислород, пары синильной кислоты начинали свое действие с невыносимой горечи во рту, затем царапали горло, сжимали грудину, вызывая головную боль, рвоту, судороги и одышку. Так что можно было только позавидовать тем, кто оказывался ближе всего к упавшим сверху кристаллам — вслед за короткими судорогами человек терял сознание и уже не чувствовал, как наступал паралич всей дыхательной системы. Смерть наступала в конвульсиях, людские тела превращались в ярко-розовые, покрытые зелеными пятнами скорченные трупы.

Искорженные страданием, вцепившиеся друг в друга, окровавленные и перепачканные испражнениями трупы извлекали, грузили на вагонетки и сбрасывали в огромные и никогда не остывавшие ямы-костры... Не забыв, разумеется, перед тем заглянуть им в рот и вырвать золотые зубы, а у женщин — еще и выдрать сережки и срезать волосы.

Поэтому не удивительно, что одним из синонимов «зондеркоммандо»⁴, бывшим в ходу у эсэсовцев и у самих узников Аушвица, было «газкоммандо». Именно под этим «псевдонимом» фигурировали члены «зондеркоммандо» и на Нюрнбергском процессе. Обозначение «зондеркоммандо» встречается в материалах процесса около 30 раз, но имеются в виду главным образом «зондеркоммандо» СД, занимавшиеся убийствами и незаконным разбоем в тылу вермахта.

«Зондеркоммандо» в том значении, как оно сложилось в Аушвице-Биркенау, упоминается всего несколько раз: впервые — как «газкоммандо» — на утреннем заседании 28 января 1946 года. Мари-Клод Вейян-Купорье рассказала о блоке 25 как о преддверии смерти, о разворачивавшихся перед ее глазами (сама она — обитательница барака 26 в женском лагере)

селекциях на рампе и о самих газациях довольно точно. 8 февраля 1946 года вопроса о «зондеркоммандо» вскользь коснулся Руденко, главный обвинитель от СССР. Упоминались они и в цитате из обращения Комитета бывших узников Аушвица⁵.

Попробуем между тем разобраться с самим словом *Sonderkommando* — «зондеркоммандо»⁶.

Само по себе оно означает всего лишь «отряд особого назначения» — не больше и не меньше. Но Вторая мировая война привязала его значение к СС и одновременно сузила до нескольких специфических разновидностей.

Основная коннотация — передовые части «айнзацгрупп СД», то есть «боевых групп службы и полиции безопасности», действовавших в оперативном тылу войск: они охотились за вражескими функционерами, подпольщиками и архивами, организовывали тюрьмы и лагеря, но массовыми убийствами населения не занимались — на то были «айнзацкоммандо СД» (боевые отряды) и другие охотники. Знаменитой была созданная в январе 1942 года «Зондеркоммандо 1005» под командованием Пауля Блобеля, задача которой заключалась в повсеместном исправлении одной логистической ошибки палачей в 1941 году — в уничтожении постфактум следов всех массовых экзекуций, где бы и как бы они ни происходили. Непосредственно раскапыванием и сжиганием трупов занимались так называемые «лайхенкоммандо»⁷, состоявшие, как правило, из советских военнопленных, реже — из самих евреев.

Та же «ошибка» была допущена и в Аушвице-Биркенау, где к тому же из-за высокого уровня грунтовых вод⁸ возникла реальная опасность заражения источников питьевой воды трупным ядом⁹. Отсюда и аналогичная с Бабьим Яром потребность — выкопать и сжечь трупы и избавиться от пепла. Но тех, кого в Бабьем Яру называли бы «лайхенкоммандо», здесь называли «зондеркоммандо»: среди них были — буквально единично — и немцы-уголовники, и поляки, и те же советские военнопленные, но подавляющее большинство были евреями — физически крепкими, подобранными из числа тех, кто прошел селекцию на рампе. Их кардинальной особенностью было то, что они же совмещали свою деятельность в духе «акции 1005» (а она продолжалась недолго — с конца сентября по начало декабря 1942 года) с другой — своей основной деятельностью, куда более тяжелой и физически, и морально.

А именно — с разносторонним ассистированием немцам в массовом, конвейерном убийстве сотен и сотен тысяч других евреев и неевреев в газовых камерах, в кремации их трупов и в утилизации их пепла, золотых зубов и женских волос.

Это была совершенно особая команда, почти сплошь состоящая из заключенных евреев и обслуживавшая весь этот конвейер смерти — почти от самого начала и до самого конца. Это они, члены «зондеркоммандо», надевали противогазы и извлекали трупы из газовен, сбрасывали

вали их в костры или загружали в муфели крематориев, ворошили и хоронили их пепел, бранный пепел сотен тысяч людей, убитых на этой фабрике смерти.

Эта подсобная деятельность могла быть самой разнообразной. Так, чрезвычайно желательным для СС было спокойное состояние и поведение жертв перед их умерщвлением. Поэтому к технологии убийства и к обязанностям членов зондеркоммандо относились и успокоительные мероприятия, или, как сказали бы сейчас, операции прикрытия, — для чего и привлекались зондеркоммандовцы, как «свои»¹⁰.

Но так было не всегда. Функционал, численность — и даже национальный состав! — соответствующих «бригад особого назначения» варьировал и видоизменялся во времени.

Самая первая «зондеркоммандо» действовала на крематории I в Аушвице-1: она состояла наполовину из поляков, имела дело только с трупами и справедливо именовалась «крематориумскоммандо» (*Krematoriumskommando*). Те, кого использовали на импровизированных бункер-газовнях и массовых могилах, именовались командами по очистке и захоронению (*Räumungs- und Begrabungskommando*), а те, кого заставляли разрывать братские могилы и сжигать останки в огненных ямах, так и назывались командами по эксгумации и сжиганию (*Exhumierungs- und Verbrennungskommando*).

С марта 1943 года вернулся термин «крематориумскоммандо», причем росло число самих таких команд — по мере пуска в строй все новых крематориев¹¹.

И, наконец, самая последняя дефиниционная новация — команда по обрушению крематориев (*Abbruchkommando Krematorium*).

Номинально все это — преемственные разновидности различных «арбайтскоммандо». И хотя в официальном документообороте Аушвица-Биркенау термин «зондеркоммандо» тоже встречается (начиная с сентября 1942 года), но скорее как метафора и эвфемизм, как лингвистическая «операция прикрытия», но еще и как собирательный термин для описанного разнообразия. Именно поэтому шире всего он привился в лагерном обиходе, прочно обосновавшись в лексиконе как эсэсовцев, так и узников.

Образцовая фабрика смерти

«Операцией прикрытия» было и употребление символики Красного Креста. Именно красный крест красовался на так называемых «санкарах» — легковых санитарных машинах, на которых на каждую операцию приезжали и уезжали дежурный врач и эсэсовцы-палачи. Красные кресты были нашиты или намалеваны краской и на синих шапках у членов «зондеркоммандо» — их спецодеждой были не казенные полосатые робы, а самая обыкновенная гражданская одежда¹², вызывавшая у жертв минимум подозрений.

И только само убийство — вбрасывание в камеры ядовитого коагулянта — немцы евреям не доверяли и оставляли безоговорочно за собой¹³. Непосредственно палаческую работу выполняли эсэсовцы среднего звена. Когда они выезжали к газоням, их обязательно сопровождал врач¹⁴, наблюдавший за всем из машины: не дай бог с ними что-нибудь случится¹⁵. У эсэсовцев, конечно же, были противогазы, которые они, бахваясь своей «храбростью», не всегда одевали, а также специальные приспособления для быстрого открывания больших банок с гранулами. Вбрасывая гранулы в газовые камеры сквозь специальные отверстия-окошечки¹⁶ сверху или сбоку, они посмеивались и переговаривались друг с другом о пустяках. После чего закрывали окошки цементными или деревянными ставнями-втулками.

Но иногда, вопреки инструкции, они даже не закрывали их, а смотрели, сквозь стекла противогазов, с любопытством и торжеством, на то, что происходит внизу. На то, как люди, карабкаясь друг на друга, кидались к этим окошкам, и как первыми умирали те, кто оказывался внизу: может быть, и не от удушья еще (сама агония отнимала не менее 6–7 минут), а от того, что их раздавили, — то были в основном инвалиды и дети. Перед смертью люди цеплялись, вгрызались ногтями в исцарапанные уже и до них стены...

Налюбовавшись и закрыв ставни, они садились в свои машины с флажками и красными крестами, нарисованными на боках, и, продолжая болтать, уезжали...

Кстати, место циническому веселью и палаческому юмору находилось везде. Шутники-немцы говорили раздевшимся детишкам, чтобы они не забыли взять с собой мыло и чтобы обязательно связали сандалики или туфельки шнурками. «*Готово!*» — говорил врач, посматривая то на часы, то в глазок двери газовой камеры. «*Камин*» — вот ласковая кличка, данная эсэсовцами крематориям. «*Himmelskommando*» («*Небесная команда*») — пошучивали эсэсовцы по адресу не то уничтоженных уже евреев, не то живых еще зондеркомандовцев¹⁷. «*Угощайтесь*» или «*жрите*», — говорили они, вбрасывая в «душевые» камеры газ. «*Рыбам на корм*», — шутили о пепле, загружаемом в грузовики для сбрасывания в Вислу или Солу.

Если жертв было немного (по разным свидетельствам, верхней границей этого «немного» было 100 или 500 чел.)¹⁸, то «Циклон Б» на них не тратили, а убивали пистолетными выстрелами в затылок. Происходило это во дворе крематория, а иногда и в его внутренних помещениях. В таких случаях степень соучастия членов «зондеркомандо» в процедуре убийства становилась на порядок нагляднее и очевидней: нередко двоим из них приходилось держать жертву за руки и за уши, пока палач не спускал курок¹⁹. И, хотя непосредственным убийцей по-прежнему оставался немец-эсэовец, еврей-зондеркомандовец в этом случае уже не мог не ощущать своего *прямого* соучастия в происходящем²⁰.

Огненной ямы или крематория из жертв не избегал никто, и, в конечном счете, от 70–75-килограммового человека оставалось не более килограмма темно-серого пепла. Правда, берцовые кости почти никогда не прогорали до конца, и их приходилось потом дробить на специальных устройствах.

Иными словами, узким местом конвейера смертоубийства была не сама смерть, а заматание ее следов — как можно более скорое и полное сгорание трупов и уничтожение пепла.

Впрочем, и тут можно было не сомневаться в том, что применяемые технологии — самые совершенные, благо в области кремации и соответствующего печестроения Германия была мировым лидером.

Свою первую в Аушвице кремационную печь эрфуртская фирма *Topf und Söhne* установила в августе 1941 года. В середине августа она уже была введена в строй, получив со временем обозначение «Крематорий I».

Этот крематорий постоянно развивался и, начиная с 15 декабря 1941 года, имел уже четыре действующие муфельные печи, работавшие на коксе, а вскоре их стало шесть. Но изначально пропускная способность этого мини-крематория была скромной — всего 54 трупа за час.

Когда в Берлине или Ванзее было принято решение о превращении концлагеря Аушвиц в ультрасовременный комбинат по уничтожению евреев, стало ясно, что крематорию I такие задачи не по силам. Уж больно скромной и неэффективной была самодельная газовая камера при нем. Но окончательно он был остановлен только в июле 1943 года, после чего его зажигали лишь изредка, по особым случаям.

Решения о строительстве столь мощного узла из четырех гигантских крематориев были приняты, и соответствующие заказы сделаны летом–осенью 1942 года. Сами строительство пришлось в основном на зиму 1942/43 гг., стройки были, понятно, ударными, и расходных материалов, как то: кирпичей, цемента и узников — не жалели. Строителям крематориев, — хотя они, конечно, и не члены зондеркоммандо, — тоже было что рассказать.

Один из них, Лейб Зильбер из Цеханува, работавший на строительстве крематория II, поведал о следующей практике. Капо строительства крематория II, немец-уголовник по кличке «Геркулес», всегда одетый в советскую солдатскую шинель, и четверо его помощников-поляков набирали дюжину-другую еврейских рабочих и предлагали им громко спеть, обещая после этого «хорошую» работу в тепле. Те охотно услаждали слух меломанов, после чего их посылали на самую верхотуру — туда, где возводились высоченные трубы будущего «камина» и где были особо узкие и непрочные леса. Одного польского удара кувалдой по этим лесам бывало достаточно, чтобы они с треском проваливались и все жертвы падали с высоты на мерзлую землю. Других узников заставляли подтаскивать трупы к теплой бытовке капо, а некоторые из трупов — даже вовнутрь бытовки. Оказывается, что во время

пения «меломаны» внимательно высматривали, у кого из хора есть золотые зубы, каковые потом и вырывали прямо с мясом из их остывших ртов. С эсэсовской охраной все было согласовано — с ними расплачивались шнапсом, а прорабам сообщалось о несчастном случае на лесах из-за несоблюдения этими неопытными еврейскими узниками правил безопасности на высоте. А назавтра — взамен этих «неосторожных и неопытных» — нарядчики выписывали новых: и некоторые, наверное, с золотыми фиксами...²¹

Соответственно, между мартом и июлем 1943 года один за другим крематории становились в строй: первыми — крематории IV и II, за ними — V и III. Теперь именно им, крематориям фирмы «Гепф и сыновья», предстояла большая работа и предназначалась центральная роль, — но не в утилизации отходов и не в профилактике эпидемий, а в окончательном решении еврейского вопроса, в уничтожении раз и навсегда всей этой вражеской и вредоносной еврейской плоти.

Карл Прюфер и Фриц Зандер, ведущие инженеры фирмы, бодро соревновались друг с другом в поиске новых решений и технологий, могущих обеспечить прорыв в печном деле по утилизации трупной массы. В своих усилиях они далеко превосходили аппетиты даже своего кровожадного заказчика! Так, Прюфер разрабатывал идею круговых печей, а Зандер — своего рода огненного конвейера, способного работать практически безостановочно. В письме Зандера руководству своей фирмы от 14 сентября 1942 года прямо говорится, что речь идет об эффективной массовой кремации, в условиях войны, не оставляющей места какому бы то ни было пиетету, чувствительности или сентиментальности по отношению к трупам²²; зато, в условиях конкуренции, возникает острая необходимость оформления патента на его изобретение²³.

Между тем первая пробная топка принесла «неутешительные» результаты: сгорание трупов (по три в каждой из пяти пущенных печей) протекало чрезвычайно медленно (целых 40 минут!), после чего технические эксперты фирмы-производителя рекомендовали поддерживать пламя непрерывно в течение нескольких дней. Уже в марте 1943 года в газовой крематории II был впервые умерщвлен целый еврейский эшелон — партия из Краковского гетто.

Крематории II и III были настоящими печными монстрами: они имели по 15 топков (5 печей, каждая на 3 муфеля), тогда как крематории IV и V — всего по 8. Их суточная пропускная способность составляла, согласно немецким расчетным данным, по 1440 и 768 трупов соответственно. В горячие дни работа была круглосуточной и двухсменной и пропускная способность, скорее всего, реально перекрывалась.

И для природной эсэсовской наблюдательности и рационализаторства тоже находилось достойное место: так, ущерб от того, что трупы кидались в печи немного сырыми (поскольку перед этим их волокли по цементному полу, периодически обдаваемому водой из шланга — тогда трупы сколь-

зили, и их легче было подтаскивать к печам), компенсировался тем, что мужские трупы клялись посередине, детские сверху, а женские (в них, как правило, больше жира) — по бокам²⁴.

А куда крематории в Биркенау еще только строились, их подменяли два других временных «цеха» аушвицкой фабрики смерти, расположенные поблизости. Два крестьянских подворья²⁵ были переоборудованы в центры по умерщвлению людей с помощью газа — в так называемый бункер № 1, или «Красный домик», с двумя бараками-раздевалками, и бункер № 2, или «Белый домик», — с четырьмя.

Поблизости, между двумя будущими подзонами крематориев, располагалась зона для складирования, обработки и хранения имущества еще живых узников (так называемая *Effektenkammer*), а также золотых коронок, драгоценностей, одежды, личных вещей и даже волос убитых²⁶. Эта гигантская каптерка получила в лагере неформальное, но весьма прижившееся обозначение — «Канада», восходящее к представлению о Канаде как о необычайно богатой стране, где буквально все есть²⁷. Этим обозначением в разговорах пользовались даже эсэсовцы.

В самый разгар операции по уничтожению венгерских евреев вновь обратились к практике сжигания трупов на кострах, но тогда ямы были приготовлены просто гигантские — 50 м в длину, 8 м в ширину и 2 м в глубину, к тому же еще и специально оборудованные (например, желобками для стекания жира — чтобы лучше горело!)²⁸. Вплоть до пуска в строй в Биркенау в 1943 году четырех новых крематориев трупы из газовен подвозили к этим ямам-костровищам на лорах — тележках, передвигающихся по импровизированным рельсам. В помещениях, прилегающих к газовням, были устроены сушилки для волос и даже золотая плавильня.

Поистине — образцовая фабрика смерти! Отменные цеха, квалифицированный менеджмент, вышколенный персонал!..

Гитлер с Гиммлером — как рачительные хозяева, а евреи — как дешевые чернорабочие и одновременно — как недорогое сырье. Местное или импортное — неважно: на транспорте тут не экономили!

Впрочем, ради главного — поставленного на поток производства еврейского пепла — не экономили ни на чем.

«Зондеркоммандо»: ротации и селекции

Все это, однако, требовало организации постоянных рабочих команд, обслуживавших эти чудовищные комплексы. Оговоримся: постоянно-временных, ибо «ротации» этих «секретносителей», то есть периодические уничтожения одних членов зондеркоммандо и замещение их другими, были при такой организации само собой разумеющимися.

Уже августом 1941 года датируется и первое обозначение «*Kommando Krematorium*» в таблице рабочих команд концлагеря. Устно она называлась

еще и «Коммандо-Фишл», по имени Голиафа Фишла, ее капо²⁹. Эта команда была очень небольшой и состояла из 12, а позднее из 20 человек³⁰ — трех, а позднее шести поляков (в том числе капо Митек Морава) и девяти, а позднее 15 евреев. Контакт с другими узниками более не допускался, ради чего евреев из «зондеркоммандо» поселили в подвале самого «Бункера» — знаменитого 11-го блока, в его 13-й камере. Польские же члены «зондеркоммандо» жили в обыкновенном 15-м блоке, то есть в контакте с остальными узниками: капо Морава был, по словам Ф. Мюллера, лютым антисемитом, но оплакивал каждую жертву из поляков.

Всю шестерку поляков расстреляли в самом конце в Маутхаузене, а вот несколько евреев из первоначального состава каким-то чудом уцелели во всех чистках «зондеркоммандо» и дождались освобождения! Настоящие «бессмертные»!

Один из этих бессмертных — Станислав Янковский. Его настоящее имя — Альтер Файнзильбер³¹. Воевал в Испании, выдавая себя за поляка-католика, а имя «Станислав Янковский» взял себе во Франции, чтобы скрыть свое еврейство, но хитрость не помогла. Он был арестован французской полицией и идентифицирован как еврей: это предопределило его маршрут — сначала в сборный еврейский лагерь в Дранси под Парижем, оттуда в транзитный лагерь в Компьен, и уже из Компьена — 27 марта 1942 года, в составе транспорта из 1118 человек (сплошь взрослые мужчины, без женщин и детей) — он прибыл в Аушвиц 30 марта.

Из 11-го блока основного лагеря — пешим маршем по хлюпающей болотистой дорожке — весь транспорт целиком попал в Биркенау, где Файнзильбера-Янковского, собственно, впервые зарегистрировали и поместили в 13-й блок. Начальником блока был ээсовец, старостами — немцы-заключенные, по любому случаю избивавшие рядовых узников и докладывавшие на утро начальнику блока о том, сколько их за ночь подохло. Тот бывал доволен или недоволен в зависимости от цифры: 15 — это как-то мало и не солидно, а вот 30-35 — хорошо.

Вскоре Файнзильбера-Янковского, как плотника, вернули из Биркенау в Аушвиц, где выживать было несравненно легче. Но в ноябре 1942 года профессию пришлось круто поменять: его включили в первый состав новой «зондеркоммандо» и направили истопником на крематорий I — загружать в печи трупы умерших или убитых.

Работа начиналась в 5 утра и кончалась в 7 вечера, с 15-минутным перерывом на обед, но, по сравнению с тем, что вскоре его ожидало в Биркенау, работы было сравнительно немного. Кроме трупов, не прошедших селекцию, евреев, умерших и убитых, сжигали в самом Аушвице-1, а также в Аушвице-3 (*Buna-Werke* в Моновице). Расстреливали здесь, как правило, «чужих», не из самого концлагеря, — специально сюда для экзекуции привезенных (чаще всего ими были советские военнопленные), но иногда все же и «своих», в том числе — и чуть ли не еженедельно — по 10–15 все тех же советских военнопленных из подвалов 11-го блока³², вечно

что-нибудь нарушавших. Трупы, в том числе женщин и детей и часто расчлененные, привозили и от «медиков» — из 10-го блока («экспериментальной лаборатории» Менгеле), из 19-го, где тоже велись эксперименты, но с бактериями, а также из 13-го блока — из еврейской больницы. По пятницам принимались трупы из окрестных поселений³³.

В апреле 1942 года в Аушвиц, а в мае — в «зондеркоммандо» попал и второй из «бессмертных»: Филипп Мюллер — словацкий еврей из городка Серед³⁴. Еще трое уцелевших «фишловцев» — Адольф Бургер, Макс Шварц и Киль³⁵.

Ко времени поступления Ф. Мюллера в лагере находилось всего лишь 10 629 заключенных, главным образом поляков и немцев. Были среди них и 365 советских военнопленных — жалкие остатки тех 11,5 тысяч зарегистрированных, что попали сюда между июлем 1941 и мартом 1942 года. С советских военнопленных и начался и «послужной список» Ф. Мюллера.

При этом он описывает и свое первое «грехопадение», когда он жадно съел хлеб, найденный им в одежде убитых. После убийства на его глазах трех его товарищей, которых, еще дышавших, ему же пришлось и раздевать, и готовить к кремации, он дошел до самого дна отчаяния. Дошел — и остановился: броситься сам в печь он тоже не мог! Все что угодно, но только не смерть: «Я желал только одного: жить!..» И только с таким настроением да еще с надеждой когда-нибудь и как-нибудь вырваться отсюда, собственно говоря, и можно было пробовать уцелеть в этом аду. К страстной жажде уцелеть примешивалась еще и робкая надежда на то, чтобы, если выживешь, рассказать обо всем, что тут было³⁶.

Когда Мюллера перевели в Биркенау, в группу из 200 человек, работавшую на крематориях II и III (позднее его перевели на крематорий V), с ужасом слушал он кочегара Юкла (Врубеля?), показывавшего ему устройство будущего крематория-монстра с его газовыми камерами, сушилкой для волос и 15 печами с пропускной способностью в целый эшелон (а ведь рядом еще такой же!).

Первый состав «зондеркоммандо», весьма небольшой, был закреплен за крематорием I в Аушвице-1. Второй — 70–80 человек (в основном словацкие евреи) — уже с начала 1942 года работал в Биркенау, на бункере I: сначала он состоял из собственно «зондеркоммандо», работавших с трупами и газовой камерой, и «похоронной команды», обеспечивавшей предание трупов земле в огромных рвах³⁷.

Очень быстро с ними произошла отчасти штучная (убийства эсэсовцами на рабочем месте), отчасти массовая «фотация»: в январе или феврале 1942 года второй состав «зондеркоммандо» был доставлен из Биркенау уже в другой бункер — в политическую тюрьму в Аушвице-1. Здесь, по некоторым сведениям, их расстрелял лично Отто Молль, он же «Циклоп»³⁸, едва ли не главный садист всего Аушвица и в то время начальник Бункера³⁹. А их трупы пропустили через крематорий I.

Третий состав «зондеркоммандо» — под командованием оберштурмфюрера Франца Хесслера — насчитывал уже около 200 человек!⁴⁰ Поначалу работа оставалась неизменной: раздевалка, газовые камеры, рвы-могильники, но в июле, после визита Гимmlера и по его приказу, произошло резкое перепрофилирование: трупы отныне не закапывали в землю, а сжигали в огромных ямах с решетками.

Уже к сентябрю число членов «зондеркоммандо» достигло 300 человек⁴¹, их численность неуклонно росла и дальше (по некоторым данным — до 400 человек). Эти 300 новичков занимались главным образом тем, что раскапывали уже заполненные братские могилы и сжигали, вместе со свежими, еще и полуразложившиеся трупы. Конечно же, опасались заражения грунтовых вод и эпидемий, но главное было в другом: в свете предстоящей грандиозной «задачи» (крематории в это время уже строились вовсю!) для предания земле просто-напросто не хватило бы самой земли!

К декабрю 1942 года «Акция 1005» в Биркенау успешно завершилась: было эксгумировано и сожжено, по некоторым прикидкам, не менее 107 тысяч трупов. Тут уже сомнений не оставалось: эта акция была определено большой и определено завершившейся. Наступил черед умереть тем, кто выкапывал, перетаскивал и сжигал, то есть третьему составу «зондеркоммандо».

Видимо, это они понимали и сами, а может быть, они это знали наверняка — сарафанное радио действует круглые сутки. Отсюда — и смутные слухи о подготовке ими восстания, и реальные попытки нескольких групповых побегов в начале декабря.

Правда, попытки эти были предприняты уже после того, как большинства членов той «зондеркоммандо» — около 200 человек — уже не было в живых. 3 декабря 1942 года их перевезли в Аушвиц-1 и загнали в газовую камеру при крематории I⁴². В основном это были словацкие и французские евреи: среди них штубовый Шмуэль Кац, а также несколько человек, все из Трнавы, о которых сообщают Р. Врба и А. Ветцлер: Александр и Войцех Вайсы, Феро Вагнер, Оскар Шайнер, Дезидье Ветцлер и Аладар Шпитцер⁴³.

Пери Брод отмечал, что эта акция произвела тяжелое впечатление и на самих эсэсовцев, вдруг осознавших, что они и сами являются, в сущности, такими же «нежелательными свидетелями» и что когда-нибудь затолкать в газовую камеру смогут и их⁴⁴.

Впрочем, на этот раз была все же не «фотация», то есть полное уничтожение, а всего лишь «селекция» — то есть частичное. В живых оставили главным образом специалистов (зажигальщиков и механиков) и «функциональных узников». Часть из не убитых 3 декабря вскоре все же уничтожили — в разное время и небольшими партиями (уколами фенола). И в первую очередь — тех, кто выказывал повышенную активность и, при некоторых обстоятельствах, мог бы оказать наибольшее сопротивление. Вмес-

те с самыми слабыми их отправляли в больнички, где СС-санитары Клерил и Шерпе умерщвляли их уколами⁴⁵.

Не приходится удивляться тому, что в первую же неделю после 3 декабря некоторые из оставшихся в живых зондеркомандовцев, не слишком доверяя своему счастью, попытались бежать. Зафиксировано две такие попытки — 7 и 9 декабря⁴⁶.

Ранним утром 7 декабря бежали двое — словацкий еврей Ладислав Кнопз и румынский Самуэль Кулеа. Начальник лагеря Ганс Амье издал приказ о поиске беглецов, причем, вопреки обыкновению, в приказе сообщалось, что их поимка особенно важна по государственно-полицейским причинам.

Далеко они не ушли: обоих поймали в Гармензе в тот же день, в 20.30, и передали главной охране лагеря⁴⁷. 10 декабря их зарегистрировали в тюремной (бункерной) книге Блока 11, и в тот же день они были «выписаны» из тюрьмы⁴⁸, то есть расстреляны⁴⁹.

А накануне, 9 декабря 1942 года, в 12.25, начальник службы охраны получил сообщение о побеге еще шестерых членов «зондеркомандо». В сообщниках у беглецов был сильнейший туман, и в 17.00 их поиски были приостановлены⁵⁰. Назавтра двоих из шестерки схватили и препроводили в блок 11. Ими оказались братья Бар и Ноех Боренштейны. Оба прибыли в Аушвиц-Биркенау меньше чем за месяц до побега, 14 ноября, с транспортом из Цихенау⁵¹. По всей видимости — для устрашения остальных узников — обоих публично повесили 17 декабря⁵². Как видим, некоторым побегу все же удавались, хотя никакими сведениями о дальнейшей судьбе этих беглецов из ада мы не располагаем.

Как бы то ни было, но после 3 декабря в Биркенау из новых узников, размещенных на лагерном участке В1b, начали экстренно формировать новую «зондеркомандо»⁵³. Вот тогда-то и наступил черед Градовского, Левенталья, Лангфуса и многих других польских евреев, прибывших в Биркенау в конце первой декады декабря: ими — и в нарушение всех правил безо всякого карантина! — быстро заменили убитых. Большинство составляли на этот раз польские евреи. Среди этого призыва были и те, кто пережил самый конец лагеря: в частности, Милтон Буки и Шломо Драгон.

До середины июля 1943 года они размещались в изолированных 1-м и 2-м блоках лагеря В (В1b) в Биркенау⁵⁴, а начиная с середины марта один за другим стали входить в строй и крематории в Биркенау. «Работы» было всегда много...

С апреля по июнь 1943 года число членов «зондеркомандо» удвоилось: к началу июля их было уже 395. Большинство среди новичков составляли польские и французские⁵⁵ евреи, меньшинство — голландские, греческие и словацкие.

Говоря о греческих евреях, следует помнить о двух их потоках, разительно отличающихся между собой. Оба растянулись на полгода — с марта по август: первый — самый массовый (16 эшелонов, 46 тыс. чел.) — в

1943 году, а второй — в 23 тыс. чел. — в 1944-м. В 1943 году депортировали евреев из немецкой и болгарской оккупационных зон в Греции⁵⁶, в основном из Салоник⁵⁷, в 1944-м — из бывшей итальянской: итальянских евреев, как и греческих из итальянской оккупационной зоны в Греции, дуче фюреру не выдавал, как не отдавал «своих» евреев и царь Борис («греческих» евреев — пожалуйста!), но после переворота Бадوليو в июле 1943 года необходимость в согласованиях с дуче отпала⁵⁸. Надо сказать, что греческие евреи-сефарды и внешне ощутило отличались от своих восточно- и западноевропейских собратьев-ашкеназов: они почти не знали изнуряющей жизни в гетто, и среди них было немало бывших военных или партизан — настоящих бойцов, способных и постоять за себя, что они доказали и в Аушвице.

Недаром один из персонажей фильма Ланцмана, видевший их в Треблинке, сравнивает их с героями «маккавейями»⁵⁹. Но в Треблинке-2 не было даже селекций, отчего у узников не было времени на то, чтобы хотя бы оглядеться. Прямо на рампе узников их отрешали от багажа, около бани — от одежды, после чего загоняли в ухотивший вверх «шлаух»⁶⁰ — проволочный коридор, плотно укутанный одеялами и пожелтевшей хвоей. Очень скоро он приводил на вершину холма, где их и ждало самое главное — величественное здание газовой камеры на выхлопных газах — своего рода Храм Смерти. От прибытия до «убытия» проходило не больше двух-трех часов, и из «маккавеев» в Треблинке не уцелел ни один...

Члены «зондеркоммандо» работали тогда в две смены и на пяти участках: две бригады на крематориях II и III — по 100 человек, две на крематориях IV и V — по 60 человек, и одна на уничтожении следов: пепел откапывали из ям и сбрасывали в Вислу.

В середине июля 1943 года, после того как в блоках 1 и 2 зоны Б разместился женский лагерь, их перевели в изолированный 13-й блок сектора Д в Биркенау (BIIId) — подальше от крематориев II и III и поближе к крематориям IV и V. Именно сюда, в 13-й блок, прибывало и последующее пополнение⁶¹. (Позднее, когда в 13-м стало тесно, вновь прибывающих подсажали также в 9-й и 11-й блоки.)

Этот блок был отгорожен от соседнего барака стенами, возле дверей которой всегда стоял охранник. Но, несмотря на эту особенную атмосферу изолированности, коррупция открывала любые двери. Истинными специалистами по черному рынку зарекомендовали себя сыновья капо Шлойме Кирценбаума. И даже свидания с женщинами оказывались не невозможными для обитателей барака «зондеркоммандо».

Была в этом бараке и небольшая «больничка» — лазарет на 20 мест, где с 1943 года врачом был 35-летний доктор Жак Паш из Франции. Была и своя религиозная жизнь, свой миньян и даже свой даян⁶² — Лейб Лангфус из Макова: все свободное время они и некоторые другие молились! Поначалу с ним, а точнее с Богом, спорили, отказывая последнему и в справед-

ливости, и в существовании. Один его бывший ученик бросил ему в лицо: «Нет твоего Бога. А если бы был, то он болван и сукин сын»⁶³. Но самого даяна все равно уважали и слушали.

Начиная с апреля 1943 года во всех блоках, где бы «зондеркоммандо» ни размещалась в Биркенау и до перевода на крематории, старостой блока (блокэльтесте) был Серж Шавиньский, 32-летний французский еврей польского происхождения, бывший торговец текстилем (по другим сведениям — сутенер) в Париже. Он носил красную повязку с белой надписью: «Старшина блока 13» и прибыл в Аушвиц еще 30 марта 1942 года, с первым РСХА-транспортом из Франции⁶⁴. З. Левенталь называл его «последним уголовником и альфонсом», а М. Наджари — человеком, хуже которого трудно себе представить: крупный, всегда свежевыбритый и ироничный, он с удовольствием и на полную катушку пользовался правом бить своих «подопечных»⁶⁵. В то же время З. Градовский отзывается о нем нейтрально: «лагерный папаша», высокий, светловолосый, полный, улыбающийся, дающий при первом знакомстве с новичком вполне здравые психологические и гигиенические советы.

Еврейскими капо в разное время были Элиазер (Лейзер) Вельбель из Лунны — на крематориях IV и V, Йозеф Ильчук — капо кочегаров на крематории IV(?), Айзик Кальняк из Ломжи — на крематории V, затем в сушилке для волос крематория III, Пауль Кац — на крематории III, Шлойме Кирценбаум из Макова — капо дневной смены на крематории V, Айцек Новик из Лунны — капо дневной смены (?) на крематории V(?), Даниэль Обстбаум — на крематории IV⁶⁶ и Хайм-Лемке Плишко из Червона-Бора — капо на крематории III⁶⁷.

Однако самую «высокую карьеру» сделал Яков Каминский, родом из Скидлы или Соколки⁶⁸: уже в январе 1943 года он капо на крематории III, а с декабря 1943 по август 1944 года — оберкапо на крематории II. Врач Яков Гордон, знавший Каминского еще до войны, случайно встретил его в Биркенау: от конца апреля до середины июля 1943 года их бараки (блоки 2 и 3) были рядом, и Каминский, испытывая к нему уже проверенное жизнью доверие, часто и подробно — иногда со слезами — рассказывал о том, чем приходится заниматься «зондеркоммандо» и какие там царят отношения.

Пополнение из Майданека

В январе 1944 года неудачей закончился побег капо Даниэля Обстбаума⁶⁹ из Франции, штубового Майорчика из Варшавы, Ферро Лангера из Словакии и еще двоих членов «зондеркоммандо» из числа французских евреев. В порядке возмездия около двухсот зондеркоммандовцев были отправлены 24 февраля 1944 года в Майданек, якобы в помощь тамошним коллегам. Но 16 апреля 1944 года пополнение прибыло, на-

оборот, оттуда — 19 советских военнопленных во главе с Карлом Конвонтом, немцем-капо из Майданека. Увидев на некоторых из них одежду «своих» февральских коллег, зондеркоммандовцы из Биркенау все поняли. Прибывшие подтвердили: аушвицкая «бригада», действительно, была в Майданеке и была там ликвидирована, перед смертью оказав яростное сопротивление.

У этого пополнения — своя особая история и предыстория.

Ведь идея использовать в качестве «зондеркоммандо» именно евреев выкристаллизовалась не сразу и не везде. Обершарфюрер СС Эрих Мусфельдт, с середины ноября 1941 и по начало апреля 1944 года начальник крематориев в Майданеке, показывал на процессе в 1947 году⁷⁰, что его похоронная команда (*Bestattungskommando*) в Майданеке — по сути, первый состав «зондеркоммандо»! — поначалу состояла даже не из узников концлагеря, а из польских военнопленных-евреев, как бы «одоженных» лагерю Управлением немецкой оборонной промышленности *DAW* (*Deutsche Ausrüstungswerke*) из соответствующего шталага, находившегося в самом центре Люблина⁷¹. Но их всех подкосил тиф, не миновавший, кстати, и самого Мусфельдта: он, правда, не умер, но из больницы вышел только в апреле 1942 года. После больницы в его новой команде было 20 советских военнопленных⁷² — не заемных, а «своих», которых он брал и на захоронения в Крепецкий лес, где производились расстрелы⁷³.

В июне 1942 года в Майданеке, между «полями»⁷⁴ 1 и 2, вступил в строй собственный крематорий (фирмы «Кори»). На сжигание одной закладки трупов уходил час: в реторту помещалось от двух до пяти трупов, дневная производительность одной печи — 100 трупов, а печей было две⁷⁵.

Крематорий обслуживала «зондеркоммандо» в составе нескольких (от трех до шести) советских военнопленных из «старой» команды и одного капо: им был сначала один словацкий еврей, чье имя не сохранилось в источниках, а за ним немец-уголовник Ганс Фишер из Вены, имевший фиксированный срок пребывания в концлагере. Члены первых «зондеркоммандо» жили в обыкновенных бараках, вместе с другими узниками. В 1943 году их изолировали и перевели в помещение при крематории. Там же, но отдельно жил и Зейтц, заместитель Мусфельдта, а сам Мусфельдт жил в общежитии СС⁷⁶. Позднее для «зондеркоммандо» был построен отдельный барак между полями 5 и 6, недалеко от нового крематория.

Замечу, что первоначально в обязанности «похоронной команды» входила не только кремация, но и исполнение функции палачей. В мертвецкой было два или три крюка, на которых вешали обреченных на казнь узников. Как правило, это были не проштрафившиеся здоровяки, а доходяжки, которых приводили на казнь блокфюреры.

После того как осенью 1942 года один из военнопленных из этой команды сбежал, всех остальных ликвидировали. Вместо них в 1943 году в «зондеркоммандо» работали около 20 французских и немецких евреев и трое советских военнопленных. Плюс капо-немец — поначалу все тот же Фи-

шер, а после него другой. О нем дополнительно известно лишь то, что он был еврейским студентом-медиком из Вены.

В феврале 1943 года комендант Майданека Флорштед командировал Мусфельдта в Аушвиц узнать, как они там сжигают трупы в открытом поле. Хесс препоручил его заботам шутцхафтлагерфюрера Амье и начальника политотдела Грабнера.

Понадобилось же это для того, чтобы — в рамках «Акции 1005» — начать выкапывать и сжигать трупы застреленных в Крепецком лесу. Чтобы они лучше горели, трупы обливали метанолом. За один раз можно было сжечь до 100 трупов. В лесу тогда сожгли около 6000 «старых» трупов, а за 5-м полем — около 3000 «новых», но это, вероятно, сильно заниженные цифры. Немец Бруно Хорн исправлял другую «ошибку»: открывал полуразложившимся трупам рты и извлекал из них для Рейха золотые зубы.

В конце октября 1943 года за полями 5 и 6 усиленно копали рвы. В Майданек прибыли около сотни эсэсовцев отовсюду, в том числе и 12 человек из Аушвица, среди них Молль и Хесслер. 4 ноября 1943 года около рвов было расстреляно 17–18 тысяч евреев — одна из рекордных цифр для единовременных расстрелов где бы то ни было вообще!

Расстреляли и евреев из «зондеркоммандо» Мусфельдта. Тот якобы ходил к новому коменданту лагеря Туманну и просил оставить «его» евреев, но Туманн отказал. Он ссылаясь на то, что Франк настаивает на том, что в Люблине пора уже обходиться и без евреев. И Мусфельдту пришлось набирать себе новую «зондеркоммандо» — и снова из советских военнопленных: эти работали на сжигании трупов вплоть до Рождества 1943 года.

В ноябре 1943 года за полем 5 той же фирмой «Кори»⁷⁷ был запущен новый крематорий. Его строительство закончилось еще в июне, но до января 1944 года он эксплуатировался с перебоями, причем обслуживала его та же команда из советских военнопленных, что до этого сжигала «старые» трупы.

Когда 6 апреля Мусфельдта перевели в Биркенау, он попросил у Мартина Вайса, нового коменданта Майданека, разрешение прихватить с собой эту «двадцатку», чтобы они могли и в Биркенау «нормально» работать — ничего другого они не умеют. Вайс даже написал письмо коменданту лагеря Аушвиц оберштурмбаннфюреру СС Либенхеншелю, в котором просил о «работе» для этой двадцатки.

Мусфельдт лично или сопровождал этот необычный транспорт, прибывший в Биркенау 16 апреля, или, по крайней мере, встречал его на рампе.

Транспорт этот зафиксирован во всех трех хрониках событий — в обеих майданекских и в аушвицкой. Во всех трех упоминаются советские военнопленные — члены «зондеркоммандо», а вот остальные сведения на удивление не стыкуются друг с другом.

Тем не менее приведем их. Согласно Софье Лещинской, первому хроникеру Майданека, 13 апреля в Аушвиц ушел огромный эшелон в 4200 узников, в том числе 1288 женщин. В нем находились и три советских генерал-майора — Тимофей Яковлевич Новиков, Георгий Васильевич Зусманович и Дмитрий Михайлович Карбышев, а также советские военнопленные из «зондеркоммандо». Последних, а также женщин в Аушвице, согласно Лещинской, убили⁷⁸. В другой хронике, 1991 года, говорится о численности эшелона в 2566 чел., из них 1239 мужчин, 1287 женщин и 40 детей⁷⁹.

Наконец, в аушвицкой хронике Д. Чех за 16 апреля встречаем данные, хорошо совпадающие с тем, что рассказывал на суде Мусфельдт: транспорт из Майданека привез 299 евреек (у Мусфельдта: 275), двоих детей и 20 зондеркоммандовцев (1 немецкий узник + 19 советских военнопленных), причем последних не убили, а зарегистрировали⁸⁰.

Встречал эшелон и Либенхеншель, комендант Аушвица, переадресовавший Мусфельдта к начальнику лагеря в Биркенау Харенштейну. Тот заявил, что оставление их в живых невозможно, поскольку новоприбывшие зондеры — носители важной гостайны. Не найдя понимания и у шутцхафтлагерфюрера Шварцхубера, Мусфельдт попрощался с каждым из «своих» зондеркоммандовцев за руку и уехал к себе в Люблин за вещами.

Но когда через 3-4 дня он вернулся в Биркенау, его ждала неожиданность. Хесс, в то время начальник гарнизона, направил его к коменданту крематориев в Биркенау Крамеру. Тот поставил его начальником над крематориями IV и V, но это решение было подкорректировано: шарфюрер СС Петер Фосс, командофюрер всех газовых камер и крематориев, и Отто Молль, начальник всех крематориев по сжиганию (он-то и был непосредственным начальником над «зондеркоммандо»), назначили Мусфельдта начальником крематориев II и III.

На крематориях IV и V он неожиданно натывается на «своих» зондеркоммандовцев — целых и невредимых⁸¹. И уже тут Мусфельдт настоял на переводе их всех к «себе» — на крематории II и III. Когда всю «зондеркоммандо» перевели на крематории, то советских военнопленных распределили примерно поровну между крематориями II, III и IV (крематорий V был не жилой).

Последние селекции

Выяснить имена членов этой двадцатки до сих пор не удалось⁸². Но вот догадаться, почему их оставили в живых, не слишком-то и сложно.

Все дело в том, что начиная с середины мая 1944 года в Аушвиц массово начали поступать венгерские евреи. Численность «зондеркоммандо» в связи с этим увеличилась до 873-874 человек, не считая 30, занятых на

разгрузке угля или дров (из них 450 венгерских, 200 польских, 180 греческих⁸³, 5 немецких, 3 словацких и 1 голландский⁸⁴ еврей, а кроме того, 19 советских военнопленных, 5 польских уголовников и 1 немец-капо)⁸⁵.

Всего в Биркенау в разгар «венгерской акции» было четыре полуавтономных «зондеркоммандо», посменно (дневная и ночная смены) и круглосуточно занимавшихся сжиганием трупов. Каждая численностью приблизительно в 170 человек и каждая под своим номером: 57-я работала на крематории II, 58-я — на крематории III, 59-я — на крематории IV и 60-я — на крематории V. При этом в июне 1944 года их жилые помещения неожиданно перевели поближе к «работе»: тех, кто обслуживал крематории II и III, разместили буквально на печах — на чердачных этажах, а тех, кто обслуживал крематории IV и V, разместили еще более символично: в одной из раздевалок перед газовой камерой крематория IV!

Между зондеркоммандовцами, обслуживавшими четыре крематория, были отличия, зафиксированные цепким глазом патологоанатома: Миклош Нижли отметил, что на крематории IV, например, большинство составляют польские, греческие и венгерские евреи, тогда как на крематории V — польские и французские⁸⁶.

24 сентября 1944 года, после завершения «венгерской операции», 200 членов «зондеркоммандо» отобрали якобы для перевода в лагерь-филиал Глейвиц; в действительности же их отправили в дезинфекционную камеру в Аушвице-I, а затем привезли в мешках для сожжения в Биркенау, причем сжигали на этот раз сами эсэсовцы.

Следующее «сокращение» было намечено на 7 октября — уже существовал список на 300 имен. Отсюда — и дата восстания, в котором приняли участие члены «зондеркоммандо» как минимум с трех крематориев. В результате подавления восстания погибло 250 человек и еще 200 были в тот же день расстреляны. К 9 октября в живых оставалось всего 212 человек.

Крематории I, II и III так и не заработали; в одной из газовен предпринимчивые немцы устроили кроликовую ферму. Работу продолжал только крематорий V⁸⁷, при этом Менгеле не прекращал и там своих экспериментов над живыми и мертвыми.

Следующая и последняя селекция «зондеркоммандо» состоялась 26 ноября 1944 года: 170 человек увезли из зоны, из них 100 человек расстреляли в «Сауне», а оставшиеся 70 были задействованы на каменоломне. Их даже переименовали (в *Abbruchkommando*) и вернули в IIIд, но не в старый барак «зондеркоммандо» (блок 13), а в обыкновенный (блок 16).

Оставшиеся в зоне 30 человек продолжали жить в крематории V⁸⁸. Они занимались довершением его разрушения и демонтажем оборудования. Окончательно крематорий V был взорван только 26 января 1945 года, то есть буквально за день до освобождения лагеря.

В число этих 30 попали, например, Айзеншмидт и Мюллер, с ними же были еще и еврейские врачи⁸⁹. Теперь зондеркоммандовцы спускали свои бриллианты и доллары, обменивая их у постовых эсэсовцев на хлеб, колба-

су и сигареты. Дантист Фишер додумался до способа приумножения обменной базы: из лагуны, которую можно было извлечь из развалин, он начал отливать фальшивые золотые зубы.

Таким образом, ко дню эвакуации лагеря 18 января 1945 года в живых оставалось около 100 членов «зондеркоммандо».

В этот день, 18 января, — повсюду дым и огонь от сжигаемых картотек и документации. «Зондеркоммандо» на крематории V глаз не спускали со своих начальников — шарфюрера Горгеса, Куршуса и еще одного. Но никто не вел их расстреливать, а вечером пришел блокфюрер и скомандовал: «Всем в лагерь». Там они встретились с остальными 70.

В ту же ночь, снежную и холодную, начался марш смерти. Члены «зондеркоммандо» не стали дожидаться утра и, словно тени, выбравшись из своего неохраняемого барака, смешались в утренних сумерках с толпой. Несколько дней пешего хода до железнодорожной станции Лослау, а оттуда еще несколько дней до Маутхаузена в открытых вагонах. Четверем удалось убежать еще по дороге — Х. Тауберу, Ш. Драгону, С. Янковскому и Х. Мандельбауму.

Логично было предположить, что по прибытии в Маутхаузен их станут искать для того, чтобы ликвидировать. Но поначалу никто не интересовался носителями едва ли не самой страшной из тайн. Однако на третий день маутхаузенский начальник рявкнул на аппеле «Все члены „зондеркоммандо“ — шаг вперед!»: ни один не сдвинулся с места. Позднее Мюллер столкнется лицом к лицу с Горгесом, но тот не только не выдал его, но и даже принес ему хлеба⁹⁰.

Впрочем, в Маутхаузене все же состоялась последняя в истории «зондеркоммандо» селекция — на сей раз были ликвидированы не евреи, а все шестеро польских члена «зондеркоммандо»: капо Мечислав Моравя⁹¹, Вацлав Липка, Йозеф Пложак, Станислав Слемяк, Владислав Бикуп и Ян Агрестовский.

Кого брали в «зондеркоммандо»?

От чего зависело, попадет человек в «зондеркоммандо» или нет?

От сочетания многих причин.

Прежде всего — селекция на рампе⁹². Ее, как правило, вел лагерфюрер Шварцхубер, и он же отбирал в члены «зондеркоммандо». Решающими критериями были здоровье и физическое состояние: кандидаты в «зондеркоммандо» вскоре должны были пройти еще через одну селекцию — медицинскую комиссию, освидетельствовавшую их на предмет пригодности для этой каторжной работы. При этом учитывался и интуитивный физиогномический прогноз потенциальной коллаборационистской лояльности.

Если ты силен и здоров и ведешь себя скромно, смотришь покорно, а не вызывающе, — остаешься жить. Тебя не увозят на грузовике в газовню,

а строят и конвоируют в барак, ведут в баню, где запускают под настоящий, а не ложный душ, и держат 3–4 недели в карантине (ВШбЗ)⁹³, обривают, фотографируют, регистрируют и накалывают тебе на левой руке, в направлении от запястья к локтю, твой лагерный номер⁹⁴.

Получившим такие номера гарантировались жизнь и работа.

Но какая? В каких случаях люди требовались именно в «зондеркоммандо»?

Только в одном — если рук у «зондеркоммандо» в этот момент не хватало. Нехватка же возникала в двух ситуациях: или когда членов «зондеркоммандо» становилось меньше (иными словами, когда их всех или их часть отправили в печь или назначили для этого определенный день), или когда работы — «спецобслуживания» не прошедших селекцию евреев — становилось все больше и больше, пока было уже невпроворот: так оно случилось и весной 1944 года, когда эшелон за эшелон (а нередко и по несколько эшелонов в день) начали прибывать венгерские и греческие евреи.

Примером первого варианта служит судьба самого Залмана Градовского или братьев Драгонов — Шлоймо и Абрама, двух евреев из Жиромина, попавших в Аушвиц 9 декабря 1942 года с транспортом из Млавы⁹⁵. Тогда крематориев в Биркенау еще не было. В ходу были только ямы у двух бункеров, — это оттуда пахло горелым мясом, это их низкое пламя — особенно зловещее в ночи — было видно издалека...

Как и Градовский, братья попали сначала в карантинный блок 25 зоны «В» в Биркенау, но буквально на несколько часов, так и не отбыв положенные по регламенту три карантинные недели. В тот же день их перевели во 2-й блок, где до них жил предыдущий состав «зондеркоммандо»⁹⁶. Уже на завтра, 10 декабря, новичков вывели на работу к одному из бункеров. Потрясенный увиденным, Шлоймо попытался перерезать себе вены осколком бутылки, из-за чего на завтра его (а заодно и его брата) пожалели и оставили в бараке штубовыми. После этого всю команду перевели в блоки 13 и частично 11 (в блоке 11 размещалась еще и штрафкоммандо). В блоке 11 братья прожили около года, пока их не перевели в блок 13, а летом 1944 года — непосредственно на крематории.

Примерами второго варианта могут послужить случаи Леона Когена и Иозефа Заккара⁹⁷.

Первый родился в 1920 году в Салониках, получил светское образование, но учил иврит в воскресной школе⁹⁸. В Аушвиц попал, как и Наджари, 11 апреля 1944 года⁹⁹, получил номер 182492. После карантина его перевели в Биркенау и включили в состав «зондеркоммандо». Его выдуманная профессия — дантист — оказалась на новом месте необычайно востребованной: он вырывал у жертв золотые зубы и протезы. Работал сначала в бункере, потом на крематории IV, а затем на крематории III, благодаря чему и уцелел.

Его рабочее место как «дантиста» находилось всего в трех метрах от ближайшей печи. Раскрыть рот (клещами!), осмотреть ротовую полость,

вырвать зубы, и всё — кивок головой: следующий! И так до 60–75 трупов за 10 минут!¹⁰⁰

Иозеф Заккар, родом из греческого городка Арт, был схвачен 24 марта 1944 года и привезен в тюрьму Хайдари, что под Афинами. Там он пробыл до 2 апреля, а на завтра его самого, его отца, мать и сестер вместе с другими посадили в товарные вагоны и 14 апреля — накануне Пасхи — привезли в Аушвиц. Родителей он больше уже не увидел, а с сестрами расстался позднее.

При регистрации он получил номер 182739. 12 мая в карантинном бараче провели еще одну мини-селекцию, но более строгую, с медицинским осмотром, после чего отобрали 200 или 300 человек¹⁰¹. Среди них оказались и его греческие соотечественники — братья Венеция, братья Коген, братья Габай из Афин, Шаул Хазан, Михаил Ардетти, Пеппо-Йозеф Барух, Марсель Наджари, Даниэль Бен-Нахмиас, Менахем Личи и другие.

Всех новичков перевели в блок 13 зоны Д. Узники, которые уже там были, «пожалели» новичков и не стали им ничего рассказывать и объяснять, — сказали только, что в еде и всем прочем недостатка не будет, но что работа будет тяжелая и что будет ее много. Что именно за «работа» их ожидала, стало ясно из «экскурсии» на завтра к бункерам — огромным кострам на открытом воздухе, где полыхали на политых мазутом дровах еврейские трупы.

Как и Коген, Заккар начал работать на крематории IV, а через три дня был переведен на крематорий III, где и проработал до окончания самого концлагеря Аушвиц.

О себе Заккар говорил, что, как и все другие, он вскоре стал автоматом, машиной, *«всего лишь маленьким винтиком в механизме фабрики смерти»*¹⁰². Он твердил заученные слова, успокаивал ими себя. Если бы он мог плакать — плакал бы, не переставая, а так можно сказать, что он плакал без слез, море его слез навсегда пересохло. И после Аушвица уже и вовсе никогда не плакал¹⁰³.

Упомянутые Закарром братья Габай из Афин — Самуил, Дарио и Яков (все, кстати, итальянские граждане)¹⁰⁴ — прибыли из Салоник тремя днями раньше его — во вторник, 11 апреля. Из их эшелона в 2500 человек первоначальную селекцию на рампе прошли около 700 человек. А далее история Якова Габая (№ 182569) в точности совпадает с закарровской, вплоть до номера крематория.

Феномен «зондеркомmando»

В чем заключается феномен «зондеркомmando»?

Многосложная этическая проблематика сопровождала каждого ее члена буквально на всем его лагерном пути.

Вот узника *N* во время селекции отобрали в члены «зондеркоммандо», разумеется, ни слова не сказав ему о его будущей деятельности: эту мерзкую информационную миссию, как правило, брали на себя все те же уцелевшие от ротаций и селекций старожилы — после того, как надзиратели привели новобранцев в их общий барак.

Новичка ввели в курс дела, — наконец, до него доходит, что его близких — жены, отца, матери, детей — уже нет в живых. А если почему-то с их убийством вышла заминка, то не исключено, что ему еще придется «обслуживать» и их убийство! Он потрясен, оглушен, контужен... А что дальше? Как должен он реагировать на весь этот непередаваемый ужас? Ведь любая форма отказа или хотя бы возмущения, несомненно, была бы самоубийством.

Кстаги, такого рода самоубийства или хотя бы покушения на них, конечно же, случались, но были они большой редкостью¹⁰⁵. Я. Габай рассказал о Менахеме Личи, в первый же свой день действительно прыгнувшем в огонь¹⁰⁶. То же сделал и Лейб-Гершл Панич, но в последний день — в день восстания¹⁰⁷. Э. Айзеншмидт сообщает сразу о трех известных ему случаях: два — это еврейские врачи во время восстания в октябре 1944 года, а третий — некий бывший полицейский из Макова, проглотивший 20 таблеток люминала, но его все равно спасли¹⁰⁸. Об аналогичном случае на крематории V с капитаном греческой армии подробно вспоминает и М. Нижли¹⁰⁹, его спаситель. Кальмин Фурман, земляк Градовского по Лунне, пытался повеситься после того, как поучаствовал в сожжении трупов своих близких, но спасли и его¹¹⁰.

Есть свидетельства и о не реализованных намерениях совершить самоубийства — после жесткого шока от самого первого соприкосновения с чудовишной сущностью работы, отныне предстоявшей новобранцам. Так, Ш. Драгон хотел перерезать себе вены бутылочным осколком, а Ф. Мюллер тоже хотел было присоединиться к своим жертвам, но те, как он пишет, упростили его остаться в живых и все рассказать¹¹¹.

Но рассказ Даниэля Бен-Нахмиаса о четырехстах с лишним греческих евреях из Корфу и Афин, отобраанных в «зондеркоммандо» для «обслуживания» венгерских евреев на крематории II и дружно, как один, отказавшихся от этой чести, после чего их самих всех казнили и сожгли, — этот рассказ не вызывает к себе доверия¹¹². Ибо как нет правил без исключения, так тем более нет правил, состоящих из одних исключений! Если бы такой потрясающий случай действительно произошел, был бы непременно отмечен и другими уцелевшими узниками «зондеркоммандо», особенно из числа самих греков.

Гораздо правдоподобнее рассказ Марсея Наджари, прибывшего в Аушвиц с тем же транспортом, что и Бен-Нахмиас: *«Жар возле печей был невероятный. Этот жар, потоки пота, убийство стольких людей, выстрелы Молля не давали даже осознать до конца, что происходит. Молль уже застрелил первого из нас, греков, потому что тот не понял его*

приказ. Еще один, не пожелавший иметь с происходящим ничего общего, бросился сам в печь¹¹³. Обершарфюрер Штейнберг застрелил его, чтобы он не мучился и чтобы мы не слышали его криков. В тот вечер все мы решили умереть, чтобы покончить с этим. Но мысль о том, что мы могли бы организовать атаку, побег и отомстить, взяла верх. С этого момента и началась наша конспирация...»¹¹⁴

Моральная дилемма возникала и в раздевалке, уже при первом контакте с жертвами: говорить или не говорить им о том, что их ждет? А если спросят? Понятно, что такого рода предупреждения и вообще разговоры были строго-настрого запрещены¹¹⁵. Если бы они заговаривали, спрашивали и узнавали больше о жертвах, хотя бы их имена¹¹⁶, — это легло бы страшной дополнительной нагрузкой на их психику и стало бы непереносимо. Но если бы они **не** заговаривали, то и не знали бы ничего из того, что знали о прибывших транспортах. Да и совсем молча было бы невозможно справиться со своей главной задачей в раздевалке — подействовать на жертвы успокоительно, с тем чтобы они как можно быстрее разделелись и мирно проследовали бы в «банное отделение». Можно сколько угодно рассуждать о том, насколько же легче было несчастным жертвам провести свои последние минуты в «мирном общении со своими», но от этого ничего не изменится в полном осознании того, насколько же **подла** эта «главная задача»!

Тут же, кстати, возникала и еще одна проблема — проблема женской наготы, а ведь практически все партии были смешанными — мужчины и женщины вместе. Женщины плакали от стыда из-за необходимости раздеваться перед посторонними (при этом на мужчин из «зондеркоммандо» столь острое чувство не распространялось — они воспринимались как некий приданный бане медицинский персонал).

После того, как последний человек заходил в газовую камеру и массивная дверь закрывалась, облегчение испытывали не только эсэсовцы, но и члены «зондеркоммандо». Некому уже было заглянуть им в глаза, и весь стыд и ужас уходили на задний план. В дальнейшем — и уже очень скоро — им предстояло иметь дело только с трупами, да еще с имуществом покойников.

По негласной условленности все съедобное и весь алкоголь, что были в вещах, доставались «зондеркоммандо», служба серьезной добавкой к их казенному рациону и своеобразной «валютой», весьма котировавшейся во всем лагере¹¹⁷, в том числе и у эсэсовцев-вахманов.

Что касается денег и ценных вещей, то присваивать их себе было категорически запрещено — как «зондеркоммандо», так и СС; тем не менее это происходило, хотя делал это не каждый из работавших в раздевалке, некоторые — из страха быть пойманными, единицы — из моральных соображений. Частично деньги шли на подкуп СС и на финансирование восстания. Но был еще и черный рынок.

Что же касается трупов, то — несмотря на всю сакральность мертвого тела в еврейской религии — очень скоро от почтения к ним ничего не

оставалось. Иные члены «зондеркоммандо» позволяли себе ходить по трупам, как по вздувшемуся ковру, сидеть на них и даже, облокотившись, перекусывать.

Да они и сами были будущими трупами — чего тут церемониться: все свои!¹¹⁸

Одно из главных обвинений, выдвигаемых против членов «зондеркоммандо», — это категорическая несовместимость статуса их личности и их работы с универсальным статусом человека.

Для того чтобы ответственно и не рискуя жизнью выполнять порученное им эсэсовцами, нужно было, прежде всего, самим перестать быть людьми. Отсюда правомерность и другого тяжкого обвинения в их адрес — неизбежное в их ситуации озверение, потеря человеческого облика.

Это отчасти проявлялось и во внешнем виде членов «зондеркоммандо», но особенно — в их внутреннем состоянии: многие сталкивавшиеся с ними узники воспринимали их как грубых, опустошенных и опустившихся людей.

Люси Адельсбергер, узница Аушвица и врач, так характеризовала членов «зондеркоммандо»: *«То были уже не человеческие создания, а перекошенные, безумные существа»*¹¹⁹. Или Врба и Ветцлер, чей побег, кстати, был бы невозможен без предметов, раздобытых членами «зондеркоммандо» и полученных от них, — они тоже не скупятся на обличающие эпитеты: *«Члены зондеркоммандо жили изолированно. Уже из-за чудовищного запаха, исходившего от них, с ними не возникало желания контактировать. Всегда они были грязные¹²⁰, абсолютно потерянные, одичавшие, жестоко подлые и готовые на все. Не было редкостью, если они убивали друг друга»*¹²¹.

К ним примыкает даже не свидетельство, а настоящий приговор, или диагноз, слетевший с уст Сигизмунда Бенделя, одного из врачей «зондеркоммандо»: *«В людях, которых я знал, — в образованном адвокате из Салоник или в инженерере из Будапешта — не оставалось уже ничего человеческого. То были дьяволы во плоти. Под ударами палок или плеток СС они бегали как одержимые, чтобы как можно скорее выполнить полученное задание»*¹²².

А вот свидетельство еще одного специалиста-врача: *«Члены зондеркоммандо болели редко, их одежда была чистой, их простыни свежими, пища хорошей, а иногда и исключительно хорошей. Кроме того, все это были молодые люди, отобранные именно вследствие их силы и хорошего телосложения. Если у них и была склонность, то к нервным нарушениям, так как колоссальной тяжестью для них было осознавать, что их братья, их жены, их родители — вся их раса целиком — мученически погибали здесь. День за днем они брали тысячи тел и своими руками бросали их в печи крематориев. Последствиями этого были тяжелые нервные депрессии и, часто, неврастения»*¹²³.

Кстати, сам Миклош Нижли — интереснейший случай того же самого. В силу своего амплуа — ассистент Йозефа Менгеле! — он был привилегированной фигурой даже на фоне «зондеркоммандо» (не только своя постель, но и своя комната, и т.д.). Бруно Беттельгейм, американский психолог и тоже узник Аушвица, в своем предисловии к книге Нижли попробовал было прогнать опустить коллаборационистскому поведению Нижли поведение врача-психотерапевта Виктора Франкля, не помогавшего СС в его штудиях. Это верно, как верно и то, что и Франкль от этого вовсе не отказывался: просто ему этого никто не предлагал. Самого Беттельгейма больше волнует не Нижли, а коллективное поведение евреев: почему, несмотря ни на что, они продолжали свои обычные гешефты (*business as usual*), почему, как лемминги, они покорно и молча шли в крематории, почему они бездействовали? Но, приводя в качестве примера «правильного действия» своевременную эмиграцию, он, в сущности, оправдывает палачей. Он даже не задается вопросом, а почему это люди, столетиями жившие, скажем, в Вене или Берлине и корнями в них вросшие, должны были все бросить и уехать?!

Некоторые, несомненно, просто сошли с ума, но остальные, движимые инстинктом выживания, становились апатичными и бесчувственными, эдакими **роботами** — рабочими механизмами без души и эмоций, что, впрочем, не мешало их дисциплинированности и «готовности на все».

На вопрос, что он чувствовал, когда слышал предсмертные крики задыхающихся людей за дверями газовой, Леон Коген ответил:

«Я должен вам сказать что-то ужасное. Но это правда. Мы были тогда как роботы. Мы не могли позволить себе предаться силе чувств, которые возникали у нас по ходу нашей работы. Человек же эти чувства, являющиеся составной частью его работы, вынести не может! Мы же чувствовали себя „нормальными людьми“ только тогда, когда мы эти свои чувства на корню подавляли, только тогда наши действия принимали личину „работы“, которую мы должны были выполнить согласно указаниям немцев. Так это выглядело. Мы не думали об ужасном в нашей „работе“, у нас не было по этому поводу эмоций. Собственно говоря, у нас не было и чувств. Мы их задушили еще в зародыше»¹²⁴.

Когену буквально вторил Яков Габай:

«Понячу было очень больно быть обязанным на все это смотреть. Я не мог даже осознать того, что видели мои глаза — а именно: от человека остается всего лишь какие-то полкилограмма пепла. Мы часто об этом задумывались, но что из этого всего толку? Разве у нас был выбор? Побег был невозможен, потому что мы не знали языка. Я работал и знал, что вот так же погибли и мои родители. Что может быть хуже? Но через две, три недели я к этому уже привык. Иногда ночью, присев отдохнуть, я опирался рукой на труп, и мне уже было все равно. Мы работали там как роботы. Я должен был оставаться сильным, чтобы выжить и иметь возможность все рассказать, что в этом аду происхо-

дило. Действительность такова, что человек ужаснее зверя. Да, мы были звери. Никаких эмоций. Иногда мы сомневались, а осталось ли в нас еще что-то человеческое? <...> Мы были не просто роботы, мы были звери. Мы ни о чем не думали»¹²⁵.

Так неужели на самом деле ни в ком из них не оставалось ничего человеческого? Были среди них нормальные, не озверевшие люди?..

Были!

Наверное, все они мечтали о мести, но некоторые всерьез задумывались о сопротивлении и о восстании. Настолько всерьез, что однажды это восстание и в самом деле состоялось. Думается, что именно восстание и все, что с ним и его подготовкой связано, сыграло решающую роль на пути возвращения многих членов «зондеркоммандо» из Биркенау к ментальной и душевной нормальности.

Свое человеческое начало всем им пришлось доказывать по самому высшему счету, и они его доказали! И не только — точнее не столько — самим восстанием, не только тем, что в считанные часы отвоеванной ими последней свободы они сумели разрушить и вывести из строя одну из четырех фабрик смерти в лагере.

Они доказали это прежде всего тем, что некоторыми из них — пусть и немногими — владело призвание стать последними свидетелями — и, может статься, первыми летописцами — последних минут жизни многих сотен тысяч соплеменников. Осознание этого придавало им моральную силу, и такие люди, как Градовский, Левенталь или Лангфус, в апатию или не впадали, или научились из нее выходить.

Они оставили после себя свои свидетельства — аутентичные и собственноручные записи с описаниями лагеря и всего того, чем им пришлось здесь заниматься, — эти, как уже отмечалось, центральные документы Холокоста! (Берегли они и свидетельства третьих лиц, как, например, рукопись о Лодзинском гетто.)

Бесценны и десятки других свидетельств тех членов «зондеркоммандо», которые чудом остались в живых. Независимо от того, в какой форме они были сделаны — в форме ли показаний суду или при расследовании преступлений нацистов, в форме ли интервью¹²⁶ или в форме отдельных книг (как Нижли, Мюллер или Наджари).

«Мы делали черную работу Холокоста», — как бы подытожил за всех Яков Габай¹²⁷.

Уми ты сегодня, а я завтра!

Уже в лагере, изолированные от всего мира, члены «зондеркоммандо» все же сталкивались с тем отторжением и ужасом, которые они вызывали у других евреев — прежде всего у самих жертв.

Лейб Лангфус честно признается: «А вот случай из конца 1943 года. Из Шяуляя прибыл транспорт с одними детьми. Распорядитель казни направил их в раздевалку, чтобы они могли раздеться. Пятилетняя девочка раздевает своего годовалого братишку, к ней приблизился кто-то из команды, чтобы помочь. И вдруг девочка закричала: „Прочь, еврейский убийца! Не смей прикоснуться к моему братику своими запачканными еврейской кровью руками! Я теперь его добрая мамочка, и он умрет вместе со мной на моих руках”. А семи- или восьмилетний мальчик, стоящий рядом, обращается к нему же: „Вот ты еврей и ведешь таких славных детишек в газ — но как ты сам можешь жить после этого? Неужели твоя жизнь у этой палаческой банды тебе и впрямь дороже, чем жизни стольких еврейских жертв?..”»¹²⁸.

Дети шарахались от «зондеркоммандо», для детей они были своего рода «персонификацией смерти»¹²⁹.

В уста Галевского, одного из руководителей восстания в Трешлинка 2 августа 1943 года, Жан-Франсуа Штайнер, автор романа «Трешлинка», вложил следующие слова: «В этом-то и корень необычайной силы нацистской системы. Она оглушает своих жертв, как это делают некоторые пауки. Она оглушает людей и убивает оглушенных. Кажется, что это довольно хлопотно, но в действительности иначе ничего бы не получилось. <...> Мы, пособники пособников и служители смерти, вегетируем в совершенно новом мире, мире посредине между жизнью и смертью, скомпрометированные настолько, что мы своей жизни можем только стыдиться»¹³⁰.

Когда палач и жертва находятся по разные стороны плахи, это хотя бы понятно. «Зондеры» же были принуждены соучаствовать в конвейере убийства и выполнять задания, о которые немцы, представители народа-господина, сами не хотели маражаться. За это они оставляли их на некоторое время номинально живыми. Но, оставляя в живых бранные тела своих подручных, эсэсовцы тем вернее брали в заложники и убивали нечто большее — их души.

Члены «зондеркоммандо» были самыми информированными заключенными во всем лагере и потому — самыми охраняемыми и самыми обреченными. По поводу своей судьбы они не строили никаких иллюзий и прекрасно понимали, что принадлежность к «зондеркоммандо» — не что иное, как разновидность смертного приговора, но с временной отсрочкой приведения его в исполнение и без указания точного срока.

Иными словами, то, за что они боролись своим каждодневным трудом, было даже не жизнью, а всего лишь *отсроченной смертью*.

Так что же тогда двигало ими? Природное жизнелюбие? Надежда на чудо? Или универсальный принцип, раньше всех и лучше всего сформулированный в ГУЛАГе: «Умри ты сегодня, а я завтра!»?

Сатанинское искушение

Находя и опрашивая немногочисленных оставшихся в живых членов «зондеркоммандо», Г. Грайф предпринял попытку «...понять границы морали тех, кто физически ближе всего находился к эпицентру убийства — месту, для которого немцы, казалось бы, исключали существование любых гуманитарных ценностей»³¹. Саму же методологию и методу — принуждать одних жертв убивать других — он по праву называет дьявольской³².

Сатанинской назвал ее в 1961 году и Г. Хаузнер, израильский обвинитель на процессе Эйхмана: *«Мы найдем и евреев на службе у нацистов — в еврейской полиции гетто, в „советах старейшин” — „юденратах”. Даже у входа в газовые камеры стояли евреи, которым велено было успокаивать жертвы и убеждать их, что они идут мыться под душем. Это была самая сатанинская часть плана — заглушить в человеке все человеческое, лишить его эмоциональных чувств и силы разума, превратить его в бездушного и трусливого робота — и, таким образом, сделать возможным превращение самих лагерных заключенных в часть аппарата, истребляющего их же братьев. В результате гестапо³³ смогло свести число своих людей в лагерях до минимума. Но, в конце концов, и роботы не могли избежать горькой участи и подверглись уничтожению, наравне с соплеменниками...»*³⁴

Да, существо деятельности членов «зондеркоммандо» было чудовищным. Причем настолько, что их как коллаборационистов высшей пробы — наравне с еврейскими полициями в гетто — обвиняли в прямом пособничестве и чуть ли не в со-палачестве — в непосредственном соучастии в убийстве!³⁵ И отказать обвинителям в праве называть «зондеркоммандо» пособниками и коллаборационистами нельзя. В видах собственного, хотя бы и кратковременного, спасения разве не соучаствовали они в этноциде целого народа, своего народа?

Ханна Арендт на этом основании даже желала бы распространить и на них израильский закон 1950 года о наказании нацистских преступников — закон, по которому арестовали и судили Адольфа Эйхмана³⁶.

Арендт, правда, писала не столько о «зондеркоммандо», сколько о юденратах в гетто и их роли в Катастрофе. Именно юденраты с кастнерами, генсами и румковскими во главе были в центре общественного дискурса в Израиле в первые десятилетия существования страны. Как ни парадоксально, но на каждого пережившего Холокост в Израиле смотрели тогда не столько с сочувствием, сколько с подозрительностью и с готовым сорваться с уст вопросом: «А что ты делал во время Холокоста?» Это отношение необычайно сродни советско-смершевскому: «И как это ты, Абрам, жив остался?!...»³⁷

Рудольфа Кастнера, главу венгерских евреев, обвиняли в сделке с дьяволом и в предательстве интересов венгерской еврейской общины ради

шкурного спасения 1700 человек еврейской элиты (в том числе себя и своих близких) в так называемом «Поезде Кастнера», проследовавшем из Будапешта в Швейцарию. Он стал объектом ненависти в Израиле, в его дочерей в школе кидали камнями. Сам же Кастнер, осужденный на первом своем процессе (1955), был оправдан на втором (1958), но не дожид до этого: в марте 1957 года он был застрелен мстителями-экстремистами.

Хайм Румковский — по существу, фюрер Лодзинского гетто, даже не постеснявшийся своего изображения на геттовских дензнаках, — правил своим народцем железной рукой и не боялся играть в шахматы с самим дьяволом. Ставкой были их жизни, и, не колеблясь, отдавая фигуры за качество, он посылал на заклятие все новые и новые тысячи еврейских душ. Но, в конечном итоге, и проиграл, ибо в Лодзи уцелело лишь несколько сот человек. Он явно заигрался, думая, что знает или чувствует все правила, писанные и неписанные, — его соперник же менял правила и назначал ходы, как хотел, и одним щелчком сбил с него королевскую спесь и отправил вместе с офицерами и пешками в бжезинские газовни.

Ту же игру — откупаться от палачей все новыми и новыми евреями — и с тем же результатом — вел в Вильне и Якоб Генс. Только виленский случай специфичен тем, что там особенно зрелой и явственной была и альтернатива — объединенное коммунистическое и сионистское подполье, готовое и к восстанию в гетто, и к уходу в партизанские леса. Эти подпольщики в глазах еврейского фюрера Генса — опасные сумасшедшие и провокаторы, играющие с огнем. Их бессмысленные героизм и жажда подвига вызывали у него отторжение и протест, ибо ставили под удар всю его мудрую политику полезности палачам и малых уступок и рокировок.

Генс как бы спрашивал у героических своих оппонентов: «Ну, и много ли евреев спаслось после Варшавского восстания?..» Но и «герои», — останься он и они в живых, — могли бы чуть позже спросить: «А много ли спаслось в твоём Вильнюсском гетто?..»

В действительности этих крайностей не существует, они перемешаны друг с другом, а точнее, сосуществуют внутри каждого еврея, и решающим становится то, какую пластичность и какую пропорцию того и другого и в какое именно время он находит для себя допустимыми. Борясь с альтернативой — с Виттенбергом и Ковнером, Генс пытался с нею же и заигрывать, и пример Глазмана, его бывшего заместителя, наверняка заставлял и его задуматься об упущенной возможности сосредоточения всех еврейских рычагов — юденрата, полиции и партизанского штаба — в одних и, главное, куда более могущественных руках.

Но рокировки эти заходили далеко: это его, Генса, полицейские в Ошмянах не только выкуривали евреев из их мелин, не только конвоировали их ко рвам, но и расстреливали!.. И каждая новая «акция» в гетто, каждая новая разнарядка из гестапо — это, в сущности, такая же селекция, что и на рампе в Аушвице. Вместо Биркенау в Вильнюсе были Понары, вместо

газа — пули, а общими, теми же самыми были — еврейские трупы, присыпанные землей или горящие в похожих ямах.

И если кто и уцелел, то не в гетто, а в партизанских лесах или в рабочих командах, куда их депортировали и где не успели уничтожить. Впрочем, никто еще не посчитал распределение выживших евреев по способам их выживания — сколько в лесу и в укрытиях и сколько на пепелищах гетто и концлагерей. Но уже самый факт сопротивления возвращал всем и каждому достоинство и надежду, веселил и возвышал их истерзанные души.

Преступники или герои?

«Зондеркоммандо», так же как и еврейская полиция в гетто, как и еврейские «функциональные узники» в концлагерях (капо, форарбайтеры, штубендинты), как и выкресты-полицай, как и берлинские «графферы», рыскавшие по городу по заданию гестапо в поисках соплеменников¹³⁸, и даже весь лагерь-гетто для привилегированных в Терезине или вип-концлагерь в Берген-Бельзене — все это лишь части того сложного и противоречивого целого, к которому в Израиле поначалу выработалось особое — и весьма негативное — отношение¹³⁹. Молодое еврейское государство испугалось своей предыстории и не захотело, а отчасти и не смогло разобраться в страшнейших страницах недавнего прошлого. Идеологически поощрялся лишь героизм, особенно тот, что исходил от убежденных сионистов.

Но даже это «не помогло» мертвому герою восстания в Аушвице — убежденному сионисту Градовскому — получить в Эрец Исраэль более чем заслуженное признание. Принадлежность к «зондеркоммандо» — как каинова печать, и именно этим объяснялось нежелание некоторых из уцелевших ее членов идти на контакт с историками и давать интервью¹⁴⁰. Этим же объясняется и зияющее отсутствие этой темы в большинстве музейных экспозиций по Шоа.

Спрашивается: а возможно ли вообще сохранить в лагере жертвенную «невинность»? Каждый из правого ряда на рампе виноват уже тем, что не оказался в левом, ибо только эти жертвы — чистейшие из чистейших. Все остальные, если дожили до освобождения, наверняка совершили какое-нибудь «грехопадение». Выжил — значит пособничал, выжил — значит виноват.

На этом посыле и построено то уродство в общественной жизни Израиля, о котором упомянуто выше. В точности то же самое было и в СССР, для которого каждый репатриированный бывший остарбайтер и бывший военнопленный был чем-то в диапазоне между предателем и крайне подозрительной личностью¹⁴¹. «И как это ты, Абрам, в живых остался?..» — спрашивали во время фильтрации следователи СМЕРШа у выживших советских военнопленных-евреев.

В любом случае нацисты преуспели еще в одном: убив шесть миллионов, они вбросили в уцелевшее еврейство ядовитые кристаллы вечного раздора и разбирательства, не исторического исследования, а именно бытового противостояния и темпераментной вражды. Только этой общественной конъюнктурой можно объяснить такие, например, обвинения в адрес членов «зондеркоммандо», как их якобы «прямой интерес» в прибытии все новых и новых транспортов, то есть в как можно более продолжительном и полном течении Холокоста. Ибо это, мол, страховало их жизни и сытость.

Так, Г. Лангбайн цитирует некоего Э. Альтмана, «вспоминающего» явно мифическое высказывание одного из «зондеров» (так называли членов «зондеркоммандо» в лагере): «Ага, снова неплохой эшелончик прибыл! А то у меня уже жратва кончается». (Как мог член «зондеркоммандо» заранее знать, что прибыло, и как мог Э. Альтман все это от него услышать: в пабе после работы?) Этому, однако, нет ни одного подтверждения. Понимать связь явлений — это одно (и такое понимание всегда имело место), а паразитировать на смерти и молиться на нее — другое.

Признавая на суде свои «ошибки», но так ни разу и не покаявшись, сам Хесс, тем не менее, нашел слова для ехидного осуждения евреев из «зондеркоммандо»: *«Своеобразным было все поведение зондеркоммандо. Исполняя свои обязанности, они совершенно точно знали, что после окончания [Венгерской] «операции» их самих ожидает точно такая же участь, как и их соплеменников, для уничтожения которых они оказали столь ощутимую помощь. И все равно они работали со рвением, которое меня всегда поражало. Они не только никогда не рассказывали жертвам о том, что им предстоит, но и услужливо помогали при раздевании и даже применяли силу, если кто-нибудь ерепенился. <...> Все как само собой разумеющееся, как если бы они сами принадлежали к ликвидаторам»*¹⁴².

Эти признания, возможно, послужили толчком (и уж во всяком случае — пищей) для теоретических построений итальянского историка и философа Примо Леви, который сам пережил Аушвиц.

До известной степени Примо Леви поддается на провокацию эсэсовцев, о которой сам же и предупреждал: *«Те, кто, перетаскивает еврейские трупы к муфелям печей, обязательно должны быть евреями, ибо это и доказывает, что евреи, эта низкоразвитая раса, недочеловеки, готовые на любые унижения и даже на то, чтобы друг друга взаимно убивать. <...> С помощью этого института [«зондеркоммандо»] делается попытка, переложить вину на других, и самих по себе жертв, с тем чтобы — к собственному облегчению — их сознание уже никогда не стало безвинным»*¹⁴³.

И все же по существу Примо Леви не слишком сгущает краски, когда называет случай «зондеркоммандо» экстремальным в коллаборационизме¹⁴⁴. Он обратил внимание и на такой феномен, как своеобразное «брата-

ние» эсэсовцев, работавших в крематориях, с членами «зондеркоммандо»: первые держали вторых как бы за «коллег», отчего — несмотря на свои арийские котурны — эсэсовцы не считали для себя зазорным играть с ними в футбол¹⁴⁵, поддерживать сообщая черный рынок, а иногда и вместе смотреть кино¹⁴⁶ и даже выпивать¹⁴⁷.

Но, быть может, самым ярким проявлением этого *Kameradschaft* (сотоварищества) являлись отношения Менгеле и Нижли. Врач-эсэсовец, член партии, приказал (а на самом деле — доверил!) презренному жиду Нижли (тоже врачу) сделать аутопсию застрелившегося эсэсовского полковника¹⁴⁸. Подумать только: врач-еврей, которому, согласно Нюрнбергским законам, и приближаться к немецкому пациенту запрещено, кромсает скальпелем драгоценную арийскую плоть!

И где? — в Аушвице!..

Но утонченная интеллектуальная констатация Леви феномена «братания» и условной коллегиальности между членами СС и «зондеркоммандо» вовсе не рассчитана на то, чтобы стать методологией. Уж больно она эксклюзивна и выведена из исторического контекста, в котором различие между теми и другими настолько огромно, что само это наблюдение и его эмпирическая подоснова едва-едва различимы.

Однако именно как методологию восприняла ее ученица Леви Регула Цюрхер из Берна: раз встав на эти рельсы, она и докатилась, пожалуй, дальше всех. Ничтоже сумняшесь, она просто соединила членов «зондеркоммандо» и эсэсовцев на крематориях в некое общее, по-будничному звучащее понятие — «персонал установок по массовому уничтожению в Аушвице»¹⁴⁹. Конечно, разбирая по пунктам их «работу», их «быт», их «менталитет» и т.д., она рассматривает их раздельно, как подгруппы этой группы, но черта уже перейдена, и рельсы сами ведут куда надо. Вот критерий антисемитизма: ага, у СС — он есть, а у «зондеркоммандо» — нет. А вот критерии «кажды выжить», «стремления к обогащению»: эти критерии, видите ли, есть у обеих подгрупп этого «персонала»! И еще они отличаются по степени «развязанности рук»¹⁵⁰. И так далее...

Вместе же взятые, единые в этом и различные в том, они все равно формируют пресловутый «персонал установок по массовому уничтожению». Так профанируется методология учителей!

Р. Цюрхер предлагает различать среди членов «зондеркоммандо» четыре подгруппы: а) потенциальные самоубийцы, б) борющиеся за жизнь любой ценой, но оправдывающие это тем, что им предстоит рассказать обо всем миру, в) организаторы подполья и повстанцы и г) «роботы», не сохранившие никаких человеческих чувств. Вместе с тем это никакие не типы, а разные состояния все одного и того же — состояния души членов «зондеркоммандо». Каждый из них, может быть, прошел через ту или другую комбинацию этих состояний, ставших для него своего рода этапами.

Результат же, к которому приходит добросовестная ученица Леви, увы, банален: наряду с «черной зоной» — местообитанием абсолютного зла, существует, видите ли, некая «серая зона», которую, со стороны СС, манифестируют, например, хороший эсэсовец Курт Герштейн¹⁵¹, а со стороны «зондеркоммандо», надо полагать, участники сопротивления и подготовители восстания из числа коллаборационистов.

Итак, в глазах многих на членах «зондеркоммандо», как и на членах юденратов, лежит каинова печать предательства и соучастия в геноциде.

Именно эта установка на многие десятилетия была определяющей в отношении к «зондеркоммандо» со стороны широкого еврейского сообщества, а также со стороны историков. Развиваясь по законам черно-белого мифотворчества, это обстоятельство, безусловно, отразилось и на истории публикации их бесценных рукописей.

Но настоящей «серой зоной» была та общественная атмосфера, которая их обволакивала.

Разве перед селекцией на рампе и в бараке спрашивали у Градовского или Лангфуса, а не хотели бы они попробовать себя в такой новой для себя и столь аттрактивной профессии, как работа в «зондеркоммандо» (с приложением должностных инструкций)? Выбор, который им тогда оставался, — это даже не выбор между 100-граммовой и 500-граммовой пайкой: имейся у них такой выбор, они бы предпочли 100-граммовую, только не в «зондеркоммандо». Это был сатанинский выбор между жизнью и смертью, между принятием навязываемых условий и их неприятием — то есть пулей в лоб или прыжком в пылающую яму или гудящую печь!¹⁵²

И я не знаю, что бы сделали всеми уважаемые Примо Леви или Ханна Арендт, если оказались на месте этих проклятых предателей и со-палачей? Прыгнули бы они в печь?..

Осмелюсь напомнить всем судящим, что именно члены «зондеркоммандо» — они и только они — долго вынашивали и, в конечном счете, осуществили единственное в истории Аушвица-Биркенау восстание, все участники которого геройски погибли!

И что одним действующим крематорием после восстания стало меньше! Тогда как все прогрессивное человечество проморгало, почти не заметив, недостачу шести миллионов своих членов, а доблестные союзники по антигитлеровской коалиции не нашли на складах ни бомб, ни керосина для того, чтобы разбомбить этот совершенный завод по производству пепла!..

И что именно они, зондеркоммандовцы, оставили — написали и спрятали — самые многочисленные и самые авторитетные свидетельства о том, что там происходило на самом деле и как. И не их вина, что до нас дошло лишь около десятка из них!

«Зондеркоммандо» — это не штабная, а штрафная рота, и ее члены — это штрафники, но рвущиеся в бой и надеющиеся на то, что кровью смоят

с себя тот подлый позор, на который, не спрашивая, их обрекли враги. И еще на то, что весь мир признает и зачтет им не только их малодушие и преступления, но и их подвиги!

¹ Различались следующие разновидности: «*Erziehungshäftling*» («заключенный в порядке перевоспитания») — это узник, помещаемый в концлагерь на фиксированное время, и «*BVer*», или «*Befristete Vorbeugungshäftling*» («узник на фиксированное время и в порядке профилактики»); позднее «*Berufsverbrecher*» — «нарушитель профессии»). Кроме того, юридически выделялись «*Polizeihäftling*» («полицейский заключенный») — узники, формально находившиеся во власти полиции, а не СС. Так, в Аушвице-1 такие узники содержались в печально известном бункере, или 11-м блоке, но формально находились под юрисдикцией Катовицкого гестапо, полицейский суд при котором здесь же, в Аушвице, формально выносил свои приговоры, исполнявшиеся тут же, в расстрельном дворе бункера.

² Из свидетельства Иды Мессер от 2 мая 1945 г. (*ZfH. Relacja* 301/287/2)

³ «Циклон Б» (*Zyklon B*) — пестицид и инсектицид, разработанный немецким химиком еврейского происхождения Фрицем Хабером (1868–1934), «отцом немецкого химического оружия» и открывателем азотных удобрений, лауреатом Нобелевской премии по химии за 1918 г. Производился фирмой *Degesch (Deutsche Gesellschaft für Schädlingsbekämpfung GmbH)*, отделением фирмы *Degussa*.

⁴ См. в «От автора».

⁵ Интересно, что дневник З. Градовского готовился советской стороной к использованию на процессе, но так и не был использован.

⁶ В ходу и другие обозначения — «зондеркоманда», «спецкоманда» и т.п.

⁷ От нем. *Leichen* — трупы.

⁸ А они здесь очень высоки.

⁹ Опасений в исходе войны, а стало быть, и потребности в уничтожении следов еще не возникало.

¹⁰ Иногда — и совершенно напрасно — к сфере деятельности «зондеркомандо» причисляют и «обслуживание» свежеприбывших жертв и их имущества на рампе.

¹¹ В росписи таких команд, заявленных на работу, например, на 7 октября 1944 года (день восстания!), встречаем восемь команд, именуемых *Heizer Krematorium* (кочегары, или зажигальщики, крематориев) с разбивкой, во-первых, по четырем крематориям, а во-вторых, на ночную и дневную смены. Так, обозначению *57-B. Heizer Krematorium I. Tag* соответствует перевод: рабочая команда 57-B, кочегары на крематории II, дневная смена и т.д.

¹² Красные, намалеванные масляной краской «лампасы», согласно Э. Айзеншмидту полагалось иметь также на брюках и на верхней одежде (*Greif*, 1999. С. 261–262).

¹³ Но и тут бывали свои исключения, особенно при ином способе убийства. Так, известно, что члены зондеркомандо в Майданеке как минимум присутствовали при расстрелах в Крепецком лесу (см. ниже). Правда, национальный состав той зондеркомандо неизвестен — он мог быть и нееврейским. Зато известно, что члены еврейской полиции Вильнюсского гетто, оказавшись в октябре 1942 г. в положении части расстрельной команды в Ошмянах, справились и с этим «заданием». Начальник гетто, Якоб Генс, был очень расстроен, но с должностью не расстался (см. подробнее: *Поляк П. В Понарах, Понарах расстреляны все... // Рольникайте*, 2012. С. 509–512, 534–535).

¹⁴ В ранге ефрейторов медицинской службы (*Saniätsdienstgefreiter*), согласно М. Нижли (*Nyiszi*, 1960. Р. 50)

¹⁵ Именно в этом качестве участвовал в «зондеракциях» и доктор И. Кремер, автор «знаменитого» эсэсовского дневника (см. ниже).

¹⁶ На крематориях II и III с их подземными газовыми отверстиями располагались фактически под ногами газаторов, в крыше, а на крематориях IV и V — в верхней части стен газовых камер, и газаторам, для того чтобы сделать свое дело, даже приходилось приставлять к стене небольшую лесенку.

¹⁷ Этот висельный юмор был оценен и подхвачен и поляками (*Jagoda, Klodziński, Masłowski*, 1987. С. 254).

¹⁸ Именно такими нередко были партии «доходяг», регулярно образовывавшиеся в результате неустанных внутренних селекций в лагере.

¹⁹ *Nyiszli*, 1961. Р. 87–88, 126. Удерживание за уши, как свидетельствует Ш. Венеция, диктовалось следующей технологией: от тех, кто держал жертвы за уши, требовалось сразу же вслед за выстрелом резко наклонять голову к земле — чтобы кровь не фонтанировала и не пачкала сапоги и одежду убийц (*Venezia*, 2008. С. 119–123).

²⁰ Об этом прямо пишет Ш. Венеция (*Venezia*, 2008. С. 123).

²¹ Ср. свидетельство Лейба Зильбера: *Silver L. Ciechanow Jew sin Auschwitz* [Р. 343] // <http://www.jewishgen.org/yizkor/ciechanow/ciechanow.html>

²² Надо полагать, что под «пиететом» имелась в виду банальная сегрегация персонального пепла для выдачи родственникам.

²³ См. в каталоге выставки «Технологи «окончательного решения»: Topfund Söhne — строители печей в Аушвице» (Бухенвальд, 2005), а также на сайте:

http://www.sonderkommando-studien.de/artikel.php?c=ausstellung/topf_hintergrund

²⁴ При этом детские трупы можно было при необходимости добавлять, но укладывать их надо было так, чтобы они не проваливались сразу вниз.

²⁵ До этого и для этого их польских хозяев принудительно выселили.

²⁶ Строительство зоны завершено в декабре 1943 г. К этому времени она насчитывала в своем составе 35 бараков, в том числе 30 складских.

²⁷ В противоположность «Мексике», как стране очень бедной и хаотичной. По другой версии, Канада — это искаженное Ханаан, медово-молочная земля.

²⁸ *Müller*, 1979. С. 207–209.

²⁹ Капо был и М. Митек, так что Мюллер пишет о своеобразном двоевластии в команде.

³⁰ *Pezzetti M. Die Shoah, Auschwitz und das Sonderkommando* // *Venezia*, 2008. С. 252.

³¹ Его лагерный номер очень ранний — 27675. Снятие его показаний состоялось 16 апреля 1945 г. в окружном суде Кракова (см.: *Jankovski*, 1942).

³² В Аушвице-1.

³³ В том числе однажды и обезглавленный труп бургомистра города Аушвица Юлиуса Грюнвелера.

³⁴ Он был одним из свидетелей на Нюрнбергском процессе (см.: *Müller*, 1979).

³⁵ См. Приложение 3.

³⁶ *Müller*, 1979. С. 30.

³⁷ К нему впоследствии присоединили и первый состав.

³⁸ Происхождение клички связано, возможно, с тем, что он периодически закрывал глаза. Стриженный и коренастый блондин, он был настоящим монстром. Развлекаясь, стрелял в живых людей, целясь с расстояния 15–20 м в определенные части тела, после чего бросал — убитых или раненых — в печь (*Natzari*, 1991. Р. 45).

³⁹ Й. Гарлинский, не приводя ссылок, также утверждает, что 80 человек из этого состава «зондеркомmando» были убиты газом в августе 1942 г. (*Garlinski*, 1975. Р. 245).

⁴⁰ Имеется еще одно глухое свидетельство о ротации «зондеркомmando» летом 1942 г. — доклад четырех французских врачей Фейгенбаума, Гору, Шаенфельда и Штейнберга: «Персонал зондеркомmando очень часто обновлялся», так, например, первая партия,

сформированная в июле 1942 года из русских военнопленных, была в августе расстреляна и заменена 250 евреями, которые также были взяты из армии» (ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 198. Д. 56. Л.3).

⁴¹ По другим сведениям — 400 (Olexy, 1999. S. 122).

⁴² Czech, 1989. S. 349. Со ссылкой на: *APMAB*. НбВ-Prozess, Bd.1. Bl.17; Krakauer Auschwitz-Prozess, Bd.7. Bl.7, 113. Б. Баум пишет о 160 человек, которых якобы перевели для организации «зондеркомmando» в концлагере Гросс-Розен, а на самом деле душили газами в некоей камере недалеко от лагеря. Казнь, по его суждению, состоялась 9 декабря 1942 г. (Baum, 1962. S. 5–76). Формальным поводом послужила записка о том, что они готовили побег, но их, согласно Ф. Мюллеру, выдал штубовый.

⁴³ Доклад Р. Врбы и А. Ветцлера (*London has been informed...*, 2002. P. 213). Они же сообщают довольно позднюю дату селекции (17 декабря), не вполне согласующуюся с другими данными.

⁴⁴ *KL Auschwitz in den Augen der SS...*, 1973. S. 184.

⁴⁵ *Inmitten des grauenvollen Verbrechens...*, 1972. S. 52.

⁴⁶ Czech, 1989. S. 352–353. Со ссылкой на: *APMAB*. НбВ-Prozess, Bd.1. Bl.17; Krakauer Auschwitz-Prozess, Bd.11. Bl. 102–121.

⁴⁷ Czech, 1989. S. 355. Со ссылкой на: *APMAB*. D-Aul.1/3, Fv.D, Bl.158; *APMAB*. IZ-8/Gestapo-Lodz/3/88/87.

⁴⁸ Czech, 1989. S. 355–356. Со ссылкой на: *APMAB*. D-Aul.3/1b, Bunkerbuch, S. 91.

⁴⁹ По предположению А. Килиана — 15 декабря.

⁵⁰ Czech, 1989. S. 355. Со ссылкой на: *APMAB*. D-Aul.1/3, Fv.D, Bl.158.

⁵¹ Czech, 1989. S. 355–356. Со ссылкой на: *APMAB*. D-Aul.3/1b, Bunkerbuch, S. 91.

⁵² Впрочем, в «Календарии» Д. Чех на эту дату о публичной казни ничего нет.

⁵³ Некоторые называли ее «зондеркомmando-2», что неточно.

⁵⁴ Их польские «коллеги» — капо Морава, а также Ильчук и Липка — жили в блоке 2: «барак для элиты».

⁵⁵ Среди французских евреев было немало польских, эмигрировавших во Францию в 1920-е гг.

⁵⁶ В это же самое время болгарские власти депортировали евреев из «своей» оккупационной зоны, включавшей в себя и часть Македонии. Их депортировали в Треблинку (не менее 5 эшелонов, ок. 11 тыс. чел.).

⁵⁷ Лишь несколько сот из них оказались не в Аушвице, а в Берген-Бельзене.

⁵⁸ Czech, 1970. S. 16–21.

⁵⁹ *Lanzman*, 1986.

⁶⁰ От нем. *Schlauch* — кишка.

⁶¹ По словам Ш. Драгона, около 200 греческих и около 500 венгерских евреев (*Greif*, 1999. S. 169). Сами цифры относятся скорее к 1944 г., но и в этом случае преувеличены.

⁶² Даян — судья, член коллегии раввинов, имеющий разрешать ритуальные и иные галахические вопросы, а также разрешать направленные в раввинский суд конфликты. Некоторые называли Лангфуса еще и магидом, то есть проповедником в синагоге.

⁶³ *Müller*, 1979. S. 104.

⁶⁴ См. Приложение 2.

⁶⁵ *Natzari*, 1991. P. 41–42.

⁶⁶ *Müller*, 1979. S. 88–89.

⁶⁷ *Venezia*, 2008. S. 127–128.

⁶⁸ В некоторых свидетельствах сообщалось, что Каминский был из Цеханува. Но свидетельство Я. Гордона решительно этому противоречит (и, кстати, снимает с Каминского подозрения в оговествлении с «капо из Цеханува», издевавшегося над Э. Айзеншмидтом) (*Greif*, 1999. S. 269).

⁶⁹ Д. Обстбаум был старым лагерником (с номером приблизительно 38000). Польский еврей и коммунист, перебравшийся во Францию и служивший там в Иностранном Легионе, очень сентиментальный человек. Он покровительствовал Э. Айзеншмидту, в том числе и из-за его комсомольско-бейтарского прошлого (*Greif*, 1999. S. 268–269)

⁷⁰ Здесь и далее показания Э. Мусфельдта от 14 и 16 августа 1947 г. (см.: *Żmijewska-Wiśniewska*, 1999. S. 19–33).

⁷¹ На улице Липовой, 7.

⁷² Из не более чем 300 советских военнопленных, переживших эпидемию.

⁷³ По некоторым сведениям, в задачи «зондеркоммандо» в Майданеке, возможно, входило и прямое соучастие в убийстве жертв.

⁷⁴ Так в Майданеке назывались отдельные части лагеря. Аналогичны «зонам» в Биркенау.

⁷⁵ Их привезли из Заксенхаузена.

⁷⁶ Из показаний Роберта Зейтца, заместителя Мусфельдта в крематории в Майданеке (*APMM. Verhörprotokoll* 1961. Kserok. 1544).

⁷⁷ Она же поставила крематории в Заксенхаузене и в Бухенвальде.

⁷⁸ *Leszczynska*, 1980. S. 319. Со ссылкой на: *APMM. OPUS* 10. S.717. *OPUS* 9. S. 59.

⁷⁹ *Majdanek 1941–1944...*, 1991. S. 455.

⁸⁰ *Czech*, 1989. S. 757. Со ссылкой на: *Dok. des ISD Arolsen. NB-Frauen*, Bl.31. Расхождение в количестве «пассажиров» в эшелоне можно объяснить только одним — большая его часть предназначалась не для Аушвица.

⁸¹ А вот 275 евреек из Майданека были убиты почти сразу же на крематории IV.

⁸² Сугубо предположительно можно привести лишь две фамилии — Мотин (Митин?) и Малинков (Маленков? Малинов?) и еще несколько имен или кличек: Виктор, Гаврила, Григорий, Иван (это имя встречается чаще всего), Лука, Любашка (Сашка), Мишка, Николай и Юрка (см.: *Забочень*, 1965; *Kilian, Neue Forschungsergebnisse...*; *Venezia*, 2008). Как минимум трое-четверо из военнопленных были евреями.

⁸³ Из них 80 из афинского эшелона, прибывшего в Аушвиц 11 апреля 1944 г. (*Venezia*, 2008. S. 85–86.)

⁸⁴ Голландские евреи были, по свидетельству Э. Айзеншмидта, настолько мало приспособленными для выполнения такой работы, что из 50 членов зондеркоммандо из их числа уцелел только один (*Greif*, 1999).

⁸⁵ *Müller*, 1979. S. 143. Один из пяти немецких евреев был некий Цандер из Берлина, тесть одного из эсэсовцев.

⁸⁶ *Nyiszli*, 1961. P. 77.

⁸⁷ Там работал Э. Айзеншмидт, сначала грузчиком, а позднее электриком.

⁸⁸ М. Нижли — вероятно, ошибочно — полагал, что эти 30 человек — совершенно новый состав «зондеркоммандо».

⁸⁹ Э. Айзеншмидт вспоминает о двоих (*Greif*, 1999. S. 284–286), а Нижли указывает на то, что их было четверо.

⁹⁰ *Müller*, 1979. S. 276–277.

⁹¹ Морава перед этим попытался улизнуть, но попытка не удалась.

⁹² Параллельную селекцию вел еще Менгеле или кто-то из его заместителей: они отбирали «материал» — и прежде всего близнецов — для своих экспериментов.

⁹³ В случае с теми, кто влился в «зондеркоммандо» в декабре 1942 г. (Градовский, братья Драгон и др.), карантина не было.

⁹⁴ На участке между локтем и запястьем, ближе к локтю, а то и вовсе около сгиба левой руки.

⁹⁵ *Greif*, 1999. S. 109–188.

⁹⁶ По слухам, они разработали план восстания, но их предали. После этого вся «зондеркомmando» была ликвидирована. Именно поэтому, возможно, новую «зондеркомmando» сколачивали так спешно, без карантина.

⁹⁷ Greif, 1999. S. 329–361 и 59–108.

⁹⁸ Уцелев в Аушвице, он после войны вернулся в Грецию, а в 1972 г. переехал в Израиль.

⁹⁹ Сам он полагал, что в конце ноября 1943 г.

¹⁰⁰ Greif, 1999. S. 349–351. Золото затем очищалось и переплавлялось в небольшие слитки. Часть золота пряталась и ложилась в основу внутрилагерной торговли с эссовцами (те взамен предлагали еду, алкоголь и одежду).

¹⁰¹ Форарбайтерами были Л.Р. (очевидно, Лемке Плешке) и В.М. (Буки Милтон?), с удовольствием избивавшие других членов «зондеркомmando» (Greif, 1999. S. 88).

¹⁰² Greif, 1999. S. 101.

¹⁰³ Greif, 1999. S. 60.

¹⁰⁴ Greif, 1999. S. 189–232.

¹⁰⁵ Kraus, Kulka, 1991. S.202.

¹⁰⁶ Greif, 1999. S. 198.

¹⁰⁷ ZIH. Relacje 301/1868.

¹⁰⁸ Greif, 1999. S. 257.

¹⁰⁹ Nyiszli, 1961. P. 108–109. Д. Чех, расходясь с данными, опубликованными в книге самого Нижли, утверждает, что сначала он работал врачом в Моновице, откуда примерно через месяц был выписан Й. Менгеле для работы в сецессионной лаборатории крематория III (Czech. 1989. S. 788).

¹¹⁰ Ср. почти аналогичный рассказ Ф. Мюллера или рассказ Эли Визеля о его друге Беле Каце, попавшем в члены «зондеркомmando» и вынужденном «обслужить» собственного отца.

¹¹¹ Но разве для того, чтобы решиться все запомнить и рассказать, нужно, чтобы кто-то тебя упрасивал об этом, тем более жертвы? Ощути в себе дух летописца, отыщи, чем и куда писать — и пиши! И еще думай о том, как все написанное тобой спрятать и уберечь!

¹¹² Bowman, 1993. P.xviii. Ссылка Боумана на «Календариум» Д. Чех, согласно которому из транспорта с греческими евреями, прибывшего 20 июня 1944 г., селекцию прошли 436 мужчин и 131 женщина, не является подтверждением этой легенды: «венгерская операция» к этому времени хотя и была в самом разгаре, но никакого расширения зондеркомmando в июне не было. К тому же эшелон из Корфу прибыл не 20, а 30 июня 1944 г., а мужчин, прошедших селекцию, не 236, а 446 (Czech, 1989. S. 809). Впрочем, как о факте пишет об этом и сама Д. Чех в обзоре материалов о греческих евреях в АРМАВ (Czech, 1970. S. 33–34). При этом она ссылается на свидетельство Отто Вольгена (АРМАВ. Höss. Bd.6.Vl.28-29). В то же время рассказ этот, по замечанию А. Шмаиной, символичен и, возможно, навеян талмудической агадой о черехстах еврейских мальчишек, бросившихся в море. В таком случае это не ложь и не искажение, а ориентация на священную традицию сообщения-притчи.

¹¹³ По всей видимости, М. Личи.

¹¹⁴ Nazari, 1991.

¹¹⁵ Кстати, Л. Лангфус пишет о том, как однажды член «зондеркомmando» предупредил жертв о том, что им предстоит. Те его тут же заложили, после чего на глазах у других членов «зондеркомmando» его самого бросили в печь живьем. (Возможно, тут имеются в виду обезумевшая женщина из белостокского транспорта и Ицхак Деренский). За то же и так же погиб однажды и Лео Штайн из Тора (Müller, 1979. S. 119, 127). В то же время Й. Гарлинский сообщает (как водится, без указания источников) об инциденте, якобы имевшем место в 1942 г.: предупрежденный членами «зондеркомmando» транспорт с 1500 польскими евреями оказал отчаянное сопротивление немцам, причем к ним присоединились и 40 членов «комmando» (Garlinski, 1975. P. 246).

¹¹⁶ Но иногда они делали и это. Так, Градовский приводит имя Кешковской — женщины из Виленского гетто, рассказавшей ему о судьбе его отца.

¹¹⁷ Иногда они подкармливали и членов собственных семей, если те находились в Биркенау, а также подкупали эсэсовцев.

¹¹⁸ Еще менее сакрализированными были еврейские трупы для членов СС. После объявления и осознания государственной установки на физическое уничтожение евреев все евреи — в том числе еще живые — для них стали как бы трупами. Тем более трупами, покойниками были для СС и сами члены «зондеркоммандо».

¹¹⁹ Langbein, 1995. S. 288.

¹²⁰ А пронос: «грязные» члены «зондеркоммандо» — единственные во всем лагере узники, в чьем распоряжении в любое время имелся горячий душ.

¹²¹ См.: *London has been informed...*, 2002. P. 214. Однако из предыдущего изложения выясняется, что, несмотря на все ужасы, общение, и довольно тесное, имело место (у Ветцлера в «зондеркоммандо», судя по всему, работал брат): через «зондеров» в лагерь попадали продукты, одежда, медикаменты и даже валюта, найденная у убитых.

¹²² Langbein, 1995. S. 285. Поскольку общие больницы и лазарет были для «зондеркоммандо» недоступны, у них в 13-м бараке был своего рода медпункт, где, видимо, и работал Бендель. Решительно непонятно, почему его собственная роль в этом дьявольском конвейере казалась ему лучше или чище других? То же относится и ко Врбе и Ветцлеру, регистраторам, до побега бывшим на самом лучшем канцелярском счету не где-нибудь, а в самом Политическом отделе всего Аушвица-Биркенау!

¹²³ Nyiszli, 1961. P. 70–71.

¹²⁴ Greif, 1999. S. 346–347.

¹²⁵ Greif, 1999. S. 221–222.

¹²⁶ И тут необходимо подчеркнуть роль О. Кулки, Г. Грайфа, А. Килиана, М. Пезетти, Б. Праскье, К. Ланцмана и всех других, кто разыскивал бывших членов «зондеркоммандо» по всему свету и брал у них интервью.

¹²⁷ Greif, 1999. S. 221.

¹²⁸ *Inmitten des grauenvollen Verbrechens...*, 1972. S. 125.

¹²⁹ Выражение М. Наджари.

¹³⁰ Steiner, 1966. S. 123–124.

¹³¹ Greif, 1998. S. 1027.

¹³² Greif G., 1998. S. 1023.

¹³³ Здесь, несомненно, имеется в виду СС.

¹³⁴ Хаузнер, 1989. С. 31.

¹³⁵ Например, Роберт Пендорф: *«Несомненно, что без сотрудничества с жертвами едва ли было бы возможно для нескольких тысяч человек, большинство из которых, мало того, трудилась в канцеляриях, ликвидировать сотни тысяч других людей ... Эти евреи соучаствовали в процессе убийства с тем, чтобы спасти себя от угрозы немедленной смерти»* (Pendorf, 1961. S. 111).

¹³⁶ Ср.: *«Хорошо известный факт, что как таковой труд палачей в центрах уничтожения обычно находился в руках еврейских команд, был четко и прямо сформулирован в показаниях свидетелей обвинения — как они работали в газовых камерах и крематориях, как они вырывали золотые зубы и срезали с тел волосы, как они закапывали ямы с телами жертв, а потом снова их раскапывали, чтобы уничтожить следы; как еврейские инженеры строили газовые камеры в Терезиенштадте, где была основана такая еврейская автономия, что даже палач был евреем. Но все это было только ужасно, это еще не было моральной проблемой. Селекция и классификация рабочих в лагере осуществлялась СС...»* (Арендт, 2008. С. 147.)

¹³⁷ См.: Полян П.М. Советские военнопленные-евреи — первые жертвы Холокоста в СССР // *Обреченные погибнуть*, 2006. С. 9–70.

¹³⁸ В Берлине задокументировано 6 таких «графферов», самые известные среди них — семейная пара Рольф Изаксон и Стэлла Гольдшлаг. Практиковалось ли что-нибудь подобное в других столицах — неизвестно (нам сообщено И. Рабин). В Ломжинском гетто, по рассказу А. Шмаиной-Великановой, был такой «Рыжий», который разыскивал еврейские «мелины» (укрытия) и, обещая помощь при побеге или смене убежища, выдавал немцам.

¹³⁹ См.: *Porat*, 1991.

¹⁴⁰ А в имеющихся интервью бросается в глаза установка не столько на самооправдание, сколько на самооборону от возможных нападков.

¹⁴¹ СССР был единственной страной в мире, требовавшей от своих военнослужащих ни в коем случае не сдаваться в плен врагу, а биться до предпоследнего патрона, последним же патроном — убить себя!

¹⁴² *Höss*, 1958. S. 195.

¹⁴³ *Levi*, 1993. S. 50, 52.

¹⁴⁴ *Levi*, 1993. S. 52f.

¹⁴⁵ *Nyiszli*, 1960. P. 68. Это свидетельство не только не было никем подтверждено, но и было решительно опровергнуто, в частности, Иешуа Розенблумом (*Kilian*, 2004. S.138).

¹⁴⁶ О совместных кинопросмотрах членов СС и функциональных узников в помещении «Сауны», а также в раздевалке Крематория III(!) свидетельствовал В. Килар (*Kielar*; 1979. S. 352–354).

¹⁴⁷ Сюда же Леви относит и то, что эсэсовец Горгес передал зондеру Мюллеру хлеб в Маутхаузене — вместо того, чтобы выдать Мюллера местным папачам (*Müller*, 1979. S. 276–277). Учитывая время и место события, думаю все же, что это гораздо более сложный случай.

¹⁴⁸ *Nyiszli*, 1960. P. 79–83.

¹⁴⁹ *Zürcher*, 2004. Над ее рабочим столом была приколотая бумажка с цитатой из ментора, вынесенной ею в эпиграф к книге: «*Это совсем не легко и не приятно процульвать дно низости, но я тем не менее нахожу, что это необходимо делать...*» (S. 11)

¹⁵⁰ *Zürcher*, 2004. S. 216–219.

¹⁵¹ Случай с эсэсовцем Пестиком (см. о нем ниже) ей, видимо, не был знаком.

¹⁵² Вот аргументация уцелевшего члена «зондеркоммандо» Ш. Венеция: «*Иные полагали, что мы ответственны за то, что происходило на крематориях. Но это же абсолютно неверно. Только немцы убивали. Мы же были насильно принуждены к пособничеству, тогда как под коллаборантами понимаются добровольцы. Важно подчеркнуть, что у нас не было выбора. Каждый, кто отказался бы, тут же получил бы выстрел в затылок. А для немцев это не составило бы проблемы: убив десяток из нас, они тут же набрали бы 50 новых. Для нас весь вопрос был в том, чтобы выжить, и другого выхода у нас просто не было. Ни у кого из нас. Кроме того, и мозг наш уже не был нормальным, мы не были в состоянии много размышлять о том, что произошло... Мы стали автоматами*» (*Venezia*, 2008. S. 151–152).

УНИЧТОЖЕННЫЙ КРЕМАТОРИЙ: СМЫСЛ И ЦЕНА ОДНОГО ВОССТАНИЯ

Не дадим вести себя, как овцы на заклание!..

А. Ковнер, Вильна, 1 января 1942 г.

*Мы, зондеркоммандо, уже давно хотели покончить
с нашей страшной работой,
навязанной нам под страхом смерти.
З. Градовский*

Побеги и самосуды

Как непосредственные носители главного людоедского секрета Третьего рейха члены «зондеркоммандо» априори были больше других обречены на смерть, чем сжигаемые ими люди. Но четких инструкций, предписывающих сменять «зондеркоммандо», скажем, каждые четыре месяца или полгода, не было — иначе бы немцы их строго исполняли, а в самих акциях исполнения прослеживалась бы более строгая периодичность, нежели это было на самом деле.

Впрочем, по свидетельству Хесса, существовало распоряжение А. Эйхмана, согласно которому рядовых членов «зондеркоммандо» полагалось ликвидировать после каждой большой акции¹. В слове «большой» и было их спасение, ибо калибры акций определялись на месте. Акции же были каждый день, стали рутиной, и менять опытных профессионалов на рядовых необученных при таком раскладе не было никакого смысла. Наоборот, при усилении «акций» требовались дополнительные рабочие руки. Немцы, конечно, ценили их опыт² — живые они были им все же полезнее, чем безвредные мертвые; да и обучать новеньких в самый разгар перенапряжения с ликвидацией венгерских евреев было некогда и себе дороже.

И если ротации, то есть массовые смены составов «зондеркоммандо», и происходили, то совершенно по другим причинам и непредсказуемо непериодически. Самое важное, что такая угроза и так висела над ними каждый день, каждый час и каждую минуту.

Отсюда тактика, она же стратегия, самой «зондеркоммандо» — выбирать момент, восстать, вывести из строя печи и газовни, перерезать проволоку и прорваться за пределы лагеря, а там, а там — на волю! В Татры, в Бескиды, например! К партизанам!

Иными словами, достойной целью восстания представлялся именно массовый и успешный побег. То же самое, к слову, было и в других лагерях смерти — в Треблинке и Собиборе.

Удачные побеги становились спасением для отдельных людей, но со временем возникла и окрепла решимость поднять такое восстание, которое дало бы возможность бежать большому числу узников. Поэтому в

высшей степени недобросовестны попытки приуменьшить значение как побегов, так и восстания утверждениями типа: да они же «спасали свои шкуры»! да они же хотели «всего лишь» убежать — как будто другие восстания имели своей целью взятие Берлина!³

Кстати, о побегах. Согласно данным Т. Ивашко, их было зафиксировано 667, из них еврейских 76, то есть чуть больше 10%⁴. Еврейские побеги были потому сравнительной редкостью, что шансов на успех у них практически не было. Без больших надежд на сочувствие и помощь со стороны окрестных поляков у евреев (даже у польских) серьезных шансов уцелеть не было. Местное польское население охотно помогало польским беглецам, неохотно, но все же помогало — русским, а еврейских, как правило, выдавало или, если за этим таилась хоть какая-то выгода, грабило и убивало само.

Лучше всего о преобладающем у поляков отношении к евреям говорил тот характерный жест, которым они повсеместно и глумливо встречали и провожали эшелоны с евреями, — провести ладонью по горлу, словно ножом — бжик-бжик. «Конец вам, евреи, конец!» — вот что означал этот жест, а вовсе не «предупреждение евреев об опасности», как столь же дружно, но с безнадежной неубедительностью пытались «объяснить» Ландману те же самые поляки, но спустя 30 лет⁵.

А о том, как на самом деле воспринимался этот жест теми, кому он был адресован, написал Градовский: *«И как ужасно! Вот стоят две молодые христианки, заглядывают в окошки поезда и проводят рукой по горлу. Трепет охватывает тех, кто видел эту сцену, кто заметил этот знак. Они молча отшатываются, как от призрака. Они хранят молчание, не в силах рассказать об увиденном. Они не хотят усугублять горе, которое с каждой минутой и так становится все тяжелее, кажется, что уже вот-вот...»*

...И тем не менее первые еврейские попытки побега из Аушвица-Биркенау датируются еще 1942 годом! Люди прятались в грузовиках, которые вывозили из лагеря цемент, кирпич или мусор. Необходимость заранее «договориться» с охраной делала такие побеги слишком рискованным предприятием⁶. Еще более рискованными и потому еще более редкими были случаи побега в одежде и с документами вольнонаемных рабочих!

Куда более автономными и потому более удачными оказались побеги через так называемые «малины»⁷ — небольшие щели-укрытия, устроенные в канализационных люках, внутри штабелей досок или (самые безопасные!) под землей, в мелиорационных коллекторах. И. Айгер пишет, что, несмотря на риск, работа по устройению таких малин давала истинное удовлетворение. Самое главное, чтобы они находились за круглосуточно охраняемой территорией лагеря (туда часто выводили на дневную работу), но внутри контура так называемой большой «Postenkette»⁸, охранявшейся только днем и снимавшейся на ночь. Люди «исчезали» с места работы и отсиживались в такой малине два или три дня, пока их не переставали

искать. Тогда, под прикрытием ночи, они выползали из малины наружу, оставляя ее в полном порядке для следующего «пользователя» (если об этом существовала предварительная договоренность⁹), и двигались чаще всего на юг или юго-восток, вверх по Соле, — в направлении Бескид и близкой Словакии.

Многим удалось бежать именно таким образом, но каждый раз, когда побег обнаруживался, поднимали тревогу и завывали сирены, начинались поиски, в результате которых многих беглецов все-таки ловили. Тогда их или убивали на месте, или доставляли в лагерь Аушвиц-1, где, после допроса в 11-м блоке, чаще всего казнили, иногда — для устрашения остальных — публично.

Не случайно едва ли не все успешные еврейские побегі пришлось на 1944-й год. 5 апреля вместе с настоящим эсэсовцем (sic!) Виктором Пестиком¹⁰ бежал переодетый в эсэсовскую форму Витеслав Ледерер, прибывший в Аушвиц из Терезина в декабре 1943 года: он добрался до Чехословакии, связался с подпольщиками, жил в укрытиях в разных городах и несколько раз тайно посещал Терезин. Там он встречался с членами еврейского Совета старейшин и рассказал им о том, что их ожидает в Аушвице. Но те не поверили ему, а только качали головами и все показывали почтовые карточки из мистического «Ной-Беруна» с датой 25 марта: столь недостоверными и нелепыми байками они решили свои 35 тысяч евреев не волновать¹¹.

7 апреля 1944 года — спустя месяц после ликвидации семейного лагеря — убежали словацкие евреи Рудольф Врба (настоящее имя Вальтер Розенберг) и Альфред Ветцлер: оба работали в Биркенау регистраторами¹². Переждав три дня в малине, они пошли вверх вдоль Сола, пересекли границу со Словакией и, благодаря помощи случайно встреченных людей, 25 апреля благополучно добрались до Жилины. Некоторое время их прятали в надежном месте в предгорьях Татр, в Липтовски Святы Микулаш¹³.

Следующую пару составили Чеслав (Цешек) Мордовиц и Арношт Росин, причем Росин (№ 29858) — бывший и старейший член «зондеркоммандо» и, наверное, единственный, кому удалось от этой «чести» откупиться¹⁴. Они бежали 27 мая 1944 года — и примерно по той же схеме, что Ветцлер и Врба. 6 июня их даже арестовали в словацкой деревушке Недеца, но приняли за контрабандистов (у них были с собой доллары) и опустошили, вернее, позволили местной еврейской общине выкупить их из тюрьмы и спрятать все в том же Липтовски Святы Микулаше¹⁵.

Время от времени члены «зондеркоммандо» пытались бежать и со своих рабочих мест, но всегда неудачно. Особенно громким был провал побега пятерых во главе с французским евреем-капо Даниэлем Остбаумом, подкупившим охрану. Их поймали и, вместе с подкупленным охранником, которого Остбаум потом выдал, казнили. Этот побег, возможно, был использован как дополнительный повод для очередной ликвидации «зон-

деркоммандо» в феврале 1944 года — той самой селекции, о которой пишет Градовский в «Расставании»¹⁶.

Кроме побегов, были в лагере и другие задокументированные разновидности еврейского сопротивления или коллективного неповиновения. Так, ночью 5 октября 1942 года около 90 евреек-француженок были убиты во время «кровавой бани», устроенной эсэсовками и немками-капо (из уголовниц) в бараке женской штрафной роты в лагерном отделении Аушвица в Будах (близ Биркенау). Шестеро из их особенно рьяных убийц были даже казнены 24 октября после проведенного политотделом расследования¹⁷.

Встречался и еврейский самосуд — правда, только по отношению к «своему», к еврею-коллаборационисту. Так, если верить Б. Бауму, то жертвами самосуда жертв стали в новогоднюю ночь 1945 года и некоторые узники основного лагеря Аушвиц-1, в частности бельгийский еврей, выдавший гестапо десятки соотечественников, или капо Шульц¹⁸.

А вот история, которая облетела весь концлагерь: с небольшими вариациями ее рассказывали десятки человек. 23 октября 1943 года в Аушвиц прибыл транспорт с так называемыми «евреями на обмен» из Берген-Бельзена, в основном богатыми евреями из Варшавы. Их заставили раздеться, и тогда одна женщина, красавица-артистка, улыбнувшись, хлестнула только что снятым бюстгальтером по лицу стоявшего рядом высокопоставленного эсэсовца (Квакернака), выхватила у него револьвер и двумя выстрелами смертельно ранила рапортфюрера Шиллингера, стоявшего рядом с Квакернаком¹⁹, а также самого Квакернака или унтершарфюрера СС В. Эмериха. После этого и другие женщины набросились на эсэсовцев в попытке выхватить у них оружие, но всех их перестреляли на месте. Своего рода Массасада посреди Холокоста!

Не были покорными овцами и некоторые из тех стариков и женщин с детьми, что не прошли селекцию на рампе и были доставлены на скорую смерть в зону крематориев. В разгар массовой «венгерской» операции, когда эшелоны прибывали впритык друг за другом, случалось и так, что селекция проводилась в такой спешке, что на казнь отправляли едва ли не всех без разбору. Тем выше была готовность евреев к неповиновению и спонтанному сопротивлению, к попыткам вырваться из раздевалок перед газовнями или к отказу спускаться в них. Отчаявшиеся люди разбежались по территории лагеря в поисках возможности скрыться, чем создавали непредусмотренные осложнения немцам в их продуманной технологической цепочке уничтожения евреев. В результате, начиная с 3 июня 1944 года, пришлось не выключать ток в проволоке ограждения и в дневное время²⁰.

Спонтанное сопротивление демонстрировали иногда и сами члены «зондеркоммандо». Ярчайший пример — сольное восстание Альберто²¹ Эрреры, флотского офицера из Афин, участвовавшего в подготовке и общего восстания «зондеркоммандо». Есть две версии его подвига. Согласно Э. Айзеншмидту, два греческих и три польских еврея транспортировали

однажды пепел к Висле под конвоем всего лишь двух эсэсовцев. Греки, в том числе Эррера, напали на своих охранников, утопив одного из них, а сами переплыли на другой берег, где вскоре и были пойманы (все трое польских евреев при этом стояли и безучастно смотрели)²². По версии Ш. Венеции, было всего двое эсэсовцев и двое греков (второй — Хуго Венеция). Каждый из греков должен был нейтрализовать одного охранника, но если Эррера это сделал, то Х. Венеция не смог. В результате второй эсэсовец ранил переплывавшего Вислу Эрреру в плечо, и погоня обнаружила его уже умершим от потери крови. Х. Венецию забрали в Бункер, а расчлененное тело Эрреры было выставлено на принудительное обозрение на столе во дворе крематория II: каждый член «зондеркомmando» должен был пройти мимо стола и заглянуть в глаза голове жертвы.

Греческие историки датируют это событие интервалом между 21 и 29 сентября²³. А. Килиан полагает, что селекция «зондеркомmando», состоявшаяся 23 сентября 1944 года, могла быть в том числе и реакцией на побег А. Эрреры²⁴. Если он прав, то сама по себе попытка героического побега могла состояться только 22 или, вероятнее, 21 сентября.

Диспозиция сопротивления: польский и еврейский центры

Вскользь уже говорилось, что на более успешных побегах из Аушвица и Биркенау²⁵ «специализировались» два других контингента — советские военнопленные и международное (под польско-австрийским руководством) Сопротивление.

Бежали они, впрочем, совершенно по-разному. Советские военнопленные — как-то безоглядно, на авось и ничуть не считаясь с «ценой вопроса»: побег или подготовка к нему были как бы их естественным состоянием. Бежали — смотря по обстоятельствам — и в одиночку (если спонтанно), и по двое — по трое, а однажды — 6 ноября 1942 года — и целой дюжиной!²⁶

Подпольщики, собственно, даже не бежали, а организовывали побег: долго, тщательно и осторожно, и то лишь после того, как была отменена — из соображений сбережения трудовых ресурсов — коллективная ответственность за них. Бежали в основном к «своим» — к партизанам из Армии Крайовой: связь с ними у польского подполья была действительно налаженной²⁷.

Тут самое время отметить, что до середины 1943 года лагерное подполье в Аушвице было разношерстным и разрозненным, разбитым по национальному признаку, а иногда и на несколько групп внутри одной национальной группы (например, среди поляков, где свои группы имелись у коммунистов, левых социалистов и националистов). Во главе подполья стояли поляки (Юзеф Циранкевич, Збышек Райноч и Тадеуш Голуй), ав-

стрийцы (Альфред Клар, Хайнц Дюрмаер, Эрнест Бургер, Герман Лангбайн) и немцы (в частности Бруно Баум, заменивший Бургера, Руди Гебль и др.)²⁸. Но в организации состояли и советские военнопленные, и евреи. Среди первых известны имена офицеров Кузьмы Карцева, Александра Лебедева, Петра Махуры, Федора Скибы, Владимира Соколова и других²⁹. А среди вторых — Иегошуа Айгера (по одним сведениям, регистратор Политического отдела, по другим — электрик³⁰) или Израэля Гутмана (впоследствии известного исследователя Холокоста), прибывшего в Аушвиц из Майданека, предположительно, весной или летом 1944 года. Оба были в той или иной степени связными между двумя группами сопротивления — польской в основном лагере и еврейско-зондеркомандовской в Биркенау³¹. Б. Баум пишет еще и о советском еврее Монеке Маневиче, работавшем в той же самой прачечной, что и он сам³².

...До февраля-марта 1942 года, когда начали поступать первые еврейские эшелоны, Аушвиц был почти исключительно польским лагерем, и, несмотря на то что в 1943 евреев было уже вдвое, а в 1944 году — даже вчетверо больше, чем поляков, именно польское Сопротивление было наиболее организованным и сильным. При этом какого-то общепольского Сопротивления в контексте остроты внутривнутриполитической борьбы в Польше накануне не было и не могло быть: если оно и возникало, то лишь в исключительно тяжелых и чрезвычайных ситуациях, таких как Варшавское восстание или заключение в концлагеря. В Аушвице такой консенсус между «яковцами» и «аловцами»³³ был достигнут в конце 1942 года, но достигнут, как и везде, под диктовку Армии Крайовой в лице ротмистра Витольда Пилецкого и созданного им в Аушвице «Союза войсковых соединений»³⁴.

Как бы то ни было, но в мае 1943 года в Аушвице сформировался некий объединяющий центр сопротивления, вошедший в историю под названием «Боевая группа Аушвиц». Его ядро составили польские и австрийские ячейки, но к организации примкнуло и большинство остальных. Не примкнули только французы и бельгийцы, отдавшие предпочтение пусть маленьким, но своим очажкам. Свои автономные организации были, по-видимому, в «чешском» и в «цыганском» лагерях.

Собственную деятельность подпольщики из «Боевой группы» понимали, прежде всего, как постепенный захват ключевых позиций — должностей так называемых «функциональных узников» и систематическое вытеснение с этих должностей своих политических соперников, вытеснение любой ценой. Постепенно поляки и немцы-коммунисты вытесняли со всех важных внутрилагерных постов своих заклятых конкурентов — немцев-уголовников³⁵.

Другое направление — подкармливание и облегчение режима для своих, нередко помещение их в изоляторы к «своим» врачам, иногда — фальшификация документов и даже смена узнических номеров. Изыскивался и припрятывался (в частности, на чердаке дезинфекционного ба-

рака) инструментарий для будущего восстания — например, ножницы для взрезывания колючей проволоки, оружие...

Начиная с 1943 года подпольщики регулярно слушали радио и раз в неделю — по принципу того же радио, но только «сарафанного» — проводилась своего рода политинформация. Искались и находились различные пути для взаимодействия с другими лагерными отделениями и, что особенно трудно и важно, с внешним миром: за время существования лагеря на волю было переправлено около 1000 касиб! И это, возможно, самое серьезное из того, что заговорщики могли поставить себе в заслугу: на основании этих касиб в Кракове выходила даже летучая газета «Эхо Аушвица»!³⁶

Надо признать: многое у подпольщиков из Аушвица-1 было вполне налажено — какой контраст по сравнению с тем, чем располагали члены «зондеркоммандо»! Даже оружие для «зондеркоммандо» подпольщики из «Боевой группы Аушвиц» были в состоянии раздобыть и поставить, пусть и не бесплатно (благо у «зондеров» была репутация «платежеспособных» — особенно котировались их доллары и лекарства).

Кроме «рыночных», между двумя штабами сопротивления имелись и союзнические отношения: члены «зондеркоммандо» передавали подпольщикам в центральный лагерь списки эшелонов и даже фотографии процесса уничтожения, а центр, в свою очередь, снабжал их не менее существенными сведениями, например, заблаговременной — и потому жизненно важной — информацией о сроках предстоящих селекций среди «зондеркоммандо». Роль связных при этом выполняли отдельные мастера (например, электрики) или узники, работавшие на складах так называемой «Канады», соприкасавшиеся и с основным лагерем, и с «зондеркоммандо»³⁷.

На фоне ротационной динамики заключенных в Биркенау и Моновице жизнь заключенных в основном лагере в Аушвице, если только она проходила не в бункере СД и не в медико-экспериментальных «лабораториях», могла считаться размеренной и стабильной.

А у прошедших сквозь рампу евреев, даже если их и зарегистрировали, счет подаренной им лагерной жизни, по некоторым оценкам, шел не на годы, а на первые месяцы: с такой средней продолжительностью им просто не доставало времени не то что на вынашивание планов сопротивления, но и на то, чтобы элементарно оглядеться.

Как возможное исключение и источник надежды смотрелся так называемый «семейный лагерь», обитателями которого были, в основном, чешские и немецкие еврейские семьи из Терезиенштадта. То была имитация классического гетто, но уже как бы отдепортированного куда надо. Всего в двух шагах от него плескался кровавый океан то быстрой, то медленной еврейской смерти — и, даже просто оглядевшись, невозможно было предполагать, что могут быть исключения. Но, как показала жизнь (а точнее смерть), терезинцев сковывало по рукам и ногам именно ощущение соб-

ственной исключительности, привязанность к своим близким, жизни которых при всяком сопротивлении ставились бы на кон, и безумная, ничем не объяснимая уверенность в том, что их «островок еврейского счастья» незыблем.

Намеки Градовского на то, что между «зондеркоммандо» и терезинцами было что-то вроде соглашения о намерениях (если вторые восстанут, то первые к ним присоединятся), подтверждаются Врбой и Ветцлером³⁸. По крайней мере, были переговоры, связующим звеном в которых был сам Врба, регистратор в смежной с семейным лагерем (ВШб) карантинной зоне (ВШа). Со стороны терезинцев переговорщиком был директор еврейской школы Фредди Хирш³⁹. Когда поползли слухи о предстоящей ликвидации «семейного лагеря», он не поверил: зачем же, — спрашивал он Врбу, — на протяжении полугода немцы кормили детишек булками и молоком? Когда же семейный лагерь перевели в карантин и сомнений в немецких намерениях уже не оставалось, Хирш истратил все отпущенное ему малое время на сомнения и колебания. И, так и не сумев ни защитить детишек, ни организовать какое-то сопротивление, он покончил с собой⁴⁰. А о том, что произошло с семейным лагерем и как «зондеркоммандо» так и не дождалась от терезинцев восстания, написал Залман Градовский.

Возможность оглядеться была, разумеется, и у самих членов «зондеркоммандо», а вот уверенности в завтрашнем и даже сегодняшнем дне у них не было совершенно. Не было у них и «обремененности семьями», а после столь гладкого — без сучка и задоринки — уничтожения семейного лагеря, чему они были как минимум свидетелями, среди них сложилось и все более крепло ощущение, что им уже не на кого полагаться — только на самих себя. Все это и делало их группой, максимально заинтересованной в восстании, — и чем раньше, тем лучше⁴¹.

Непременной частью их планов было уничтожение самого узкого звена ашвицкого конвейера смерти — крематориев, пусть и ценой собственной гибели⁴². Похоже, что «зондеркоммандо» вообще были единственной в мире силой, вознамерившейся вывести из строя хотя бы часть инфраструктуры Холокоста. Никому из союзников с их воздушными армадами это, кажется, и в голову не приходило!⁴³

Независимо от исхода восстания сама подготовка к нему примиряла члена «зондеркоммандо» с ужасом происходящего. Более того, она возвращала его в рамки нормальности и нравственности, давая шанс искупить вину и оправдаться за все ужасное, что на их совести. И тут неудачи решительно не могло быть — удачей был бы уже шанс умереть по-человечески, а может быть и героически, — умереть в борьбе, умереть людьми!..

В этом смысле восстание членов «зондеркоммандо» в Биркенау сродни обоим Варшавским восстаниям: шансов на победу никаких, но боевой и моральный дух и самоуважение во всем лагере они подняли исключительно!

Но это шло решительно вразрез со стратегией (она же тактика) польско-го руководства «Боевой группы Аушвиц»: никаких резких движений, вы-

жить любой ценой, поелику возможно информировать внешний мир и лишь тогда поднимать восстание, когда будет ясно, что СС твердо хочет всех уничтожить, или когда Красная Армия постучится в ворота.

Как известно, никакого восстания, разработанного подпольем основного лагеря, так и не состоялось. Приводимое Баумом описание его плана настолько мутное, что вполю усомниться как минимум в значительной роли самого Баума в его разработке. Весь пар уходил в хитроумную организацию неудавшихся экстравагантных побегов, разбивавшихся о банальные предательство, невезенье и превентивную эвакуацию немцами на запад лиц, показавшихся им подозрительными⁴⁴.

Удивительно, но Баум при этом не постеснялся, с одной стороны, упрекать «зондеркоммандо» в бездействии, когда они не поддерживали обреченных, вдруг догадавшихся у дверей газовой камеры о предстоящей ликвидации и начинавших спонтанно бунтовать и не повиноваться, а с другой — поделиться тем, как он удерживал членов «зондеркоммандо» от выступления и предупреждал прочих узников Биркенау о неразумности присоединения к восстанию «зондеркоммандо», если таковое случится⁴⁵. В то же время четырех евреек — работниц фабрики «Унион», с риском для жизни добывших и доставивших в крематории порох для гранат и принявших, когда это раскрылось, героическую смерть на виселице, Баум причисляет к «своей» организации, упомянув «зондеркоммандо» лишь мельком и сквозь зубы⁴⁶.

Исчерпывающим выражением уверенности в том, что немцы позаботятся, чтобы ни один еврей не вышел из концлагеря живым, а оставшиеся в живых поляки не расскажут правду о погибших, является следующий пассаж из Залмана Левентала: *«История Аушвица-Биркенау как рабочего лагеря в целом и как лагеря уничтожения миллионов людей в особенности будет, полагаю, представлена миру недостаточно хорошо. Часть сообщений поступит от гражданских лиц. Между прочим, я думаю, что мир и сегодня уже кое-что об этом знает. А остальное расскажут, вероятно, те поляки, что по воле случая останутся в живых, или же представители лагерной элиты, которые занимают лучшие места и самые ответственные должности, или же, в конце концов, и те, чья ответственность не была столь большой...»*⁴⁷

Давая евреям обещания, которые и не собирались выполнять, поляки добивались и поначалу добились только одного — максимальной отсрочки восстания.

Тем не менее однажды оба центра сумели договориться, причем поляки запросили за помощь восстанию большие деньги⁴⁸. Согласовали и общий срок выступления — одна из пятниц в середине июня 1944 года, скорее всего — 16 июня. Судя по всему, переговорщиками — через курьеров — были Циранкевич и Бургер с польской стороны, и Капо Каминский — с еврейской⁴⁹.

Но буквально в последнюю минуту и в одностороннем порядке польская сторона перенесла срок. Возможно, это было связано с посещением Ауш-

вица в этот самый день обергруппенфюрером СС О. Полем или с транзитом через лагерь неких боевых частей. Но интересно, что в эти же дни — в 20-х числах июня — польское подполье в очередной раз готовило побег Циранкевича из лагеря. Попытка не удалась, мало того — она стоила жизни трем юным подпольщикам, готовившим этот побег с воли⁵⁰.

Трудно сказать, есть ли связь между переносом даты общего восстания и планом индивидуального побега Циранкевича, но, перенеся этот срок, польская сторона не только сбила боевой настрой еврейской стороны, но и во многом деконспирировала ее. Это не могло не иметь последствий и, возможно, стоило жизни руководителю еврейского штаба — капо Каминскому: в начале августа его застрелил лично Молль.

После этого фиаско евреи, перефразируя З. Левенталя, сжали зубы, но промолчали. А вскоре после сентябрьской селекции в «зондеркомmando»⁵¹ они окончательно разочаровались в перспективах сотрудничества с поляками.

Основных выходов такому разочарованию было два.

Первый: отказ от передачи информации «Боевой группе Аушвиц» и переход к закапыванию ее в землю (что лишало аушвицкий центр монополии на транспортировку касиб на волю). Их «курьером» стала мать сыра земля, а тот, кто захочет это найти, — обязательно найдет!!!

И второй: отныне уже твердая решимость зондеркомандовского штаба на мятеж-соло⁵².

Подготовка восстания: планы, сроки и руководители

Когда Залман Градовский в своих записках «В сердцеvine ада» писал, что все члены «зондеркомmando» составляли как бы одну большую семью, он выдавал желаемое за действительное. Описывая селекцию и расставание одних с другими, он, наверное, хотел, чтобы мы запомнили их всех как можно более человечными.

На самом деле микросоциум «зондеркомmando» был, при всей простоте, и весьма сложен, и весьма структурирован. Лишь часть из них кипела жаждой мести и восстания, другие (числом не меньшим, чем первые) цеплялись за любой дополнительный час своей жизни, а третьи, составлявшие большинство, были *«совершенно апатичны. Им было все равно, они были не люди, а роботы»*⁵³.

Главная линия антагонизма, конечно же, — между «роботами-работягами» и «роботами — функциональными узниками». В обязанности вторых входило заставлять первых работать, что не только допускало, но и настоятельно подразумевало битье и прочее насилие. При этом среди оберкапо, капо, форарбайтеров, старших по бараку и т.п. были не только немцы или поляки, но и евреи, так что эта «трещина» и внутриеврейская.

Конфликтным потенциалом обладал и язык общения: венгерские и греческие евреи, как правило, не понимали идиш или польский, а польские, литовские и польско-французские евреи не владели венгерским, греческим или ладино. Сколько же непонимания это за собой влекло!

Были и другие оси антагонизма, испытывавшие социум «зондеркомандо» на прочность. Например, и в аду сохранился антагонизм между евреями-ашкеназами и евреями-сефардами!⁵⁴ Он, несомненно, достигал своего апогея во время селекций: сефарды всегда были первыми кандидатами в списки, составлять которые входило в обязанность капо-ашкеназов. Не были дружелюбными и отношения «поляков» с «русскими»⁵⁵. Просто чудо, что среди всей этой неоднородной еврейской массы, — по крайней мере, накануне и во время восстания, — предателей, в сущности, не оказалось!⁵⁶

Но так, без предателей, обходилось не всегда: как правило, они находились. Мы очень мало знаем о той «зондеркомандо», на замену которой и отбирали Градовского со товарищи. Она была ликвидирована, в основном, 3 декабря 1942 года, и одним из поводов к ликвидации послужили ее намерения, а возможно и действия по подготовке к восстанию⁵⁷. Членов той «зондеркомандо» предали и убили, а содержание их плана так и осталось неизвестным.

Залман Левенталь в своих записках и Ф. Мюллер в своих воспоминаниях описали первоначальный план восстания, которое, согласно Х. Тауберу и Ф. Мюллеру, намечалось на одну из пятниц в середине июня 1944 года⁵⁸. Важно подчеркнуть, что этот разработанный Каминским план относится ко времени и ситуации, когда вся «зондеркомандо» проживала вместе — в отдельном 13-м бараке, посреди мужского лагеря (расщепление команды и ее изолированное от Биркенау расселение по крематориям случилось в конце июня⁵⁹).

План же был примерно такой: в четыре часа дня, еще до вечернего апшеля, 140 членов «зондеркомандо» на крематориях IV и V захватывают и ликвидируют⁶⁰ «своих» эсэсовцев (7 человек) и перерезают телефонные линии. То же самое — и на крематориях II и III, где было даже 180 «зондеркомандо» (против 10 эсэсовцев). Когда придет смена для СС, то захватывают и их, причем завладевают и их оружием, и их формой. В руки восставших тогда попало бы и автоматическое оружие. Важная роль отводилась двум лагерным зонам — «Сауне» и «Канаде», располагавшимся между двумя крематорными комплексами: они должны были соединить два очага восстания в один.

Вечером, когда снимается большая охранная цепь СС вокруг лагеря, переодетые в форму СС повстанцы «эскортируют» 10 человек с пилами и прочим инвентарем в лагерь, снимая по пути постовых мелкокалиберным револьвером с глушителем, перерезают телефонные провода и, при входе в барак, ликвидируют блоковых эсэсовцев. Далее восстание перекидывается на весь лагерь Биркенау, а оттуда и на Аушвиц-1. Заключенные напа-

дают на своих блоковых, на больничное отделение, на женский и мужской лагеря, поджигают бараки...

В это же самое время группа из крематориев II-III, где хранился порох, перерезает проволоку в женский лагерь и взрывает один за другим все крематории. Для колючей проволоки были заготовлены ножницы с резиновыми ручками, для крематориев — взрывчатка (точнее порох, запрятанный в крематории II), каждый крематорий — без исключения — должен был быть взорван и подожжен!

Все понимали, что большинство все равно погибнет, но именно такой смерти каждый и искал, хотя в душе все же надеялся, что каким-то чудом не попадет в это большинство и уцелеет.

И вот наступил оговоренный день и приближался оговоренный час — 9 часов вечера. Все было наготове, но в 2 часа дня прибыл связной от поляков с извещением: «Отбой, товарищи! Все переносится по непредвиденным обстоятельствам, надо еще немного подождать».

Это ввергло всех в шок.

А в конце июня Молль перевел практически всех членов «зондеркоммандо», кроме лазарета, непосредственно на территорию лагерей (чердаки крематориев II и III, раздевалка крематория IV), из-за чего решительно все и многократно осложнилось. Члены «зондеркоммандо», за исключением врачей, оказались не только ближе к своим жутким рабочим местам, но и в полной изоляции от большого лагеря. Разработанный и едва было не запущенный план восстания можно было теперь забыть.

Интересно, что существует и еще одна версия того несостоявшегося восстания — версия Леона Когена, отличающаяся от только что изложенной некоторыми мелкими деталями и одной крупной — сроком его проведения. Вместо середины июня в ней фигурирует середина августа⁶¹, и именно это заставляет думать о ней все же как об аберрации памяти, поскольку переезд из барака на крематории в любом случае состоялся в конце июня⁶².

Но саму версию нелишне изложить: она содержит немало подробностей, проливающих свет и на первую версию, в частности на совершенно иную — гораздо более активную — роль заключенных с «Канады» и «Сауны».

План восстания составлялся летом: сначала его назначили на 19-е августа, а потом передвинули на 15-е. Первая стадия: в момент смены охранников-эсэсовцев их нужно было скрутить и вколоть аутопсию. Вторая: в 16.00 оператор пара в дезкамере не ослабит, а наоборот поднимет давление пара до максимума — это приведет к взрыву здания. Работники «Канады» всё там подожгут, телефоны отключат, проволоку в женском лагере перережут и выпустят всех женщин на волю. Своих раненых решили пристреливать, чтобы они не попали в руки эсэсовцам. Леон Коген, вместе с еще четырьмя, должен был поджечь крематорий.

Но 12–13 августа вдруг послышалась канонада. Русские?.. Так близко?.. А если так — то, стало быть, восстание и не нужно! После чего многие

отказались от этого плана — многие, но не все. А 15-го августа, согласно тому же Л. Когену, обе смены «зондеркоммандо» построили, и эсэсовцы стали допытываться: «Где ваше оружие и патроны?» Они увели с собой четверых русских...⁶³

Весьма трудную задачу являет собой определение первоначальной даты предполагавшегося восстания; в то же время от даты многое зависит в понимании всей той цепочки событий, что привела к реальному выступлению 7 октября 1944 года.

А. Килиан отвечает на этот вопрос однозначно: пятница, 28 июля. При этом он базируется на сочетании трех факторов, приходящихся на этот и только на этот день: а) восстание могло состояться лишь только после того, как «венгерская акция» была позади (а это произошло вскоре после 11 июля); б) оно намечалось на пятницу и в) случайно оно пришлось на день, когда в Аушвиц прибыл эшелон из Майданека с весьма сильным эскортом СС⁶⁴.

Если эшелон прибыл на rampу Биркенау, то повстанцы из «зондеркоммандо» с крематориев II и III во главе с оберкапо Каминским могли видеть его собственными глазами⁶⁵. В таком случае приказ о переносе сроков восстания мог отдать и сам Каминский, безо всякой просьбы или директивы от «Боевой группы Аушвиц».

Вместе с тем создалась чрезвычайно неприятная и хрупкая ситуация: многие из членов «зондеркоммандо», от которых сама подготовка восстания скрывалась, были уже предупреждены о нем, и опасность предательства возросла в разы.

Каминскому же оставалось жить всего одну неделю. Второго или третьего августа его застрелил (и самолично сжег его труп!) сам Молль, обвинив, правда, в подготовке не восстания, а покушения на другого эсэсовского изверга, Мусфельдта⁶⁶. По другой версии, его схватили на крематории II, где он жил, и отволокли, избивая, на крематорий IV, где убили и сожгли⁶⁷. Крематории же в это время жгли трупы цыган, чей лагерь был полностью ликвидирован накануне. По третьей версии (Л. Когена), Каминского убили 14 августа — в то время, когда он решил обойти свою территорию с целью предупредить об очередной отсрочке.

Маловероятно, что убийство Каминского не связано с восстанием. Весьма вероятен тут и донос, приписываемый польскому капо М. Мораве или С. Шавиньскому⁶⁸. Так или иначе, но политический отдел, видимо, напал на его след и первым нанес удар, но такой, чтобы «производственный процесс» не пострадал (переезд на крематории стал первым таким ударом, а сентябрьская селекция — третьим; несостоявшаяся октябрьская должна была стать сокрушительным четвертым).

Каминский был главным стратегом и организатором восстания на крематориях. Большим подспорьем ему была та относительная свобода передвижений по лагерю, которой он как капо (а одно время и оберкапо всех крематориев) пользовался. У него был личный контакт с женским лагерем

(в частности с Розой Роботой), с польским лагерным подпольем⁶⁹, а через него — и с партизанами.

После смерти Каминского руководство подготовкой восстания и самим восстанием перешло к другим — и скорее всего к нескольким лицам сразу, среди которых определенно были Градовский, Доребус (Варшавский) и Гандельсман.

Залман Левенталь, светский человек с очень левыми взглядами, много страниц посвятил восстанию и его подготовке. Особенно проникновенно он пишет о Йоселе Варшавском, которого лично знал еще в 1920–1921 годах как коммуниста и одного из вожakov рабочего профсоюзного движения всей Варшавы. Позднее Йосель переехал в Париж, где сотрудничал с коммунистической прессой. Левенталь характеризует его как *«очень интеллигентного человека, выделявшегося своим хорошим спокойным характером. Вместе с тем его душа пылала от готовности к борьбе»*. Имя «Йосиф Варшавский» было его конспиративным псевдонимом еще со времен классовой борьбы в Варшаве (другим его прозвищем было «Йоселе ди мамелес» — «маменькин сынок»), а по-настоящему его звали Иосиф Доребус. Он родился в 1906 году в Жирардуве.

Его ближайший друг, дамский парикмахер и тоже коммунист, Янкель Гандельсман, родился в 1908 году в Лейпциге, жил в Радоме, учился, как и Лангфус, в йешиве в Сандомире, за что его в шутку звали «коммунистом-ешиботником» или «социалистом закона Моисеева». В поисках работы оба эмигрировали в 1931 году во Францию. В Париже, оставаясь польскими гражданами, были активистами еврейско-иммигрантского профсоюзного движения и «Культур-лиги». После оккупации — оба активисты французского Сопротивления, оба были арестованы и интернированы. 2 марта 1943 года депортированы из Дранси и прибыли в Аушвиц 4 марта⁷⁰.

Как одного из лучших во всей «зондеркоммандо» упоминает Левенталь и Залмана Градовского, а в связи с подготовкой восстания и как «своих самых близких», тех, чью память он хочет особо почтить, — Лейба Лангфуса из Макова-Мазовецкого, Айцека Кальняка и Лейба-Гершко Панича из Ломжи и Иозефа Дерезинского из Лунно.

Л. Флишка и Б.-А. Сокол — правда, с чужих слов — воспринимают Градовского даже как единственного и главного руководителя восстания⁷¹. Имена Градовского, Панича, Йецкеля Рыбака и Моше Сobotки называет М. Забочень⁷². Имя Хенрика Фуксенбруннера из Кракова, хорошо знавшего окрестности Аушвица, приводит Ш. Драгон⁷³. В этом же контексте всплывает еще и имя Давида Финкельштейна⁷⁴.

Ф. Мюллер называет еще два имени — Юкла Врубеля и польского капо (еще со времен Аушвица-1!) Владека. То был Владислав Томичек, в прошлом польский коммунист, — единственный нееврейский член «зондеркоммандо», которому евреи доверяли и которого посвятили в свои планы. Долгое время он был главным связным «зондеркоммандо» с польским подпольем. Гестапо следило за ним и, подозревая в связи с ком-

мунистами и с подпольем, дважды забирало к себе — в 11-й блок основного лагеря. В августе 1943 года он «вернулся» в крематорий в последний раз — уже в мешке⁷⁵.

Есть множество свидетельств и о чрезвычайно большой роли в подготовке и проведении восстания бывших военнослужащих — греческих евреев (среди них было много военных) и советских военнопленных. Так, согласно Лангбайну, в выработке плана восстания участвовали два греческих офицера, одного из которых звали Александро (по другим сведениям — Альберто) Эррера из Ларисы⁷⁶. Исаак Кабели, впоследствии профессор Афинского университета, называл и такие имена: капитан Йозеф Барух, Вико Брудо, Рауль Яхон⁷⁷, Карассо и Ардите. О Барухе вспоминает и Я. Габай.

Он же говорит и о советском военнопленном майоре (еврее по национальности) из крематория П⁷⁸, а Ш. Драгон — об одном русском «полковнике»⁷⁹ и еще об одном французе с опытом испанской войны за плечами⁸⁰. Но один свидетель — Элеазер Айзеншмидт — в качестве единоличного руководителя восстания называет советского военнопленного-еврея, майора по званию и артиллериста по военной специальности, воевавшего еще в Сталинграде⁸¹. Его имя, увы, осталось неизвестным, но возможно это Н (Николай?). Мотин — единственный советский военнопленный, чью фамилию в своей статье о сопротивлении в Аушвице называет М.С. Забочень⁸². Или Филатов, о котором вспоминал Й. Айгер⁸³.

Согласно Левенталю, особенно тесные отношения установились с неким русским майором, хотя что-то и помешало им укрепиться. О том, что организатором восстания был некий советский военнопленный с крематория П, вспоминал и Л. Коген. Скорее всего, во всех этих свидетельствах подразумевается одно и то же лицо — тот самый «майор-артиллерист», о котором говорили Э. Айзенштадт и Я. Габай. Они же добавляли, что, кроме майора, восстание готовили еще трое советских военнопленных — и тоже евреи по национальности⁸⁴.

Интересно, что Левенталь упрекает русских примерно в том же, в чем польское подполье упрекало еврейское, — в дефиците терпения и политической мудрости, в пренебрежении конспирацией, в неумении держаться согласованного плана, в недопонимании целого. Левенталь, тем не менее, писал, что русские хотя и спровоцировали отчасти выступление в том виде, в каком оно произошло, но все же были при этом еще и лучшим элементом восстания. А вот Дов Пайсикович называет их не иначе как ни на что не годными пьяницами⁸⁵.

Подготовка восстания: оружие и порох

К восстанию готовились, запасались оружием. В арсенале у заговорщиков имелись 3 гранаты из Аушвица-1, несколько парабеллумов и мелкокалиберных пистолетов — всё, кроме нескольких револьверов, найденных случайно в багаже одного из чешских транспортов,⁸⁶ было «организовано» у поляков, то есть куплено за доллары или обменено на лекарства⁸⁷. В ход шли и шабатные тупые ножи для разрезания халы: их загачивали⁸⁸.

Одной из главных целей восстания был подрыв крематориев, для чего была необходима взрывчатка⁸⁹. Недалеко от базового лагеря, в цехах, в свое время построенных Круппом, разместились, начиная с 1 октября 1943 года, заводы *Weichel Metall Unions Werke Verl*, передислоцированные сюда из Украины и производившие взрыватели для бомб. Там работала группа еврейских девушек, но под таким пристальным надзором, что даже установить с ними контакт было практически невозможно.

Но это сумела сделать 23-летняя Роза Робота из Цеханува, член сионистской организации «Ха-Шомер Ха-цаир» и член «Боевой группы Аушвиц». Она работала в «Канаде», в обувной мастерской. Ей было поручено раздобыть несколько небольших порций взрывчатки. Порох в хранилище похищали четыре еврейские девушки: бельгийская еврейка Элла (Аля) Гэртнер⁹⁰, Регина Сафир (или Сафирштейн) из Бедзина и две сестры Вайсблум из ассимилированной варшавской семьи — Эстер (Тося) и Ханка, 19 и 15 лет. Порох проносили из завода небольшими порциями в 250 грамм в обуви — и на протяжении нескольких месяцев⁹¹. Следующим звеном этой цепи была девушка Хадасса, забиравшая эти минипорции в условленном укромном месте и передававшая их Розе Роботе и Марте Биндигер, работавшим в «Канаде»⁹².

Далее Робота доставляла порох — в потайных кармашках в подоле своего платья — в Аушвиц-1. При этом связным между ней и базовым лагерем были Иегуда Лауфер, а со временем и Израэль Гутман.

А связным между ней и «зондеркоммандо» был электрик Айгер, оставивший об этом собственные воспоминания⁹³. Ш. Венеция пишет, что роль связного исполнял высокий человек по имени Альтер. Крайне маловероятно, что это Альтер Файнзильбер⁹⁴, скорее всего подразумевается все тот же Айгер⁹⁵. Кроме того, имеются свидетельства двух земляков Розы Роботы по Цехануву: первое — Ноаха Заблудовича, также электрика (и двоюродного брата Шлойме Киришенбаума — одного из капо в «зондеркоммандо»), о выполнении аналогичной роли и им⁹⁶, и второе — Мойши Колки — о том, что связным был цеханувец Годл Зильбер⁹⁷. Согласно А. Килиану, звеньями связующей цепочки были сам Я. Каминский и его подруга Шмидт, капо склада с одеждой в женском лагере⁹⁸.

Собственно говоря, зондеркоммандовцам был нужен не порох, а начиненные им ручные гранаты. Их изготавливал русский военнопленный и пиротехник Бородин⁹⁹, заполнявший пустые консервные банки взрывчат-

кой и нужными химикалиями, в частности фосфорными взрывателями. Со стороны «зондеркоммандо» главным принимающим и хранителем чего бы то ни было полезного для восстания был Шлоймо Драгон, дневальный (штубовый) 13-го барака. Всего было сделано около 30 гранат, которые он проносил по одной-две всякий раз, когда ходил из блока 13 на крематории (туда же он пронес однажды и фотоаппарат!)¹⁰⁰. Драгон прятал их и хранил в собственном матраце или же во внутренней части верхнего контрфорса на чердаке одного из крематориев (по другим данным, члены «зондеркоммандо» прятали их в ведрах, где у них хранилось мыло). Он же и распределял гранаты между крематориями.

Ход восстания

По новому плану, восстание должно было начаться на крематориях IV и V, и начаться по-тихому. В тележке для перевозки кокса планировалось привезти оружие на крематории II и III, но даже это не вышло — вероятно, из-за предательства поляков или немцев из «зондеркоммандо»¹⁰¹.

Благоприятными для восстания днями считались те, когда на рампу не прибывал эшелон. Воскресенье 7 октября и было одним из таких дней, но и он не подходил для восстания.

6 октября 1944 года шарфюрер СС Буш, один из начальников на крематориях IV и V, собрал еврейских капо этих крематориев и велел им в течение 24 часов составить список на селекцию, в общей сложности на 300 человек. Список этот составлялся ночью, и подавляющее большинство в нем ожидаемо составили венгерские и греческие узники, а также все советские военнопленные, на чем специально настаивал Буш.

Вот он — тот момент, который, казалось бы, делал восстание неизбежным. Но, судорожно перебирая в уме все те куцые возможности сопротивления, что еще оставались, польско-еврейские капо решили восстание все-таки не поднимать.

Тем не менее оно состоялось и пошло по самому неблагоприятному для восставших сценарию.

Сохранилось несколько описаний начала, хода и подавления восстания.

Наверное, первым по времени письменным описанием восстания было то, что дал еще в 1945 году Йегошуа Айгер¹⁰². Его специальность (он был электриком) давала ему привилегию довольно большой свободы передвижения по лагерю.

«В один из сентябрьских дней 1944 года¹⁰³ меня вызвали в Биркенау по связи лагеря D. Я находился в цыганском лагере, отделенном от лагеря D колючей проволокой. Там, с другой стороны, меня поджидал Екель Розенцвайг (он сейчас в Австрии). Он сказал, что я должен немедленно идти к нему в блок 8 лагеря D, что я немедленно и сделал. Придя туда, я увидел членов организации сопротивления: братьев Годла и Лейбла Зильберов,

Екеля Розенцвайга и Екеля Гандельсмана¹⁰⁴, а также русского Филатова. Тут же началась дискуссия. Гандельсман, парижанин (родился в Радоме, Польша), представитель движения сопротивления «зондеркоммандо», потребовал, чтобы восстание, для подготовки которого еще требовалось время, было проведено немедленно. Он объяснил, что 200 товарищей стоят в списке на вывоз, а из «зондеркоммандо» вывозят только на тот свет. Поэтому восстание надо начать немедленно. Мы ему объяснили, что это невозможно, потому что все еще подготовлено, что восстание нельзя делать хаотически и не по плану. Будет полный провал и единственным результатом окажется множество жертв.

После длинных дискуссий и уговоров Гандельсман отправился назад, согласившись с решением подождать с восстанием, чтобы не подвергать риску все дело. Мы же должны были сделать все возможное, чтобы товарищи из «зондеркоммандо» не были вывезены.

В три часа пополудни мы неожиданно услышали несколько взрывов. Вскоре газовая камера и крематорий 4 горели. Послышались крики, это товарищи из «зондеркоммандо» разрезали колючую проволоку, окружающую лагерь крематория, и выскочили оттуда. Они разбежались кто куда. Вскоре, однако, были подняты по тревоге охранные войска и СС, которые начали охоту за беглецами и подняли стрельбу. Охрана остальных лагерей была немедленно усилена, так что ничего нельзя было сделать. Около 200 человек было расстреляно, раненые тоже, потому что они молчали. Наши люди, Екель Гандельсман и Иосиф Варшавский, были среди раненых. Они никого не выдали и были расстреляны.

Как мы выяснили позже, началом послужили взрывы бомб в крематории, которые наши люди уже подготовили для восстания. Это сделал Варшавский, наш человек в «зондеркоммандо». Он умел обращаться с фосфорными зажигателями. Своим недисциплинированным действием Варшавский привел к провалу всего плана.

<...> План был разработан на основании наших знаний о лагере, и мы рассчитывали на успех, хотя было очевидно, что будет очень много жертв. К сожалению, спешка уничтожила наши планы вместе с нашими надеждами.

Картину, весьма отличную в существенных деталях, дает Миклош Нижли в книге 1960 года. Восстание, в его версии, началось не 7, а 6 октября — с приказа Менгеле сделать аутопсию трупа советского военнопленного офицера, застреленного еще утром при попытке к бегству. На крематории II, где находилась сецессионная, шла «обычная» работа, но во всем поведении «зондеркоммандо» было много необычного — неторопливость, теплая одежда, разговоры шепотом. Оказалось, что с завтра на послезавтра ожидается селекция «зондеркоммандо»¹⁰⁵ и что на завтра, на 6 часов утра, в пересмену, намечено выступление, цель которого — прорваться до Вислы, пересечь ее по низкой октябрьской воде вброд и уйти в партизанские леса, начинавшиеся уже в 8 км на том берегу и тянувшиеся до словац-

кой границы. Однако уже в час ночи раздался взрыв и послышались автоматные очереди: все крематории были окружены эсэсовцами, но на крематориях II и IV они встретили вооруженный отпор, причем крематорий IV был не то взорван, не то подожден.

В живых на крематории II оставили только семерых — инженера вентиляторов газовых камер, капо Лемке и его пипеля¹⁰⁶ и штубового Пайсиковича, а также, по приказу Менгеле, самого Нижли и трех его ассистентов. От Пайсиковича Нижли узнал, что ночью эсэсовцы из политического управления концлагеря прибыли на крематорий IV и приступили к селекции: сотню венгерских евреев даже отправили в 13-й барак сектора D — бывший барак «зондеркоммандо». Затем отобрали греческих евреев, но когда начали выкликать номера польских — в эсэсовцев полетели бутылки с зажигательной смесью. Те открыли, — в том числе и по грекам, — шквальный огонь из автоматов, но польские евреи забаррикадировались в крематории и подорвали его. Всех греческих и венгерских на крематории IV расстреляли, как, по Нижли, расстреляли затем и всех остальных на всех четырех крематориях.

К восставшим присоединился — и то не сразу — только крематорий II: именно здесь держалось основное оружие восставших, и оно было пущено в ход. Показал себя и крематорий V: там было выведено из строя оборудование. Но в неравном бою погибли или были сразу же после боя расстреляны все, кроме упомянутой семерки, и еще 12 беглецов, сумевших форсировать Вислу, но выданных позднее польским крестьянином. Их окружили и перестреляли. Согласно Нижли, в этот день погибли 850 членов «зондеркоммандо» и 70 эсэсовцев, в том числе 18 офицеров.

Версия М. Нижли серьезно расходится с остальными и в весьма существенных деталях. Например, во времени суток (согласно Нижли, это была глубокая ночь), способе получения повстанцами оружия (согласно Нижли, его поставляли польские партизаны во время лихих ночных налетов на лагерь, в действительности никогда не имевших места) и в количестве жертв¹⁰⁷.

Так что примем за основную версию ту, что, обобщая многие свидетельства, рисует Андреас Килиан с соавторами в книге «Свидетельства из мертвой зоны. Еврейская зондеркоммандо в Аушвице», но дополним картину деталями, встречающимися и в других источниках, не учтенных им или же оставленных без внимания.

Субботним утром 7 октября стояла солнечная, безоблачная погода. В обед на крематории II, где жили все советские военнопленные, а раньше жил и Каминский, собрался штаб восстания. Это засек оберкапо Карл Конвоент, пригрозивший всех заложить. Но его тут же схватили, убили и бросили в печь¹⁰⁸. В середине дня (примерно в 13.25) около 20 эсэсовцев во главе с обершарфюрером Хубертом Бушем, унтершарфюрером Йоханном Горгесом и шарфюрером Куршусом появились на территории крематория V и приступили к намеченной селекции, двигаясь по списку от больших номеров к меньшим. К крематорию IV было приписано 170, а к

крематорию V — 154 человека, в основном венгерские и греческие евреи. На построение вышло всего 286, так как 8 человек из крематория V, — и среди них Яков Зильберберг и Хенрик Мандельбаум, — были заняты дроблением непрогоревших костей, а еще около 30 человек были отобраны до начала селекций в строю и заперты в одном из помещений крематория IV (среди них Элиазер Айзеншмидт и два венгерских врача — Гаваш и Петер: последние, во избежание пыток, покончили с собой).

Когда до конца списка осталось уже немного, вдруг обнаружилось, что части людей из списка в строю нет. Эсэсовцы кинулись их искать, и в это время на них набросился с криками «ура» и с молотком польский еврей Хайм Нойхоф, один из самых старых (около 54 лет) в «зондеркоммандо». Его поддержали другие — с молотками, топорами и камнями. А в это время уже загорелся крематорий IV: забросав его самодельными гранатами, это сделал Йосель из Бедзина¹⁰⁹.

В 13.50 зазвучала общелагерная сирена. В это время эсэсовцы, к которым прибыло подкрепление из казармы, уже давно прицельно стреляли из безопасных укрытий; многие из тех, кто находился во дворе крематория V, погибли.¹¹⁰ Но части восставших — и среди них большинству советских военнопленных — все же удалось достичь близлежащего леса и приготовиться к бою, часть перерезала колючую проволоку (она была не под напряжением) и ушла в сторону «Канады», один даже влетел в сортировочный барак № 14, но был схвачен тамошним охранником.

Овладев ситуацией сначала на крематории V, эсэсовцы согнали всех еще находившихся там и в крематории IV «зондеров» во двор и заставили лечь рядами ничком. После того, как расстреляли каждого третьего лежащего, в живых из 324 человек с двух малых крематориев осталось всего 44. Оцепив территорию вокруг горящего крематория, эсэсовцы начали стрельбу в направлении леса, где скрылась часть восставших.

На двух других крематориях, согласно Д. Чех, не происходило практически ничего. Отчасти потому, что выступление на крематории IV было настолько спонтанным, что другие крематории не были предупреждены, а отчасти потому, что эсэсовцы быстро, в течение получаса, взяли ситуацию под контроль.

Увидев горящий вдалеке крематорий и услышав стрельбу, члены «зондеркоммандо» 57 (крематорий II) — и в первую очередь русские — решили, что общее восстание началось. Они разоружили охранника-эсэсовца и бросили его, вслед за ненавистным майданекским оберкапо Карлом Конвонентом, в горящую печь¹¹¹. После этого пути назад не было уже ни у кого. Поджечь свой крематорий им не удалось: может быть, отсырел порох. Они разоружили второго охранника, перерезали колючку и побежали по дороге, ведшей к женскому лагерю B1b. Перерезали проволоку и там, но никто из женщин-заклученных даже не понял, что произошло¹¹². Беглецы же продолжили свой путь, прихватив по дороге одного узника из команды, работавшей на очистных сооружениях, — брата капо Лемке Плишко.

Тем временем эсэсовцы подтянулись к большому крематориям. Тем, кто совершил побег с крематория II (около 100 человек), отрезали путь в Райско. Тогда они приготовились к сопротивлению и забаррикадировались в конюшне. После того как эсэсовцы забросали ее гранатами и подождли, большинство в этой конюшне и погибло.

Но бежали с крематория II не все: оставались четыре врача во главе с М. Нижли, а также несколько других узников, в том числе трое (во главе с Элушем Малинкой), пытавшихся взорвать крематорий. В живых, после вмешательства Менгеле, были оставлены только *его* врачи. Все остальные члены «зондеркоммандо» с этого крематория — 171 человек, как принявшие участие в восстании, так и уклонившиеся от этого, — или погибли в бою, или были расстреляны.

По ходу восстания в неравном бою погибли все организаторы восстания, кроме Я. Гандельсмана. Последний наблюдал за ходом события из крематория III вместе с З. Левенталем, Л. Лангфусом, М. Буки, Ш. Венецией и другими членами «зондеркоммандо» 58¹¹³. Дов Пайсикович, дневальный на крематории III, и еще шестеро человек, уйдя в этот день в лагерь Биркенау за супом, принесли в канистрах не суп, а бензин¹¹⁴. Но употребить бензин по назначению, кажется, не удалось. Всех членов «зондеркоммандо» во главе с капо Лемке¹¹⁵ и общим числом 85 заперли в тесном помещении патолого-анатомического кабинета Менгеле.

Тогда-то Левенталь и взял на себя роль настоящего Хрониста и, перейдя в режим дневника, к 10 октября описал все существенные события этих трех героических дней¹¹⁶. При этом он начал с подчеркивания той особенной, хотя и неоднозначной роли, которую во всем сыграли русские, в частности с упоминания случая, когда за несколько дней до восстания один из советских военнопленных¹¹⁷ был застрелен возле крематория III унтершарфюрером СС после того, как, напившись, напал на эсэсовца и покати на его велосипеде. После этого прошел слух, что дни остальных русских членов «зондеркоммандо» сочтены — их ликвидируют вместе с ближайшей порцией «зондеркоммандо», подлежащей «сокращению».

Согласно Л. Когену, Я. Габаю, Ш. Венеции и другим, работавшие на крематорий III фактически не приняли никакого участия в восстании¹¹⁸, их даже никак не наказали, но заставили сжечь трупы членов «зондеркоммандо», погибших на крематории II¹¹⁹. Однако внимательное чтение Мюллера и Левенталья наводит на мысль о том, что был не только третий очаг восстания — крематорий V, с селекции на котором все и началось, но и четвертый — крематорий III (обстоятельство, которое всегда ускользало от внимания исследователей).

В ночь с 8 на 9 октября оставшиеся в этом крематории повстанцы во главе с Я. Гандельсманом и Ю. Врубелем, по-видимому, все же попробовали воспользоваться имевшейся у них взрывчаткой и взорвать собственный крематорий, — вероятней всего, вместе с собой¹²⁰. И только после того, как это им не удалось (возможно, что, как и на крематории II, их подвел отсы-

ревший порох), они были схвачены в количестве 14 человек¹²¹ и брошены в гестаповский бункер главного лагеря¹²². Арест мог произойти только 9 октября, но не 10, как об этом всегда писали, поскольку запись Левентала от 10 октября говорит о Врубеле как об уже сидящем в бункере, а Р. Робота ко времени своего ареста уже знала, что Врубеля нет в живых.

Для тушения пожара на крематории из центрального лагеря Аушвиц-1 прибыла пожарная команда, состоявшая из 9 узников.¹²³ Они стали невольными свидетелями последней фазы подавления восстания и расстрела захваченных его участников. Позднее этих пожарников направили в Райско для тушения конюшни¹²⁴.

Вечером расстрелянных участников восстания привезли на территорию крематория IV, куда согнали и остальных членов «зондеркоммандо». Еще 200 человек из восставших крематориев расстреляли тут же. Представитель лагерного начальства произнес речь, в которой — в случае попыток повторения восстания — угрожал расстрелом уже всем. После чего на крематориях II, III и V приступили к работе¹²⁵.

От рук восставших в тот день пало три эсэсовца — унтершарфюрер СС Рудольф Эрлер, унтершарфюрер СС Вили Фризе и унтершарфюрер СС Йозеф Пурке. Еще 12 эсэсовцев были ранены¹²⁶. В середине октября пятеро эсэсовцев получили боевые железные кресты — за героизм при предупреждении массового выступления: первый случай награждения ими среди персонала концлагерей.¹²⁷

Вот несколько других свидетельств о восстании, каждое из которых содержит какие-нибудь детали, отсутствующие у других.

Так, Дов Пайсикович¹²⁸ показал в Нюрнберге в 1964 году, что были подготовлены взрывчатка, гранаты и оружие и что существовал общий план восстания для всех четырех крематориев. Однако восстание началось на крематории IV спонтанно — при свете дня и прежде намеченного срока, без согласования и координации с другими. Поэтому к другим крематориям прибыло СС и преспокойно заперло всех в помещениях.¹²⁹

Меир Пшемьсловский¹³⁰ описывал восстание со слов члена «зондеркоммандо» Геноха (Еноха) Кадлобски. Сигналом к бунту якобы послужила брошенная гранага, которой был убит эсэсовец, выгонявший членов «зондеркоммандо» на работу. Потом сожгли живым немецкого капо (после чего восставшие якобы ворвались в лагерь и стали призывать поляков присоединиться к мятежу, но призыв остался без ответа). Из 900 членов «зондеркоммандо» в восстании приняли участие 200. 140 из них погибли в перестрелке, некоторые убежали или утонули, переплывая через ров, окружавший лагерь, некоторые были убиты (снаружи лагерь охранялся и находился под постоянным наблюдением: непосредственно вокруг него жили не поляки, а немцы), спаслись только 12 человек, а остальные были казнены¹³¹.

Еще одним сообщением о том, что кому-то из членов «зондеркоммандо» удалось уйти от преследования и спастись, является свидетельство Курта Хэккера — адъютанта коменданта концлагеря Бэра, утверждавшего, что

именно греки около двух часов отстреливались от эсэсовцев, обороняя крематорий, который они частично взорвали: пятнадцать удалось прорваться сквозь все преграды на волю, но тринадцать из них уже были ранены. Раненых, конечно, поймали и уничтожили, но двоих так и не нашли¹³².

Самая надежная информация — у городской полиции Аушвица: 7 октября, по состоянию на 19.30, в бегах все еще находилось 4 узника «зондеркоммандо»¹³³.

День восстания пережили 169 узников из крематория III, но спустя несколько дней были арестованы и замучены в бункере 14 человек. Таким образом, после 14 октября в живых оставались 198 человек, в том числе 155 с крематория III и 44 с крематориев IV и V¹³⁴. Один находился в бегах, но был схвачен позднее. Общее же число погибших повстанцев составило 452 человека¹³⁵.

По довольно странному мнению В. Ренца, аушвицкое восстание с трудом подпадает под определение героического: дескать, восстали зондеркомандовцы-евреи от отчаяния, от безысходности — жизнь им не светила ни так, ни эдак¹³⁶.

Бруно Баум и Рауль Хильберг также упрекали их в случайности мятежа, точнее, в его спонтанности. И еще, если хотите, в «шкурности»: мол, только когда запахло их собственной смертью, они бросились в бой, но никто из них не «мятежничал» из солидарности с жертвами газовой!

Упрекал «зондеркоммандо» и Г. Лангбайн¹³⁷ — за их хотя и героическое, но все же изолированное и неподготовленное, на его взгляд, выступление. Это восстание хотя и подняло моральный дух еврейских узников, но почему-то сильно понизило боевую мощь польских подпольщиков. Неудачей и казнями закончился тщательно готовившийся ими побег 27 октября 1944 года¹³⁸. В результате, — неожиданно заключает Лангбайн, — в январе 1945 года в Аушвице, несмотря на то что в лагере было пусть примитивное, но оружие, оно так и осталось нетронутым — его никто и ни разу не употребил!

Как это мило — делать евреев ответственными еще и за это!..

После восстания

На следующий день, 8 октября, отдел трудового использования дал точно такую же численность членов «зондеркоммандо», что и накануне, — 663 человека, в том числе по 169 человек на каждый крематорий (по 84 истопников на дневную и 85 на ночную смены)¹³⁹. Видимо, сведения о восстании еще не поступили в этот отдел. Но уже 9 октября статистика резко меняется: во всех 8 сменах крематориев значится всего 212 узников, а начиная с 10 октября — 198 человек (14 человек во главе с Гандельсманом были арестованы накануне). При этом если 9 октября на каждый

крематорий было выделено по 53 человека (по 26 истопников на дневную и 27 на ночную смены), то начиная с 10 октября на крематории IV уже никто не работает, а за остальными тремя командами закреплено по 66 человек, по 33 на дневную и вечернюю смены.¹⁴⁰

Из 198 уцелевших членов «зондеркоммандо» пятеро были поляками, а 151 — польскими евреями, еще 26 человек — греческими, 5 — словацкими, 4 — французскими, 2 — венгерскими и по одному — чешскому, голландскому, немецкому, румынскому и алжирскому еврею¹⁴¹.

Но крематорий IV больше никогда не заработал и в ежедневных разрядках уже не упоминался: 14 октября «зондеркоммандо», согласно Лангфусу, приступила к разборке его разрушенных во время восстания стен.

Общее число трудоустроенных сократилось на 451 человек, убежать, судя по всему, не удалось никому. Впрочем, несколько членов «зондеркоммандо» из восставших крематориев каким-то чудом пережили восстание. Первым был доктор Миклош Нижли с крематория II, в это время находившийся в прозекторской (впрочем, его статус был, видимо, несколько иной, нежели у «зондеркоммандо»). Вторым был Филипп Мюллер из крематория V: он укрылся в яме и переждал шум и стрельбу, а затем спрятался в крематории IV и, после того как все утихло, перебрался обратно в крематорий V¹⁴². Третьим был С. Файнзильбер-Янковский, накануне собравшийся бежать в одиночку и поэтому во время восстания прятавшийся в другой части лагеря; там его и обнаружили, наказав лишь палочными ударами¹⁴³. А вот греческому еврею Раулю Яхуну из крематория IV спастись не удалось: по свидетельству Шаула Хазана, он перебежал на крематорий III к своему брату, но на перекличке его обнаружили и тут же расстреляли¹⁴⁴.

Между тем началось 1,5-недельное расследование, которое — со всей суровостью и подобающими пытками — вели следователи Дразер и Брех. 10 октября был арестован Врубель — в составе 14 узников «зондеркоммандо» он был доставлен в бункер 11-го блока в Аушвице-1¹⁴⁵. Среди арестованных были Янкель Гандельсман и 5 или 6 советских военнопленных.¹⁴⁶ Всех их 20 октября расстреляли, но не во дворе Бункера, как считалось, а в душевой крематория I. Впрочем, советских военнопленных расстреляли еще на свежем воздухе: при высадке из грузовика они набросились с кулаками на унтершарфюрера СС Й. Эккерта¹⁴⁷.

Райя Каган, работавшая в регистратуре лагеря, а также переводчицей при допросах, вспоминала о легших на ее стол 96 свидетельствах о смерти повстанцев 7 октября: каждая бумажка — каждая судьба — вызывала у нее благоговение. Имен она не запомнила, но помнит, что были там евреи из Гродно и из Салоник, а также несколько русских¹⁴⁸.

А между тем оставшиеся и оставленные в живых зондеркоммандовцы всюду трудились на совершенно новом для себя направлении: начиная с 14 октября — на разрушении стены крематория IV, изрядно пострадавшего во время восстания. Разве не к этому же стремились и восставшие?..

Следователей же особенно интересовала взрывчатка: откуда взялся порох в самодельных ручных гранатах?

Два предателя — два капо с «Юниона» (капо вечерней и дневной смен) — немец Шульц и полудеврей из Чехословакии Ойген Кох — донесли на своих подопечных СД¹⁴⁹. Первыми 10 октября арестовали Эстер Вайсблум и Регину Сафин, но поначалу все обошлось, и они отделалась 25 ударами палками: по данным регистрации, все сходилась, и никакой недостачи пороха не было (ее не было только потому, что девушки закладывали в бомбу только половину пороха). Поэтому их отпустили. Но потом взяли Эллу Гэртнер, и та не выдержала пыток, после чего взяли Розу Роботу, потом Регину и снова Эстер¹⁵⁰.

Роза работала в *Effektenlager*, примыкавшем к территории крематория IV; именно она передавала порох узнику «зондеркоммандо» Юклу Врубелю¹⁵¹. Решив, что Врубеля уже нет в живых, Роза призналась в том, что передавала ему порох.

После ареста Р. Роботы своего ареста ждали и Гутман с Лауфером (страшась не столько смерти, сколько пыток, оба готовились к самоубийству). Розу дважды в день проводили мимо них из Бункера в СД. Легенда утверждает, что капо Бункера Якуб Козельчик, он же «Бункер Якоб», могучий еврей из Белостока, даже устроил Лауферу¹⁵² свидание с Розой. Она ему рассказала, что на допросах называла только тех, кого уже нет в живых (например, Врубеля) и что она никого не выдаст. Он даже принес записку от Розы — ее последнее слово: «Будьте сильными и храбрыми!»¹⁵³

5 января 1945 года всем, кто работал на «Юнионе», не только еврейкам, было приказано кончить работу раньше обычного — это никогда ничего хорошего не предвещало. На этот раз была не селекция, а казнь — публичная казнь четырех героических девушек¹⁵⁴. Их повесили — как бы в две «смены»: двоих (ими были Аля и Эстер) около 4 часов дня и еще двоих (Розу и Регину) около 10 часов вечера — в назидание обеим рабочим сменам лагеря.

Оба раза перед казнью Хесс зачитывал приговор Верховного суда в Берлине и добавлял: «Так будет с каждым...» (Так, кстати, стало и с ним!)

В этот день падал снег, и запорошенные тела висели три дня.¹⁵⁵

Некоторое недоумение вызывает столь поздняя дата казни. Та же легенда утверждает, что «Бункер Якоб», по совместительству и лагерный палач, якобы имел дерзость отказываться их вешать до тех пор, пока не придет официальное письменное подтверждение из Берлина...

¹ *Höb*, 1958. S. 114.

² Особенно котировались врачи и, если верить Мюллеру, зажигальщики, к которым принадлежал и он — член «зондеркоммандо» фактически с момента ее основания.

³ Примером такой попытки является, например, статья Тадеуша Ивашко: *Iwaszko*, 1964, S. 40–41.

⁴ *Iwaszko*, 1964. S. 52.

⁵ *Lanzmann*, 1986. S. 52–53. Сам К. Ланцман называл этот жест садистским. (Там же. С. 274.)

⁶ Так, согласно И. Айгеру, погибло несколько десятков человек, среди них блок-эльтеге А Фридман, Унглок и др. Вместе с тем тот же Айгер приводит запомнившиеся ему имена еврейских беглецов из Аушвица-Биркенау: Адам Кржижановский — бежал в 1942 г., вернулся в 1943 г. под именем Гурского и снова бежал; Мундек, еврей из Катовиц, бежал в 1942 г., позже оказался в Венгрии; Гецель, польский еврей из Франции; Моше Цитрон и Куба, польские евреи, и Айээнбах, словацкий еврей — все четверо схвачены у Паланки; Хенрик Ицикович, польский еврей, после войны — в Париже; Иосиф Канер, польский еврей из Кельце, его схватили и публично повесили; доктор Куба, французский еврей; Хаим Мошель, польский еврей из Сосновиц, его позже схватили и вернули в Биркенау, где он погиб в газовой; Едидья, польский еврей из Сосновиц; Екутиэль из Варшавы и Бенямин Хмельницкий из Лодзи, после войны жили в Германии; Ясель Кац из Лодзи, после войны жил в Америке (*Aiger*, 1948).

⁷ Иногда их называли и «бункерами» (не пугать ни с блоком 11 в Аушвице-1, ни с двумя бывшими крестьянскими дворами — газовнями).

⁸ «Цепь часовых» (нем.).

⁹ План расположения этих бункеров был сделан Шмуэлем (Шташekom) Голембьевским из Кельце (*Aiger*, 1948).

¹⁰ Случай с Пестиком — единственный в своем роде. Рядом с ним можно поставить и дезергирство украинской охранной роты, откомандированной в Аушвиц в марте 1943 г. (См.: *IJZ*. Fa 183/1. Bl.229. См. также: *Lasik*, 1999. S. 338). Но упомянем и два очень похожих парных побега поляка в форме СС и еврейки (раздобыть форму СС можно было только при активном пособничестве кого-то из СС). Первый побег — Эдека (Эдварда) Галинского (№ 531) и «лауферки» (посыльной) Мали Циметбаум из Бельгии (№ 19880) — довольно известен. Он начался 24 июня 1944 г. и довольно удачно: эсэсовец, согласно приказу, эскортирует узницу. Но 6 июля, то есть спустя две с лишним недели, Малю арестовали на словацкой границе, после чего Эдек сдался сам. В Аушвице их пытали, но своих сообщников они не выдали. Эдека, выкрикнувшего перед смертью: «Да здравствует Польша!», публично повесили в мужском лагере, а аналогичная казнь Мали в женском лагере была сорвана: в момент зачитывания приговора она перерезала себе вены и еще полоснула бритвой по лицу ротфюрера Риттера, бросившегося отнимать у нее бритву. Казнь прекратили, а Малю перевязали и отвели в ближайший крематорий, где, видимо, застрелили (*Kielar*, 1962; *Langbein*, 1965. S. 129; *Iwaszko*, 1990. S. 164–168). Менее известным и героичным, зато более успешным оказался побег Ежи Билецкого (№ 243) и Цили Ставиской (№29558), начавшийся 21 июля 1944 г. Пойдя не на юг, а на север, в сторону Генерал-губернаторства, они добрались до городка Михова, где с помощью польского населения смогли «залечь на дно» и дожидаться освобождения (*Iwaszko*, 1990. S. 169–170).

¹¹ *Kamy*, 1999. S. 157–183.

¹² После их побега все регистраторы-евреи лишились своих мест.

¹³ *Swiebocki*, 2002. P. 24–42. См. подробнее выше.

¹⁴ Он прибыл в лагерь 17 апреля 1942 г. и после нескольких недель на строительстве барачков в Биркенау был включен к «зондеркоммандо», но за взятку был переведен в старосты 24-го блока.

¹⁵ См.: *London has been informed...*, 2002. P. 275–290. В частности, о «зондеркоммандо» и о самих Ч. Мордовике и А. Росине см. в том же издании: P. 212–214, 42–53. См. также: *Swiebockix*, 2002. P. 42–53. И. Айгер сообщает о Мордовике, что его вернули в Биркенау, но, чтобы СС его не расстреляли, подпольная организация в ту же ночь тайно отправила его с транспортом, и он остался жив.

¹⁶ Странно, что он не упоминает о самом побеге.

¹⁷ *Czech*, 1989. S. 314–315, 323–324. Эти события отражены и в воспоминаниях Хесса, и в показаниях сотрудника политотдела Пери Броуда (*KL Auschwitz in den Augen der SS*, 1973. S. 77f, 162–168, 227), и в дневнике И. Кремера за 24.10.1942 (*Kremers Tagebuch*, 1971. S. 50, 113).

¹⁸ *Baum*, 1962. S. 102. Легендарной, по-видимому, является новелла о том, как «незарегистрированные» евреи из Лодзи якобы сами забили до смерти ненавистного им

председателя юденрата Хайма Румковского, тоже «незарегистрированного», — прямо перед их общей газацией.

¹⁹ См. комментарий к «Чешскому транспорту» З. Градовского. Мужчин из этого транспорта направили на крематорий III, а женщин — на крематорий II. Сообщения об этом случае весьма часты, причем не только у узников «зондеркоммандо», но и у обычных заключенных. При этом, как правило, они весьма неточны в деталях. См., например, «свидетельство» Ш. Драгона, якобы присутствовавшего при этой сцене и находившегося всего в 5 метрах от женщины, застрелившей Шиллингера (*Greif*, 1999. S. 163–165). В лагере после этого даже распространялся слух, что остальных евреев из этой группы нацисты были вынуждены выслать живыми за границу (здесь — в передаче Аврома-Берла Сокола из Высокого-Мазовецкого. См.: ZIH. Relacje 2250). Сообщают об этом инциденте и те, кто совершил удачный побег из Аушвица, в частности И. Табо. Вместе с тем в пересказе М. Забоченья сам инцидент даже перенесся из раздевалки крематория на рампу (*Забоченья*, 1965. С. 118–119).

²⁰ Обычно ее включали только на ночь, когда периметр не охранялся часовыми из «большой цепи». См.: *Czech*, 1989. S. 793. Со ссылкой на: *APMAB*. D-Aul-1/Standortbefehl Nr. 17/44 v. 9.6.1944.

²¹ По другим источникам — Алессандро, или Алексос.

²² См. свидетельства Э. Айзеншмидта (*Greif*, 1999. S. 282–283) и Ш. Венеции (*Venezia*, 2008. S. 138–140).

²³ *Fromer*, 1993. P.xix.

²⁴ *Friedler, Slebert, Killian*, 2002. S. 266.

²⁵ Кстати, за все время существования концлагеря в Аушвице из него бежало 667 чел. Только 270 из них были пойманы и казнены (единственный не казненный — немец *Otto Küsel*), а остальные так и не были обнаружены! (См.: *APMAB*. Nr. 175036.)

²⁶ *Czech*, 1989. S. 333. Со ссылкой на свидетельство Андрея Погожева: *APMAB*. Erklärungen, Bd.29. Bl.8-10. С. Забоченья пишет не о 12, а о фантастически 69 беглецах, в том числе о четырех уцелевших — А.И. Марченко, Н.И. Писареве, А.А. Погожеве и П.А. Стенькине (*Забоченья*, 1965. С. 112. Со ссылкой на устные сообщения Стенькина и Погожева). См. также: *Swiebocki*, 1998. S. 970.

²⁷ Одних только касиб (контрабандных писем) они вынесли более тысячи! Подробнее о польских побегах из Аушвица и о взаимодействии польского подполья в основном лагере с партизанами Армии Крайовой в окрестностях Аушвица см.: *Garlinski*, 1975.

²⁸ *Забоченья*, 1965. С. 113–119.

²⁹ Отдельная ячейка, по Забоченью, была и в Бирженау (Михаил Виноградов, Иван Ковалев, Константин Петров, Евгений Хорошунов и др.). См.: *Забоченья*, 1965. С. 114–116.

³⁰ *Aüger*, 1948.

³¹ *Gutman*, 1979.

³² *Baum*, 1962. S. 79–80.

³³ От АК («Армия Крайова») и АЛ («Армия Людова») — националистического и коммунистического польских движений вооруженного сопротивления, ориентированных, соответственно, на Лондон и на Москву.

³⁴ *Garlinski*, 1975.

³⁵ *Havlini*, 1979. P. 125–127.

³⁶ *Baum*, 1962. S. 86–90.

³⁷ В качестве основного связного с Бирженау и с крематориями Б. Баум называет австрийского коммуниста Симру, работавшего шофером (*Baum*, 1962. S. 74). Свои каналы связи с зондеркоммандо были и у В. Пилецкого.

³⁸ См.: *London has been informed...*, 2002. P. 239–241.

³⁹ См. рассказ об этом Р. Врбы (*Irba — Bestic*, 1968. S. 206–224; *Lanzmann*, 1986. S. 212–217). Среди обитателей семейного лагеря было несколько десятков человек с опытом испанских интербригад.

⁴⁰ См.: *London has been informed...*, 2002. P. 239–241.

⁴¹ Среди сотен членов «зондеркоммандо» были также единичные советские военнопленные и поляки — первые были активнейшим элементом подготовки и проведения восстания, тогда как поляки — из опасений их предательства — ни во что не были посвящены.

⁴² То же самое было и во время восстания в Трешлинке: его руководитель, будапештский еврей Шандор Ландау, взорвал, как Самсон, крематорий вместе с собой.

⁴³ А когда их об этом прямо просили, они упражнялись в изобретательности отказов.

⁴⁴ *Baum*, 1962. S. 86–90.

⁴⁵ *Baum*, 1962. S. 75–76.

⁴⁶ *Baum*, 1962. S. 100–102.

⁴⁷ *In mitten des grauenvollen Verbrechens...*, 1972. S. 155. Пассаж, надо сказать, пророческий, — особенно если вспомнить, например, попытки Б. Баума приписать остановку и разрушение печей в Биркенау химерическому влиянию подпольной газеты «Эхо Аушвица», которую он якобы редактировал.

⁴⁸ Свидетельство Э. Айзеншмидта. Он даже обвинил поляков в прямом предательстве, имея, однако, в виду польских членов «зондеркоммандо» (*Greif*, 1999. S. 284–286).

⁴⁹ Но не следует преувеличивать и масштабы этого сотрудничества. История Б. Баума и И. Гутмана про 20 кг взрывчатки, парашютированной союзниками польским партизанам и доставленной ими малыми дозами в лагерь, — это выдумка и сказка (*Halvini*, 1979. P. 129–130). Ведь даже сбросить на крематорий банальную авиабомбу союзники так и не удосужились!

⁵⁰ *Garlinski*, 1975. P. 239–241.

⁵¹ В сентябре 1944 г. 200 членов «зондеркоммандо» были убиты в Аушвице-1.

⁵² *Halvini*, 1979. P. 127.

⁵³ Свидетельство Ф. Мюллера (*Langbein*, 1965. S. 131).

⁵⁴ Так, Д. Бен-Амиас сообщал о том, что ашкеназы презирали сефардов, называли их *cholera* или *korva* (от *hwores* — мерзавцы, убудки). См.: *Bowman*, 1993. P. xxi.

⁵⁵ *Venezia*, 2008. S. 142–145.

⁵⁶ Ш. Венеция полагает, что между членами «зондеркоммандо» существовали в целом солидарные отношения, залогом которых была их относительная сытость и бытовое благополучие (*Venezia*, 2008. S. 150–151).

⁵⁷ *Langbein*, 1979. S. 230.

⁵⁸ Ф. Мюллер и другие писали о том, что восстание намечалось на пятницу.

⁵⁹ Возможно, что эта мера была продиктована соображениями не только трудовой целесообразности, но и безопасности, об угрозе которой эсэсовцам стало известно (или стало понятно).

⁶⁰ Согласно Л. Когену, убить их собирались фирменно, по-эсэсовски — аутопсией (уколом фенола).

⁶¹ *Greif*, 1999. S. 356–358.

⁶² А по некоторым данным (например, Ш. Венеции), и еще раньше.

⁶³ *Cohen*, 1996. 107 p. См. также: *Greif*, 1999. S. 356–359.

⁶⁴ О том, что восстание отложили из-за того, что через Биркенау прошла и на несколько дней здесь остановилась крупная немецкая военная часть, свидетельствует и Я. Габай (*Greif*, 1999. S. 226).

⁶⁵ *Friedler, Slebert, Killian*, 2002. S. 258–261.

- ⁶⁶ См. Приложение 3.
- ⁶⁷ Kraus, Kulka, 1991. S. 351–353.
- ⁶⁸ А. Килиан идет дальше и не исключает даже того, что этот донос был согласован с польским подпольем, с которым, как и с гестапо, у Моравы были свои связи (Kilian, 2003a. S. 16–17).
- ⁶⁹ В частности с электриком Х. Порембским, чья знакомая, Циппи Шпитцер, работала в секторе регистрации Политического отдела Аушвица-1.
- ⁷⁰ Вместе с ними в том же транспорте прибыли в Аушвиц и прошли селекцию на рампе их жены Бейля и Поля, но спустя некоторое время обе заболели и попали в 25-й — больничный — блок, а оттуда — прямая дорога на крематории (27 janvier: En ce jour de la Libération du camp d'Auschwitz-Birkenau. Macha Speter-Ravine. Matricule: 35332 // *Diamant*, 1991. P. 322–325).
- ⁷¹ ZIH. Relacje 301/1868.
- ⁷² *Забочень*, 1965. С. 122.
- ⁷³ Greif, 1999. S. 172.
- ⁷⁴ Нам сообщено В. Плюсой (Освенцим).
- ⁷⁵ Müller, 1979.
- ⁷⁶ Langbein, 1979. S. 227–238; Bowman, 1993. P. xvix. См. также: Venezia, 2008. S. 127–128.
- ⁷⁷ Его застрелил О. Молль еще до восстания.
- ⁷⁸ Greif, 1999. S. 222–223.
- ⁷⁹ Greif, 1999. S. 175–176.
- ⁸⁰ Этот человек как раз и завербовал Ш. Драгона в ряды заговорщиков. Им, скорее всего, был Альтер Файнзильбер (Станислав Янковский), воевавший в Испании (см. о нем выше).
- ⁸¹ Свидетельства Я. Габая и Э. Айзеншмидта (Greif, 1999. S. 222, 285).
- ⁸² *Забочень*, 1965. С. 122. Согласно Забоченю, Могин причастен и ко взрыву крематория IV.
- ⁸³ См. ниже.
- ⁸⁴ Greif, 1999. S. 356.
- ⁸⁵ YVA. TR 17. JM 3498.
- ⁸⁶ ZIH. Relacje 301/335. S. 7.
- ⁸⁷ Müller, 1979. S. 229–230.
- ⁸⁸ Свидетельство Э. Айзеншмидта (Greif, 1999. S. 285).
- ⁸⁹ Gutman, 1979.
- ⁹⁰ По другим данным, она была из Сосновца.
- ⁹¹ См.: *In Honor of Alla Gertner...*, 1992.
- ⁹² *In Honor of Alla Gertner...*, 1992. P. 135.
- ⁹³ Aüzer, 1948.
- ⁹⁴ См. выше.
- ⁹⁵ Venezia, 2008. S. 167–168.
- ⁹⁶ Zabudowich N. My experience in the World War II [P. 339] // <http://www.jewishgen.org/yizkor/ciechanow/ciechanow.html>
- ⁹⁷ Kolko M. Ciechanov Jews in the Uprising in Auschwitz [P. 386] // <http://www.jewishgen.org/yizkor/ciechanow/ciechanow.html>
- ⁹⁸ Kilian, 2002. S. 17.
- ⁹⁹ И. Гутман (Gutman, 1979) ссылается при этом на свидетельство И. Айгера (Aüzer, 1945). Об

этом же сообщает и Э. Кулка. Среди советских военнопленных — узников Аушвица был и некий Иван Бородин (№ 2535), родившийся в Сухолистах, пекарь по профессии (*АРМАВ*). Судя по номеру, он должен был бы поступить в Аушвиц в октябре 1941 г., но его индивидуальная карточка военнопленного, увы, не сохранилась. Первый контакт с Бородиным установили, возможно, те советские военнопленные, что прибыли из Майданека: по сведениям А. Килиана, их первоначально поселили в зоне D, но не в 13-м блоке, где разместились члены зондеркомmando, а во 2-м, вместе с другими советскими военнопленными.

¹⁰⁰ *Greif*, 1999. S. 172–175.

¹⁰¹ Свидетельство Э. Айзеншмидта (*Greif*, 1999. S. 284–285).

¹⁰² *Айсер*, 1948 (на идише).

¹⁰³ Из контекста ясно, что речь идет о 7 октября 1944 г.

¹⁰⁴ Появление Гандельсмана, члена «зондеркомmando» на крематории III, не имевшего к тому же никакой внутрилагерной «функции», в зоне D было практически невозможно. Единственная возможность — перевод в лазарет. Но в таком случае столь рутинное возвращение Гандельсмана обратно, в зону крематориев и газовых камер, было бы невозможно.

¹⁰⁵ По мнению М. Нижли, никакая не селекция, а полное уничтожение: появившись на крематориях в апреле (или, по другим сведениям, в июне) 1944 г., он почему-то свято верил в то, что ротация «зондеркомmando» происходит каждые 4 месяца. Он даже пишет о 12-й, 13-й и 14-й «зондеркомmando», с которыми соприкоснулся лично.

¹⁰⁶ Пипелями («петушками») называли миловидных юношей, принужденных обслуживать своих покровителей (капо или оберкапо) в бытовом и сексуальном отношениях. Иные покровители имели даже не одного, а 2-3 пипелей. См., например: *Venezia*, 2008. S. 79–80.

¹⁰⁷ *Nyiszli*, 1960. P. 153–167. Происхождение этих различий объяснить довольно трудно. Статус М. Нижли — доверенного патологоанатома доктора Менгеле, весьма успешно справляющегося со всеми своими обязанностями, — допускал довольно тесное общение с ним (например, обсуждая последние новости с фронтов, о которых Нижли узнавал, ежедневно читая «Фелькише беобахтер»), но все же едва ли располагал заговорщиков к откровенности с ним в вопросах подготовки восстания. Недостовверными оказывались и другие свидетельства Нижли, например, о футбольных матчах между командами СС и «зондеркомmando». А ведь именно они послужили фундаментом для теории «серой зоны» Примо Леви.

¹⁰⁸ Все это, предположительно, проделал Лейб Панич.

¹⁰⁹ Свидетельство Э. Айзеншмидта (*Greif*, 1999. S. 283–284). Вместе с тем Ш. Драгон утверждал, что гранатами воспользоваться не удалось, поскольку помещения, где они были спрятаны, уже горели (*Greif*, 1999. S. 177). В то же время Я. Габай утверждает, что подрыв крематория IV — дело рук двух греков: Ицхака Барсиана и артиллерийского офицера по имени Рудо (*Greif*, 1999. S. 224). Согласно А. Килиану, это сделал капо Шлойме Кирценбаум (*Friedler, Slebert, Killian*, 2002. S. 271).

¹¹⁰ Сам Ф. Мюллер пишет, что перебежал из крематория V в крематорий IV и спрятался в канале между печью и трубой. Дождавшись ночи, он попытался пробраться под ее покровом в сторону «Канады», но понял, что охрана усилена, и вернулся. Там же, в трубе, он и переночевал, а наутро его прикрыв капо Кирценбаум, и он пристал к его бригаде (*Müller*, 1979. S. 251–255). Нечто похожее сделали также Ш. Драгон и Таубер.

¹¹¹ См. также: *Langbein*, 1979. S. 232. К. Конвоент сообщил о том, что знал, шарфюреру СС Буху, а тот передал дальше, что и привело к очень быстрой реакции СС. Вероятнее всего, прежде чем бросить в печь, его убили: в пепле потом нашли, согласно Э. Айзеншмидту, его ключ от крематория (*Greif*, 1999. S. 286), а согласно Ш. Венеция — пуговицы от его пиджака (*Venezia*, 2008. S. 175–176). По другой версии, предателем был Макс Фляйшер (по-видимому, второй рейхсдойче, политический; он был капо на крематории III).

¹¹² Я. Габай приводит довольно фантастическую историю о своем двукратном посещении жены в 15-м бараке женского лагеря в зоне Б. Второй такой визит, по его словам, состоялся 4 октября 1944 г., когда ему, Габаю, уже было известно о приближающемся восстании, о чем он, как

хороший муж и плохой заговорщик, чистосердечно предупредил и жену (*Greif*, 1999. S. 214–215). Эта история строится на нескольких маловероятных допущениях: а) на допущении деконспирации восстания по легкомыслию, б) на разрешении праздных воскресных прогулок узников, живших в крематории III, по территории крематория II, где часть из них работала в остальные дни, в) на возможности петь и говорить так громко, что женщины в 15-м бараке женского лагеря (в третьем ряду от угла территории крематория III, то есть в нескольких сотнях метров) могли не только услышать эти звуки, но и отвечать на них, причем так, что г) содержание разговора понимали одни только беседующие!

¹¹³ В комментариях к публикации записок Левентала сообщается, что имелась заблаговременная договоренность между крематориями, что эта «зондеркоммандо» не принимает участия в восстании.

¹¹⁴ *Friedler, Slebert, Killian*, 2002. S. 270.

¹¹⁵ Задва часадо событий капо Элизер Вельбель с крематория V предупредил капо Лемке о том, что выступления не будет.

¹¹⁶ Тексты «600 мальчигов» и «3000 нагих», принадлежащие Л. Лангфусу, в издании 1972 г. представлены лишь первым (*Inmitten des grauvollen Verbrechens...*, 1972. S. 188–189).

¹¹⁷ Согласно А. Килиану, его звали Юрий (*Kilian*, 2003a).

¹¹⁸ Ш. Венеция, правда, говорит, что, согласно разработанному плану, он и один русский военнопленный, вооруженные топором и ножом, около двух часов поджидали за дверью появления немецкого охранника для того, чтобы наброситься на него и убить (*Venezia*, 2008. S. 171–172).

¹¹⁹ *Greif*, 1999. S. 359.

¹²⁰ Л. Коген говорил Г. Грайфу, что в случае восстания на крематории III его задача состояла бы в поджоге крематория.

¹²¹ Среди них Я. Гандельсман, Ю. Вробель и 5 советских военнопленных.

¹²² Существенно установить, когда это произошло. Д. Чех полагает, что 10.10.1944, датируя, судя по всему, именно датой записи Левентала. Но ничто не противоречит тому, что это произошло и накануне — 9 октября 1944 г.

¹²³ Свидетельство З.Соболевского — *УА*. 03/8410. P. 55–58).

¹²⁴ Зигмунд Соболевский вспоминает о подрыве крематория IV в Биркенау и об еврейках, сумевших пронести динамит с оружейного завода («Unionwerke» выпускал ручные гранаты), где они работали, в «зондеркоммандо». Взрыв произошел в субботу, 7 октября, примерно в 12.15. Соболевский был начальником бригады пожарных из заключенных. Были еще пожарники и из эсэсовцев. Когда они приехали, то крематорий уже практически сгорел. По этой причине нарушился производственный процесс в газовых камерах, около 450 евреев вывели из них, и обершарфюрер Вильгельм Клаузен (большой покровитель спорта и рефери во время футбольных матчей и боксерских боев) лично расстреливал их тут же на месте, предварительно разбивая на группы в 5–6 человек и приказывая раздеться и лечь ничком («Hinlegen»). Был он в резиновых сапогах, залитых кровью. Соболевский впервые стал непосредственным свидетелем убийства и ощутил под ложечкой неприятное чувство: отныне он и сам оказывался носителем опасной тайны, а стало быть, и возможной будущей жертвой, так как он соприкоснулся с уничтожением еврейской расы чересчур близко. Вдоль края крематория лежала куча пепла высотой с большую свечу с несоревшими костями и другими человеческими останками (куски пальцев и т.п.), слегка прикрытая брезентом, он тоже вспыхнул от искр. Там же было решето наподобие тех, что применяли на стройках дорог для просеивания песка и отделения останков от гравия (Свидетельство З. Соболевского — *УА*. 03/8410. P. 55–58). Еще один член «зондеркоммандо» из крематория III — ффарбайтер Милтон Буки — вспоминал, что при подавлении восстания около 15 человек убил лично Стефан Барецки, блокфюрер барачков для «зондеркоммандо». Сам Барецки рисует совершенно иную картину: восстание началось у другого крематория — II. Барецки там был и выставил дозор у реки Соля, а потом поехал на крематорий III, где так же выстроил оцепление и где «прочитали» лес (*Langbein*, 1965. S. 130.).

- ¹²⁵ *Czech*, 1989. S. 900.
- ¹²⁶ *Czech*, 1989. S. 900. Standortbefehl Nr. 26/44 v.12.10.1944.
- ¹²⁷ См.: *KL Auschwitz in den Augen der SS*, 1973.
- ¹²⁸ Он работал на крематории II.
- ¹²⁹ *Langbein*, 1965. S. 131.
- ¹³⁰ Он бежал из гетто местечка Ошакон и, благодаря связям с социалистическим подпольем, получил поддельные документы. Долгое время переходил из деревни в деревню, выдавая себя за поляка и живя на деньги за мелкую работу по найму. Его выследили и схватили при облове 18 ноября 1942 г., причем за фальшивые документы и подрывную деятельность ему как польскому подпольщику угрожал расстрел. Испугавшись, он признался в том, что он еврей(!), после чего долгое время провел в тюрьмах и пережил многочисленные допросы и пытки. В январе 1944 г. попал в Аушвиц (№ 171701). Как этапированный из тюрьмы, он был записан в картотеку прокуратуры и носил зеленый винкель (уголовник), — так что он не проходил селекции, и его сразу определили в трудовую бригаду (ZIH. Relacje 301/1904).
- ¹³¹ ZIH. Relacje 301/1904.
- ¹³² ZIH. Relacje 301/335. S. 7.
- ¹³³ АРМАВ ИЗ-13/85, р. 73 (нам сообщено П. Ситкевичем).
- ¹³⁴ Я. Габай утверждал (заведомо неточно), что из узников крематория IV в живых остался единственный — капо Элизер (*Greif*, 1999. S. 224). Кстати, возможно, что этим капо (а не просто электриком) был Э. Айзеншидт, у которого (как у «электрика», по его словам) была своя отдельная комнатка в жилой зоне крематория.
- ¹³⁵ *Friedler, Slebert, Killian*, 2002. S. 258–281.
- ¹³⁶ Der Aufstand des Sonderkommandos im Auschwitz-Birkenau. Dossier zum 50. Jahrestag des jüdischen Sonderkommandos in Auschwitz-Birkenau. Frankfurt am Main, Oktober 1994. 37 S.
- ¹³⁷ Ему же принадлежат и обвинения «зондеркоммандо» в труположестве.
- ¹³⁸ Всех беглецов — австрийцев Э. Бургера, Рудольфа Фримеля и Людвига Веселы и поляков Бернарда Сверчину, Юзефа Пятого, Чеслава Дузеля и Збигнева Райноха, преданных сообщниками, схватили, пытали в 11-м блоке (бункере) и через два месяца (30 декабря) публично повесили — всех, кроме Райноха и Дузеля, принявших яд (*Czech*, 1989. S. 954). См. также: *Kagan*, 1979; *Забочень*, 1965. С. 120–121.
- ¹³⁹ *Czech*, 1989. S. 900.
- ¹⁴⁰ ГАРФ. Ф.Р-7021. Оп.108. Д.20. Л.3–4. См. также: *Czech*, 1989. S. 901–902.
- ¹⁴¹ *Kilian*, 2003b. S. 24–25.
- ¹⁴² Впоследствии он стал одним из главных уцелевших свидетелей — членов «зондеркоммандо».
- ¹⁴³ Янковский находился в лагере до 18 января 1945 г., когда вместе с 7000 других узников его отправили пешим маршем на запад. Около Рыбника ему удалось бежать из транспорта. После двухмесячных скитаний он прорвался к советской армии возле г. Водзислава (*Inmitten des grauensvollen Verbrechens...*, 1972. S. 55–56).
- ¹⁴⁴ Его брат, Генрих, умер позднее в Австрии от голода, не дожив до освобождения американскими войсками всего два часа! (*Greif*, 1999. S. 322–324).
- ¹⁴⁵ То, что не было вынесено никаких приговоров, говорит, скорее всего, о том, что все подследственные в ходе расследования погибли.
- ¹⁴⁶ *Czech*, 1989. S. 903. Со ссылкой на: АРМАВ. D-Aull-3a/2, Inventarnummer 29722. Wsp./51, Bd.1, S.150; Douna Ourisson; Osw./252, Bd.10. См. также: *Kagan*, 1979, S. 282–284; *Grinberg*, 1984. S. 126–127.
- ¹⁴⁷ *Kilian*, 2003b. S. 25.
- ¹⁴⁸ *Kagan*, 1979. S. 220–222.

¹⁴⁹ *Забочень*, 1965. С. 122; *Gutman*, 1979. S. 213–219.

¹⁵⁰ *Czech*, 1989. S. 902. Со ссылкой на: *АРМАВ*. Dpr. ZO/29, Bl.107. Свидетельство Густавы Кинзелевской; *Wsp./51*, Bd.1, S. 50–169/*Douna Ourisson*; *Osw./252*, Bd.10, S. 49–60.

¹⁵¹ *Czech*, 1989. S. 903–904. Со ссылкой на: *АРМАВ*. D-AulII–3a/11c/349, FL Arbeitseinsatzlisten; *Osw./252*. Bd.10, S. 49–60.

¹⁵² По другой версии — Н. Заблудовичу.

¹⁵³ *Gutman*, 1979. S. 213–219.

¹⁵⁴ См.: *In Honor of Alla Gertner*, 1992.

¹⁵⁵ *In Honor of Alla Gertner*, 1992. P. 131.

ИСТОРИЯ ОБНАРУЖЕНИЯ, ПЕРЕВОДА И ИЗДАНИЯ РУКОПИСЕЙ, НАЙДЕННЫХ В АУШВИЦЕ

*Некоторые способные к письму узники записывали
хронику зондеркоммандо,
которую упаковывали в свинцовые банки и закапывали в надежде,
что когда-нибудь кто-то их выкопает и прочтет.*
Ф. Мюллер

Дорогой находчик, ищите везде!..
З. Градовский

После освобождения: мародеры

После того как 27 января 1945 года Красная Армия освободила концлагерь Аушвиц-Биркенау со всеми его филиалами и ушла дальше на запад, на территории концлагеря остались полевые, а затем тыловые госпитали, а также представители ЧГК — Чрезвычайной Государственной комиссии по расследованию немецко-фашистских преступлений. В марте здесь были организованы различные лагеря для немецких военнопленных и интернированных поляков, но на протяжении практически всего февраля территория лагеря была предоставлена на откуп кладоискателям-мародерам из местных жителей.

На большую часть территории доступ никем не охранялся, и ничто не мешало местному населению бродить по лагерю, заходить в бараки и служебные помещения, где можно было найти кучи разных вещей, протезов, игрушек, мешки с женскими волосами, склянки с эмбрионами, извлеченными из маток беременных женщин, и т.д. Особенно волновала этих «черных археологов» из Освенцима зона бывших газовых камер и крематориев в Биркенау. Именно туда, как на охоту, ходили те, чей стяжательский энтузиазм питался исключительно мечтами о кладах с еврейским золотом и драгоценностями, которые жиды повсюду поназакапывали здесь, прежде чем принять причитающуюся им смерть.

Едва ли эти омерзительные чаяния оправдались, а если вдруг и нашелся где-то золотой зуб, то об этом уже не узнать.

Надо сказать, что «освенчимское» мародерство на еврейской крови и костях отнюдь не уникально. Точно так же вели себя, например, белорусы в Малом Тростенце, старательно перекапывая яму с еврейским пеплом, оставленную здесь «зондеркоммандо 1005»: «Золото ищут. Кажуць, у яурэу яго многа было ...»¹ О Пауле Блобеле никто из них не слышал, но в своего рода интернационал осквернителей и мародеров его имени всех их можно было бы зачислить.

Но «фаскопки» в Биркенау были уникальны другим. Нередко мародеры натыкались на фляжки, банки или бутылки, внутри которых действительно что-то было. Это «что-то» чаще всего оказывалось никчемными рукописями на непонятном ивритском языке, — их, скорее всего, разочарованно выбрасывали на помойку².

Кое-кто, однако, успел сообразить, что и на этом можно сделать деньги, и предлагал эти находки тем, кто мог их и прочесть, и купить — а именно уцелевшим евреям, чаще всего местным, освенцимским, или же бывшим узникам, которых тянул к себе, которых звал этот остывший ад, — Ад, который они пережили, а большинство — нет.

Были среди них и бывшие члены «зондеркоммандо»: они-то знали наверняка, где надо копать, и по их наводкам было действительно обнаружено несколько закладок с рукописями. Одна из первых таких находок,³ — ею как раз и оказалась рукопись Градовского! — была сделана еще в марте 1945 года, когда ни музея в Освенциме, ни самого польского государства еще не было: как вещдок она попала в фонды ЧК и пролежала в запасниках Военно-медицинского музея в Санкт-Петербурге чуть ли не четверть века — пока на нее не упал глаз историка!

После освобождения: новые хозяева

Гигантская территория концлагеря и фабрики смерти Аушвиц-Биркенау недолго оставалась совсем бесхозной. Две системы, две сети устроили на ней свои базы — военно-медицинская и НКВД/ГУПВИ⁴.

Сразу же после освобождения в Освенциме был развернут Терапевтический полевой подвижной госпиталь (ТППГ) № 2692. Его начальником была майор медицинской службы, доктор медицинских наук Маргарита Александровна Желинская⁵. Бок о бок с советскими медиками работали и польские, в частности члены добровольного корпуса Польского Красного Креста в Кракове, помогавшие в размещении госпиталя и в медицинском обслуживании нетранспортабельных бывших узников концлагеря. Этот корпус был в Освенциме уже в первые дни февраля⁶.

Бывший концлагерь СС приютил и «смершевцев»⁷. Некоторое время здесь находились лагерь для немецких военнопленных и для так называемых «силезцев» — интернированных польских граждан немецкой национальности.

Уже в марте 1945 года фронтовой приемно-пересыльный лагерь для военнопленных № 22, находившийся в ведении 4-го Украинского фронта, был передислоцирован в Освенцим из Самбора и Ольховцов⁸. Здесь же обосновались и два спецгоспиталя, № 2020 и № 1501, обслуживавших перевозку немецких военнопленных в глубь СССР. А в апреле Освенцим, к которому подходят ветки как западноевропейской, так и советской же-

лезнодорожной колеи, стал узловым местом сосредоточения и перевалки военнопленных перед отправкой их на восток; поблизости оказались и склады с топливом, вещевым имуществом и эшелонным оборудованием. В результате в уцелевшую и отчасти восстановленную барачную инфраструктуру бывших Аушвица и Биркенау с их суммарной остаточной емкостью вплоть до 50 тысяч человек в апреле-мае 1945 года были передислоцированы еще два лагеря — фронтовой приемно-пересыльный лагерь для военнопленных № 27 из Подебрад и сборно-пересыльный пункт № 5 из Оломоуца⁹. В мае номер лагеря изменился (из № 22 он стал № 87), но сама дислокация в Освенциме была подтверждена и в июне¹⁰.

По всей видимости, деятельность этих лагерей продолжалась на протяжении всего лета 1945 года, при этом в Освенциме застревали те, кто не был годен к транспортировке и физическому труду в советских лагерях¹¹. Осенью 1945 года лагерь для «силезцев» был переведен в Явожно.

В конце 1945 года было принято решение о возвращении территории бывшего концлагеря Польской народной армии и о создании в Освенциме и Бжезинке государственного музея. В апреле 1946 года был назначен его первый директор-организатор — д-р Тадеуш Войсович, бывший узник Аушвица и Бухенвальда. Фактическое открытие музея состоялось 14 июня 1946 года, в 7-ю годовщину прибытия в Аушвиц-1 первого транспорта с первыми заключенными-поляками¹².

Но не надо думать, что, как только музей в Освенциме был создан, его сотрудники тотчас же занялись активными и целенаправленными раскопками возле крематориев: самые первые археологические эксерсисы музея состоялись только спустя 15 лет — в начале 1960-х годов — и то под давлением бывших узников из «зондеркоммандо». Такая пассивность прямо вытекала из послевоенной политики стран восточного блока по отношению к Холокосту и памяти о нем.

В преломлении концепции Освенцимского музея это выглядело примерно так: «Дорогие посетители, вы находитесь в самом чудовищном из существовавших при нацизме концентрационных лагерей... Здесь сидели многие десятки тысяч польских патриотов. Как всем хорошо известно, мы, поляки, мужественно и героически боролись с эсэсовцами и тяжело за это страдали... — Что-что, евреи? Да-да, евреи здесь тоже были, да, правда, миллион или больше, да, правда, их тоже обижали, да, часто, но все же главные жертвы и главные герои — это мы, поляки!»¹³

...В результате из нескольких десятков схронов, сделанных членами «зондеркоммандо» в пепле и земле вокруг крематориев, были обнаружены и стали достоянием истории и историков всего восемь из них.

Поиски и находки еврейских рукописей

История обнаружения, изучения, хранения и публикации рукописей, написанных бывшими членами «зондеркоммандо» в Биркенау, весьма поучительна. В сжатом виде она запечатлелась в нижеследующей таблице. Более детальные сведения о каждой из находок содержатся в специальных описаниях каждой из них в отдельности.

Сведения об обнаружении и местах хранения рукописей членов «зондеркоммандо»

Автор текста	Дата и место обнаружения	Место хранения оригинала	Место хранения официальных копий
1. ХГ	2 1945, крематорий IV	Нет данных (предположительно в Париже)	АРМАВ
2. ЗГ2	2–3.1945, крематорий IV	Семья Волнерман (5 листов)	Семья Волнерман; Яд Вашем
3. ЗГ1	5.3.1945, крематорий IV	ЦВММ МО РФ	Яд Вашем, ЖИИ, АРМАВ
4. ЛЛ1	Лето 1952, крематорий IV	?	АРМАВ
5. ЛЛ2	4.1945 / 10.1970, крематорий IV	АРМАВ	Яд Вашем(?)
6. ЗЛ1	28.7.1962, крематорий III	АРМАВ	
7. ЗЛ2	17.10.1962, крематорий III	АРМАВ	
8. МН	24.10.1980, крематорий III	АРМАВ	

Сокращения: ХГ — Хаим Герман, ЗГ — Залман Градовский, ЛЛ — Лейб Лангфус, ЗЛ — Залман Левенталь, МН — Марсель Наджари.

Лейб Лангфус, автор одной из тех немногих рукописей, что были найдены, обращался к потомкам:

«Я прошу собрать все мои разные и в разное время закопанные описания и записки с подписью J.A.R.A. Они находятся в различных коробочках и сосудах на территории крематория IV, а также два более длинных описания — одно из них, под названием «Выселение», лежит в яме с кучей остатков костей на территории крематория III, а описание под названием «Аушвиц»¹⁴ — между размолотыми костями на юго-западной стороне того же двора. Позже я сделал с этого копию и дополнил, и закопал отдельно в пепле на территории крематория III. Я прошу все это вместе собрать и под названием «В содрогании от злодеяния» опубликовать. <...>

Сегодня 26 ноября 1944 года»¹⁵.

Хенрик Порембский, электрик, обслуживавший крематории по электрической части, доверенное лицо и связной «зондеркоммандо», осуществлявший связи с подпольщиками в Аушвице-1, утверждал, что члены «зондеркоммандо» начали закапывать свои сообщения в землю летом 1944 года. По его версии — после того, как после удачного побега из основного

лагеря одного польского подпольщика, бывшего связным с волей, обо-
двался надежный канал связи для касиб.

Думается, что он все же сдвинул акценты интерпретации: евреи дей-
ствительно приступили к захоронению своих свидетельств летом 1944 года
и, так сказать, «у себя» — на территории, прилегающей к крематориям,
но причина была иной: почувствовав себя «кинутыми» польским под-
польем и заплатив за это жизнью Каминаского, бывшего к тому же клю-
чевым звеном коммуникации между Биркенау и Аушвицем-1, и переездом
в зону вокруг крематориев, они просто отказались от столь жесткой коор-
динации с подпольщиками из головного лагеря. Да и сама связь, если бы ее
искали, после переезда в зону крематориев и смерти Каминаского не могла
не усложниться¹⁶.

Порембский вспоминал, что ему лично известно о 36 схронах на терри-
тории крематориев¹⁷. Он же рассказал и о «технологии», которую выра-
ботали для этого зондеркомандовцы, в частности, на крематории IV. Сна-
чала рукопись, спрятанную во фляжку, или в пустую банку из-под «Цик-
лона Б», или хотя бы в плотно закрытый котелок, припрятавали в полен-
нице дров, уложенной вдоль внешней колочей проволоки, в том ее месте,
где был не просматриваемый ниоткуда закуток между двумя рядом сто-
ящими зданиями — газовой камерой и раздевалкой. Там же было есте-
ственное углубление, которое постепенно заполнялось различным мусо-
ром и землей. Вдоль проволоки и штапелей дров росли кусты и молодые
сосенки, под корнями которых и устраивали схроны: сначала вырывали
ямку, потом вынимали из временного укрытия банку, прятали ее в ямке и
аккуратно засыпали землей, под конец поливая сверху водой и утрамбо-
вывая. Поскольку нетрудно было предположить, что от самих зданий ког-
да-нибудь камня на камне не останется, ямки делали не ближе чем в метре
от стен. Занимался всем этим, согласно Порембскому, один и тот же уз-
ник — Давид то ли из Сосновца, то ли из Лодзи (вероятно, штубовый).

Трижды приезжал Порембский в Освенцим в надежде найти их и выко-
пать бесценные записи. Первый раз, в августе 1945 года, он опоздал — на
территории крематориев хозяйничала комендатура лагеря для немецких
военнопленных. Второй раз — в 1947 году — копать ему не разрешил
уже музей, опасавшийся наплыва «черных археологов». В третий раз он
обратился в музей в начале 1961 года; на этот раз санкция варшавского и
музейного начальства была получена. И вот 26 июля 1961 года раскопки
начались: место — участок размером в 80 квадратных метров — указал
Порембский. И уже 28 июля они увенчались находкой проржавевшего
немецкого солдатского котелка, внутри которого оказались плотно уло-
женные и слипшиеся друг с другом листы бумаги — записки Э. Хиршбер-
га из Лодзинского гетто с комментариями З. Левенталя. Рядом с котелком в
земле были остатки пепла и несгоревших человеческих костей — возмож-
но, Левенталь почтил память автора записок персональным захоронением
его условных останков¹⁸.

Станислав Янковский-Файнзильбер закопал в землю недалеко от крематория фотоаппарат, металлическую банку с остатками газа и заметки на идиш с расчетами количества убитых в Аушвице¹⁹. Кроме того, повар Леон закопал там же большую коробку с талесом, тфилином и молитвенником, подобранными у погибших²⁰. Яков Габай утверждал, что он и некоторые другие греческие евреи закопали возле крематория III несколько символических банок с как бы индивидуальным пеплом их родственников²¹.

Еще об одном послании, причем коллективном, сообщает Миклош Нижли — его, по-видимому, главный инициатор. На трех из четырех пергаментных, большого формата листов рукой парижского художника Давида Олере описывалось все, что происходило на крематориях Биркенау, приводилась оценка числа жертв и назывались имена основных палачей. Четвертый лист занимали подписи почти 200 членов «зондеркоммандо» крематория II, где обретался и сам Нижли. Эти листы были прошиты шелковой нитью, свернуты в трубочку и вложены в специально изготовленный цинковый цилиндр, вскоре закопанный во дворе крематория II. (У этого, так и не найденного после войны послания был необычайно экстравагантный «двойник». Оберштурмфюрер СС Эрих Мусфельдт приказал изготовить двуспальную кровать-рекамье и отправить ее багажом к себе домой, в Мангейм. Члены «зондеркоммандо» кровать изготовили, но заложили между погруженными в шерсть и вату пружинами аналогичный цинковый цилиндр!)²²

Известно, что члены «зондеркоммандо» вели свой учет прибывающих транспортов и регулярно передавали эти сведения польскому подполью в центральном лагере: именно таким документом является, судя по всему, список эшелонов, написанный поэтому по-польски Лейбом Лангфусом и найденный среди бумаг Залмана Левенталя²³.

Но, быть может, самое уникальное, что удалось переправить на волю, — это групповые «автопортреты»: страшные фотографии живых членов «зондеркоммандо» на фоне лежащих на траве и сжигаемых на костре трупов.

Всего сохранилось четыре фотографии, сделанных в конце августа или начале сентября 1944 года сквозь квадратное окно или дверь какого-то временного укрытия близ костровища у крематория V²⁴. Рамка фотографии и изображение находятся под некоторым углом друг к другу, что наводит на мысль о том, что фотографии делались лежа. Но, конечно, самое поразительное — то, что «зондеркоммандо» удалось еще и сфотографировать свое рабочее место!

По свидетельству членов «зондеркоммандо» Лейбы Филишки и Аврома-Берла Сокола от 31 мая 1946 года, фотографировал Лейб-Гершл Панич из Ломжи, нашедший в вещах погибших исправный фотоаппарат²⁵.

По другим сведениям, зафиксированным и в экспозиции Государственного музея «Аушвиц-Биркенау», непосредственным автором фотографий был грек по имени Алекос (Эррера?), для которого через Аушвиц-1 был специально раздобыт фотоаппарат, переданный Шломо Драгону Альте-

ром Файнзильбером, а тому — Давидом Шмулевским. Драгон пронес заряженный аппарат на крематорий и унес его с пленкой обратно²⁶.

В то же время Б. Ярош называет целую фотобригаду в составе уже пятерых: Алекоса, братьев Ш. и А. Драгонов, А. Файнзильбера (С. Янковского) и Д. Шмулевского²⁷. А по версии М.С. Забоченя, Шмулевский был и вовсе самым фотографом, причем единственным²⁸. Но непосредственное его участие в фотографировании все же невероятно: заместитель блокэльтесте 27 блока в Биркенау, еврей из Сосновца (или из Лодзи) и подпольщик, связанный с «Боевой командой Аушвиц», Шмулевский играл свою исключительно важную роль связного между «зондеркоммандо» и «семейным лагерем», например, но прямого доступа в зону крематориев иметь не мог.

В конце концов, не так уж и важно, кто нажимал на затвор, кто стоял «на стрёме» и т.д.: организация такого фотосеанса могла быть только коллективной. И переправка пленки на волю — составная часть этого процесса.

Это, в свою очередь, сумело сделать польское подполье: сопроводительная касиба Йозефа Циранкевича и Станислава Клодзинского в Краков, к Терезе Ласоцкой-Эстрайхер, от 4 сентября 1944 года достаточно точно датирует событие:

«Срочно. Отправьте эти две металлические катушки с пленками (2,5 и 3,5 дюйма) как можно скорей. Возможно получить отпечатки. Мы шлем фотографии из Биркенау — люди, которых газировали. На фотографии костер из тел, сжигаемых снаружи. Тела сжигают снаружи тогда, когда крематории не справляются со сжиганием необходимого количества. На переднем плане тела, приготовленные для того, чтобы быть брошенными в костер. Другая фотография показывает одно из мест в лесу, где людям приказывают раздеться якобы для того, чтобы идти в баню, а на самом деле в газовую камеру. Отправьте катушки как можно скорей...»²⁹

Довид Нэнцел вспоминал также о закопанном в землю большом стальном ящике, в который были уложены фотографии, найденные у венгерских евреев, и заметки о каждом венгерском эшелоне, а также письма-отчеты Сталину, Рузвельту, Черчиллю и де Голлю, написанные на соответствующих языках³⁰.

Те же Филишка и Сокол утверждали, что члены «зондеркоммандо» захоранивали свои рукописи и рисунки в термосах и флягах на территории всех крематориев, но в особенности часто на территории крематория III — приблизительно в 20 метрах в сторону цыганского лагеря. Авторами этих документов, кроме Градовского, были Йосель Варшавский, Довид Нэнцел из Рифича, некий даян (судья) из Макова³¹, имени которого они не называли, и Леон Француз³², или Давид Олере, художник из Франции, старавшийся делать зарисовки всего того, что он, к сожалению, видел³³.

Постоянно вел дневник и Яков Габай, но он не смог взять его с собой при эвакуации лагеря³⁴. Греческие евреи, видимо, больше интересовались семейной историей, нежели мировой. Поэтому они писали главным

образом письма своим родным, закладывали их в бутылки и закапывали на 30-сантиметровой глубине в пепле. И, как ни удивительно, одно такое письмо — от Марселя Наджари — нашлось и даже «дошло»! Сам же Наджари — единственный уцелевший из числа членов «зондеркомmando», оставивших письменные свидетельства.

В конечном итоге, было разыскано восемь схронов с девятью рукописями членов «зондеркомmando»³⁵. Самой первой — предположительно уже в середине февраля 1945 года — была обнаружена рукопись, написанная по-французски и принадлежавшая Хаиму Герману, а самой последней — в октябре 1980 года! — рукопись Марселя Наджари, написанная по-гречески. Остальные шесть рукописей писались на идише (с минимальными вкраплениями на польском и немецком, а также на иврите).

Первые три находки от последней отделяют более чем 35 лет!

Первые три были найдены практически одновременно — в первые же недели после освобождения Аушвица-Биркенау советскими войсками 27 января 1945 года. В феврале (а может быть, и в марте, да и самые последние числа января тоже не исключены) была найдена рукопись Залмана Градовского «В сердцеvine ада», а 5 марта 1945 года — фляжка с двумя другими его рукописями.

В 1952 и 1970 годах были обнаружены рукописи Лейба Лангфуса, а в 1962 году, 28 июля и 17 октября, одна за другой, — две рукописи Залмана Левенталя. Последней находкой — в 1980 году! — стала рукопись Марселя Наджари, написанная по-гречески.

Но, говоря об истории обнаружения таких рукописей, следует еще раз вернуться к истории их «необнаружения».

Из девяти сохранившихся рукописей только четыре были обнаружены вследствие целенаправленного поиска государственных органов: первая рукопись Градовского в марте 1945 года (комиссия ЧГК), одна рукопись Лейба Лангфуса в 1952 году (партийная комиссия) и обе рукописи Левенталя, обнаруженные в 1962 году в рамках специальной экспедиции Государственного музея «Аушвиц-Биркенау» (правда, под большим давлением со стороны бывших узников, утверждавших, что знают, где надо копать).

Но почему же с самого начала не копал сам музей? Ведь в земле сыро, и никакая банка или фляжка от сырости целее не становится. Почему же не копали ни с самого начала, ни потом?..

А вот предприимчивые «частники»-поляки в 1945 году старательно копали — копали и находили! Искали они, напомним, не еврейскую память, а еврейское золото: эдакий Клондайк у подножия крематориев!

Когда находили рукопись с непонятными еврейскими буквами, — то чаще всего выбрасывали, ведь никто не призывал их тогда продавать находки музею. Только один молодой поляк, имени которого история, к сожалению, не сохранила, найдя рукопись Градовского, догадался предложить ее оказавшемуся по соседству земляку-еврею. Волнерман торговаться не стал и рукопись купил.

До недавнего времени мне не приходилась даже слышать о том, чтобы на местах других лагерей смерти были сделаны находки наподобие тех, что были обнаружены в Аушвице. Но, как выясняется, записки на идише были обнаружены и в других местах, по меньшей мере, в Майданеке и в Хелмно³⁶. В Майданеке, в частности, в 1945 году был найден так называемый «Дневник Марилки», повествующий о событиях в Варшавском гетто, а также несколько списков советских граждан с фамилиями и номерами³⁷.

В самом же Аушвице и Биркенау, помимо рукописей, написанных и упрятанных членами «зондеркоммандо», существовали и были обнаружены еще и другие схроны — такие же «бутылки», брошенные в море.

Так, польский узник Ян Купец (№ 790), писарь штрафной команды, перед самой эвакуацией штрафкоманды из лагеря 18 января 1945 года сдал на уничтожение второстепенные документы, а сам запрягал между стенных досок своего бюро регистрационную книгу и часть картотеки штрафной команды, а также собственный дневник с хроникой наказаний. Он пережил эвакуацию и, вернувшись на родину, написал в Аушвице, после чего вся эта документация была найдена и поступила в архив будущего музея³⁸.

Другой пример — книга с именами цыганских узников, закопанная Т. Яхимовским, И. Петржиком и Х. Порембским летом 1944 года. Найденная вскоре после войны, она была опубликована только в 1993 году³⁹.

Третий — так называемый «Освенцимский альбом» с 22 рисунками неустановленного автора (некоего М.М.), обнаруженный еще в 1947 году сторожем музея. Судя по тому, что на одном из рисунков изображена газовня-бункер, художник вполне мог быть и членом «зондеркоммандо».

Наконец, негативы идентификационных фотографий СС, сделанных с узников (около 390 тысяч!), снимки, документирующие строительство лагеря, газовых камер и т.д. Их тоже нашли после войны.⁴⁰

Ну и, конечно, тысячи касиб! Тысячи касиб, переправленных польско-еврейским Сопротивлением на волю, среди них немало сведений, полученных и от «зондеркоммандо», а также несколько леденящих сердце фотографий.

Рукописи членов «зондеркоммандо» — это тоже своего рода касибы, посланные нам, но не через проволоку и не по воздуху, а через землю, напитанную кровью, обожженную и сырую.

Но не менее трудной и вязкой средой, сопротивлявшейся просачиванию этих грунтовых слов к читателю, оказалась погруженная в раствор времени человеческая память. Точнее, антипамять, чья леденящая сила, словно вечная мерзлота, на многие десятилетия сковала естественное желание человека знать и намерение помнить.

И все-таки — вопреки всему — они, эти касибы, однажды и случайно уцелев, начинают до нас доходить...

История публикации текстов членов «зондеркоммандо»

История первых публикаций «свитков из пепла» из Биркенау содержит как минимум два отчетливых начальных этапа. Первый (условно говоря, польский) — растянувшийся на два десятилетия, с середины 1950-х и до середины 1970-х гг. и вобравший в себя большинство текстов членов «зондеркоммандо», вышедших в Польше на идише или на польском языке, а также в переводах на другие языки, выполненных с польского перевода.

Второй этап (условно израильский) охватил период с середины 1970-х до конца 1980-х гг. и добавил в разряд опубликованного «В сердцевине ада» Градовского и внес ряд существенных корректур к опубликованному на первом этапе. Центральным изданием этого этапа стала книга Б. Марка «Свитки Аушвица», так же переведенная на многие языки.

Третий этап, начавшийся в начале 1990-х и продолжающийся до сих пор, — принципиально международный, без какой бы то ни было страной лидера или центрального издания. Он характеризуется исправлением текстологических дефектов, порожденных на первом этапе, по крайней мере в русскоязычных изданиях, а также значительным усилением научного аппарата публикаций за счет использования в нем новых сведений, обнародованных в 1990–2000-е гг. прежде всего Г. Грайфом и А. Килианом.

Все началось с публикации в 1954 году в «Бюллетене Еврейского исторического института» текста рукописи «неизвестного автора», впоследствии идентифицированного Б. Марком и Э. Марк как Лейб Лангфус.

Самые первые публикации, как правило, выходили на польском языке. Исключениями стали только тексты З. Градовского, впервые (1977) напечатанные на идише — в Польше («Письмо из ада» — фрагментарно) и Израиле («В сердцевине ада»).

Примечательно, что первые переводы — гораздо старше первоизданий: это переводы З. Градовского на русский язык, сделанные Я. Гордоном в 1945, М. Карпом в 1948(?) и Миневич в 1962 гг.

Спецвыпуск «Освенцимских тетрадей», составленный из рукописей членов «зондеркоммандо» в переводе на польский язык, стал их первой сводкой (1971). К сожалению, дефекты перевода рукописей (например, Градовского) при этом не были исправлены. Затем последовали сводные переводы книги с польского на немецкий (1972) и английский (1973) языки. К сожалению, навязанные цензурой дефекты польской публикации перекочевали и в эти переводные, но опубликованные в Польше книги.

В 1975 году воспоследовало новое, несколько расширенное⁴¹, сводное издание на польском языке, а в 1996 году — оно же, но на немецком языке (в обоих случаях атрибуции Б. Марком и Э. Марк авторства Л. Лангфуса в тексте, печатавшемся как «рукопись неизвестного автора», не были уч-

тены). Издание 1996 года легло в основу целого ряда других изданий, например, итальянского 1999 года⁴².

ПУБЛИКАЦИИ РУКОПИСЕЙ, НАЙДЕННЫХ В БИРКЕНАУ

Языки	Тексты, написанные и найденные в Биркенау								
	ЗГ-1	ЗГ-2	ЗГ-3	ЗЛ-1	ЗЛ-2	ЛЛ-1	ЛЛ-2	ХГ	МН
Английский	1973	1985	1973	1973**			1973*	1973	1991
	1985		1999	1985			1985		
	1999								
Голландский	2008	2008	2008						
Греческий									1982
Иврит	1978	1978	1978		1988		1954*	1986	
	2012	2012	1988						
Идиш	1977	1977	1962	1977	1977		1977		
			1977						
Испанский	1997	1997	1997	1997					
Итальянский	1999	1999	1999	1999	1999	1999	1999*	1999	1999
	2002	2002	2002						
	1972	1999	1972	1972**	1967	1973*	1962*	1972	1996
Немецкий	1996		1996	1996**	1995	1996	1979*	1996	
					1996		1996*		
		1969	1969	1968**	1965	1954*	1965	1971	1975
Польский		1971	1971	1971**	1971	1971*	1971	1975	
		1975	1975	1975**	1975	1975*			
		2005	2008						
Русский	2008	2009	2010						
	2010	2010	2011			2012	2012	2012	2012
	2011	2011							
	1982	1982	1982	1982	2005	2005	2005**		
Французский	2005	2001	2005						
		2005							
Чешский		1994							

Сокращения: ЗГ — Залман Градовский (1 — <Дорога в ад>, 2 — <В сердцевине ада>, 3 — <Письмо из ада>), ЛЛ — Лейб Лангфус (1 — «Выселение», 2 — «В содрогании от злодейства»), ЗЛ — Залман Левенталь (1 — <Заметки>, 2 — <Комментарий к «Лодзинской рукописи»>), МН — Марсель Наджари, ХГ — Хаим Герман.

Примечания: * Публикации, где Лангфус фигурирует как «неизвестный автор» или как «Лейб»; ** Публикации, где тексты Лангфуса вышли под именем З. Левенталья.

Все эти издания в полной мере несут на себе родовой отпечаток польской цензуры 1950-х и особенно 1960-х гг. Тщательная сверка различных вариантов собственно польской версии текстов еще никем не сделана, но уже сличение польского корпуса с публикуемым здесь российским — свободным от цензуры, но зависимым от влияния сырости земной — отчетливо выявило основные параметры идеологической озабоченности варшавского (а через нее — и московского) руководства. А стало быть — и разницы текстов⁴³. Понятными становятся и те «приемы», к которым прибегал цензор, дабы по возможности придать своей работе характер благообразия или хотя бы наукообразия.

Как таковой Холокост в подсоветской Польше (и в этом ее отличие от самого СССР) не замалчивался и не релятивировался — он происходил на

глазах буквально у всех. Поэтому проклятия немецким палачам не убирались, и ножницы пускались в ход только тогда, когда объектом резких высказываний становились или сами поляки как обобщенное целое, или союзные державы, в число которых входил и СССР. Такие высказывания встречаются только у двоих авторов — у Залмана Градовского и у Залмана Левентала, причем у Градовского — в оба адреса.

Так, в первой — газетной — публикации крошечного «Письма из ада» Градовского цензура сделала две осязаемые купюры. Первая: *«Эта записная книжка, как и другие, лежала в ямах и напиталась кровью иногда не полностью сгоревших костей и кусков мяса. Запах можно сразу узнать»*. И вторая: *«Несмотря на хорошие известия, которые прорываются к нам, мы видим, что мир дает варварам возможность широкой рукой уничтожить и вырвать с корнем остатки еврейского народа. Складывается впечатление, что союзные государства, победители мира, косвенно довольны нашей страшной участью. Перед нашими глазами погибают теперь десятки тысяч евреев из Чехии и Словакии. Евреи эти, наверное, могли бы дожидаться свободы. Где только приближается опасность для варваров, что они должны будут уйти, там они забирают остатки еще оставшихся и привозят их в Биркенау-Аушвиц или Штутгоф около Данцига — по сведениям от людей, которые так же оттуда прибывают к нам»*.

Похоже, что в первом случае пуриста-цензора смутил грубый физиологизм фразы, а во втором — опасение, а не слишком ли это обидно для «союзников», среди которых и Советский Союз. При перепечатке этого текста в книжной версии первая купюра восстановлена, а из второй оставлена одна-единственная фраза, выделенная здесь полужирным курсивом. Значит, цензор и его начальство уже твердо уверились в том, что фраза эта уж точно — или все еще — обидна.

Вторую политическую купюру из Градовского ни за что не найти — ее просто-напросто нет! Читателя, прежде всего польского, бережно избавили от неприятности вчитываться в следующую — и, как назло, физически хорошо сохранившуюся — «напраслину»:

«Есть три момента, облегчившие Дьяволу его задачу — триумфальное уничтожение нашего народа. Один момент общий и два частных. Общее соображение заключается в том, что мы жили среди поляков, которые в большинстве своем были буквально зоологическими антисемитами. Они только радовались, когда смотрели, как Дьявол, едва войдя в их страну, обратил свою жестокость против нас. С притворным сожалением на лице, но с радостью в сердце они выслушивали ужасные душераздирающие сообщения о новых жертвах — сотнях тысяч людей, с которыми самым жестоким образом расправился враг. Возможно, они радовались тому, что народ разбойников пришел и сделал за них работу, к которой они сами еще не способны, поскольку в них все еще есть зерно человеческой морали. Единственным, чего они определенно — и не зря — боялись, было

соображение, что когда борьба с евреями закончится, когда то, что они своей жестокостью и своим варварством начертали на щите, обесмыслится, чудовищу придется искать свежую жертву, чтобы утолить свои звериные инстинкты. Они действительно боялись, и проявления этого страха были заметны. Огромное множество евреев пыталось смешаться с деревенским или городским польским населением, но всюду им отвечали страшным отказом: нет. Всюду беглецов встречали закрытые двери. Везде перед ними выросла железная стена, они — евреи — оставались одни под открытым небом, — и враг легко мог поймать их. Ты спрашиваешь, почему евреи не подняли восстания.

И знаешь почему? Потому что они не доверяли соседям, которые предали бы их при первой возможности. Не было никого, кто бы мог оказать серьезную помощь, а в решительные моменты — взять на себя ответственность за восстание, за борьбу. Страх попасть прямо в руки врага ослаблял волю к борьбе и лишал евреев мужества».

Как же вышел из положения польский цензор?

Весьма элегантно — с помощью купюры и следующей сноски: «В первой части рукописи автор описывает переселение из гетто в Колбасинском лагере и панический настрой евреев, погруженных в вагоны, везущие их в концлагерь Аушвиц».

И все! Даже знак купюры проставлен!¹⁴⁴ Кто же возразит против целенаправленного и концентрированного внимания на главном — на том, что происходило с евреями именно в Аушвице?!..

Однако применительно к Лангфусу и Левенталю, также описывающим в начале своих текстов жизнь в своих гетто и атмосферу транспортировки в Аушвиц, аналогичной «редактуры» почему-то не применено.

Два фрагмента отцензурировано у Левенталю. Оба — «антипольские».

Первый: «Полный [...] сам и [...] лучше умереть [...] который [...] смерть [...] это рисковать [...] так говорит каждый, но поляки [...] или можно [...] для тех снаружи, но мы [...] достаточно позволили использовать себя [...] популярность [...] выбираться из тёмного ада и поэтому отплатить полным антисемитизмом, который мы чувствовали на каждом шагу. Вот, например, с ними уже ушли многие десятки людей и только ни один не хотел взять с собой еврея! [...] время [...] со многими людьми [...] глупыми надуманными отговорками [...] а мы, евреи, идём и погибаем, от нас от [...] ни один из нас [...]».

И второй: «История Ойшвица, Биркенау как рабочего лагеря вообще, и как места уничтожения миллионов людей, в частности, я думаю, будет очень мало передана миру. Немного через штатских людей, и я думаю, что мир уже знает сейчас об этих ужасах. Остальные, может быть, кто ещё из поляков останется в живых благодаря какой бы то ни было случайности, или из лагерной элиты, которые занимают лучшие плацувки и ответственные [...] может быть, благодаря им, в любом случае ответственность уже не так велика. По сравнению с процессом уничтожения в Биркенау поля-

ков как и евреев [...] те, которые уже находились в лагере [...] видели, как все они погибли планомерно, сотни тысяч по приказу [...] исполнение [...] собственными братьями, арестантами [...] были предупреждены на работе капо и бригадирами теперь [...] которые [...] живут [...]

Точкой отсчета «израильского» эдиционного этапа стали 1977 и 1978 гг., когда —практически одновременно — на идише вышли книга З. Градовского, подготовленная Х. Волнерманом, и книга Б. Марка «Свитки Аушвица» — как на идише, так и на иврите. Этот этап также породил волну переводов, причем перевод на иврит вышел в том же 1978 году; в 1982 году последовало французское издание, в 1985 — английское и в 1997 — испанское.

Отметим выход в 1982 и 1991 гг. публикаций записок М. Наджари и его воспоминаний на греческом языке.

Важную роль сыграло и переиздание в 1996 году сборной книги текстов «зондеркомандовцев» на немецком языке. В 1999 году оно было переведено с немецкого на итальянский, выпустив еще один росток распространения текстов, испорченных польской цензурой в 1960-е гг.

Индивидуальные («авторские») книги выходили между тем у одного Градовского. Начиная с 1977 года вышло уже восемь таких книг: в 1988 году — издание его «Записок» на иврите, в 2001 — весь его корпус на французском, в 2002 — на итальянском, в 2008 — на голландском, в 2010–2011 — на русском и в 2012 — снова на иврите.

Русский же язык оказался последним, на который стали переводить тексты Градовского и других членов «зондеркомандо». Но и первым, перевод на который сознательно осуществлялся заново и, по возможности, с оригиналов!

Первые публикации Градовского на русском языке (и поначалу только «Письмо потомкам») состоялись в январе–марте 2005 года, в связи с 50-летием освобождения Освенцима. До этого ни одной строчки на русском языке не появлялось⁴⁵, да и само имя Градовского в то время оставалось практически неизвестным даже лучшим специалистам.

Впрочем, Михаил Забочень, автор едва ли не первой русскоязычной публикации об Аушвице («Антифашистское подполье Освенцима»), вышедшей в марте 1965 года, все же упоминает Градовского. Но для него это имя одного из геройски погибших руководителей восстания, но вовсе не имя автора записок, столь существенных в контексте и его темы, и уже анонсированных в 1962 году к изданию в братской Польше⁴⁶.

Первое критическое и, стало быть, свободное от цензурного влияния издание корпуса текстов З. Градовского на русском языке увидело свет в 2008 году — в трех номерах (с июля по сентябрь) выходящего в Санкт-Петербурге журнала «Звезда»⁴⁷. Книжным дебютом Градовского на русском языке стало выпущенное в мае 2010 года первое издание книги «Посредине ада», вобравшее в себя лишь часть подготовленного составителем

научного аппарата. К 27 января 2011 года увидело свет и второе издание книги Градовского, уже снабженное и этим аппаратом.

В 2012–2013 гг. в русскоязычной периодике выходили публикации текстов и других членов «зондеркоммандо», в частности Лейба Лангфуса — в «Новом мире» («В содрогании от злодейства»), в журналах «Голокост і сучасність. Студії в Україні і світі» и «Дилетант» («Выселение»), Залмана Левенталя — в «Ab Imregio», Хайма Германа и Марселя Наджари — в «Еврейском слове» и, наконец, Аврома Левите — в «Московских новостях»⁴⁸.

Настоящее издание — отнюдь не механическая сумма описанных выше штудий и публикаций. Все они выстроены в определенную композицию, между отдельными главами и текстами устранены повторы и наведены необходимые мосты.

¹ Скобло, 2006. С. 10–12.

² Ср.: «Если бы тогда в «зоне смерти» в Биркенау были проведены систематические раскопки, то, вероятно, были бы обнаружены записки не только Градовского, но и многие тайные рукописи других членов «зондеркоммандо». Большинство этих бесценных документов, по-видимому, было безвозвратно утрачено вскоре после освобождения лагеря, когда сюда устремились бесчисленные мародеры из окрестностей. Они ископали всю землю вокруг крематориев в поисках золота и драгоценностей, поскольку по окрестным деревьям прошел слух, что евреи перед смертью закапывали в землю золото и драгоценности. Мародеры искали золото, а разные там бумаги не представляли для них ценности. Так что наиболее вероятным местом, куда попадали рукописи «зондеркоммандо», была помойка» (Friedler, Slebert, Killian, 2002. S. 309.)

³ Если не считать находок мародеров — «черных археологов», сделанных, скорее всего, в феврале 1945 г. (среди них вполне могла быть и вторая из найденных рукописей З. Градовского).

⁴ Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД/МВД СССР.

⁵ Сообщено А.Ю. Валькович.

⁶ Одним из членов корпуса был и студент-медик А. Заорский, нашедший возле крематориев бутылку с письмом Хайма Германа (см. в настоящей книге). См. справку, выданную А. Заорскому 21.02.1945, в том, что он добровольно работал с 6 по 20 февраля в воинской части 14884 (начальник — майор Вейников) и по окончании работы проследовал в Краков (АРМАВ. D-RO XXIV. Photokolie grypsów. Nr. Mikrofilmu 1358/114)

⁷ От СМЕРШа («Смерть шпионам») — военной контрразведки Красной Армии.

⁸ См. докладную записку начальника Отдела НКВД по делам о военнопленных при начальнике тыла 4-го Украинского фронта майора госбезопасности Мочалова начальнику ГУПВИ генерал-лейтенанту Кривенко от 2 апреля 1945 г. о состоянии фронтальной сети по приему военнопленных за март 1945 г. (РГВА. Ф.425п. Оп.1. Д.9. Л.84–86).

⁹ См. доклад Мочалова Кривенко от 16 июля 1945 г. о работе фронтальной сети по приему военнопленных 4-го Украинского фронта за апрель-июнь 1945 г. (РГВА. Ф.425п. Оп.1. Д.9. Л.184–192).

¹⁰ См. донесение начальника Отдела НКВД по делам о военнопленных Управления тыла 4-го Украинского фронта майора госбезопасности Мочалова Начальнику ГУПВИ комиссару госбезопасности Рагушному от 10 июня 1945 г. Емкость лагеря составляла 7000 человек, его начальником был полковник интендантской службы Маслобоев (РГВА. Ф.425п. Оп.1. Д.9. Л.147).

¹¹ См. в докладе Мочалова Кривенко от 19 июля 1945 г. о работе фронтальной сети по приему военнопленных 4-го Украинского фронта за 1-е полугодие 1945 г.: «Военнопленные,

поступавшие после капитуляции фашистской Германии, по физическому состоянию в значительном числе не стоят того, чтобы катать их на 1000 километров в тыл СССР, так как трудовое использование их не может дать никакого эффекта. Много престарелых, подростков, инвалидов, ослабленных хроников» (РГВА. Ф.425п. Оп.1. Д.9. Л.193–204).

¹² Официально музей открылся только 2 июля 1946 г., когда польский парламент принял соответствующий закон.

¹³ В целом сверхнастороженное отношение к памяти замученных нацистами евреев было характерным не только для Польши и так называемых соцстран, но и для всего послевоенного общественного сознания Европы. Многие европейские страны — Швейцария, например — просто-напросто хорошо нажились на еврейской Катастрофе.

¹⁴ Так в тексте.

¹⁵ *Inmitten des grauenvollen Verbrechens...*, 1972. S. 127–128.

¹⁶ Впрочем, как показывает транспортировка пороха и гранат на крематории, евреям, при необходимости и решимости, были под силу и не такие задачи!

¹⁷ *Jeziarska*, 1963. P. 1–2.

¹⁸ См. в анонимной преамбуле: *Bergung der Dokumente // Briefe aus Litzmannstadt...* 1967. S. 7–13.

¹⁹ *Jankowski*, 1972. S. 69.

²⁰ Дов Пейсахович из Бессарабии знал об этом и даже пытался в 1965 г. разыскать нужное место, но так ничего и не нашел. См.: *JVA*. TR17. JM.3498.

²¹ *Greif*, 1999. S. 201–202. Это свидетельство вызывает, однако, большое сомнение. Создатели крематориев из фирмы «Тепф и сыновья» недаром говорили об отсутствии всякого пиетета к трупам, так как никакой технологической возможности отделить пепел одной жертвы от пепла другой в Биркенау просто не было!

²² *Nyiszli*, 1960. P. 123–124. Много, конечно, заставляет усомниться в полной достоверности этого сообщения. Даже в преддверии ожидавшейся ликвидации старожилы «зондеркоммандо» самый сбор двухсот подписей был самоубийственным мероприятием. К тому же, почему о таком массовом мероприятии не вспоминает никто, кроме Нижили, даже сам Д. Олере?

²³ См. ниже.

²⁴ *APMAB*. № 280–282. В 1950-е гг. оригинальные пластины были утеряны, но сохранились негативы, сделанные с их пересъемок. Обычно публикуются первые две фотографии, причем отредактированные: на них изображены только люди и дым, без какой бы то ни было рамочной перспективы; гораздо реже печатается третья и почти никогда четвертая, где людей нет, а только пейзаж (см. подробнее: *Stone*, 2001. P. 131–148). А. Килиан полагает, что съемка велась не на одной, а на двух различных огненных ямах (*Kilian*, 2003a. S. 19).

²⁵ Сам Панич, застрелив в день восстания эсэсовца, совершил самосожжение в печи (*ZIH*. 301/1868. То же: *YVA*. M.11, папка 224).

²⁶ Нам сообщено В. Плосой (*APMAB*).

²⁷ *Jarosch*, 1994. P. 248.

²⁸ *Забочень*, 1965. С. 117.

²⁹ Цит. по: *Stone*, 2001. P. 142.

³⁰ *Friedler, Slebert, Killian*, 2002. S. 265–266.

³¹ Это, вне всякого сомнения, Лейб Лангфус (см. ниже).

³² А это, очевидно, Леон Вельбель (см. Приложение 2).

³³ О Довиде Нонцлэ и о Леоне Французе высказывается предположение, что они выжили.

³⁴ *Greif*, 1999. S. 205. 500-страничный дневник погиб, но Я. Габай подчеркивает, что уже одно его наличие тренировало его память, благодаря чему он прекрасно помнит не только события, но и многие даты.

³⁵ Индивидуальные истории их обнаружения приводятся в соответствующих местах части 2

наст. издания.

³⁶ Сообщено Н. Гальперин

³⁷ Сообщено Р. Кувалеком.

³⁸ См.: *Strzelecka*, 2002. S. 325.

³⁹ См.: *Swiebocki*, 1993.

⁴⁰ См.: *Swiebocki*, 1993. S. 128–131.

⁴¹ За счет комментария З. Левенталя к рукописи из Лодзи.

⁴² Забавно, что, в отличие от своего «источника», оно даже не упоминает ЦВММ как местонахождение одного из текстов!

⁴³ Благодарю М. Чайку за помощь.

⁴⁴ В купюре из «Письма из ада» аналогичный знак отсутствует.

⁴⁵ Единственное исключение — небольшой фрагмент об уничтожении семейного лагеря (*Макарова, Макаров и др.*, 2003. С. 220–221).

⁴⁶ *Забочень*, 1965. С. 122.

⁴⁷ В том же году и тот же корпус впервые вышел в книжной версии и впервые на голландском языке.

⁴⁸ См. *Приложение 4*.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ:

**РУКОПИСИ,
НАЙДЕННЫЕ
В ПЕПЛЕ
У ПЕЧЕЙ
ОСВЕНЦИМА**

**ЗАЛМАН
ГРАДОВСКИЙ**

И В КОНЦЕ ТОЖЕ БЫЛО СЛОВО...

*...Последние евреи догорали.
Сияло небо, словно высший Зритель
Хотел полюбоваться на Конца.*

И. Каценельсон. «Сказание об истребленном народе»

*Холокост нельзя рассматривать <...> как большой погром,
как случай, когда история в своем движении поскользнулась.*

*Никуда не деться, приходится рассматривать Освенцим
как конечную станцию, на которую Европа прибыла
после двух тысячелетий построения
этической и моральной культуры...*

И. Кертес. «Из Нобелевской речи»

1

Залман (Залмен¹) Градовский родился в 1908 или в 1909 году в польском городе Сувалки недалеко от Белостока. Его отец, Шмуэл Градовски, владелец магазина одежды на улице Лудна, обладал очень хорошим голосом и служил кантором главной городской синагоги, а также учителем талмуда. Мать, Сорэ, — скромная, гостеприимная женщина. Ее дед, раввин Авром-Эйвер Йоффе, был выдающимся знатоком и толкователем Закона (гаона) и почтенным талмудистом, автором книги «Махазе Авраам» («Видение Авраама»), а отец — Иегуда Лейб — автором другого толкования: «Эвен Лев» («Камень сердца»)².

Все три сына — Залман (Хаим-Залман), Авром-Эйвер и Мойше — учились в ломжинской ешиве³. Двое старших занимались общественной работой — они были лидерами в молодежных организациях (в частности в союзе *Слава юношей Сувалок*). Залман также участвовал в объединении, которое снабжало кошерной едой еврейских солдат польской армии, служивших в Сувалках. Он получил еврейское и общее образование, знал европейские языки, в частности немецкий и русский, и европейскую литературу, много читал, особенно на идише⁴ и по-польски⁵. В «лагерной» части его текстов немало немецких заимствований — как в лексике, так и в синтаксисе⁶.

У Градовского была явная склонность к писательству. Он обладал волевым и амбициозным характером, был физически силен и в то же время сентиментален.

Незадолго до начала Второй мировой войны Градовский женился на Соне Апфельгольд⁷, портновской дочке из местечка Лунно под Гродно, с которой случайно познакомился в Лососно около Гродно. На фотографии, сделанной, видимо, вскоре после свадьбы, у обоих (но особенно у Залмана) нежное выражение лица, какое бывает только у молодоженов, еще не по-

знавших ни счастья, ни морщин родительских чувств, но уже полностью к ним приготовившихся. Соня хорошо пела, и ее глубокий грудной голос, украшавший молитву, совершенно созрел и для колыбельных.

Когда разразилась война и Сувалки оказались под угрозой немецкой оккупации, супругам уже было не до детей. Они сочли за благо стать беженцами и перебраться к свекру — в Лунно, сулившее им безопасность. Ведь местечко находилось в 40 км к юго-востоку от Гродно и было не под немцами, а под Советами.

Лунно расположилось на удивление живописно — на берегу Немана и в окружении лесов. Оно как бы срослось в одно целое с другим местечком — Воля, отчего их иногда и воспринимали и называли как синонимы, а иногда и объединяли топонимически (Лунно-Воля)⁸. Славилось местечко своими сапожниками и портными, да еще частыми пожарами. Событиями всемирно-исторического значения летопись Лунно не перегружена: в 1812 году через него на восток прошла армия Наполеона, а в гражданскую войну веком позже здесь короткое время стоял со штабом Лев Троцкий.

Перед войной в Лунно насчитывалось около двух тысяч жителей, большинство — около трехсот семей — евреи. В целом местечко было из бедных, но Апфельгольды были одними из самых зажиточных: тестю Градовского, портному по основной профессии, принадлежали продуктовый магазин и лавка канцелярских товаров.

Сам Градовский работал здесь конторским служащим, но, ощущая в себе и литературное призвание, и тоску по Земле Обетованной, писал возвышенные статьи о своей любви к Сиону. Его зять — писатель-коммунист Довид Сфард⁹ (кстати, единственный из всей семьи, кто, подавшись в Москву, уцелел!¹⁰) — вспоминал позднее об идеологических спорах с Градовским и о его первых литературных опытах, которые тот приносил ему на суд¹¹.

Палестина была давней мечтой Градовского, туда он стремился перебраться всей семьей. Один из его шуринов, Волф, уже было согласился, но другой шурин, Сфард, все колебался и тянул с решением. На размышления он взял себе год, но никто и не подозревал, что этого года про запас ни у кого из них уже не будет...

В сентябре 1939 года на Польшу с двух сторон напали сразу оба заклятых соседа — Германия и Россия. Лунно располагалось восточнее линии Керзона и досталось Советам. Полтора года новая власть «воспитывала» польскую элиту, а заодно и миллион с лишним новообращенных евреев, но Залмана Градовского и его семьи эти репрессии не коснулись. К моменту нападения Германии на СССР ему было тридцать два или тридцать три года.

Граница была так близко, а немцы наступали так стремительно, что ни о какой эвакуации на восток и речи быть не могло. И, хотя все предчувствовали эту войну и ждали ее, но никто и подумать не мог, что Красная Армия сдаст Гродно так легко и так быстро. Тихо и без боя немцы вошли в город уже 23 июня, на второй день войны¹²!

Лунно-Воля было оккупировано 25 июня¹³, и в первый же день здесь было расстреляно несколько евреев по подозрению в связях с советской разведкой. В начале июля в Лунно был создан юденрат под председательством бывшего главы общины Якова Вельбеля. Юденрат, по определению, был призван не столько защищать евреев, сколько быть инструментом оккупационной политики по отношению к ним. Эта политика заключалась в управлении жизнью евреев, в обеспечении немецких интересов рабочей силой, в получении различных сборов и контрибуций и только после этого — в их уничтожении. В числе членов юденрата был и Залман Градовский, он отвечал за санитарно-медицинские вопросы¹⁴.

В сентябре 1941 года все евреи из Лунно-Воли были согнаны в гетто, располагавшееся в Воле¹⁵. За все время существования гетто каких-то чрезвычайных событий в нем не произошло, очевидцы припоминают только убийство одного еврея-сумасшедшего и «ведерную повинность» — когда замерз водопровод, каждого еврея обязали принести по три ведра воды из Немана.

В окружной столице, в Гродно, было на порядок больше евреев и на порядок больше проблем. 29 июня в Гродно прибыла *Einsatzkommando* № 9 и сразу же принялась «за дело»: на завтра в городе уже был сколочен юденрат во главе с директором еврейской гимназии «Гарбут» Давидом Бравером. Давид Кловский¹⁶ писал, что поговаривали, будто бы Бравер и немецкий комендант Гродно¹⁷ — старые приятели, когда-то вместе учились в одном университете в Германии, и что, мол, благодаря этому гродненских евреев оккупационные власти первое время «не слишком притесняли»¹⁸.

Однако это «не слишком притесняли» могло быть только самоиронией¹⁹: *«Безвыходность, готовность снести любое унижение и обиду, это жизнь без собственного достоинства. Ходить — только по мостовой, только съездившись и только с желтыми звездами, нашитыми одна на груди, другая на спине. Они прожигали рубашку, они опаляли кожу, как жгучие клейма, как выставленные напоказ знаки <...> позора»*²⁰. Дома, среди своих, — было последним местом, где еврей хотя бы немножечко (пусть и ненадолго) еще ощущал себя человеком. Но в конце октября 1941 года для многих наступила пора попрощаться и со своими жилищами: немцы выгородили в Гродно два гетто. Первое — отмеченное сторожевыми вышками по углам, располагалось в самом центре города, в пределах улиц Переца, Виленской, Найдуса и Замковой, а второе — на Скидельской и соседних с ней улицах²¹. Всего в Гродно перед войной жило около 30 тысяч евреев — цифра немалая, хотя и не идущая ни в какое сравнение с Белостоком, Лодзью, Люблином, Вильно или Варшавой. Около двадцати тысяч было приписано к первому и еще семь-восемь тысяч ко второму гетто.

Уже в начале июля 1941 года в Гродно расстреляли первые 80 евреев — по списку из наиболее авторитетных в городе²². В сущности, каж-

дый прожитый в гетто день мог оказаться для любого еврея последним — по приказу коменданта, обершарфюрера СС Курта Визе, их вешали или расстреливали за малейшую провинность. Рассказывали, что он и сам любил поупражняться в стрельбе по движущимся живым мишеням с желтыми нашивками на груди²³. А потом выяснилось, что точно так же вели себя и Отто Стреблев и Хинцлер — коменданты второго гродненского и третьего — Колбасинского — гетто²⁴.

Линия фронта удалялась от Лунно и Гродно так стремительно, что уже начиная с 1 августа они попали в зону гражданского управления, став частью правительственного округа Белосток (*Bezirk Białystok*) под управлением гаулейтера Восточной Пруссии Э. Коха, то есть де-факто присоединенного к Рейху²⁵. Эта административная чехарда на протяжении более чем года служила проживавшим в округе евреям даже некоторой защитой: в то время как большинство восточно-польского, белорусского и украинского еврейства уже систематически расстреливалось айнзацгруппами СД — «бецирских» раскидали по гетто и долгое время почти «не трогали»²⁶.

Но в конце 1942 года добрались и до них. Между 2 ноября 1942 и началом марта 1943 гг. немцы проводили во всем Белостокском бецирке акцию *Judenrein*²⁷ — одну из операций по зачистке оккупированной территории. Еврейское население из 116 городов и местечек этого бецирка сгонялось в пять крупных транзитных полугетто-полулагерей, располагавшихся в Белостоке (в казармах 10-го уланского полка польской армии), Замброве, Богуше, Волковысске и Колбасине²⁸ — гродненском пригороде, что всего в нескольких километрах от Гродно по Белостокскому шоссе²⁹. Всего через них прошло не менее 100 тысяч евреев, из них 30–35 тысяч — через Колбасино³⁰.

У лагеря в Колбасино — своя предыстория. С 21 июля и по ноябрь 1941 здесь велось строительство — и одновременно эксплуатация — огромного (площадью около 50 га) лагеря для военнопленных³¹. Военнопленным поначалу было еще хуже, чем евреям: в лагере содержалось до 36 тысяч человек, половина погибла непосредственно в лагере. До сентября 1942 года этот огороженный колючей проволокой барачный лагерь функционировал как дулаг, то есть транзитный лагерь исключительно для военнопленных. Но затем, ненадолго, его превратили в так называемый лагерь для военнопленных и гражданского населения. А это означало, что сюда на короткие сроки в отдельные бараки загоняли и гражданских — перед тем как отправить их куда-нибудь на работы, а если обнаружатся среди них партизаны, евреи или окруженцы — то расстрелять.

Третьей сменой этого лагеря в ноябре 1942 года и стали евреи: здесь, в бывшем дулаге, разместилось одно из пяти областных «транзитных гетто». Евреи в таких гетто задерживались совсем ненадолго: по мере заполнения барачных и поступления вагонов их обитателей систематически отправляли в Аушвиц. Однако немцы и юденрат с его полицейскими деликатно называли это «эвакуацией» и говорили об отправке евреев на какие-то работы в

Германию. Начальником лагеря был обершарфюрер СС Карол Хинцлер, сильный, атлетического сложения, человек. Как и у многих эсэсовцев в схожем положении, в его натуре постепенно брал верх садист: он лично избивал и убивал узников — безо всякой причины, просто так.

Первыми в Колбасин стали свозить евреев из окрестных местечек — Индура, Сопощкина, Скидлы и еще многих-многих других³². Понятно, что и евреям из чуть более отдаленного Лунно-Воли также было не миновать этой судьбы. 1549 евреев оттуда были депортированы в Колбасино 2 ноября 1942 года, среди них и Залман Градовский со своими домашними³³. Барак, в котором разместили их и еще три сотни человек, был наполовину вкопан в землю; в сущности, это была большая землянка. Окна забиты, и внутри всегда, даже днем, стоял полумрак. Теснота, смрад, грязь — и в то же время холод и земляночная сырость пробирали насквозь, отопления и электричества не было. «Сколько же людей здесь успело пребывать! — наверняка думал каждый, кто сюда попадал. — И где они — все те, кто тут был до нас?..»

И остальные условия жизни в Колбасине были соответствующими: так, единственный источник воды — ручной колодец — находился вне лагеря и почти ежедневно выходил из строя. Впрочем, для питья эта вода все равно не годилась. Из еды — пайка 170 граммов почти несъедобного хлеба плюс пара картофелин на человека, через день — теплая тюря-суп.

В лагере появились и распространились болезни, люди заболели, быстро превращаясь в дистрофиков и доходяг. Для тифозных была устроена больница. В ней работал доктор Яков Гордон, его имя еще встретится в этом повествовании. Кладбище заменяла огромная открытая яма, куда сбрасывали трупы умерших, слегка пересыпанные известью.

Возможно, что в Колбасине, как и в Лунно, Градовский входил в состав санитарной команды³⁴. В этом угрюмом лагере он и его близкие провели около месяца. Раз или два в неделю с близлежащей станции Лососно — той самой, где Градовский познакомился со своей женой, — уходили эшелоны с «эвакуированными». Места «эвакуации» предусмотрительно не назывались, особенно Треблинка, всем известная как место массового убийства евреев. Освенцим еще не был так известен.

Когда 5 декабря³⁵ — на третий день Хануки — объявили о новой «эвакуации», жена Залмана Градовского, прекрасная певица, вдруг затянула *Maoz Zur* — песнопение, подобающее этому дню и призывающее к стойкости и непоколебимой надежде³⁶.

Охрана построила евреев из Лунно в колонну по пять и вывела за ворота Колбасино. На станции Лососно их погрузили в ожидавший поезд, и охрана вернулась в Колбасин, где уже ждали следующие³⁷. Сам Колбасинский лагерь закрыли 19 декабря, в нем к этому времени оставались только гродненские евреи числом самое большое на один эшелон — около 2000 человек. В основном все из «полезных евреев» — представителей профессий, потребных в местном хозяйстве, и членов их семей. Для слабосильных и больных даже подали подводы!³⁸

Эшелон с Градовским, проследовав через Белосток, подошел к Варшаве, но налево, в направлении Треблинки, не повернул. Треблинка была у всех на слуху, ее все боялись. Но радоваться было решительно нечему: миновав Катовице, поезд прибыл в Аушвиц. Произошло это 8 декабря 1942 года.

В Аушвице их «встречали». На рампе произошла заурядная в таких случаях селекция: 796 слабых и не пригодных к труду — женщины, старики и дети до 14 лет — составили две длинные шеренги слева (отдельно женщины с девочками и отдельно пожилые или слабые мужчины с мальчиками), а 231 человек — крепкие и здоровые мужчины — еще одну шеренгу, но покороче, справа³⁹.

Тех, кто оказался слева, затолкали, не церемонясь, в крытые брезентом грузовики, через четверть часа доставившие их в местность едва ли не идиллическую — внешне напоминавшую польский хуторок, только в окружении молодого леса.

После разгрузки всех заставили раздеться в легкой постройке и, дав по кусочку мыла, запустили в переоборудованную из крестьянского дома «баню».

А дальше мы можем только попытаться представить себе их мысли и чувства в эти последние мгновения. Взять то же мыло: это же замечательно, в Колбасине об этом можно было только помечтать! Правда, немного смущали двери бани, на удивление массивные и с небольшим круглым окошком посередине. Внутри было очень тесно, и все с недоумением смотрели наверх, на совершенно сухие краны, — воду все никак не пускали.

А когда невидимые им люди в противοгазах вбросили сверху в «душевую» какие-то зеленоватые пористые кристаллы, жить им оставалось всего несколько минут, — правда, очень мучительных: «баня» на самом деле была газовой камерой.

Так погибли 796 евреев из колбасинского эшелона...

Среди них — мать, жена, две сестры, тесть и шурин Залмана Градовского!

2

...Отныне в живых из всей семьи оставался только он один — Залман Градовский, человек из правой шеренги⁴⁰. Крепкий и здоровый, он был нужен Рейху пока что живым.

Всю их шеренгу пешком отконвоировали в Биркенау, в гигантский новый лагерь, расположенный в нескольких километрах от старого. Там их ожидали «формальности»: регистрация в 20-м блоке (для чего всех отобранных на рампе заставили выстроиться по алфавиту) и получение номеров, затем — в так называемой «Сауне» — вытатуирование номеров на запястье, состригание волос, душ (настоящий!) и полная перемена одежды и обуви. И уже после этого — ночевка в холодном 9-м блоке.

На следующий день поздно вечером — еще одна селекция. Как оказалось, то был отбор в «зондеркоммандо»: из их партии взяли от 80 до 100 человек (а всего в новую «зондеркоммандо» — около 450 человек). Всех разместили во 2-м блоке⁴¹ — вместе с остававшимися в живых старожилами «зондеркоммандо». И уже утром 10 декабря, то есть фактически без соблюдения трехнедельного карантина, конвоиры-эсэсовцы с собаками выводили «новеньких» на работу...⁴²

Итак, не спрашивая на то его согласия, Градовскому и его новым товарищам «оказали доверие» и включили в обновленное «зондеркоммандо». Когда им показали их «рабочие места» и фронт работы, то надо ли говорить, каким потрясением для них стало одно только осознание кошмарной сути их новой «профессии»! Особенно угнетала каждого его собственная роль в процессе ассистирования убийству евреев — их пусть навязанное, но все же принятое и не отвергнутое пособничество этому процессу.

Оба эти кошмара — кошмар самого убийства и кошмар собственного пособничества ему⁴³ — непрестанно мучили и терзали Градовского. Пополнившись, в конечном счете, еще и мотивом личного малодушия⁴⁴, они стали основным моральным стержнем его существования и его повествования. Кажется, он был едва ли не первым из числа тех, кого впоследствии огульно будут считать и даже называть коллаборационистами, но кто сформулировал для себя эту умопомрачающую проблему и кто заговорил о ней сам. Этому посвящены, быть может, самые потрясающие строки в его записках.

Замаранный этой «работой», он истово мечтал или о самоубийстве, на которое не оказался способен, или о восстании, которое кровью смоеет этот и все другие грехи — его собственные и всех остальных⁴⁵.

Есть свидетельства, что всякий раз, когда «работа» была сделана и «зондереры» возвращались в свой барак, Градовский, как, наверное, и многие другие, мысленно творил кадиш по душам усопших, а если обстоятельства позволяли, то доставал из укрытия талес, закутывался в него, надевал тфилин и со слезами читал кадиш уже по-настоящему.

Позднее, когда сердце и мозг каждого зондеркоммандовца уже покрылись столь же неизбежной, как и необходимой для выживания коростой каждодневности и рутинности происходящего, впечатлительность и сентиментальность оставались чертами его натуры. Об этом свидетельствует и младший земляк Градовского по Сувалкам 16-летний в 1942 году Яков Фреймарк. Весной 1962 года, когда в «Фольксштимме» вышли первые строки из записей Градовского, Фреймарк отозвался на них из Израиля и подробно описал их встречу⁴⁶.

Сам он попал в Аушвиц в сентябре 1942 года, но не как еврей — рядная жертва, а как уголовник, уважаемый нарушитель уважаемого немецкого порядка. И неважно, что преступление его заключалось исключительно в сокрытии своей истинной — еврейской — национальности (он имел наглость выдавать себя за поляка Янека Ганглевского): установлен-

ная в итоге его истинная еврейская идентичность весила меньше, нежели факт обслуживания немецкими судебной и тюремной системами. Газовые камеры были ему, немецкому уголовнику, покуда он жив, заказаны! А вот услуги Политотдела с его знаменитым Бункером (блоком 11) всегда открыты. Именно там он и провел свои первые шесть недель в Аушвице.

Регистратор Айгер⁴⁷ присвоил ему номер 872 15. Проникшись симпатией, он записал его не 16-, а 18-летним, по профессии — слесарем. Жить Фреймарка направили в блок 13 зоны В1 в Биркенау, где старшим был французский еврей и большая сволочь (но не Шавиньский). Он попал в команду золотарей, ежедневно собиравшую содержимое параш по всему лагерю.

Далее — цитата из Фреймарка:

«Однажды, когда мы возвращались с работы, наша команда остановилась у блока 2, в котором в старом лагере жили члены зондеркоммандо. Я увидел группу людей в гражданской одежде с красными нашивками на брюках и рубашках. Они смотрели на нас, мы на них. «Бросьте нам что-нибудь». Я вижу, они бросают нам хлеб. Тут один из них подошел ко мне и спросил: «Откуда ты?» — «Из Сувалок», — ответил я. — «Среди нас есть один из Сувалок: Залман Градовский». Имя было мне знакомо, он принадлежал к религиозной семье. Они держали магазин одежды. Их было три брата, все раввины. Незадолго до начала войны Залман женился и переехал в штетл недалеко от Гродно.

И вот я встретился с Градовским, когда выносили парашу в нужник. Ко мне подошел человек. От него пахло горелым мясом. Выглядел он хорошо, был толстым. Он спросил, кто я. Я ответил: «Яков Фреймарк, с такой-то улицы». — «Что, сын Баритэса?» — «Да», — ответил я.

Он заплакал, стал расспрашивать о судьбе родителей. Я объяснил, что ничего не знаю, потому что убежал в самом начале и прятался среди гоев. Он все плакал. Потом сказал, что впервые встречает кого-то из нашего города. «Ты будешь мне как брат».

Он вынул из кармана консервы и хлеб и велел съесть на месте. Сказал, что, если увидят у меня еду в блоке, отберут и убьют. Я попытался все быстро съесть, но я еще не мог жевать, потому что зубы шатались после бункера.

Он сказал: «Теперь не бойся, я буду о тебе заботиться, как о родном брате. Ты должен знать, что мы делаем для евреев все, что мы можем. К несчастью, мы попали в зондеркоммандо, но мы хотим спасти тех, кто остался в живых. Я и для незнакомых евреев делаю все, что могу».

Вскоре Градовского перевели в новый лагерь, который построили в Биркенау. Мне стало очень тяжело: голод, холод и боль усилились. Но вскоре Градовский нашел способ со мной связаться. Разные люди приносили мне еду. Однажды даже его, Градовского, капо Каминский — он спас тысячи людей. К сожалению, не все из спасенных остались в живых, но он помогал в самые тяжелые минуты.

Раввин из Минска⁴⁸ был поставлен в зондеркоммандо при уборной. Однажды Фреймарк увидел его с листом молитвы и сказал ему: «Рабби,

Ваша жизнь в опасности. Если Вас поймают, Вас убьют». Раввин ответил, что его жизнь все время в опасности, но что еще при жизни он хочет увидеть священный свет буквы: «Дитя мое, не бойся. Бог нас не оставит».

Градовский рассказал, что его не убили. Каминский принес оберкапо Людвигу⁴⁹, убийце из убийц, лучшую еду и всякие подарки.

Градовский еще рассказал: «Мы смогли еще спасти парня из Макова. Его записали на селекцию. Его двоюродный брат работает со мной. Однажды при селекции записали латинское Л у его номера. Это означало Лейба. Нам удалось залезть в картотеку в «шрайб-штубе» и изменить это Л до неузнаваемости, а на его место в транспорт подsunуть мертвого. Так удалось его спасти. Но в Иом Киппур 43-го года он ушел с большой селекцией. Тут уж его брат не смеялся»⁵⁰.

Однажды мне удалось пробраться в другой лагерь и в блок Градовского. Я увидел, что евреи в талитах и с тфилином стоят у боксов и молятся. «Как так?», спросил я.

Он сказал: «СС видит и не мешает. Они знают, что нам не жить долго. Поэтому нам дают вдоволь еды и выпивки, дают и молиться. Знают, что больше 6 месяцев нам не прожить. А откуда талит и тфилин? Это находится в тех вещах, что берут с собой в камеру евреи, — их последнее и самое дорогое».

Он еще и другое рассказывал и при этом все время кормил. «Ешь, ешь, укрепляй силы. И еще, скажу тебе: верь в Б-га. Как можешь и сколько можешь — молись».

Мне это запало в душу. С тех пор я стал верующим и смог привлечь к этому многих других».

Однажды Фреймарку довелось наблюдать «зондеркоммандо» за работой. Они перетаскивали трупы из бункеров-газовен к пылающим ямам — и при этом разговаривали, смеялись, курили. Долго не мог он постичь «равнодушия» членов «зондеркоммандо».

Из золотарей Фреймарк перебрался в команду «Канада», он сопровождал вещи покойников в крематорий I в штабмлагере Аушвица, где они проходили дезинфекцию⁵¹. Вскоре Фреймарк стал членом лагерного Спротивления, и многие его перемещения были связаны с различными заданиями штаба. В том числе и из благополучной «Канады» в ткацкие мастерские, где он стал звеном в курьерской цепи, доходящей аж до Кракова. Там же, в мастерской, прятали и раз в день слушали радиоприемник. Когда его нашли, то капо Рыжика и многих других убили, после чего наступило затишье.

Покровительствуя земляку-мальчишке — вдвое младшему, чем он сам, — Градовский, видимо, не считал нужным говорить с ним о Спротивлении. Когда Фреймарк должен был оставить привилегированную команду «Канада», Градовский всячески отговаривал его. Потому что в лагере ужасно, а в «Канаде» он сможет и выжить, и помогать другим. «Помни, — говорил он, — отсюда убежать нельзя. Но можно выждать и выжить». О себе же говорил, что скоро он и все остальные пойдут в «расход».

Это была их предпоследняя встреча, а последняя состоялась тогда, когда Фреймарк снова вернулся к труду «золотаря», но на сей раз на колесах. На своем «дерьмовозе» он заезжал и в такие места, как крематории: оттуда, между прочим, в дерьме вывозились в основной лагерь оговоренные заранее ценности. В последний же раз Градовский все торопил земляка уехать как можно скорей: видимо, знал об опасности, которую хотел ответить от своего названного брата.

При этом, судя по Фреймарку, Градовский совершенно не делился с мальцом ни сведениями о восстании «зондеркоммандо» или его подготовке, ни своими мучительными мыслями о смысле миссии «зондеркоммандо» и своей при этом собственной роли.

3

Члены «зондеркоммандо» хорошо себе представляли, что и как здесь происходит, и никаких иллюзий относительно собственного будущего не питали. Так что не случайно именно в их среде вызрело и 7 октября 1944 года — на пятый день праздника Суккот — вспыхнуло беспрецедентное в своем роде восстание в главном лагере смерти — в Биркенау, где денно и нощно горели печи четырех из пяти аушвицких крематориев.

Символический смысл восстания понятен, но был ли еще и практический? Казалось бы, зачем был нужен этот обреченный на неуспех бунт, все участники и даже тайные помощники которого все равно наверняка будут убиты или казнены?

Один из ответов на этот вопрос дает сам Градовский в своих записках. В его голове не укладывалось: почему так бездействуют союзники? Почему с юга, с американских аэродромов в Италии⁵², или тем более с востока (начиная с июля 1944 года Красная Армия стояла всего в 90 км от знаменитой бранды⁵³ с пресловутой сентенцией!⁵⁴) — почему все не прилетают американские или советские самолеты и не бомбят эти печи и газовни, этот не знающий передышек конвейер смерти с суточной производительностью около четырех с половиной тысяч мертвецов?⁵⁵ Почему?..

Выше, в главе «Что знали союзники об Аушвице?», ответы на этот вопрос — как лукаво благородный, так и цинично истинный — уже приводились. Градовский словно прочел позорную переписку Мак-Клоя с Фришером и Кубовицким! Он словно заглянул в холодные и равнодушные глаза врагов своих врагов — и не нашел в них ни понимания, ни сострадания!..

Нельзя не поразиться точности и тонкости восприятия Градовским геополитической ситуации в мире, поистине невероятной в таких условиях. Но не менее точны и справедливы, хотя и очень горьки, выводы, к которым он, после такого анализа, приходит: *«Несмотря на хорошие известия, которые прорываются к нам, мы видим, что мир дает варварам возможность широкой рукой уничтожать и вырывать с корнем остат-*

ки еврейского народа. Создается впечатление, что союзные государства, победители мира, косвенно довольны страшной участью нашего народа».

Что ж, членам «зондеркомmando» оставалось полагаться только на себя, и они это делали. Запасались не только оружием, но и взрывчаткой, — а когда восстали, то первым делом они взорвали и подожгли крематорий IV, который так больше и не заработал. Вспыхнув — буквально — только на одном из крематориев, восстание сумело перекинуться еще на один — на II, а по некоторым сведениям, и на остальные крематории.

Одним из руководителей восстания был и Залман Градовский, работавший на мятежном IV крематории и геройски погибший в перестрелке с эсэсовцами, в неравном бою. Некоторые очевидцы называли его даже главным руководителем восстания⁵⁶.

Но еще за месяцы до восстания он совершил два других своих подвига — подвиг летописца и подвиг конспиратора. Много месяцев вел он дневник и другие записи, в которых детально описал важнейшие процессы и события того ада, в котором оказался.

Шломо Драгон, постоянный дневальный барака «зондеркомmando», так описал Градовского и его летописание: *«Залман Градовский из Гродно расспрашивал различных членов «зондеркомmando», работавших на разных участках, и составлял списки людей, которых отравили газами и сожгли. Эти записи он закапывал возле крематория IV. <...> Градовский описал весь процесс уничтожения. Мало кто знал, что он вел эти записи; только я как штурбовый знал это. Мы старались создать ему условия для ведения записей, потому что обстановка, честно сказать, этому не способствовала. Его постель была у окна, чтобы у него было достаточно света для писания. Это мог только штурбовый обеспечить <...> Он говорил нам, что миру нужно оставить свидетельство о происходившем в лагере. Когда он начал записывать, мы уже точно знали, что наши шансы на выживание равны нулю. Всякий раз немцы убивали членов «зондеркомmando», и кто же знал, что кто-то из нас сумеет уцелеть. <...> Градовский был среди нас и делал то же самое дело, что и мы. Хочу напомнить, что среди нас был еще один еврей, которого мы звали судьей — магид из Макова, Макова-Мазовецкого [Лейб Лангфус. — П.П.]. Он тоже писал, как и Градовский, оба спали на одних и тех же нарах. Градовский писал в тетрадках, которые заготавливала я. Для схронов он разработал целую методику: он клал бумаги в стеклянные емкости, напоминающие термосы...»⁵⁷*

О том, что Градовский и магид писали по ночам свои дневники, которые потом прятали в бутылки, залепляли воском и закапывали, вспоминал и Э. Айзеншмидт⁵⁸.

Залман Градовский сумел не только засвидетельствовать все происходящее (что и само по себе в условиях концлагеря было подвигом), — он сумел еще и надежно схоронить их для потомков, точно рассчитав даже то, где со

временем вероятней всего пройдут раскопки. *«Я закопал это в яму с пеплом, как в самое надежное место, где, наверно, будут вести раскопки, чтобы найти следы миллионов погибших»*, — писал он в записной книжке⁵⁹.

В этих словах — уверенность в поражении зла, уверенность, несмотря ни на что. Так поступить и так написать мог только человек с очень большим кругозором и неистребимой верой в людей!

Об исторической ценности записок Градовского можно и не говорить: он нисколько не преувеличивал, когда — сразу на четырех языках — писал: *«Кто заинтересуется этим документом, тот получит богатый материал для истории»*. Вместе с записями других членов «зондеркоммандо» это прямой репортаж из самой глубины фабрики уничтожения — и, тем самым, не что иное, как важнейшее письменное свидетельство о Катастрофе.

Этого письменного свидетельства совершенно достаточно для того, чтобы прекратить все пошлые дебаты о том, «был» или «не был» Холокост⁶⁰. Тем поразительней, что ни в одной из центральных экспозиций Шоа — ни в Иерусалиме, ни в Вашингтоне, ни в Берлине и ни в Париже — фигуре и деяниям Градовского не нашлось не просто заслуженного, а вообще хоть какого-то места!

4

Сколько всего схронов заложил Градовский в аушвицкий грунт, мы не знаем и не узнаем уже никогда.

«Дорогой находчик, ищите везде!..» — зывал к потомкам Залман Градовский. И первый же из находчиков его рукописей в точности знал, где надо искать, — и нашел! Им был Шломо Драгон, бывший узник Аушвица и товарищ Градовского по «зондеркоммандо». 18 января 1945 года, во время массовой эвакуации лагеря («марша смерти») ему удалось уцелеть, бежав из колонны в районе Пшины. В конце января он вернулся в Польшу — сначала в свой родной Журомин под Варшавой, а оттуда — в свой бывший концлагерь, где он находился все время, пока там работала советская ЧГК. 5 марта 1945 года, во время раскопок — в точности там, где их предвидел Градовский! — в одной из ям с пеплом возле крематория IV в Биркенау он и обнаружил схрон Градовского⁶¹.

Раскопки велись в присутствии представителей ЧГК полковника⁶² Попова и эксперта по уголовным делам Н. Герасимова. Попову Ш. Драгон и передал свою находку⁶³ — обернутую резиной алюминиевую немецкую полевую фляжку с широким горлом (по-польски «менажку»). Передача и осмотр фляги были запротоколированы. Протокол же гласит:

«При осмотре установлено:

Фляга алюминиевая широкогорлая, немецкого образца, длиной 18 см, шириной 10 см. Горлышко в диаметре 5 см. Фляга закрыта алюминиевой завинчивающейся крышкой, внутри которой имеется резиновая проклад-

ка. На одном боку фляга имеет вмятину и небольшое отверстие, через которое во фляге виден сверток бумаги.

При открытии фляги через горлышко извлечь содержимое не представляется возможным. С целью извлечения содержимого фляга была рассечена и содержимое извлечено.

При осмотре содержимого выявлено: записная книжка размером 14,5x10 см, в которой на 81 листе имеются записи на еврейском языке. Часть книжки оказалась подмоченной. В книжку вложено письмо на еврейском языке на двух листах. Книжка и письмо завернуты в два чистых листа бумаги. В чем и составлен протокол».

Итак — первая весть от Залмана Градовского! Его записная книжка с вложенным в нее письмом, плотно закатанная в широкогорлую, но все же очень узкую солдатскую флягу, немного поврежденную, вероятнее всего, лопатой самого Ш. Драгона! Текст на идиш, по его же свидетельству, был немедленно переведен бывшим узником Аушвица д-ром Яковом Гордоном⁶⁴.

За чисто медицинские аспекты нацистских преступлений в ЧГК «отвечал» профессор М.И. Авдеев, организовавший в годы войны систему учреждений военной судебно-медицинской экспертизы, которую сам и возглавлял до 1970 года⁶⁵. Он, в свою очередь, позаботился о том, чтобы «менажка» и рукописи попали в Военно-медицинский музей Министерства обороны СССР⁶⁶.

В музее поступление было зарегистрировано под четырьмя отдельными сигнатурами: № 21427 — это процитированный протокол осмотра алюминевой фляги, № 21428 — сама фляга, № 21429 — письмо З. Градовского (рукопись и перевод на русский язык) и № 21430 — записная книжка З. Градовского, 82 листа⁶⁷.

Два последних номера соответствуют двум различным документам, находившимся во фляжке⁶⁸.

Немного о самой книжке. В обложке из черного коленкора, размером 148x108x10 мм, она была исписана синими и черными чернилами. Из ее первоначальных 90 страниц сохранились 82 — остальные были вырваны и, скорее всего, самим Градовским: для того, чтобы легче было затолкнуть ее в тесную фляжку. Большинство листов исписаны только с одной стороны; на страницах с 1-й по 39-ю текст написан на каждой строке, на страницах с 40-й по 73-ю — через строку, а с 74-й по 82-ю — снова на каждой строке. Несколько последних листов (с. 73–79) заполнены с обеих сторон. Каждая страница насчитывает от 20 до 38 строк.

Те же страницы, что сохранились и дошли до нас, изрядно пострадали от пребывания в сырой земле — они сильно подмочены и местами совершенно не читаемы. Прочтению, по оценке переводчицы, поддается лишь около 60% текста, остальное размыто. Наибольшую трудность для расшифровки представляет верхняя часть страниц (от 2 до 17 строк) и самая нижняя строка, а также левый край всех страниц рукописи.

На фоне такой сохранности записной книжки не может не вызывать удивления отличное состояние письма. Вероятнее всего — о чем косвенно свидетельствует и его сам текст — Градовский, опасавшийся за герметичность схрона с записной книжкой, выкопал ее и перезахоронил в обернутой в резину фляжке, вложив в нее и наскоро написанное «Письмо»⁶⁹. К оригиналам были приложены и имевшиеся в наличии переводы.

Надо ли говорить, какое громадное историческое — да и сугубо экспозиционное — значение имели эти предметы и тексты Градовского! Но они пролежали под спудом (точнее, на полках музея) на протяжении почти что 60 (шестидесяти!) лет — без малейшей попытки со стороны руководства музея сдуть с них пыль и открыть миру. Самое первое в СССР упоминание о документе проскользнуло (иначе не скажешь) в 1980 году — в составленном В.П. Грицкевичем каталоге «Воспоминания и дневники в фондах [Военно-медицинского] музея». Сделал он это на свой страх и риск, что потребовало от него известной настойчивости и даже мужества⁷⁰. Но мелькнувшие строчки библиографического описания не остались незамеченными: в музей приезжали сотрудники журнала «Советише геймланд» («Советская родина»), переписавшие среди прочего и записки З. Градовского, но публикация Градовского в журнале, насколько известно, не состоялась.

Впрочем, все эти охранительские хлопоты не помогли. Пролежав месяцы в ашвицкой земле и десятилетия в ленинградских запасниках, текст Градовского еще в начале 1960-х гг. выпорхнул из рук трусливого начальства на свободу и стал известен за границей. Но не на геополитическом Западе, как, например, тексты Пастернака или Мандельштама, а на геополитическом Востоке — в социалистической Польше⁷¹!

Произошло это в конце 1961 или в самом начале 1962 года — и произошло «на воздушных путях», то есть нелегально или полунелегально. Установить подробности пока не удалось, но похоже, что всю ответственность и все риски взял на себя кандидат медицинских наук Антон Адамович Лопатёнок, в 1959–1960 гг. работавший старшим научным сотрудником ЦВММ.

Он родился 20 сентября 1922 года в Ульяновске, где в длительной командировке находилась его семья, в 1924 году переехавшая в Ленинград. По окончании школы в 1940 году Лопатёнок поступил в Военно-Морскую медицинскую академию, которую окончил в 1945 году. Курсантом участвовал в Великой Отечественной войне, имел боевые награды. В 1948 году Лопатёнок окончил Ленинградский филиал Всесоюзного юридического заочного института, получил диплом юриста. С 1951 по 1955 гг. обучался в адъюнктуре при кафедре судебной медицины Военно-медицинской академии, где защитил кандидатскую диссертацию. В 1955–1959 гг. служил врачом на Балтийском и Черноморском флотах. В 1959–1960 гг. — старший научный сотрудник ЦВММ, где участвовал в создании Зала жертв фашизма. В 1961–1969 гг. — в Группе советских войск в Германии — в Потсдаме и Магдебурге, на должности главного судмедэксперта Группы Советских Вооруженных сил в Гер-

мании. По возвращении из ГДР продолжил службу в Военно-медицинской академии в Ленинграде, где возглавлял редакционно-издательский отдел и активно занимался преподавательской и научно-просветительской работой. Службу в армии закончил в звании полковника медицинской службы. Находясь на пенсии, занимался вопросами истории медицины, в конце 1980-х гг. оставаясь научным сотрудником ЦВММ. Умер 9 февраля 2003 года, похоронен на Богословском кладбище в Петербурге⁷².

Был Антон Адамович человеком не только знающим и честным, но и смелым и рискованным. И, натолкнувшись в фондах музея на такое чудо, как рукописи Градовского, он изготовил с них микрофильм и сделал все от него зависящее, чтобы рукопись стала известна тем специалистам, кто был в состоянии ввести ее в научный оборот.

Ближайшие такие специалисты находились в братской Польше, в Еврейском историческом институте в Варшаве. И вот, воспользовавшись встречей, — быть может, и совершенно случайной, — с польским историком-марксистом и доцентом Лодзьского университета Павлом Коржецем, Лопатёнок передал с ним для Еврейского исторического института в Варшаве бесценную копию, а также свою статью о Градовском — вместе с просьбой опубликовать и то, и другое⁷³. Встреча эта произошла в конце 1961 года — и, скорее всего, в ГДР, где Лопатёнок проработал долгие девять лет.

Как и сами схроны зондеркомандовцев, поступок Лопатёнка был еще одной «бутылкой, брошенной в море». Но сам он при этом, вероятно, и не подозревал, насколько одиозен был его «курьер». Академическая карьера не была главной ипостасью Коржеца, главным тогда была служба в польской безопасности, которой он предавался с большим энтузиазмом. Иными словами, ставки в этой «рисковой» для Лопатёнка игре были еще выше, и исход «бросания бутылки в море» мог быть любым. Но ничего страшного, судя по дальнейшей карьере Лопатёнка, не произошло: стало быть, еврейское уже тогда в Коржеце взяло верх над чекистским⁷⁴.

Антон Адамович, наверное, улыбнулся, когда в 2000 году получил письмо из Израиля от своего однокашника Александра Копанева. Тот огорчился, что не сможет приехать в Петербург, чтобы сделать копию «письма Градовского» и фотографию фляги, в которой оно было найдено. При этом он сомневался, разрешит ли начальство получить этот материал, и опасался, не обернется ли возможная публикация неприятностями для самого Антона Лопатёнка⁷⁵. Копанев не знал, что его однокашник — во имя истории и личной чести — решился на это еще 40 лет тому назад!

Между тем «течение» действительно принесло «бутылку» от Лопатёнка в руки профессора Бернарда (Берла) Марка (1908–1966), польского историка и публициста, в 1949–1966 гг. возглавлявшего Еврейский исторический институт в Варшаве. Он был участником подготовительского коллектива «Черной книги»⁷⁶ и первым ученым, кто еще в 1950-е гг. оценил значение и всерьез занялся публикацией, атрибуцией и анализом аушвицких свитков,

находившихся в Польше. И сам Марк, и его вдова, Эстер Марк, впоследствии всегда с благодарностью упоминали А.А. Лопатёнка «за предоставленную им в 1962 году возможность ознакомления с записками и протоколом комиссии Попова и Герасимова»⁷⁷. Из письма Марка Лопатёнку следует, что они не были знакомы даже заочно: второй передавал микрофильм первому не лично, а как бы в возглавляемое Марком учреждение.

Откупорив «бутылку», то есть прочтя рукопись Градовского, Марк уже не мог оторваться от того истинного чуда, что принесло ему «течение». Он весь отдался делу изучения, перевода, а также издания рукописи, и о кажущейся успешности его продвижения в этих направлениях свидетельствуют не только письмо, но и две заметки в выходившей в Варшаве на идише газете «Фольксштимме» («Голос народа») в мае 1962 года. Первая из них (анонимная, но авторство Б. Марка не вызывает ни малейших сомнений) содержала большую часть текста письма⁷⁸, хотя сделанные при этом купюры — однозначно цензурные⁷⁹.

Уже в марте 1962 года работа над переводом текста Градовского на польский была закончена, и на заседании Польского исторического общества в Варшаве Б. Марк прочитал доклад о еврейском Сопротивлении, а также проинформировал собрание о Градовском и его дневнике. Так началось введение текста Градовского в научный оборот.

16 мая 1962 года Б. Марк отправил А.А. Лопатёнку на служебный адрес следующее письмо:

«Уважаемый товарищ!

Несколько дней тому назад я послал Вам письмо без точного адреса. Теперь повторю это письмо и добавлю несколько новых сведений.

Доцент тов. П. Кожец вручил мне несколько месяцев назад Вашу статью и микрофильм дневника Зельмана Гродовского из Освенцима. Моя специальность — рукописи и проблемы гетто и лагерей уничтожения, в особенности движение сопротивления и подпольная литература.

Длительное время я работал над фотокопией и собрал сведения об авторе. В последнее время я закончил работу, прочел все, что можно еще прочесть, и одновременно составил биографию Гродовского. Между прочим, мне удалось найти в Варшаве его шурина.

О Гродовском и его дневнике, который — я в этом глубоко убежден — является одним из лучших документов узников Освенцима, я пишу теперь статью, в которой вспоминаю тоже Вас, как автора первой вступительной статьи.

Теперь есть предложение: я начинаю ходатайствовать в здешних издательствах об издании в двух языках: в оригинальном (еврейском) и польском. Я предлагаю, чтобы Вашу статью поместить в начале этого издания.

Дополнительно сообщая Вам, что известное варшавское марксистское издательство «Ксионжка и Ведза»⁸⁰ готово издать этот дневник.

По упомянутому вопросу прошу Вашего согласия.

С уважением, Проф. Б. Марк (директор Еврейского Исторического Института)»⁸¹.

С упомянутой анонимной заметки в «Фолксштимме», являющейся, возможно, обратным переводом с русского перевода на идиш⁸², и с двух купюр в процитированном полностью письме (в качестве «подарков» от польской цензуры) и повела свой отсчет история публикаций текстов Залмана Градовского.

Отметим, что и русский «дайджест-перевод» Миневич был выполнен в июле 1962 года и, следовательно, начат, скорее всего, в июне или весной. Налицо явный всплеск интереса к рукописи Градовского. Что послужило причиной или поводом для такого всплеска внимания к документу, практически проигнорированному советской стороной на Нюрнбергском процессе и пролежавшему безо всякого движения, изучения или иного употребления около 18 лет, в точности неизвестно. «Реакция» на майскую публикацию в газете «Фольксштимме»? Или, возможно, запрос из Германии в связи с подготовкой первого из четырех так называемых «аушвицких процессов», начавшегося в 1963 году⁸³? А может быть, и внутреннее расследование в музее в связи с поступком А.А. Лопатенка?..

В 1963–1964 гг. Бер Марк работал над совершенствованием своего перевода на польский и комментированием текстов Градовского. По его словам, та часть записной книжки, что поддается прочтению, понимается легко, а сам текст написан на очень хорошем литературном идише. В то же время он отметил в стиле Градовского склонность к германизмам и определенной цветистости⁸⁴. Затем польский востоковед Роман Пытель проверил и заверил перевод Марка и стилистически его отредактировал; он даже сумел прочесть несколько не прочитанных Марком фрагментов.

Впервые текст записных книжек и почти полный текст письма был опубликован на польском языке — в переводе и с предисловием Б. Марка — только в 1969 году, в выпуске «Бюллетеня Еврейского исторического института» в Варшаве за второе полугодие 1969 года.

Но самого Б. Марка к этому времени уже не было в живых, и публикацию к печати готовила его вдова — Эстер Марк. И делала она это, скорее всего, под большим идеологическим нажимом: текст ее публикации, увы, существенно отличался от оригинального перевода, подготовленного мужем. Так, были сделаны изъятия и даже изменения цензурного свойства, но при этом купюры на тексте никак не были обозначены и нигде не сообщалось хотя бы то, что публикуемый текст — неполный.

Лишь после того, как Э. Марк оказалась на Западе, она сумела опубликовать текст Градовского корректно и полностью — сначала, в 1977 году, в оригинале (то есть на идише), а затем и в переводах: в 1978 году — на иврите, в 1982 году — на французском, в 1985 — на английском и в 1997 году — на испанском языках⁸⁵.

Отмеченные дефекты, однако, не были исправлены в публикациях самого Государственного музея «Аушвиц-Биркенау». В 1971 году на польском языке вышел специальный выпуск «Освенцимских тетрадей»,

посвященный извлеченным из пепла рукописям «зондеркоммандо». Текст Залмана Градовского представлен в нем лишь фрагментами, касающимися собственно Аушвица (что имело, прежде всего, цензурный смысл), а внутри публикации вмешательство цензуры было оставлено без изменений.

Этот дефектный текст перекочевал в 1972 году в немецкую версию свода и в 1973 году — в английскую. В 1975 году он был повторен при переиздании свода на польском языке, а в 1996 году — и при переиздании на немецком. Но при этом «иерусалимская» рукопись Градовского из собрания Х. Волнермана, опубликованная в 1977 году, даже не была упомянута, а дефекты в польском переводе «ленинградского» оригинала не исправлены.

Русскому же языку пришлось дожидаться встречи с этим текстом еще долгих четыре с лишним десятка лет⁸⁶.

5

Куда менее ясны обстоятельства, при которых была найдена вторая рукопись Градовского, носящая авторское заглавие «В сердцевине ада» и содержащая его наблюдения и мысли об Аушвице и событиях, происшедших в нем.

Судьба этой рукописи оказалась неотрывной от судьбы Хаима Волнермана — человека, который спас ее для истории.

Саму рукопись, по одной версии, нашел молодой польский крестьянин — один из освенцимских «кладоискателей», имя которого осталось для истории неизвестным, а по другой — столь же безымянный советский офицер⁸⁷. Обе версии сходятся на покупателе: им стал Хаим Волнерман — местный, ушпицинский, то есть освенцимский, еврей, вернувшийся сюда в марте 1945 года.

Он родился 12 декабря 1912 года в семье знатных бобовских хасидов. Отец — Иосиф Симхе, мать — Эстер; поженились они еще во время обучения отца в йешиве. Назвали его в честь прадедушки, Хаима-Цви Купермана, который примерно 40 лет был председателем религиозного суда (бейс дина). После хедера Хаима послали учиться в бобовскую йешиву, и он до конца своих дней оставался пламенным и верным приверженцем Бенциона Халберштама (4-го бобовского реббе). Занятий Торой Хаим не бросал никогда, но из-за экономических трудностей, антисемитизма и с благословения реббе Хаим начал работать прорабом на «Раппортфренк» — знаменитом текстильном заводе Абэла Рапппорта в Билице. Одновременно занимался общественной работой: был одним из основателей филиала «Поалей агудат Исраэль» (религиозной сионистской партии) в Ушпицине-Освенциме и организатором курсов для будущих эмигрантов в Палестину (изучение Торы, истории еврейства, профессиональные навыки в различных областях), а также курсов по оказанию первой медицинской помощи и помощи раненым (что весьма пригодились ему самому

в испытаниях Холокоста: немцы приказали ему организовать медпункты в лагерях, где он был, — Живнице и Бунцлау). В апреле 1941 года, вместе с другими освенцимскими евреями, Волнерман был переселен в Сосновецкое гетто, где чудом сумел уцелеть.

Уцелев, Волнерман вернулся в Ушпицин и пошел в те чудовищные лагеря, что окружали его родной город. Он и представить себе не мог того, что увидел в них, как не мог представить того, насколько глобальным было уничтожение евреев. Первое время он ходил по лагерю в поисках хоть каких-нибудь следов своих близких, но потом понял, что среди бесчисленного числа погибших в Аушвице разыскать следы отдельной семьи просто невозможно.

И тут-то к нему подошел некий гой (по одной версии — поляк, по другой — русский офицер) и предложил купить у него что-то, что тот нашел под крематорием в Биркенау. Это были четыре тетрадки, запечатанные в проржавевшую металлическую емкость (не то банку, не то ящик), каждая тетрадь была испещрена записями на идише убористым почерком. Пролистав рукопись, Волнерман сразу же понял, что держал в руках, и, не торгуясь, купил все тетрадки.

Да, это было поистине потрясающее приобретение! Многие месяцы Хаим посвятил прочтению и переписыванию рукописи. Часть ее было невозможно расшифровать, потому что бумага крошилась в руках от недавней влажности; в части недоставало слов или целых предложений (в таких случаях он помечал: «не хватает»).

Вскоре в одном из лагерей в Нижней Силезии он нашел жену. Они мечтали уехать как можно скорее в Израиль, но получить нужные бумаги сразу после войны было исключительно тяжело: пришлось задержаться. Волнерман занялся торговлей и осел в городке Лауф близ Нюрнберга, где обзавелся пропусками во все союзнические зоны. Затем в Мюнхене он одно время был секретарем главного раввина Германии Шмуэла Або Шнейга.

Все свое свободное время он разбирал записки Градовского и переписывал их на идише в свою тетрадь с разлинованной бумагой с полями — четко и с большими межстрочными интервалами. Расшифровка шла с трудом и заняла много времени. Волнерман даже разгадал одну из загадок рукописи: числа, стоящие в скобках в конце одного из предисловий, — (3) (30) (40) (50) и т.д. — это гематрия (числовое значение) имени автора: Залман Градовский⁸⁸. Дойдя до адреса А. Иоффе, американского дяди Градовского, он написал ему в Нью-Йорк письмо и вскоре получил ответ с фотографиями Градовского. Пожелав показать Иоффе весь текст записок племянника, Волнерман даже отказал Еврейскому музею в Праге, обратившемуся к нему с предложением о приобретении рукописи⁸⁹.

В 1947 году, так и не дождавшись легальных документов, Волнерманы обзавелись фальшивыми — сертификатами возвращающихся в Палестину ее жителей. Они упаковали весь свой багаж в ящики, но в самый последний

вечер, когда Хаим с женой ушли праздновать свой отъезд с друзьями, их обокрали. Они лишились всего: среди украденного был и оригинал дневников Градовского! Чудом уцелели всего лишь пять листов оригинала и полностью — собственноручная копия, снятая Волнерманом с оригинала.

Сразу по прибытии в Палестину Хаим стал работать в больнице Хадасса в Иерусалиме. Жизнь эмигрантская, даже если ты приехал на Сион — на чужбину столь долгожеланную и родную, — исключительно тяжела и требует от новичка всего и сразу. Так что, переехав в Израиль в 1947 году, Волнерман смог снова вернуться к Градовскому только в 1953 году.

Но то, что происходило в дальнейшем с оригиналом рукописи и ее первым изданием в Израиле, иначе как катастрофой не назовешь.

Однажды Волнерман взял все, что у него уцелело, — и оригиналы Градовского, и полную собственноручную копию, — и показал их в Яд Вашеме. Там ему просто не поверили и чуть ли не обвинили в подделке!⁹⁰

И лишь тогда, когда обнаружилась другая рукопись Градовского, ситуация несколько изменилась.

Но неизменным оставалось главное: даже извлеченные из пепла, эти записки еще долго не могли дойти до читателя.

Во-первых, никто не брался за перевод. Все, к кому Волнерман ни обращался (а среди них и Эрих Кулка, и Эли Визель!), говорили, что это решительно невозможно — адекватно передать *такое* на другом языке.

Во-вторых, не находилось и заинтересованного издателя. Даже Яд Вашем, по словам Волнермана, не мог найти денег хотя бы на публикацию.

Верится в это с трудом. Не мог — или не хотел?!

И, по всей видимости, не хотел. Ведь записки совершенно не вписывались в «героическую» концепцию музея! Уж больно покорными и обреченными смерти представляли в них евреи. Да и по отношению ко всем членам «зондеркомmando» тогда еще преобладали лишь черно-белые краски.

Прошло еще двадцать два (!) года, пока, наконец, в 1977 году Волнерман не смог осуществить это издание — сам, на свои средства!⁹¹ Тогда же в 1977 вышла и другая его книга — и тоже изданная за собственный счет: книга памяти местечка Освенчим, над которой он работал всю жизнь. Тиражи обеих привезли одновременно — 10 декабря, а через два дня — в день своего 65-летия и в последний день Хануки — Хаим Волнерман умер!..

Выход *такой* книги остался в Израиле практически незамеченным — ни читателями, ни специалистами. Рецензий на нее не последовало, и никакого влияния на экспозицию Яд Вашема, например, она не оказала.

Сам же Градовский, будучи отныне «введенным в научный оборот», стал изредка появляться во второстепенных для себя контекстах. Так, он фигурировал на выставке «Еврейское творчество во время Холокоста», организованной в 1979 году Йехиелем Шейнтухом, профессором Иерусалимского университета и специалистом по литературе на идише. В каталоге выставки, составленном Шейнтухом вместе с д-ром Иосифом Керми-

шем из Яд Вашема, фигурирует даже небольшое по размеру фото Градовского, сделанное во время одного довоенного писательского банкета⁹².

На протяжении всех этих долгих лет, пока Волнерман и Яд Вашем вели друг с другом безуспешные переговоры, список рукописи Градовского находился во владении семьи Волнермана. Там же, по словам Иосифа Волнермана (сына Х. Волнермана), находится она и сейчас⁹³.

Поскольку ознакомление с самой рукописью оказалось затруднено, источниками текста для нашей публикации послужили микрофильм, сделанный с оригинала тетради Волнермана и хранящийся в архиве Яд Вашема⁹⁴, а также книжное издание на идише 1977 года.

Но потребовалось еще 22 года, пока эти записки Градовского дождались своего перевода на европейские языки⁹⁵. Впрочем, ее служебный — для нужд сотрудников Музея в Освенциме — перевод на польский был сделан еще в конце 1970-х годов, но полностью, по нашим сведениям, он не опубликован и до сих пор.

В марте 1999 года «В сердцевине ада» впервые выходит на немецком языке — в сборнике «Терезинцы: материалы и документы», приуроченном к 55-летию уничтожения семейного лагеря в Аушвице⁹⁶. Увы, и эта публикация была избирательной и частичной. В нее вошла лишь повествующая об этом глава «Чешский транспорт» в прямом переводе с идиша, с примечаниями и предисловием Катерины Чапковой; к публикации была впервые приложена фотография Залмана Градовского и его жены. Первая же и третья части рукописи Градовского («Лунная ночь» и «Расставание») были опущены, а вторая («Чешский транспорт») давалась с множеством купюр, сделанных по критерию их «уместности» в разговоре о сугубо чешском — по местоположению Терезина — транспорте⁹⁷.

Этот провинциальный «патриотизм» явился сквозной и малопривлекательной особенностью первых восточно-европейских публикаций Градовского — точнее, из Градовского. Если публикация готовилась в «терезинском» контексте, то печатался только фрагмент про «семейный лагерь», если же в «аушвицком» — то только про Аушвиц (и даже обозначающие купюры отточия представлялись не всегда). При таком подходе у «Колбасинских» фрагментов вообще не было никакой перспективы на перевод и публикацию!

Просто поразительно, насколько все перечисленные публикаторы были равнодушны к тому чуду, что находилось у них в руках! Даже бросающаяся в глаза художественность, с которой был написан текст Градовского, вызывала у той же К. Чапковой чуть ли не сомнение: а мог ли *такое* и *так* описать в таких условиях какой-то там член «зондеркомmando»?!⁹⁸

Иными словами, повсюду Градовский становился жертвой различных идеологических конструкций, музейных «концепций» и банального провинциализма.

И вот, повторюсь, сухой остаток: ни в одной из крупнейших экспозиций мира, посвященных Шоа, вы и сегодня не найдете его имени!

Первым переводчиком текстов Залмана Градовского на русский язык был врач Яков Абрамович Гордон.

Он родился в Вильно 30 июня 1910 года. В момент нападения Германии на СССР работал врачом в местечке Озеры близ Гродно. 13 июля 1942 года вместе с братом его схватило гестапо и обвинило в помощи партизанам, совершившим накануне успешный налет на Озеры. Братьев зверски избили, но ни признания в соучастии, ни сведений о местах, где скрывались партизаны, от них не добились. Из Озер их доставили в тюрьму Гродно, возили в гестапо на Народомещанскую улицу, но и здесь они не признали обвинения. Наконец, 12 ноября 1942 года их перевели из тюрьмы в лагерь Колбасин, где Гордон встретил своих родителей и где он снова стал работать врачом⁹⁹. После ликвидации лагеря 19 декабря Гордон вернулся в Гродненское гетто пешком вместе с последними 2000 евреев, избежавшими участи большинства. В Гродно он встретил свою жену и детей. Спустя месяц, 19 января 1943 года, началась ликвидация гетто, продлившаяся пять дней. Евреев согнали в синагогу и оттуда снова конвоировали в Колбасин-Лососно — прямо для погрузки в вагоны.

Эшелон с Гордоном и его семьей отправился из Лососно 21 января в 18.00 и уже через сутки с небольшим его встречали ашвицкая рампа, прожекторы, овчарки, палочное битье — одним словом, селекция. Своими глазами он видел, как его жена и дети залезали в грузовик... Сам он, после всех процедур в приемном 22-м и ночи или двух в распределительном 19-м блоках, попал 25 января в 26-й рабочий блок со специализацией на строительстве дорог. Дробление камней кайлом, укладка гравиево-щебневой подушки — это была тяжелейшая физическая работа в сочетании с побоями, недоеданием и антисанитарией. В марте, дойдя до веса в 38 кг и как врач понимая, что долго он так не протянет, Гордон обратился в 12-й блок — лазарет, где рассказал врачу Каролу Ордовскому, что он тоже врач, и попросил о трудоустройстве по профессии. Гордона, уже почти «доходягу», перевели сначала в 22-й (приемный) блок, где он проработал до середины апреля 1943 года, а потом в 3-й («резервный») блок, где находились выздоравливающие узники, выписанные из больницы. Все это происходило в секторе В лагеря Биркенау, но 9 августа 1943 года Гордона перевели в 21-й блок базового лагеря в Ашвице-1, в хирургическое отделение больницы. Здесь ситуация в целом была получше (имелась вода, соблюдалась гигиена и т.д.), но по соседству вместо «зондеркоммандо» оказалось «штрафкоммандо» — 11-й блок с его знаменитой «стеной смерти», где жизнью и смертью заключенных распоряжалось Политическое управление лагеря.

В 21-м блоке Гордон оставался до самого освобождения 27 января 1945 года, сумев избежать и общей эвакуации лагеря, и ликвидации оставшихся. Он входил в состав Комиссии, в тот же день составившей пер-

вый акт о национал-социалистических преступлениях в концлагере Аушвиц. Его имя как врача, свидетельствующего о преступных медицинских экспериментах над узниками Аушвица, упоминается в «Сообщении ЧГК о чудовищных преступлениях германского правительства в Освенциме» от 8 мая 1945 года¹⁰⁰.

Наконец, 5 марта 1945 года не только скрепил своей подписью факт обнаружения Шлоймо Драгоном рукописей Залмана Градовского, написанных на идише, но и с листа перевел на русский язык обе странички его «Письма...»¹⁰¹. Этот перевод более нигде не всплывал, как и сведения о самом докторе Якове Гордоне. Записную книжку он лишь бегло пролистал и пробежал глазами: полный ее перевод, даже самый скорый, потребовал бы куда большего времени.

Казалось бы: какому другому документу, как не рукописям Залмана Градовского, написанным в самом пекле ашвицкого ада и прямо, от первого лица, рассказывающим об этом аде, пристало быть представленным обвинением на процессе в Нюрнберге! И действительно — впечатляющая фотография этой рукописи — с изображением положенных рядом разрубленной фляги с отвинченной крышкой, распрямившейся записной книжки и двух небрежно брошенных на стол листов с «Письмом...» Залмана Градовского — даже побывала в Нюрнберге в составе специального альбома фотодокументов «Освенцим», представленного Нюрнбергскому трибуналу обвинением от СССР¹⁰². Но не как потрясающий и обвиняющий документ, не как текст — «находка для историков», как его аттестовал сам автор, а как, если угодно, археологический артефакт — без малейшего интереса к содержанию написанного. Нет ни малейшего следа того, что текст дневника переводился: скорее всего, его дали на устную экспертизу какому-нибудь носителю языка оригинала. Тот добросовестно пересказал содержание, — и именно «окрашенное националистически» содержание отпугнуло тех, кто принимал в СССР политические решения по Нюрнбергу.

...Вторым по счету переводчиком стал Меер (Меир) Львович Карп (1895–1968) — советский генетик и знаток еврейских языков.

С детства он жил в Киеве, в юности (после революции) побывал в Палестине, а вернувшись, организовывал на Украине детские дома для беспризорных еврейских детей, а потом в еврейской коммуне Войя-Нова в Крыму. С 1930 года он обосновался в Москве, где окончил Тимирязевскую академию, аспирантуру по генетике на биологическом факультете МГУ и защитил кандидатскую диссертацию. После защиты работал в Институте животноводства, а затем в Институте генетики, у Н.И. Вавилова. После ареста Н.И. Вавилова в 1941 году и прихода в институт Т.Д. Лысенко перешел в Институт ботаники АН УССР в Киеве. После войны вернулся в Москву, но в 1948 году, после известной сессии ВАСХНИЛ, лишился работы и переехал в Ленинград, куда был приглашен в Ботани-

ческий институт АН СССР. Главной сферой его научных интересов была генетическая теория селекции, а также практическая селекция кок-сагыза, источника каучука.

В еврейских кругах М. Карп считался знатоком идиша и иврита, одно время даже работал над собственным учебником иврита. В начале февраля 1953 года его арестовали и осудили на 10 лет за изготовление листовки, приветствующей поддержку Советским Союзом создания государства Израиль (и это уже после смерти Сталина и отмены дела врачей!). До 1956 содержался в Тайшете, откуда был освобожден не по реабилитации, а как тяжело больной. Через несколько лет с него сняли судимость, но сам за реабилитацией он обращаться не стал. Последние годы жил под Ленинградом (как нереабилитированный, он не имел права вернуться в город!), а потом под Москвой, где и умер. Похоронен в Москве в могиле родителей на Востряковском кладбище.

Как, когда и при каких обстоятельствах им был выполнен этот перевод, остается загадкой: ни архивисты, ни члены его семьи не располагают об этом никакими данными.

Материалы Градовского были переданы в ЦВММ, предположительно, в 1948 году: заказ учреждением Министерства обороны в этот и последующие годы на перевод с еврейского языка именно Карпу был чем позднее, тем менее возможен. Поэтому наиболее вероятная гипотетическая дата этого перевода — именно 1948 год, когда М.Л. Карп впервые поселился в Ленинграде. Самой поздней и наименее вероятной датой мог бы быть январь 1953 года: ведь в феврале М.Л. Карп был уже арестован.

Третьей была переводчица Миневич, ангажированная самим музеем в 1962 году. О причинах проснувшегося интереса можно только догадываться. Возможно, тут имелась некоторая связь с установлением А.А. Лопатёнком прямых контактов с Б. Марком и Еврейским историческим институтом в Варшаве, а возможно, и в связи с запросами, поступившими в начале 1960-х гг. из ФРГ в ходе подготовки так называемых «Аушвицких процессов». В картотеке ЦВММ эта 16-страничная машинопись, датированная 23 июля 1962 года, обозначена как выполненный ею перевод дневника Градовского на русский язык. На самом деле это некоторый «дайджест» оригинала: относительно точный перевод нескольких первых листов плюс контаминация отдельных фрагментов из середины и конца записной книжки. Текст, по замечанию А. Полян, недостоверен: он полон не только лакун и ошибок, но и домыслов, так что считать его полноценным переводом все же не следует¹⁰³.

Наконец, четвертой переводчицей была Александра Леонидовна Полян, чья работа, выполненная в 2007–2008 годах, впервые увидела свет в 2008 году в журнале «Звезда» (№ 7–9), а затем — в 2010 и 2011 гг. — выходила в книжных изданиях З. Градовского. Перевод осуществлялся ею

с наиболее аутентичных источников — с оригиналов, хранящихся в ЦВММ МО РФ, а также с издания этого текста, выпущенного проф. Б. Марком («Дорога в ад») и по микрофильму с рукописи, хранящемуся в архиве Яд Вашем («В сердцевине ада»).

7

Корпус текстов Градовского открывают записные книжки, названные нами «Дорога в ад». В них описывается депортация из Колбасина в Аушвиц и первые дни пребывания в Аушвице. Едва ли они писались как нормальный дневник или путевые заметки — по дороге и «день за днем». Записи начались уже в лагере, писались явно по памяти, но все говорит за то, что попытки осознать происходящее начались очень рано.

Своеобразным ключом к этим заметкам явилось введение в их ткань риторической фигуры некоего воображаемого друга, которого автор, вызывающийся быть по отношению к нему своего рода «Вергилием», зовет себе в свидетели и попугачики.

«Дорога в ад» открывается посвящением-перечислением всей погибшей семьи Градовского. Последнее сродни зачинам: трижды — перед каждой главой — оно встречается и в следующей части, «В сердцевине ада», играя роль своеобразного рефрена¹⁰⁴.

Далее текст записных книжек делится на две части. В первой описывается переселение семьи автора из Лунно в Колбасин, вплоть до погрузки в вагоны поезда, отправляющегося в Аушвиц. Во второй — описание дороги и самых первых дней пребывания в концлагере. Записки обрываются вскоре после того, как автора зачислили в члены «зондеркомандо»¹⁰⁵.

Второй текст Градовского — «В сердцевине ада»¹⁰⁶ — состоит из трех глав: «Лунная ночь», «Чешский транспорт» и «Расставание»¹⁰⁷. Каждая посвящена явлениям или событиям, потрясшим Градовского. О таком вечном «событии», как луна, еще будет сказано ниже, два же других — это ликвидация 8 марта 1944 года так называемого семейного лагеря чехословацких евреев, прибывших в Аушвиц из Терезина (Терезиенштадта) ровно за полгода до этого, и очередная селекция внутри «зондеркомандо», проведенная 24 февраля 1944 года¹⁰⁸.

На первый взгляд, странно, что среди ключевых событий нет ни одного, относящегося к 1943 году. Как и то, что в число таких событий не попало самое яркое — массовая ликвидация венгерских евреев. Но почему, собственно, странно? Ведь речь идет главным образом о внутренних кульминациях индивидуального восприятия Градовского. И потом: разве у нас на руках полный, завизированный автором корпус всех текстов Градовского?

Все три главы «В сердцевине ада» начинаются практически одинаково — с обращения к «Дорогому читателю»¹⁰⁹ и со скорбного перечисления автором своих близких, уничтоженных немцами (иногда они начинают

ся с упоминания матери, иногда с упоминания жены)¹¹⁰. Дважды повторяется и адрес нью-йоркского дяди Градовского. Это придает каждой главе, с одной стороны, некоторую автономность, а с другой — имеет и литературно-композиционный смысл, ибо исполняет роль как бы рефрена, скрепляющего все части воедино.

Какова хронология создания всех трех текстов? Самый ранний из них — «Дорога в ад» — был написан (или завершен?) спустя 10 месяцев после прибытия Градовского в Аушвиц, то есть в октябре 1943 года. Нет сомнений в том, что тогда же соответствующая записная книжка и была впервые спрятана в земле. Но, скорее всего, Градовскому пришлось ее выкопать и перезахоронить вместе с самым поздним из трех текстов — «Письмом к потомкам», датированным с точностью до дня: 6 сентября 1944 года. Датировке поддается и «В сердце ада», причем выясняется, что первой была написана ее третья глава («Расставание»), посвященная селекции «зондеркомmando»: 15-месячный срок со времени прибытия в Аушвиц указывает на апрель, а 16-месячный, маркирующий главу «Чешский транспорт», — на май 1944 года. Не датированной (и, по-видимому, сознательно не датируемой) остается лишь первая глава — «Лунная ночь», но все же представляется, что она написана позже двух последующих глав, то есть летом 1944 года. Ее зачин стилистически приближается к «Письму из ада». Возможно, «Лунную ночь» Градовский писал в конце августа или в начале сентября 1944 года, когда обдумывал и композицию всей вещи.

Основание для такого предположения, однако, более чем зыбкое — попытка реконструкции фаз душевного состояния Градовского. Он и сам запечатлел тот первый шок, который пережил сразу же по прибытии в лагерьный барак, когда он узнал и, главное, осознал ту горькую правду, что его любимых убили, что их уже нет в живых и что его самого пощадил лишь для того, чтобы заставить ассистировать убийству сотен тысяч других евреев — таких же точно, как он сам и его семья!¹¹¹

В этот момент человек еще не член «зондеркомmando»: он может и сам довершить селекцию, сам отрешиться от жизни и присоединиться к своим близким. Несколько таких случаев известны (люди даже сами бросались в огонь!), но то были единицы — против почти двух тысяч подписавших этот контракт с дьяволом в своей душе.

Что же заставляло большинство так хотеть жить? Ведь мгновенная смерть враз прекращала и сатанинский физический труд, и нравственные мучения, и ответственность?!..

И все-таки верх брали непреодолимое желание жить и почти иррациональная воля (точнее, полуволя-полунадежда) выжить — в результате какого-нибудь чуда, например¹¹². Цена этого выбора была высокой: уровень человеческого в «зондеркомmando» был отрицательным или нулевым. Почти все уцелевшие вспоминали, что они становились бездушными роботами и что без этого автоматизма выжить они бы не смогли¹¹³.

Это заторможенное состояние во многом сродни душевной болезни, — отсюда и некоторые опасения в психической нормальности Градовского, возникавшие в связи с самой ранней из трех глав — «Расставанием»¹¹⁴. Опасения, как нам представляется, в его случае напрасные: интеллектуальным ли усилием, или как-то иначе, но он явно избежал и сумасшествия, и пресловутой стадии «робота», — в противном случае он едва ли смог бы взяться за свои записки.

Поэтому столь интенсивное и столь экспрессивное переживание селекции и, как следствие, неминуемой смерти группы узников из «зондеркоммандо» в главе «Расставание», на первый взгляд, может даже удивить: ведь ежедневно перед Градовским проходят сотни и тысячи еврейских жертв! Их настолько много, что даже самый чувствительный человек, а не робот из «зондеркоммандо», просто не в состоянии воспринять гибель каждого из них обостренно-индивидуально.

Образ семьи занимает в текстах Градовского центральное место: разделение семьи, селекцию, он сравнивает с хирургической операцией. Когда с надеждой на чудо спасения собственной семьи пришлось окончательно распрощаться, те же понятия Градовский перенес на лагерное сообщество, на свое «зондеркоммандо» — отсюда и обращение к товарищам как к братьям и многое другое. Отсюда же и братское покровительство мальчишке-земляку Фреймарку.

Да, они и стали его «семьей», его опорой и некоторой промежуточной инстанцией, примиряющей его собственное «я» с трагедией всего еврейства, истребляемого на его глазах и не без помощи его рук. И пусть это была не семья, а ее суррогат, но чувство ее хотя бы частичной утраты заменило ему переживание смерти настоящих своих близких. И недаром он, не оплакавший, по его же словам, и смерть горячо любимой жены, впервые за все время в Аушвице обнаружил в себе слезы и буквально оплакал другую гибель — еще не наступившую, но неизбежную смерть двух сотен товарищей, с большинством из которых у него наверняка не было и не могло быть никакого осязательного личного контакта!..

Члены «зондеркоммандо», и Градовский в их числе, слишком хорошо представляли себе всю механику смерти. Кроме, может быть, главного ее секрета — момента превращения живого и горячего тела в заледеневший труп. Градовский — единственный, кто пытается как-то передать и это¹¹⁵.

В целом о «нормальности» всех членов «зондеркоммандо» говорить не приходится. Уровень же человечности, — а стало быть, и уровень этой ненормальности, — регулировался каждым самостоятельно. Оказалось, что он напрямую зависел от готовности (не говоря уже о способности) сопротивляться обстоятельствам, в том числе и сопротивляться буквально.

И лучшим лекарством от душевного недуга, несомненно, оказалась сама идея восстания, не говоря уже о счастье его практической подготовки. То, что Градовский оказался в самом узком кругу заговорщиков и руководителей восстания, наилучшим образом сказалось на его психическом самочув-

ствии: уже в «Чешском транспорте», не говоря о «Лунной ночи», перед нами не призрак, тупо уставившийся в открытую печь, а человек, настолько хорошо ориентирующийся и отдающий себе отчет в происходящем, что может позволить себе и «роскошь» чисто художественных задач.

А в «Письме из ада»¹¹⁶ перед нами уже человек и вовсе в состоянии, прямо противоположном состоянию робота. Это человек осознанного и прямого действия, точнее — человек накануне такого действия. Он всецело отдан и предан подготовке восстания, скорым исходом которого он и взволнован и, независимо от исхода, счастлив.

«Письмо...» завершает корпус текстов Градовского. Оно, повторим, написано самым последним из сохранившегося, — 6 сентября 1944 года, то есть всего за месяц до фактического восстания «зондеркоммандо». Оно и писалось как явное послание потомкам, *urbi et orbi* — «городу и миру», — всем-всем-всем на земле.

Начинающееся с описания топографии ям с пеплом и, соответственно, зондеркоммандовских схронов вокруг всех крематориев, оно переходит к призыву искать эти схроны везде, где только можно (призыву, увы, после войны не столько не услышанному, сколько проигнорированному).

8

Интересна проблема подписи и авторского имени под тремя текстами. Под написанным последним «Письмом из ада» Градовский прямо поставил свое имя. «Дорога в ад» и отдельные части «В сердцевине ада», наоборот, анонимны и сверхосторожны, однако не настолько, чтобы читатель, в том числе и потенциальный читатель из лагерного гестапо, не смог бы идентифицировать автора по косвенным признакам. Кроме того, в «Дороге в ад» называются и Колбасин, и Лунно, а также время прибытия в Аушвиц.

В тексте «В сердцевине ада» — произведении вполне законченном — имя автора не проставлено ни на одном из привычных мест — ни в начале, ни в конце. Вместе с тем сама проблематика авторской подписи вовсе не чужда Градовскому: ему явно хотелось бы сохранить в веках и свое имя, и подпись под своими свидетельствами. Поэтому зачин второй главки подписан его инициалами, в другом месте — в конце предисловия к главе «Расставание» — он зашифровал свои инициалы цифрами¹¹⁷, а в зачине к третьей прямо просит идентифицировать себя с помощью нью-йоркского дяди и подписать записки подлинным именем их настоящего автора.

Можно предположить, что такая осторожность была вызвана соображениями конспирации и боязнью того, что записки попадут в руки врагов и могут стоить автору или кому-то еще жизни. Но почему тогда тот же страх не остановил Градовского 6 сентября 1944 года, когда он подписывал свое «Письмо потомкам»? Только ли потому, что восстание («буря», как он называет его в другом месте) могло вспыхнуть в любой момент?..

Думается, что свой вклад в проблему авторского имени у Градовского внесло само жанровое разнообразие его произведений. Если внимательно посмотреть, то понимаешь, что каждое из них написано в особом ключе.

«Дорога в ад» — это, в сущности, реконструированный дневник, пусть и попеременно с литературой; записи делались если и не по ходу действия, то в согласии с реальной последовательностью событий. То, что рельефно выступит в тексте второй части — сила обобщения и художественность, — здесь еще только обозначено (риторическая фигура «Друга», например, доросшая здесь до не менее риторической «Луны»).

В самой второй части («В сердцевине ада») художественность и эпичность сгущаются уже настолько, что заметно теснят событийность и летописность, — это уже настоящая поэзия, отрывающаяся от фактографии как таковой. В ней впервые возникают события, свидетелем которых лично Градовский не был, но о которых слышал от других. Поэтому «В сердцевине ада» представляется нам поэмой в прозе, может быть, неровной и несовершенной, но все же именно поэмой. Она эпична, но эпос ее не дантовский, не драматический, а скорее античный или библейский — по-эскиловски трагический.

А вот «Письмо из ада» — это чистой воды политическое воззвание и памфлет, это письмо потомкам, героический выкрик перед смертью или перед казнью, причем выкрик не только в лицо врагам, но и в лицо союзникам! Этому жанру анонимность уже противопоказана.

9

Впечатляет сама идея создать именно художественное произведение, а не документальное свидетельство¹¹⁸. Уже в «Дороге в ад», а уж тем более в другой вещи — «В сердцевине ада» — Градовский применяет сугубо литературные приемы. Прежде всего, это обращение к читателю как к другу и свободному человеку, приглашение последовать за ним и запечатлеть трагические картины происходящего¹¹⁹.

Этот «читатель» — не просто «лирический герой», это *alter ego* автора. Если автор погибнет (в чем сам он ни на секунду не сомневается), а рукопись сохранится, то вместе с ней уцелеет и «читатель»: он-то и примет от автора эстафету и передаст ее дальше.

Градовский умеет находить точные слова, например, для самого Аушвица как единого целого — «резиденция смерти». Он знает скрепляющую силу стежков-повторов и охотно к ним прибегает. Ему, как правило, удаются анафорические построения (прекрасный пример — зачин поминальной главки «Снова в бараке...» из «Расставания»). Каждая отдельная данность бытия — луна, кровать, барак, бокс (отсек) в бараке — становится у Градовского де-факто персонажем.

Он пытается обобщать не только свой личный опыт (в том числе свои детские воспоминания), но и опыт других людей. Так, будучи сам ко вре-

мени начала войны бездетным, он много пишет о детях, представляя себе их переживания, их доверчивость, трудности их воспитания и т.п. — все то, что он видит вокруг себя или слышит от других. Привлекая воображение и для того, чтобы еще более оттенить ужас происходящего в Аушвице, он моделирует различные жизненные ситуации, прямым свидетелем которых сам он, может, и не был, но мог быть (например, глава «Он и она» в «Чешском транспорте» или образная, почти аллегорическая, характеристика влюбленности в «Лунной ночи»: *«Два сердца плели золотую нить — и изверг безжалостно разорвал ее»*.) Понятно, что такая стилистическая установка Градовского-писателя на практике нередко оборачивается излишней патетикой.

В то же время он не избегает и обличительных, публицистических нот: жестко и беспощадно чеканит он фразы о преступном бездействии союзников или о бытовом антисемитизме части поляков: *«...Мы жили среди поляков, большинство из которых были буквально зоологическими антисемитами. Они только с удовлетворением смотрели, как дьявол, едва войдя в их страну, обратил свою жестокость против нас. С притворным сожалением на лице и с радостью в сердце они выслушивали ужасные душераздирающие сообщения о новых жертвах — сотнях тысяч людей, с которыми самым жестоким образом расправился враг. <...> Огромное множество евреев пыталось смешаться с деревенским или городским польским населением, но всюду им отвечали страшным отказом: нет. Всюду беглецов встречали закрытые двери. Везде перед ними выросла железная стена, они — евреи — оставались одни под открытым небом, — и враг легко мог поймать их. <...> Ты спрашиваешь, почему евреи не подняли восстания. Знаешь, почему? Потому что они не доверяли соседям, которые предали бы их при первой возможности»*.

Вольно нам поправлять Градовского сегодня, когда мы знаем о тысячах поляков — Праведниках мира, спасавших, несмотря на смертельный риск, евреев, но в индивидуальном опыте Градовского — в Лунно, в Колбасине и в Аушвице — такие случаи, по-видимому, не запечатлелись.

Но не щадит он и «своих» — евреев. Так, он был поражен трусостью и предсмертной покорностью мужчин из семейного лагеря. Как «старожиль» Биркенау, те не могли уже питать никаких иллюзий относительно того, что произойдет с ними и с их семьями, но, в отличие от всех остальных, спрыгивавших с подножки поезда прямо в газовню, у них было время, чтобы подготовиться к этому и оказать хоть какое-то сопротивление (судя по всему, того же опасались и эсэсовцы). И хотя он сам же и поясняет те иррациональные механизмы, что парализуют евреев в такие минуты, но он явно разочарован, и примирительности в его тоне нет.

Не щадит он «своих» и из «зондеркоммандо», хотя именует их всех в главе «Расставание» не иначе как «братьями». И здесь — точно такой же «несостоявшийся героизм» евреев, прекрасно понимающих суть происходящей селекции в своих рядах, но расколотых ею надвое¹²⁰: одни были

неспособны перешагнуть через черту личной безопасности, другие — через черту личной обреченности. Это относится и к нему, Залману Градовскому, лично, и он полностью признается в своей слабости и признает свой индивидуальный позор, смыть который смогло бы только восстановление.

Очень интересен эпизод о некоем «покровителе» Колбасинского гетто, — вероятнее всего, его коменданте, — отбирающем у евреев последние ценные вещи. Даже этот грабеж, эта экспроприация материального добра воспринимается евреями по-особому — как некий лучик надежды, который, как знать, еще отзовется по-доброму на их положении. Именно так — не за деньги или миску баланды, а за лучик надежды — евреи трудились на врага и даже верили его словам.

Надежда (и прежде всего — надежда выжить) превращается в некий товар, в обмен на который можно и нужно что-то заплатить; в сочетании с наивностью и доверчивостью к врагам она оборачивается инструментом закабаления евреев и поддержания среди них покорности и дисциплины¹²¹.

10

Между тем история Холокоста знает еще одно художественное произведение, которое можно поставить в один ряд с поэмой Залмана Градовского. Это «Сказание об истребленном народе» Ицхака Каценельсона.

Судьба самого Каценельсона (1896–1944) и его поэмы так же беспримерны. Известный еврейский поэт и драматург из Лодзи, он уже в сентябре 1939 года попадает сначала в лодзинское, а затем в варшавское гетто, где 19 апреля 1943 года участвует в восстании. 20 апреля 1943 года Каценельсон и его сын Цви бегут из гетто, прячутся в арийской части города и с купленными гондурасскими паспортами покидают Варшаву с необычным заданием: написать поэму!.. Они попадают в *Vorzugs-KZ* (концлагерь для привилегированных евреев), размещавшийся в Виттеле в Эльзасе. И где-то между 3 октября 1943 года и 18 января 1944 года Каценельсон поэму создает! Спустя три месяца, 18 апреля 1944 года, отца и сына депортируют сначала в Дранси, а 1 мая 1944 года — в Аушвиц, куда они прибыли 3 мая и где вполне могла состояться «встреча» Каценельсона с Градовским¹²².

Но что же стало с рукописью поэмы? Ее судьба не менее поразительна: сохранились оба ее экземпляра! Первый (оригинал) еще в марте 1944 года был разложен в три бутылки и закопан под деревом в Виттеле. В августе 1944 года Мириам Нович откопала бутылки и передала их Нагану Экку¹²³, который был вместе с Каценельсоном в Виттеле и ехал вместе с ним в Аушвиц, но сумел выпрыгнуть из поезда и спастись. Уже в феврале 1945 года он написал предисловие к книге и начал искать автора — в надежде на то, что и Каценельсон каким-нибудь чудом остался жив. В конце 1945 года, так и не разыскав его, Экк опубликовал поэму в Париже в виде маленькой книжки. У него к этому времени оказался и второй экземпляр поэмы, который он сам переписал зимой 1944 года на папиросной бумаге, купленной на черном

рынке. Стопку листов с поэмой зашили в ручку чемодана, с которым Рут Адлер¹²⁴, вооруженная уже не гондурасским, а английским паспортом, в 1945 году добралась до Палестины, — а с нею и поэма!¹²⁵

Перед Каценельсоном и Градовским стояли в общем-то схожие задачи — выразить в слове всю трагическую невыразимость катастрофы, постигшей евреев.

*Пой вопреки всему, наперекор природе,
Ударь по струнам, пой, сердцами овладей!
Спой песнь последнюю о гибнущем народе, —
Ее безмолвно ждет последний иудей.*

<...>

*Пой, пой в последний раз. От ярости зверя,
Они растопчут все, что создал твой народ,
В последний раз воспой последнего еврея, —
Евреев больше нет, и Бог их не спасет.*

*Пой — вопреки всему! Гляди померкшим взором
В пустые небеса, где прежде был Творец.
Взойди к ним по костям народа, о котором
Лишь ты поведаешь оставшимся, певец.*

<...>

*Кричите, мертвые, зарытые в траншеи,
Кого глодали псы, кто стал добычей рыб;
На весь кричите мир, убитые евреи,
Да оглушит живых немой предсмертный крик.*

*Земля не слышит вас. Небесная гробница
Безмолвна и черна. И солнца тоже нет.
Оно погасло, как фонарь в руке убийцы...
Погас и мой народ, дававший миру свет.¹²⁶*

Горечь от предательского бездействия Бога переходит у Каценельсона не в громогласный упрек, а почти что в Иово богоборчество, в усомнение в самом существовании Того, кто смог все это допустить:

*...Пой! Голос подними!
Пусть Он услышит, если
Там наверху Он есть...¹²⁷*

У Градовского еще больше оснований для подобного выяснения отношений со Всевышним, но, отчаявшись, он не вызывает Его на спор, ибо не связывает с Ним и упований. Если он и ждет спасения, то не сверху, а с востока — от Советов.

Бросается в глаза еще одно важное сходство между двумя поэмами. Девятая песнь «Сказания об истребленном народе» названа «Небесам» и посвящена небесам — она играет у Каценельсона точно такую же роль, что и глава «Лунная ночь» у Градовского¹²⁸. Оба адресуются к небесам, недоумевая, почему те — видя то, что творится внизу — мирятся с этим и не бросают на убийц грома и молнии. Поэт разочаровывается в них («Я верил вам, я верил в вашу святость!..») и, в конце концов, просто отказывается смотреть наверх, на небеса — лживые и бесстыдные. Если евреи — все те же, что и 3000 лет назад, то небеса стали другими: лживыми, бездушными, предательскими. В такие небеса остается только одно — плюнуть. И тут догадка посещает поэта: «нет Бога там, на небе...»! Нет потому, что Он умер, что Он тоже умер, умер, как и Его народ, что и Он — «с гурьбой и гуртом» — тоже убиенная жертва, а с ним погибло и нечто еще более значительное для евреев — идея единобожия!

*О, небеса мои, вы опустели,
Вы — мертвая, бесплодная пустыня.
Единый Бог здесь жил — теперь он умер.
Всевышнего утратил человек.
Наш Бог — один, но людям показалось,
Что мало одного, что лучше трое;
Ни одного на небе не осталось....
Да будет проклят этот гнусный век!¹²⁹*

Эта своеобразная Иова традиция — традиция разочарования и крайнего отчаяния, вплоть до усомнения и богоборчества — восходит еще к поэмам Бялика, автора поэмы о кишиневском погроме: «Небеса, если в вас, в глубине синевы Еще жив старый Бог на престоле...»¹³⁰. Нет больше в небесах и Луны из еврейской традиции, некогда благословенной и благословляющей, подарившей евреям их календарь...

И все же у Градовского Луна — не предательница, а свидетельница, и в вину ей он ставит лишь ту абсолютную бесстрастность, с какою она взирает на все, что творится где-то там, внизу.

11

Итак, Залман Градовский — не только одна из самых героических фигур еврейского Сопротивления, не только летописец, конспиратор и опти-

мист, он еще и литератор! Его «В сердцевине ада» — единственное из всех аналогичных свидетельств членов «зондеркоммандо» — не было ни дневником, ни письмом, ни газетным репортажем «с петлей на шее» из *Anus 'a Mundi*. И хотя не найти в мире места, более неприспособленного для литературных эзерсисов и пестования литературных талантов, чем поздний Аушвиц-Биркенау периода крематориев и газoven, установка самого Градовского была именно литературной!

Он недаром сравнивает место, где ему довелось творить, с преисподней. Ад Градовского, в котором он пребывал и о котором поведал, неизмеримо страшнее дантовского своей вящей реальностью, заурядной обыденностью и голой технологичностью. Но, в отличие от великого флорентийца, Градовскому не довелось вернуться из преисподней живым.

Ни на «вынашивание замысла», ни на «работу с источниками» или над «замечаниями редактора» времени и возможности у Градовского не было. Еще до войны он показывал свои очерки главному писателю в их семье — зятю Довиду Сфарду — и все волновался: что-то он скажет о его писаниях? Тот, наверное, поругивал своего младшего родственника — за неистребимый сплав сентиментальности и пафетики.

Этот сплав присутствует и в публикуемых текстах. Литературным гением, в отличие от Данте, Градовский не был. Но его слово, его стилистика и его образность, изначально сориентированные ни много, ни мало на еврейское духовное творчество, на позднепророческие ламентации в духе Плача Иеремии, посвященного разрушению Храма в 586 году до нашей эры, удивительно точно соответствуют существу и масштабу трагедии. Просто уму непостижимо, как он это почувствовал и как угадал, — но строки Градовского пышут такой уверенностью, что писать надо так и только так. Его поэтическое слово достигает порой поразительной силы и, вопреки всему, красоты!¹³¹

Его записки, в точности так, как и рассчитывал Градовский, были найдены одними из первых почти сразу же после освобождения Аушвиц-Биркенау, и это чудо стало каденцией его беспримерной жизни и смерти. Наконец-то он получил возможность быть услышанным и прочитанным.

В том числе — и на русском языке...

12

Для этого их пришлось «найти» еще раз.

Сначала — с упоминанием о записной книжке Залмана Градовского — в каталоге архива ЦВММ в Санкт-Петербурге.

Знакомство с самим документом, написанным на идише, и его историй иначе как потрясением назвать нельзя. И едва ли не первым движением души — еще до погружения в тему и в соответствующую литературу — стало: это должно звучать и по-русски! И уже в январе 2005 года — года 60-летней годовщины с момента освобождения Освенцима — увидели свет первые на русском языке публикации Залмана Градовского.

То были публикации «Письма потомкам»¹³² — небольшого, но яркого фрагмента в уже существовавшем на тот момент переводе Меера Карпа. Все остальное нуждалось прежде всего в тщательном переводе, как оказалась в нем и вторая — «иерусалимская» — рукопись Градовского, узнав о которой довелось уже из научной литературы. За этот неподъемный труд взялась и в течение двух лет довела его до конца Александра Поляна.

Естественно, что параллельно возникла и другая задача — попытка осмысления того, что же представляют собой тексты Градовского, что значат они для истории и литературы. Каждая новая фаза работы над этим материалом давала только частичные ответы, и каждая ставила новые вопросы, порой еще более трудноразрешимые.

Выходу данной книги предшествовало появление различных ее фрагментов в целом ряде изданий. Изначально, в 2005 году, это было «Письмо потомкам» — в российской и немецкой периодике (московские «Известия» и «Еврейское слово», берлинские «Еврейская газета» и «Jüdische Allgemeine»), позднее вышли и более обширные фрагменты из записок Градовского в сопровождении некоторых аналитических материалов.

Бесспорно, важнейшей явилась публикация всего текста Градовского и значительной части сопровождающих его материалов в трех номерах журнала «Звезда» за 2008 год: июльском, августовском и сентябрьском. По сути, это не что иное, как первая, журнальная, версия книги в целом¹³³. Здесь впервые все дошедшие до нас тексты Залмана Градовского были представлены на русском языке как некая целостность.

В мае 2010 и январе 2011 гг. все тексты Залмана Градовского вышли в издательстве «Гамма-пресс» двумя отдельными книжными изданиями. Первое из них, выпущенное к 65-летию окончания Второй мировой войны¹³⁴, лишь отчасти соответствовало замыслу составителя¹³⁵. Закравшись в журнальную версию и традиционные для советско-российской историографии обозначение описываемых лагерей как Освенцим и Бжезинка исправлены здесь на аутентичные Аушвиц и Биркенау.

Изначальный составительский план был реализован только во втором издании, выпущенном к 27 января 2011 года — годовщине освобождения Аушвица Красной Армией, отмечаемой в большинстве стран мира как День памяти жертв Холокоста¹³⁶. Книгу составили как бы три части. В первую, вводную, вошли заметки «От составителя», «От переводчика» и вступительная статья «И в конце тоже было слово...» (на сей раз аутентичная). Во вторую — главную — тексты самого Градовского с примечаниями. И, наконец, в третью, названную «Приложения», — статьи П. Поляна «Чернорабочие смерти: зондеркомmando в Аушвице-Биркенау», «Уничтоженный крематорий: смысл и цена одного восстания», «История обнаружения, перевода и публикации рукописей, найденных в Аушвице», а также составленная им «Хроника зондеркомmando в Аушвице-Биркенау»¹³⁷. Иллюстративный материал был значительно расширен и собран в специальную вкладку.

По сравнению с публикацией в «Звезде», иною в книгах стала композиция текстов самого Градовского. В журнале первым стоял документ, написанный явно последним, — «Письмо из ада», благодаря чему весь текст окрашивался эмоциональностью и темпераментом этого обращения к потомкам, написанного незадолго до смерти. В книгах же возобладал историко-хронологический подход, сохраненный и в настоящем издании: начиналось все с того, что предшествовало Аушвицу («Дорога в ад»), далее следовали события, происходившие в самом Аушвице-Биркенау («Дорога в ад», «В сердцевине ада»), и, наконец, завершается все «Письмом из ада» — страстным предсмертным призывом — нет, криком! — обращенным к нам, его современникам и потомкам: найти и прочесть записки, понять и сохранить гневную память о том невыносимом, что здесь, в земном аду, творилось.

Призывы к мести Градовский оставил другим. Сам же заканчивает свое «Письмо» словами: *«Пусть будущее вынесет нам приговор на основании моих записок и пусть мир увидит в них хотя бы каплю того страшного трагического света смерти, в котором мы жили».*

Павел Полян

¹ Фонетически правильнее Залмен, но в русской традиции общепринятым является Залман. Полное имя Градовского, по сообщению Й. Эйбшица, было двойным — Хаим-Залман (Yizkor-Book Suwalk. Kahan. NY, 1961. P. 369).

² Обе книги были в Вильно в 1900 г. См.: *Yofe A. Makhaze Avraham. Wilno, 1900; Yofe, E. Even Lev. Wilno, 1900.* В 1962 году в Нью-Йорке вышли репринтные переиздания обеих книг, подготовленные шурином З. Градовского. См.: <http://www.hebrewbooks.org/14761>, <http://www.hebrewbooks.org/14760>

³ Фреймарк, родом тоже из Сувалок, даже называет всех троих братьев (и, вероятно, не вполне незаслуженно) раввинами (*YVA. 03-2270*).

⁴ В частности, на белорусско-литовском его диалекте (*Полян А, 2011. С. 10*).

⁵ И. Выгодский в предисловии к первому изданию «В сердцевине ада» на идише, вышедшем в 1977 г. в Иерусалиме, усматривал в текстах Градовского следы подчеркнутой экспрессивности и стилистической близости с произведениями популярного польского писателя и журналиста начала XX века Стефана Жеромского (1864–1925).

⁶ А. Полян обратила внимание на то, что «... в текстах Градовского отразилось и особое словоупотребление, сложившееся в среде узников. Говоря об отношении лагерного начальства к заключенным, Градовский избегает по отношению к узникам слова «человек», называет их только «номер» или «хефтлинг». Барак может называться словами «барак», «блок» и «кейвер» — «могила»» (*Полян А, 2011. С. 10–11*).

⁷ Д. Сфард в предисловии к первому изданию «В сердцевине ада» на идише называет фамилию Злотеябло (*Zlotejablko*), что является польской калькой с фамилии Апфельгольд. По сведениям Д. Грайфа, Соня Апфельгольд родилась в Макове-Мазовецком (*Greif, 1999. P. 277–278*).

⁸ Этимологически Лунно — слово балтского происхождения, означающее «трясина, низинная местность»; в русском языке не склоняется (в польском склоняется). В настоящее время здесь проживает около 1000 человек, среди них ни одного еврея. О евреях напоминают только

фрагменты кладбища, в 2000-е гг. приведенные в порядок американскими волонтерами, да памятный знак, установленный в начале 2006 г.: «Вечная память 1459 жителям местечка Лунно, безвинно убитых в годы Великой Отечественной войны». Надпись и на идише, так что о еврейском происхождении этих жителей догадаться нетрудно, но прямого указания на это в тексте надписи, как и в старые советские времена, все же нет (см.: Новый час. Минск, 2007, № 4; см. также созданный Р. Маркус сайт: *Было когда-то местечко под названием Лунно*: www.shtetlinks.jewishgen.org/lunna).

⁹ Довид Сфард родился в 1903 или в 1905 г. на Воляни. После советской аннексии Восточной Польши переехал в Москву, где работал в кругах, близких к Коминтерну. После войны вернулся в Польшу, а в 1969 г. переехал в Израиль, где сотрудничал с Яд Вашемом. Умер в Иерусалиме в 1981 г. (см.: *Nalewajko-Kulikov*, 2006).

¹⁰ Помимо тех, кого убили в Аушвице, в семье Градовского погибли также: Циля, жена Д. Сфарда (вместе с сестрой Градовского Фейгеле они в начале войны находились в гетто в Отвоцке, близ Варшавы, обе погибли в Трелинке); отец Градовского Шмуэл (20 июня 1941 года он уехал в Литву повидать двух других своих сыновей — Аврома-Эйвера и Мойше), его схватили в Вильно (где немцы были уже 24 июня), а сыновей — в Шяуляе (26 июня). Их дальнейшая судьба неизвестна, хотя и очевидна.

¹¹ Ни о каких публикациях его литературных опытов не известно.

¹² Гродно сходу взял 8-й корпус 9-й армии и, не останавливаясь, пошел дальше. Территорию же заняла 403-я дивизия охранения тыла под командованием Вольфганга фон Дитфурга, установившая в городе полевую комендатуру № 815 (ВА-МА. RH.26-403). 30 июня 1941 года Гродно посетили Гейдрих и Гиммлер.

¹³ Розенблат Е.С., Еленская И.Э. Лунна // *Холокост на территории СССР*, 2009. С. 543. В литературе встречаются и другие даты (24 и 28 июня).

¹⁴ См. свидетельство Э. Айзеншмита: www.shtetlinks.jewishgen.org/lunna

¹⁵ В это же гетто были перемещены и евреи из близлежащего местечка Вольпа, сильно пострадавшего от июньских бомбардировок (см.: *Berachowicz-Kosowska*, 1948).

¹⁶ Кловский Даниил Давидович (1929, Гродно — 2004, Самара). Вместе с отцом он был депортирован сначала в Штуттгоф, а затем в Аушвиц (№ 171819), был в Бухенвальде. После войны сумел поступить в Ленинградский электротехнический институт связи. Заведующий кафедрой теоретических основ радиотехники и связи Куйбышевского электротехнического института связи (ныне — Поволжская государственная академия телекоммуникаций и информатики), заслуженный деятель науки и техники РФ, профессор. Его книга «Дорога из Гродно» (Самара, 1994) в 2003 г. была переведена на английский язык.

¹⁷ В 1942 г. переименованного в Гартен.

¹⁸ Начиная с сентября 1942 г. бургомистром (амтскомиссаром) Гродно был майор Георг Штайн. Гродненским уездным комиссаром был фон Плетц, а начальником гестапо и его заместителем — оберштурмфюрер СС Хайнц Эррелис и унтерштурмфюрер СС Эрих Рот.

¹⁹ 12-летнему Кловскому стало даже казаться, что он стал меньше ростом.

²⁰ *Кловский*, 1994. С. 26.

²¹ См.: *Кловский*, С. 30–31; *Абкович*, 2002. С. 10–22.

²² Пивоварчик С.М. Гродно // *Холокост на территории СССР*, 2009. С. 241–247. Впрочем, Гиммлеру, посетившему вместе с Гейдрихом Гродно именно в эти дни, такая малопродуктивная деятельность айзаткоммандо показалась преступно «пассивной» (*Klein*, 1997. S. 321). И в самом деле пустыки — по сравнению с самим Белостоком, где Гиммлер побывал 9 июля и где было тогда расстреляно от 1200 до 3000 евреев-мужчин (*Ogorreck*, 1996. S. 122–123).

²³ Одной из последних его жертв стал сам Д. Бравер (по другим сведениям, Бравер совершил самоубийство).

²⁴ Бежать из гетто было практически невозможно, но несколько побегов все же было. Если беглецов ловили, то кончалось все публичной казнью — расстрелом или повешением.

²⁵ *Führer-Erlasse*, 1997. S. 191–194 (No 103, 106).

- ²⁶ Впрочем, об относительности этого «почти» можно составить достаточное представление по статье Е.С. Розенבלата и И.Э. Еленской о Белостокском округе (*Холокост на территории СССР*, 2009. С. 68–70).
- ²⁷ Букв.: «Без евреев» (*нем.*)
- ²⁸ Другое встречающееся название — Лосоно (по ближайшей к лагерю железнодорожной станции).
- ²⁹ Указом президента Белоруссии от 24 апреля 2008 г. Колбасин и железнодорожная станция Лосоно были включены в городскую черту Гродно (www.news.tut.by/society/107808).
- ³⁰ Розенблат Е.С., Еленская И.Э. Округ Белосток // *Холокост на территории СССР*, 2009. С. 68–70.
- ³¹ Шталаг 324.
- ³² См.: *Лагерь советских военнопленных в Беларуси*, 2004. С. 123, со ссылками на: ГАРФ. Ф.Р-7021. Оп.86. Д.34. Л.15–17; Д. 39. Л. 2–6; Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 845. Оп. 1. Д. 6. Л. 48–49, 54–55; Государственный архив Гродненской области. Ф.1029. Оп. 1. Д. 75. Л. 2–33.
- ³³ См.: *Сильванович С.А., Сильванович И.Н.* Холокост в истории Лунно: Лунненская средняя школа им. Героя Советского Союза И. Шеремета, 2008. С. 8 (рукопись). По свидетельству Мордехая Цирульницкого, в тот же день в Колбасин пригнали и евреев из Острина (*Цирульницкий*, 1993. С. 452–453).
- ³⁴ См. свидетельство Э. Айзеншмидта (*Greif*. 1999. S. 236).
- ³⁵ М. Цирульницкого и других евреев из Острина, прибывших в Колбасин в тот же день, что и Градовский, посадили в предыдущий эшелон, отошедший из Лосоно 2 декабря.
- ³⁶ См. свидетельство Э. Айзеншмидта: *Greif*. 1999. S. 238.
- ³⁷ В конце ноября и начале декабря сюда стали поступать евреи и из самого Гродно: накануне отправки в Колбасин партию от обранных евреев обыкновенно собирали в синагоге, где и держали до утра. Оба городских гетто, по мере опустошения и опустения, ликвидировались: сначала второе (в ноябре 1942 года), а за ним и первое (в январе-марте 1943 года).
- ³⁸ Помимо Кловского, об этом же свидетельствует и Я.А. Гордон, сопровождавший эту необычную колонну как врач (см. ниже).
- ³⁹ Мужчины получили номера от 80764 до 80994 (*Czech*, 1989. S. 354). По воспоминаниям Э. Айзеншмидта, получившего первый из этих номеров, селекцию прошли 315 чел., одни мужчины, в том числе его отец и один из братьев (*Greif*. 1999. S. 240). Интересно, что Я.А. Гордон, получивший при регистрации номер 92627, сообщает не о трех, а о четырех селекционных шеренгах во время «обработки» эшелона, с которым он сам прибыл в Аушвиц 22 января 1943 г.: прошедшие селекцию трудоспособные мужчины и трудоспособные женщины составляли *две разные шеренги* (см. его показания от 17.05.1945 — *APMAV*. Dpr.-Hdl1. Process Höss. F.1a. S. 158–176).
- ⁴⁰ По свидетельству Э. Айзеншмидта, в члены «зондеркомmando», из числа их земляков из Лунны, кроме него и Градовского, попали также Нисан Леви, Кальман Фурман, Залман Рохлин и Берл Беккер. Общение в бараке, однако, не сводилось к принципу землячества. Вечерами велись долгие беседы втроем со Шлоймэ Де-Геллером, светловолосым адвокатом из Волковыска, и Лейбом Лангфусом, художавым и длинным магидом из Макова, пытавшимся даже соблюдать кашрут. А на Пасху 1944 г. они даже пекли мацу, раздобыв муку на кухне у советских военнопленных (*Greif*, 1999. S. 276–277).
- ⁴¹ Имеются в виду блоки 9 и 2 сектора Б в Биркенау. Заметим, что внутрилаторный маршрут братьев Драгонов, прибывших на rampу одним днем раньше, чем Градовский, был другим: они попали сначала в карантинный барак № 25 сектора В, там состоялась вторая селекция, после чего братья попали в тот же блок 2, что и Градовский. Перевод «зондеркомmando» в блоки 11 и 13 сектора Д состоялся позднее.
- ⁴² При этом почти сразу их разделили на две, видимо, неравные порции — «зондеркомmando-1» и «зондеркомmando-2» — в зависимости от того, на каком из двух так называемых Бункеров — 1 или 2 — им предстояло работать. В первой, куда попал и Э. Айзеншмидт, было 130–150 чел.

Вместе с четырьмя евреями из Макова-Мазовецкого и еще одним он попал в шестерку грузчиков, которые закидывали трупы на большую вагонетку и катили ее к яме, где их предстояло сжечь. Вагонеток было шесть, и на каждой умещалось от 10 до 15 трупов. Самая страшная работа в этом конвейере, — одев противогазы, извлекать трупы из газовой камеры и подтаскивать их к вагонеткам, — досталась другой шестерке (см.: *Greif*, 1999. S. 240–245).

⁴³ См. об этом выше.

⁴⁴ См. у самого Градовского, в главе «Расставание».

⁴⁵ Об этом свидетельствуют, в частности, Фреймарк (в передаче Б. Марка) и Эйбшиц (*УИА*. М 99/944).

⁴⁶ *УИА*. 03-2270. Отдельная благодарность И. Рабин, отыскавшей этот датированный маем 1962 г. документ и переведшей его на русский язык. В архиве *ZIH* обнаружен только один след этой переписки, а именно запись в журнале исходящей корреспонденции об ответе Б. Марка от 12 июня 1962 г.

⁴⁷ Его имя еще не раз возникнет в этой книге.

⁴⁸ Скорее всего, это Л. Лангфус из Макова.

⁴⁹ Оберкапо до Каминского был немец Август Брюк.

⁵⁰ То есть не мог ничего сделать.

⁵¹ По-видимому, посредством газа «Циклон», но разновидности А, нацеленной на насекомых.

⁵² Аэродром Фоджа в Южной Италии стал базой 15-й воздушной армии США еще в конце 1942 г., а с апреля 1943 г. оттуда начались дальние полеты в Польшу.

⁵³ Большие ворота (*польск.*). Устойчиво употребляется для обозначения въездных сооружений в концлагерях.

⁵⁴ „Die Arbeit macht frei!“ — «Через труд на свободу!» (*нем.*)

⁵⁵ Э. Айзеншмидт сообщает, что зондеркомандовцы, отвечавшие за поддержание огня, старались ночью подбрасывать побольше угля, чтобы пламя было лучше видно с самолетов (см.: *Greif*, 1999. S. 255).

⁵⁶ Например, члены «зондеркомандо» Лейме Филишка и Авром-Берл Сокол (см. их свидетельства от 31.05.1946 в: *ZIH*, Relacje № 301/1868, на идише).

⁵⁷ См.: *Greif*, 1999. S. 167–168.

⁵⁸ См.: *Greif*, 1999. S. 276–279.

⁵⁹ Есть указания и на то, что зондеркомандовцы прятали в пепле также и культовые принадлежности, в том числе и свитки Торы.

⁶⁰ Сами по себе эти «дебаты» во многих странах рассматриваются как преступные. Но не случайно отрицатели Холокоста, оспаривающие чуть ли не любое высказывание о нем, фактически «не замечают» свидетельств Градовского и других зондеркомандовцев. См. об этом подробнее: *Полян П.* Отрицание и геополитика Холокоста // *Отрицание отрицания...*, 2008. С. 21–102.

⁶¹ Ср. с позднейшим интервью, взятым у Ш. Драгона Г. Грайфом: «*Залман Градовский из Гродно распространял различных членов «зондеркомандо», работавших на разных участках, и вел записи о людях, которых отравили газами и сожгли. Эти записи он закапывал возле крематория III. Я откопал эти записи сразу после освобождения и передал их советской комиссии... Комиссия забрала все материалы в Советский Союз. Я знаю, что там лежат еще и другие скранные с дневниками и рукописями погибших. Искать их надо напротив печей крематория. Точное место назвать не могу, так как после взрыва крематория местность изменилась»* (*Greif*, 1999. S. 167).

⁶² По другим сведениям — военного следователя, капитана юстиции.

⁶³ Об этом сообщается в материалах процесса против Хесса, бывшего коменданта концлагеря Аушвиц.

⁶⁴ *Greif*, 1999. S. 167. См. об этом ниже.

⁶⁵ Авдеев Михаил Иванович (1900–1977), главный судебно-медицинский эксперт СССР и начальник Центральной судебно-медицинской лаборатории Центрального военно-медицинского управления Министерства обороны СССР. В годы Великой Отечественной войны принимал активное участие в работе ЧГК.

⁶⁶ Сообщено Валентином Петровичем Грицкевичем, одним из старейших научных сотрудников музея.

⁶⁷ Кроме того, без номеров были зарегистрированы три экземпляра перевода записной книжки объемом в 16 страниц (из них 1-й экз. был отправлен в Москву), а также три катушки пленочных негативов и два 92-страничных комплекта отпечатков с этих негативов.

⁶⁸ Их тексты и составляют первую и третью части настоящего издания.

⁶⁹ Первоначальный схрон был, вероятно, бутылочным.

⁷⁰ Это явствует из его письма к автору от 26 января 2005 г. (в архиве П.М. Поляна).

⁷¹ Впрочем, и первая публикация «Доктора Живаго», — пусть и не всего романа, а лишь его нескольких глав, — состоялась именно в Польше, в журнале «Мнения», вскоре после этого закрытом.

⁷² Справка предоставлена его сыном, С.А. Лопатёнком.

⁷³ Эта статья на сегодняшний день не разыскана. В состав передачи входил, по-видимому, и протокол об обнаружении рукописи Градовского.

⁷⁴ Коржец Павел (1919–2012) — польский и еврейский историк и публицист. Участник восстания в Белостокском гетто 16–17 августа 1943 г. В послевоенные годы — в Лодзи: сотрудник органов безопасности и твердолобый коммунист. Но, после того как в 1968 г. государство публично обвинило его в сионизме, прозрел и эмигрировал в Париж, где много лет занимался историей польского антисемитизма.

⁷⁵ Сообщено С.А. Лопатёнком.

⁷⁶ Для нее он подготовил материал о восстании в Варшавском гетто.

⁷⁷ См.: *Gradowski*, 1969. P. 172–204; *Mark*, 1985. P. 156–158.

⁷⁸ См. Приложение 4 (1962 год).

⁷⁹ См. в 1-й части, в главе «История обнаружения, перевода и издания рукописей, найденных в Аушвице».

⁸⁰ «Книга и знание» (польск.) — название официального партийного издательства в Варшаве. Обсуждаемое издание не состоялось.

⁸¹ *ZIH. Zesp.* 592 / 62 (нам сообщено М. Чайкой).

⁸² На это указывает характерная неточность в этой заметке, на которую обратила внимание И. Рабин: «Гродовский» вместо «Градовский». Точно такая же ошибка имеется и в машинописной копии русского перевода М. Карпа (в самом автографе М. Карпа написано правильно: «Градовский»).

⁸³ «Процесс против Мулки и других» во Франкфурте-на-Майне начался 20 декабря 1963 г., его последнее, 183-е заседание состоялось 19 августа 1965 г. Среди свидетелей на процессе были и советские граждане — Николай Васильев, Александр Лебедев, Андрей Погожев и Павел Стенкин. Там же, во Франкфурте-на-Майне, состоялись две первые большие выставки, посвященные Холокосту и имевшие большой политический резонанс: с конца ноября 1963 г. — посвященная Варшавскому гетто, а с 19 ноября 1964 г. — посвященная Аушвицу-Биркенау (*Auschwitz-Prozess 4Ks2/63...*, 2004).

⁸⁴ *Mark B.*, 1972. S. 75–78.

⁸⁵ См. в Приложении 4.

⁸⁶ Интересно, что самая первая статья о Градовском была написана еще в 1962 г. по-русски — Антоном Лопатёнком — и предполагалась к публикации в польском издании Градовского.

⁸⁷ Именно так представлял дело Иосиф Волнерман, сын Х. Волнермана (со слов И. Рабин, беседовавшей с ним осенью 2008 г.).

- ⁸⁸ Подробнее об этом см. примечания к началу главы «Расставание» в рукописи Залмана Градовского «В сердцевине ада».
- ⁸⁹ Какие-либо следы таких переговоров в этом архиве не обнаружены (сообщено А. Париком).
- ⁹⁰ Во внутреннем архиве Яд Вашема каких-либо следов переговоров или контактов с Волнерманом не обнаружено.
- ⁹¹ Волнерман называет людей, которые помогали ему на разных этапах: Азриэль Карлибах (редактор газеты «Маари»), Довид Флинкер (редактор газеты «Тог-Форвертс») и Йосеф Кармиш, сотрудник Яд Вашема.
- ⁹² *Jewish creativity in the Holocaust*, 1979. P. 32.
- ⁹³ Исключение составляет лишь один из пяти листов оригинала рукописи. Х. Волнерман передал один такой лист в Яд Вашем.
- ⁹⁴ Оригинал был предоставлен Волнерманом для микрофильмирования, состоявшегося 9 мая 1961 г. См.: *УА*. JM/1793.
- ⁹⁵ Особняком стоит история их перевода на русский язык — см. ниже.
- ⁹⁶ То есть массовой ликвидации 8 марта 1944 г. евреев из гетто Терезина, привезенных в Аушвиц в сентябре 1943 г.
- ⁹⁷ Сами купюры, правда, в тексте обозначены.
- ⁹⁸ Отмечая, что в тексте Градовского встречаются неудачные, а также трудночитаемые пассажи, она их ему, начинающему писателю, великодушно прощает: ах, ведь у него не было достаточно времени для художественной обработки! (*Саркова*, 1999) Главное для нее — это непреходящее значение текста как документального свидетельства, отсюда и ее неленный упрек: вместо того, чтобы сосредоточиться на фиксации происходящего, он, видите ли, позволяя себе художественно домысливать факты, которым не был свидетелем (например, то, что происходило в бараках накануне уничтожения)! К тому же она не нашла ничего лучшего, как защищать «своих» терезинцев от «нападок» Градовского, ожидавшего, что терезинцы, поняв, что их ждет, обязательно восстанут! (Другой их «защитник» — Мирослав Карный с такими примерно тезисами: как могли терезинцы положиться на «зондеркоммандо», если они ничего друг о друге не знали? И почему это члены «зондеркоммандо» сами не поднимали восстание, а только ожидали этого от других?) Обо всем этом можно и размышлять, и рассуждать, но разве можно проти́в этого «протестовать»?
- ⁹⁹ О Я. Гордоне в Колбасине вспоминал М. Цирульницкий, добавляя, что встретился с ним и в Аушвице, где тот входил в активисты Спротивления (*Цирульницкий*, 1993. С. 452–453).
- ¹⁰⁰ Красная звезда. 1945. 8 мая. 6 июня 1945 г. года это «Сообщение...» было опубликовано в Москве отдельной брошюрой и в том же году переиздано еще раз — в Ульяновске.
- ¹⁰¹ См. протокол свидетельства Я. Гордона от 17–18 мая 1945 г. (*АРМАВ*. Process Höss. F.1a. S. 158–176).
- ¹⁰² См.: *ГАРФ*. Ф. Р-7445. Оп. 2. Д.413. Л.40.
- ¹⁰³ См.: *Полян А.*, 2011. С. 9.
- ¹⁰⁴ Возможно, эти рефрены писались позднее текстов глав и одновременно — или хотя бы незадолго до него — «Письма...». Для проверки этой гипотезы необходим доступ к оригиналу рукописи (важно было бы проанализировать бумажные носители, чернила, почерк), но такой возможностью мы, увы, не располагали.
- ¹⁰⁵ Последняя страница записной книжки обрывается на фразе «Только недавно я...», — иными словами, текст, возможно, не завершен.
- ¹⁰⁶ Другой обсуждавшийся на стадии подготовки вариант заглавия — «Посреди преисподней».
- ¹⁰⁷ Две последние главы разбиты автором и на внутренние главки, снабженные авторскими же названиями. Но в «Лунной ночи», не говоря о «Дороге в ад», такого членения нет. Тем не менее принцип внутренней структуризации выдержан — в данном случае составителем, — и в них отдельные смысловые блоки разделены друг от друга спусками.
- ¹⁰⁸ Обращает на себя внимание следующий — и, вероятно, не преднамеренный — параллелизм

композиции «Дороги в ад» и «В сердцевине ада»: в обоих случаях их завершающим элементом является рассказ о селекции.

¹⁰⁹ Формально первое предисловие обособлено и играет, тем самым, роль предисловия ко всему тексту. Но для того, чтобы действительно им являться, оно слишком мало отличается от двух других.

¹¹⁰ Это имеет еще и сугубо практический смысл: автор не знал, какую из рукописей и куда он закопает, какая из них сохранится, и оттого время от времени он перемежал изложение такими «визитными карточками».

¹¹¹ Такой же шок пережил и Залман Левенталь (см.).

¹¹² И действительно, около ста человек из «зондеркомандо» уцелели! Для них эта надежда сбылась!

¹¹³ Эта бесчувственность, согласно Краузу и Кулке, имела и внешнюю форму проявления, а именно черты особой жесткости в выражении лица (*Kraus, Kulka*, 1991. S. 201).

¹¹⁴ См., например: *Полян А.*, 2011. С. 10.

¹¹⁵ Этим наблюдением я обязан И. Рабин.

¹¹⁶ Заглавие дано составителям. Другой вариант заглавия, попавший и в публикации, — «Письмо потомкам».

¹¹⁷ Так называемая гематрия (см. выше).

¹¹⁸ При первой и малейшей возможности обитатели ада, как и в своей земной жизни, писали стихи, рисовали картины и, как однажды в Терезине, создавали оперы! Иногда творческое начало в человеке проявлялось впервые именно «в аду». Но, как заметила А. Шманна-Великанова, всегда в таких случаях творчество оказывалось насущным и востребованным, приобретало как для творца, так и для читателей, слушателей или зрителей статус молитвы.

¹¹⁹ К аналогичным приемам относятся и многократные повторы вводных фраз (например, «Кто знает...»).

¹²⁰ Здесь, как и в «Чешском транспорте», снова появляется дихотомия «мы» — «они», только носит она теперь внутриеврейский характер.

¹²¹ Ср. у Тадеуша Боровского: *«Не от рук нацистов, а от надежды мы все погибли. Надежда — наш Циклон Б»* (Т. Боровский. Прощание с Марией. М., 1989).

¹²² Косвенным подтверждением того, что такая встреча действительно состоялась, является рассказ Лангфуса о французском раввине, прибывшем из Виттеля.

¹²³ Впоследствии историк, сотрудник Яд Вашем, в 1960-е гг. — редактор издания «Известия Яд Вашем».

¹²⁴ Рут Адлер (1919–?), немецкая еврейка из Дрездена, с 1935 года жила в Палестине. Начало войны застало ее у родителей в Париже: родителей и младшую сестру отправили в Аушвиц, а саму Р. Адлер интернировали и содержали в лагерях Безансон и Виттель, где она и познакомилась с И. Каценельсоном. Став частью одной из обменных акций между воюющими сторонами (гражданские лица, главным образом евреи, в обмен на немецких военнопленных), она сумела тайно вывезти и сохранить часть архива поэта.

¹²⁵ Обе рукописи — и «бутылочная», и «чемоданная» — в настоящее время хранятся в Музее воинов Варшавского гетто, что в кибуце Лохамей Хагетаот (*Lochamej Hagetaot*) на севере Израиля.

¹²⁶ *Каценельсон*, 2000. С. 17, 19, 21.

¹²⁷ *Каценельсон*, 2000. С. 17.

¹²⁸ Кстати, луна есть и у Каценельсона, но это всего лишь часть небес, причем специфическая: он попросту называет ее лицемеркой и даже проституткой, выходящей ночью на панель.

¹²⁹ *Каценельсон*, 2000. С. 111.

¹³⁰ На это указывает Е.Г. Эткинд, переводчик Каценельсона, в своем предисловии к русскому ее изданию (*Каценельсон*, 2000. С. 12).

¹³¹ Образцом иного писательского творчества могут послужить записки другого члена «зондеркоммандо» — Залмана Левенталя, имеющие с записками Градовского очень много общего (восходящая к гетто экспозиция, шок от осознания того, что происходит в Аушвице с евреями, и от собственной роли в этом и многое другое), но отличающиеся от последних своими подчеркнутыми приземленностью и фактографичностью, вплоть до названия — вопреки конспирации — десятков подлинных имен.

¹³² В настоящем издании ему соответствует «Письмо из ада».

¹³³ Небольшой фрагмент из части «В сердцевине ада» вышел в берлинской «Еврейской газете» (2009, июнь, С. 21).

¹³⁴ Оно вышло в двух модификациях — в картонной коробке и без нее. Дизайн — Д. Аникеева.

¹³⁵ Кроме текстов самого Градовского, подвергшихся — по сравнению с журнальной версией — дополнительному стилистическому редактированию, в него вошли вступительная статья («И в конце было слово» П. Поляна — увы, в не согласованной с автором редакторской версии), комментарий к тексту (П. Полян и А. Полян), заметки «От составителя» (П. Полян), «От переводчика» (А. Полян), «От издателя» (М. Зильберквит) и — также вопреки воле составителя — «О Военно-медицинском музее Министерства обороны РФ» (А. Будко).

¹³⁶ Осенью 2011 года это издание было номинировано на звание «Книга года».

¹³⁷ Эти статьи легли в основу соответствующих глав настоящего издания, где они заново пересмотрены и основательно переработаны.

ЗАЛМАН ГРАДОВСКИЙ

В СЕРДЦЕВИНЕ АДА

<ДОРОГА В АД>

Zainteresujcie się tym dokumentem, który zawiera bogaty materiał dla historyka

*Заинтересуйтесь этим документом, ибо он вмещает в себя
богатый материал для историка*

*Interessez vous de ce document parce qu'il contient un matériel très important
pour l'historien*

*Interessieren Sie sich an diesem Dokument, der sehr wichtiges Material
für den Historiker enthält!*

Посвящается моей семье, сожженной в Биркенау (Аушвице).

Моей жене Соне

Моей матери Сорэ

Моей сестре Эстер-Рохл

Моей [сестре] Либэ

Моему тестю Рефоэлу

Моему шуринау Волфу.

Иди сюда, ко мне, человек из свободного мира — мира без оград, — и я расскажу тебе, как [...] был обнесен забором и закован в цепи.

Иди сюда, ко мне, счастливый гражданин мира, живущий там, где еще есть счастье, радость и наслаждение, — и я расскажу тебе, как современные преступники и подлецы превратили счастье одного народа в горе, радость — в вечное несчастье, наслаждениям положили конец.

Иди сюда, ко мне, свободный гражданин мира! Твою жизнью правит человеческая мораль, твое существование защищает закон. Я же расскажу тебе, как новые варвары, подлые изверги искоренили мораль и уничтожили законы существования.

Иди сюда, ко мне, свободный гражданин мира! Твоя земля отгорожена от нас новой китайской стеной — и дьяволам не достать вас. Я же расскажу тебе, как они завлекли в свои адские объятия целый народ, кровожадно вонзили свои страшные когти в его шею и задушили его.

Иди сюда, ко мне, свободный человек, имевший счастье не столкнуться лицом к лицу с властью их стальных пушек! Я расскажу тебе и покажу, как и какими средствами они погубили миллионы людей из народа, давно известного своей мученической судьбой.

Иди сюда, ко мне, свободный человек, имевший счастье не оказаться под властью этих ужасных культурных двуногих зверей! Я расскажу тебе, какими утонченными садистскими методами они погубили миллионы сы-

нов и дочерей одинокого беззащитного народа, ни от кого не получившего помощи, — народа Израиля.

Иди и смотри, как культурный народ по какому-то дьявольскому закону, родившемуся в голове самого главного негодяя, превратился в массу подлейших преступников и садистов, каких свет не выдывал до сих пор.

Иди [...]

Иди сейчас, пока уничтожение еще идет полным ходом.

Иди сейчас, пока нас с остервенением истребляют.

Иди сейчас, пока ангел смерти упивается своим могуществом.

Иди сейчас, пока в печах еще пылает огонь.

Приходи, встань, не жди, пока потоп минует, тьма рассеется и солнце засияет, — иначе ты застынешь в изумлении, не веря своим глазам. Кто знает, не исчезнут ли вместе с потопом и те, кто мог бы быть живыми его свидетелями и мог бы рассказать тебе правду?

Кто знает, доживут ли до рассвета свидетели этой кошмарной темной ночи? А ты наверняка подумаешь, что в этой страшной катастрофе виноваты канонады, что истребление, постигшее наш народ, принесла война. Ты наверняка подумаешь, что огромное смертоносное бедствие, постигшее наш народ, произошло вследствие какого-то природного события, что вдруг разверзлась земля — и какая-то сверхъестественная сила собрала евреев отовсюду, и бездна поглотила их.

Ты не поверишь, что такое кровавое истребление могло быть задумано людьми — хотя они уже и превратились в диких зверей.

Иди со мной — с одиноким оставшимся в живых сыном еврейского народа, которого выгнали из дома, который вместе с семьей, вместе с друзьями и знакомыми нашел временное пристанище в земляных бараках, а оттуда был направлен якобы в трудовой концентрационный лагерь, — а оказался внутри огромного еврейского кладбища, где меня заставили стать сторожем у ворот ада, через которые прошли миллионы евреев со всей Европы.

Я был с евреями, когда они стояли на рампе. Я делил с ними последние минуты, и они открывали мне свои последние тайны [...] Я сопровождал их до последнего шага: после этого они попадали в объятия ангела смерти и навсегда исчезали из этого мира. Они рассказывали мне обо всем: о том, как их выгнали из дома, о том, какие мучения им довелось пережить, прежде чем они оказались здесь и их принесли в жертву Дьяволу.

Иди сюда, мой друг. Встань, выйди из своего надежного теплого дома, исполнись мужества и смелости — и пройди со мной по европейскому континенту, где дьявол установил свое владычество. Я предоставлю конкретные факты и расскажу тебе, как высокая цивилизованная раса истребила слабый беззащитный народ Израиля, не повинный ни в каких злодеяниях.

Не ужасайся этому большому страшному пути. Не ужасайся тем жутким картинам, тем зверствам, которые тебе придется увидеть. Не бойся — и я покажу тебе все по порядку. Ты не сможешь оторвать глаз от того, что увидишь, сердце твое захолонет, уши перестанут слышать.

Возьми с собой вещи, — которые бы тебя согрели в мороз, защищали бы от жары, возьми еду и питье, чтобы утолить голод и жажду, ведь нам придется проводить ночи в пустынных полях и провожать моих несчастных братьев в последний путь, на марш смерти, идти дни и ночи, страдая от жажды и голода, скитаться по долгим дорогам Европы, по которым современные варвары гонят миллионы евреев к ужасной цели — к алтарю, на котором их принесут в жертву.

Дорогой друг, ты уже готов к нашему путешествию. Но у меня есть одно условие.

Расстанься с женой и детьми, потому что, увидев эти страшные сцены, они больше не захотят жить на свете, где Дьявол может творить такое.

Расстанься с друзьями и знакомыми: ты столкнешься с невообразимым садизмом и жестокостью, твое имя будет стерто из человеческой памяти, из человеческой семьи — и ты проклянешь тот день, когда появился на свет.

Скажи им — жене и детям, что если ты не вернешься из этого путешествия, то это потому, что твое человеческое сердце оказалось слишком слабым, чтобы вынести груз этих страшных деяний, свидетелем которых тебе доведется быть.

Скажи своим друзьям и приятелям, что если ты не вернешься, то это потому, что кровь у тебя застыла в жилах, когда ты стал свидетелем этих сцен садизма, когда увидел, как погибают невинные беззащитные дети моего беспомощного народа.

Скажи им, что даже если твое сердце отвердеет, если твой мозг превратится в холодный думающий механизм, а глаза будут способны только фотографически фиксировать происходящее, — то и тогда ты не вернешься к ним. Пусть они ищут тебя где-нибудь в дремучих лесах: ты убежишь от мира, населенного людьми, будешь искать утешения среди диких зверей — только чтобы не оказаться среди культурных дьяволов. Потому что даже зверю культура ограничивает свободу: когти его становятся не такими острыми, а сам он — не таким жестоким. Человек — наоборот: когда он превращается в зверя, то чем он культурнее, тем более жестоким он становится, чем цивилизованнее, тем больше в нем варварства, чем он умнее, тем ужаснее его поступки.

Иди со мной. Мы поднимемся ввысь на крыльях стального орла и полетим над страшным европейским горизонтом, откуда мы сможем все наблюдать через бинокль и повсюду проникать взором.

Запасись мужеством, потому что ничего ужаснее тебе видеть не придется.

Будь сильным, заглуши в себе все чувства, забудь жену и детей, друзей и приятелей, забудь тот мир, откуда ты пришел. Представь себе, что ты видишь не людей, а отвратительных зверей, которых необходимо уничтожить, — иначе жизнь будет невозможна.

Не пугайся, когда в сырых бараках ты найдешь живых еще детей: ты увидишь их и в куда более страшном состоянии.

Не пугайся, когда морозной ночью увидишь огромную толпу евреев, которых выгнали из бараков и теперь ведут неизвестно куда.

Пусть не дрогнет твое сердце, когда ты услышишь плач детей, крики женщин и стоны старых и больных: то, что тебе предстоит увидеть и услышать, еще более страшно.

Не пугайся, когда евреев куда-то погонят на рассвете, не ужасайся, когда увидишь, что на дороге лежат тела старых родителей, пятна крови возле тел тех больных, которые не перенесли тяжелой дороги.

Не думай о тех, кто уже ушел из жизни. Но вздохни о тех, кто еще остается в живых.

Не ужасайся, когда увидишь, как евреев загоняют в вагоны, — как будто загружают инвентарь, — в такой тесноте, что становится нечем дышать. Но везут их в другое, еще более страшное место.

Теперь, друг мой, когда я дал тебе указания, теперь мы с тобой сможем совершить полет над одним из бесчисленных польских лагерей, в которых заключены евреи из Польши и других стран, которые [...] были отправлены сюда, откуда нет обратного пути, потому что сама вечность установила тут свои границы.

Подойди, мой друг, мы сейчас спустимся над лагерем, где я и моя семья, как и десятки тысяч других евреев, провели некоторое время. Я тебе расскажу, что они делали в эти страшные минуты — пока не отправились к своему последнему пункту назначения.

Прислушайся, мой друг, к тому, что здесь происходит.

В лагере паника: на сегодня назначена высылка людей из нескольких местечек сразу. Все напуганы: и те, кто должен уезжать, и те, чья очередь может подойти завтра, — понятно, что начальство в срочном порядке ликвидирует лагерь. И вот приходят такие вести: из города тоже регулярно отправляются транспорты, и все делается с той же жестокостью, что и тут: жандармы перекрывают несколько улиц, ходят по домам, выводят молодых и старых, больных и слабых — как если бы они были самыми опасными преступниками, и всех сгоняют в большую синагогу, а оттуда под усиленным конвоем отправляют к поезду, где для них уже подготовлены товарные вагоны — для перевозки скота. Их загоняют туда, как мерзких тварей, люди набиваются так тесно, что с самого начала им не хватает воздуха. Когда они видят, что давка уже невыносима, что люди висят в воздухе, — тогда двери закрываются и закладываются металлическими засовами, и вагоны под конвоем отправляются в неизвестном направлении — к тому месту, которое для всех евреев должно служить местом сбора и местом работ. Тех, кто пытается спрятаться или кого подозревают в желании уклониться от работы или бежать, расстреливают на месте. На пороге большой гродненской синагоги — кровь десятков молодых людей, которых заподозрили в том, что они понимают, что с ними собираются сделать, и хотят избежать этой участи — первыми взойти на жертвенник.

Когда власть имущие — эти отъявленные негодяи, подлые преступники — увидели, что система отправки людей прямо из города на поезд может им в будущем доставить серьезные трудности, потому что есть определенный риск, что соберутся группы отчаянных молодых людей, не связанных семейной ответственностью, которые смогут оказать сопротивление или уйти в леса, чтобы спрятаться там среди диких зверей — лишь бы не оказаться среди *них*, или углубятся в чащобы, где прячутся отдельные группки героических бойцов, которые жертвуют своей жизнью ради свободы и счастья для всех. Они помешают узурпаторам в борьбе за власть и могущество. А те, чтобы избежать всего этого, чтобы их разбойничий план был надежнее, прибегли к другим рафинированным средствам, задача которых — оглушить, затуманить сознание. Они распустили слух о том, что конечным пунктом сбора для евреев из Гродно будет лагерь в глубинке, который сейчас для нас как раз готовят. Этим опиумом иллюзий были опьянены даже те, кому удалось сохранить интуицию, реальные представления о происходящем и о будущем, кто был бы готов к борьбе и сопротивлению.

И вот концентрация гродненских евреев в лагере началась.

Иди сюда, друг мой. Сегодня должны подать «наш» транспорт. Давай выйдем на дорогу, которая ведет к лагерю. Подойди, встанем в сторонку, чтобы лучше видно было страшную картину. Видишь, друг, там, вдалеке, на белой дороге лежат черные люди — целая толпа — и почти не двигаются, их окружают черные тени — какие-то люди к ним периодически наклоняются и бьют по голове. Кто это — скот, который куда-то гонят, или люди, которые почему-то стали вдвое ниже? Непонятно. Посмотри, они приближаются к нам. Это тысячи, тысячи евреев, молодых и старых, которые сейчас на пути к своему новому дому. Они не идут, а ползут на четвереньках — так приказал молодой бандит, в чьих руках сейчас их судьба и жизнь.

Он хотел посмотреть своими глазами на эту страшную картину — как огромная толпа людей превращается в стадо животных. Он хотел наполнить свое разбойничье сердце наслаждением от человеческих страданий и боли. Видишь, как после большого участка пути они встают, как опьяненные, — измученные, разбитые — и по команде поют и танцуют, чтобы повеселить своих конвоиров.

Он, этот подлый разбойник, и его помощники уже в начале этой операции принесли души в жертву своему арийскому божеству, теперь они превратили жертв в несчастные живые машины, лишённые своей воли, своих стремлений, готовые делать только то, что им приказывают их мучители. Единственное, чего они еще хотят, единственное чувство, которое у них еще осталось, — это желание, чтобы им оставили надежду, тлеющую глубоко в сердце, надежду на то, что в ближайшем будущем они снова обретут свое «я», что в них вдохнут новую душу.

Посмотри, друг мой: они, как окаменелые, застывшие, идут в ряд. Не слышно ни криков, ни детского плача. Знаешь ли, почему? Потому что за каждый крик бьют и ребенка, и мать. Таков приказ, так хотят эти молодые бестии, в которых разыгрались звериные инстинкты, — и потому они теперь ищут себе жертв, хотят напоить свои ненасытные разбойничьи души горячей еврейской кровью. Толпа должна приспособиться к этим страшным приказанием — иначе их тела будут валяться, как падаль, на дороге, в потоках крови, и никто не сможет их даже похоронить.

Смотри, друг, как матери прижимают своих детей к груди, чтобы заглушить их плач. Они оборачивают им головки своими платками — чтобы никто не слышал крика замерзших младенцев. Видишь, один еврей ударяет другого по руке — подает знак, что нужно молчать. Будьте спокойны, помните, не теряйте жизни раньше времени. Вот так, мой друг, выглядит путь тысяч евреев, которых гонят во временный концентрационный лагерь.

А теперь посмотри, друг [...] получилось теперь. Посмотри [...] тысячи и тысячи евреев, которые еще вчера были «нужными», пользовались привилегиями за свою важную работу, сейчас превратились в душевно сломленных и физически истощенных бродяг, которые не знают, куда загонит их Дьявол, и чье единственное желание — как можно скорее добраться до какого-нибудь барака, чтобы дать мешку костей отдых.

Друг мой, страшное известие получили мы сегодня: я и моя семья, друзья и знакомые, и еще тысячи евреев должны собираться в путь. Черные мысли обуревают нас: куда нас поведут? Что принесет нам утро? Ужасное предчувствие не дает нам покоя, потому что поведение власти никак не соответствует той цели, о которой нам объявили: если бы мы были нужны на каких-то работах, то почему нас хотят так быстро истощить, обескровить, превратить еврейские мускулы в руки, опущенные в бессилии? Почему ликвидируются важные рабочие участки, где, кроме нас, некому работать? Почему местные государственные работы теперь считаются не столь важными и рабочие места можно уничтожить? Почему ожидание концентрации теперь важнее, чем жизнь?

Видимо, это уловка проклятых подлых преступников, которые пытаются дать нам [...] хлороформ в виде обещаний предоставить работу, чтобы можно было проще и с меньшим риском провести операцию по нашему уничтожению. Вот такие мысли сейчас одолевают тех, кто собирается в дорогу.

Я вижу, друг мой, что ты хочешь меня о чем-то спросить. Я знаю, чего ты никак не можешь понять, — почему, почему мы позволили себя довести до такого состояния, почему мы не могли найти себе лучшего места — места, где наша жизнь была бы вне опасности. На это я дам тебе исчерпывающий ответ [...]

Есть три момента, облегчившие Дьяволу его задачу — триумфальное уничтожение нашего народа. Один момент общий и два частных. Общее сооб-

ражение заключается в том, что мы жили среди поляков, которые в большинстве своем были буквально зоологическими антисемитами. Они только радовались, когда смотрели, как Дьявол, едва войдя в их страну, обратил свою жестокость против нас. С притворным сожалением на лице, но с радостью в сердце они выслушивали ужасные душераздирающие сообщения о новых жертвах — сотнях тысяч людей, с которыми самым жестоким образом расправился враг. Возможно, они радовались тому, что народ разбойников пришел и сделал за них работу, к которой они сами еще не способны, поскольку в них все еще есть зерно человеческой морали. Единственным, чего они определенно — и не зря — боялись, было соображение, что когда борьба с евреями закончится, когда то, что они своей жестокостью и своим варварством начертали на щите, обесмыслится, чудовищу придется искать свежую жертву, чтобы утолить свои звериные инстинкты. Они действительно боялись, и проявления этого страха были заметны. Огромное множество евреев пыталось смешаться с деревенским или городским польским населением, но всюду им отвечали страшным отказом: нет. Всюду беглецов встречали закрытые двери. Везде перед ними вырастала железная стена, они — евреи — оставались одни под открытым небом, — и враг легко мог поймать их.

Ты спрашиваешь, почему евреи не подняли восстания.

И знаешь почему? Потому что они не доверяли соседям, которые предали бы их при первой возможности. Не было никого, кто бы мог оказать серьезную помощь, а в решительные моменты — взять на себя ответственность за восстание, за борьбу. Страх попасть прямо в руки врага ослаблял волю к борьбе и лишал евреев мужества.

Посмотри, друг мой [...] что [...]

Почему мы не скрылись в лесной чаще, почему у нас не было групп, отрядов, не было своих героев, которые боролись бы за благополучное завтра?

Думая над этим вопросом, нельзя забывать о других важных моментах — о личных чувствах, тревогах и инстинктах, которые погубили целый народ: огромные толпы людей, из которых каждый был оглушен своим личным горем, безропотно шли на бойню.

Первый момент, сослуживший им страшную службу, состоял в том, что связывает семьи воедино: это чувство ответственности по отношению к родителям, женам и детям — это и нас связало, сплотило в единую, неделимую массу.

Второй момент — это инстинктивная любовь к жизни, которая прогнала все черные мысли, развеивала, как буря, все злые думы, ведь все то, о чем по секрету говорили и думали, — это не более чем крик души разуверившегося пессимиста, на чем можно было легко поймать каждого.

Мы не понимали, как так может быть — чтобы власть имущие, даже если они сплошь самые подлые, самые низменные бандиты, могли бы выдумать что-то худшее, нежели цепи, голод и мороз.

Кто мог поверить тому, что они забирают людей миллионами — без причины, без повода — и гонят навстречу многоликой смерти?

Кто мог поверить в то, что целый народ может быть доведен до исчезновения только лишь по дьявольской воле банды подлых преступников?

Кто мог поверить в то, что, терпя поражение в борьбе, эти изверги, чтобы «спасти положение», принесут в жертву целый народ?

Кто мог поверить в то, что развитый народ может слепо повиноваться власти закона, который несет только смерть и уничтожение?

Кто бы мог подумать, что цивилизованный народ может превратиться в дьяволов, которые стремятся только к убийству и уничтожению?

Нет, нельзя недооценивать этих разбойников, их подлость и низость.

Едва ли ты, друг мой, можешь понять нас, проявить к нам сочувствие в эту страшную минуту. Пойдем со мной, давай обойдем бараки, где люди лихорадочно собираются в дорогу.

Ты слышишь плач, крик — звуки, которые доносятся из дальних барачков, где сидят смертельно испуганные евреи. Зайди в один из этих барачков. Слышишь этот шум, видишь этот переполох? Каждый увязывает свой тюк, берет самые нужные вещи, надевает на себя все что можно, а все остальное — то, что тщательно собирал и нес сюда, — уже не нужно и раздается друзьям, знакомым и даже чужим. Все то, что еще вчера, еще несколько часов назад было людям так дорого, теперь, в последние часы перед отправлением, потеряло свою ценность и стало ничем. Люди как будто предвидели свое будущее, как будто предчувствовали, что скоро никакие вещи им не будут уже нужны.

Смотри, друг мой. Вот идут два еврея, один держит в руке свечу, чтобы освещать себе путь в темноте, а второй несет раскрытый мешок. Это начальники над теми, кого угоняют в путь. Они выполняют приказ: отобрать у тех, кто уходит, последние ценные вещи — под угрозой смерти для тех, кто будет сопротивляться.

Женщины снимают украшения, которые дороги им как память о важных вехах их жизни, которые у них в семье передавали из поколения в поколение и берегли как зеницу ока, — и со слезами на глазах и болью в сердце [...] отдают свои сокровища, с тяжелым вздохом опускают их в мешок. Несчастные пытаются найти и в этом утешение: власть забирает у них вещи, — но, может быть, это облегчит им жизнь в дальнейшем? Взяв все ценные вещи, два сборщика, довольные, несут свою добычу, как выкуп за наши души. Они выносят ее за забор и направляются к тому зданию, где живет самый большой разбойник — наш «покровитель». Он понял, что людям надо дать надежду: им пообещать жизнь, а себе забрать все ценное их имущество.

Войди, друг мой, теперь во второй барак. Ты снова услышишь плач женщин и детей. Это плачут маленькие дети, которым уже давно пора спать, и теперь они трут себе глазки, пытаются заснуть, — но им не дают. Их одевают в теплые вещи, в которых им тяжело. Дети хотят, чтобы их оставили в покое, не понимают, чего от них хотят так поздно ночью. Они

плачут, — и их матери вместе с ними. Плачут о своей горькой судьбе, о своей горькой доле: почему, почему в такое страшное время появились они на свет?

Друзья и знакомые приходят попрощаться, все падают друг другу на шею и плачут. Как горячо они целуются, — и как ужасен, как напряжен каждый поцелуй! Кажется, что люди, которые так сердечно прижимаются друг к другу губами, знают о том, что им предстоит. Их сердечность — выражение глубокого сочувствия, слезы — сильного сострадания. Видишь, стоят несколько семей — они убиты горем, они беспомощны, они не знают, что им делать: это те, у кого в лазарете больные родственники, с которыми теперь надо расстаться.

[...] ² открылены, снова исполнены мужества: больные тоже могут ехать, потому что власть гуманна и не будет разделять семьи.

Евреи радуются. Те, кто получил разрешение ехать вместе с больными родственниками, ослеплены своим недолгим счастьем и не могут здраво оценить обстановку. А ведь в этом решении можно было увидеть недоброе предзнаменование: больных не могут послать на работу! Но как бы там ни было, каким бы печальным ни оказалось будущее — больше никто не разлучит семьи. Никто не позволит этим преступникам отрывать от тебя твоих близких — резать по живому: среди нас нет подлых эгоистов, которые могли бы покинуть жен и детей, родителей, братьев и сестер и искать спасение лишь для себя, бросить семью, с которой они уже пережили все самое страшное. А теперь [...] в такой ненадежный, неизвестный и пугающий путь. Нет, все должно идти [...]

Приходи, друг мой, вот пробил час, когда мы должны выйти отсюда. Смотри, как огромная толпа, как 2500 человек вышли из своих земляных барачков и построились в ровные ряды. Члены каждой семьи вместе, рука в руке, плечо к плечу, объединенная, цельная толпа из сотен и сотен семей, монолитная, спаянная, ставшая одним большим неделимым организмом. И они устремились в путь — в направлении, определенном властью, путь, который должен их привести туда, куда их отправляют на работу.

Холодная, морозная ночь с сильным ветром; тысячи и тысячи мужчин стоят и топают ногами, чтобы отогреть уже замерзшие пальцы. Женщины прижимают к себе детей, берут в рот и согревают дыханием их замерзшие ручки. Каждый поправляет свою поклажу, чтобы легче было идти. Слабые родители идут налегке: иначе они не смогут двигаться сами. Сокрушенно вздыхают их дети, которые, выходя в первый раз на свободу, несут [...] тяжелый груз. Все готово к выходу.

У соседних барачков стоят мужчины и женщины и смотрят на нас, заглядывают нам в глаза, не зная, что пожелать нам на прощание. Мы отвечаем им взглядом, в котором читается наша последняя воля: увидеться еще раз — уже после освобождения.

Открываются ворота, и мы оставляем обнесенный проволокой лагерь. Мрачные мысли проносятся в голове. Во второй раз для нас открывают-

ся ворота в свободный мир — и как страшно обманула нас свобода! Мы вышли за колючую проволоку — и, через волю, нас снова погнали в бараки. И кто знает, куда приведут нас эти вторые распахнутые ворота. Кто знает, куда смотрят эти открытые глаза лагеря...

Первый привал оказался близко к нашему дому, мы дышали воздухом нашего края, и это дало нам немного уверенности. Но сейчас кто знает, куда заведет нас дорога? Мы должны идти туда, как можно дальше в глубь той страны, где находится наш опаснейший враг. Кто знает, не превратятся ли его руки, протянутые к нам будто бы для объятий, в дьявольские лапы, которые схватят и задушат нас, кто знает?

Мы вышли в большой свободный мир, который слепил своей белизной и пугал своей безграничностью. А от черноты большого беспредельного неба — по контрасту с белизной — нас бросало в дрожь. Как символично все это выглядит: белая земля и черное покрывало над толпой, движущейся по белизне. Над землей застыла непривычная тишина, кажется, что мы не отбрасываем черных теней — их нет. И что нас вывели на свет, чтобы сделать с нами какое-то черное, ночное дело, которое день видеть не должен.

Мы переглядываемся, каждый взглядом чего-то ищет [...] Мы хотим увидеть хоть какой-нибудь признак жизни и существования. Но наши поиски напрасны: вокруг только мертвая, застывшая тишина.

Но вот раздается эхо тысячи шагов — и оживают события минувших веков. Издревле гонимый народ отправляется в новое изгнание. Но насколько ужаснее наше нынешнее зоключение! Тогда, покидая Испанию, мы знали, что нас изгоняют за нашу национальную гордость и за религиозное самосознание [...] Мы презрительно глядели в лицо тем, кто [...] с распростертыми объятиями [...] и даже ввести нас в [...] храмы в обмен на разрешение остаться — хочет презреть нашу культурную и национальную независимость. Насмешливо и презрительно отвечали мы на их молящие взгляды и с отвращением смотрели на тех, кто хотел дать нам все гражданские свободы — если только мы примем их веру. Тогда мы ушли, как нестигаемый и гордый народ. Издали нам мерцали открытые ворота мира, который нас принимал с распростертыми объятиями. Но сейчас мы не покидаем страну, нас выгоняют — и не как народ, а как отвратительных чудовищ. Нас гонят не из-за нашей национальной гордости, а по подлому садистскому дьявольскому закону. Нас гонят не к границам другой страны — наоборот, нас подводят ближе к себе, глубже — в самую середину той страны, которая хочет от нас избавиться. Мы идем, и кажется, что дорога бесконечна, что мы вечно будем так идти.

Нас всех охватила инстинктивная дрожь. Вдали, на белом фоне земли большие, длинные черные тени, среди которых виднеются маленькие, едва различимые огоньки; все сердца бешено заколотились от ужаса. Мрачная мысль [...] Кто знает, может быть, нас ведут [...] Двор злых теней [...] ночных демонов, которые уже ждут нашего прихода и завершают последние приготовления, чтобы нас принять.

Кто знает, может быть, нас ждет та же судьба, что и сотни тысяч евреев до нас, которых они в такие же темные ночи выводили в такие мрачные места и там жестоко убивали. Кто знает, [...] Пока мы прошли лес, все целы.

Мы идем дальше, идти все тяжелее, мы идем по гористой местности, и там мы видим [...] уже хорошо знакомое место, но сейчас оно незнакомо и чужое. Кажется, в низине — разверстая земная пасть, уже готовая проглотить нас живьем, как это уже произошло с десятками тысяч до нас, кто знает? Мы держимся за руки, мы идем с колотящимся сердцем, с колоссальным напряжением, на вершину горы.

Внезапно всех охватила радость. Издалека мы заметили мерцающие огоньки электрических лампочек — значит, близко станция. Сила и вера возвращаются ко всем нам. Вот мы подошли к поезду. Нас уже ждут двадцать маленьких вагонов, по 125 человек в вагоне — чтобы у каждого было стоячее место. Это для нас большое утешение. Все семьи стараются держаться вместе как можно дольше — в этом страшном, пугающем пути. Часть семей, в которых есть больные, стоят и с замиранием сердца выглядывают из окон поезда: не подойдет ли их слабый брат или ребенок, старые родители, но их нет и следа. Как мы позже узнали, их [...] и кинули в вагоны [...] закрыли [...]

[...]³

Сбежать — тут же застрелят с циничной усмешкой на лице. И стояли в полном спокойствии, с внутренней твердостью. Это белокурое чудовище — наша охрана: [...] вагоны. Этот злодей взял на себя великую миссию — повез две с половиной тысячи людей, которые мешают [...] и отправляет их к [...]высокой культуры, которые должны вынести им приговор.

⁴ Резкий свисток разрезал воздух. Это был сигнал отходящего поезда. Как зверь, убегающий с добычей, так и наш поезд тронулся с места и помчался. Из всех сердец вырвался болезненный стон, все почувствовали, как это больно — знать, что теперь ты действительно оторван от дома.

Толпа качнулась и едва не упала. С самого начала все почувствовали, как тяжелы условия, в которые их поместили. Все стараются помочь друг другу, чтобы хотя бы выдержать дорогу. Детей берут на руки. Все договариваются: сейчас ты сидишь, а потом твое место занимает другой. Все пытаются создать атмосферу спокойствия и единства — будучи пойманными в сеть, которую раскинули лапы еще не явившего свой лик Дьявола. Религиозные евреи произносят дорожную молитву, желают друг другу: как пленных, везут нас — но пусть мы вернемся освобожденными!⁵

Иди сюда, друг. Давай пройдемся по вагонам — по движущимся клеткам. Видишь, здесь в горе и отчаянии сидят и стоят люди, погруженные в глубокие, полные кошмаров думы.

Монотонный печальный стук колес подавляет людей, он только усиливает их отчаяние. Кажется, что мы едем уже целую вечность. Мы вошли в

поезд еврейских скитаний. Наверное, есть диспозиция народов — и мы должны выходить только по воле и приказу тех, кто нами распоряжается.

Ты видишь, друг мой: у окон в каждом вагоне стоят, как прикованные, люди — и смотрят на свободный мир. Каждый жаждет охватить и запечатлеть взглядом все вокруг — как будто чувствуя, что видит это все в последний раз.

Такое впечатление, что мы заточены в движущуюся крепость, мимо которой пронесется окружающий мир во всем его многообразии — и прощается с нами, несчастными узниками⁶.

[...] Кажется, что мир говорит нам: посмотри на меня [зачеркнуто], насмотришься — пока ты меня еще видишь. Потому что это для тебя уже в последний раз.

Ты заметил, друг мой? Вот стоят два молодых человека, мужчина и женщина, и их взгляды устремлены в одну точку. Они молчат, но их мысли близки, они сходятся воедино. И тихие стенания вырываются из их сердец. Проблеск интересного воспоминания их сейчас так заморозил и вырвал из реальности. Они вспоминают о былом, о недавнем прошлом. Вот здесь, у этой площади, у знакомой станции Лососно⁷ они тогда так часто встречались, проводили там вместе отпуск. И их знакомство переросло в великую любовь.

[...]

Так текли [...] Каждый день приносил им много радости, много удовольствий. [...] чаровал своим разнообразием. Все вокруг улыбалось им, отовсюду был слышен [...] жизни. А теперь страшная мысль поражает их: кто знает, оживут ли еще волшебные воспоминания? Они смотрят туда, где [...] от которого их бессердечно оторвали. Часть жизни кончилась — и отошла в вечность.

Пойдем дальше, видишь — стоит молодая пара. В оцепенении оглядываются эти люди кругом. Слышишь ли слова, которые женщина сказала своему спутнику: «Дорогой, помнишь то путешествие, тот мрачный зимний день, когда мы, два чужих друг другу человека, встретились в купе поезда и познакомились — эта встреча соединила нас. Ах, то путешествие, тот день — они предвещали нам грядущее счастье, открывали нам новую дорогу в мир, усыпанную розами. Кажется, той же дорогой — в том же направлении поехали мы и сейчас. Нам удалось сесть на поезд жизни, но кто знает, куда он нас привезет? Кто знает, на каком пути стоит наш поезд теперь?».

Пойдем дальше. Смотри: вот стоит женщина с маленьким ребенком на руках, рядом с ней стоит муж. Они смотрят на проплывающий перед ними мир и инстинктивно то и дело переводят взгляд на ребенка, маленького и красивого. Их обуревают тяжелые думы: они еще молоды и полны жизни — и им так не хватает мира, на который они могут смотреть из окна. Все влечет их к жизни, к существованию, им есть теперь для кого жить, для

кого существовать, ради кого трудиться: недавно у них появился первенец — маленький человечек, который связал их с вечностью, — они стали соучастниками развития, созидания этого мира... И вот их, только что сделавших первые шаги, сметают с пути, заставляют уйти прочь — когда они только начинают вить себе семейное гнездышко!

О себе они сейчас не думают. Только одна мысль занимает их: что будет с их младенцем — с их крошечным, милым, но не приносящим им⁸ никакой пользы?

Для них этот ребенок — величайшее счастье, величайшее утешение, их общий идеал, но для жестоких бандитов он всего лишь бесполезная игрушка, которая не стоит ничего и не имеет права на существование.

Видишь, как они смотрят на свою милую дочку, как заглядывают в ее глаза — черные вишни? Ты можешь прочесть по их встревоженным лицам, что думают они: «Милое дитя, в тебе весь смысл нашей жизни, нашего существования. Сколько счастья, сколько радости ты принесла нам, когда впервые произнесла слово «мама»! Ах, как тогда твой отец позавидовал своей жене! И как обрадован он был, когда ребенок стал узнавать отца и в первый раз назвал его папой! Милое дитя! Кто знает, не будет ли ниточка твоей жизни жестоко оборвана, едва начавшись? Кто знает, будем ли мы вместе с тобой дальше, останешься ли ты с нами...?»

Мать прижимает ребенка к сердцу, слезы падают на головку девочки, отец жарко и нежно целует дочь.

Подойди, давай пройдем еще немного. Видишь, сидит мать с двумя взрослыми дочерьми. Какие мучительные думы наполняют их сейчас! Мать думает: «Всю жизнь отдала я вам, мои дорогие дети, всю жизнь посвятила я вам, все отдала ради вас, чтобы только дожить — испытать материнское счастье. Но все это осталось лишь пустой мечтой. Вашего отца, любящего и преданного, куда-то увели злодеи, кто знает теперь, жив ли он еще. Может статься, вы уже осиротели. Ваших братьев оторвали от меня, неизвестно, где они сейчас. Одна-одинешенька осталась я, несчастная, измученная. Единственным утешением для меня были вы, милые мои дети.

А нынче — кто знает, что ожидает вас. Привыкнете ли вы когда-нибудь к этой муке, сможете ли вынести двойной груз — своего и моего горя — кто знает...»

О себе мать сейчас вовсе не думает, не тревожится за свою жизнь. Как может она думать о себе, когда неизвестно, что станет с ее детьми, выживут ли они? Дочери смотрят на мать, тяжело вздыхая. Печаль мрачной тенью ложится и на их лица. Кто знает, что будет с милой мамой, которая ослабела от бессонных ночей, поседела и так постарела от горя, что выглядит старой и больной — и не скрыть ее возраста? Не сочтут ли ее из-за этого «ненужной» — человеком, чье существование «не оправданно»? Сможем ли мы прийти на помощь? А вдруг тебя вырвут из наших объятий? Тогда мы останемся одиночками, — без мамы, без братьев, — несчастными, будем совсем одни в большом и пустом жестоком мире. Кто знает?..

В каждом вагоне, повсюду ты увидишь таких людей — кто сидит, кто стоит, понунив голову, застыв, оцепенев от тяжелых мучительных дум.

Поезд продолжает свой путь — долгий, однообразный. Мы приближаемся к Белостоку. Все вдруг будто ожили, сбросили груз тяжелых раздумий, бросились к окнам, чтобы рассмотреть станцию, к которой мы подъезжаем. Кого мы увидим, кто будет нас ждать здесь? Едва ли кто-либо встретит нас. Но все равно всем хочется посмотреть на город, с которым они были тесно связаны: у каждого есть здесь кто-нибудь — родные, друзья и знакомые⁹. Хочется хотя бы издали взглянуть на город, где живет друг, ребенок, родственник. Хочется из окошек помахать им, послать им прощальный взгляд. Вдруг удастся увидеть еврея из еще спокойного города — Белостока?¹⁰ Может быть, он одним взглядом сможет дать нам понять, куда нас везут?

Мы прибыли на станцию, остановились на боковом запасном пути. Путь к жизни для нас уже перерезан. Как страшно выглядит сейчас этот вокзал! Это место, всегда полное жизни, шумное, сейчас затянуто туманом, от былой жизни не осталось и следа. Из живых существ мы видим только жандармов в касках, со штыками в руках, расхаживающих по вокзалу. Раздается фабричный гудок. Он заставляет вспомнить о прошлом, он как привет от братьев и сестер, которые работают на этой фабрике, находятся сейчас в этих больших фабричных зданиях, отдают свой труд, свои силы и усердие бандитам — таким же, как и те, что везут нас сейчас. Они работают только за надежду, что их труд будет им защитой. Свисток пронзает воздух — это наш поезд поехал дальше. Будьте здоровы, евреи Белостока. Пусть вам фабрики [...]

Живите спокойно, а мы будем надеяться, что скоро сможем к вам вернуться свободными людьми.

Поезд поехал быстрее — и всех снова охватила глубокая тоска, с каждым километром ужас становится все сильнее. Что же случилось?

Мы подъезжаем к известной среди евреев станции Треблинка, где, по разным дошедшим до нас сведениям, погибло несчетное множество евреев из Польши и других стран. Все прильнули к окнам, смотрят вокруг жадным взглядом, вдруг удастся что-нибудь разглядеть, вдруг попадется кто-нибудь, кто расскажет им, куда их везут и что их ожидает?

И как ужасно! Вот стоят две молодые христианки, заглядывают в окошки поезда и проводят рукой по горлу. Трепет охватывает тех, кто видел эту сцену, кто заметил этот знак. Они молча отшатываются, как от призрака. Они хранят молчание, не в силах рассказать об увиденном. Они не хотят усугублять горе, которое с каждой минутой и так становится все тяжелее, кажется, что уже вот-вот... Кто знает, что принесут им наступающие минуты. Не вывезут ли их на боковой путь, который ведет к тому страшному месту, что превращено в огромное еврейское кладбище? Все стараются

прильнуть к окну: каждому хочется первому увидеть, куда их повезут. Как одно бьются тысячи сердец, тысячи душ как одна замирают от страха. Одна мысль не дает им покоя: неужели настали последние минуты их жизни? Неужели они подошли к границе вечности? Каждый сводит последние счеты с жизнью. Верующие читают молитвы и готовятся к покаянию. Семьи собираются вместе, люди прижимаются друг к другу. Им хочется слиться, срастись в один неделимый организм — этим они хотят защитить себя. И вот ищи [...]

Матери обнимают детей, глядят их головки. Большие дети сами прижимаются к родителям — хотят почувствовать материнскую и отцовскую нежность в последние минуты жизни. Им кажется, что родители, как обычно, смогут укрыть их, защитить, чтобы ничего страшного с ними не случилось. Страх все сильнее, поезд, кажется, замедляет свой бег. Кажется, мы добрались до цели. Напряжение достигло высшей точки. Поезд остановился — и 2500 человек затаили дыхание. От страха стали стучать зубы, сердца судорожно забились. Большая масса в смертельном ужасе ждет своих последних минут. Каждая секунда — как вечность, как шаг, приближающий нас к смерти. Всё в оцепенении, все ждут момента, когда упадут в распростертые объятия Дьявола — и тогда он вцепится в них когтями и утащит к себе в логово.

Звук свистка прервал это оцепенение. Поезд как будто очнулся и стал набирать ход. Матери целуют детей, жены — мужей, льются слезы радости. Все как будто заново родились и стали дышать свободнее. Появляются новые мысли, новые надежды, страх отпустил, ужас развеялся. Новые, утешительные мысли овладели всеми. Все уверились в том, что прежние предположения были неправильны, что все ужасные подозрения были беспочвенны, что люди просто выдумали их из-за ужаса, который им пришлось испытать. Но не [...] массовый характер — и потому ты заметишь, что все сейчас полны мужества, окрылены. Все уверены, что везут их для жизни, для тяжелой — но жизни!

Вот раздаются сладкие звуки [...] чарующих женских голосов. Они сливаются в страстный молитвенный напев — и его подхватывают все новые и новые голоса. В этот напев каждый вкладывает свои мольбы, свои страдания — вот участь узника, закованного в цепи, которого ведут в неизвестность [...] Все это пугает и мучает. Молящиеся просят Создателя: освободи нас, вызволи отсюда, дай нам счастливое, светлое завтра, веди нас дальше путями жизни, как вел до сих пор. Пусть все ограничится лишь нашим страхом, нашим испугом.

Мы подъезжаем к Варшаве. Каждый из нас многое бы отдал за то, чтобы увидеть хоть одного варшавского еврея. Как счастливы мы были бы, если бы смогли увидеть хоть одного из них — из тех, чьих братьев и сестер уже наверняка постигла страшная участь! Может быть, кто-нибудь из них смог бы рассказать нам правду, открыть нам цель этого дальнего путешествия?

Увы! Никаких следов евреев на этой варшавской станции, когда-то полнотью еврейской, теперь нет¹¹. Вокруг снуют люди с серьезными, полными злости взглядами, которые ждут нужного им поезда. Но все они чужие для нас, их появление вызывает у нас только зависть и ненависть: почему они свободны и идут куда хотят? Почему они могут купить билет на поезд, который повезет их к дому — надежному и теплому? Почему у них есть возможность поехать туда, где ждут их жена, дети, которые готовы раскрыть им объятия?

А нас — везут против нашей воли, везут не в теплый дом, а в пустоту. Нам не улыбнутся жены при встрече, нас не обнимут матери, увидев нас, не засмеются дети, — нас ждут только злые, страшные взгляды наших ужасных врагов, в руках у них нагайки, холодное оружие — а когда нужно, и винтовки. Этими горестными размышлениями подавлены несчастные.

Вдруг молчание прерывает один человек, который приходит из соседнего отсека¹² и радостно говорит: «Евреи! Вот весть от наших предшественников — от тех, кто был отправлен в лагерь предыдущими транспортами». В своем отсеке он нашел на стене надпись и целиком маршрут путешествия с момента выезда до прибытия в Германию.

Все обрадовались, увидев хоть какой-нибудь след, оставшийся от тех, кто исчез безвозвратно. Все читают эти слова; кажется, что ты говоришь с мертвыми, что они рассказывают тебе обо всем. Вот они, как живые: несколько недель назад их увезли — и теперь от них не осталось ничего, только эта надпись, которая привела нас в такое волнение. Евреи, теперь вы можете прочитать надпись, оставленную ими — теми, чью трагическую судьбу рисовало вам воображение! Как умны были они — те, кто ехал тогда, кто предвидел, что мы ужаснемся их судьбе, — они оставили нам знак, послание, которое должно нас успокоить, вселить в нас уверенность, мы последуем их примеру и напишем обращение к тем, кого повезут этим поездом в ближайшие дни: пусть они будут нам благодарны за заботу о них.

Но вдруг радости как не бывало. Ее сменило отчаяние — оно захватило нас в свои сети. Одна фраза [...] всех повергла в ужас: «Мы прибываем в Германию!» На этом заканчивается надпись. Здесь обрывается нить. До этого мы были вместе, а теперь они исчезли, они оторваны от нас. Они написали историю своей жизни — до того момента, как прибыли в Германию¹³, то есть попали на территорию врага. Мы могли следить за тем, что с ними происходило, — до того момента, как они оказались в руках жестоких бандитов.

Над миром — тихая темная ночь. Поезд остановился. Опасно ехать с подлыми преступниками, когда нет света. Посреди старой станции стоит поезд из 20 вагонов в ряд, внутри этих вагонов — 2500 детей несчастного, гонимого народа. Вагоны мрачные, полные смертной тоски: из их окон выглядывают испуганные, измученные, обессиленные дети народа, при-

говоренного к смерти. Они ищут в ночном мраке луч света, который озарит и оживит эту тьму, — но поиски их напрасны. Ночь страшна, вокруг только темень. По черным вагонам время от времени пробегает луч света — но это чужой, холодный, мертвый свет. Это наши конвоиры светят в вагоны-тюрьмы, чтобы удостовериться, что никто из нас — «опаснейших преступников» — не собирается бежать, искать спасения в непроглядной ночной темноте.

Начинается страшная, полная кошмаров первая ночь путешествия. Два ужасных врага [...] завладели большой массой, застывшей от ужаса, — голод и жажда. Ты видишь, друг мой: люди утратили все человеческие чувства. Каждый думает только об одном: где бы раздобыть кусок хлеба, чтобы утолить голод, или немного воды, чтобы утолить жажду. Смотри, как те, кому посчастливилось стоять около окон, высовывают языки и облизывают окна, покрывшиеся вечерней росой. Им хочется хоть капельку влаги — освежить свои ослабевшие тела. Слышится детский плач, дети кричат: «Мама, дай немного водички, хоть капельку! Слышишь, дай мне хоть крошку хлеба! Я падаю в обморок, мне плохо, у меня нет сил». Мамы утешают деток: сейчас, милый, сейчас я тебе помогу. Где-то еще есть счастливицы, у которых есть кое-какие запасы — и они могут что-то отдать тем, кто умирает от голода, но подавляющее большинство уже полностью истощено. Дети нетерпеливы, они не могут ждать — и снова требуют обещанной еды и воды. Матери чувствуют себя совершенно беспомощными, глядя на мучения своих детей, и, не в силах ничего сделать, плачут сами.

Дети затихают от страха, прижимаются к материнской груди. Взрослые, страдая не меньше, чем дети, утешают себя тем, что на следующей станции власти наверняка снабдят всех едой и питьем, не дадут рабочей силе умереть от голода и жажды.

Из соседнего отсека доносится истерический вопль: взрослые дети хлопчут вокруг матери, которая не могла больше терпеть — и потеряла сознание. Ее стараются привести в чувство — и вот она уже открыла глаза. Горе сменилось радостью: мать снова вернулась к жизни! Дети испугались было, что потеряют ее, что осиротеют, — но вот страх отошел.

Есть среди нас мужественные, хладнокровные люди — они стучат в окна, просят наших конвоиров бросить в вагон хотя бы немного снега — ведь он лежит у них под ногами. Но в ответ раздается циничный смех этих ужасных извергов. Вместо ответа они показывают нам заряженные винтовки — вот что ожидает тех, кто попытается открыть окно. Это ужасно! Выглядываешь из окна — на земле лежит белая мокрая масса — снег! Он мог бы заставить вновь биться слабые сердца, освежить ослабевшие тела, продлить еще немного нашу жизнь.

Вот блестит эта белизна, в которой спасение стольких жизней, столько утешения для нас, источник новой волны жизни. Этот снег мог бы вырвать 2500 человек из когтей ужасной смерти от жажды, наполнить надеждой и мужеством сердца отчаявшихся людей. Как близок он к нам! Вот, прямо

напротив! Он сверкает, дразнит своим волшебным сиянием. Надо только открыть окно — и можно будет достать его рукой. Кажется, что эта белая масса сейчас оживет, поднимется с земли, чтобы приблизиться к нам. Она видит, как мы пронизываем ее взглядами, она чувствует, как мы страдаем, стоим по ней, хочет нас утешить, хочет вернуть нас к жизни. Но вот стоит злодей с ледяным штюком на плече и отвечает страшным словом — нет. Он не может сейчас этого разрешить. Ничто не трогает его: ни мольбы женщин, ни плач детей. Он глух и неподвижен. Все, подавленные, отходят от окон и хотят отвести взгляд от этой чарующей белизны — и снова погружаются в глубокое отчаяние и горестные раздумья, и мертвую тишину нарушают душераздирающие стоны.

[...] отделила от жизни подвижная линия, чтобы никому не мешать на пути.

Поезд черен, как ночь, но еще чернее горе тех, кого в нем везут. Время от времени нас будят свистки проходящих мимо поездов. Все бросаются к окнам, чтобы посмотреть, кто те счастливы, которые могут [...] ехать ночью. Мы видим хорошо освещенные вагоны, которые движутся быстро, как будто даже радостно — видимо, едут в благополучное место. Мы успеваем разглядеть людей свободного мира — и глубокая боль охватывает тех, кто видит эту вольную жизнь: ведь и мы, как и они, ни в чем не виноваты, не совершили никаких преступлений — но как разошлись наши пути! Их везут дорогой жизни, а нас — кто знает?!

В их поезде светится жизнь, а в нашем царит страшная пугающая темнота.

Там едут спокойные люди, которым ничего не угрожает, у их путешествия есть цель, к которой они движутся по собственной воле. А нас везут против воли, по принуждению. И кто знает куда?

Люди отодвигаются от окон. Еще одна капля отчаяния буквально расколола их сердца. Каждый впитал в себя еще немного горя и боли и, подавленный, искал, где преклонить голову, которую он не в силах поднять.

Когда ночь склонилась к рассвету, наш поезд тронулся. Он движется медленно, монотонно, постоянно уступая место высшей, лучшей расе: мы не можем задерживать ее, она не позволит. Мы приближаемся к какому-то городу. Там, внизу, всюду пробуждается жизнь. Ты видишь женщин, которые спешат по своим домашним делам. А вот видно издалека, как к нам приближается группа людей из другого [...] Они явно идут на работу. Всем интересно, кто же это: может быть, в этой области, куда нас привезли [...] еще есть «нужные» евреи? Пока эти люди были далеко, определить их национальность было нельзя, но когда они подошли ближе, всех охватила радость: мы увидели на их одежде большие желтые заплатки — видимо, здесь евреев оставляют в живых и направляют на работы! Это вселяет в нас надежду, утешает.

Но ведь на каждой станции, где мы останавливаемся, мы видим людей, которые стоят и делают руками какие-то знаки для проезжающих: прово-

дят рукой по горлу или показывают на землю. Какой-то злой рок преследует нас в пути: на каждой остановке эти люди словно вырастают из-под земли и показывают нам свои дьявольские знаки. Что они хотят сказать? Зачем пугают и так до смерти испуганных людей? Каждый старается отогнать мрачные мысли, которые появляются после таких знаков. Люди хотят одурачить самих себя, отвлечь свое собственное внимание от картины, которая стоит у них перед глазами: незнакомая женщина проводит рукой по горлу.

Поезд трогается с места, и мы продолжаем свой вечный монотонный путь. Приближаемся к другой станции. Вокруг зеваки, они разглядывают наш поезд. Это снова приносит страдания. Вот между деревьями стоят две женщины, смотрят на нас и вытирают платками полные слез глаза. Кроме них мы не видим поблизости никого. И ты не можешь представить себе, почему они плачут. Почему наше появление довело их до слез? Почему плачут эти женщины? Из-за личного горя или от сострадания к нам? Кто мы для них и почему мы вызываем у каждого слезы?

Но вот снова появляются два врага человека, которые не оставляют нас и требуют своего, — это жажда и голод. Они снова овладели измученными людьми. Мы упрощаем наших нелюдей-конвоиров дать нам хоть немного воды. Напротив нас стоят женщины — судя по внешности, возможно, еврейки — и хотят бросить нам комья снега. Как счастливы были бы мы, если бы могли открыть окно хоть на минуту и схватить немного снега, этого белого мокрого вещества. К нам тянутся руки перепуганных, но смелых людей: у них самих могут быть из-за этого неприятности, но наши молящие взгляды произвели на них такое сильное действие, что они забыли обо всем, встали напротив нашего окна на таком расстоянии, чтобы при желании попасть в нас, если бросить что-нибудь. У них в руках уже по большой глыбе снега. Они хотят бросить снег нам, и лишь одна вещь не дает им исполнить свой моральный долг, — а ведь нам, людям в отчаянии, с опустившимися руками, это могло бы дать поток свежей жизни, мощный прилив сил, — закрытые окна вагонов, которые наши изверги-конвоиры не разрешают открывать.

Если бы они только разрешили — просто кивнули, — то благодетели помогли бы нам, и мы смогли бы вынести нашу муку. Но сердце у них твердое, как камень, они неумолимы, в них нет сочувствия. Напряжение растет с каждой минутой. Люди теряют человеческий облик. Одна девочка упала в обморок. Доведенная до отчаяния толпа, забыв обо всем, стала стучать, рвать двери, выбивать окна. Тут же появились несколько конвоиров — испугались, что произойдет что-нибудь такое, что грозит неприятностями и им. Они нагло спрашивают, чего хочет эта кричащая, рыдающая женщина. Те, кто еще не потерял дара речи, объясняют, что ее ребенок потерял сознание от жажды, показывают на мать, которая умоляет, чтобы ей дали немного воды. Они смеются — довольны, что не произошло ничего более серьезного. Они хотят уже отойти от нашего вагона и

пойти дальше. Мать колотит в стену все сильнее — и вот окна уже выломаны. Ее хотят оттащить, успокоить, чтобы из-за нее не наказали всех. Но она не хочет ничего слышать, она теряет единственную дочь, без которой жизнь для нее ничего не стоит. Она просит: дайте мне убежать, выпустите меня, чтобы я могла принести глоток воды для дочери. Находятся смельчаки, готовые встать на ее защиту, пропускают ее назад, к окну, она бьется и кричит. Тут снова приходят бандиты и, видя, что дерзкое поведение этой женщины может заразить безумной смелостью доведенную до отчаяния толпу и последствия могут стать фатальными и для них, — дипломатически кивают головой: мол, разрешают открыть окно.

Всех охватила радость. В вагон проникает свежая воздушная струя, выгоняет спертый, застоявшийся воздух. Все как будто снова ожили, пришли в нервное возбуждение: скоро, скоро, через минуту, через секунду можно будет схватить кусок снега и утолить жажду. Часть снежков попала в вагон, часть — на землю. Те счастливицы, которые заполучили в руки белое сокровище, набрасываются на него, как сумасшедшие, снег делят среди ближайших членов семьи. Каждый глотает, несмотря на то, что снег холодный, смерзшийся. Люди дерутся, бьются за каждую крошку, поднимают с пола случайно упавшие кусочки [...] Но слишком мало было тех, кому посчастливилось утолить жажду, а [...] многие и дальше сидели в отчаянии, мучимые голодом и жаждой.

Поезд тронулся. Все благодарят этих нескольких смелых женщин и благословляют их — за геройский поступок, который они совершили в пути.

Поезд набирает ход. Мы проезжаем разные деревни и местечки. Большая их часть нам не знакома.

[...] Те, кто едет [...] борются со вторым своим врагом — большим восточным народом.

Они смотрят на своих врагов, которые уже попались в их сеть: они хотели бы остервенело броситься на нас, «виноватых», из-за нашей [...] они вынуждены были теперь покинуть свой дом, расстаться с родителями, сестрами и маленькими братьями. Каждый был вынужден оставить жену, заходившуюся в рыданиях, и ребенка, который не хотел слезать с его рук и все просил: «Папа, не уходи!»

Слабые, беззащитные, разбитые — это мы принесли им огромное несчастье. Это мы вывели народы на поле¹⁵ боя. А если их сейчас подпустят к нам, с каким садизмом они схватили бы нас, как жестоко переломали бы нам кости. Почему их посылают туда, против того, дальнего врага, если прямо перед ними враг страшнее и опаснее, чем тот, на борьбу с которым их отправляют. Пусть поле боя будет для них здесь — они покажут свою [...] силу. Пусть их оставят здесь — и в бою с этим ужасным всемирным призраком они покажут, на что способны.

Нет, подлые бандиты, нет, простодушные глупые разбойники, отправляйтесь на бой с врагом номер два — врагом сильным и мощным. Показы-

вайте свое мужество, свою храбрость там, где против вас будут биться огромные стальные птицы и массивные движущиеся крепости, которыми управляют патриоты, отважные герои, борцы за всеобщую свободу и счастье. Отправляйтесь туда, подлецы и злодеи, туда, на поле боя, где свет протискивается сквозь тьму, а свобода — порабощению. Там вы потеряете свою жестокость, там ваша сила исчезнет, там вашему существованию придет конец. Там ваша жизнь канет в бездну.

Поезда трогаются с места. Мы едем на запад, а они на восток — и нас, и их ожидает одно и то же: нас — ни за что, а их — по их собственной вине.

Мы приближаемся к городу. Издали видны огромные фабричные трубы. Ты начинаешь замечать существование сложной организации человеческого труда. Когда мы подъехали совсем близко, то увидели перед собой один из больших городов Верхней Силезии¹⁶.

Здесь, на обширной территории разбросаны большие и маленькие здания. Отовсюду рвутся к небу трубы — символы нелегкой созидательной работы. Когда-то здесь была сосредоточена польская тяжелая промышленность. Все думают, что разгадали цель путешествия: конечно, нас привезли на эти фабрики, здесь нужны рабочие руки — и нас поглотит эта индустриальная машина, как поглотила она наших предшественников.

Но мы продолжили свой монотонный путь. Двигаемся вглубь Силезии — туман покрывает эту область. Это так страшно, так серо, как и наша жизнь. Ты видишь на путях огромные длинные составы с углем. По всем признакам заметно, что здесь сердце польской земли, богатой черным сокровищем — углем. Каждого будоражит мысль: если его бросят в глубокие копи [...] — кто знает, хватит ли его физических сил, чтобы это выдержать? Сможет ли он приспособиться к условиям, в которые хозяева, чьи нравы он уже хорошо знает, его поместят?

Сможет ли он, после нескольких изнуряющих недель голода и нужды, обеспечить своей работой существование семьи — жены, ребенка, родителей?

Мы едем, пока не наступает ночь, — тогда состав снова останавливается. Поезд время от времени трогается с места, проезжает несколько километров и останавливается. Тяжелая, полная кошмаров ночь заключила нас в свои объятия. Большие толпы евреев — измученных, беспокойных — знают, что скоро они уже будут недалеко от цели своего путешествия, что они почти добрались до конечного пункта. Кто знает, что будет, что ждет их, когда они приедут туда, где их предшественники оборвали рассказ о своих злоключениях?

Что будет, когда они доберутся до Германии? Вдруг их история навеки прервется? Смогут ли они оставить о себе живой [след] — для тех, кому в ближайшем будущем придется проделать тот же путь? Кто знает? Всех охватило отчаяние — как будто взяло в тиски. Только этот луч надежды, это неверие в невозможное, эта недооценка врага, — опьяняли всех, как опиум, вселяли в нас мужество, давали каплю утешения сердцам. Толпа

изнуренных людей дремлет, со смертельным ужасом ожидая прихода завтрашнего дня. И вот закончилась долгая, полная отчаяния ночь.

Приходит серое утро, оно прорывается в мир сквозь густой черный туман, который держится плотно, не рассеивается, властвует над миром.

[...] и не [...] покрыл серым туманом и [...] печаль и горе [...] говорит о [...] смерть [...] мир в трауре [...] это проклятое утро.

Несчастное утро [...] две тысячи пятьсот безвинных детей [...] встрети-ли свою ужасную смерть.

Мы прибыли на станцию Катовиц. Города не видно. Перед тобой появляются лишь очертания построек. Всех охватило подавленное настроение. Все видят, что уже почти дошли до конца. Через час надо будет уже выходить из поезда. Кто знает, что ожидает нас? Кто-то боится этого конечного пункта. Эти люди уже так привыкли к ритму нескончаемого путешествия, и, несмотря на непереносимые условия, они готовы целую вечность ехать на этом поезде по пустынным местам — среди диких людей или зверей, — лишь бы не выходить здесь. Пугают злые, разбойничьи лица тех, кто их здесь ожидает. Пугает место, в которое их привезли, — страна врага, чужое место. Если там, возле их родного местечка, с ними так жестоко и безжалостно обошлись, — то что же ожидает их здесь? Некоторые — те, кто уже истощен и морально, и физически, покорно препоручили себя судьбе, — а там посмотрим, что будет. Лишь бы быстрее выбраться из этой тесной запертой тюрьмы, которая отнимает жизненные силы. Может быть, на воле будет лучше, безопаснее? Еще теплится луч надежды.

Мы приближаемся к последней станции. [...] Все сломлены [...] Все погружены в страшные мысли. [...] Каждый держит себя в нервном напряжении: из глубин сознания всплывают гложущие ум мысли, мучительные вопросы: а где те, кто вышел из поезда до нас? Почему следы их жизни потеряны, почему они исчезли навсегда, и ничего, что напоминало бы нам об их существовании, не осталось — почему?

Мы скоро уже дойдем до последней точки, скоро и нам придется написать здесь наши последние слова: «Мы прибыли в Германию».

И что дальше? Все перерезано, все исчезло, — почему? Наверное, все-таки правдивы ужасные вести о варшавских¹⁷ евреях, которые нашли свою смерть в Трешлинке. [...] У бандитов [...] есть второй [...] сейчас к ним. Кто знает, слышат ли они последний стук колес?

Кто знает, случится ли им еще когда-нибудь ехать на поезде?

Кто знает, не сегодня ли их последнее утро?!

Кто знает, смогут ли они еще хоть раз увидеть рассвет?

Кто знает, посмотрят ли их глаза на мир еще когда-нибудь?

Кто знает, смогут ли они еще раз насладиться жизнью?

Кто знает, смогут ли они вырастить своих детей?

Кто знает, будет ли ребенок у матери, а у ребенка — мать?
Кто знает, будешь ли ты у меня?

Поезд замедлил ход, выехал на запасной путь. Определенно, мы достигли цели нашего путешествия. Поезд остановился, толпа качнулась, ожила — все еще находясь в вагоне. Все толкаются, рвутся к выходу. Всем хочется глотнуть немного свежего воздуха — и хоть немного свободы.

Мы вышли из поезда. Посмотри, друг мой, что здесь происходит. Посмотри, кто вышел нас встречать. Это военные в касках на головах, с большими нагайками в руках. [...] с большими свирепыми собаками. Вот что встретили мы вместо раскрытых для приветствия объятий. Никто не может понять: зачем нужен этот конвой? Почему нам оказали такой страшный прием? Почему? Зачем? Кто мы такие, чтобы применять против нас мощное оружие, натравливать злых собак? Ведь мы мирные люди, мы прибыли на работу — так зачем нужны такие меры предосторожности?

Подожди, ты скоро поймешь. Прямо при выходе из вагона у нас отобрали мешки с вещами, отнимали даже самую незначительную поклажу, все бросали в кучу. Нельзя ничего брать с собой, ничего иметь при себе. Этот приказ повергает всех в уныние: ведь если тебе велют отдать самые нужные, элементарные вещи — значит, самое нужное уже и не нужно, без необходимого придется обойтись. Здесь, на этом плацу, у тебя не должно быть никаких личных вещей.

Но горевать об этом времени нет. Раздается новое распоряжение: мужчины — отдельно, женщины — отдельно. Этот страшный, жестокий приказ поразил нас, как гром.

Именно сейчас, когда мы уже стоим у края, уже подошли к последнему рубежу, нас заставляют расстаться, разорвать неразрывное, разделить неделимое, то, что уже так крепко связано, что срослось в единый организм! Ни один человек не двинулся с места: никто не верит, что это невероятное, невозможное осуществится. Но град ударов, который посыпался на первые ряды, заставил даже тех, кто стоял далеко, разделиться.

Никто, расходясь, даже не допускал мысли, не верил, никто по-настоящему не осознавал трагического значения этого момента. Все думали, что это лишь формальная процедура: нас разделяют, чтобы установить точное количество прибывших обоих полов.

Но мы чувствовали боль оттого, что сейчас, в эти серьезнейшие минуты, мы не можем стоять вместе и утешать друг друга. Все чувствовали силу неразрывных семейных связей.

Вот стоят они: с одной стороны муж, с другой — жена и ребенок. Вот стоят пожилые мужчины, тут старый отец, а напротив него — слабая мать. Вот братья, они смотрят туда, где стоят их сестры. Никто не понимает, что должно произойти. Но все чувствуют, что [...] и уже близка последняя стадия [...]

Надо называть возраст и профессию. Всех делят на группы, велят становиться [...] Только одно совершенно непонятно: те, кто спрашивает нас, совершенно не интересуются ответами. Они делят нас случайным образом: одного туда, другого сюда — в зависимости от того, понравился ли им человек на вид.

Толпу разделили на трое: отдельно женщины с детьми, отдельно мужчины, самые старые и самые молодые, и третья шеренга — самая маленькая часть, процентов десять от всего транспорта. Никто не знает, где лучше, где безопаснее. Все думают, что здесь отбирают на разные работы. Женщин с детьми определяют на самую легкую, подростков и стариков — на нетрудную, переносимую работу. А самая малочисленная группа, в которой, казалось, собрались самые работоспособные, — она будет заниматься тяжелым трудом.

Сердце обливается кровью, когда смотришь на женщин, измученных долгой дорогой: им приходится еще держать на руках детей [...] Кто-то пытается им хоть чем-нибудь помочь, хоть немного облегчить их страдания — но таких тут же бьют по голове так, что забываешь, зачем, собственно, ты собирался подойти к другой колонне. Женщины, видя, что ожидает их мужей, если они попытаются оказать им помощь, машут им рукой, чтобы те стояли смирно и не двигались с места. В эти страшные минуты они хотят [...] Их утешает лишь то, что скоро они наверняка снова будут вместе и больше им не придется расставаться.

В голове роятся мысли в беспорядке, — ты стоишь, беспомощный, беззащитный. Единственное, что ты сейчас чувствуешь, — это боль внезапного расставания, потому что если женщин и детей посылают на какую-то особенную работу, а они, мужчины, не смогут быть вместе с ними и не смогут им ничем помочь, то оказывается, что идиллия, которой они жили до прибытия сюда, не более чем пустая выдумка. Дурман внезапно развеялся. Все застыли, пораженные сильнейшей болью: происходящее похоже на хирургическую операцию, начатую еще у поезда.

Приезжают машины, в них сажают женщин и детей. Им придется [...]

Доведется ли еще кому-нибудь из нас свидеться с женой и ребенком, с родителями, с сестрами? Мужчины стоят в стороне и смотрят, как их близких увозят грузовики.

Взгляд каждого прикован к тому месту, где находится его жена с маленьким ребенком на руках. Вот две дочери ведут свою мать. Взгляды их братьев и отца провожают их.

Какая страшная, какая ужасная картина открылась твоему взору! Один из военных, который загружает людей в кузов, залез на один из грузовиков и со всей силы надавил на женщин и детей — как будто они неживое вещество, инвентарь.

[...] если его жену и ребенка покалечит этот безжалостный садист.

В этот тяжелый, ответственный момент каждый был бы готов заслонить их, укрыть собой — жену и ребенка, мать и сестер. Как счастлив был бы

каждый из нас, если бы мог быть с ними, защитить их, встать стеной, чтобы ничего страшного с ними не случилось! Каждый шлет им вдогонку свои пожелания — чтобы в ближайшие часы они могли еще встретиться, здоровые и веселые. Женщины смотрят вниз, на колонны мужчин. Одна не может оторвать взгляда от мужа, другая — от отца и братьев. Как счастливы были бы они, если бы могли сейчас, в эти страшные минуты, быть вместе! Они были бы увереннее и смелее встретили бы то, что должно с ними вот-вот произойти.

А сейчас они стоят, — одинокие, беспомощные, испуганные. Там, внизу, стоят их верные, преданные мужья и братья. Там, внизу, находятся те, кто может и хочет помочь им, утешить их. Только злые собаки не подпустят. Вы, садисты, вы, бессердечные убийцы, почему вы не даете тем, кто готов отдать за нас жизнь, быть сейчас с нами вместе? Они могли бы облегчить нам эти страшные минуты. Почему?!

Каждая из женщин утешается тем, что все это продлится недолго. Сразу по завершении процедуры она встретится с мужем и окажется под его защитой. Ей будут помогать братья. Все смогут снова соединиться, и, как и прежде, смогут жить дальше вместе. Каким бы горьким будущее ни было, оно станет слаще от [...]

Плац пустеет. Подъезжают пустые грузовики, а отъезжают забитые до отказа. Все [...] и убегает в одном направлении. Мы следим за ними взглядом, пока они не скроются, — но тут же подходят новые машины, забирают все новых и новых людей и увозят их неизвестно куда.

Более сильные — маленькая группа, — в которую вроде бы была определена лучшая рабочая сила, хотят видеть в этом повод для утешения: то, что увозят женщин и детей, слабых и старых мужчин, — это же проявление человечности! Видимо, власть не хочет изматывать их пешим переходом после такой утомительной дороги. А нас выстроили в ряды по пятеро и приказали маршировать по направлению к лагерю.

Смотри, друг: идет небольшая группа — чуть более двухсот человек — малая часть приехавшей сюда толпы. Они идут, низко опустив головы, погруженные в тяжелые размышления, опустив руки, в отчаянии. Они прибыли тысячами — а теперь их осталось так мало. Они прибыли вместе с женами и детьми, родителями, сестрами и братьями — а теперь остались совсем одни — без жены, без детей, без родителей, без сестер и братьев. Всегда они держались вместе: вместе вышли из гетто и из лагеря, вместе ехали в поезде взаперти. А здесь, в конце пути, когда они уже подошли к последнему рубежу, такому страшному [...] и пугающему, — [...] их разлучили.

[...] как там измученная жена [...] с детьми [...], как она там в эти минуты, без его помощи? Кто поддержит ее, кто подаст ей совет? Вдруг, пользуясь ее беспомощностью, злые и черствые бандиты изобьют ее?

Другой думает про своих старых родителей: что-то с ними может случиться? Насмешки и унижение с побоями в придачу — вдруг только этого можно ожидать от новых хозяев? Откуда знать ему, что происходит сейчас с его сестрами и братьями, вместе ли они, по крайней мере? Удалось ли им там, на плацу, куда их привели, удержаться вместе? Они хотят друг другу помочь, [хотят] утешить друг друга.

В направлении [...] идут [...] только с семьями [...] охвачены такими тягостными размышлениями [...] маленькие группы людей.

Вдруг все словно очнулись: мы увидели, как марширует группа людей, одетых в полосатые робы. Эти люди хорошо выглядят и производят впечатление мужественное и беззаботное. Когда мы подошли ближе, то стало видно, что это евреи. Радость охватила всех нас. Мы увидели первых людей в лагере, свидетельство жизни, хорошего отношения, человеческого обращения. Все укрепляются в вере, что и нам выпадет жребий не хуже. И единственная забота, которая остается у нас [...]

Маленькое здание. Нам велят построиться в ряды, чтобы всех пересчитать. Мы проходим. Несколько человек в военной форме смеются над нами. Нас сосчитали — и вот мы прошли на недавно огороженный плац. Все оглядываются, смотрят всюду и надеются найти за проволокой тех, с кем нас разлучили несколько минут назад. Слышны голоса женщин — взрослых и пожилых на вид. Мы видим: за проволокой ходят женщины в гражданской и лагерной одежде. Там такой шум, такой гам — это наверняка наши жены с детьми, это точно прибыли наши матери и сестры, — и теперь проводятся разные гигиенические процедуры, чтобы их [...]

Только одно ясно нам [...] сделан [...], который отделял нас от [...] Хорошо огороженный, обнесенный проволокой женский лагерь. Мы почувствовали горечь разлуки, ощутили первую боль. Мы еще не способны полностью осознать происходящее, — только глубокая пропасть стала расти перед нами. Единственное, что нас утешало: нас уведут недалеко. Мы будем рядом с ними. Через проволоку мы сможем смотреть друг на друга. И, может быть, получится установить контакт.

Мы проходим через вторые ворота и оказываемся в огороженном мужском лагере. Мы ступаем по глине [...] Но до сих пор не [...] Между двух [...] зданий стоят какие-то мужчины и оглядывают нас с головы до ног. Мы не можем понять, евреи это или нет, не догадываемся, почему они нас так разглядывают. Вероятно, им любопытно познакомиться с новоприбывшими. Вокруг нас люди, один вид которых пугает; они идут по глине и волочат тачки, груженные глиной, или несут поклажу: один — кирпичи, другой — ту же глину. Дрожь пронимает, когда смотришь на них: они были когда-то людьми, а сейчас — тени. И это — работа, это — концентрационный лагерь, который должен давать трудоустройство миллионам евреев, привезенным сюда? Это и есть та самая важная государственная

работа, для которой надо пожертвовать всем, всеми самыми нужными [...] самыми необходимыми [...] то, что ты видишь, потому что тебя слишком тревожит судьба тех, кто тебе близок и дорог.

Нас ведут в какие-то деревянные постройки. Все надеялись, что встретят здесь своих братьев и отцов, которых повезли сюда. Но ни от кого из них нет и следа. А вдруг они уже прошли все процедуры и отправились на свое место? Вот входят несколько еврейских бандитов в сопровождении нескольких военных и приказывают: все, что у нас есть при себе, необходимо отдать. Никто не понимает, что требуется от нас: ведь все уже отдано! Зачем им нужно даже то небольшое, то минимальное, что может еще быть у нас в карманах, зачем?

[...] палочные удары сыплются на голову. Всего за один вопрос — удар. Они отбирают даже документы — самую важную вещь, особенно в военное время. Ничего нельзя иметь при себе. Даже запись о том, кто ты и откуда ты родом, — здесь ничего тебе не понадобится. Никто не понимает, почему надо все отдавать. Когда мы отдали все вещи, нас повели в баню. Еврейские конвоиры смеются над нами. Никто не понимает их загадочных вопросов: кто вам велел приезжать сюда? Неужели вы не могли найти себе место получше? Никто им не отвечает, потому что их вопросы нам непонятны.

Нас ведут в баню — якобы для дезинфекции, но мыться здесь нельзя. Нам состригают волосы и [...] чем-то влажным. После этого нас ведут в другое помещение и выдают новые вещи. Мы вошли сюда, одетые как обычные люди, а вышли — как преступники или как безумные.

Все без шапок, один в туфлях, другой в сапогах не по ноге, слишком больших для него. Вещи кому-то слишком малы, кому-то слишком велики. Вот так мы, вновь поступившие, уже начинаем вливаться в старую лагерную семью. Нас переводят на новые лагерные рельсы: здесь нам придется устраивать жизнь заново.

Но одна мысль занимает сейчас всех, один вопрос не дает никому покоя: как же узнать, что с семьей, где она, как получить от родственников хотя бы весточку? Где найти их след?

Прошел слух: каждому удастся [...] встретиться. На чем этот слух основан — непонятно. Мы довольны тем, что получили [...]

Возвращаемся к бараку, нас выстраивают в шеренгу, чтобы сфотографировать: нужны снимки всех вновь прибывших.

Мы пытаемся завязать разговор с теми, кто здесь уже давно, и хоть что-нибудь от них узнать. Но как подло, как жестоко ведут себя те, к кому мы обращаемся! Как можно быть таким садистом — насмехаться над одинокими, сломленными людьми?! Как могут они так легко, бровью не пошевелив, отвечать нам на вопрос, где находятся сейчас наши близкие: «Они уже на небесах»? Неужели лагерь так на них подействовал, что они утратили все человеческие чувства и не находят для себя лучшего занятия, чем наслаждаться чужой болью и мукой?! Это производит впечатление ужас-

ного [...] «Ваши близкие уже сгорели...» Всех охватывает ужас. Дрожь пронимает, когда слышишь эти слова: «Твоих родных уже нет».

Нет, это невозможно! Разве может так быть, чтобы так думали люди, которые сейчас разговаривают с нами, которые так же, как и мы, приехали сюда вместе с семьями — и остались одни, потому что те, кого увозили машины, попали прямо в газовую печь, которая глотает людей живыми и полными сил, а выбрасывает только мертвые, окаменевшие тела?! Нет, невозможно, они не могли бы так легко говорить об этом, они не могли бы открыть рта, не нашли бы слов, чтобы это сказать. Потому что их самих уже не было бы на свете.

[...] дьявольская игра [...] к страшной лагерной жизни. И тем не менее их слова оставляют в сердце глубокий след, заполняют ум страшными мыслями.

Новое мучение: ожил наш духовный враг — голод напомнил о себе. Он стал терзать нас вновь — и ты слабеешь, не выдержав напора такого сильного внутреннего врага. Он не дает покоя, он не дает тебе думать, пока не утолишь его.

Голодным дали еды — это минутное утешение: хотя бы тело немного насытилось.

Нам начинают ставить клейма. Каждый получает свой номер. С этого момента у тебя больше нет своего «я» — ты превращаешься в номер. Ты больше не тот, кем был когда-то. Ты теперь ничего не говорящий, ничего не значащий, ходячий номер.

Нас выстраивают по 100 номеров и [...] всех ведут в новое жилище. Уже стемнело, дороги почти не видно. Кое-где светят электрические лампы — но освещение от них скудное.

Единственный яркий источник света — это большой прожектор, который висит над воротами — их видно издалека. Люди ползут по глине — пока не упадут, изнемогая от страха. В мучениях добираемся до новых барачков.

Как только мы увидели наш новый дом, как только смогли глотнуть воздуха, нас стали бить палками по голове. Из рассеченной головы, с разбитого лица стекает кровь. Так выглядит первый прием для вновь прибывших. Все оглушены, в смятении оглядываются, смотрят, куда попали. Кто отодвигается в сторону [...]

Каждый думает, как защититься от побоев. Нам говорят, что это самое легкое в лагерной жизни. Здесь царит железная дисциплина. Здесь лагерь уничтожения, здесь остров смерти. Сюда приезжают не затем, чтобы продолжать жить, а лишь затем, чтобы встретить свою смерть — кто-то раньше, кто-то позже. Жизнь не стала селиться в этом месте. Здесь резиденция смерти. Наш мозг костенеет, понимание притупляется, мы не воспринимаем нового языка. Каждый думает только о том, где его семья, куда же определили его родных, как удастся им приспособиться к таким условиям. Каждый думает: а вдруг [...]

Преступники и садисты [...] как [...] до смерти напуганный ребенок, видя, как бьют его мать.

Кто знает, как сейчас эти подлые бандиты — к какому бы полу они ни относились — обходятся с его слабой больной матерью или с милыми, дорогими его сестрами. Кто знает, где, в какой могиле нашли покой его отец и братья и как [...] Мы все стоим, беспомощные, беспокоящие, доведенные до отчаяния, одинокие, сложенные. Делим боксы¹⁸ — это такие нары, рассчитанные на пять-шесть номеров¹⁹. Нам велят лечь на них, чтобы было видно только голову. Ползи как можно глубже, проклятый человек.

Тебя должно быть видно как можно меньше.

Вот к нарам подходят те, кто здесь уже давно. Они спрашивают, сколько нас было и сколько человек оставили в лагере. Эти вопросы нам непонятны. Мы не можем взять в толк, в чем разница. Где же те, кого увезли на машинах? Собеседники смотрят на нас с циничной улыбкой. Глубоко вздыхают они — знак человеческого сострадания. Среди старых узников нашелся один человек из нашего лагеря, который приехал с одним из более ранних транспортов. Об этих транспортах у нас не было вестей, мы не нашли никаких следов этих людей. Эта встреча — весть о них, след их жизни. [...] из Германии. Но что говорит этот человек? Сердце трепещет, волосы встают дыбом, — послушай, что он несет: «Мои дорогие, нас, как и вас, прибыли тысячи, — а осталась лишь малая толика. [...] Тех, кто уехал на грузовиках, повезли прямо на смерть. А те, кто шел пешком, еще должны проделать свой мучительный путь к смерти — кто длиннее, кто короче».

Ужасные, невероятные слова! Разве может так быть, чтобы люди могли говорить о смерти своей жены, ребенка, родителей, сестер и братьев, — а сами при этом могли еще существовать? Возникает робкая догадка: наверное, лагерная атмосфера делает людей такими дикими, такими жестокими, что им теперь доставляет особое удовольствие созерцание чужих мучений: это приносит им утешение, им хочется увеличить число страдающих. Одно непонятно: почему все они, независимо от возраста и характера — рассказывают одно и то же! Что — всех, кто прибыл сюда, уже давно нет в живых?! Это роковое известие. Все мы совершенно подавлены, нас терзают сомнения: неужели они говорят правду?! Иди сюда, друг, посмотри: вот лежат пять-шесть человек в обнимку, сдавленные грузом страдания. Все они плачут: каждому хочется излить свое сердце. Они не хотят снова погружаться в это несчастье, — но слезы мучений льются сами собой:

«Послушай, друг мой, — один человек говорит другому. — Дорогой мой, неужели это правда — и мы уже все потеряли? Неужели у нас уже никого больше нет: ни жены, ни ребенка, ни матери, ни отца, ни братьев, ни сестер?»

Как это ужасно! Разве это возможно? Разве бывает такая жестокость на свете? Разве может такой садизм — [...] тысячи, тысячи людей, и убить их без вины — существовать на земле? Как были бы мы счастливы, если бы могли быть там все вместе! Как счастливы были бы мы, если бы нас не

разделили и мы могли бы бок о бок сражаться с судьбой, как бы страшна и ужасна она ни была! Почему вы, подлые бандиты, разделили, разлучили нас? Почему вы разделили сердца надвое: одну часть — на смерть, а другую половину еще оставили живой? Почему вы разорвали надвое мою душу [...] разделить ее судьбу [...] Это правда: почему вы [...] встретиться в объятиях смерти [...] не находить себе места от страданий [...]

Трезвый, у которого сначала было ужасное предчувствие [...] Теперь у него есть яд — смертоносные таблетки, которые он хранил до последнего момента и не знал [...]

Каждый был бы теперь счастлив иметь такие таблетки. Мы бы навеки забылись — и волны прекрасных снов соединили бы нас с любимой семьей.

Вдруг — удар палкой. Моего соседа бьют по голове (видимо, нас слишком много на нарах) — и размышлениям, скорбному нашему разговору пришел конец.

Боль нового брата подействовала на нас так: каждый стал думать о себе, о том, как бы обезопасить самого себя — живя посреди боли и горя.

К нашим нарам подходит новый «лагерный папаша» — высокий светловолосый полный человек и, улыбаясь, обращается к нам, своим новым детям: «Знайте, что я, — тот, кого вы видите перед собой, — ваш блокэльтесте²⁰.

Я представитель [...]

[...] можете поддерживать свое тело в живом состоянии... Через несколько дней ваше тело в глубок[...] и истощится от страшных мук.

Запомните: место, в котором вы находитесь, — это лагерь уничтожения. Здесь долго не живут. Условия здесь тяжелые, дисциплина железная. Забудьте обо всем, помните о себе — тогда вы сможете продержаться. Прежде всего, берегите туфли и сапоги — это первый завет лагерной жизни. Если ты бос — скоро тебе конец. Содержи себя в чистоте. И пусть неизвестно, будут ли у вас еще силы после тяжелого рабочего дня, чтобы привести себя в порядок, — пусть у вас будет хотя бы это желание. Моя речь окончена. Спокойной ночи, мои дорогие!»

После этой речи у нас мало чего осталось в голове: смерть нас не пугает. Она не кажется нам несчастьем. Лишь одно среди сказанного пустило в нас корни — это инструкция, как следить за телом, защитить себя от лишних страданий. А это всех пугало: физической боли все хотели избежать. От смертельных страданий все хотели бы уйти.

Эта речь нас утешила и напугала одновременно: утешила своим тоном и испугала своим содержанием. Как выглядит рабочая улица, по которой нас поведут? Кто знает, сколько мук нам придется вынести, пока мы не найдем последнего избавления? Кто знает? [...]

[...] уже от всего и проникают во внутренний мир, ввергают в [...] пучину страданий, которая снова охватила [...]

Вдруг — слышим: кто-то поет. Мы сошли с ума! Что здесь происходит? Здесь, на этом кладбище, — песнь жизни, на острове смерти — живой

голос? Неужели здесь, в лагере уничтожения, кто-то еще может петь, а кто-то другой — слушать? Как это возможно?! Мы, видимо, попали в мир демонов, где все делается наоборот.

В бараке переполох. Все разбегаются, чтобы как можно быстрее залезть на нары. Это явились *Stubediensten*²¹ — те самые «защитники» наших матерей, жен и сестер²². Они кидаются с тяжелыми палками на перепуганные, изнуренные долгим днем работы человеческие тени. Чего они хотят от этих несчастных? Почему бьют без разбора ни в чем не виноватых? Одному разбили голову, другого покалечили — а ты не можешь ничего сказать: если попытаешься их остановить, бросят на землю и тебя, как омерзительное чудовище, и будут топтать ногами — и так [...], мои дорогие сестры. Горе моим братьям, которые пытаются найти в вас утешение, горе детям, которым нужна материнская нежность. Страшно осознавать, что именно вы, оказывается, должны о них позаботиться.

Они подходят к нашим нарам и делают дополнения к лекции блокэльтесте. Они рассказывают и показывают нам, как вести себя с ними и на работе. Мы должны стать автоматами, двигаться лишь по их воле. Не дай бог сделать хоть шаг не так или ослушаться, как они станут бить вас тяжелой палкой, которая сделает вас такими ничтожными, такими жалкими, что во второй раз вам будет уже не подняться.

Каким горьким ни был бы этот яд — он не может больше воздействовать на нас. Он не пугает нас и не вредит нам. Мы ко всему готовы и бесстрашно пойдем в страшное завтра.

Отталкивающее, пугающее впечатление производит на нас всех отправление физиологических потребностей в бараке — прямо напротив нар. Скоро и это нам придется научиться выносить. Как страшно, как ужасно! Мораль и этика здесь тоже умерли.

В бараке становится тихо: все укладываются на нары и погружаются в глубокий сон.

Только на тех нарах, которые заняты недавно, люди, — только что ставшие братьями [...], их семьи уничтожены, — никак не могут найти покой, сон не приходит к ним.

[...] Смотри, друг, как они лежат [...] боли и мук на лице каждого из них. Один кричит, другой плачет во сне [...] все стонут — еще раз переживают трагедию прошедшего дня. Во сне, когда человек наедине с собой, больше чувствуется огромное, безграничное горе. У кого-то на лице появилась счастливая улыбка — наверное, снится семья, с которой его разлучили. Все спят.

Первая ночь миновала.

Всех поднял звон лагерного гонга²³. Нас, вновь прибывших, сразу выгоняют на улицу: мы должны еще пройти тренировку перед построением.

Снаружи еще темно. Падает мокрый снег. В лагере шум: из бараков на построение тянутся номера. Всех пробирает холод: мы босы, на нас лагер-

ные робы. Выкрики: «Разделиться, построиться в шеренги!». Нас готовят к построению, блокэльтесте дает последние указания: что надо делать по той или иной команде. Мы быстро осваиваем эту премудрость.

[...] с желтой повязкой на руке — капо, глава команды, это человек, который волен с каждым из нас делать все что хочет. Он распоряжается твоей силой, твоей личностью.

«[...] чтобы вы были хорошими работниками. Помните только одну вещь: если кто-нибудь попытает у вас отобрать сапоги — не отдавайте. Если вы слишком слабы, чтобы силой удержать их, — хотя бы запишите его номер. Пусть делает все, пусть убивает вас, — но только не отнимает сапоги: это источник жизни, это залог существования».

Занимается день. Перед каждым баракком вырастают большие массы построенных в ряды людей. Начинается шум. Вот раздают последние распоряжения. «Смирно! Шапки снять!» Величественно подходит человек из низших чинов — это блокфюрер²⁴, командующий построением. Он считает выстроившиеся ряды и подписывает бумажку: количество номеров, стоящих здесь, сходится с тем, что на бумаге. «Шапки надеть! Вольно!» Построение окончено. Он идет дальше, к следующей застывшей толпе, чтобы проверить, все ли в порядке. Мы провожаем их взглядом. Они, военные с хорошей выправкой, подходят ко всем бараккам по очереди. Что мы видим? Возле каждого барака, возле каждой толпы лежит один, а иногда даже три-четыре трупа. Это жертвы ночи — те, кто не смог ее пережить. Вчера на построении они были еще живыми номерами, а сейчас лежат неподвижно. Выстроившиеся молчат. Неважно, жив человек или мертв, — важно число. А число сходится.

[...] нужное направление. Как ужасно они выглядят! Как будто они [...] войны. Но это только те, кто остался после вчерашнего рабочего дня.

Нас снова разделяют. Группа, в которую я попал, называется SK-Gruppe²⁵. Наш капо — улыбчивый человек, смотреть на него — утешение. Те, кто стоят рядом с нами, смотрят на нас, разглядывают наши номера. Наш вид их, похоже, удивил: мы выглядим для лагеря слишком хорошо. Но номер все объясняет: мы прибыли только вчера, еще не испытали здешней жизни, не знаем еще лагерной атмосферы и вкуса работы.

Вдруг раздаются звуки музыки²⁶. Кто это? Музыка в лагере? На острове смерти — звуки музыки? Там, где труд убивает человека, как война на полях сражений, ум тревожит волшебная музыка, напоминающая о прежней жизни. Здесь, на кладбище, где все дышит смертью и уничтожением, — можно вспомнить жизнь, которой нет возврата? Вот варварский порядок, вот логика садизма.

Нас выгоняют на работу. Проходим через ворота — и не можем отвести взгляда от женского лагеря, расположенного напротив. Женщины разного возраста [...]

[...] Мы спустились в широкие траншеи, подняли головы [...] и снова [...] Вчера на этом месте стояли другие люди, а сегодня утром, во время построения, они уже, наверное, лежали мертвыми. Сегодня вместо них пришли новые номера. Один выбыл — его место занял другой. Работа была печальной и символичной. Мы рыли ямы.

Вновь прибывшие стоят, низко наклонив голову, всаживают лопату в землю — и слезы из глаз льются ручьем. Каждый смотрит на землю и думает: кто знает, кто знает, может быть, здесь, глубоко, его близкие нашли себе вечное упокоение. Но нет, — утешает он сам себя, — таких трагедий в жизни не бывает. Никто не [...] к такой катастрофе [...]

Рядом со мной стоит мой земляк. Он на семь тысяч номеров раньше, чем я. Он попал сюда две недели назад. Завязывается разговор. Дрожь охватывает меня, когда я слышу его слова, которые он мне говорит: «Подними глаза и посмотри туда, в том направлении. Ты видишь, как клубы черного дыма поднимаются к небу — вот то место, где погибли твои самые дорогие и любимые».

[...] Согнувшись, когда [...] тяжелой палкой [...] по слабому телу. После каждого удара — крик. Когда человек падает, его бьют ногами — пока он не затихнет навсегда. Никто не двигается с места, даже для того, чтобы подать ему воды. Не страшно: если он не сможет прийти сам — его унесут. [...] В этом нет никакого преступления. Наоборот, его будут считать хорошим надсмотрщиком, а когда он снова понесет труп мимо деревянного домика — его проводят улыбкой в знак признания.

Все погружены в отчаянные, горестные раздумья. Все идут, как положено, чтобы не попасть в руки этому кровожадному бандиту — большому рыжему детине.

Так прошел наш первый рабочий день.

Новая беда: нам, измученным, разбитым людям, снова напомнил о себе голод, жестокий враг, не чувствующий боли. Человек всегда беззащитен перед ним [...] Желудок не знает ничего о горе и страдании.

[...] Если хочешь жить — неважно для чего, если хочешь радоваться или горевать, — надо платить. Ты должен отдать дань своему господину. [...] Можно думать — неважно, будут это размышления о жизни, радости и счастье — или [...] мрачные мысли о смерти и уничтожении. [...] Он может подождать тебя, но недолго. Он может [...] тебе момент расплаты. Но помни: если ты [...], если ты не отнесешься к нему со всей серьезностью, он сломает тебя. Ты попадешь в его когти — и тебе придется выбирать: или быть с ним, или быть против него. Ты станешь его рабом. Твоя голова утратит способность думать о чем-нибудь еще, кроме того, как сделать его довольным. Тебе придется посвятить ему все свои умственные силы. И кроме этого для тебя ничего не будет существовать. Он станет властелином твоего естества, эксплуататором твоей души. Тебе придется делать все — и в конце концов, ты должен будешь искать способ прими-

риться с ним, а иначе тебе придется проститься со всем миром, со всем порвать — и исчезнуть навечно.

[...] возможные события. Было бы странно, если бы все, кто вышел с утра на работы, вернулись обратно. Мы идем под звуки музыки. Наш взгляд упирается в проволоку — за ней женский лагерь.

Каждый пытается найти способ, как бы разыскать кого-нибудь из своих. Еще остался слабый лучик надежды. Никто не верит, что они могли уйти навсегда.

Мы подходим к бараку [...] готовимся ко второму построению. Выстроилась огромная плотная масса несчастных, отчаявшихся, мрачных людей. Снова команды: «Равняйся!», «Смирно!», «Шапки снять!» — и построение окончено.

Около нашего барака лежит мертвец. Мы подходим к нему, смотрим. Еще сегодня утром он вышел с нами на работу — а сейчас лежит неподвижно. Никого это не взволновало — никто даже не вздохнул о нем. Бедняга! Если бы были живы твои близкие — что бы сейчас творилось вокруг тебя! Мать бросилась бы на землю рядом с тобой, плакала бы навзрыд! Отец не находил бы себе места, ходил бы из угла в угол и плакал бы как ребенок. Сестры и братья сидели бы вокруг тебя и горько оплакивали твою кончину. Твои друзья [...] пришли бы [...] и каждый [...] со страшным несчастьем.

[...] сестры и братья [...] попал в лагерь [...] Несчастье невелико [...]

После построения нас запускают в барак. Вновь прибывшим приказывают снова выйти. Все пугаются: для чего? Ведь здесь все, что происходит, только усугубляет положение. Нас ведут в баню. Там стоит тот же самый военный — высокий чин, а рядом еще несколько. Приказывают каждому проходить мимо них, они спрашивают возраст и профессию. Один туда, другой сюда. Кто им нравится — тех отправляют в баню, кто не удостоился такой чести — тех отправляют обратно. Разносится слух, что так выбирают людей для работы на фабрике. Все завидуют нам: мы уедем отсюда и будем работать в лучших условиях. Нас пересчитывают, записывают номера и велют собираться в дорогу, быть готовыми ехать, когда позовут, — и раздадут шинели с номерами. Мы возвращаемся обратно в блок. Старожилы завидуют: ведь мы сможем покинуть лагерь. Нам выдают и шапки — это значит, что мы наверняка уедем [...] все вокруг [...]

У меня есть много родственников, которые [...] живут в Палестине. Привожу здесь адрес моего дяди:

A. Joffe
27 East Broadway
Newyork. N. Y.
America

²⁷ Я написал это десять месяцев назад. Я родом из Лунны, Гродненской области. Прибыл из Колбасинского лагеря. Я закопал это в яме с пеплом — мне казалось, что там самое надежное место, где — на территории крематориев — обязательно будут копать.

Только недавно [...]»²⁸

*Перевод с идиша Александры Полян
Примечания — Павла Поляна и Александры Полян*

¹ Эти обращения идентичного содержания на четырех европейских языках вписаны перед посвящениями, то есть на самой последней странице записной книжки, вверху. Каждая новая запись отделена от предыдущей отчерком. Обращения печатаются по: *Mark, 1977. P. 286*. Со временем читаемость этих прочитанных Б. Марком записей, даже при обращении к оригиналу источника, существенно ослабла. Приводим фрагменты, которые в 2007 г. смогла разобрать А. Полян. Польский текст целиком неразборчив. Русский (орфография сохранена): «...интересоваться с этим [докумен]гом то он [...]вает в себя богаты матерял для историка». Французский: «de ce document ... important». Немецкий: «...Dokument ... wichtiges». Сам по себе этот текст является парафразом начала «Письма...», написанного и закопанного в землю 6 сентября 1944 г., и, скорее всего, вписан последним.

² Две строки совершенно размыты и не поддаются прочтению.

³ Три строки совершенно размыты и не поддаются прочтению.

⁴ С этого места начинается польский текст в спецвыпуске «Освенцимских тетрадей». Все предыдущее отброшено как «не относящееся» непосредственно к Аушвицу.

⁵ Аллюзия на пасхальную «агодэ».

⁶ Далее три строки зачеркнуты и не читаются.

⁷ Деревня и железнодорожная станция под Гродно.

⁸ Имеются в виду нацисты.

⁹ Сам Градовский родился недалеко от Белостока, в Сувалках.

¹⁰ Во время описываемых событий — в декабре 1942 г. — гетто в Белостоке, последнее среди всех 116 гетто так называемого бежирка Белосток, все еще жило «нормальной» жизнью. 5 января 1943 г. в гетто произвели селекцию, отделив около 10 тыс. человек, не работавших или работавших за пределами гетто: их уничтожили в Трешлинке. Ликвидация гетто была намечена на 16 августа 1943 г., но в этот день подпольщики подняли восстание, разгромленное только 21 августа; в результате окончательная ликвидация гетто состоялась лишь в октябре 1943 г.

¹¹ Значительная часть варшавских евреев была депортирована и уничтожена еще летом 1942 г. К зиме 1942/1943 гг. в живых в Варшаве оставалось не более 30-35 тыс. евреев.

¹² В оригинале — «купе».

¹³ Градовский здесь имеет в виду, что поезд покидает границы предвоенной Польши, ту часть Верхней Силезии, что была присоединена к Рейху в 1939 г. (в 1922–1939 гг. она была аннексирована Польшей).

¹⁴ Имеется в виду немецкий воинский эшелон, направляющийся на Восточный фронт.

¹⁵ Градовский иронизирует над немецкими представлениями о том, что во всех несчастьях Германии, в том числе и в этой войне, виноваты евреи.

¹⁶ По всей видимости, это был город Домброва-Гурница (*Dąbrowa Górnicza*). Следующим городом, через который, вероятно, пролегал маршрут поезда, был Сосновец.

¹⁷ Некоторым евреям удалось бежать из Трехблинки и спастись. От них и остальные узнали правду об этой фабрике смерти. И эти слухи, несомненно, достигали не только Варшавы, но и Гродно.

¹⁸ Отсеки в бараках.

¹⁹ Нары были рассчитаны по немецкой традиции, связанной с удобством счета «пятерками», на пять человек. Узники не только делили пространство нар, но и накрывались одним общим одеялом (*Friedler, Slebert, Killian, 2002. S. 98*).

²⁰ С. Шавиньский (см. *Приложение 2*).

²¹ Так называемые «штубовые» — ответственные за порядок в отдельных отсеках бараков, низшая ступень лагерной полиции из заключенных.

²² По-видимому, в них Градовский узнал участников селекции на рампе.

²³ Команду «подъем» били в 4.30 утра в летнее время и в 5.30 — в зимнее.

²⁴ Блокфюрером 13-го барака был унтершарфюрер СС Стефан Барецки (см. *Приложение 3*).

²⁵ Очевидно, что SK должно означать «зондеркомmando». В оригинале описки: K.-S.-Gruppe.

²⁶ Лагерный оркестр (*Lagerkapelle*) состоял из узников-музыкантов. Каждый день утром и вечером, в любую погоду, оркестр должен был играть марши и этим задавать заключенным темп при выходе на работу и при возвращении. Свой оркестр был у каждого крупного подразделения лагеря, в том числе и женского. Иногда музыканты выступали и перед лагерной администрацией.

²⁷ Этот абзац написан другими чернилами.

²⁸ Текст оборван: на этой странице более ничего нет, следующая страница, по-видимому, вырвана.

В СЕРДЦЕВИНЕ АДА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогой читатель, в этих строках ты найдешь выражение страданий и бед, которые мы, несчастнейшие дети этого мира, перенесли во время нашей «жизни» в той земной преисподней, которая называется Биркенау-Аушвиц. Думаю, миру это название уже хорошо известно, но никто не будет знать точно, что здесь на самом деле происходит. Некоторые подумают, если услышат по радио о лагере, что то варварство, та жестокость, то зверство, которые здесь царят, — все это не более чем «страшная пропаганда». Но я тебе покажу сейчас, что все, что ты уже слышал, и то, что я здесь и сейчас пишу, — лишь ничтожная часть происходящего здесь в действительности. Это место бандитская власть устроила для уничтожения нашего народа и частично — для уничтожения других. Биркенау-Аушвиц — одно из многих мест, где разными способами истребляется наш народ.

Цель моего сочинения в том, чтобы мир узнал хоть о малой толике реально происходящего здесь и отомстил, отомстил за все.

Это единственная цель, единственный смысл моей жизни. Я живу памятью, надеждой на то, что, может быть, мои записки дойдут к тебе, и что хотя бы отчасти осуществится то, к чему мы все стремимся и что было последней волей моих убитых братьев и сестер, детей моего народа.

К нашедшему эти записки!

Я прошу тебя, дорогой друг, — это желание человека, который знает, который чувствует, что настает последний, решающий момент в его жизни. Я знаю, что и я, и все евреи, находящиеся здесь, уже давно приговорены к смерти, и только день исполнения приговора еще не назначен. И поэтому, друг, исполни мою волю, последнее желание перед неотвратимой казнью! Друг мой, обратись к моим родственникам по адресу, который я передам. От них ты сможешь узнать, кто такие я и моя семья. Возьми у них нашу семейную фотографию — и нашу с женой карточку — и приложи эти фотографии к запискам. Пусть люди, которые посмотрят на них, проронят слезу или хотя бы вздохнут. Это будет для меня величайшим утешением,

ведь мою мать, моего отца, моих сестер, мою жену и, может быть, еще моего брата никто не оплакивал, когда они ушли из этого мира.

Пусть их имена, пусть память о них не уйдут без следа.

Ах! Я, их ребенок, не могу даже сейчас, в аду, оплакать их, потому что каждый день я погружаюсь в море, да-да, в море крови. Одна волна подгоняет другую. Здесь нет ни минуты, чтобы можно было забиться в угол, сесть там — и плакать, плакать об этой беде. Регулярная, систематическая смерть, из которой и состоит вся здешняя «жизнь», заглушает, притупляет, искажает все твои чувства. Сам ты не можешь ощутить даже самое большое страдание, и твоё личное бедствие поглощается бедствием всеобщим.

Иногда сердце разрывается, душа измучена терзаниями — почему я так «спокойно» сижу и не жалею, не плачу о моей трагедии, почему все мои чувства как будто затвердели, огрубели, отмерли? Было время, я надеялся, утешал себя, что придет еще время, придет день, когда я получу это право — плакать! Но кто знает... Почва подо мной шатается и уходит из-под ног.

Сейчас я хочу — и это мое единственное желание, — чтобы хотя бы посторонний человек проронил слезу над моими близкими, если я сам не смогу их оплакать.

Вот моя семья —

ее здесь сожгли во вторник 8 декабря 1942 года, в 9 часов утра:

Моя мать — Сорэ

Моя сестра — Либэ

Моя сестра — Эстер-Рохл

Моя жена — Соня (Сорэ)

Мой тесть — Рефозл

Мой шурин — Волф

О моем отце, который за два дня до советско-немецкой войны случайно оказался в Вильно и остался там, мне немного рассказала одна женщина, родом из моего города¹, — она прибыла в крематорий с литовским транспортом. Я узнал от нее, что в ночь на Йонкипер² 1942 года его схватили вместе с другими десятками тысяч евреев, — а что было дальше, она не хотела мне рассказывать. Еще были у меня сестра Фейгеле и невестка Зисл в городе Отвоцке³, их отправили в Треблинку одним из варшавских транспортов и, наверное, убили в газовой камере. О двух братьях — Мойшле и Авроме-Эйвере — я узнал от той же госпожи Кешковской из Вильно⁴, что их уже давно отвезли в лагерь. Что с ними произошло дальше, не знаю. Кто знает, может быть, они уже давно прошли через мои собственные руки как «мусульмане»⁵, которых сюда привозят отовсюду, — живыми или мертвыми.

Это вся моя семья — она осталась в моем прежнем мире, — а я должен жить здесь.

Сейчас я и сам стою у края могилы⁶.

ЛУННАЯ НОЧЬ

Я любил ее и всегда с трепетом ожидал ее прихода. Как верный раб, часами стоял я и поражался ее власти, ее волшебству. Как прикованный, загнипнотизированный, я не отводил взгляда от ее царства — глубокого синего ночного неба, разубранного сверкающими бриллиантовыми звездами, — и в напряжении ждал минуты ее величественного появления. А она, царица, появлялась в сиянии своей красоты и, в сопровождении свиты, спокойно, беззаботно, счастливо и безмятежно отправлялась на свою загадочную ночную прогулку, чтобы осмотреть свое царство — ночной мир, — и дарила человечеству лучи своего света.

Мир тосковал по ее таинственному свету. Священный трепет охватывал человека, и новый источник жизни, счастья и любви открывался над миром, наполняя людям сердца — и старым, и молодым.

Люди в полях и лесах, в горах и долинах были погружены в мечты, очарованы, пленены ее волшебством; из высоких дворцов и из глубоких подвалов люди выглядывали, чтобы с тоской посмотреть на нее, — а она, Луна⁷, создавала для них новый романтический, фантастический мир и наполняла их слабые сердца любовью, счастьем и наслаждением. Для всех она была самой близкой подругой. Каждый доверял ей свои тайны и открывал ей душу. Каждый чувствовал себя под ее властью уверенно и спокойно. Счастливые и довольные, полные мужества и надежды, все пряли новые нити для этого идиллического, счастливого и волшебного мира.

С тихой, спокойной, озаренной светом земли возносились к высоким небесам сладкие, чувственные мелодии переполненных любовью сердец — это люди пели песни, песни радости и счастья, хвалебные гимны ее, царицы ночи, могуществу, и ее благодарили за заново открывшийся им мир.

Все это было когда-то, когда я еще видел небо своей свободы, когда я был еще человеком, равным другим людям, — был ребенком у своих родителей, жил среди братьев и сестер, когда была у меня жена, которая меня любила, — тогда Луна была для меня источником жизни и счастья, наполняя мне сердце, и чаровала меня своим волшебством и красотой.

Но сегодня, сегодня, когда я остался здесь один-одинешенек, когда мой дом, мою семью, мой мир, мой народ безжалостно уничтожили бандиты, а я, единственный из миллионов, приговоренный к смерти, сижу в тюрьме, закованный в цепи, ослабевший от мук и страха перед смертью, сегодня, когда я ее вижу, — я бегу от нее, как от призрака.

Когда я выхожу из своего барака на проклятую дьявольскую землю и вижу, как Луна дерзко разрушила мой мрачный мир, в который я уже глубоко погрузился и с которым уже сросся, — я бегу обратно, назад, в мой темный барак. Я больше не могу видеть ее сияния. Меня выводит из себя ее спокойствие, ее беззаботность, ее мечтательность. Когда она загорается, ее свет как будто отрывает мне куски кожи, которой обросло было мое кровотокащее сердце. Она терзает, разрывает мне душу, пробуждает

во мне воспоминания, которые не дают мне покоя и рвут мне сердце. И меня, словно бурной волной, уносит в море страданий. Она напоминает мне о волшебном прошлом и освещает страшное настоящее.

Я больше не хочу видеть ее сияния, потому что она только усиливает мою тоску, только заостряет мою боль, только умножает мои мучения. Я лучше чувствую себя в темноте, в царстве печальной мертвой ночи. Она, эта ночь, созвучна терзаниям моего сердца и мукам моей души. Мой друг — темная ночь, мои песни — плач и крик, мой свет — огонь, в котором сгорают жертвы, мой аромат — запах смерти, а мой дом — этот ад. К чему и зачем приходишь ты, жестокая и чуждая мне Луна, зачем мешаешь людям хоть немного насладиться счастьем в их забытьи? Зачем ты пробуждаешь их от тревожного сна и освещаешь мир, который уже стал им чужим и куда они уже больше никогда, никогда в жизни не смогут попасть!

Зачем ты появляешься в своем волшебном великолепии и напоминаешь им о былом — о котором они уже навсегда забыли? Зачем ты озаряешь их своим царственным светом и рассказываешь им о жизни, о счастливой жизни, которой еще живут какие-то люди — там, на земле, куда еще не ступала нога этих извергов?

Зачем ты шлешь нам свои лучи, которые превращаются в копыя и ранят наши кровоточащие сердца и измученные души? Зачем ты сияешь нам здесь, в этом проклятом адском мире, где ночь озаряется огромными кострами — кострами, в которых сгорают невинные жертвы?

Зачем ты сияешь здесь, над этим жутким куском земли, где каждый шаг, каждое дерево, каждая травинка — буквально все пропитано кровью миллионов, миллионов замученных людей?

Зачем ты появляешься здесь, где воздух насыщен смертью и уничтожением, где к небесам летят душераздирающие вопли женщин и детей, отцов и матерей, молодых и старых, — невинных, которых гонят сюда, чтобы зверски убить?

Не смей здесь светить! Здесь, в этом жутком углу, где людей дико, жестоко истязают и топят в пучине горя и крови — а они с ужасом ждут неизбежной смерти, — не смей светить!!!

Зачем ты появляешься в своем могуществе и величии — ждешь тоскующего взгляда? Посмотри на эти бледные, исхудавшие тени, которые бродят, как безумные, от одного барака к другому, смотрят с содроганием не на твой блеск, а на то пламя, которое рвется к небесам из высоких печей, и их сердца наполняются ужасом: кто знает, не сожжет ли каждый из них сам завтра, как и сегодня, сердце своего брата, а его тело, которое сегодня, на этом острове мертвых, еще живо, — не исчезнет ли и оно завтра в дыму? И не будет ли это финалом его жизни, концом его мира?..

Почему ты движешься так величественно, как прежде, так же беззаботно, счастливо и радостно, почему не сочувствуешь им, несчастным жертвам, жившим когда-то в какой-то европейской стране, все вместе, одной

семьей, еще помнящим домашнее тепло? Глядя на твой свет, они мечтали о лучших временах, представляли себе мир счастья и радости. А сегодня жестоко и неумолимо несутся поезда, они везут жертв — детей моего народа, — быстро везут их, как будто в дар своему богу, который жаждет их плоти и крови. О, знаешь ли ты, сколько страдания, боли и мук несут поезда, когда летят через страны и города, где люди еще спокойно живут и беззаботно наслаждаются миром, твоим волшебством и великолепием?

Почему ты не сострадаешь им, несчастным жертвам, которые бежали из своих домов и прячутся в лесах и полях, в развалинах, в мрачных подвалах, чтобы их не обнаружил взгляд ни одного убийцы, — а ты своим светом только усугубляешь их несчастье, усиливаешь их горе, удваиваешь их ужас. Из-за твоих лучей они боятся показаться на свет, глотнуть хоть чуть-чуть свежего воздуха или достать кусок хлеба.

Почему ты так царственно сияешь на этом проклятом горизонте и досаждаешь жертвам, — тем, кого в эти светлые ночи изверги вытаскивают из их деревянных барачков, тысячами загоняют в машины и везут в крематории, на верную смерть? Знаешь ли ты, сколько мук ты причиняешь им, когда в свете твоих лучей они снова видят этот прекрасный и влекущий к себе мир, от которого сейчас их так безжалостно оторвут? Не было бы им лучше, если бы мир был погружен во мрак и они не видели его в последние минуты своей жизни?

Почему, Луна, ты думаешь только о себе? Почему ты с таким садизмом стремишься досаждать им, когда они уже стоят на краю могилы, и не отступаешь, даже когда они уже сходят в землю? И тогда — стоя с распростертыми руками — они шлют тебе последний привет и смотрят на тебя в последний раз. Ты знаешь, с какими мучениями они сходят в могилу, — и все из-за того, что они заметили твой свет и вспомнили твой прекрасный мир?

Почему ты не слышишь последнюю песнь влюбленных сердец, обращенную к тебе, когда земля их уже почти поглотила, а они все не могут с тобой расстаться — так сильна их любовь к тебе, — а ты остаешься такой же спокойной и все дальше удаляешься от них?

Почему ты даже не посмотришь на них в последний раз? Проплей свою лунную слезу, чтобы им было легче умирать, чувствуя, что и ты им сострадаешь.

Почему ты сегодня движешься так же задумчиво, влюбленно, замороженно, как и прежде, и не видишь этой катастрофы, этого бедствия, которое принесли с собой эти бандиты, эти убийцы?

Почему ты не чувствуешь этого? Разве ты не скорбишь по этим миллионам жизней? Эти люди жили спокойно во всех уголках Европы, пока не пришла буря и не затопила мир морем их крови.

Почему ты, милая Луна, не смотришь вниз, на обезлюдивший мир, и не замечаешь, как пустеют дома, как гаснут свечи, как у людей отнимают жизни? Почему не спрашиваешь себя, куда, куда исчезли миллионы беспо-

койных жизней, трепещущих миров, тоскующих взглядов, радостных сердец, поющих душ, — куда?

Почему ты не чувствуешь, Луна, пронзительного горя, которым охвачен весь мир? Разве ты не замечаешь, что в общем восхваляющем тебя хоре так не хватает юных голосов, полнокровных людей, которые могли бы воспевать тебя так искренне и радостно?

Почему ты и сегодня сияешь так же величественно и волшебно? Тебе бы облачиться в траурные тучи и никому на земле не дарить своих лучей. Тебе бы скорбеть вместе с жертвами, бежать со света, затеряться в небесной выси и не показываться больше никогда проклятому людскому роду. И пусть станет навеки темно. Пусть весь мир непрестанно скорбит — как и мой народ обречен теперь вечно скорбеть.

Этот мир недостоин тебя, недостойно и человечество наслаждаться твоим светом! Не освещай больше мир, где творится столько жестокости и варварства — без вины, без причины! Пусть больше не увидят твоих лучей эти люди, превратившиеся в диких убийц и зверей, — не свети им больше!

И тем, кто сидит спокойно, потому что эти изверги еще не смогли до них добраться, и видят еще чудесные сны в твоих сияющих лучах, мечтают о любви, пьяны от счастья, — и им не свети! Пусть их радость навсегда исчезнет — раз они не захотели слышать наши стенания, наш плач, когда мы в смертельном ужасе пытались сопротивляться нашим убийцам, — а они спокойно и беззаботно сидели и упивались тобой, черпали в тебе счастье и радость.

Луна, собери воедино весь свой свет и явись в своем волшебном величии. И остановись так навсегда — в своей чарующей прелести. А потом оденься в черные одежды для прогулки по этому горизонту, полному горестей, и в скорбь, в траур облеку небеса и звезды — пусть все твое царство исполнится горя. Пусть черные тучи затянут небо. И пусть только один луч упадет на землю — для них, для жертв, для жертв из моего народа — ведь они тебя любили до последнего вздоха и не могли с тобой расстаться даже на краю могилы, посылали тебе последний привет, уже сходя в землю, погружаясь в пучину — и даже оттуда обращались к тебе — в последней песне, в последнем звуке жизни.

Явись, Луна, останься здесь, я тебе покажу могилу — могилу моего народа. Ее и освети — одним лучом. Видишь, чтобы посмотреть на тебя, я выглядываю из своего зарешеченного ада. Я нахожусь в сердце, в самой сердцевине этого ада, в котором гибнет мой народ.

Слушай, Луна, я открою тебе один секрет. Не о любви, не о счастье я тебе расскажу. Видишь, я здесь один — одинокий, несчастный, разбитый, но еще живой. Сейчас ты — моя единственная подруга, тебе, тебе одной я сейчас открою сердце и обо всем — обо всем тебе расскажу. И тогда ты поймешь мое огромное, мое безграничное горе.

Слушай, Луна: один народ — народ высокой культуры, народ сильный и могущественный — продался Дьяволу и принес мой народ ему в жертву — во имя и во славу своего нового божества. Они, его культурные рабы, ставшие дикими разбойниками, согнали сюда моих братьев и сестер со всего света, отовсюду — на закляние Дьяволу. Видишь это большое здание? Не один такой храм для своего божества построили они! Кровавые жертвы они ему приносят — чтобы утолить его голод, его жажду нашим мясом и нашей кровью.

Миллионы уже принесены ему в жертву: женщины, дети, отцы, матери, сестры, братья, стар и млад, мужчины и женщины, все скопом — всех он поглощает, не останавливается, и всегда готов к новым жертвам — из моего народа. Отовсюду ему приводят их — тысячами, сотнями, иногда поодиночке. Видно, дорога ему еврейская кровь: даже одного человека издалека — и того специально привозят сюда, потому что он хочет, чтобы ни одного еврея не осталось на свете.

Луна, милая Луна, взгляни своим светлым взором на эту проклятую землю, посмотри, как они суеются — эти дикие безумцы, рабы Дьявола, варвары — и рыщут, ищут в домах и на улицах: не удастся ли найти еще хоть одну жертву? Посмотри, как они бегают по полям и лесам, как назначают вознаграждение другим народам — чтобы те помогли им искать все новые и новые жертвы: ведь тех, что есть, им уже мало, слишком многих поглотило их божество, и теперь оно страдает от голода и безумства и с дрожью нетерпения ждет новой крови, новых жертв.

Посмотри, как бегут они в кабинеты правительств, как уговаривают дипломатов из других стран, чтобы и те последовали их «культурному» примеру и принесли в жертву незащитных людей — в дар ему, их всемогущему божеству, которое жаждет новой крови.

Послушай, как стучат колеса, посмотри, как мчатся поезда, — они привозят сюда жертв со всей Европы. Видишь, как их выгоняют из поездов, сажают в машины и везут — нет, не на работы, а в крематории?

Слышишь ты этот шум, этот стон, этот вопль? Это привезли сюда жертв, у которых уже не было выбора — и они дали себя поймать, хотя и знали наверняка, что пути назад уже не будет. Посмотри на них — на матерей с маленькими детьми, с младенцами, которых они прижимают к груди, — они с ужасом оглядываются, смотрят на то страшное здание, и глаза их становятся безумными, когда они видят этот огонь и чувствуют этот запах. Они чувствуют, что настал их последний час, приходят последние минуты их жизни — а они одиноки, они здесь одни, их разлучили с мужьями еще там, у поезда.

Ты видела, Луна, застывшие слезы, которые тогда показались в твоих лучах? И последний взгляд, которым они на тебя посмотрели? Ты слышала их последние приветы, последние песни, которые они еще пели тебе?

Слышишь, Луна, как тихо стало на площади? Дьявол уже схватил их, и они стоят все вместе, обнаженные — так хочет он, ему потребны именно

нагие жертвы, — они идут, уже построенные в шеренги, целыми семьями, — сходят в общую могилу.

Луна, ты слышишь эти жалобные вопли, эти страшные крики? Это кричат жертвы в ожидании смерти. Подойди, Луна, взгляни, блесни лучами на эту мрачную землю — и ты увидишь: из четырех ям — глаз земли — тысячи жертв смотрят на небо, на мерцающие звезды, в светлый мир — и с ужасом ждут своей последней минуты.

Взгляни, Луна: вот идут двое — это рабы Дьявола, они несут смерть миллионам. Они приближаются «невинными»⁸ смертоносными шагами к этим людям, смотрящим на тебя, и сыплют кристаллы смертельного газа — это последнее послание мира, последний подарок Дьявола. И вот люди уже лежат, застыв. А Дьявол уже поглотил их и — на какое-то время — насытился.

Видишь, Луна, это пламя, что вырывается из высоких труб к небесам? Это сгорают они, дети моего народа, которые еще несколько часов назад были живы, а сейчас — через несколько минут — о них и памяти не останется. Видишь, Луна, этот большой барак? Это могила, могила моего народа.

Видишь, Луна, эти деревянные проемы, эти бараки, из которых дико выглядывают испуганные глаза? Это жертвы, которые стоят рядами и ждут. Вот уже пришел их последний час. Они смотрят на тебя — и на пламя: а вдруг их не сожгут завтра, как сожгли сегодня их сестер и братьев, матерей и отцов, и их жизнь в этом бараке продлится еще хоть немного?

Подойди сюда, Луна, останься здесь навсегда. Отсиди траур по моему народу у его могилы⁹, и хоть ты пролей по нему слезу: ибо не осталось уже никого, кто бы мог его оплакать. Ты одна свидетель истребления моего народа, гибели моего мира!

Пусть один твой луч, твой печальный свет вечно освещает его могилу. Он и будет гореть вместо свечи на его йорцайте¹⁰ — и ты одна сможешь его зажечь!

ЧЕШСКИЙ ТРАНСПОРТ¹²**Вступление**

Дорогой читатель, я пишу эти слова в минуты глубочайшего отчаяния, я не знаю, смогу ли сам прочитать эти строки еще раз — после «бури»¹³. Может быть, мне представится еще счастливая возможность открыть миру секрет, который я ношу в сердце? Вдруг еще случится увидеть свободного человека и поговорить с ним? Возможно, именно эти строки, что я сейчас пишу, будут единственным свидетельством моего существования. Но я буду счастлив, если мои записи дойдут к тебе, о свободный гражданин мира. Может быть, искра моего внутреннего пламени вспыхнет в тебе — и ты исполнишь нашу волю и, хотя бы отчасти, отомстишь нашим убийцам!

Дорогой друг, нашедший эти записи!

Я прошу тебя — в этом и заключается смысл моих записок — прошу, чтобы моя жизнь — пусть сам я и обречен — обрела цель, а мои дни в аду, мое безнадежное завтра — смысл для будущего.

Я передаю тебе только часть, только самую малость того, что происходило в аду под названием Биркенау-Аушвиц. Ты сможешь представить себе, как выглядела наша действительность — я много уже написал об этом. Я верю, что вы найдете все следы и составите представление о том, что здесь происходило — как гибли дети нашего народа.

Обращаюсь к тебе, дорогой находчик и публикатор этих записок, с особой просьбой: по данным, которые я прилагаю, определи, кто я такой, и попроси у моих родственников снимки, на которых моя семья и я с женой, и опубликуй некоторые из них — по твоему усмотрению — в книге с моими записями. Мне хотелось бы сохранить их милые, дорогие имена, над которым я не могу сейчас даже проронить слезу: ведь я живу в аду, и вокруг меня смерть, — а не могу я даже как следует оплакать мою страшную потерю. Да и сам я уже приговорен к смерти — так разве может мертвец плакать по мертвецу? Но тебя, о незнакомый свободный гражданин мира, тебя прошу я: поплачь по моим близким, когда будешь смотреть на их фотографии. Им я посвящаю все мои рукописи — это мои слезы, мои тяжелые вздохи, моя скорбь по моей семье, по моему народу.

Хочу назвать имена моих близких, которых уже нет:

Моя мать — Сорэ

Моя сестра — Либэ

Моя сестра — Эстер-Рохл

Моя жена — Соня (Сорэ)

Мой тесть — Рефозл

Мой шурин — Вольф

Они погибли 8 декабря 1942 года в газовой камере, их тела сожжены.

Мне передали весть о моем отце Шмуэле: «они» схватили его осенью 1942-го, на Йонкипер — а что было дальше, неизвестно. Двоих братьев — Эйвера и Мойшла — схватили в Литве, сестру Фейгеле — в Отвоцке. Это все о моих родных.

Вряд ли кто-нибудь из них еще жив. Прошу тебя — это мое последнее желание: подпиши под нашей фотографией день их смерти.

Что будет со мной дальше, уже подсказывают обстоятельства. Знаю, что все ближе тот день, в ожидании которого дрожит мое сердце и трепещет душа. Не из жадности жизни — хотя жить хочется, — ведь жизнь дразнит и манит, — нет: мне в жизни осталось только одно дело, которое не дает мне покоя и заставляет меня действовать: я хочу жить, чтобы отомстить! И чтобы не забылись имена моих близких.

У меня есть друзья в Америке и в Палестине. Из их адресов я помню только один — его и даю тебе. По нему ты сможешь узнать, кто я и кто мои родные. Вот он — адрес одного из моих дядьев в Америке:

A. Joffe

27. East Broadway, N.Y.

America

Всему, что здесь описано, я сам, сам был свидетелем в течение шестнадцати месяцев работы в зондеркомmando. Всю накопившуюся скорбь, всю свою боль, все душераздирающие страдания из-за этих «обстоятельств» я не мог выразить иначе, кроме как в этих записях.

3. Г.

Ночь

Глубокое синее небо, украшенное мерцающими бриллиантовыми звездами, раскинулось над миром. Луна, спокойная, беззаботная и довольная, отправилась совершить свой величественный променад, чтобы посмотреть, как поживает ее царство — ночной мир. Ее источники открылись, чтобы напитать людей любовью, счастьем и радостью.

Люди сидели спокойно, без оград и замков, — люди, которых еще не растоптали сапоги этих преступников, люди, не видевшие еще этих дика-

рей в лицо, — они спокойно сидели дома и смотрели из окон своих сумрачных комнат на ее величие, на ее чары, на волшебную ночь — и предавались сладким грезам о своем будущем счастье.

И вот они гуляют — на улицах, в садах, беззаботные, довольные, они смотрят мечтательным взглядом на небо — и ласково улыбаются Луне: она уже опьянила, околдовала их сердца и души.

Вот сидят юноши на скамейках в тени дальних аллей. [...] И поверяют ей, Луне-подруге, свою тайну: они влюбились! Ее свет ярко блестит в их глазах, слеза влюбленного сердца падает юноше на грудь: его сердце переполняется любовью, а слеза эта — слеза радости!

И вот плывут они по морю любви, погруженные в мечтания и грезы, и тихие волны несут их к новым волшебным мирам, а они поют песни о любви, играют сладостные мелодии. И эти песни, полные радости и гармонии, возносятся к небесам. Это люди поют гимн ее величеству — царице ночи, благодарят ее за любовь и счастье, которыми она наделила мир.

Вот так выглядела та ночь — ужасная, жестокая ночь накануне праздника Пурим¹⁴ в 1944 году¹⁵, когда убийцы привели на заклание пять тысяч таких же юных и прекрасных, как и те влюбленные: они принесли в жертву своему богу чешских евреев.

Убийцы хорошо продумали это торжество, все приготовления были сделаны еще за несколько дней. И казалось, что и Луну со звездами на небесах заодно с Дьяволом они взяли себе в сообщники. И вот они вырядились, чтобы их «идеальный» праздник выглядел богато и импозантно.

И они превратили наш Пурим в Девятое ава!¹⁶

Казалось, что на свете теперь двое небес — для всех народов одни, а для нас — другие. Для всех остальных звезды на небе мерцают, сияют любовью и красотой, а для нас, евреев, звезды на том же самом небе — синем, глубоком, — гаснут и падают на землю.

И Луна тоже не одна — их две. Для всех народов Луна — милая, мягкая, она нежно улыбается миру и слушает напевы любви и счастья. А для нашего народа Луна — жестокая, неумолимая: она равнодушно застыла в небе, слыша плач и стенания наших сердец, сердец миллионов, которые из последних сил сопротивляются неизбежной уже смерти.

Настроение в лагере

В лагере всех евреев охватила безутешная тоска. Все подавлены и измучены. Все — в нетерпеливом ожидании.

Несколько дней назад мы узнали, что к нам собираются привезти их — и вот уже три дня подряд горят печи, готовые принять новые жертвы. Но казнь откладывалась со дня на день — очевидно, что-то не получалось. Кто знает, какие последствия это может иметь. Может быть, это сопротивление, взрывная сила, пороховая бочка, динамит, который уже давно ждет взрыва? — на это мы надеялись, так мы предполагали. Ведь они из лагеря,

чешские евреи. Они уже семь месяцев¹⁷ живут здесь — в этом проклятом, ужаснейшем месте на свете. Они уже все здесь знают и все понимают. Они каждый день видят этот огромный столб черного дыма с пламенем, который все время вырывается из подземного ада — и уносит к небесам сотни жизней.

Они знают, им не надо рассказывать, что это место специально создано для того, чтобы истреблять наш народ — убивать газом, расстреливать, резать или мучить, выдавливать из жертв кровь и мозг тяжелой работой и побоями, пока они не свалятся без сил прямо в грязь, — и их изможденные тела так и останутся там лежать. Но чешские евреи верили и надеялись, что их минет эта судьба, потому что их пытаются защитить словацкие¹⁸ власти.

И действительно, это был первый случай, когда целые транспорты с евреями не отправили в печь тут же, а поселили в лагере, целыми семьями. Это было для них большим утешением, знаком, что «власть» их выделила, защитила от действия общего для всех евреев закона — и их не ждет теперь та же судьба, которая постигла евреев всего мира: их не принесут эти убийцы в жертву своему богу. И потому они, несчастные и наивные жертвы, ничего не знали, ничего не понимали, не старались разгадать замысел этих подлых садистов и преступников — сохранить им жизнь до поры до времени, отсрочить их казнь — и все ради какой-то великой дьявольской цели. Их обманули, позволив им еще пожить. А когда цель обмана была достигнута, их жизнь перестала быть кому бы то ни было здесь нужна, и теперь они — как и все остальные евреи, чье единственное предназначение здесь — быть убитыми.

Но вдруг их оповестили, что они «высылаются» из лагеря. Страх, испуг, дурные предчувствия овладели ими: интуиция подсказывала, что ничего хорошего их не ждет, — но верить в это они не хотели. Лишь в последний день своей жизни узнали они, что их не переводят на работу в другой лагерь, а ведут на смерть.

В лагере напряжение, хотя это уже далеко не первый случай, когда забирают сразу тысячи людей, которые наверняка уже знают, что их ведут на смерть. Но сегодня случай особый: эти люди приехали сюда целыми семьями, живут вместе и надеются, что их освободят, — ведь уже семь месяцев они здесь живут, — и что они смогут вернуться к своим братьям, которые остались в Словакии¹⁹. Все сострадают им сейчас, всем жаль этих юных жизней, этих людей, которые сидят взаперти в темных холодных бараках, как в клетках, а двери заколочены досками.

Семьи уже разделены: рыдающих женщин ведут в один барак, убитых горем мужчин — в другой, а подростков детей — в третий, они сидят там, тоскуют без родителей и плачут.

Все в отчаянии ходят по лагерю, невольно смотрят в ту сторону, в тот угол, где за проволокой, за забором — переполненные бараки, в которых тысячи людей, тысячи миров, — и вот наступает их последняя ночь. Они

сидят там, несчастные жертвы, оглушенные болью и муками, и с ужасом ждут, что произойдет. Они знают, они чувствуют, что близок их последний час. В щели в барачных стенах проникают лунные лучи — Луна освещает обреченных на смерть.

Сердца и души измучены, они болят и кровоточат. Ах, как бы эти люди хотели быть вместе — мужчины с женщинами, родители с детьми — хотя бы в последние часы! Как хотели бы они обнять и поцеловать друг друга, излить сердце в плаче и крике! Родители были бы счастливейшими людьми, если бы им позволили хотя бы прижать своих детей к сердцу, поцеловать их — сильно и нежно, оплакать это горе, оплакать своих детей, которые еще так молоды и полны жизненных сил, которые без вины, без причины — только за то, что они родились евреями, — должны сейчас умереть.

Как бы они хотели оплакать свое несчастье, свою ужасную судьбу! Как бы они хотели вместе, целыми семьями скорбеть о своей гибели! Но даже этого последнего утешения — вместе отправиться в ужасный путь, быть вместе до последнего шага, не разлучаться до последнего вздоха — даже этого подлые изверги им не позволили. Они сидят по отдельности, оторванные друг от друга, разлученные. Каждый погружен в глубокое отчаяние, каждый тонет в море мук и боли и сводит последние счета с жизнью.

Они плачут, стенают, содрогаются от боли. Эти раздумья разрушают все их естество.

А мир так прекрасен, так совершенен и волшебен... Сквозь щели в бараке они выглядывают, смотрят на него — на этот величественный чарующий мир — и вспоминают о том, какой прекрасной и счастливой была некогда их жизнь. Перед глазами у них проходят все минувшие годы, которые теперь навсегда уже исчезли, и показывается ужасная действительность, окружающая их. Все подавлены и разбиты страданием в ожидании страшной кончины.

Каждый проплывает заново по волнам своей жизни — от начала до конца.

Даже дети, совсем маленькие — которых не оторвали от матерей — тоже предчувствуют близкую гибель. Детская интуиция подсказывает им, что их ждут ужасные события. Всеобщая скорбь, тяжелое отчаяние глубоко проникло и в их детские сердца. Их пугают даже материнские поцелуи и ласки — со страданием пополам. Они припадают, прижимаются к сердцу матери и тихо плачут — чтобы не мешать глубокому материнскому горю.

Вот сидит совсем молодая девушка — ей нет еще шестнадцати лет. Перед ней проплывают ее детские годы — беззаботные, добрые. Она ходит в школу, хорошо учится. Каждый день, возвращаясь домой, она с радостью говорит маме, что получила «отлично», — и мама ее целует. А вечером, закончив дела, возвращается домой папа. Дочка и ему сообщает свою ра-

достную новость — и папа берет ее на колени, нежно прижимает к сердцу и по-отечески целует ее лицо и глаза, дарит ей конфеты, играет с ней, как ребенок.

Она плывет дальше по волнам своих юных лет и пристает к другому берегу. Это был волшебный, счастливый вечер. Она с отличием окончила школу, и это отпраздновали — пригласили друзей и подруг, близких и знакомых. Все желают ей и им, ее любимым родителям, больших успехов и в жизни, и в учении, все целуют ее, все радуются, поют и танцуют. Она сегодня главная, она — виновница торжества. Она сияет, она горда своими успехами.

И вот она сидит за пианино, играет для себя, для гостей, все сидят спокойно и чуть напряженно, очарованные звуками, и сама она словно парит в небесах. Каждый новый звук — будто новое крыло, которое несет ее тело ввысь. И только она поднялась на самую большую высоту — пришла нежданно-негаданно беда. Посреди радости и праздника вдруг резко распахнулась дверь, появились эти подлые бандиты — и всем сказали, что надо собираться в дорогу: транспорт уже завтра утром увезет их. И вот она вспоминает весь этот кошмар: их забрали из дома, отвезли сюда, в лагерь уничтожения. Она провела здесь уже почти семь месяцев — и вот она одна: ни мамы, ни папы рядом нет. Одинокая, покинутая, она с ужасом ждет страшной смерти и горько оплакивает судьбу. Если бы рядом с ней были отец и мать, они бы расцеловались, были вместе — ах, как счастлива бы она была...

Вот так прядлась золотая нить — и ее перерезали посередине.

Вот сидит и скорбит еще одна девушка. Ей уже двадцать. Молодая и красивая, она пользовалась большим успехом: многие любили ее, обожали, боготворили. Она познакомилась с юношей, который отдал ей свое сердце — и она сама его полюбила. И оба они были счастливы. Она вспоминает тот волшебный вечер: они вместе гуляли по тенистым аллеям, оба молчали — хотя оба могли многое сказать друг другу, но будто не осмеливались. Потом они сидели на скамейке, а Луна и звезды проливали свой волшебный свет на тот уголок, где они сидели. Влюбленный взор затуманился слезами — и вот, наконец, это произошло. Он страстно обнял ее и открыл ей секрет: он в нее влюблен! Долгий и сладкий поцелуй соединил их пламенные уста. Их влюбленные сердца забились созвучно — осуществилась давняя их мечта.

И вдруг — с небесных высот они низвергнуты в глубочайшее подземелье. Они были на пороге величайшего счастья, все приготовления к свадьбе были уже сделаны — и тут пришла беда.

Их разлучили, оторвали от дома: ее отправили с транспортом, его оставили одного. Она получала от него весточки и посылки, они поддерживали связь, оба надеялись и верили, что счастье, о котором оба они мечтали, настанет в ближайшем будущем.

И вот — все пропало. Все мечты, все фантазии рассыпались, больше нет ни надежд, ни шансов.

Она чувствует, что нить вот-вот оборвется, она уже видит перед собой ту ужасную бездну, в которую канет без следа. А ведь жить так хочется: мир манит, мир очаровывает, она еще молода, здорова и красива. Ее жизнь была так прекрасна, так беззаботна... Она еще чувствует эту жизнь, она дышит еще пьянищим ароматом вчерашнего дня — но сегодня!.. Ах, как страшно, как ужасно! Она сидит, одинокая, загнанная в ловушку, и ждет смерти вместе с остальными несчастными.

Где теперь ее возлюбленный? Ах, если бы он был здесь с ней в минуты боли! Как она была бы счастлива, если бы могла ему открыть все муки своего сердца! Он обнял бы ее, крепко прижал бы к сердцу, и оба они оплакали бы свою гибель, вместе сошли бы в могилу. Но где он — и где она? Воспоминания тревожат ее, чувства бурлят все больше с каждой минутой. Она одиноко идет на смерть, а он, ее возлюбленный, ее радость и ее счастье — он остается один на свете. Для кого же, если она вот-вот покинет этот мир? Воспоминания сводят ее с ума, она надломлена — и все от этого непереносимого варварства. И вдруг она заходится в крике:

— Нет! Я не пойду одна, без тебя! Иди со мной, любимый! — и разражается нервным смехом. Она раскрывает ему объятия в воздухе, потом сжимает руки и говорит самой себе, безумно и довольно:

— Ах! Ты вернулся ко мне!

Два сердца плели золотую нить — и изверг безжалостно разорвал ее.

Вот сидит другая женщина в глубоком отчаянии, прижимая к груди ребенка. Она еще молода. Это первый ее ребенок, полный жизни и прелесть. А она сидит и тоже вспоминает всю свою жизнь. В памяти проносятся прошедшие счастливые годы. Как давно это было! Она погружена в воспоминания, картинка прошлого стоит перед глазами, как наяву, и вокруг картинки — все события ее жизни. Нет, от воспоминаний ей не уйти.

Вот тот великий день, когда она вышла замуж. Все ее мечты осуществились: отныне она навсегда связана с любимым. Как счастлива она тогда была! Как идилию, вспоминает она те волшебные годы: она делала первые шаги в новой жизни. Кажется, ее путь был усыпан разноцветными розами, она была опьянена ими и, счастливая и беззаботная, она шла по этому пути.

Она вспоминает и тот день, когда узнала тайну: под сердцем у нее завязалась новая жизнь, новое будущее, плод их любви — только сейчас она его ощутила. Это были незабываемые минуты, удержать бы подольше их напряжение! Она помнит, как стояла тогда напротив мужа и, стыдливо опустив глаза, тихо сказала ему, что станет матерью. Она до сих пор чувствует его объятия: он прижал ее к сердцу, покрыл поцелуями, прослезился... А когда пришел тот долгожданный день, и ребенок — несчастный ребенок, которого сейчас она держит на руках, — появился на свет и слышался его первый крик, — сколько счастья, сколько радости он при-

нес! Им открылся новый источник жизни, они услышали новые напевы, которые наполнили их дом блаженством. Их родители, друзья, знакомые — все пришли разделить их радость. Все радовались, всем было хорошо, все желали им добра. А они были горды: он стал отцом, а она — матерью, в их жизни появился новый смысл, новая цель. Как счастлива она была, когда прижимала ребенка к груди, а муж целовал их обоих!

И вот — ворвалась буря, выхватила их из дома и загнала сюда...

Она сидит в одиночестве: с мужем их вчера разлучили, и она, убитая отчаянием, пришла сюда с ребенком и сидит среди живых мертвецов. Она боится оставаться одна. Она чувствует, что тонет вместе с другими жертвами в море смерти. И где он, ее возлюбленный? Может быть, он протянул бы ей руку помощи, спас бы ее?

Она чувствует, что их жизни уже не спасти. Она страстно целует ребенка, льются горькие слезы... Она знает, она чувствует, что вскоре пойдет на смерть вместе с бедным младенцем. Ей не сидится на месте. Она в отчаянии, она рыдает, она готова разорвать свое тело на куски! Как страшно, как горько ей сейчас! Если бы ее дорогой муж был рядом с ней, насколько легче сносила бы она все страдания! Они бы разделили ужасную судьбу. Они вместе — он, она и ребенок — пошли бы в одной колонне. Но сейчас она осталась здесь одна. Она слишком слаба, она не может одна терпеть столько страданий и боли. Как она принесет в жертву своего первенца — самое дорогое, что есть у нее в жизни?

Она плачет, жалуется на свое горе. Ребенок прильнул к ней, из его сердечка вырвался тихий стон, в его глазках застыли слезы. Мама с ребенком уже чувствуют: конец их близок.

Она сделала только первые шаги — счастливая еврейская мама из Чехии, — и вот врываются палачи, хватают ее, вырывают из счастливой жизни.

И еще сидит старая мать, состарившаяся не от возраста (ей нет и пятидесяти), а от страданий. Она горько оплакивает судьбу и думает уже не о своей жизни, а о детях, которых разлучили вчера: сына оторвали от его жены и ребенка, дочь осталась без мужа. И они сидят где-то, как она здесь, запертые в тюрьме, и ждут смерти.

Ах, если бы эти изверги разрешили ей умереть вместо ее детей, молодых и полных сил, — как счастлива бы она была! С радостью побежала бы она на смерть, зная, что ценой своей жизни сможет спасти сына или дочь.

Но кто услышит ее плач? Кто прислушается к ее крику, есть кому дело до ее боли? Все тонет в море страданий и мук тысячи матерей, стенающих о тех же несчастьях. А она не видит других матерей, которых вместе с детьми Дьявол хочет заполнить себе в жертву.

Изо всех женских барачков вырывается стон — это рыдают жертвы на пороге смерти, не в силах расстаться с жизнью: они еще молоды — и вот в

расцвете сил их убивают. А жить так хочется, они рождены для жизни! За чьи же грехи расплачиваются они все теперь? Почему разверзлись эти бездны, как волчьи пасти, готовые их поглотить?!

Вот стоят бандиты в зеленой форме²⁰, которые безжалостно лишат их жизни, бросят их в могилу.

Почему Луна так дразнит этих несчастных? Ее лучи, словно дьявольское наваждение, льются на них, и как нарочно делают ночь еще великолепнее, наделяют волшебством и красотой.

Вот жизнь — прекрасная, величественная, и среди ее красоты — острый меч в руке палача, уже давно с нетерпением ждущего своих жертв.

...Дальше, за заколоченными женскими бараками — другие узилища. Там сидят взаперти мужчины. Их, как и женщин, скоро принесут в жертву. Они сидят в глубоком горе, и воспоминания кошмаром проносятся перед ними. Они тоже подводят итоги своего существования. И хоть они знают и чувствуют, что конец уже близок, им хочется верить, что это не так: почти все они еще молоды, сильны и здоровы, могут работать. Убийцы уверяли, что пошлют их на работу, и им так хочется верить в эту иллюзию — что их заперли для того, чтобы сохранить им жизнь, а не для того, чтобы послать в те большие здания с высокими трубами, которые каждый день извергают дым тысячи сгорающих тел. Нет, им не грозит попасть туда!

У тех, кто мыслит трезво, кто понимает эти дьявольские козни и не верит ни одному бандитскому слову, зреет другая мысль: нет, просто так они свою жизнь не отдадут. Им, жертвам, придется побороться с дьявольскими прислужниками, но об этом не с кем говорить, потому что окружающие в большинстве своем охвачены совсем другими мыслями.

Молодые и крепкие мужчины сидят и думают о родителях, с которыми их разлучили. Сердце подсказывает им, что ничего хорошего их не ждет. И они, их дети, здоровые, полные сил и энергии, хотели бы быть с ними, помочь им, разделить их боль. Мыслями, сердцем и душой они там, с родителями. Единственное их желание — помочь им, узнать о них что-нибудь.

Вот сидит молодой человек, он низко наклонил голову, грустит и скорбит о своей подруге, с которой еще вчера был вместе, и в ушах звенят ее последние слова. И вдруг их разлучили, не дав сказать друг другу ни слова на прощанье. Его сердце переполнено страхом за ее судьбу, за ее будущее. Кто знает, увидит ли он ее еще когда-нибудь?

Ах, если бы он мог сейчас посмотреть на нее еще раз, сказать ей что-нибудь в утешение, как счастлив бы он был! Ах! Если бы он мог быть с ней, пойти вместе с ней в последний путь... Он чувствует, он видит, как ей больно, как она страдает, тоскует и ждет его.

Вот сидит в отчаянии молодой отец. Его жена и ребенок в другом бараке. Он может только сострадать своей любимой жене, с которой он был

счастлив. Они были как одно тело, одно сердце, одна душа. Он видит и чувствует ее, он смотрит через десяток тюремных стен — и видит жену, безутешную в своем отчаянии, она держит ребенка, прижимает его к сердцу, горько плачет над ним. Он слышит, как она зовет его:

— Приходи, мой любимый муж, побудь, посиди со мной! Я не могу больше оставаться здесь одна. Посмотри, у меня на руках наш ребенок, наше счастье. Я не могу идти одна, у меня больше нет на это сил. Приходи ко мне, чтобы мы оба вместе с ребенком сошли в могилу!

Он видит, что она не выдерживает тяжелого груза страданий, он сходит с ума, он не находит себе места, раскрывает ей свои объятия. Ему хочется убежать, прорваться к ней. И хотя спасти ее он не может, но как счастлив бы он был, если бы мог обнять безутешную жену, прижать ее к сердцу и расцеловать, взять дрожащими руками сына и целовать ему глазки, мягкие щечки, головку с золотыми локонами — так нежно и страстно... Как бы он был счастлив, если бы мог убежать отсюда вместе с женой и ребенком! Он бы взял на себя все страдания жены, подхватил бы сильными руками обоих — и убежал бы куда глаза глядят.

Мать сидит с ребенком, погруженная в пучину страданий, а в другой тюрьме — муж и отец, сердце его горит, он стремится — но никак не может помочь.

Подлые бандиты хорошо продумали игру. Они нарочно разделили семьи, чтобы перед смертью дать жертвам настрадаться от новой беды.

Из всех бараков доносятся крики и плач. В воздухе сливаются мольбы всех тысяч жертв, в ужасе ожидающих смерти. Но вдруг им показалось, что повеяло надеждой: сегодня для нашего несчастного народа — день большого чуда. Сегодня праздник Пурим, и для нас, пусть и на краю могилы, может свершиться чудо!..

Но небеса по-прежнему спокойны. Их не тронул ни плач детей, ни стон родителей, ни возгласы молодых, ни крики старых. Луна застыла в немоте и спокойствии и вместе с убийцами переживает святой праздник, — а после этого пять тысяч невинных жертв будут принесены в жертву их божеству.

Изверги и преступники празднуют день, когда им удалось превратить наш Пурим в Девятое ава.

«Власти» провели приготовления

Три дня назад, в понедельник 6 марта 1944 года, пришли эти трое. Лагерфюрер, хладнокровный убийца и бандит, обершарфюрер Швацхубер²¹, оберрапортфюрер обершарфюрер²² [...] и наш обершарфюрер Фост²³, начальник над всеми четырьмя крематориями. Они втроем обошли всю территорию, прилегающую к крематориям, и выработали «стратегический» план: в день величайшего торжества они прикажут поставить здесь усиленные отряды охраны в полной боевой готовности.

Мы все ошеломлены: вот уже шестнадцать месяцев мы заняты на этой ужасающей «зондер»-работе, но на нашей памяти такие меры безопасности власть принимает впервые.

У нас перед глазами прошли уже сотни тысяч жизней — юных, сильных, полнокровных; не раз приезжали сюда транспорты с русскими, с поляками, с цыганами — все эти люди знали, что их привели на смерть, и никто из них даже не пытался оказать сопротивление, вступить в борьбу — все шли, как овцы на убой.

Исключений за нашу 16-месячную службу было только два. Один раз бесстрашный юноша, прибывший транспортом из Белостока, бросился на солдат с ножом, нескольких из них ранил и, убегая, был застрелен²⁴.

Второй случай — перед памятью этих людей я склоняю голову в глубочайшем почтении — произошел в варшавском транспорте. Это были евреи из Варшавы, которые получили американское гражданство, среди них даже были люди, родившиеся уже там, в Америке²⁵. Их должны были выслать из немецкого лагеря для интернированных лиц в Швейцарию, под патронат Красного Креста, но «высококультурная» немецкая власть отправила американских граждан вместо Швейцарии — сюда, в печь крематория. И здесь произошла поистине героическая драма: одна молодая женщина, танцовщица из Варшавы, выхватила у обершарфюрера из «политуправления» Аушвица²⁶ револьвер и застрелила рапортфюрера — известного бандита унтершарфюрера Шилингера²⁷. Ее поступок вдохновил других смелых женщин, и они заплотировали, а после бросились — с бутылками и другими подобными вещами вместо оружия — на этих бешеных диких зверей — людей в эсэсовской форме.

Только в этих двух транспортах нашлись люди, которые оказали врагу сопротивление: они уже знали, что им больше нечего терять. Но остальные сотни тысяч — те осознанно шли на смерть, как скот на бойню. Вот почему сегодняшние приготовления так нас изумили. Мы поняли: до «них» дошли слухи, что чешские евреи, которые уже семь месяцев живут в лагере целыми семьями и знают не понаслышке, что здесь происходит, так просто не сдадутся, — и поэтому они мобилизуют все свои средства, чтобы подавить сопротивление людей, которые могут иметь «наглость» не пожелать идти на смерть и могут поднять восстание против своих «невиновных» палачей.

В понедельник в полдень к нам в блок прислали сказать, что нам надо отдохнуть, чтобы потом со свежими силами приняться за работу, и чтобы 140 человек — почти целый блок (это после того как разделили нашу команду из двухсот человек) — приготовились идти к транспорту, потому что сегодня целых два крематория — II и III — будут работать в полную силу.

План был разработан до мельчайших деталей. И мы, несчастнейшие из жертв, оказались вовлечены в борьбу против наших же братьев и сестер. Мы вынуждены быть первой линией обороны, на которую, наверное, набросятся жертвы, — а они, «герои и борцы за великую власть», будут

стоять за нашими спинами — с пулеметами, гранатами и винтовками — и из укрытия стрелять в обреченных.

Прошел день, прошли второй и третий. Наступила среда — окончательный срок, когда их должны были привезти. Их прибытие откладывалось по ряду причин. Во-первых, кроме «стратегической» подготовки, потребовались и моральные приготовления. Во вторых, эта «власть» стремится приурочить резню к еврейским праздникам, и поэтому нынешние жертвы должны быть убиты в ночь со среды на четверг — в еврейский Пурим. Последние три дня «власть» — холодные убийцы и садисты, циничные и кровожадные, — делает все возможное, чтобы обмануть евреев, сбить их с толку, спрятать от них свое варварское лицо, — чтобы жертвы ничего не поняли, не разгадали черных мыслей этих «культурных людей» — представителей варварской власти с улыбкой на лице.

И вот обман начался.

Первая версия, которую «они» распространили, заключалась в том, что пять тысяч чешских евреев будут отправлены на работу во второй «рабочий» лагерь²⁸. Кандидаты — мужчины и женщины моложе сорока лет — должны были заявить о себе лично, сообщить о своей профессии. А остальные — пожилые люди обоих полов и женщины с маленькими детьми — останутся вместе, разделять семьи никто не будет. Это были первые капли опиума, которые опьянили испуганную толпу, отвлекли внимание людей от страшной действительности.

Вторая ложь состояла в том, что людям велели взять с собой все имущество, которое у них было. «Власть» со своей стороны обещала всем, кто уезжает, двойную пайку.

И еще одну жестокую, сатанинскую ложь задумали они: распространили слух, что до 30 марта никакая корреспонденция в Чехословакию отправляться не будет²⁹, а те, кто хотят получить посылки, должны, как и раньше, за несколько недель написать своим друзьям письмо (с датой до 30 марта³⁰) — и передать его лагерной администрации: письмо будет отправлено, адресаты получают посылки, как получали их и раньше. Никто из евреев не забил тревогу, никто и представить себе не мог, что эта «власть» решилась и на такую подлость, на такую гнусность в борьбе... против кого? Против толпы беззащитных, безоружных людей, которые могут бороться разве что голыми руками и чья сила заключается разве что в их воле.

Вся эта хорошо продуманная ложь была лучшим средством усыпить, парализовать внимание реально мыслящих людей, которые прекрасно понимали, что происходит. Все — люди обоих полов и всех возрастов — попались в эту ловушку, все жили иллюзией, что их действительно переводят на работу, и только когда преступники почувствовали, что их «хлороформ» подействовал, они приступили к осуществлению операции по уничтожению.

Они разорвали семьи, разделили женщин и мужчин, старых и молодых, загнали в ловушку — в еще пустовавший лагерь, находившийся рядом. Их

обманули, несчастных и наивных, заперли в холодных деревянных бараках — каждую группу отдельно — и заколотили двери досками. И так, первая акция удалась. Несчастные пришли в отчаяние, в ужас, логически мыслить они уже не могли. Даже когда они поняли, для чего их заперли — для отправки на смерть, — даже тогда они остались такими же покорными и безропотными. У них уже не было сил для того, чтобы думать о борьбе и сопротивлении, потому что у каждого, даже если его мозг был уже уничтожен этим опиумом, этой иллюзией, теперь появились новые заботы.

Молодые, полные сил юноши и девушки думали о своих родителях — кто знает, что с ними происходит? Молодые мужья, когда-то полные сил и мужества, сидели, окаменев от горя, и думали о своих женах и детях, с которыми их разлучили сегодня утром. Любая мысль о восстании меркла перед глубоким личным горем. Каждый был охвачен тревогой и болью за свою семью, это оглушало, парализовало мышление, не давало подумать об общей ситуации, в которой все мы находились. И теперь все эти люди — когда-то, на свободе³¹, юные, энергичные и готовые к борьбе — сидели в оцепенении, в отчаянии, раздавленные и разбитые.

Пять тысяч жертв шагнули, не сопротивляясь, на первую ступеньку лестницы, ведущей в могилу.

Ложь, давно применяющаяся в «их» дьявольской практике, снова увенчалась успехом.

Выводят на смерть

В среду 8 марта 1944 года, в ночь накануне праздника Пурим, в тех странах, где еще могут жить евреи, все шло своим чередом: верующие шли в синагоги, все праздновали этот великий праздник, напоминающий о чуде, случившемся с нашим народом, и желали друг другу, чтобы как можно скорее закончилась война с новым Аманом³².

А в это время в лагере Аушвиц-Биркенау 140 членов «зондеркоммандо» идут — но не в синагогу, не праздновать Пурим, не вспоминать о великом чуде.

Они идут, опустив головы, как в глубоком трауре. Их горе передается и всем остальным евреям лагеря: ведь дорога, которой они идут, ведет в крематорий, в этот еврейский ад. Вместо еврейского праздника, символизирующего победу жизни над смертью, они будут участвовать в торжестве варваров, которые приводят в исполнение приговор многовековой давности, недавно обновленный их божеством и теперь вновь вступивший в силу.

Скоро мы будем свидетелями этого страшного праздника. Мы должны будем своими глазами увидеть нашу гибель: нам придется смотреть, как пять тысяч человек, пять тысяч евреев, пять тысяч полнокровных и полных жизненных сил людей — женщин, детей и мужчин, старых и молодых, — по принуждению этих проклятых извергов, вооруженных ружья-

ми, гранатами и пулеметами, которые гонят, грозят натравить свирепых собак, бьют, — как пять тысяч человек, оглушенные, не осознавая, что делают, пойдут, побегут в объятия смерти. А мы — их братья — должны будем помочь варварам осуществить все это: вытащить несчастных из машин, конвоировать их в бункер, заставить раздеться догола и загнать их, уже полуживых, в смертоносную камеру.

Когда мы пришли к первому крематорию, они — представители власти — уже давно были там и ждали начала операции. Множество эсэсовцев в полной боеготовности, у каждого — винтовка, полный патронташ, гранаты. Эти до зубов вооруженные солдаты окружили крематорий, заняли стратегически важные позиции. Повсюду стояли машины с прожекторами — чтобы полностью освещать обширное поле боя. Еще одна машина — с боеприпасами — стояла поодаль, приготовленная на случай, если жертвы попытаются оказать сопротивление своему врагу — гораздо более сильному.

Ах! Если бы ты, свободный человек, мог видеть эту сцену, ты бы остановился в оцепенении. Ты бы мог подумать, что в этом большом здании с высокими печными трубами сидят вооруженные до зубов люди-великаны, которые могут сражаться, как черти, уничтожать могущественные армии и целые миры. Ты бы подумал, что эти великие герои, которые борются за мировое владычество, готовятся к схватке с противником, который хочет захватить их землю, поработить их народ и разграбить их добро.

Но, если бы ты подождал немного и увидел, кто же этот страшный враг, против которого они собираются обратить свою мощь, то был бы разочарован. Знаешь, с кем они готовятся вступить в борьбу? С нами, с народом Израиля. Скоро здесь будут еврейские матери: прижимая младенцев к груди, ведя за руки старших детей, они будут испуганно смотреть на эти трубы. Юные девушки, спрыгнув на землю из грузовиков, будут ждать — кто мать, кто сестру, — чтобы вместе пойти напрямик в бункер. Мужчины — молодые и старые, отцы и сыновья, — будут ждать, когда их погонят на смерть в другой подвал.

Вот он — их грозный враг, с которым эти изверги готовы бороться. Они боятся, что кто-нибудь из тысяч жертв не захочет безропотно пойти на смерть, а совершит подвиг в последние минуты своей жизни. Этого неизвестного героя они боятся так, что для защиты от него они взяли в руки оружие.

Все уже подготовлено. 70 человек из нашей команды тоже расставлены на территории крематория. А за оградой стоят *они* — и ждут своих жертв.

Машины, мотоциклы проносятся перед нами. То тут, то там осведомляются, все ли готово. В лагере воцарилась полная тишина. Все живое должно исчезнуть, спрятаться в бараках. В тишине ночи слышится новый звук — это маршируют вооруженные солдаты в касках, как будто идут сражаться. Это первый случай, чтобы в лагере ночью, когда все спят или

тихо лежат за колючей проволокой и заборами, появились войска. Итак, в лагере объявлено военное положение.

Все живое должно застыть и сидеть в своей клетке, не шелохнувшись, хотя все знают и уже не раз — постоянно в последнее время — видели, как гонят на смерть все новых и новых жертв. Но сегодня они сделали все для всеобщего устрашения. Только небу, звездам и Луне Дьявол не может закрыть глаза сегодня ночью. Они и будут свидетелями того, что он здесь творит нынешней ночью.

В таинственной тишине ночи раздается шум машин. Это палачи отправились в лагерь за своими жертвами. Воют свирепые псы — они готовы броситься на несчастных. Слышны крики пьяных солдат и офицеров, которые стоят наготове.

Прибыли «хефтлинги»³³ — заключенные немцы и поляки, которые добровольно предложили свою помощь по случаю «праздника». И вот они все вместе, банда убийц, исчадия ада, отправились хватать несчастных, загонять их на грузовики и отправлять на смерть.

Жертвы сидят взаперти, их сердца бешено колотятся от ужаса. Они в безумном напряжении, им слышно все, что происходит. Через щели в бараках они видят убийц, которые вот-вот лишат их жизни. Они уже знают, что им недолго осталось, что даже в мрачном бараке, откуда они теперь не вышли бы сами, им не дадут остаться. Их выташат и погонят куда-то — на верную смерть.

В мгновение ока толпу, пришедшую в отчаяние, охватил безумный страх. Все напряженно застыли и окаменели. Слышны приближающиеся шаги, сердце рвется из груди от ужаса. Вот отрывают доски, которыми были заколочены двери первого барака, — несчастным и эти доски казались какой-никакой защитой, ведь пока вход в барак забит, люди в нем еще отгорожены от смерти, и где-то в глубине души они надеялись, что смогут остаться взаперти навсегда — пока их не освободят.

Двери распахнулись. Узники стоят в оцепенении и с ужасом смотрят на палачей. Потом они начинают инстинктивно пятиться вглубь барака — словно от призрака. Как бы они хотели убежать куда-нибудь, где бы убийцы не нашли их!

Они в ужасе смотрели на людей, которые пришли их убивать. Но молчание было нарушено: бешеные псы с воем бросились на жертв, изверги стали избивать несчастных палками. Обреченная толпа — масса, слившаяся воедино, — подалась и распалась на группы по несколько человек. Сломленные, пришедшие в отчаяние люди сами побежали к машинам, спасаясь от побоев и укусов собак. Матери с детьми на руках падали, на проклятую землю лилась кровь невинных младенцев.

И вот жертвы стоят в кузовах грузовиков и оглядываются, ища чего-то, как будто они что-то потеряли. Молодой женщине кажется, что вот-вот придет к ней ее любимый муж, мать ищет своего молодого сына, влюбленная девушка разглядывает машины: вдруг на одной из них она увидит своего возлюбленного...

Они оглядываются — и видят прекрасный мир, звездное небо и Луну, величаво путешествующую во мгле. Они всматриваются в свой пустой барак. Ах! Если бы им позволили вернуться туда! Они знают, они чувствуют, что машина — как почва, которая уходит из-под ног: недолго им осталось ехать. Их взгляд устремлен туда, за проволоку, к лагерю, в котором были еще вчера. Там стоят чешские семьи и смотрят через щели на своих братьев и сестер, которых куда-то увозят. Их взгляды встречаются, сердца бьются созвучно — в ужасе и страхе. В ночной тишине слышны слова прощания: братья и сестры, друзья и знакомые — те, кто еще остался в лагере и ждет своего часа, кричат их тем, кто уже стоит в кузове и скоро пойдет на смерть, — своим братьям и сестрам, отцам и матерям.

Вот и вторая акция удалась Дьяволу: он заставил несчастных спуститься по лестнице, ведущей в могилу, еще на одну ступеньку.

Они в пути

И вот они едут. Все по-прежнему в напряжении. Убийцы раздают последние распоряжения. Наш взгляд обращен туда, в ту сторону, откуда доносится шум приближающихся машин. Мы слышим уже хорошо знакомые нам звуки: это едут мотоциклы. Мчатся машины. Все уже ждут жертв. Мы издали различаем свет фар: машины приближаются к нам.

Они едут. Мы издали уже видим то, что осталось от живых людей, — одни тени. Мы слышим их тихий плач и стоны, которые вырываются из их груди.

Несчастные поняли, что их везут на смерть. Последняя надежда, последний луч, последняя искра — все меркнет. Они оглядываются, весь мир проносится теперь перед ними, как в кино. Их взгляд дико блуждает, как будто они хотят вобрать в себя все, что видят.

Где-то вдалеке их дом. Горы с белыми вершинами, на которые они смотрели из-за лагерного забора каждый день, напоминали им о родине. Ах! Любимые горы... Вы беззаботно спите, озаренные лунным светом, а мы, ваши дети, чья жизнь связана с вами неразрывно, — должны сегодня умереть. Скольким нашим золотым дням, скольким радостям, скольким золотым страницам нашей жизни вы были свидетелями! Сколько любви, сколько нежности мы разделили с вами! Сколько ночей мы провели в ваших объятиях, припадая к вашим родникам, которые вечно будут бить из земли — но для кого теперь? Нас разлучают с вами навсегда. А там, вдали, за вами, — наш опустевший дом, в который хозяйева не вернутся никогда.

Ах! Родной дом, даривший им свою любовь и тепло, зовет их, своих детей, к себе.

Куда их везут? Мир так прекрасен, он манит своей красотой, он влечет к себе, пробуждает к жизни — и так хочется жить! Тысячью нитей привязаны они к этому миру — огромному, великолепному. Мир простирает к

ним свои объятия. В ночной тишине слышен его отеческий зов: дети мои, идите ко мне, любовь моя сильна! Места хватит всем, для вас мои недра хранят свои сокровища. Мои ключи бьют всегда, готовые напитать всех — угодных и не угодных власти. Для вас и ради вас я был когда-то сотворен.

А они, дети, рвутся к нему — к своему любимому миру, не могут расстаться с ним: ведь все они молодые, здоровы и полны сил. Они жаждут жить, они рождены для жизни.

Они, пока еще полные сил, хватаются за этот мир — как ребенок не отпускает от себя мать, — крепко держатся за него руками — а этот мир у них жестоко отнимают. Их хотят — без вины, без причины, со звериной злобой — отлучить, оторвать от этого мира.

Если бы они могли обнять весь этот мир, небеса, звезды и Луну, снежные горы, холодную землю, деревья, травы — все, что только есть на земле, — и крепко прижать к груди, — как счастливы бы они были!

Если бы они могли сейчас, эти дети, несчастные жертвы, растянуться на этой остывшей земле, согреть ее жаром своего сердца, тронуть ее затвердевший хребет своими слезами — такими горячими, расцеловать весь этот большой прекрасный мир!

Ах, если бы они могли сейчас напитать свои сердца этим миром, этой жизнью, чтобы навсегда утолить тоску, голод и жажду. Ах, если бы они, эти дети-тени, несчастнейшие из несчастнейших, которые сидят сейчас в бараках или стоят в очереди на казнь, могли сейчас обнять эту землю — как хорошо, как хорошо стало бы им! Сейчас, в эти последние минуты, пока они еще живы, они жаждут обнять, приласкать, расцеловать все сущее на земле.

Они чувствуют, они уже поняли, что машины, которые их быстро увозят куда-то, все эти таксомоторы³⁴ и мотоциклы, которые едут с двух сторон от них, — слуги Дьявола, которые мчатся, рыча и гремя, чтобы привезти добычу своему божеству.

И вот их провозят мимо мира, мимо жизни — ведь дорога к смерти проходит через жизнь. Они чувствуют, что настанут их последние мгновения, что кинолентка скоро закончится, они оглядываются в беспокойстве, смотрят во все углы. Они ищут на этом свете что-то, что можно бы было забрать с собой по пути на смерть.

Может быть, кто-нибудь из них сейчас думает, — мысль молнией сверкнула в голове, — куда бы убежать от смерти, смотрит по сторонам, ищет спасительную лазейку...

Шум усиливается, прожекторы освещают огромное здание, в подвале которого ад.

Они здесь

И вот они прибыли, несчастные жертвы. Машины остановились — и сердца застыли. Жертвы, испуганные, беспомощные, покорные, доведен-

ные до отчаяния, оглядываются по сторонам, рассматривают площадь, здание, в котором их жизни, их юные тела, пока еще полные сил, скоро исчезнут навсегда.

Они не могут понять, чего хотят эти десятки офицеров с золотыми и серебряными погонами, блестящими револьверами и гранатами.

И почему здесь стоят, как воры, приговоренные к казни, а солдаты в шлемах? Почему из-за деревьев и проволоки нацелены на них черные дула, — почему, за что? Почему светит так много прожекторов? Неужели ночь так черна сегодня? Неужели сегодня будет недостаточно лунного сияния?

Они стоят, потерянные, беспомощные и покорные. Они уже увидели ужасающую действительность, и перед их глазами уже разверзлась бездна, готовая поглотить их. Они чувствуют, что все на свете — жизнь, природа, деревья, поля — все, что еще существует, — все исчезнет, утонет в глубокой пучине вместе с ними. Звезды погаснут, небеса помрачнеют, потемнеет Луна, — мир уйдет вместе с ними. А они, несчастные жертвы, хотят уже только одного — как можно быстрее исчезнуть в этой пропасти.

Они бросают свою поклажу — все то, что взяли с собой в «путешествие», — им уже не понадобятся никакие вещи.

Их заставляют вылезти из кузова и спуститься на землю — они не сопротивляются. Они падают без сил, как подрезанные колосья, прямо к нам в руки. «На, возьми меня за руку, проведи меня, любимый брат мой, хотя бы по части пути, который еще отделяет меня от смерти». И мы ведем их, наших милых сестер, дорогих нам, нежных, мы поддерживаем их под руки, идем в молчании шаг за шагом, наши сердца бьются созвучно. Мы страдаем не меньше их, мы чувствуем, что каждый шаг отдаляет нас от жизни и ведет к смерти. И когда уже надо спускаться в бункер, глубоко под землю, встать на первую ступеньку лестницы, которая ведет в могилу, они бросают прощальный взгляд на небо, на Луну — и из самого сердца вырывается глубокий вздох — и у них, и у нас. В лунном свете блестят слезы на лицах наших несчастных сестер. А в глазах братьев, которые привели их к могиле, слезы невыразимой печали дрожат и застывают.

В раздевалке

Большой подвальный зал, посередине которого — двенадцать столбов, поддерживающих все здание, сейчас залит ярким электрическим светом. По периметру зала уже расставлены скамейки, а над ними прибиты крючки для одежды несчастных. На одном из столбов — вывеска. Надпись на разных языках сообщает несчастным, что они пришли в баню, что вещи надо снять и сдать для дезинфекции.

Мы стоим неподвижно и смотрим на них. Они уже все знают, они понимают, что это не баня, а коридор, ведущий к смерти.

Зал все больше заполняется людьми. Приезжают машины со все новыми и новыми жертвами, и зал поглощает их всех. Мы стоим в смущении и не

можем сказать женщинам ни слова, хотя мы переживаем это уже не в первый раз. Уже много транспортов с несчастными проходило перед нами, много подобных зрелищ мы видели. И все же сегодня мы чувствуем себя не так, как раньше: мы слабы, мы бы и сами упали без сил.

Мы все оглушены. Тела женщин, молодые, полные сил и юных чар, скрыты одеждой — старой и рваной. Перед нами головы с черными, каштановыми, светлыми кудрями, юные и поседевшие, — и глаза, от которых не отвести взгляда: черные, глубокие, волшебные. Перед нами сотни юных, полнокровных жизней, цветущих, свежих, как еще не сорванные розы в саду, которые питает дождь и освежает утренняя роса, которые блестят в солнечных лучах, как жемчужины. Так и глаза этих женщин сверкают сейчас...

У нас не было мужества, не было смелости сказать им, нашим милым сестрам, чтобы они разделись догола: ведь вещи, которые на них надеты, — это теперь их последняя оболочка, последняя защита в жизни. Когда они снимут одежду и останутся в чем мать родила, они потеряют последнее, что связывает их с жизнью. Поэтому мы не требуем, чтобы они разделись. Пусть они останутся в своей «бронне» еще мгновение: ведь это их последнее жизненное укрытие!

Первый вопрос, который задают женщины, — про их мужчин: придут ли они? Все хотят знать, живы ли еще их мужья, отцы, братья, любимые, или где-нибудь уже валяются их мертвые тела? Может быть, они догорают в пламени крематория — и скоро от них не будет и следа, и тогда женщины останутся уже одни — с осиротевшими детьми? Может быть, отец, брат или любимый уже исчезли навеки? Тогда почему, зачем ей самой жить на свете? — вопрошает одна. Другая, уже смирившаяся с неминуемой гибелью, смело и спокойно спрашивает: «Брат мой, ответь, сколько длится смерть? Тяжела ли она? Легка ли?»

Но им не дают долго так стоять. В подвале появляются бандиты. Воздух рвется от криков пьяных садистов, алчущих как можно скорее утолить свою звериную жажду — насмотреться на голые тела моих прекрасных возлюбленных сестер. Удары палок сыплются им на плечи и головы... И одежда спадает с тел. Кто-то стесняется, хочет скрыться куда-нибудь, чтобы не показывать своей наготы. Но нет никакого угла, где можно было бы укрыться. Нет здесь и стыда. Мораль, этика — все это, как и сама жизнь, сходит здесь в могилу.

Некоторые женщины, как будто пьяные, бросаются к нам в объятия и просят смущенными взглядами, чтобы мы раздели их догола. Они хотят забыть обо всем, ни о чем не думать. С миром прошлого, с моралью и принципами, с этическими соображениями они уже порвали, ступив на первую ступеньку лестницы, ведущей сюда. Сейчас, на пороге смерти, пока они еще держатся на поверхности, их тела еще живы, они чувствуют, они стремятся получить удовлетворение... Они хотят ему дать все: последнее удовольствие, последнюю радость — все, что можно взять от жизни. Они хотят

напитать, насытить его перед кончиной. И поэтому они хотят, чтобы их юное тело, полное жизненных сил, трогала и ласкала рука чужого мужчины, который им теперь ближе самого любимого человека. Они хотят при этом чувствовать, будто их исстрадавшееся тело гладит рука возлюбленного. Они хотят ощутить опьянение — о, мои любимые, нежные сестры! Они вытягивают губы, страстно жаждут поцелуя — пока они еще живы.

Приезжают все новые машины, все больше и больше людей загоняют в большой подвал. По рядам обнаженных проносятся крики и стоны: это голые дети увидели своих голых матерей. Они целуются, обнимаются, радуются встрече. Ребенок радуется, что пойдет на смерть вместе с матерью, прижавшись к ее сердцу.

Все раздеваются догола и встают в очередь. Кто-то плачет, кто-то стоит в оцепенении. Одна девушка рвет на себе волосы и что-то дико говорит сама себе. Я приближаюсь к ней и слышу, что это просто слова: «Где ты, любимый мой? Почему ты не придешь ко мне? Я так молода и красива!» Стоявшие рядом сказали мне, что она сошла с ума еще вчера, в бараке.

Кто-то обращается к нам с тихими и спокойными словами: «Ах! Мы так молоды! Хочется жить, мы еще так мало прожили!» Они не просят нас ни о чем, потому что знают и понимают, что мы и сами здесь обречены. Они просто говорят, потому что сердце переполнено, они хотят перед смертью высказать свою боль человеку, который их переживет.

Вот сидят несколько женщин, обнимаются и целуются: это встретились сестры. Они уже как будто слились в один организм, в одно целое.

А вот мать — голая женщина, которая сидит на скамейке с дочерью на коленях — девочкой, которой нет еще пятнадцати. Она прижимает голову дочки к груди, покрывает ее поцелуями. И слезы, горячие слезы падают на юный цветок. Это мать оплакивает своего ребенка, которого она вот-вот сама поведет на смерть.

В зале — в этой большой могиле — загораются все новые лампы. На одном краю этого ада стоят алебастрово-белые женские тела: женщины ждут, когда двери ада откроются и пропустят их навстречу смерти. Мы, одетые мужчины, стоим напротив и смотрим на них в оцепенении. Мы не можем понять, на самом ли деле происходит то, что мы видим, или это только сон. Может быть, мы попали в какой-то мир голых женщин? С ними будет происходить какая-то дьявольская игра? Или мы в музее, в мастерской художника, где женщины всех возрастов, с отпечатком боли и страдания на лице, собрались, чтобы позировать?

Мы изумлены: по сравнению с другими транспортами, сегодня женщины так спокойны! Многие мужественны и храбры, как будто ничего страшного с ними произойти не может. С таким достоинством, с таким спокойствием смотрят они смерти в лицо — вот что поражает нас больше всего. Неужели они не знают, что их ожидает? Мы смотрим на них с жалостью, потому что представляем себе, как вскоре оборвется их жизнь, как застынут их тела, как покинут их силы, как навеки онемеют уста, как глаза —

блестящие, чарующие — остановятся, словно ища чего-то в мертвенной вечности.

Эти прекрасные тела, полные жизненных сил, будут валяться на земле, словно бревна, в грязи, прекрасный алебастр этой плоти будет запачкан пылью и нечистотами.

Из их прекрасных ртов вырвут с корнем зубы — и кровь будет литься рекой. Из носа потечет какая-то жидкость — красная, желтая или белая.

А лицо, розово-белое лицо, покраснеет, посинеет или почернеет от газа. Глаза нальются кровью, и их будет уже не узнать: неужели это та самая женщина, которая сейчас стоит здесь? С головы две холодных руки срежут прекрасные локоны, с рук снимут кольца, из ушей вырвут серьги.

А потом двое мужчин, надев рукавицы, возьмут нехотя эти тела — такие прекрасные, молочно-белые, они станут уродливы и страшны — и потащат их по холодному цементному полу. И тело покроется грязью, по которой его будут волочить. А потом, словно тушу околевшей скотины, его бросят в лифт и отправят в печь, где в считанные минуты пышные тела превращаются в пепел.

Мы уже видим, мы уже предчувствуем их неотвратимую кончину. Я смотрю на них, на живых и сильных, заполнивших собой огромный подвальный зал, — и тут же моему взору предстает другая картина: вот мой товарищ везет тачку с пеплом, чтобы ссыпать его в яму.

Около меня сейчас группа из десяти-пятнадцати женщин — в одной тачке уместится весь пепел, в который превратятся они все. И ни знака, ни воспоминания не останется ни от одной из тех, что стоят сейчас здесь, тех, кто мог бы наполнить своим потомством целые города. Их скоро сотрут из жизни, вырвут с корнем — как будто они никогда и не рождались. Наши сердца разрываются от боли. Мы и сами ощущаем эту муку — муку перехода от жизни к смерти.

Наши сердца наполняются состраданием. Ах, если бы мы могли отдать свою жизнь за них, наших милых сестер, — как были бы мы счастливы! Как хочется прижать их к страдающему сердцу, расцеловать, напитаться жизнью, которую у них скоро отнимут. Запечатлеть навсегда в сердце их облик, след этих цветущих жизней, и вечно носить его с собой. Нас всех одолевают ужасные размышления... Любимые наши сестры смотрят на нас с удивлением: они недоумевают, почему мы себе не находим места, когда они сами так спокойны. Они бы хотели о многом поговорить с нами: что с ними сделают после *этого*, когда они будут уже мертвы... Но они не находят смелости спросить об этом, и эта тайна до самого конца останется для них тайной.

И вот они стоят всей толпой, голые, окаменевшие, и смотрят в одном направлении, подавленные мрачными раздумьями.

В стороне от толпы лежат их вещи, сброшенные в кучу, — вещи, которые они только что сбросили с себя. Эти вещи не дают им покоя: хоть они и знают, что одежда им больше не понадобится, — и все равно чувствуют, что к этим вещам, еще хранящим тепло их тел, они привязаны множеством

нитей. Вот лежат они: платья, свитера, которые согревали их и скрывали их тела от посторонних взглядов. Если бы они могли еще раз их надеть, как бы они были счастливы! Неужели уже слишком поздно? И никто из них никогда уже не будет носить этих вещей? Неужели они не достанутся теперь никому? Никто больше не вернется, чтобы их надеть?

Эти вещи лежат так сиротливо! Они словно напоминание о смерти, которая вот-вот придет.

Ах, кто теперь будет носить эти вещи? Вот одна женщина отделяется от толпы, подходит к куче вещей и поднимает шелковую косынку из-под ног моего товарища, который наступил на нее. Она берет косынку себе — и тотчас же смешивается с толпой. Я спрашиваю ее: «Зачем вам этот платочек?» — «С ним связаны мои воспоминания, — тихим голосом отвечает она, — и с ним я хочу сойти в могилу».

Путь к смерти

И вот двери распахнулись. Ад широко раскрыл свои ворота перед жертвами. В маленькой комнате, через которую лежит путь к смерти, выстроились, как на параде, приспешники власти. Политуправление лагеря пришло сегодня на свое торжество в полном составе. Здесь высшие офицерские чины, которых мы за 16 месяцев службы еще не видели. Среди них «эсэсовка» — начальница женского лагеря³⁵. Она тоже пришла посмотреть на этот большой «национальный праздник» — гибель стольких детей нашего многострадального народа.

Я стою в стороне и смотрю: вот бандиты и убийцы — а напротив мои несчастные сестры.

Марш смерти начался. Женщины идут гордо, твердой поступью, смело и мужественно, как будто на праздник. Они не сломались и тогда, когда увидели то последнее место, последний угол, где скоро разыграется последняя сцена их жизни. Они не потеряли почвы под ногами, когда осознали, что попали в самое сердце ада. Они уже давно свели все счета с жизнью и с этим миром, еще там, наверху, до того как пришли сюда. Все нити, связывавшие их с жизнью, оборвались еще в бараке. Поэтому сейчас они идут спокойно и хладнокровно, приближение к смерти их уже не страшит. Вот они проходят — голые женщины, полные жизненных сил. Кажется, что этот марш длится целую вечность.

Кажется, что это целый мир — что все женщины на свете разделись и идут на этот дьявольский парад.

Вот проходят матери с младенцами на руках, кто-то ведет ребенка за ручку. Детей целуют все время: терпение чуждо материнскому сердцу. Вот идут, обнявшись, сестры, не отрываясь друг от друга, словно слившись воедино. На смерть они хотят пойти вместе.

Все смотрят на выстроившихся офицеров, — а те избегают смотреть в глаза своим жертвам. Женщины не просят, не умоляют о милости. Они

знают, что этих людей просить бессмысленно, что в их сердце нет ни капли жалости или человечности. Они не хотят доставить им эту радость — слышать, как несчастные молят в отчаянии, чтобы кому-нибудь из них даровали жизнь.

Вдруг марш голых женщин остановился. Вот красивая девочка лет девяти, две светлые косы падают на плечи, как золотые полосы. За ней шла ее мать — вдруг она остановилась и смело сказала офицерам:

— Убийцы, бандиты, проклятые преступники! Вы убиваете нас, безвинных женщин и детей! Нас, безвинных и безоружных, вы обвиняете в той войне, что вы сами развязали. Как будто мы с ребенком воюем против вас. Нашей кровью вы собираетесь искупить свои поражения на фронте. Уже ясно, что вы проиграете войну. Каждый день вы терпите поражения на Восточном фронте. Сейчас вы можете творить все что угодно — но настанет и для вас день расплаты. Русские отомстят за нас! Они живьем разорвут вас на части. Наши братья по всему миру не простят вам ваших преступлений: они отомстят за нашу безвинно пролитую кровь!

После этого она обратилась к женщине, стоявшей среди эсэсовцев:

— Бестия! И ты тоже пришла любоваться нашим несчастьем? Помни! У тебя тоже есть семья, дети — но недолго осталось тебе наслаждаться таким счастьем. Тебя, живую, будут раздирать на части — и твоему ребенку, как и моему, недолго осталось жить! Помните, изверги! Вы заплачете за все — весь мир отомстит вам!

И она плюнула бандитам в лицо и вбежала в бункер вместе с ребенком.

В оцепенении молчали эсэсовцы, не имея мужества посмотреть в глаза друг другу: они услышали правду — великую, страшную правду, которая разрывала, резала, жгла их звериные души. Они дали ей высказаться, хотя и догадывались, что она будет говорить: они хотели услышать то, о чем думают еврейские женщины, идя на смерть. И вот бандиты застыли, подавленные, глубоко задумавшиеся. Женщина, стоящая на краю могилы, сорвала с них маску, и они представили себе свое уже не слишком далекое будущее. Они не раз уже думали о нем, не раз мрачные мысли одолевали их — и вот еврейская женщина бесстрашно высказала правду им в лицо!

Долгое время они боялись и подумать об этом: им страшно было, что этот мучительный вопрос — «Зачем и для чего мы живем?» — проникнет слишком глубоко в душу. Фюрер, их божество, учил их совсем не тому! Пропаганда заставляла их поверить, что победа куется не на Восточном и не на Западном фронте, а здесь, в бункере, где уничтожаются враги-исполины, ради борьбы с которыми льется немецкая кровь на всех полях Европы.

И вот эти враги идут перед ними. Из-за этих врагов английские самолеты день и ночь бомбят немецкие города, убивая людей от мала до велика. Это из-за них, голых евреек, все эсэсовцы должны быть сейчас далеко от дома, а их сыновья обречены сложить голову где-то на востоке. Конечно же, великий фюрер прав: этих врагов надо уничтожать, вырывать с корнем! Когда все эти женщины и дети будут мертвы — только тогда немцы одержат победу!

Ах, если бы это можно было сделать еще быстрее: собрать их со всего мира, раздеть догола, как этих — уже голых — женщин, и загнать их всех в адскую печь! Как славно бы это было! Вот тогда прекратились бы канонады и бомбардировки — война бы закончилась, и мир успокоился бы. Дети, тоскующие по дому, вернулись бы к себе, для всех началась бы счастливая жизнь...

Но пока что не преодолено последнее препятствие: пока еще есть женщины — дочери моего народа, которые прячутся где-то, которых не удалось еще привести сюда и раздеть, как этих — уже поверженных — врагов, которые идут теперь на смерть, — и какой-то изверг хлещет их нагайкой по голому телу.

«Эй, твари, бегите скорее в бункер, в могилу! Каждый ваш шаг по лестнице, ведущей к смерти, приближает нас к победе, которая должна прийти как можно скорее. Слишком дорого мы платим за вас, погибая на фронте, — так бегите же быстрее, чертовы дети, не мешкайте по дороге! Это из-за вас мы все никак не можем победить».

Тянутся ряды нагих женщин — и снова останавливаются. Одна юная светловолосая девушка говорит бандитам:

— Проклятые негодяи! Вы смотрите на меня жадным звериным взглядом. Вы тешите себя, смотря на мою наготу. Да, пришла для вас счастливая пора: в мирное время вы о таком и мечтать не могли. Нелюди, исчадия ада, вы нашли наконец место, где можете утолить свою низменную жажду. Но недолго вам осталось наслаждаться. Вашей игре скоро конец, всех евреев вы не сможете убить! Вы заплатите за все!

И вдруг она подскочила к ним и три раза ударила обершарфюрера Фоста, начальника крематория.

На нее набросились, стали избивать палками. В бункер она вошла с пробитой головой. Горячая кровь заливала ее тело, а лицо светилось радостью. Она была счастлива сознанием своего подвига: она дала пощечину знаменитому своими злодеяниями убийце и бандиту. Она осуществила свое последнее желание — и пошла на смерть спокойно.

Пение из могилы

В большом бункере уже тысячи жертв стоят в ожидании смерти. Вдруг оттуда донеслось пение. Офицеры-бандиты снова застыли в изумлении. Они не верят своим ушам: неужели возможно, чтобы люди, стоя посреди преисподней, на пороге смерти, — в свои последние минуты не жаловались, не оплакивали свои юные жизни, которые вот-вот оборвутся, — а пели?! Фюрер, несомненно, прав: это определенно дьявольские создания! Разве человек может так спокойно и бесстрашно идти на смерть?

Мелодия, которая доносится из подвала, всем хорошо знакома. Мучители тоже узнали ее, она для них как острый нож. Как острые копыта, эти звуки проникают им в самое сердце: полумертвые люди поют Интерна-

ционал³⁶ — гимн великого русского народа, песнь героической армии — вот что поют они сейчас.

Палачи слушают. Песня напоминает им о фронтовых победах — но одержанных не ими, а их противниками. Против воли они заслушиваются мелодией. Как штормовая волна, песня захлестывает их пьяные головы и заставляет протрезветь, забыть о своем фанатизме и вспомнить о том, что происходит.

Песня заставляет их заглянуть в недавнее прошлое и увидеть страшную, трагическую действительность. Песня напоминает им, что в начале войны фюрер, их божество, обещал, что через шесть недель огромная Россия уже будет покорена, что над стенами Кремля будет развеваться флаг с черной свастикой, — и они были уверены, что конец войны — событие столь же определенное, как и ее начало.

А что же случилось на самом деле?

Победоносные европейские армии, быстро поработившие целые народы, вооруженные лучше всех, ведомые опытными полководцами, полностью уверенные в своей неизбежной победе, гордо повторяющие старый девиз — «Deutschland, Deutschland uber alles»³⁷, — теперь разбиты и обращены в бегство. Они падают с вершины — в глубокую пропасть, вся земля покрыта трупами их солдат. Где же их сила, их искусство, техника, стратегия?

Почему они сумели победить всех, кроме русских, — этот отсталый азиатский народ? Вот она — мощь интернационализма, который наделил русский народ необычайной силой. Мускулы русских словно выкованы из стали, их воля — словно буря, сметающая все на своем пути.

Мелодия тревожит мучителей: где теперь та уверенность, в которой они пребывали до сих пор? В звуках песни им слышатся шаги армий, гордо марширующих по могилам их братьев, пушечные выстрелы, взрывы снарядов на полях сражений. Мелодия усиливается, пение все громче и громче. Все захвачены песней, она вырывается из подвала, как кипящая волна, и разливается, расплескивается повсюду, заполняя собой все вокруг. Офицеры-бандиты, представители могучей власти, чувствуют, как ничтожны и мелки они сейчас. Им кажется, что звуки песни — это живые существа, антагонисты, противоборствующие армии, одна из которых сражается гордо и мужественно, а другая, которую они представляют здесь, стоит в немом оцепенении и трясется от страха.

Звуки пения все ближе. Мучители чувствуют, что песня проникает повсюду, что от ее звуков трясутся пол и стены. Они чувствуют, что им самим уже не осталось места, что почва уходит у них из-под ног, и вот-вот все будет заглохло этой волной. Мелодия говорит о победе и о великом будущем, и бандиты уже видят, как красноармейцы, опьяненные победой, бегут по немецким улицам и топчут, рвут, режут, жгут все на своем пути. Черная дума охватывает мучителей: песня пророчит, что скоро уже свершится месть, о которой говорила та еврейская женщина. Скоро они поплачутся за гибель тех, кто сейчас поет и кто так скоро погибнет от их руки...

Офицерская банда вздохнула свободнее, когда отзвучало эхо последней ноты. Но недолго радовались изверги: всем сердцем, всей душой, гордо и радостно, мужественно и уверенно женщины запели новую песню — А-тиква, гимн еврейского народа³⁸. Эта песня *им* тоже хорошо знакома, они слышали ее уже не раз. И вот они снова застыли в оцепенении. Эта песня тоже рассказывает о чем-то, будит воспоминания. Они чувствуют, как к ним взывают толпы мертвых, которые с этой песней оживают и обретают мужество:

— Бандиты и убийцы! Вы думали, что сможете погубить весь еврейский народ, что с его гибелью придет ваша победа. Но ваш «фюрер», ваш «бог» вас обманул!

Песня говорит, что и победы над еврейским народом *им* никогда не достичь.

Евреи живут во всем мире — и в тех странах, куда еще не ступала *их* нога, и даже в тех, где *они* еще до сих пор хозяйничают, — их враги все равно ничего не могут добиться, потому что остальные народы прозрели и не хотят приносить в жертву невинных людей, потакая *их* варварству и звериной жестокости. Песня говорит *им*, что древний еврейский народ выживет и сам создаст свое будущее — там, в своей далекой стране. Песня предупреждает, что догмат, в который они поверили, — что «от евреев на свете останутся только музейные экспонаты»³⁹ и что не останется никого, кто мог бы призвать к мести и сам отомстить, — это ложь: после бури евреи придут сюда со всех концов земли и будут искать своих отцов, братьев и сестер, будут спрашивать нас: где погибли они — дети нашего народа? Они спросят, где их сестры и братья — те самые, которые вот-вот погибнут, а пока — в свои последние минуты — они поют! Они соберут огромные армии для того, чтобы отомстить убийцам. Они заставят преступников заплатить за кровь невинных, — и за ту, что они собираются пролить сейчас, и за ту, что уже давно пролита.

А-тиква не дает убийцам покоя, она тревожит их, бередит, зовет и тянет в глубокую пучину отчаяния.

Чешский гимн⁴⁰

О, этот транспорт длится для *них* уже целую вечность! Часы превратились в годы. Бандиты стоят сломленные и подавленные. Они надеялись, они были уверены, что им удастся испытать сегодня большое удовольствие — увидеть, как страдают, как содрогаются в муках тысячи юных евреек. Но вместо этого перед ними толпа, которая поет, которая смеется смерти в лицо! Где же та месть, которая должна была свершиться? Где наказание? Они надеялись, что смогут утолить жажду еврейской крови

этой бездной страданий, — а перед ними мужественные, спокойные люди, которые поют, и эти песни из могилы для *них* как бич, они проникают в их звериные сердца и не дают им покоя. Им кажется, что это их — всемогущих извергов — казнят сегодня, что эта толпа голых женщин мстит им.

Они поют гимн поработленного чехословацкого народа. Они жили бок о бок с чехами, жили спокойно и благополучно, как и другие граждане этой страны, — пока не пришли варвары и не поработили всех жителей. Евреи не упрекают чехов: они знают, что те не виновны в их гибели. Чехи сочувствуют им, страдают, — а евреи вместе с ними надеются на скорое освобождение, хоть и знают, что им самим не дожить до этого часа. Они могут лишь представить себе ближайшее будущее, представить, как чешский народ воспрянет, потянется к жизни, — оттого и поют они чешский гимн, который вскоре вновь зазвучит у них на родине. Высоко в горах, глубоко в долинах — всюду будет слышна радостная песнь — песнь новой пробуждающейся жизни. И сейчас, из глубокой могилы, еврейские женщины шлют привет чешскому народу, своим друзьям, чтобы ободрить их, поднять их боевой дух, воодушевить перед битвой.

Песня напоминает убийцам, что скоро все народы будут освобождены, и чехи в том числе. Повсюду, для всех народов будут развеваться знамена свободы. А что будет с ними, с узурпаторами и тиранами, залившими невинной кровью всю Европу? Когда все маленькие поработанные народы воспрянут и оживут, великий могущественный Рейх будет сломлен и разбит. Когда весь мир будет праздновать день всеобщего освобождения, для *них* наступит эпоха рабства. В день победы и мира, когда на улицах всей Европы люди будут обниматься и целоваться от счастья, они, преступники и убийцы, будут сидеть под стражей и страшиться великого Судного дня — дня расплаты за преступления перед всем миром. Когда все народы будут возводить на руинах новые города, *они* только сильнее ощутят свое ничтожество.

День освобождения превратится для них в день траура. Все пострадавшие народы потребуют, чтобы *они* заплатили за все несчастье, которое *они*, — а не кто другой — принесли миру.

Ах! Эти песни приносят *им* истинное страдание, не дают ни торжествовать, ни радоваться.

Песня партизан

Мчатся последние машины. Женский транспорт прошел почти весь. Но вот еще один случай неповиновения: молодая женщина из Словакии не дает себя раздеть, не хочет идти в бункер, она кричит, шумит, призывает женщин бороться. «Расстреляйте меня!» — просит она. И эта милость была ей оказана. Ее вывели наверх, и там при свете Луны два человека с желтыми повязками на плечах заломили ей руки. Юная девушка забилась в конвульсиях. Послышался хлопок — это пуля «высококультурного» изверга оборвала ей жизнь. Как тонкое деревце, она упала на землю, ее

тело осталось лежать, кровь разлилась вокруг, а взгляд остановился, устремленный на Луну, которая продолжала свою ночную прогулку. В этом теле совсем недавно билась жизнь. Девушка кричала, плакала, призывала к борьбе, к восстанию — а теперь она лежит, вытянувшись, раскинув руки, как если бы она хотела в последнюю минуту обнять весь мир.

А снизу, из бункера, опять доносится пение. Оно заглушает страх и беспокойство, которые уже было охватили души и сердца несчастных. Женщины поют песню партизан, и она вновь, как копье, бьет извергов прямо в сердце. Партизаны — героические борцы за свободу, в партизанские отряды ушли многие дети нашего народа-мученика. И когда армии извергов будут разгромлены, когда солдаты в страхе побегут в леса, в поля, чтобы спрятаться где-нибудь в яме, в ложине, среди густых деревьев и кустов, — тогда партизаны их настигнут, чтобы обрушить на них карающий удар. Они заставят их выбраться из укрытия и заплатить за все. Они отомстят мучителям за наши страдания. Жестокой, страшной будет их месть за отцов и матерей, за братьев и сестер, которые были убиты без вины. Везде и всюду будут они мстить своим палачам. Выбравшись из-под земли, они будут свидетельствовать всему миру о той жестокости, с которой эти варвары истребили миллионы людей по всему миру. Они приведут победоносные армии в поля и в леса, чтобы показать, где лежат сотни тысяч трупов — останки людей, заживо закопанных в землю или заживо сожженных.

За все, за все отмстится мучителям!

Как только в бункер вошла последняя жертва — дверь герметично закрыли и заперли, чтобы воздух уже не проникал туда. Несчастные стоят там, в ужасной тесноте, многие начинают задыхаться от жары и жажды. Они предчувствуют, они знают, что осталось недолго: еще минута, еще мгновение — и их мукам придет конец. И все равно они продолжают петь, чтобы отрешиться от действительности. Они хотят удержаться на волнах этих звуков, проплыть на них это небольшое расстояние — между жизнью и смертью.

А офицеры стоят и ждут, ждут их последнего вздоха. Они хотят увидеть самую последнюю, самую возвышенную сцену — когда тысячи жертв задрожат, словно колосья во время бури, и наступит их последний миг. Тогда взору мучителей предстанет самая «прекрасная» картина: 2500 жертв, как срубленные деревья, упадут друг на друга — и на этом их жизнь оборвется!

Засыпают газ

В ночной тишине слышатся шаги. Два силуэта движутся в лунном свете. Эти люди надевают маски, чтобы засыпать смертоносный газовый порошок. У них в руках две банки — их содержимое скоро убьет тысячи

людей. Они идут к бункеру, к этому адскому месту. Идут спокойно, уверенно и хладнокровно, как будто исполняют свой священный долг. Их сердце твердо, как лед, их руки не дрожат, твердой походкой подходят они к отверстию в крыше бункера, засыпают туда газ и закрывают отверстие втулкой, чтобы ни одна частица не попала наружу. До них доносится тяжелый стон людей, уже борющихся со смертью, — стон боли и страдания, — но он не может смягчить их сердец. Глухие, онемевшие, они идут ко второму отверстию и засыпают газ туда. Вот они добрались до последнего отверстия... Теперь маску можно снять. Гордые и довольные собой, они мужественно уходят оттуда, где только что совершили дело огромной важности для своего народа, для своей страны — еще один шаг на пути к победе.

Первая победа

Офицеры поднимаются из бункера, выходят на поверхность. Они счастливы, что пение, наконец, прекратилось, — а с ним и жизнь поющих. Мучители могут вздохнуть свободнее. Они бегут оттуда, от призраков, от фатума, который преследовал их. Впервые за время службы они испытали такое смятение: до этого им не приходилось часами стоять в напряжении и чувствовать, как будто их, как преступников, хлещут раскаленными прутьями, и долго ощущать боль от воображаемых ударов. Для них невыносимой была сама мысль о том, что их наказывают евреи — раса рабов, порождение Дьявола. Наконец-то этому пришел конец, и можно вздохнуть с облегчением. Звуки голосов, угрожавшие им, пророчившие кару, умолкли. Людей, которым принадлежали эти голоса, уже нет в живых. И теперь *они* могут потихоньку освободиться от ощущения кошмара, могут испытать счастье одержанной победы. Они идут с поля боя гордые и довольные. 2500 врагов, которые мешали им в борьбе за благо немецкого народа и Рейха, уже мертвы. Теперь армиям на Восточном и Западном фронтах будет легче сражаться за победу.

Второй фронт

Теперь все переходят к другому крематорию: офицеры, часовые и мы. И снова все выстраиваются, как на поле боя. Все стоят в напряжении, в полной боеготовности. Сейчас приняты еще большие меры предосторожности, потому что если первая встреча с жертвами прошла спокойно и никто не оказал сопротивления, то на этот раз можно ожидать всего: жертвы, с которыми предстоит теперь сразиться, которых вот-вот сюда привезут, — это молодые сильные мужчины. Ожидание длится недолго. Понесся шум машин, уже хорошо знакомый нам. «Едут!» — кричит «командант»⁴¹. Это значит, что все должны приготовиться. В тишине ночи слышно, как люди — в последний раз перед «боем» — проверяют винтов-

ки и другое оружие, чтобы удостовериться в том, что если понадобится его применить, то оно работает как надо.

Прожекторы освещают большую площадку перед крематорием. В их лучах и в лунном свете блестят стволы винтовок, которые держат пособники «великой власти», борющейся с беззачитным несчастным народом Израиля. Среди деревьев и колючей проволоки спрятались солдаты. Лунный свет отражается от «черепов» на шлемах этих «героев», которые с гордостью носят свою униформу. Как черти, как дьяволы, стоят эти убийцы и преступники в ночной тишине и ждут — с жадностью и страхом — новой добычи.

Разочарование

И мы, и *они* — все в напряжении. Представители власти явно боятся, что доведенные до отчаяния мужчины захотят умереть смертью храбрых. И тогда, кто знает, не погибнут ли *они* сами в этом бою?

Мы тоже на взводе. Сердце колотится. Вот мы помогаем мужчинам выбраться из машин. Мы надеялись, верили, что сегодня это произойдет — настанет тот решительный день, которого мы долго и с нетерпением ждали, день, когда обреченные люди, поняв, что им некуда отступать, станут сопротивляться своим палачам, а мы в этой неравной схватке будем сражаться вместе с ними — плечом к плечу. Нас не остановит и то, что борьба безнадежна, что ни свободы, ни жизни мы не добьемся. Великим утешением станет для нас возможность героически покинуть эту мрачную жизнь. Этому страшному существованию должен быть положен конец!

Но каково было наше разочарование, когда мы увидели, что эти люди, вместо того чтобы броситься, как дикие звери, на нас и на них, выбравшись из машин, стали безропотно и испуганно оглядываться. Пристально рассмотрев здание крематория, опустив руки и пригнув голову, подавленные и покорные, они двинулись на смерть. Все спрашивали о женщинах: здесь ли они? Их сердца все еще бьются только ради них, они привязаны к ним тысячами нитей. Их плоть, их кровь, их сердце и душа еще слиты в единое целое — только для них. Но эти отцы, мужья, братья, женихи, знакомые не знают, что их женщины и дети, сестры, невесты и подруги, о которых они только и думают сейчас, которые только и держат их в жизни, — уже давно мертвы и лежат в этом большом здании, в глубокой могиле, неподвижные, застывшие навсегда. Они не поверят, даже если мы им расскажем правду: нить, связывавшая их с женщинами, уже давно перерезана.

Некоторые в ожесточении бросают свою поклажу на землю. Им уже хорошо знакомо это здание с трубами, в котором каждый день погибают все новые и новые жертвы. Другие стоят в оцепенении, насвистывают что-то себе под нос, смотрят в тоске на Луну и звезды — и со стоном спускаются в глубокий подвал. Это длится недолго: они разделись и дали себя убить, не сопротивляясь.

Душераздирающая сцена разыгралась только тогда, когда к мужчинам привели женщин, которым не хватило места в первом крематории⁴². К ним, как безумные, бегут голые мужчины, каждый ищет среди них свою жену, мать, дочь, сестру, подругу... «Счастливые» пары, которым «повезло» встретиться здесь, обнимаются и страстно целуются. Страшно выглядит эта картина: посреди большого зала голые мужчины держат в объятиях своих жен, братья и сестры в смущении целуются и плачут — и, «радостные», они идут в бункер.

Многие женщины остались сидеть в одиночестве. Их мужья, братья, отцы вошли в бункер одними из первых. Они думают о своих женах, дочерях, матерях, сестрах и не знают, несчастные, что в том же бункере, среди чужих мужчин, стоят и их близкие — и тоже смотрят повсюду, выискивают в толпе родное лицо. Дико блуждает их взор, исполненный тоски и страдания.

Вот посреди толпы мужчин лежит одна женщина, растянувшись на полу, лицом к остальным: до последнего вдоха она еще искала среди незнакомых мужчин своего мужа.

А он, ее муж, стоял где-то там, далеко от нее, прижатый к стене бункера. Он в тревоге приподнимался на цыпочки, искал взглядом свою нагую жену, затерявшуюся в толпе. Но как только он ее заметил, его сердце бешено заколотилось, он протянул к ней руки, попытался пробраться к ней или хотя бы позвать ее, — в камеру подали газ, и он упал замертво: протянув руки к жене, с открытым ртом, с глазами навывкате. Он умер с ее именем на устах.

Два сердца бились созвучно — и в один миг, полные тоски и горя, оба остановились.

«Heil Hitler»

Через окно в двери бункера власть предержавшие увидели, как множество людей, огромная толпа — упали замертво, убитые ядовитым газом.

Счастливые и довольные, в сознании неоспоримой победы, выходят они из подвала. Теперь они могут спокойно ехать по домам. Злейший враг их народа, их страны уничтожен, истреблен. Теперь открываются новые возможности! Великий фюрер говорил, что каждый убитый еврей — это шаг к победе. Сегодня же им удалось уничтожить пять тысяч евреев. Это блестящая победа — без жертв, без потерь со стороны палачей. Кто еще может похвастаться таким деянием?

Они прощаются, поднимая руку, поздравляют друг друга и, довольные, рассаживаются по машинам. И машины увозят великих героев, гордых своим подвигом. Скоро они будут рапортовать о свершившемся по телефону. Весть о великой победе, одержанной сегодня, дойдет и до самого фюрера. Heil Hitler!

Мертвая площадь

На площади перед крематорием снова тихо. Больше нет здесь ни часовых, ни машин с гранатами, ни прожекторов. Все вдруг исчезло. Мертвая тишина снова воцарилась на божьем свете, как если бы смерть разлилась из этого ада волной по всей земле и погрузила весь мир в вечный сон. Луна в царственном спокойствии продолжила свой путь. Звезды все так же мерцают в глубоких синих небесах. Ночь спокойно тянется, как если бы на земле ничего не произошло. Ночь, Луна, небеса и звезды остались единственными свидетелями того, что Дьявол совершил в эту ночь, — того, следов чего теперь не найти.

В лунном сиянии можно заметить на площади только небольшие узлы с вещами — единственное напоминание о жизни, которой теперь нет. Вот движутся несколько силуэтов: люди-тени поднимают с земли тяжелую ношу — человеческое тело — и тащат к открытой двери. Потом медленно возвращаются, берут другое тело и исчезают с ним в дверном проеме. В ночной тишине слышно, как закрывают дверь: это запирают несчастных, которым скоро снова идти на эту жуткую работу. Вот раздался звук шагов: это сторож обходит местное «кладбище» и предупреждает тех несчастных, кто работает в аду и носит тела своих мертвых братьев и сестер, что от встречи со смертью не уйти и им.

В бункере

Дрожащими руками мы отвинчиваем болты и выдвигаем засовы. Вот открыты двери обеих камер, и прямо на нас хлынула волна ужасной смерти. Вот стоят окаменевшие люди, их взгляд неподвижен. Как долго? Как долго длились эти мучения? У нас перед глазами еще стоит совсем другое зрелище: те же самые люди в последние часы их жизни — полнокровные, молодые мужчины и женщины; мы еще слышим отзвук их голосов, нас преследует взгляд их глубоких глаз, наполненных слезами.

Во что превратились они сейчас? Тысячи, тысячи людей, еще недавно полных жизни, поющих и шумных, лежат теперь как камни. От них не услышать ни звука, ни слова: их уста онемели навеки. Их взгляд остановился навсегда, их тела лежат без движения. В мертвом молчании слышен только очень тихий, едва уловимый звук: это из мертвых тел выливается жидкость. Больше ничего не происходит в этом мертвом мире.

Мы застыли, оцепенели от зрелища, которое открылось нашему взору: перед нами огромное множество нагих мертвых тел. Они лежат, слившись друг с другом, переплетаясь, как будто сам Дьявол уложил их в таких причудливых позах. Один человек лежит, вытянувшись, на телах других. Двое обнялись и сидят у стены. Иногда видно только часть спины человека — а голова и ноги под телами других людей. Кто-то умер, вытянув руку или ногу, а все тело погрузилось в море других нагих тел. Целый

мир мертвецов — и твой взгляд выхватывает лишь куски человеческой плоти.

В этот раз на поверхности оказалось много голов. Кажется, что люди плавали в глубоком море нагих тел, — и только головы возвышались над волнами.

Головы — черные, светлые, каштановые волосы — только их еще можно различить на фоне общей массы из голой плоти.

На пороге ада

Нужно, чтобы сердце окаменело.

Нужно заглушить в нем болезненные чувства, не замечать той ужасной муки, которая переполняет тебя, как потоп.

Надо превратиться в машину, которая не видит, не чувствует и не понимает.

Мы приступили к работе. Нас несколько человек, и каждый занят своим делом. Мы отрываем тела от мертвой груды, тащим — за руку, за ногу, как удобнее. Кажется, они сейчас разорвутся от этого на части: их волокут по холодному и грязному цементному полу, чистое мраморное тело, как веник, собирает всю грязь, все нечистоты, по которым его тащат. После этого грязные тела поднимают и кладут лицом вверх: на тебя смотрят застывшие глаза, как будто спрашивая: «Брат, что ты собираешься со мной сделать?!»

Нередко узнаешь тела знакомых людей — тех, рядом с кем ты и сам стоял до того, как их загнали в камеру.

Один труп обрабатывают три человека. Один вырывает щипцами золотые зубы, другой срезает волосы, третий вырывает женщинам серьги, иногда из мочек ушей льется кровь. Кольца, которые не удается снять, выдирают щипцами.

После этого тело грузят в лифт. Два человека бросают туда тела, как дрова, и когда набирается семь или восемь трупов, подается знак, и лифт уезжает вверх.

В сердцевине ада

Наверху лифт встречают другие четыре человека. Двое стоят с одной стороны — они относят тела в «резервную» комнату. Двое других тащат трупы прямо к печам. Тела складывают по два у жерла каждой печи. Трупы маленьких детей бросают в сторону — потом их добавляют к трупам двух взрослых. Тела выкладывают на железную доску, потом открывают дверцу — и доску задвигают в печь.

Языки пламени лижут мертвую плоть, огонь обнимает тела, как сокровища. Сначала загораются волосы. Потом трескается кожа. Руки и ноги начинают дергаться: жилы натягиваются и приводят их в движение. Скоро все тело уже объято пламенем, кожа лопается, из организма выливаются все жидкости, и слышно, как шипит огонь. Человека уже не видно: только силуэт пламени, в котором что-то есть. Разрывается живот, кишки выпадают — и тут же сгорают целиком. Дольше всего горит голова. Из глазниц вырываются языки пламени: это сгорают глаза и мозг, а во рту горит язык. Вся процедура длится двадцать минут — после этого от человеческого тела остается только пепел.

Ты же стоишь в оцепенении и смотришь на это.

Вот кладут на доску два тела — это были два человека, два мира, они жили, существовали, что-то делали, творили, трудились для мира и для себя, вносили свою лепту в большую жизнь, пряли свою ниточку для мира, для будущего — и вот пройдет двадцать минут, и от них не останется и следа.

Вот кладут на доску двух женщин, обмывают⁴³ их. Это были молодые красивые женщины, еще недавно они жили, приносили другим счастье, утешали своей улыбкой, радовали каждым своим взглядом, каждое их слово звучало как волшебная небесная музыка, всех они дарили счастьем и радостью. Многие сердца горели любовью к ним. И вот они лежат на железной доске, и как только откроется жерло печи, они исчезнут в нем навсегда.

Теперь на доске лежат три тела. Младенец на груди у матери — сколько счастья, сколько радости испытали родители при его рождении! Радость царила в их доме, они думали о будущем, весь мир представлялся им идиллией — и вот через двадцать минут от них ничего не останется.

Лифт поднимается и опускается, он привозит все новые и новые трупы. Как на бойне, лежат груды тел — в ожидании, пока их кто-нибудь возьмет.

Тридцать печей, тридцать адских костров⁴⁴ горят в двух крематориях. В них исчезают бесчисленные жертвы. Это продлится недолго: скоро все пять тысяч человек будут превращены в пепел.

Огонь в печах бурлит, как штормовая волна. Его зажгли варвары, убийцы — в надежде, что его светом им удастся разогнать мрак их страшного мира.

Огонь горит ровно, в полную силу, никто не пытается его потушить. Постоянно ему предают все новых и новых жертв, как будто наш древний народ-мученик был рожден специально для этого.

О великий свободный мир, увидишь ли ты когда-нибудь это пламя? Люди, остановитесь, поднимите глаза к небесам: их глубокую синеву у нас застит огонь. Знай, свободный человек: это адское пламя, в котором сгорают люди!

Может быть, твое сердце не останется черствым, может, ты придешь сюда и потушишь этот пожар? И, может быть, ты осмелишься поменять местами жертв и палачей и предать пламени тех, кто его разжег?

РАССТАВАНИЕ

Вступление

Дорогой читатель!

Я посвящаю эту работу друзьям по несчастью, дорогим моим братьям, с которыми нас внезапно разлучили. Кто знает, куда их отправили. Предчувствия на этот счет у нас самые худшие: слишком хорошо мы знаем обычаи лагерного начальства.

Им, друзьям, я посвящаю эти строки в знак любви и привязанности. Если ты, дорогой читатель, захочешь когда-нибудь понять, как мы жили, вдумайся в эти строки — и тогда ты сможешь нас хорошо себе представить и поймешь, почему все было так, а не иначе.

Из моих записок ты сможешь узнать, как погибли дети нашего народа. Прошу тебя, отомсти за них и за нас: ведь неизвестно, доживем ли мы — обладатели фактических доказательств всех этих зверств — до освобождения. Поэтому я хочу своим письменным обращением пробудить в тебе жажду мести, чтобы этой жадой наполнилось множество сердец, — и пусть в море крови будут утоплены те, кто превратил мой народ в море крови.

У меня есть и личная просьба. Я не указываю своего имени — но ты узнай его от моих друзей и подпиши им мою работу. Пусть друг или родственник произнесет его с тяжелым вздохом.

И еще одна просьба. Вместе с записками напечатай и фотографию моей семьи и снимок, на котором мы с женой. Пусть и о моих близких кто-нибудь вздохнет и проронит слезу, ведь я, их несчастнейший сын, проклятый муж, — не могу, не в состоянии этого сделать. За шестнадцать месяцев жизни в этом аду у меня не было ни дня, когда я мог бы уединиться, побыть наедине с собой и увидеть, ощутить, осмыслить мое несчастье. Непрерывный процесс систематического уничтожения, в который я вовлечен, заглушает личное горе, притупляет все чувства. Моя собственная жизнь проходит под сенью смерти. Кто знает, смогу ли я когда-нибудь оплакать и ощутить сполна мои ужасные страдания...

Моя семья была сожжена 8 декабря 1942 года:

Моя мать — Сорэ

Моя сестра — Либэ

Моя сестра — Эстер-Рохла

Моя жена — Соня (Сорэ)

Мой тесть — Рефозл

Мой шурина — Волф

Моего отца схватили в Йонкипер 1942 года в Вильне: за два дня до начала советско-немецкой войны он поехал в Литву, чтобы повидаться с сыновьями. Их, моих братьев, схватили в Шавеле⁴⁵ и отправили в лагерь, что с ними произошло дальше — неизвестно. Сестру Фейгеле и невестку схватили в Отвоцке и отправили в Трeблинку вместе со всеми евреями. Вот и все о моей семье.

(7) (30) (40) (50) _ (3) (200) (1) (4) (1) (6,6) (60) (100) (10)⁴⁶.

Смирно!

Мы вернулись в барак после построения. И вдруг в шуме голосов — пронзительный звук свистка.

Уже не раз свисток выгонял нас из барака, не дав отдохнуть, на новое построение — и всегда на то были свои причины. Но сегодня этот звук ворвался в барак, словно буря.

Защемило сердце, в мозгу молнией сверкнула мысль: не против нас ли обращен этот звук? Не за нами ли пришли? Вдруг и нас собираются разделить, разлучить друг с другом — и послать на смерть? Вероятно, слух, который распространился среди нас вчера, — что в пятницу специальным транспортом куда-то отправят тех из наших братьев, кого не приписали к работе в крематории, — оказался правдой. Так заставляет думать и то, что нам вчера объявили за работой: информация о транспорте не актуальна. Раз говорят «нет» — значит, «да».

Мы стоим, выстроившись, в страшном напряжении. Что-то будет? Может быть, нас всех собираются «ликвидировать»? Но даже если сейчас они пришли только за некоторыми из нас, то и для всех остальных это начало конца. Если сейчас так или иначе избавляются от моего брата — то и я, пожалуй, уже не нужен. Мы тревожно переговариваемся: о чем ты думаешь? Как ты оцениваешь ситуацию? Вдруг раздается громкий крик блокэльтесте: «Achtung!». Прибыл лагерфюрер и вся его свита. Их лица нам хорошо знакомы, но на построении они не появлялись еще ни разу: последний раз мы их видели здесь пятнадцать месяцев назад, когда нас определили на эту страшную работу. Что будет? Тревожная мысль мучает нас: что будет сейчас — когда они собралась нас ликвидировать? Все переглядываются — нервно и испуганно. «Желтые повязки»⁴⁷ тоже стоят с бледными лицами: нет сомнений, готовится что-то серьезное.

Сейчас нас всех объединяет одна мысль, одна проблема. Все печальны и подавлены. Всеми овладели ужас и дрожь. Все напряженно ждут того, что произойдет в ближайшие минуты. Мы вдруг ощутили, что пятнадцать месяцев жизни бок о бок и кошмарной совместной работы сплотили нас, группа товарищей стала особым братством, что братьями мы и останемся до последних минут своей жизни, один за всех и все за одного. Каждый почувствовал общую боль, общее горе, грядущие муки и страдания. И хотя никто еще не представлял себе этих мук, все понимали: «что-то» должно

произойти. Каждое «преобразование», как нам хорошо известно, сулит только одно — переход от жизни к смерти.

Ожидание длится недолго, вскоре выясняются некоторые подробности: рапортшрайбер⁴⁸ начинает вызывать по номерам тех товарищей, которые не останутся работать в крематории.

И вот постепенно общее напряжение начало спадать, общий страх, страх за всех, сменился личным, страхом только за себя: ужас покинул тех, кто был абсолютно уверен, что его номер назван не будет. Для нашей семьи эта минута стала роковой: между нами — пусть медленно и незаметно — стала расти пропасть. Соединявшие нас нити ослабли. Наш братский, наш семейный союз дал трещину. Вот она — слабость, нагота того существа, которое называется человек. Инстинкт выживания, теплившийся где-то в глубине каждого из нас, превратился в опиум — и незаметно, незримо отравил в каждом из нас человека, друга и брата, вытеснил сочувствие: «Это тебя не касается, ты можешь быть спокоен, пока «вызывают» кого-то другого», — и заставил забыть, что «кто-то другой» — это твой брат, это тот, кто остался у тебя вместо жены, детей, родителей, всей семьи...

Недавних братьев опьянило незнакомое дотоле чувство, и они забыли, что если жертвуют одним из них, то и в жизни другого скоро уже не будет необходимости. Для каждого надежда на лучшее и уверенность в том, что «пока» лично ему ничего не грозит, стали утешением, источником мужества и сил, — и на месте прежней любви между нами пролегло отчуждение. Каждый новый номер, который выкрикивал рапортшрайбер, как динамит, разрушал соединявший нас мостик.

Ужас охватил только тех, чья судьба сейчас решалась, чьи мнимые гарантии могли исчезнуть: спасет ли их то, что они приписаны к работе здесь? Мы заметили, что те, чьи номера еще не прозвучали, стараются отодвинуться подальше, вжаться в стену. Как бы они сейчас хотели убежать, спрятаться где-нибудь, где бы их не достиг взгляд лагерфюрера⁴⁹ и его свиты: кто знает, на кого еще они обратят внимание? Одно их слово выделяет тебя из толпы, из группы, в которой, как тебе кажется, ты чувствовал бы себя лучше или, по крайней мере, более уверенно.

Все хотят, чтобы чтение списка закончилось как можно скорее. Каждый хочет избавиться от гнетущего чувства беспокойства и неуверенности.

Тяжелее всего тем, кого несправедливо отделили от группы приписанных к крематорию и заставляют встать в ряд отъезжающих, чтобы занять место кого-нибудь из привилегированных, кто в последний момент «раздумал» ехать или до последнего не верил, что до этого дойдет, обнадеженный своими «покровителями» — штурмфюрером или лагерфюрером... Их горе было вдвое больше нашего: их ведь уже оставили здесь — но вдруг приказывают встать в другую колонну, занять чье-то пустующее место. Им кажется, что они ложатся в пустую могилу, которую выкопал кто-то из *тех*, привилегированных заключенных.

Все разделились на две группы: приписанные к крематорию и не приписанные. Черные тучи, висевшие на нашем горизонте, застыли между двумя этими группами, и казалось, что над нами небо стало немного светлее, а над ними нависла черная мгла. Те, кто был полностью уверен, что его оставят, успокоились. А те, кого точно высылали, были охвачены болью и ужасом. Немой вопрос — Куда? Чего ждать? — казалось, наполнил все пространство, где они находились, висел в воздухе. Перед их глазами как будто появилось огромными буквами написанное слово: КУДА? Все существо их, душа и сердце были охвачены ужасным размышлением, разрушавшим, сжигавшим их личность: куда нас повезут? Что нам предстоит?

Вера

Все мы были уверены, что *им* не удастся осуществить задуманное так легко. Мы, работники зондеркомандо, братья, при первой попытке разорвать нашу семью — мы покажем себя. Нас-то не удастся убедить, что нас повезут на работу, на которую надо послать именно нас и никого другого. Мы были свидетелями того, как тысячи самых нужных людей, самых ценных для Рейха кадров, скажем, работники фабрик по производству обмундирования, были привезены сюда и сожжены в крематории.

Нет, эти рафинированные бандиты-обманщики не смогут убедить нас в необходимости перебросить нас на другой объект. Нет, нас они так не обманут! Как только они притронутся к нам — к единой семье, к единому организму, — мы очнемся и, как раненый зверь, бросимся на врага — на этих извергов и преступников, истребивших наш безвинный народ. Наступит решающее мгновение, и мы скажем свое последнее слово. Как лава из вулкана, вырвется давно кипевшая в нас жажда мести. Мы положим конец кошмару, в котором мы вынуждены были жить пятнадцать месяцев.

Мы надеялись, мы верили, мы были глубоко убеждены в том, что, когда мы столкнемся лицом к лицу с опасностью потерять свою жизнь, — мы сумеем очнуться и увидеть страшную действительность без прикрас, поймем, что все наши мечты и чаяния были лишь пустыми фантазиями, иллюзиями, которыми мы сами были рады обманываться, чтобы не замечать той смертельной опасности, которая постоянно нам угрожала. Мы надеялись, что когда мы почувствуем, что у нас нет больше шансов остаться в живых, чтобы дать достойный отпор врагу, отомстить этому варварскому народу за преступления, которым в человеческой истории еще не было равных, — тогда уже мы не будем больше ждать!. Когда мы поймем, что для нас уже копают могилу, что под нами уже разверзается пропасть, — тогда и наступит великая минута. Выплеснутся весь гнев и вся ненависть, вся мука и вся боль, долго — в течение пятнадцати месяцев ужасной работы — зревшие в нас и питавшие желание мести. Когда придет пора защитить свою жизнь и отомстить, тогда вулкан проснется. Все без исключения, вне зави-

симости от физического состояния и характера, будут охвачены жаждой отмщения и героическим порывом.

Мы все, стоя на краю могилы, на последнем издыхании, — вместе дадим ответ на страшный вопрос: почему же мы жили в самом сердце преисподней, почему мы могли здесь существовать, почему могли дышать воздухом смерти и уничтожения нашего народа?

В это мы все верили...

Хотя бы один

Мы все были в страшном напряжении, наши чувства бурлили, воздух как будто раскален, а люди — как порох: хватило бы даже искры, чтобы занялось пламя. Эта искра тлела в наших сердцах, ожидая дуновения ветра, который бы ее раздул, — но суровая холодная волна потушила ее.

Проклятые преступники, эти негодяи, чье единственное желание — выследить нас, поставить нам капкан, поймать нас, поняли наши намерения и почувствовали наш настрой. Они прочли самые сокровенные наши мысли и увидели в них нашу духовную наготу. И, чтобы избежать нежелательных последствий, чтобы беспрепятственно осуществить задуманное и избавиться от нас, они обратились к старому известному принципу, ставшему девизом британской политики: «Разделяй и властвуй».

Они разделили нашу семью, уничтожили всеобщее чувство опасности — отныне боялись только «не приписанные». В ту минуту, когда братья, оставленные на работе в крематории, смогли забыть об этой опасности — опасности лишиться своего места, которое казалось им надежным, — у нас больше не осталось общих чувств и стремлений. Те, кто продолжал еще питать иллюзии в отношении своей судьбы, кто надеялся выжить, пережить этот кошмар, оказались безоружны. У них пропало желание бороться. Инстинкт самосохранения не позволял им и помыслить о борьбе и мести.

Мы разделились на две группы — каждая думает о своем и каждая боится своего. Одна — над которой уже нависла страшная угроза, и другая — которая еще не осознает опасности.

Бывшие братья стали друг другу чужими. Те, кого увозят от нас навсегда, сейчас стоят, бессильно опустив руки. Уверенность в завтрашнем дне, казавшаяся незыблемой, исчезла, и от братских чувств, от ощущения общей ответственности — один за всех и все за одного — не осталось и следа. Однако связующая нить между теми, кто уезжает, и теми, кто остается, порвана еще не полностью, ведь «приписанные» все-таки помнят, что им угрожает не меньшая опасность, и каждый из нас чувствует себя так, как будто от его тела живьем отрывают куски.

И все же разница между нами есть: привилегия, полученная теми, кто остался приписанным к крематорию, дала им право думать, что первыми, кто ввяжется в бой, должны быть «они» — люди, над которыми уже зане-

сен меч. Человеческая слабость — страх рисковать собой, страх потерять свою все равно обреченную жизнь — нашла себе хорошее оправдание.

Все смотрели на братьев, выстроившихся в колонны на плацу. Казалось: одно их движение — и мы бы тоже, не раздумывая, ринулись в бой. Все с радостью поддержат их порыв, все напряженно ждут того, что должно произойти в ближайшие минуты.

Но и тут стрелы наших врагов попали в цель: разделение сбило с толку и тех, кому, казалось, уже нечего терять. Они видели, что между нами и ними выросла железная стена, что они остались в одиночестве и что нас с ними уже ничего не связывает. В это же заблуждение впали и мы. Если бы нашелся хоть один человек, который сохранил бы способность трезво мыслить, не поддался бы оглушающему действию разделения, этому опиуму, который бандиты влили в наши окаменевшие сердца, если бы он бросился в бой — тогда бы произошло чудо. Его воля окрылила бы всех нас, его движения вызвали бы бурю, из искр, тлеющих где-то в глубине, вспыхнуло бы пламя — и мир впервые услышал бы предсмертный вопль изверга и ликующую песнь победителей, детей истребленного народа.

Это был наш шанс, мы уже чувствовали муки, в которых должно было родиться что-то новое и небывалое, муки мести и героизма, — но в этих муках появилось на свет совсем другое дитя — трусость.

В бараке

Нас загнали в барак, в нашу прижизненную могилу. А там, снаружи, под надзором лагерных бандитов остались стоять они, наши братья.

Мы вбежали в барак и остановились, как вкопанные, как если бы мы были здесь в первый раз. Все как будто онемели, не находят себе места. Никто не осмеливается подойти к своим нарам и сесть или лечь, а тем более сказать что-нибудь, нарушить мертвую тишину.

Все чувствуют трагизм ситуации, каждый осознает, что сейчас разыгрывается ужасная сцена, в которой он соучастник, но вдуматься в происходящее он не в силах. Мы собираемся в маленькие группы, чтобы объединить свое горе с горем друга. Все чувствуют, что в воздухе нависло тяжелое ощущение беды, и оно исходит от толпы, стоящей снаружи, заполняет барак целиком и проникает повсюду, ложится тяжким грузом на сердце и душу, — но что это за чувство, в чем оно состоит, мы не можем понять.

Одно мы чувствовали — что там, за стеной, стоят они, самые дорогие и близкие нам люди, с которыми вместе, одной семьей мы еще час назад вышли из барака и вместе же должны были вернуться — когда бы не пришла беда. Их удерживают на плацу, и вместе нам теперь никогда не быть.

В одночасье между нами и ими выросла стена: мы здесь, в бараке, а им больше не попасть сюда. Мир разделился надвое. Эти негодяи, чей радо-

стный победный клич мы вынуждены слышать, разорвали наш единый организм на две половины. Они кромсают скальпелем нашу плоть. Мы чувствуем, что еще связаны с нашими несчастными братьями тысячью нитей. Мы в бараке, а они — там, за стеной, но мы уже чувствуем мучительную боль этого разрыва. Мы слышим споры и разговоры товарищей — и знаем, что это их последние слова. Но полностью осознать горе, оглушившее нас, — о нет, этого сделать мы не в силах.

Расставание

В печальной атмосфере барака раздался пронзительный свирепый голос: он отдал приказ и этим поднял на ноги людей, погруженных в свое глубокое горе. Голос потребовал: «Все на выход!»

Никому из нас нельзя больше оставаться в бараке, потому что наши братья, стоящие на плацу, должны прийти сюда, взять свои вещи, свой паек — и навсегда расстаться с бараком, ставшим им домом, с лагерной жизнью, а нам, самым дорогим для них людям, друзьям, ближе которых у них никого на свете не осталось, больше нельзя быть с ними. Мы, их немногие оставшиеся в жизни братья, на кого варварская рука еще не опустилась, тоже тяжело переживаем эту минуту, когда брат, который для нас сейчас больше, чем брат (ведь он заменяет и родителей, и жену, и детей), лишен этого последнего утешения — пожать нам руки, расцеловать нас и попрощаться. Они хотят выразить свои братские чувства в момент расставания.

Нас выгоняют на улицу. Никто не может устоять на месте. Нервные перепуганные люди сбиваются в группки и ходят туда-сюда, одни разговаривают, другие молчат, все подавлены, все переживают минуты мучительной боли. Все чувствуют, что должны быть сейчас не здесь, а там, за стеной, в бараке, откуда уже скоро выйдут наши братья: ведь нам хочется быть рядом с ними. Каждый из нас чувствует, что привязан тысячью нитей к тем людям, которые бегают по бараку, чтобы взять свои вещи. Каждому кажется, что, стоя на улице, на самом деле он находится там, внутри. Он и тот, кто в бараке, сейчас едины душой и телом, они не могут расстаться, разделиться, — но варварская рука режет по живому их единое сердце, отрывает их души одну от другой. Они ощущают это горе, боль хирургической операции, которая сейчас происходит.

Каждый хотел бы утешить несчастных, дать им надежду, воодушевить их, чтобы они мужественно держались до последней минуты. Каждый разделяет страдания, которые переживают сейчас наши братья, навсегда уходя из барака, в котором они прожили пятнадцать месяцев. Каждый из нас чувствует, как те смотрят на нас из-за стены и хотят встретиться взглядом с нами, их братьями, преисполненными скорби и тоски. Некоторые из нас прислоняются к холодным стенам, чтобы попытаться расслышать, о чем говорят они в последние минуты перед тем, как уйти навсегда. Как будто

стена — единственная преграда между ними и нами — разорвала наши сердца и души.

Вдруг наступила тишина. Братья, отправляющиеся в путь, бросили последний взгляд на барак и под конвоем вышли на улицу.

Мы говорим друг другу: «Они уже выходят!» В сердце защемило: все чувствуют, что что-то должно произойти. Нам предстоит последняя сцена расставания. Каждого пронзает дрожь в ожидании ближайших минут: все мы знаем, что мы тоже соучастники происходящего, и с нами, вероятно, тоже собираются сейчас что-то сделать.

Мы собрались в одну толпу, встали напротив них. Каждому из них хотелось выговориться перед нами, — ведь мы казались им счастливыми, — подбежать к нам, обменяться парой слов, обнять нас. Братские чувства переполняют их, они хотят излить эти чувства на нас. Каждый, даже тот, с кем ты час назад чувствовал себя чужим, стал теперь любимым и дорогим. Хочется броситься им — хоть кому-нибудь — на шею, обнять, расцеловать, уронить слезу им на грудь, чтобы она достигла их изможденного сердца и смягчила боль. Всем теперь хочется многое им сказать, доверить какую-нибудь тайну. Все хотят поделиться с ними своей обманчиво счастливой участью, чтобы утешить их, ободрить и обнадежить, — но они так и застывают, раскрыв нам свои объятия: лагерная охрана уже разделила нас.

Но мы встретились с ними взглядом. Они смотрят на нас глазами, полными зависти. И хотя они понимают, что в конце концов нас ожидает то же, что и их, — все равно очевидно, что они завидуют нам: ведь мы пока что остаемся здесь, мы войдем в освещенный барак, сядем к теплой печке или ляжем на нары и забудемся во сне, отрешимся от ужасного вчерашнего дня, от ужасного сегодня и от еще более страшного завтра, — а их, как пятнадцать месяцев назад, отведут в баню, заставят снять теплые вещи, скинуть сапоги, дадут им деревянные колодки, которые оттягивают ноги, как кандалы; они будут дрожать от холода и ветра, как тысячи других людей, которых мы видим каждый день. А куда их поведут потом? Что их ожидает — не то же самое ли, что постигло миллионы наших братьев и сестер, которых выгнали из дома и увели якобы на работу? Их путь был прост: их привезли в крематорий — и вскоре от них не осталось и следа [...] Мы сочувствуем им, нам хочется сказать слова утешения, взять на себя часть груза их страданий, который терзает их сердце. Но нам приходится безмолвно стоять, подавляя в себе бурлящие чувства.

И вот пробил последний час, наступила последняя минута.

Толпа, выстроенная в колонны, уже готова. Людей пересчитывают. Да, все верно.

Двести братьев оторвали от нас, чтобы увезти неизвестно куда, в пугающий таинственный путь. Мы провожаем их взглядами, полными жалос-

ти, мы готовы помочь им, отдать им все, что у нас есть, все, что им нужно. Но приходится неподвижно стоять на месте.

Послышалась команда: «Шагом марш!»

Все тяжело вздыхают. Мы чувствуем, как обрывается последняя нить, связывавшая нас. Наша семья разделена, наш дом разорен. Они идут. Сердца тех, кто уходит, и тех, кто остается, бьются созвучно. Мы смотрим им вслед. Каждый из оставшихся шепчет свои последние пожелания и благословения.

Вдалеке еще видна огромная движущаяся тень: это люди идут по вымершей улице. Двести братьев отправляются в последний путь, задуманный Дьяволом. Они идут, испуганно пригнув головы. Мы не можем оторвать от них взгляда, и это единственное, что еще нас связывает.

Вдруг все исчезло. Плач безлюден, их места пусты, мы стоим, осиротевшие и одинокие. Наши глаза еще смотрят туда, где исчезли наши братья.

Снова в бараке

Как семья в трауре, что проводила в последний путь своих близких и возвращается домой с кладбища, — вот как мы себя чувствовали.

Как безутешные родственники, которые снова и снова возвращаются взглядом и мыслями к кладбищу — месту, где они только что оставили своих родных, часть своей жизни, — и не могут перестать думать о нем, — так и мы чувствовали себя в ту минуту, когда нам велели идти обратно в барак.

Траурная процессия, тяжелой вереницей тянущаяся с погоста, все идут, низко опустив голову, погруженные в свое горе, — так и мы возвращались в наше жилище.

Как близкие люди, потерявшие любимого родственника, ощущающие боль свежей раны, нанесенной жестокой смертью, — так и мы горевали тогда.

Как люди в трауре, все существо которых пронизано страшным переживанием перехода от жизни к смерти, — такими были и мы в тот момент.

Потеряв близкого, чувствуешь, что лишился части себя самого, без которой не можешь жить, что ты сам разорван на куски, — с таким камнем на сердце мы возвращались к открытым дверям барака.

Как семья, возвращающаяся в дом, откуда несколько часов назад вынесли безжизненное тело близкого человека, — так и мы чувствовали себя. Духом печали и смерти был наполнен весь барак.

Как овдовевшие и осиротевшие, ходили мы на подгибающихся ногах по окаменевшему земляному полу и полными слез глазами смотрели на лежащие в беспорядке вещи, которые в отчаянии разбросали по всему бараку наши братья.

Как скорбящие, входя в комнату, где лежало тело покойного, чувствуют, как отовсюду веет смерть, так и нам казалось, когда мы вошли в наш общий барак, где еще недавно жили наши братья: воздух насыщен горем, отовсюду — от стен, от нар — веет несчастьем. Еще недавно здесь билась жизнь, в каждом уголке теплилось ее дыхание, — и вдруг она исчезла, а вместо нее — что-то мертвое, пустое, застывшее, неподвижное, оно пугает, как призрак, преследует тебя, как злой рок, и пронизывает тебя насквозь, проникает в сердце, в душу — и ты сам как будто уже не жилец.

Как убитые горем родственники смотрят на вещи покойных — так мы смотрели на пол около нар наших ушедших братьев: там были разбросаны вещи, еще недавно необходимые, а теперь — словно рецепты, оставшиеся после человека, умершего от тяжелой болезни. Эти вещи уже ничьи, никому больше они не принесут пользы — только вызовут мучительные воспоминания о том, с кем ты был связан множеством нитей — и который исчез навсегда. Ты наступаешь на какую-нибудь вещь — и останавливаешься, пораженный внезапной болью: эта вещь еще недавно принадлежала твоему брату, она хранит тепло его рук и взгляд, который он бросил на нее, прежде чем в отчаянии швырнуть ее на землю.

Явственно ощутили мы свое сиротство, когда подняли глаза и увидели эту ужасную пустоту, от которой исходил дух смерти. Казалось, из этой смертельной пустоты протягиваются невидимые руки, чтобы схватить оставшихся в живых и наполнить ими бездну.

У скорбящих по ушедшим близким глаза полны смертью. Они не могут освободиться от нее, потому что ощущение смерти уже стало неотъемлемой частью их жизни. Мы испытывали то же самое: смерть рядом, мы не можем избавиться от ее присутствия. Жизнь и смерть — две противоположности, всегда отделенные одна от другой полосой боли — здесь слились воедино.

Как тот, кто потерял близких, старается сохранить память об ушедших, запечатлеть в сердце их облик, — так и мы жили воспоминанием о тех, кого мы потеряли. Мы поняли, что братья, которых оторвали от нас, были частью нашего организма. Каждой клеточкой тела мы ощущали эту потерю.

Как теперь жить? Как думать и чувствовать? Теперь мы и шагу не можем ступить без братьев, которые покинули нас.

Свой угол

В бараке у каждого из нас есть свой бокс. Это личное пространство каждого, это угол, который только и остается тебе на этом проклятом куске земли, несчастнейшем на свете. Он становится тебе близким и преданным другом, братом, чутким к твоим страданиям. Он заменяет тебе дом, семью, жену, ребенка. Это то немногое, что отпущено тебе в этом дьявольском месте, в этом мире жестокости, зверства и варварства, где человеческие чувства давно потеряли цену.

Теперь боксы ушедших как будто облеклись в траур. Они стоят, как мать, скорбящая о детях, которых внезапно забрали у нее. Подойди — и ты услышишь ее плачущий голос. Вот фотографии детей, что были тебе братьями, а теперь навсегда исчезли.

Вид этих боксов напоминает тебе, что с каждым, кто в них жил, ты был знаком уже пятнадцать месяцев. Всех их ты видел каждое утро, каждый день и каждый вечер. С ними вместе ты пережил множество событий. И вот ты видишь их — еще живых, полных сил, ты чувствуешь их взгляд, смотришь им в глаза [...]

Это какая-то дьявольская игра: ты видишь их еще при жизни, слышишь их голоса — и вдруг все исчезает, как будто мгновенно уходит под землю.

Сколько разных людей, сколько лиц и характеров было здесь! Каждый вечер внизу садились вместе глубоко верующие и при свете свечей изучали проким⁵⁰ из Мишны⁵¹ и углублялись в споры мудрецов Талмуда; недавно обратившиеся к вере читали псалмы и маймодэс⁵² или вслушивались в спор знатоков о законах Шулхн-Орэха⁵³. Были и те, кто старался отвлечься, занявшись игрой или какой-нибудь чепухой: свое горе они пытались замаскировать внешней беспечностью.

Эти вечера вносили разнообразие и яркие краски в серо-черную лагерную жизнь, в наше трагическое бытие.

Это был островок гармонии в этом адском мире, из каждого бокса будто бы доносился свой тон — и все они складывались в общую мелодию.

В каждом боксе шла своя жизнь, которая незримо поддерживала нас, вселяла в нас уверенность, мужество и надежду, которые были нам так необходимы, делала наше существование осмысленным, пряла невидимые нити, которые связывали нас в неразлучную семью.

И вот теперь мы стоим у края могилы, откуда смотрит на нас страшная смерть. Когда ты оказываешься рядом с боксами ушедших, ты чувствуешь, как неживые предметы грустят о людях, которые еще вчера были здесь. Эти боксы могут рассказать о страданиях и муках, которые выпали на долю их бывших хозяев, о тех днях и ночах, когда только они и слышали тихие рыдания, что вырывались из измученной груди этих несчастнейших из людей.

В те ужасные дни, когда наши братья искали друга, с которым они могли бы разделить свои страдания, сердце, которое могло бы понять их муки, — рядом не было никого, кто был бы готов выслушать их, потому что все вокруг тонуло в том же море мук и боли, и каждый желал обрести друга, которому он мог бы все рассказать. И все мы душили в себе эту боль, загоняли глубже свои страдания, старались заглушить наше несчастье — и тяжелая цепь наших мучений все прирастала, давила на нас тяжелым грузом, сжимала нас, придавливала к земле, ломала. И тогда каждый из нас шел в свой бокс, всегда готовый принять страдающего: в боксе было место для обессилевшего тела, можно было лечь и укрыться одея-

лом, как в детстве, телу и душе становилось тепло, спадало страшное оцепенение, в котором мы проводили весь день, из глаз лились потоки жарких слез... [...] И от всего этого — и от тепла, и от слез — становилось легче на сердце.

В боксе, в атмосфере тепла и уюта, — насколько только возможен уют в этом страшном месте, — каждый переносился мыслями в детство, вспоминал о родителях, а потом о жене, о собственных детях. Перед глазами вставали картины прежней жизни: все вместе — дети и родители, муж и жена — жили в счастье и спокойствии. А что сейчас? Сейчас он, одинокий, без жены и ребенка, потерявший родителей, лежит здесь. Он вспоминает этот кошмар: ведь он своими глазами видел, как всю его семью сожгли. Но тогда он стоял в тупом оцепенении и не мог осознать произошедшего, и только сейчас, в момент воспоминания, на его глазах показались слезы. Уже давно ждал он того часа, когда сможет оплакать своих родных: родителей, жену, ребенка, братьев и сестер, — но сделать это он долго не мог, потому что живых чувств в нем, казалось, уже не было. И только сегодня он пережил, наконец, момент пробуждения: тепло растопило лед его сердца, и слезы омыли его неизлечимые раны. Какое счастье это принесло его измученной душе!

Наши боксы, казалось, переживали те же события, что и мы. Когда мы уходили на работу, они как будто бы с нетерпением ожидали нашего возвращения, чтобы узнать, что мы видели за день, сколько тысяч жизней оборвалось на наших глазах, откуда привезли этих несчастных людей и как их умутировали... Сколько страшных тайн, сколько душераздирающих рассказов хранят эти холодные доски!

В бессонные ночи, когда мы металась в муках и не могли успокоиться, потому что бурные волны нашего горя швыряли нас из стороны в сторону, — только от этих досок и могли мы ожидать сочувствия.

Мы возвращались к своим нарам, измученные страшными переживаниями и физическим истощением, разбитые, сломленные, в отчаянии — и в изнеможении падали, как подрезанные колосья, в объятия сна, и всю ночь без перерыва слышались тяжелые, полные страдания и муки вздохи, вырывавшиеся из наших сердец, изошедших кровью и болью. Один отчетливо вскрикивал: «Ой... ой... мама... мама...» Другой, изнемогая от тяжелого кошмара, произносил одно слово: «Папа...» Третий метался во сне, кричал, заходилась в истерических рыданиях и бормотал имена жены и ребенка. Ночью все снова и снова переживали несчастье, уже давно постигшее их семью. Каждый снова видел, как его самых дорогих и близких безжалостно вырывают у него из рук. Его окружили какие-то люди-изверги, у всех жестокий, пронзительный взгляд. В руках у них были револьверы и винтовки. Он просит их, плачет, кричит, но никто не слышит его — и он убегает [...] Через несколько минут он видит своих близких уже раздетыми догола: вот мать, отец, сестры, братья, жена с младенцем на руках. Их всех выгнали из барака и заставляют идти босиком по холодной,

как лед, земле. Ветер хлещет их обнаженные тела. Несчастные дрожат от страха и холода, плачут, жалобно вскрикивают, в ужасе оглядываются по сторонам. Им не дают остановиться. На них бросаются дико воющие собаки, кусают, отрывают куски тела ... У одной женщины собака вырвала из рук ребенка и треплет его, тащит по земле. Небо дрожит от криков. Матери бьются в истерику. Кажется, что на этой проклятой земле разыгрывается какой-то невообразимый дьявольский спектакль: голые женщины, мужчины, дети убегают от собак, которых направляют на них люди в военной форме с палками и нагайками в руках.

Вдруг в этом хаосе, среди жутких криков он расслышал знакомый голос: его старая мама упала на землю, а сестры пытаются ее поднять, но не могут. К ним уже несется какой-то негодяй с палкой, бьет их — мать и сестер — по голове. Видеть это невыносимо, он бросается к маме, хочет подбежать и всех спасти — но не может.

Тут же слышит он крик жены: треснул лед, и она упала в воду вместе с ребенком. Она зовет на помощь, двое каких-то людей тащат ее, как труп, за руки, младенец захлебывается и тонет в ледяной воде, — а вокруг стоят люди с собаками и цинично смеются, как будто перед ними разыгрывают комедию. Он срывается с места, бежит к тонущим, хочет подхватить их, вытащить из воды, дать им теплую одежду и убежать с ними куда-нибудь — но он в ловушке, связан по рукам и ногам и не может сдвинуться с места.

Вот он снова видит родителей, братьев и сестер. Мама лежит на холодном цементном полу, сестры придерживают ее голову, покрывают ее поцелуями, отец и братья плачут... Где же его жена с ребенком? Он ищет их — наконец увидел: жена лежит, вытянувшись на земле, ребенок около нее, — а рядом стоит убийца с револьвером в руке и прицеливается. Он кричит во сне, воеет, как раненый зверь. Его товарищ, спящий на соседних нарах, проснувшийся от криков, разбудил его. И вот он лежит, оглушенный, ничего не понимает, как будто только что побывал на поле боя. Как только брат ни просил его рассказать, что же ему снилось, — он отказывался. Тихо плача, в ощущении кошмара от только что пережитых событий, он так и лежал, не проронив ни слова, до утра.

Бывали и радостные ночи — они как биение живого источника в этой окаменевшей мертвой пустыне. В эти ночи мы прижимались к унылым доскам, как к телу любимой. В эти ночи сон принимал нас, несчастнейших детей этого мира, в свои объятия и возвращал к прежней жизни, в счастливую атмосферу прежних дней, от которой при свете дня мы безнадежно оторваны. Ночь щедро возвращала несчастному его дом, родителей, братьев и сестер, жену и детей.

Этот человек, днем похожий на тень — несчастный, изможденный, — теперь доволен и беззаботен, на его лице появилась улыбка: он снова в кругу семьи. Отец, мать, сестры и братья (даже те, кто обычно в отъезде), он сам с женой и ребенком — все собрались и вместе сидят за празднично

накрытыми столами, едят, поют, смеются, рассказывают анекдоты. Он, молодой отец, играет с ребенком, тот весел, прыгает и танцует. Все счастливы и довольны: в доме праздник, у всех приподнятое настроение, все наслаждаются покоем и беззаботной радостью. Его жена поет — и все очарованы сладостными звуками ее голоса. Пение проникает в сердце, наполняет душу и тело — и все подхватывают приятную мелодию, подпевают. Эти сладкие звуки окрыляют, возносят... И он так счастлив, перед ним открывается новый фантастический мир...

Вдруг пение прервалось. Раздался какой-то резкий звук, от которого он проснулся. Это лагерный гонг: пора вставать. А он остался лежать, опущенный, как будто без сознания. Где он? Неужели это только сон? Он еще видит их лица, слышит их беззаботный смех, руками он еще чувствует тепло ребенка, которого только что прижимал к сердцу. Казалось, только что он говорил с женой, он даже помнит о чем! Неужели все это было только сном? И всех их — мамы, папы, сестер, братьев, жены и сына — уже давно нет на свете? Да, их всех давно сожгли, а он остался один в этом дьявольском мире, одинокий и несчастный. О, зачем гонг разбудил его? Как счастлив он был бы, если бы мог погрузиться в такой сладостный сон навечно — и больше не просыпаться! О, это была бы поистине счастливая смерть!

А сейчас он, бессильный, полный досады и отчаяния, поднимает усталую голову, встает, натягивает свою робу и неверной походкой идет на плац, чтобы оттуда, после построения, снова отправиться на свою адскую работу.

А его бокс опустел, и кажется, что он по-отечески грустит и ждет своего дорогого сына.

Построение или траур?

Нас снова вызвали на плац, где совсем недавно разыгралась ужасная сцена расставания. Сейчас будет наше первое построение после акции. Сейчас нам объявят официальные данные: число оставшихся и статус, утвердив произведенный над нами чудовищный эксперимент.

Мы, как обычно, строимся в ряды по десять — и половина плаца остается пустой. Смертью веет от этой половины. Ты чувствуешь ее, ощущение близко стоящей смерти охватывает тебя и не отпускает: еще сегодня, на обычном утреннем построении, все они, наши братья, были здесь — а теперь на их месте какая-то зияющая пустота.

Ощущение такое, будто тебя разрезали пополам и у тебя осталась половина тела, ты с трудом держишься на ногах. Рана еще свежа, кровь на ней еще не запеклась.

Все стоят, опустив головы, сторбившись. Не слышно разговоров: никто не осмеливается нарушить хоть словом эту печальную, мертвую, неподвижную тишину. Все охвачены горем, которое разлито везде и проникает повсюду — как будто плаваешь в море печали.

Нас считают — все сходится. Нас осталось 191 — меньше половины. Мы строимся по номерам и ждем. Рапортшрайбер вызывает нас по картошке, выкрикивая номер карточки и имя. Карточки, обладателей которых уже нет с нами, остаются лежать в стороне — теперь они ничьи. Их хозяйка где-то далеко и ждет в ужасе своей участи.

И нам начинает казаться, что эти карточки — живые существа, связанные и скрепленные друг с другом. Они составляют свое особое семейство, неразрывную цепь. А мы против своей воли присутствуем при последнем акте расставания, как будто сейчас от нас отрывают кого-то еще: на наших глазах уничтожается единственная память об их жизни, последнее свидетельство их родства с нами — нам начинает казаться, что мы действительно кровные родственники, что когда-то мы прибыли в лагерь одной семьей.

Сцена расставания подходит к концу.

Вот стоят два ящичка с карточками. Кажется, что карточки двигаются, как живые, что они чувствуют и мыслят — и сейчас прощаются друг с другом. Такое впечатление, что если подойти поближе и прислушаться, то услышишь тихие слова прощания и запоздалые пожелания, с которыми карточки оставшихся братьев обращаются к карточкам 250-ти ушедших: они хотят быть с ними вместе, проводить в страшный путь, который приготовил для них Дьявол. Кто знает, куда ведет несчастных этот путь?..

Первая ночь

Мы расходимся по боксам — и кажется, что мы садимся не на нары, а на траурные скамейки⁵⁴. Все охвачено скорбью, и каждому хочется высказаться. Трагедия, только что разыгравшаяся на наших глазах, всех привела в смятение.

Люди, оглушенные недавней смертью близких, забывают, что у них есть тело — живое тело, которое требует своего. Так и мы: каждый напоминает товарищу, что надо встать и поесть. Мы ищем друг у друга утешения и ободрения.

Братья, делившие нары с теми, кого уже нет, подходят к своим боксам, дрожащими руками берут свои одеяла и ходят по бараку в поисках нового места для сна, потому что оставаться на старом они не в силах: еще вчера здесь был брат — а теперь его постель пуста, холодна и мертва.

Медленно тянутся печальные часы, ложатся тяжелой массой в своем монотонном течении. Даже самые твердые, самые храбрые и негибачаемые из нас охвачены горем. Потихоньку все уходят к себе в боксы и ложатся, накрываясь одеялом: мы все хотим хоть ненадолго освободиться от гнета нашего горя, забыться во сне.

Уже поздняя ночь. Все тихо, мертвое оцепенение охватило барак. Слышны только стоны и тяжелое дыхание несчастных: и во сне не найти им покоя. Из опустевшего конца барака веет печалью, горе наполняет

все пространство, и нет от него спасения, как нет преграды между жизнью и смертью: оцепеневший мертвый мир неотделим от жизни — печальной и обреченной.

Осиротело горит лампочка, освещает пустые нары, которые, кажется, тоже скорбят по ушедшим. Кто знает, где они и что они? Наверное, сидят где-нибудь, дрожа от ужаса, изнемогая от бессонницы, — и нигде им поклонить голову. В ночной тишине будто бы слышен горестный вопрос: почему, почему их забрали? Куда лежит их путь?

Лампочка горит, ее светом залит мертвый мир... Смотришь на нее издалека — и кажется, что это поминальная свеча, зажженная в память о двухстах жертвах.

Траурное утро

Прозвенел лагерный гонг: довольно, довольно вам отдыхать, враги и преступники! За работу, проклятые, ваш адский труд ждет вас!

Сегодня мы все встали раньше времени: бессонная, полная кошмаров ночь измучила нас, мы с трудом дождались утра. Обычно мы стараемся пролежать лишнюю минуту под одеялом, продлить ночь, — но не сегодня. Уже с первым звуком гонга мы все вскочили и оделись.

В бараке слишком тихо, не хватает того шума, который раньше поднимала при пробуждении наша семья — пятьсот человек⁵⁵. А теперь — грустным серым утром — нас снова охватило ощущение близкой смерти. Вот мертвенно пустые боксы... Раньше в них билась жизнь, а теперь — ни слова, ни звука.

Пустая половина барака замерла в неестественном оцепенении. А ведь каждое утро именно оттуда доносились первые за день слова, первый утренний шум — и мы знали, что начинается новый день. Мы еще лежали под одеялом, слабые утренние лучи пробивались в окна — а оттуда уже были слышны звуки молитв. Эти звуки разносились повсюду, наполняли сердце и душу и напоминали каждому о доме, о детстве, о тех молитвах, которые читал по утрам отец или дед, — или о молитве, которую читал он сам, прося о жизни и счастье для себя и своей семьи. Сейчас остается только тяжело вздохнуть: очень не хватает этих слов, этого призыва, этой гармонии. Оказывается, каждое движение, каждое слово всех этих людей были незаменимыми деталями нашей машины: теперь их нет — и машина стоит неподвижно.

Исчезла часть нашей жизни. Каждое утро они будили нас, звали пить кофе — а теперь никто не будит и не зовет, как будто [...] стало не нужным ни для кого.

Все движется так спокойно, так медленно... Вокруг полная апатия. Кажется, что биение жизни они унесли с собой, что с их гибелью жизнь ушла отсюда навсегда. Расчленив наш единый организм, убийцы уничтожили все живое: оставшиеся потеряли волю к существованию. Куда бы ты ни

пошел, куда бы ни ступил — всюду понимаешь, как тебе не хватает тех, кто уже не вернется. Везде, за любым занятием ясно чувствуешь, что в твоём теле не хватает какого-то важного органа.

Вот так выглядело первое утро после нашего расставания...

«Приступить к работе!»

«Всем приступить к работе!» — скомандовал капо. Сегодня каждый из нас занимает особое, важное место в нашей команде — как отец, у которого смерть забрала половину детей и который бережет оставшихся в живых. Никто из нас по собственной воле не задерживается в бараке: все хотят убежать от этой пустоты, от скорби, которой насыщен воздух в нём.

Мы выходим на плац — но и здесь остро чувствуем, как нам не хватает ушедших. Ещё вчера в это время мы шли вместе с ними, говорили — и обрывки этих разговоров ещё живы в нашей памяти. А сегодня — кто знает, что с ними сейчас, куда их увели... Нам хотелось как можно быстрее выйти за ворота: может быть, мы сможем увидеть наших братьев, посмотреть на них в последний раз, обменяться прощальными взглядами... Но даже этого нам не позволили. Их погнали к поезду раньше, чем выпустили нас, и когда мы подошли к воротам, они были уже далеко. Как удалось узнать, наши братья были одеты в арестантские робы, на ногах — деревянные колодки, теплые вещи и сапоги у них отобрали, чтобы сразу унижить, измучить морально и физически.

За воротами нам не стало легче, каждый шаг приносил лишь страдания: ведь по этой земле совсем недавно, каких-нибудь полчаса назад, прошли они, миновали ворота, десятки постов лагерной охраны... Нас мучает все тот же вопрос: куда, куда лежит их путь? Нам больно за братьев, — но становится страшно и за собственную судьбу. Сколько ещё нас продержат здесь? Не станет ли разделение команды сигналом к её полной ликвидации? Ничего неизвестно...

Мы идем, опустив глаза, и чувствуем, что на нас устремлены циничные взгляды, что эта насмешка ранит нас в сердце, тревожит, берedit нашу свежую рану. Люди, смотрящие на нас, выставляют нам счет за вчерашний вечер: они были уверены, что произойдет что-то важное, что их «операция» отразится не только на нашем организме, но и на них — на тех, кто её провёл!

Пожалуй, они правы: мы должны были дать достойный ответ, и в своём бездействии виноваты мы сами. Инстинктивно мы оглядываемся по сторонам, ищем того, кто бросает нам этот вызов, смотрим, что это за сила, которую уничтожил бы наш огонь, если бы мы его только разожгли. Я поднял глаза — и увидел, как заключенный-поляк бьет еврея и кричит: «Жид паршивый!»⁵⁶ Вот эта сила: те, кто помогает потушить наше пла-

мя, — вместе с теми, кто держит их самих за колючей проволокой. И я понял, как мы одиноки: и в борьбе за свою жизнь, и даже в отчаянном тайном замысле, который скрыт глубоко в наших сердцах.

На посту

Капо вызывает все группы по очереди — все они стали вдвое меньше, а одна полностью ликвидирована. Это *Reinkommando* — группа, куда направляли физически слабых людей и заставляли заниматься только одним: мыть волосы, которые мы срезали с голов женщин, убитых газом. Это единственная группа, уничтоженная целиком.

За работой чувствуется нехватка людей. Даже в тех группах, которые стали ненамного меньше, это заметно: все помнят, что вот тут вчера стоял еще один брат, — а где он сегодня? Все заставляет вспомнить о тех, кого сегодня с нами уже нет.

Я поднимаюсь наверх посмотреть, что там делается: там, около печной трубы, обычно сидели несколько десятков человек — и старых, и молодых. Их работа, в сущности, заключалась в том, чтобы сидеть там, укрывшись от взгляда наших надсмотрщиков, и читать псалмы, изучать Мишну или молиться. Работали они ровно столько, сколько нужно, чтобы показать, что они тоже что-то успели сделать. Работать мы можем и очень быстро, и очень медленно — в зависимости от ситуации, и сделать вид, что мы напряженно трудимся, несложно. Этим и пользовались несколько десятков наших товарищей — религиозные люди, ослабевшие и больные.

Поднимаюсь наверх. Все здесь, на первый взгляд, осталось по-прежнему.

Царит мертвая тишина. Повсюду на полу лежат и стоят металлические ящики, чемоданы и другие вещи, которые использовались как сидения (на скамейках сидеть трудно: тогда надо было бы все время слишком низко нагибать голову), — точно на тех местах, где оставили их наши братья. Такое впечатление, что эти ящики замерли и ждут, когда ушедшие вернуться. Все помещение наполнено печалью и горем. Подходишь к одному из сидений — и находишь спрятанный там молитвенник, тфилн или талес⁵⁷. Эти вещи еще вчера были в ходу — а теперь они никому не нужны: нет больше тех рук, которые взяли бы тфилн, нет губ, которые стали бы шептать священные слова, и нет тела, которое накрыл бы талес во время молитвы.

Перед моими глазами стоит эта сцена: вчерашнее утро, один стоит на страже, следит, чтобы не вошел посторонний, пока верующие обманывают своих притеснителей и возносят молитву своему Богу, перед которым они честны. Как они боялись! Не раз им приходилось срывать тфилн, прерывать молитву на полуслове и приниматься за работу, как будто они только ею и были заняты.

Им казалось, что они слышат крик этого чудовища — жестокого и циничного обершарфюрера⁵⁸, начальника над крематориями. Он будто бы

негодовал, что они «устроили здесь *Bibelkommando*», но внутренне был доволен, что даже посреди преисподней, у печи, в которой сгорают тела сотен тысяч евреев, находятся и те, что сидят, прислоняясь к кирпичам, раскаленным огнем, поглотившим их собственных родителей, в котором сгорают их собственные родители, жены и дети, — и молятся. Ведь если они тем самым признают, что все происходит по воле Божьей, то надо позволить им свободно исповедовать свою религию, молиться, укрепляться в вере: так будет спокойнее и для нас, и для них. Поэтому наши надзиратели терпимо относились к нашим молитвам и только шутили по этому поводу [...] Вот еда, которую они приготовили на сегодня, — они и представить не могли, что через сутки их загонят в поезд, запретят и забьют в нем двери — и отправят в дальнюю дорогу.

На стене висит список: имена пяти наших братьев, которые должны были сегодня дежурить у ворот. Эти пять имен словно живые существа. Каждое из них вызывает в памяти друга, ты как будто видишь всех этих несчастных братьев и слышишь их голос: посмотри, как мы ошиблись в наших расчетах! Вчера я думал, рассчитывал, что сегодня буду стоять у ворот, — а вместо этого уже стал добычей Дьявола. Помни, брат, помни: завтра не в твоих руках!

Этот список — живое свидетельство нашего ничтожества. Смотреть на него больно и страшно: ведь в нем напоминание о тех, кого с нами уже нет, кто где-то сгинул — но где? Размышления об этом, как невидимые руки, хватают тебя и тянут в омут печали и отчаяния. Кажется, те пять человек, которые носили эти имена, зывают к тебе из бездны, хотят до тебя достучаться, предостерегают тебя. Их угрожающие голоса звучат все громче, они кричат тебе в ухо, уже давно утратившее чуткость, проникают прямо в сердце. В этом хаосе я слышу только отзвук слов: помни! Помни про завтра!

Я уйду оттуда, подавленный, сокрушенный, обессиленный. Этот голос преследует меня, как неумолимый рок: он тревожит меня, зовет, повергает в тяжелые раздумья...

День, казалось, тянется, как вечность. Я едва дождался вечернего сигнала — и вздохнул с облегчением. Это символично: все наше существование здесь — как один такой день.

Вечер пятницы

Некоторые из братьев насмехались, когда другие — десятка два человек — собирались для встречи субботы или для вечерней молитвы. Были среди нас и те, кто смотрел на молитвенные собрания с горьким упреком: наша страшная действительность, трагедии, которым мы становились свидетелями каждый день, не могут вызвать чувства благодарности, желания прославлять Создателя, раз Он позволил народу варваров уничтожить миллионы невинных людей — мужчин, женщин и детей, чья вина состо-

ит только лишь в том, что они родились евреями и поклонялись тому же всемогущему Богу, что и этот варварский народ, и подарили человечеству великое благо — монотеизм. Разве можно теперь славить Творца? Есть ли в этом смысл? Мыслимо ли это — произносить субботние благословения, когда вокруг море крови? Возносить мольбы Тому, Кто не хочет услышать криков и плача невинных младенцев, — нет! — и, горько вздохнув, противники молитв покидали собрания, злясь и на тех, кто не разделяет их возмущения.

Даже те, кто прежде был религиозен, начинают сомневаться. Они не могут понять своего Бога и примириться с тем, что Он позволяет совершаться всему этому: как Отец может отдать своих детей в руки кровавых убийц, в руки тех, кто насмехается над Ним?! Но задумываться об этом они боятся: страшно потерять последнюю опору, последнее утешение. Они молятся спокойно, не требуя у Бога никаких залогов, не отдавая ему отчета. Они бы хотели разве что выплакаться, излить Ему свое сердце, — но не могут, потому что не хотят лгать ни Ему, ни себе.

Однако вопреки общему настроению нашлись среди нас и те, кто упрямо продолжал верить, кто не давал воли своему недоумению, заглушал в себе все упреки, подавлял чувство протеста, которое терзает душу и сердце, требует разговора начистоту, хочет дознаться, почему же так происходит... Упрямые наши братья сами были рады обманываться, запутываться в тенетах наивной веры — лишь бы только не задумываться. Они верят, они свято убеждены — и демонстрируют это ежедневно — в том, что все происходящее продиктовано высшей властью, веления которой мы своим примитивным умом постичь не в силах. Они тонут, захлебываются в море своей собственной веры — но вера их от этого не становится слабее. Может быть, где-то в глубине сердца у них мелькает сомнение, но внешне они по-прежнему тверды.

В нашей семье, среди пятисот человек — верующих, атеистов, впавших в отчаяние и равнодушных — с самого начала выделилась группа молящихся, сначала маленькая, потом — все больше и больше. Эти люди читали все молитвы, даже ежедневные, в миньене⁵⁹.

Молитва увлекала и тех, кто не был религиозен и сам не участвовал в миньене: едва раздавались звуки традиционной молитвы, читавшейся в пятницу вечером⁶⁰, — они забывали о страшной действительности. Мощные волны воспоминаний переносили их в давно покинутый и уже уничтоженный мир прошлых лет. Каждый представлял себя сидящим в теплом домашнем кругу.

...Вечер пятницы. В большой синагоге тепло и светло — как если бы ее освещали сразу несколько солнц. Все одеты празднично, по-субботнему. Сняв будничную одежду и закрыв свои лавки, евреи освободились от бремени повседневной суеты, вырвались из того мира, где душа находится в рабстве у тела. Все беды и хлопоты — и свои для каждого, и общие для

всех — забыты. Люди беззаботны, счастливы тем, что им удалось скинуть груз будничных забот.

В синагоге все готово к этому торжеству. И вот звучный голос объявил, что настало время выйти встречать ее величество царицу Субботу.

Кантор поет величественную и в то же время сердечную песнь во славу Субботы. Воздух наполнен этой гармонией, у всех радостное, приподнятое настроение. Каждый шаг навстречу дню святости окрыляет всех присутствующих: душой они устремляются ввысь. Каждое слово, каждый звук молитвенного напева вселяет в них надежду и силы.

Время от времени то здесь, то там раздается тихий вздох, который, казалось, умаляет, оскверняет святость наступающего дня — это кто-то вспоминает о своих будничных заботах и бедах. Кто мог тогда подумать, что эти горести окажутся знаком грядущих несчастий, что за повседневными горестями придет настоящая, огромная беда!.. Человек, который задумался посреди субботней литургии о своих бедах, вдруг почувствовал себя сбитым с ног, раздавленным — насколько же пророческим оказалось это ощущение! Ощувив свое ничтожество и беспомощность, он уже падает с высот, куда вознес его дух субботней святости, и погружается в глубокую пучину отчаяния. Еще несколько минут назад он был уверен, что нашел спасение в бурном море своих бед, но вдруг оказывается, что спасение это иллюзорно, надежды тщетны, — и вновь он хватается за последнюю соломинку, чтобы не утонуть в бушующем море.

Но вот новая волна приносит ему, наконец, облегчение, он слышит голос, который будит его и вселяет в него силу и мужество: «Вегою лимшисо шойсаих!»⁶¹ — не бойся, твои враги и притеснители сами будут раздавлены и уничтожены. Не отчаивайся, не примеряй на себя роль жертвы! — и вот человек снова чувствует душевный подъем, прилив мужества, он окрылен, он верит, что завтра будет лучше, чем сегодня. Он забывает печальную действительность и готов жить мечтами о лучезарном будущем. Его манит сияние прекрасного завтрашнего дня, надежда наполняет его и придает ему сил. И его голос уже вливается в хор собравшихся, а душа вновь возносится в горние просторы.

Молитва закончилась. Вместе с отцом и братьями он выходит из синагоги и идет домой, преисполненный покоя и благодати. Лавки закрыты, на улице ни души, все тихо, повсюду в окнах отблески субботних свечей. Царица Суббота наполнила своим величием все местечко, весь быт всех его жителей. Каждый чувствовал себя окрыленным ею и с радостью приветствовал ее приход.

Дом тоже наполнен теплом, покоем и благодатью. Кажется, что каждая вещь поет — и голоса всех вещей сливаются в общий хор, славословящий Субботу. Прозвучало субботнее приветствие — братья с отцом вошли в дом. Повсюду счастье, радостью блестят глаза матери, жены, братьев и сестер.

Как сердечно и искренне звучит субботняя песнь — «Шолом алей-хем»⁶²! Благодать сошла с небес и почил в стенах нашего дома, на всей нашей семье.

Он в кругу семьи, в атмосфере счастья и благополучия. Все сидят за общим столом, едят, пьют и поют. Всем хорошо, все радостны, беззаботны, полны надежд на лучшее. Перед ними — идиллический мир, в котором они — полноправные хозяева. Ничто не угрожает им, они спокойно и уверенно могут вступить в этот мир, только что вновь открывшийся им.

Но вдруг налетела штормовая волна — и вырвала их из этого мира, лишила дома, счастья, субботнего покоя. Отец, мать, сестры, братья, жена — никого из них уже не осталось в живых.

«Хорошей субботы!..» — говорим мы друг другу.. Внезапно что-то внутри меня как будто оборвалось. Кому теперь можно пожелать хорошей субботы? Разве остались на свете счастливые лица? Разве живы еще дорогие родители, сестры и братья, любимая жена? «Хорошей субботы!..» К чему это теперь? Я видел пропасть на месте моего разрушенного мира. Оттуда доносились голоса — это моя сожженная семья. И я бегу от этих воспоминаний, как от призрака. Быстрее, быстрее, как можно дальше от этого кошмара! Надо потушить пожар, сжигающий все мое существо!

Но бывают минуты, когда я и сам рад бередить свои раны, чтобы снова пережить страшное потрясение — только бы преодолеть мертвенную душевную неподвижность. Хочется вспоминать о пережитом еще и еще, чтобы снова страдать, чтобы опять было больно, потому что наша невыносимая работа заставляет забыть о своей трагедии: мы каждый день видим смерть миллионов людей, и в этом огромном море крови моя личная трагедия кажется ничтожной каплей.

Хочется замкнуться в своем собственном мире, снова пережить и далекие события, и недавние, переплыть реку прошлого — и снова вернуться в настоящее, как можно дольше удерживаться на поверхности воспоминаний о безвозвратно потерянной счастливой жизни — и снова опуститься на дно, в мой нынешней ад. Насладиться лучами солнца, освещавшего минувшие дни, — и опять погрузиться в мрачную пучину, чтобы осознать глубину нашего непоправимого горя.

В такие минуты я рвался туда, к тому берегу, туда, где молились в миньене набожные евреи, — там черпал я силы — и бежал к своим нарам. И только тогда мое застывшее от внутреннего холода сердце таяло — и я мог почувствовать приход Субботы. Бурные волны отрывали меня от прошлого и прибывали к берегу настоящего — и сердце болело, из глаз текли слезы. Я был счастлив, что встречаю Субботу, рыдая. Давно уже мечтал я увидеть моих близких такими, какими они были в давние счастливые времена: мать — милой и любимой, отца — в праздничном настроении, сестер и братьев — счастливыми, жену — радостной, поющей... Я

хотел снова окунуться в мир беззаботного субботнего счастья и оплакать тех, кто уже не встретит со мной ни одну субботу, — моих дорогих и близких, которых уже нет на свете, — и скорбеть, скорбеть о моем несчастье, которое я только сейчас смог почувствовать и осознать.

Я тоскую по моим братьям, по недавно ушедшим товарищам по несчастью — не только потому, что это мои братья, но и потому, что моя жизнь в преисподней неразрывно связана с ними. Я смотрю в тот угол барака, где они молились, — мертвенным запустением веет оттуда. Никого из них больше нет в живых — и вместе со смертью сюда пришла страшная тишина. Только тоска и скорбь остаются мне.

Мы скорбим об ушедших братьях, потому что это наши братья — и потому, что теперь нам не хватает света, тепла, веры и надежды, которыми они наделяли нас.

Их смерть лишила нас последнего утешения.

*Перевод с идиша Александры Поляна
Примечания — Павла Поляна и Александры Поляна*

¹ Имеются в виду Суwalkи.

² Йонкипер (совр. иврит — Йом-Киппур) — Судный день, осенний еврейский праздник.

³ Небольшой город под Варшавой.

⁴ Личность Кешковской не установлена.

⁵ О «мусульманах» в концлагерях см. в первой части книги.

⁶ Фраза, говорящая в пользу того предположения, что этот зачин писался отдельно и позже, чем «Лунная ночь» (скорее всего, незадолго до даты намеченного восстания).

⁷ Мы пишем слово «луна» с прописной буквы, когда речь идет о Луне как герое произведения, со строчной — когда луна является не более чем частью пейзажа (еврейский алфавит не различает строчных и прописных букв, поэтому в оригинале это противопоставление нейтрализовано).

⁸ Так в тексте.

⁹ Имеется в виду традиционный еврейский обряд Шиве (совр. иврит — шив'а): первые семь дней траура родственники усопшего должны проводить, сидя на полу или на низких скамейках.

¹⁰ Йорцайт (идиш) — годовщина смерти.

¹¹ Перед началом рукописи «Чешский транспорт» в правом верхнем углу проставлены две буквы, являющиеся аббревиатурой формулы «С Б-жьей помощью». Религиозные люди помечают подобным образом начало любого рукописного текста, написанного еврейскими буквами.

¹² 6 сентября 1943 г. из гетто Терезин (Терезиенштадт), что расположено примерно в 60 км от к северо-западу от Праги, в Аушвиц вышел сдвоенный транспорт, который насчитывал 5007 (по другим данным — 5009) человек. Помимо основной группы чешских евреев в транспорт были включены 127 немецких евреев, 92 австрийских и 11 голландских. В транспорте было 256 детей до пятнадцати лет. По прибытии в Аушвиц, 8 сентября 1943 г., они не проходили селекцию. На следующий день они были переведены в новый лагерный участок — ВІВ, получивший впоследствии название «семейный лагерь». Его узники представляли собой в Аушвице совершенно особую группу: они были единственными, кому было разрешено селиться семьями

(все остальные, и не только евреи, разделялись по половому признаку, существовали отдельные женский и мужской лагеря), их не направляли на тяжелые работы, им разрешалось писать письма (в адресе отправителя указывался рабочий лагерь Биркенау) и получать посылки, для детей выделили особое диетическое питание, им было разрешено организовать школу. Рудольф Хёсс на процессе 1947 г. так объяснил существование этого лагеря: письма и открытки из этого лагеря должны были опровергнуть слухи об уничтожении евреев и успокоить как евреев в Терезине, так и представителей Красного Креста, с которыми они состояли в переписке. Так, 17 сентября Лео Янович (секретарь еврейского самоуправления в Терезине) пишет открытку в Женеву о том, что он с женой и группой друзей переехал в Биркенау, где строится новый лагерь. Он выразил надежду, что и здесь сможет работать, как ранее в Терезине. В ночь с 8 на 9 марта 1944 г., после того как обманный маневр удался, и ровно через полгода после депортации, первых обитателей семейного лагеря уничтожили. Это событие и описывается Градовским: из 5007 человек, прибывших в Аушвиц в сентябре 1943 г., в этот день было уничтожено 3792 человека. В живых остались только несколько десятков человек — медицинский персонал больницы и 12 пар близнецов, находившихся у Менгеле. (*Terezinsky Rodinny Tabor*, 1994. P. 190–197; *Adler*, 2005)

¹³ Возможно, намек на подготовку восстания.

¹⁴ Пурим — весенний еврейский праздник в память о событиях Книги Эстер (Эсфирь) — о чудесном избавлении евреев от смертельной опасности, угрожавшей всему еврейскому народу.

¹⁵ Ночь с 8 на 9 марта 1944 г.

¹⁶ Девятое ава — пост в память о разрушении Первого и Второго иерусалимских Храмов.

¹⁷ Эшелоны из Терезина прибыли в Аушвиц в сентябре 1943 г.

¹⁸ Так в тексте. Скорее всего, это описка, и здесь подразумевались не словацкое, а чехословацкое правительство, находившееся в изгнании. Но возможно, что это и отголосок представлений о том, что из всех стран прогитлеровской коалиции Словакия имела репутацию наименее антисемитской (в пользу чего говорило, правда, весьма немногое: например, ограничение шестью месяцами Закона от 15 мая 1942 г. о депортации евреев).

¹⁹ Дополнительный аргумент в пользу того, что здесь, как и выше, подразумевалась не Словакия, а Чехословакия, где размещался и Терезиенштадт. Словакия же находилась географически чрезвычайно близко к Аушвицу, и евреи из Словакии были одними из первых, кого, между февралем и октябрём 1942 г., стали привозить туда на уничтожение. В то же время между октябрём 1942 и сентябрём 1944 гг. депортации из Словакии не производились. Однако после подавления Словацкого национального восстания во второй половине 1944 г. депортации было подвергнуто около 13 тысяч словацких евреев (главным образом в Аушвиц; они стали, по сути, последним массовым контингентом, нашедшим здесь свою смерть).

²⁰ Концлагеря охранялись соединениями СС «Мертвая голова» (*SS-Totenkopfverbände*), носившими темно-зеленую униформу (форма войск СС, воевавших на фронте, была черного цвета).

²¹ Правильно: оберштурмфюрер СС Йоханн Шварцхубер (Johann Schwarzhuber, 1904–1947). Как начальник мужского лагеря он подчинялся непосредственно коменданту лагеря Р. Хёссу. После официального разделения концлагеря Аушвиц на три обособленных концлагеря (22 ноября 1943 г.) подчинялся коменданту лагеря Аушвиц II штурмбаннфюреру СС Фритцу Хартенштайну (с мая 1944 г. — хауптштурмфюреру СС Йозефу Крамеру). Именно Шварцхубер отбирал людей в «зондеркоммандо». См. в *Приложении 3*.

²² Скорее всего — унтершарфюрер СС Иоахим Вольф, сменивший на посту оберрапортфюрера Шилингера.

²³ Правильно: обершарфюрер СС Петер Фосс (1897–?). С 1943-го и до мая 1944 г. — начальник крематория в Биркенау; он же, скорее всего, — Форст, о котором Л. Лангфус пишет, что, встречая транспорты перед крематориями или бункером, он имел обыкновение щупать и трогать за половые органы всех проходивших мимо него молодых женщин.

²⁴ Личность героя неизвестна.

²⁵ Имеется в виду транспорт из 1800 человек, прибывший в Аушвиц 23 октября 1943 г. из Берген-Бельзена. Большинство находившихся в нем евреев (в основном из Варшавы) являлись

счастливыми обладателями купленных ими за большие деньги паспортов или виз Гондураса и других латиноамериканских стран. Они искренне верили словам СС, что их везут в мифический транзитный лагерь Бергау около Дрездена, а оттуда в Швейцарию для последующей отправки в Гондурас. На самом деле планы СС обменять этих людей на тех или иных захваченных англичанами или американскими войсками немецких военнопленных не оправдались или сорвались, в результате чего сами эти люди потеряли для СС всякий интерес (*Wenck, 1997. S. 152–153*). По прибытии в Биркенау (ассонанс с Бергау), на рампе, перед ними выступили представители администрации лагеря Бергау и Министерства иностранных дел (их роли успешно «сыграли» эсэсовцы Шварцхубер и Хёсслер), после чего женщин и мужчин развели по отсекам в раздевалки, соответственно, крематориев II и III для «принятия душ». Отчаянное сопротивление СС оказали не только женщины, но и мужчины из этого транспорта. Они перерезали электричество и в темноте убили одного и разоружили нескольких других эсэсовцев. С большим трудом подавив сопротивление, эсэсовцы выводили каждого из оставшихся по одному наверх и расстреливали у стены крематория. В подавлении этого бунта принял личное участие комендант концлагеря Хёсс. (См.: *Czech, 1989. S. 637–638; Müller, 1979. S. 137–141*).

²⁶ Обершарфюрер СС Вальтер Квакернак (1907–1946) — начальник службы регистрации концлагеря (см. *Приложение 3*).

²⁷ Как установил А. Килиан, героиней могла быть одна из двух танцовщиц, находившихся в транспорте, — Лола Горовиц или Франциска Манн (*Kilian, 2002. S. 18*). Раненый ею Йозеф Шиллингер умер по дороге в госпиталь в Каговице, второй раненый ею эсэсовец — Вильгельм Эммерих — выжил. Этот же транспорт оказал и еще более мощное сопротивление.

²⁸ Имелся в виду лагерь Хейдебрек (*Heydebreck*).

²⁹ За несколько дней до уничтожения семейного лагеря его узникам были розданы почтовые карточки, которые они должны были пометить более поздней датой. Эти карточки, посланные друзьям и родственникам, должны были убедить получателей в том, что их отправители живы.

³⁰ На самом деле — до 25 марта.

³¹ Так в тексте. Учитывая специфику ситуации, можно предположить, что под свободой здесь подразумевается та относительная свобода, которой пользовались в Аушвице выходцы из Терезина, находясь в семейном лагере.

³² Аман — визирь персидского царя, вознамерившийся уничтожить всех евреев в Персии. Благодаря царице Эстер, еврейке по происхождению, планы Амана были расстроены. В память об этих событиях, описанных в библейской книге Эстер (Эсфирь), евреи отмечают весенний праздник Пурим. В еврейской традиции принято сопоставлять с Аманом гонителей евреев. Градовский сравнивает с Аманом Гитлера.

³³ От нем. *Häftling* — узник.

³⁴ Так в тексте.

³⁵ Оберштурмбаннфюрерин СС Мария Мандель (1912–1948), с 7 октября 1942 по ноябрь 1944 гг. начальница женского лагеря в Аушвице, где ее прозвали «бестией». Американский трибунал приговорил ее к смертной казни.

³⁶ Лейб Лангфус описывает аналогичный случай, произошедший в конце 1943 г., когда вместе с евреями из Голландии была уничтожена большая группа поляков-подпольщиков. Поляки перед смертью вели себя героически — выкрикивали проклятья Германии и здравницы Польше и спели польский гимн (*Eszcze Polska nie sginęła*). Евреи же спели А-тикву, а затем, вместе с поляками, Интернационал. Судя по тому, что З. Левенталь приводит точное число поляков (164) и ряд других подробностей, он сам присутствовал при этом случае (см. ниже). З. Градовский (см. ниже) сообщает о последовательном исполнении Интернационала, А-тиквы, чешского гимна, а также песни польских партизан.

³⁷ «Германия превыше всего» (нем.) — первая строка немецкого гимна.

³⁸ *А-тиква*, или, более привычно, *Ā-тиква (древнеевр. надежда)* — еврейская песня. Первоначальный текст из девяти строф написан Нафтуле Āгерцем Имбером (1856–1909) из Злочева (Галиция) в 1878 г., опубликована в его первом сборнике «Баркав». Мелодия восходит к итальянской песне XVII века «Ла Мантована», впоследствии подхваченной в целом ряде

народных песен на различных европейских языках, в том числе на идиш (вдохновлялся ею и чешский композитор Бедржих Сметана). Автор аранжировки *А-тиквы* — композитор Шмул Коэн (1888). С этого времени песня стала неофициальным, а с 1897 г. — официальным гимном сионистского движения. С 1948 г. неофициальный, а с 2004-го — официальный гимн Государства Израиль (только первый куплет вместе с припевом).

³⁹ По-видимому, это реминисценция из немецких антисемитских прокламаций: имеются в виду планы нацистов организовать после войны музей уничтоженного ими еврейского народа.

⁴⁰ Чешским гимном стала песня «*Kde domov můj?*» («Где дом мой?») композитора Франтишека Шкroupa на слова драматурга Йозефа Кастаны Тыла из музыкальной комедии «Фидловачка», премьера которой состоялась 21 декабря 1834 г. Пьеса оказалась непопулярной, и ее сняли с репертуара, а с ней и песню. Вторично пьеса была открыта только в 1877 г. и вновь поставлена в 1917 г., в конце Первой мировой войны. В новом историческом контексте песня стала необычайно популярной, и уже в 1920 г. она становится официальным гимном созданной в 1918 г. Чехословацкой Республики. Об исполнении чешского гимна сообщает также бывший член «зондеркоммандо» Филипп Мюллер (*Müller*, 1979. S. 174–175).

⁴¹ Имеется в виду Петер Фосс (см. выше).

⁴² Имеется в виду крематорий II.

⁴³ Так в тексте. Что тут имеется в виду, неясно: собственно технология кремации не предусматривала никакого обмывания водой. Однако, согласно свидетельству Я. Габая, работавшего на крематории III, прежде чем бросить в печь, трупы обдавали сильной струей воды из шланга. На крематориях II и III водой из шланга обильно поливали и цементный пол — для удобства при перетаскивании трупов от лифта к печам. Это немецкое указание преследовало цель не допускать попадания в печь сгустков крови (*Greif*, 1999. S. 208). Время от времени водой из ведер остужались и раскаленные металлические носилки, на которых трупы подавались к жерлам печей. Иногда трупы припекались к носилкам, и в этом случае их тоже обдавали водой.

⁴⁴ Имеются в виду два 15-муфельных крематория (II и III).

⁴⁵ Сейчас Шяуляй.

⁴⁶ Как заметил еще Х. Волнерман в своем предисловии к изданию 1977 г., таким образом Градовский зашифровал свои имя и фамилию. Согласно традиции, каждая буква еврейского алфавита имеет свое числовое значение, поэтому распространен способ записи чисел буквами (он до сих пор используется при обозначении дат по религиозному календарю, при нумерации страниц религиозных книг и в эпитафиях). Кроме того, распространена техника подсчета числового значения того или иного слова (гематрия). Градовский выписывает подряд гематрию своих имени и фамилии: числовые значения всех букв, их составляющих. Две цифры 6, написанные через запятую, обозначают диграф, состоящий из двух букв «вов» (числовое значение этой буквы — 6) и читающийся как [в].

⁴⁷ Еврейские капо.

⁴⁸ Не идентифицирован.

⁴⁹ Й. Шварцхубер (см. выше).

⁵⁰ Главы (совр. иврит — праким).

⁵¹ Мишна — произведение раввинистической литературы, самая ранняя часть Талмуда (окончательное составление Мишны приписывается рабби Йеѓуде га-Наси, традиционно датируется 220 г. н.э.).

⁵² Подборки священных текстов, которые читаются во время молитвы каждый день недели.

⁵³ Шульх-Орэх (совр. иврит — Шульхан Арух) — свод еврейских законов, составленный в XVI в. рабби Йосефом Каро.

⁵⁴ Имеется в виду традиционный еврейский траурный обряд шиве (см. выше).

⁵⁵ Цифры Градовским округлены: селекция 24 февраля 1944 г. и последующей ликвидации в Майданеке было подвергнуто не 250, а 200 человек (см. в главе «Чернорабочие смерти»).

⁵⁶ *Parszywy żidie* (польск.). В оригинале фраза записана еврейскими буквами.

⁵⁷ Тфилин (совр. иврит — тфи́лин) и талес (совр. иврит — тали́т) — еврейские молитвенные

принадлежности. Талес — большое покрывало, которым мужчины укрываются во время молитвы (белое с синими или черными полосами), тфилин — две коробочки, в которых находятся небольшие фрагменты свитка Торы, с ремешками; во время молитвы они повязываются на лоб и на левую руку.

⁵⁸ Имеется в виду О. Молль.

⁵⁹ Міньен (совр. иврит — миньян) — собрание десяти взрослых мужчин, которое необходимо для чтения многих молитв. Ежедневная трехразовая молитва является индивидуальной и миньена не требует.

⁶⁰ То есть при встрече субботы.

⁶¹ Иеремия, 30:16: «И опустошители твои будут опустошены» (синодальный перевод). Эта цитата включена в гимн «Лехо дойди» — пиют (произведение литургической поэзии), традиционно исполняемый при встрече субботы.

⁶² «Шолом-Алейхем» — часть субботней литургии, средневековый пиют, который традиционно поется при встрече субботы.

<ПИСЬМО ИЗ АДА>

Я написал это, находясь в зондеркомmando. Я прибыл из Колбасинского лагеря, около Гродно.

Я хотел оставить это, как и многие другие записки, на память для будущего мирного мира, чтобы он знал, что здесь происходило. Я закопал это в яму с пеплом, как в самое надежное место, где, наверное, будут вести раскопки, чтобы найти следы миллионов погибших. Но в последнее время они начали замечать следы — и где только был нагроможден пепел, они распорядились, чтобы его мелко размолоти, вывезли к Висле и пустили по течению.

Много ям мы выкопали. И теперь две такие открытые ямы находятся на территории крематориев II-III.

Несколько ям еще полны пеплом. Они это забыли или сами затаили перед высшим начальством, так как распоряжение было — все следы замести как можно скорее, и, не выполнив приказа, они это скрыли.

Таким образом, есть еще две большие ямы пепла у крематориев II-III. А много пепла сотен тысяч евреев, русских, поляков засыпано и запахано на территории крематориев.

В крематориях IV-V тоже есть немного пепла. Там его сразу молоти и вывозили к Висле, потому что площадь была занята «местами для сжигания»¹. Эта записная книжка, как и другие, лежала в ямах и напиталась кровью иногда не полностью сгоревших костей и кусков мяса². Запах можно сразу узнать.

Дорогой находчик, ищите везде! На каждой клочке площади. Там лежат десятки моих и других документов, которые прольют свет на все, что здесь происходило и случилось.

Также зубов здесь много закопано. Это мы, рабочие команды, нарочно рассыпали, сколько только можно было по площади, чтобы мир нашел живые следы миллионов убитых. Сами мы не надеемся дожить до момента свободы. Несмотря на хорошие известия, которые прорываются к нам, мы видим, что мир дает варварам возможность широкой рукой уничтожать и вырывать с корнем остатки еврейского народа. Складывается впечатление, что союзные государства, победители мира, косвенно довольны нашей страшной участью³. Перед нашими глазами погибают теперь десятки тысяч евреев из Чехии и Словакии. Евреи эти, наверное, могли бы дожидаться свободы. Где только приближается опасность для варваров, что они должны будут уйти, там они забирают остатки еще оставшихся и привозят их в Биркенау-Аушвиц или Штутгоф⁴ около Данцига — по сведениям от людей, которые так же оттуда прибывают к нам.

Мы, зондеркомmando, уже давно хотели покончить с нашей страшной работой, навязанной нам под страхом смерти. Мы хотели сделать большое дело. Но люди из лагеря, часть евреев, русских и поляков, всеми силами

сдерживали нас и принудили отложить срок восстания. День близок — может быть сегодня или завтра.

Я пишу эти строки в момент величайшей опасности и возбуждения. Пусть будущее вынесет нам приговор на основании моих записок и пусть мир увидит в них хотя бы каплю того страшного трагического света смерти, в котором мы жили.

Биркенау-Аушвиц
6 сентября 1944 года

Залман Градовский

*Перевод Меера Карпа
Примечания — Павла Поляна*

¹ Имеются в виду костровища около бункера-газовни № 2.

² По-видимому, Градовский выкопал и 6 сентября 1944 г. заново захоронил свою записную книжку, добавив к ней это письмо.

³ Эта фраза опущена в польской первопубликации.

⁴ Ныне Штутово в Польше, недалеко от Гданьска (б. Данцига). Открыт 2 сентября 1939 г. как лагерь для гражданских интернированных лиц, с 8 января 1942 г. — концентрационный лагерь. Через него прошло около 115 тысяч заключенных, из них 65 тысяч погибли.

**ЛЕЙБ
ЛАНГФУС**

РАВВИН В АДУ

1

То, что в годы немецкой оккупации Польши называлось регирунгсбецирком (административным округом) Цихенау, было до этого частью исторической польской Мазовии и северной частью Варшавского воеводства (до 1920 года — частью Царства Польского, то есть России). 8 октября 1939 года декретом Гитлера округ Цихенау был официально присоединен к Восточной Пруссии¹, а позднее в нацистском обиходе его даже стали называть Юго-Восточной Пруссией.

Когда 1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу, эта территория была завоевана с севера — из Восточной Пруссии — и буквально за несколько дней. Вслед за вермахтом пришли и СС и СД, в частности, айнзатцгруппа V под руководством Эрнста Дамцгога. Существенно, что эсдэшники носили практически такую же форму, что и вермахт (все отличие — в нашивке на рукаве), отчего многие воспринимали их усилия как заслуги регулярной армии. Та, впрочем, вела себя не настолько лучше, чтобы так уж и настаивать на этом различии.

Географически аннексия Цихенау (по-польски Цеханува) как бы оправдывалась непосредственным примыканием к Пруссии, но демо-этнически это была никак не немецкая земля: из почти миллиона жителей округа немцев было не более 1% (!) — всего 11 тысяч, тогда как поляков — 900 тысяч. Но пожелание радикально изменить это соотношение и было гитлеровским лейтмотивом.

Недостающие 80 тысяч жителей — это евреи, впервые появившиеся в этих местах еще в первой половине XIII века². Жили они почти сплошь во всех 32 городах и городках округа, традиционно занимаясь торговлей и ремеслом. Доставалось им и перед войной — от местных националистов-поляков, призывавших, по немецкому образцу, к бойкоту еврейских товаров, но большинство поляков этого совершенно не поддерживали: одним словом — «антисемитизм в норме», индивидуальный и бытовой.

В сентябре 1939 года на штыках вермахта и СС сюда пожаловал уже совсем другой антисемитизм — немецкий: систематический и государственный. Во многих северо-мазовецких городах были сожжены синаго-

ги и еврейские библиотеки (в частности и в Млаве). И уже 4 сентября пролилась первая еврейская кровь: в Пултуске — городке к югу от Цеханува — евреев буквально загоняли в Нарев, заставляя переплывать реку и стреляя по плывущим. К 22 сентября Пултуск полностью избавился от евреев.

Не дремали и энтузиасты из местных немцев — их специализацией был «креативный» садизм: так, в Нови-Дворе они потребовали от евреев самим сжечь свитки торы и при этом еще петь и танцевать. Натолкнувшись на отказ, они расстреляли непокорных.

До 21 сентября все это было до известной степени самодеятельностью, причем, разрешенной и поощряемой. Но в этот день в РСХА состоялось совещание по «еврейскому вопросу» на Востоке, после которого Гейдрих издал инструкцию, регулирующую «еврейскую миграционную политику» в Польше и разослал ее всем айнзатцгруппам³. Собственно говоря, это больше, чем текущий циркуляр, — это долговременная программа: пока еще не уничтожения евреев (это конечная и неназванная цель!), но целенаправленной к этому подготовки.

Этапами этого пути в Берлине виделись: 1) на всей подконтрольной Рейху территории — концентрация евреев из сельской местности в городах, по возможности в крупных; 2) в немецких областях на востоке, как в старых, так и в аннексированных, — депортация евреев за их пределы или, по крайней мере, концентрация их в нескольких больших городах; 3) в немецких областях — ликвидация всех общин с числом членов менее 500 и перевод их в близлежащие города, имеющие железнодорожное сообщение; 4) на всей подконтрольной Рейху территории — формирование юденратов и проведение «переписей» наличных евреев⁴.

В первой очереди избавления от евреев оказались городки Пултуск, Говорово, Нови-Двор и Остроленка. Последний находился прямо у демаркационной линии с СССР, и евреев, которые пытались проникнуть через этот рубеж на запад, немцы расстреливали на месте или отправляли в тюрьму⁵. И то: ведь они рвались не в какую-то задрипанную Польшу и даже не в Генерал-губернаторство, а в самый Рейх! Зато еврейское население округа Цихенау — при всей бесконечности своего бесправия — на какое-то время и неожиданно-негаданно стало частицей немецкого государства и немецкого «права» в его преломлении к еврею.

Впрочем, многие евреи из округа Цихенау, не разобравшись, и сами, добровольно бежали на юг — в соседнюю Варшаву. Со временем, осознав, что там еще хуже, иные из них пробовали проскользнуть обратно в свои мазовецко-немецкие городки⁶.

Холокост — это помешательство на юдоциде — не был ни единовременной, ни единообразной кампанией. В зависимости от административного статуса и времени оккупации территорий, на которых были застигнуты немцами евреи, он имел разные лица и, главное, разные скорости. С этой точки зрения принадлежность территории к Рейху была все же преиму-

ществом: все процессы здесь шли с запозданием, а в Цихенау — еще и с запозданием против Западной Пруссии и Вартегау, например.

В целом гитлеровская еврейская политика в Польше до нападения на Советский Союз заключалась все же еще не в уничтожении, а в депортации евреев: жидовские морды — вон из немецкого парадиза! 28 октября 1939 года Гиммлер приказал в течение четырех месяцев все аннексированные польские земли очистить от евреев (а это около полумиллиона душ!) и выселить их в Генерал-губернаторство.

К чему приступили и в Цихенау: 8 ноября депортировали 2000 евреев из Ширпса, 4 декабря — 4000 из Насельска, 6 декабря — 3000 из Сероцка⁷, а всего из Восточной Пруссии в эту пору было депортировано около 30 тыс. евреев.

Вторая волна аналогичных «эвакуаций» нахлынула между ноябрем 1940 и мартом 1941 г. и накрыла собой еще не менее 26 тыс. евреев из округа Цихенау: их, как и поляков, последовательно депортировали в Генерал-губернаторство, в округа Люблин и Радом⁸. В ноябре из округа было депортировано всего 20 тыс. человек — поляков и евреев, но по большей части поляков. А в декабре это коснулось и 4 тыс. евреев из Млавы: в их дома и квартиры были немедленно завезены евреи из округа и из других, подчас удаленных, мест, например из гау⁹ Западная Пруссия — Данциг¹⁰. Следующей акцией стала депортация в начале 1941 года еще 10 тыс. евреев, из них 7 тыс. — из Плоцка¹¹.

Но в целом исполнение приказа о тотальной еврейской депортации растянулось на годы. Заминка была связана прежде всего с недооценкой нужды Рейха в еврейской рабсиле, как в квалифицированной, так и в неквалифицированной. И еще с тем, что одновременно немцы разбирались у себя в Рейхе и с поляками, которым тоже нужно было или вписываться в немецкий регламент германизации, то есть освобождать насиженные места для 100-процентных арийцев — фольксдойче из Прибалтики и других мест.

Самые первые гетто, — в соответствии с приказом Гейдриха от 21 сентября 1939 года, но в явном противоречии с декларированной там же политикой тотальных депортаций, — были учреждены в бецирке Цихенау в начале 1940 года. Их, согласно М. Гринбергу, было 19: Лауфен (*Lauffen*, или бывший польский *Biežuń*), Шпорвиттен (*Sporwitten*, или бывший польский *Bodzanów*), Червинск-на-Вайселе (*Czerwińsk an der Weichel*, или бывший польский *Czerwińsk nad Wisla*), Хорцеллен (*Chorzellen*, или бывший польский *Chorzele*), Цихенау (*Zichenau*, или бывший польский *Ciechanów*), Райхенфельд (*Reichenfeld*), Маков (*Makow*), Милау (*Mielau*, или бывшая польская *Mława*), Нойштадт (*Neustadt*, или бывший польский *Nowe Miasto*), Нойхоф (*Neuhof*, или бывший польский *Nowe Dwor*), Плоцк (*Plock*), Плюнен (*Plöhnen*, или бывший польский *Plonsk*), Ширпс (*Schirps*), Штригенау (*Strigenau*, или бывшее польское *Strzegowo*), Хюэнбург (*Höhenburg*), Радзанов (*Radzanow*), Шренск (*Szreńsk*), Закрочим (*Zakrochym*) и Цилун (*Zielun*, или бывший польский *Zielun*)¹².

Самым большим и, наверное, самым тесным из всех гетто в округе было Плонское с 12 тысячами обитателей. Оно вобрало в себя евреев из многих других мест, в том числе нелегальных беженцев из Генерал-губернаторства. Последних после проверки в июле 1941 года отправили в полицейскую тюрьму в Помиховеке (*Pomichowek*), а всех остальных — и уже в декабре 1942 года — в Аушвиц¹³.

В некоторых гетто создавалась культурная и общественная жизнь, возникало даже что-то напоподобие социальной сети для больных или пожилых евреев. Так, в Макове-Мазовецком в начале 1940 года был создан дом престарелых на 500 душ, в Цехануве — на 100, в Плоцке — на 50, в Ширпсе — на несколько сот человек¹⁴. Однако со временем (при ликвидации гетто) выяснялось, что одновременно это еще и подлая ловушка: не тратясь на перевозку нетранспортабельных едоков в Треблинку или Аушвиц, нацисты ликвидировали их на месте — расстреливали в тюрьмах или окрестных лесочках¹⁵.

Уже в начале лета 1941 года 6 гетто из 19 были ликвидированы: евреи из Червинска (2600 чел.), Хюэнбурга и Закрочима были переведены в Нойхоф, а из Лауфена, Шренска и Цилуна — в Милау (Млаву) и Штригенау¹⁶. К началу лета число гетто сократилось вдвое — до семи: Цихенау, Маков, Милау, Нойштадт, Нойхоф, Плонен и Штригенау¹⁷. На вторую половину года планировалась депортация евреев в Милау уже из Штригенау, но — ценою дачи взяток немецким чиновникам — ее (sic!) отложили!.

Окончательная ликвидация остающихся гетто и отправка их обитателей в лагеря смерти проходили в ноябре-декабре 1942 года. Все началось с гетто самого Цихенау: 6 и 7 ноября 1942 года не менее 7 тысяч евреев были отправлены оттуда напрямую в Аушвиц (нетранспортабельные старики и больные были убиты на месте). Продолжением стала «зачистка» гетто во Млаве: первый транспорт отсюда (10 ноября) отправили в Треблинку, а еще три (13 и 17 ноября, 10 декабря) — в Аушвиц. Туда же отправились транспорты и из других гетто: 18 ноября — из Нойштадта (еще два эшелона отсюда были отправлены 9 и 12 декабря), 20 ноября — из Нойхофа и 24 ноября — из коррумпированного Штригенау¹⁸. В ноябре же ликвидировали гетто и в Макове, но его обитателем выпала передышка в Млаве, в ее разоренном транзитном гетто.

В конце ноября фактически ликвидировали и четырехтысячное гетто в Нойхофе: в нем оставили только 750 ремесленников, около 1250 человек отправили в Помиховек, что к северу от Нойхофа, а остальные 2000 тремя эшелонами увезли в Аушвиц: 20 ноября — старых и больных, 9 декабря — семьи с тремя и более детьми, а 12 декабря — всех остальных¹⁹. В начале декабря приступили к ликвидации Плонского гетто — первый эшелон оттуда прибыл в Аушвиц 3 декабря, а последний отправлен 15 декабря.

Он, кажется, и стал самым последним эшелонem РСХА из административного округа Цихенау. Всего за неполные 1,5 месяца оттуда было депортировано 36 тысяч мазовецких евреев. Из 80 тысяч представителей

местного довоенного еврейства уцелело не больше 4 тысяч: в основном те, кто осенью 1939 года бежали на восток, к Советам.

2

В Маковском гетто накануне ликвидации проживало около 4500 евреев, но прошло через него не меньше 12 тысяч, главным образом из окрестных местечек и сел²⁰. В графике ликвидаций оно не было ни последним, ни первым. Его ликвидировали (выселили его жителей) 18 ноября 1942 года, но на пути к смерти маковские евреи получили нечаянную трехнедельную отсрочку. Ею они были обязаны только одному — отсутствию в их родном городке железной дороги, что сделало необходимым остановку и пересадку в каком-нибудь другом месте, с вокзалом. Так они оказались в обезлюдевшем гетто Млавы, ставшим для них последней передышкой перед адом Аушвица.

Подробности этой депортации эмоционально описаны Лейбом Лангфусом в его «Выселении» — самой большой из дошедших до нас его рукописей. Она начинается такими словами: *«Тихо погруженное в покой, в живописном и уютном месте расположилось Маковское гетто».*

В этой оксюморонной фразе произвольно столкнулись лоб в лоб не сходящиеся обыкновенно обстоятельства — идиллия места и трагедия времени: ну разве можно себе представить резню в раю?..

Нет, нельзя, но и Маков — это не рай. Еще в тридцать девятом трагедия времени ничего не оставила от идиллии места, в чью формулу и без того входил колючий и небезобидный, но все же сугубо приватный польский антисемитизм, к тому же немного сдерживаемый польской конституцией и полицией.

Но уже одно концептуальное замещение жидоненавистничества как частного дела профессиональной немецкой государственной юдофобией означало заблаговременное открытие всех шлюзов и клапанов любым грядущим погромам — и с отпущением грехов в придачу. Но еще не означало перехода от слов к делу, от трепотни и плевков к самому — Хайль Гитлер! — интересному и сладкому: к безнаказанным убийствам, насилию, грабёжам.

Где-нибудь за пределами Рейха, например, в Генерал-губернаторстве, Остланде или на Украине, само собой разумеющимся было то, что местные жители и их парамилитарные корпорации время от времени позволяли себе — под одобрительные зевки или хлопки оккупантов — погромные инициативу и самодеятельность. Но на территории самого Рейха это было бы уже не шалостью, а дерзостью, хотя местные энтузиасты иногда все же себе ее позволяли, как, например, поляки 10 июля 1941 года в Едвабно, что в округе Белосток.

Все же отметим, что сохранившиеся записки Лангфуса²¹, в отличие от текстов Градовского и Левенталя, практически свободны от упреков по-

лякам. Они начинаются с событий конца октября 1942 года, когда истребление евреев уже перестало быть хобби локальных дилетантов и перешло в руки высоких профессионалов из СС, СД и полевой жандармерии.

Стратегическая задача, поставленная фюрером и рейхсфюрером — окончательное решение еврейского вопроса, — сама по себе не подразумевала единовременной всеобщности их убийства. Из перспективы палачей — всему свое и разное время. Концепция же не только учитывала профиты от контрибуций и временного трудоустройства евреев-специалистов, но и покоилась на глубоких принципах разумной постепенности, дисциплинированности и экономии сил: убивать надо порциями — ломтик за ломтиком, шайбочка за шайбочкой, эшелон за эшелонем. Соберись и умри все евреи зараз, то большей неприятности своим палачам и мучителям они не смогли бы доставить — не из-за сентиментальности, разумеется, а из-за непомерных трудностей с логистикой.

Оттого так важны были покорность и дисциплинированность жертв. Добивались этого не только их депортациями и сверхконцентрациями в гетто, не только беспределом и кровавостью индивидуального террора в самих гетто во время акций и не только раскалыванием еврейства на прикормленную элиту (юденрат, полиция, капо) и остальное быдло. Вполне допускались гешефты и доверительные отношения с отдельными лицами, и даже некоторые уступки и поблажки вроде спорта, культуры, купания в реке, молодежных кружков и даже освобождения от работы в Пейсах.

Но тактика «кнута и пряника» требовала от палачей и такой гибкости, чтобы в любой момент быть в состоянии нанести и стремительные удары, и парализующие укусы. Впрочем, не в любой, а в тот единственно нужный момент, когда они сработают лучше всего (продуманность и системность действий палачей во время Холокоста и до сих пор недооценивается).

Поэтому и установка роттенфюрером Штайнмецом на школьном дворе в Цихенау виселиц, и взятие им в начале октября 1942 года в заложники двадцатки случайно отобранных мужчин, и их последующая публичная казнь — отнюдь не прихоть садиста-самодура и далеко не случайность. Назначение этой трехходовки точно такое же, что и укуса змеи: жертва обездвиживается и парализуется, — после чего ее заглывание и переваривание могут идти уже спокойно и без конвульсий.

Жертве же — гетто — предстояло погибнуть, но только мирно, сохраняя спокойствие, да еще так, чтобы перед смертью добровольно расстаться со своими драгоценностями. Поэтому своему гетто роттенфюрер сначала сообщил, что предстоит поголовное переселение: нетрудоспособных ждут в Малкинии (а уже знали, что это форпост Треблинки), а трудоспособных — в малоизвестном еще тогда Аушвице. Потом — в видах коррупционной готовности евреев — дал понять, что разницы между обоими маршрутами нет.

Но вызвал иное (подкупать было уже практически не на что) — всплеск отчаяния и желания спасти детей, но иначе: отправить их к знакомым

крестьянам, а самим, помолившись, наброситься на убийц и погибнуть в борьбе с ними!

Увы, этим простым и, вероятно, правильным планам не суждено было осуществиться. Даже самые доброжелательные поляки, запуганные предвзглядными немцами, наотрез отказывались прятать у себя любого еврея, хотя бы и самого Иисуса Христа.

Но главным изъяном этих планов оказались... сами дети, еврейские дети! Лангфус замечательно раскрыл это на своем примере. Ни Деборе, его жене, ни ему самому оказалось не под силу даже на час расстаться с их Самуилчиком. Да и сам мальчик, изнеженный и обласканный родительской любовью, не смог бы и часу прожить у чужих. Вековые законы еврейской мишпухи самовластно срабатывали и тут, но — не за, а против Самуильчика и его родителей, срабатывали на его палачей.

Все творившееся было, конечно, склизким и хладнокровным убийством с последующими заглыванием и перевариванием, но, благодаря законам мишпухи, еще немножечко и самоубийством тоже.

А тут снова пришел Штайнмец и тонко соврал, что Аушвиц для работоспособных заменен шахтами под Катовицем, и тем, кто туда попадет, можно будет брать и семьи.

Ах, какое счастье! А раз так — то какое тогда сопротивление, какая борьба?

От мужественных врагоборческих планов в миг ничего не осталась. Даже самоубийство и предсмертная записка местного врача с заветом не верить ни одному немецкому слову хотя и потрясли гетто, но ни малейшего воздействия не возымели.

Ведь на биржу еврейской жизни и смерти только что вбросили огромный пакет акций самой котирующейся из всех компаний — Надежды. Вбросившие же «пакет» — комендант Штайнмец и вся его эсэсовская рать — вдруг стали на несколько дней, до отправления «в Катовиц», такими шелковыми и пушистыми, такими задушевными и загадочными!.. Уж так им хотелось, играя на этой бирже, еще и лично сорвать куш — поживиться содержимым тех еврейских кладов, которые у них до сих пор еще не отобрали силой. Кое-что им и впрямь перепало, особенно членам комиссии, решавшим, а кто тут у нас и почему работоспособный.

Но интерес этот был взаимный. Ничто так не разоружает еврея, как чадолюбие, и ничто не связывает его так жестко и так жестоко, как мишпуха. И сколько бы сам Лангфус ни хорохорился и ни пересказывал читателю *«мужественное и проникновенное выступление даяна из Макова»* (то есть свое!) в день перед прощанием с Маковым, мы-то уже догадались, что, поколебавшись, он поставил не на борьбу, а на «акции надежды». И пускай в своем отчаянно искреннем тексте он еще не раз заговорит о сопротивлении, но всегда это будет — в сослагательном наклонении (*«Мы бы героически боролись»*). Ему и его Деборе и в самом деле нечего противопоставить нескончаемым рыданиям и подергивающимся плечикам Самуильчика.

Увы, опыт семейной консолидации и поруки, веками срабатывавший при погромах, в ситуации «окончательного решения» был бесполезен и, хуже, порочен. Уже 18 ноября — в день первого этапа депортации — нацисты в миг перестали прикидываться друзьями евреев и снова стали самими собой: если они и соревновались друг с другом, то только в изощренности издевательств. И даже Лейб Лангфус, германофоб и местный даян (даже, по сути, раввин), сердцем хотя и испытывал искреннее сочувствие к тем, кого комиссия признала неспособными, все же продолжал радоваться тому, что кто-то там прищурился и разглядел в нем одного из тех прирожденных шахтеров, каких (вместе с их семьями, разумеется) так заждались в Катовице, столице Верхнесилезской угледобычи.

Но привезли их не на угольные шахты, а просто в другое гетто — в млавское, такое же, как и маковское, но уже давно вчистую и окончательно разоренное. Встречали их, вместе с жандармами, председатель млавского юденрата и его полицейские, которых немцы, видимо, оставили здесь для помощи себе²².

В Макове же погрузка на грузовики шла одинаково бесчеловечно для всех — что работоспособных, что неспособных. При обысках и регистрациях, при погрузке и разгрузке эсэсовцы снова и снова искали, находили и отбирали еврейские доллары и драгоценности, а в Млаве они даже не поленились несколько раз разыграть, симитировать селекцию, для чего партии евреев изымались из их временных холодных пристанищ в чужом разоренном гетто и заключались на ночь в две совершенно не приспособленные для жилья и гигиены старые мельницы, в честь которых когда-то, быть может, и был когда-то назван весь городок. Люди же воспринимали это как окончательную селекцию и еще охотнее расставались со своими сокровищами. Побывали там и Лейб с Деборой и Самуилчиком, и эта ночь отмечена у Лангфуса как *«единственная и ужаснейшая из ночей»*. Не перестаешь поражаться тем изобретательности и целеустремленности, с которыми эти доверенные немцы, провозжая свою корову на бойню, все доили и доили ее по дороге!²³

Пребывание в Млаве растянулось на несколько недель (для Лангфусов — до 5 или 7 декабря), и за это время выпал снег. Снег в те же самые дни видел и вспоминал и Градовский: его везли тогда же и туда же, как Лангфуса и Левенталя, но не с северо-запада, не из Млавы с Малкинией (бецирк Цихенау), а с северо-востока — из Колбасина, что в бецирке Белосток.

И только там, где они съехались, где они встретились в блоке «зондеркомmando» и где в одночасье все, как один, потеряли всех своих близких, Лангфус, наконец, осознал, насколько коварен и фальшив был тот «волшебник», которому он наивно доверился, и сколь непоправимым стало теперь его положение.

Впрочем, Лангфусу, — еще вчера счастливому, несмотря ни на что, отцу и мужу, — это понимание далось неизмеримо труднее, чем бездетно-

му Градовскому и холостому Левенталю. Рассуждая в «Дороге в ад» о феномене «безропотно шли на бойню», Градовский называет личные чувства, тревоги и инстинкты, оглушенность своим индивидуальным или семейным горем как важнейшие первопричины гибели евреев: *«Первый момент, сослуживший им страшную службу, состоял в том, что связывает семьи воедино: это чувство ответственности по отношению к родителям, женам и детям — это и нас связало, сплотило в единую, неделимую массу»*. Отсюда и его вывод об *«отчаянных молодых людях, не связанных семейной ответственностью»*, то есть не принадлежащих к мишпухе, как о самой большой угрозе для немцев, учитываемой ими поэтому с коварной серьезностью.

Левенталь же — при всей своей склонности к психологизмам — в дошедших до нас текстах этой проблематики не касается. Но, судя по комментариям к «Лодзинской рукописи», направление его мысли смыкается с выводами двух других: в вопросах спасения еврейства правы сторонники борьбы и сопротивления, а не Хайм Румковский, фюрер Лодзинского гетто, о котором он прочитал в Биркенау.

Торгуя на бирже еврейских жизней еврейскими смертями, Румковский, в сущности, никого не спасал, а только раздавал номерки в общей очереди на смерть²⁴.

3

Лейб Лангфус — даян из Макова-Мазовецкого — родился в Варшаве около 1910 года. Внук коцкого хасида и выпускник йешивы в Суцмире (Сандомире), он был исключительно религиозным человеком. В 1933 или 1934 году женился на Двойре Розенталь, дочери Шмуэля-Иосифа Розенталя, маковского раввина. Вскоре у них родился сын — Шмуэл (Самуильчик). Сразу же после немецкого нападения на Польшу тесть экстренно переехал в Варшаву, и Лейб стал фактическим духовным лидером Маковской общины²⁵.

Еще до войны Лангфус утверждал, что Германии доверять нельзя и что Гитлер хочет физически уничтожить всех евреев, чему нужно всячески противостоять, — но никто его не слушал²⁶. Бывший член маковского юденрата Авром Горфинкель вспоминал, что свою агитацию Лангфус бесстрашно продолжал и под оккупацией, и в концлагере: сопротивление и восстание — лучшее из того, что следовало бы сделать²⁷.

Вместе с женой и сыном Лангфус покинул Маков с эшеленом 18 ноября и, пробыв в Млаве около трех недель, 7 декабря был увезен с последним эшеленом в Аушвиц.

На место эшелон прибыл 10 декабря 1942 года. Из примерно 2300 человек селекцию не прошли 1976: их увезли на автобусах. В их числе были и Двойра, и плакса Самуильчик.

Прошли же селекцию только 524 чел., все — мужчины (они получили лагерные номера с 81400 по 81923). Из них 70 особо крепких и здоровых попали в «зондеркоммандо», в их числе и Лангфус — вместе с Залманом Левенталем. Когда прошедшие селекцию спросили, куда увезли их близких и что с ними будет, эсэсовцы вежливо ответили, что их везут в специальные бараки, где они будут жить и где потом с ними можно будет видеться по выходным. На самом деле еще в тот же день или на завтра все они были убиты, а их трупы сожжены: от всего транспорта осталась лишь небольшая горка полусгоревших костей.

В «зондеркоммандо» Лангфус был, несомненно, наиболее религиозным евреем. Интуитивно восхищаясь прочностью его веры «несмотря ни на что и вопреки всему» и щадя его впечатлительное сердце, капо ставили его всегда на относительно легкую работу: он был или штубовым (постоянным дежурным) в бараке, или же мыл и сушил женские волосы²⁸. Но сначала и он работал на сжигании трупов возле бункеров, а затем в крематориях II и III. После восстания, по-видимому, он еще некоторое время проработал и на разборке остатков героического крематория IV.

Он был хорошо известен как человек, рьяно интересующийся всеми новостями. Без названия имени, он упоминается в рукописях Залмана Левентала и, судя по всему, Залмана Градовского, а также в книге Миклоша Нижли: последний описывает его как худого и физически слабого черноволосого человека²⁹. Вспоминают о нем и земляки — член маковского юденрата Авром Гарфинкель и его жена Ида, а также Мордехай Чехановер (член «зондеркоммандо») и Шмуэль Тауб (член санитарной команды)³⁰.

Они отмечают, что слово Лангфуса и его пример оказывали на часть зондеркоммандовцев колоссальное влияние. В атмосфере распада он как бы светился изнутри и отстаивал свое достоинство человека, борющегося за то, чтобы сохранить образ и подобие Божие.

Лангфус принадлежал к руководству повстанческого движения «зондеркоммандо». Более того, он с готовностью вызывался остаться на территории крематориев и подорвать «свой» — вместе с собой, чтобы, как Самсон-богатырь, погибнуть «с филистимлянами»³¹. Такая смерть не противоречила бы его религиозным взглядам.

Встретив электрика Порембского на территории «своего» крематория III в самом начале октября, Лангфус рассказал ему о планах восстания и о том, что именно ему, Лангфусу, предстоит взорвать крематорий и себя вместе с ним, поэтому он просит поляка Порембского как лицо с более высокими, чем у Лангфуса, шансами уцелеть, запомнить получше как его самого, так и то, что в различных местах в земле вокруг крематориев спрятаны емкости с рукописями.

Однако в действительности восстание, вспыхнув, разгоралось отнюдь не по плану. Его реальные очаги оказались на крематориях IV и II, и Лангфус, находившийся, как и Левенталь, в крематории III, не мог принять в нем никакого участия.

Свою последнюю заметку Лангфус заключает четырьмя короткими фразами и датой — датой своей смерти: *«Сейчас мы идем в Зону. 170 еще оставшихся людей. Мы уверены, что они поведут нас на смерть. Они отобрали 30 человек, которые остаются на крематории V. Сегодня 26 ноября 1944 года».*

4

И именно там и именно она, эта рукопись, и была обнаружена! Произошло это еще в апреле 1945 года, — став одной из первых такого рода находок вообще. Нашел ее возле руин крематория III Густав Боровчик, впоследствии офицер Польской народной армии, житель Катовице. Нашел — и, видимо, не зная, что с нею делать, спрятал на чердаке своего дома.

По-видимому, он никому не рассказал о своей находке: если бы рассказал, то к нему непременно обратился бы если не Волнерман, то Лео Шенкер — чудом уцелевший освенцимский еврей, до войны возглавлявший местную еврейскую общину. В ноябре 1939 года его, вместе с главами других общин Верхней Силезии, вызывал к себе в Берлин сам Эйхман, заинтересованный в резком усилении еврейской эмиграции из нее. После войны Шенкер на время даже вернул себе фабрику «Агро-Химия» в Освенциме-Круке, окончательно национализированную только в мае 1949 года. Он неутомимо искал и собирал любые еврейские реликвии и свидетельства о том, что происходило в Аушвице. Сведениями о том, насколько он в этом преуспел, мы, увы, не располагаем. В 1955 году Л. Шенкер с женой и детьми эмигрировал из Польши в Австрию, откуда в 1961 году перебрался в Израиль³².

Во второй раз рукопись «обнаружил» на чердаке младший брат Густава Боровчика — Войцех. Произошло это в октябре 1970 года, когда после смерти матери он приехал в Освенцим и разбирался в родительском доме со всем его содержимым. Тогда-то он и наткнулся на рукопись, написанную непонятными еврейскими буквами. 10 ноября того же года он передал ее в Государственный музей Аушвиц-Биркенау в Освенциме³³.

Рукопись представляла собой 52 карточки формата 11x17 см, исписанные с обеих сторон. Ряд страниц (особенно в конце) совершенно не читались с самого начала. Пагинация на рукописи — рукой ее первого переводчика, доктора Романа Пытеля (с 1 по 128, из них последняя страница с текстом — 114-я).

У рукописи есть авторское название, уже приведенное: *«Der Geyresh»* («Гейреш», или «Выселение», иначе — «Изгнание» или «Депортация»). Судя по сохранившейся нумерации глав, рукопись не полна³⁴, хотя пропусков в пагинации страниц нет. Скорее всего, это просто сокращенная версия более обширной рукописи, до нас не дошедшей. Отбирая при переписке фрагменты для своего «дайджеста», автор просто не стал менять

нумерацию изначальных глав, зато, по всей видимости, добавил в ряде мест свои позднейшие комментарии³⁵. В любом случае это не дневник, а воспоминания, пусть и написанные по горячим еще следам.

Кстати, из девяти текстов пяти авторов-зондеркомандовцев «Выселение» Лангфуса — единственный, посвященный событиям в гетто исхода. Те обрывки фраз о варварских убийствах и изнасилованиях, что удалось разобрать в самом начале рукописи Левенталья, позволяют предполагать, что о «своем» изначальном гетто в Цехануве не промолчал и он. Но Градовский начинает (опять-таки — если ограничиться дошедшим до нас!) только с транзитного лагеря-гетто в Колбасино, Наджари с ужасом, но лишь упоминает «свой» лагерь (а точнее, тюрьму) Хайдари, а Герман и вовсе не касается «своего» Дранси.

5

Сохранилась и еще одна единоличная рукопись Лангфуса, найденная в 1952 году в стеклянной бутылке. Это 29-страничная школьная тетрадка размером 9,5 на 15,5 см, 21 страница которой исписана, остальные нет. Текст сохранился на удивление хорошо: он читабелен практически весь.

Изначальное авторское название — «Заметки». В фрагментарной форме в них описываются самые разные события, как местные, концлагерные, и совсем недавние, так и услышанные с чужих слов, например, о Белжеце.

«Заметки» состоят из трех разножанровых частей. Первая, под названием «Случаи», — это воспоминания об отдельных эпизодах по памяти. Интересно, что здесь чередуются рассказы о событиях как 1943, так и 1944 годов. Вторая часть — «Садизм» (как раз о Белжеце) — явно записана со слов советских военнопленных. И, наконец, собственно «Заметки» — очень короткий, но самый настоящий дневник.

Самая ранняя его дата — 10 октября, самая поздняя — 26 ноября 1944 года. Так, 14 октября руками «зондеркомандо» начали разрушать стены крематория IV, изрядно пострадавшие во время восстания за неделю до этого. 20 октября грузовик привез для сожжения картотеки и горы документов, а 25 октября начали демонтировать и крематорий II (при этом Лангфуса поразило, что первым делом демонтировали вентиляторный мотор и трубы — для того, чтобы установить их в других лагерях — в Маутхаузене и Гросс-Розене; таких моторов в крематориях IV и V не было — значит, немцы хотят продолжить свое дело в других местах). В сущности, это предсмертный дневник, ибо 26 ноября 1944 года — в день своей последней записи! — Лангфус, вероятно, стал жертвой последней селекции «зондеркомандо».

Места своих схронов Лангфус описывает предельно аккуратно. Так, две большие свои рукописи — «Выселение» и «Аушвиц» (она погибла) — он закопал возле крематория II, еще несколько (но неизвестно сколько) меньших коробочек с различными заметками — возле крематория III.

И, наконец, еще одну — возле разрушенного крематория IV. Можно предположить, что всего таких схронов было не меньше 6-7, из них два были обнаружены, и хотя бы некоторые рукописи Лангфуса чудом дошли до нас!

История обнаружения, передачи и даже хранения второй рукописи Лангфуса — самая запутанная из всех, и до сих пор не все ее загадки разрешены. Она, видимо, и была той единственной, о которой он предупреждал, что закопал не у крематория III, к которому был приписан, а у крематория IV, в доразрушении которого наверняка принимал участие.

Из материалов, оказавшихся нам доступными³⁶, следует, что она была обнаружена в ноябре 1952 года³⁷. Согласно официальной версии, раскопки 1952 (1953?) года были инициированы чуть ли не Каговицким отделением Польской объединенной рабочей партии³⁸. Однако из «Служебной записки» Яна Куча, сотрудника Краковского регионального бюро Главной комиссии по расследованию гитлеровских преступлений, являющейся, собственно, пересказом обращения в бюро некоего Владислава Баруса, жителя Кракова³⁹, вырисовывается несколько иная картина.

Саму рукопись обнаружил житель Освенцима Франциск Ледвонь, косивший траву в районе крематория IV; она была запечатана в закрытой стеклянной банке светло-голубого или зеленого цвета размером со школьную реторту. Узнав о находке, к нему обратился Леон Шенкер и умолял продать ему рукопись, однако Ледвонь отказал.

Вместо этого он передал рукопись Марии Боровской, проживавшей в Варшаве, а та — своему брату Станиславу Вальчику, партийному работнику. Тот же, как отмечает Барус, намеревался передать рукопись в Институт истории партии⁴⁰.

Кроме того, Эдмунд Хабер из Каговице, сотрудничавший с Институтом еврейской истории в Варшаве, утверждал, что рукопись находилась в свое время в этом институте. Сам Хабер намеревался продолжить поиски еврейских рукописей и получил на это разрешение Министерства культуры и искусства Польши. Его группа, в составе восьми человек, провела двухнедельные раскопки на территории концлагеря Биркенау, так, в частности, удалось найти «банку с различными интересными предметами», которая была затем передана в Государственный музей Аушвиц-Биркенау⁴¹.

У оригинала этой рукописи до сих пор не прояснены ни история ее хранения, ни место его сегодняшнего нахождения. Наиболее вероятное местонахождение оригинала — это IPN: Институт народной памяти, вобравший в себя и архив бывшей «Главной комиссии по расследованию нацистских преступлений в Польше». Однако, согласно устной справке сотрудников, оригинала там нет.

Вскоре после своего обнаружения оригинал (или, в крайнем случае, его хорошая фотокопия) некоторое время находился в Институте еврейской истории в Варшаве, в печатном органе которого и был впервые опубликован⁴². Но наличия у себя оригинала не подтверждают и там.

О том, что оригинал временно пропал, Ядвига Безвиньска и Данута Чех писали еще в начале 1970-х гг. — в своем предисловии к своду рукописей. И вот уже скоро полвека, как оригинал так и не обнаружился, а скорее всего, его и не искали.

Нашим «оригиналом» служила копия с утраченного, хранящаяся в Государственном музее Аушвиц-Биркенау в Освенциме⁴³.

6

«Заметки» долгое время фигурировали как «Рукопись неизвестного автора». Дело в том, что вместо имени Лангфус привел свой зашифрованный акроним — очевидный, но не сразу разгаданный намек.

Однако еще в начале 1960-х гг. рукопись была впервые атрибутирована профессором Бернардом (Берлом) Марком, ее первым публикатором, как принадлежащая неустановленному лицу — магиду или даяну из Макова-Мазовецкого. В 1966 году Б. Марк умер, а в 1971 году его вдова, Эстер Марк, прибегнув к графологической экспертизе Эфраима Купера из Иерусалимского университета, подтвердила тождество сравниваемых почерков⁴⁴. Сопоставив различные свидетельства и проанализировав акроним «Анонимного автора», она сумела идентифицировать сначала его имя, а затем и его личность⁴⁵.

Она же первой высказала следующую, впоследствии блестяще подтвердившуюся, гипотезу относительно акронима «J.A.R.A.». Последний представляет собой инициалы имени и фамилии Лангфуса в переводе с идиша на иврит и расшифровывается как: Jehuda Arie (*leib*=лев) regel (*fus*=нога) agucha (*lang*=длинная)⁴⁶. Последние два слова означают «длинная нога», то есть то же, что и фамилия «Лангфус» на идише и по-немецки⁴⁷.

Лангфусу принадлежат и еще три фрагмента, выявленные внутри рукописи Залмана Левентая, — два фрагмента на идише («3000 нагих» и «600 мальчиков»), а также лист на польском языке с перечнем эшелонов, прибывших в Аушвиц между 9 и 24 октября 1944 года. Это дало Р. Пытелю основание для ложной гипотезы, что именно Левенталю принадлежат и остальные тексты Лангфуса⁴⁸.

События, описываемые в «600 мальчиков», датируются, согласно Д. Чех, 20 октября 1944 года: в этот день в газонные крематория III было удушено около тысячи мальчиков и юношей в возрасте от 12 до 18 лет, в том числе 357 человек из филиала Дюэрнфурт (*Duhernfurth*) концлагеря Гросс-Розен⁴⁹.

В этих «Заметках» Лангфус присоединяется к своеобразной поэтике причитания, встречаемой и у Градовского, и у Левентая. Но пишет при этом особенно цветисто и подчеркнуто «художественно», с психологическими рефлексиями и повторами, отчего удельный вес каждого слова несколько понижается.

Он прямо адресуется к будущим читателями и историкам, а в конце даже просит того, кто ее найдет, собрать все его тексты, которые удастся найти, упорядочить их и опубликовать вместе под общим названием: «В содрогании от злодейства».

Эта его воля была даже перевыполнена в 1971 году, когда именно так польские составители назвали весь первый свод текстов членов «зондеркоммандо».

Исполнена она и в настоящей книге, но более строго: заглавие закреплено за текстами лишь самого Лангфуса.

7

К сожалению, сохранность оригинала рукописи «Выселение» сегодня уже такова, что она уже мало чем может помочь переводчику. Оригинал, увы, нечитаем, отчего перевод на русский язык осуществлен с более раннего перевода, сделанного еще в те времена, когда он был читабельнее. Язык этого вынужденного оригинала — немецкий, переводчик — пишущий эти строки. В целом стилистика оригинала — местами несколько шероховатая — сохранена, по возможности, и в русском переводе. Разбиение на главки и их названия — авторские.

Источником немецкого перевода был перевод на польский язык, сделанный с оригинала Романом Пытелем. Напомним, что оригинал оказался в музее лишь в конце 1970 года, так что не приходится удивляться тому, что сам текст не попал в первый польскоязычный свод текстов зондеркоммандовцев, вышедший в 1971 году, как и в его переводы на немецкий (1972) и английский (1973) языки. Впервые он был опубликован по-польски в 1972 году — в 14-м выпуске «Освенцимских тетрадей», а годом позже вышел и в немецком переводе 14-го выпуска. При этом автор был обозначен как «Лейб», а публикацию предваряли вступительная заметка Л. Безвиньской и Д. Чех⁵⁰, а также заметка «От переводчика» Р. Пытеля. Последняя особенно значима еще и потому, что переводчику⁵¹ — после того, как все листы рукописи были перепутаны при консервации, — пришлось стать еще и как бы соавтором, воссоздателем композиции текста. Каждая страница оригинального текста была выделена графически как обособленный фрагмент с двойной нумерацией: первая (в квадратных скобках) является собой реконструкцию композиции, вторая (без скобок) — отражает пагинацию Р. Пытеля, нанесенную им на оригинал в самом начале работы, когда она еще представляла собой малоупорядоченную стопку рукописных страниц.

Без изменений эта публикация Лангфуса была воспроизведена в переизданиях свода на польском (1975) и на немецком (1996) языках.

Что касается остальных текстов Лангфуса, то их издательская судьба не менее примечательна, чем судьба оригинала второй рукописи.

Все началось с публикаций в 1954 году не идентифицированной еще тогда рукописи Лангфуса в «Бюллетене Еврейского исторического института» (на польском языке) и в «Записках по истории» (на идише). В 1962 году она впервые вышла и по-немецки в сборнике «Аушвиц: свидетельства и сообщения», составленном бывшими узниками концлагеря⁵². В 1971–1973 гг. она выходила на трех языках в сводном томе текстов зондеркомандовцев.

Обретение имени автора состоялось в 1977 году, когда в Израиле и на идише вышла посмертная книга Б. Марка «Свитки Аушвица»: Бер Марк при этом опирался на свидетельства четырех бывших обитателей Маковского гетто, сохранившиеся в его архиве.

В настоящем издании фрагменты, составляющие рукопись «В содрогании от злодейства» («Случаи», «Садизм!» и «Заметки») как таковую, дают по изданию Бер Марка⁵³, а остальные, то есть те, что вкраплены в текст З. Левенталя, — по сканам оригинальных рукописей. Эти переводы, в том числе и с польского, выполнены Диной Терлецкой, отмечающей, что тексты Лангфуса написаны на классическом польском диалекте идиша, в который вкраплены отдельные слова, а иногда и короткие фразы на других языках, в частности на польском, немецком и иврите.

«В содрогании от злодейства» стали ядром первой публикации текстов Лангфуса на русском языке — в журнале «Новый мир» в 2012 году⁵⁴.

Павел Полян

¹ Erlass des Führers und Reichskanzlers über Gliederung und Verwaltung der Ostgebiete vom 8.10.1939 (Reichsgesetzblatt 1939 I. S. 2042). Это, конечно, чистое совпадение, но в тот же день рейхскомиссаром по укреплению немецкой народности назначили Гиммлера.

² Еврейская община Плоцка — одна из старейших в Польше.

³ *Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden...* Bd.4. 2011. S. 88–92.

⁴ *Фашизм — гетто — массовые убийства*, 1960. С. 37–41.

⁵ См.: *Schul*, 2010.

⁶ Это было сопряжено с риском для жизни. Так, 32-хлетний Мошек Айтельсбергер из Нойхофа, высланный в Генерал-губернаторство в сентябре 1941 г., уже в октябре пробрался назад. Спустя полгода, 8 апреля 1940 г., его арестовали, 10 апреля перевезли в Цеханув, где 16 апреля судили и приговорили к смертной казни. Спустя ровно месяц, 16 мая, его казнили в транзитном лагере СД в Зольдау (*Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden...* Bd.4. 2011. S. 278).

⁷ *Grynberg*, 1984. S. 42.

⁸ Нередко — с промежуточной остановкой в лагере Зольдау (Дзядлово), являвшемся транзитным прежде всего для польского населения, но отчасти и для еврейского.

⁹ Провинция.

¹⁰ *Schul*, 2010. S. 272.

¹¹ *Grynberg*, 1984. S. 42.

¹² *Grynberg*, 1984. S. 45ff.

¹³ *Grynberg*, 1984. S. 63.

- ¹⁴ Schulz, 2010. S. 271.
- ¹⁵ Grynberg, 1984. S. 41–42.
- ¹⁶ Grynberg, 1984. S. 45.
- ¹⁷ Grynberg, 1984. S. 106.
- ¹⁸ Grynberg, 1984. S. 106–107.
- ¹⁹ Grynberg, 1984. S. 60.
- ²⁰ Grynberg, 1984. S. 57.
- ²¹ По крайней мере, в той их части, что до нас дошла.
- ²² Если только Лангфус не обознался.
- ²³ Или другой образ того же — отжимали от ненужной роскоши одну и ту же тяжелую и наволгшую половую тряпку.
- ²⁴ Но, по замечанию А. Шмайной-Великановой, Градовский, Лангфус и Левенталь думают так уже в Биркенау. До Биркенау — ни один человек в мире просто не мог бы поверить в полное уничтожение всего еврейского народа.
- ²⁵ См. свидетельство Иешуа Эйбшица (*YVA*. М 99/944).
- ²⁶ Mark E., 1985. P. 168.
- ²⁷ Со слов А. Горфинкеля (*Mark E.*, 1985. Со ссылкой на архив Б. Марка).
- ²⁸ См.: Greif, 1999. S. 30.
- ²⁹ Nyiszli, 1960. P. 195–197. Возможно, что именно его имеет в виду и Ш. Венеция, когда рассказывает об одном хилом интеллигенте, которому все остальные помогали выжить.
- ³⁰ Эти воспоминания находились в архиве Б. Марка (*Mark E.*, 1985).
- ³¹ (*Шофтим*) Суд. 16:30.
- ³² См. о нем в мемуарах его сына, Генриха Шенкера (*Schönker*, 2008).
- ³³ См. протокол акта приемки от 10 ноября 1970 г. (*АРМАВ*. F.13. Wsp.420). В музее рукопись получила свой архивный шифр: Syg. Wsp. / Autor nieznaemy / 449a (Ксерокопия: Wsp., том 78,79; Микрофильм: Инв. №: 156866). Копия и дополнительные материалы к рукописи находятся также в Яд Вашеме (*YVA*. № 303).
- ³⁴ Вот примерное содержание рукописи (в скобках — номера листов оригинала): Гл. 1. Первое предупреждение (1–30); гл. 6. На марше (30–46); гл. 10. В день перед депортацией (46–49); гл. 11. Изгнание (50–55); гл. 12. Млава (55–83); гл. 17. На железную дорогу (83–101). Дальнейших подглавок и разбивок текста нет, но содержание последней из глав много шире ее названия: начиная с л. 88 там описываются прибытие эшелона из Млавы на станцию в Аушвице и сама селекция (88–93).
- ³⁵ В качестве примера могут послужить пассажи из последней главки: «Позже мы убедились, что в первой группе насчитывалось четыреста пятьдесят, а во второй пятьсот двадцать пять человек». Или: «Как я позже узнал, моя жена и мой сын находились в этой же группе...»
- ³⁶ Аннотация копии документа, хранящейся в Государственном музее Аушвиц-Биркенау, и приложенная к ней «Службная записка» от 2 апреля 1974 г. магистра Яна Куча, сотрудника краковского регионального бюро Главной комиссии по расследованию гитлеровских преступлений.
- ³⁷ По другим данным — в начале 1953 г., а по третьим — летом 1952 г.
- ³⁸ Польская объединенная рабочая партия — аналог коммунистической партии — обладала монопольной властью в стране до 1989 г.
- ³⁹ О служебном положении В. Баруса в записке Я. Куча ничего не говорится, но, судя по всему, он работал на стыке партийной и культурной иерархий. В Главную комиссию по расследованию он обратился после того, как на глаза ему попала публикация «Рукописи неизвестного автора» в посвященном «зондеркоммандо» специальном выпуске «Аушвицких тетрадей» на польском языке, вышедшем в 1971 г.

⁴⁰ При Польской объединенной рабочей партии.

⁴¹ Весьма вероятно, что здесь подразумеваются успешные раскопки с участием Х. Порембского в 1962 году.

⁴² *Biuletyn ZIH*. 1954, Nr. 9–10. S. 303–309.

⁴³ *APMAB*. Syg. Wsp. /Autor nieznamy / Tom 73. Nr. 420a (фотокопия; Mikrofilm Nr. 462. Инв. № 156644. Л.1–28).

⁴⁴ Позднее эта атрибуция была подтверждена профессором Иерусалимского университета В. Московичем.

⁴⁵ *Mark E.*, 1985. P. 166–170.

⁴⁶ В иврите прилагательное следует за существительным.

⁴⁷ См.: *Kádár G., Vági Z.* Self-financing genocide. Central European University Press, Budapest, 2004. В книге перепутан порядок инициалов, но это не так важно.

⁴⁸ *Bezwinska, Czech*, 1971. S. 8–9.

⁴⁹ *Czech*, 1989. S. 912.

⁵⁰ Им же, по-видимому, принадлежат и комментарии к тексту.

⁵¹ А возможно в союзе с авторами вступительной заметки (это, увы, нигде не прояснено).

⁵² Переиздан в том же виде в 1979 г.

⁵³ *Mark*, 1985.

⁵⁴ См.: *Ланцфус Л.* В содрогании от злодейства. / Публ. и предисл. П. Поляна. Перевод с идиша Д. Терлецкой // *Новый мир*. 2012. № 5. С. 160–177.

ЛЕЙБ ЛАНГФУС

**В СОДРОГАНИИ
ОТ ЗЛОДЕЙСТВА**

ВЫСЕЛЕНИЕ

Первое сообщение

Тихо погруженное в покой, в живописном и уютном месте расположилось Маковское гетто.

31 октября 1942 года в половине девятого утра еврейские рабочие неожиданно были возвращены из деревень, где они работали. Уже на протяжении нескольких лет биржа труда¹ делала все для того, чтобы ни у одного еврея не было нормальной жизни. В то же время принимались меры к тому, чтобы у всех мужчин и незамужних женщин, возрастом не старше 53 лет², была нормальная работа. В сущности, ее лишь весьма условно можно было называть работой, в действительности это было настоящее издевательство над людьми, которых немилосердно и с циничной жестокостью били.

На глазах кроважанных разбойников-надзирателей они должны были падать от изнеможения и болезней, умирать от голода и мучений, полностью лишаться остатка душевных сил. Уже при одном виде немецкого жандарма³ им приходилось дрожать от страха. Все время их непрерывно подгоняли, вынуждая трудиться в нечеловеческом темпе и под градом побоев. Целыми днями их мучили, не упуская ни малейшей возможности жестоко поиздеваться, а от постоянных побоев на телах оставались красные и белые рубцы.

Немецкий комиссар гетто, Штайнмец⁴, осуществил это нововведение.

Бывший школьный двор, на котором несколько месяцев назад снесли огромную школу с прекрасными антиками, он преобразовал в длинную виселицу, чтобы вешать невинных евреев. Приехали двое гестаповцев, приказали позвать руководство общины и потребовали принести им книги с биржи труда. После чего приказали назвать имена первых двадцати рабочих, которые случайно в этот момент находились в городе. За ними послали еврейскую полицию⁵ с сообщением об их предстоящем аресте: они будут находиться под арестом до вынесения им смертного приговора. Молодые крепкие мужчины, полные жизни и творческих сил, в глубоком отчаянии сидели под строгим полицейским надзором, и все живые горько оплакивали их смерть. Три страшные недели провели они под арестом —

в трагических условиях и в ожидании смерти [...] от восхода до захода солнца длинными, прохладными летними днями, и спали они в холоде и грязи, вони и нечистотах. Самым проклятым днем было воскресенье, когда было больше свободного времени, чтобы мучить несчастных евреев. Вдруг работающим арийцам дается команда покинуть город — со всех сторон стекаются они к воротам. Но не может же быть, чтобы немцы проявили столько великодушия и доброты, что оставили евреев в покое. Сердца бьются в ускоренном тяжелом ритме, и горестное беспокойство повисает в воздухе. Никто не может ответить на вопрос, что бы это могло значить — то, что ворота гетто открылись.

И вот он — тот самый, при виде которого еврейское население теряло самообладание и покой, чье появление наполняло людей страхом. Ближайшие дома и улицы опустели. С нетерпеливым беспокойством и бьющимся сердцем ожидают его приближения, чтобы узнать, какую же новую беду он несет и кого уже замучили до смерти.

[...] горько и пугающе. [...] живут вокруг и все хорошо [...]

В конце дня пришла немецкая полиция. Созвали все еврейское население, и был отдан первый строгий приказ: все — молодые и старые, а также дети — должны срочно собраться на школьном дворе. Жены и родители жертв тоже не должны отсутствовать. Наступила мертвая тишина. Со всех сторон на людей были наведены автоматы. При малейших признаках сопротивления или шуме будут стрелять. Между толпой людей и виселицей выстроился большой отряд полиции. Со связанными за спиной руками мимо провели жертв в специальном [...], и еврейских полицейских заставили собственными руками вешать своих братьев.

Находящийся еще на площади Штайнмец послал людей за руководителями общины Эрлихом и Гурфинкелем⁶. Им он сказал: еще висят петли, в которых болтались головы повешенных, и они зовут следующие головы и бросают [...]

[...] беспокойные люди [...] община, воздух был [...] объяснил им, что это строгий приказ. Тех, кого отберут и кто работоспособен, отправят в Аушвиц. Их жен и детей, а также нетрудоспособных отправят в Малкинию⁷. Страшное оцепенение...

[...] все дрожали и волновались. Люди инстинктивно бросались [...] Возбуждение, страх и плач усиливались и от минуты к минуте делались все сильнее, пока все голоса не слились во внушающую ужас гармонию. Внутри каждого все бурлило, как в кипящем котле. Жалобные голоса сливались в сплошной оглушающий плач, сотрясающий и разрывающий воздух.

Стоящие кругом дети не понимали того, что происходит, но, чувствуя и догадываясь, что происходит что-то ужасное, они плакали вместе со взрослыми. Их чистые детские голоса выделялись из общего гула, как большой [...], который сильную людскую боль дополняет искренностью своего звука. Маленькие дети на руках родителей с испуганными глазка-

ми и искаженными лицами прижимались к родительской груди и судорожно их обнимали.

[...] Лица с глубоко запавшими глазами выглядели серыми и потухшими. Время от времени казалось, что глаза оживали и, полные беспокойства, быстро и нервно двигались. В их глубине вспыхивало пламя кипящего гнева, от сознания беспомощности и от невозможности проявить себя, задышавшееся изнутри. Боль, глубокая тяжелая боль и невыносимое страдание стремились вырваться наружу. [...] стояли лицом к столпившимся людям и [...] из их черных глаз.

Одна женщина воскликнула: как-то в городе разразилась эпидемия тифа, и много людей погибло. И мы горько оплакивали молодых. Но как же все-таки им повезло! Их тихо похоронили в могилы Израиля. И кости их обрели покой! А мы — кто знает, найдут ли себе покой и где наши кости? [...]

[...] выкрикивает [...] моя жизнь, и тогда случается такое несчастье [...] важно для моей судьбы. Но так ли уж важно, что я сама так жалко погибну и что мои кости не найдут себе успокоения, по сравнению с чудовищным несчастьем уничтожения моих детей! Это самое ужасное и страшное, что может случиться с матерью! И эти жестокие убийцы еще требуют, чтобы я сама везла своих собственных детей к месту массовых убийств. Мать должна помогать отправлять на смерть своих детей! Может ли случиться на земле что-либо более страшное? [...]

[...] Ориентация и окончательное [...] В первый момент от неожиданно возникли хаос и путаница. Каждый [...] вместе со своей семьей попытался что-нибудь спасти.

Один раз город уже пережил частичное выселение. Это было в 1941 году. С помощью полиции ежедневно [...] выгоняли в соседние деревни, такие как Сцелков⁸ [...] и т.д. Бургомистр сделал тогда из этого большой гешефт. Те, кто при его посредничестве сдавали золотые часы, бриллианты или большую сумму денег, получали от него расписку в том, что ему с семьей разрешается остаться на месте. Тогда была выселена большая часть евреев. В конце концов все успокоилось, но гешефт продолжался. Кто хорошо платил, получал разрешение вернуться в город.

Бедные евреи долго скитались. До тех пор, пока их не пригнали назад в грязь и нищету, в голод и холод. Но на этот раз людей выселяют очень далеко, при этом сказали, что все [...]. Так что нет никакой надежды на возвращение.

Но если вспомнить о том выселении жителей [...] улицы [...] начали они в большом количестве уезжать из гетто в так называемую «колонию»⁹. Они брали с собой маленьких детей — свое самое главное сокровище, бросали свое жилье на произвол судьбы и бежали в колонии, чтобы там переждать и посмотреть, что будет дальше. В любом случае они выиграли уже тем, что не пошли в огонь первыми.

Когда родственники возвратились из общины, их сердца так сильно стучали из-за быстрой ходьбы, что у них перехватывало дыхание, и они не

могли произнести ни одного слова. От потрясения и волнения их глаза дико сверкали, а покрывшиеся смертельной бледностью лица изменились до неузнаваемости. На мгновение их охватило полное оцепенение, пока они не осознали, что все это происходит наяву.

Но они очень быстро поняли, что времени нет, что необходимо срочно находить решение и действовать. Первым делом рассудили, что молодежь, которая ничем [...] не связана, должна бежать к местным крестьянам. У кого есть знакомый крестьянин, пусть отправит к нему хотя бы одного своего ребенка. Нужно попытаться спасти то, что еще можно спасти, и, чтобы детей-подростков подстраховать, решили дать им с собой деньги и ценные вещи.

...возможность. Сначала приготовились. Они надели самую лучшую одежду, под которой скрывались несколько пар нижнего белья. Самое важное — деньги и [...] можно было вынести из гетто. Из-за недостатка времени прощание было очень коротким. С горячей любовью и болью в сердце люди целовали и обнимали друг друга. Безграничным было отчаяние. Возникшая вдруг спешка настигла людей, как извержение вулкана. Как будто земля разверзлась под ногами или их уносило порывами ветра. Мы прощались навсегда: нас ожидала скорая смерть, их — трудная и пугающая неизвестность.

Спонтанные, прерывистые, жаркие проклятья, прорывающиеся между судорожными всхлипываниями, мгновенно оглушали и полностью парализовывали людей. Оставалось единственное желание — пережить войну и отомстить за невинно пролитую кровь родителей, младших братьев и сестер.

Затем паковались необходимые вещи и одежда. Одну за другой люди натягивали на себя пары белья, а поверх надевали свои лучшие костюмы. Брали с собой хлеб и открытые из земли и зашитые в одежду деньги. Большинство искали себе временные убежища¹⁰, а потом выходили на улицу, чтобы узнать, что там происходит.

Было известно, что Эрлих и Гурфинкель встречались с бургомистром, который [...] так же, как и вся немецкая жандармерия, прибирал к своим рукам еврейское имущество. Как пиявка, высасывал он евреев и, мучая, доводил их до смерти.

После поднесения ему богатого подарка они начали откровенно обсуждать с ним свою судьбу. Он сказал, что ситуация очень серьезная и что никакого выхода нет. Он лично советовал бы записываться в ряды трудонепригодных для отправки в Малкинию или Аушвиц.

Для нас такое положение вещей было еще более печальным. Это означало, что и Аушвиц, и Малкиния означают одно и то же — неизбежную смерть! Разница заключалась лишь в том, как долго будут длиться мучения и страдания и что перед смертью должен будет вынести человек.

Было принято общее решение: нет, просто так на смерть мы не пойдем, нам нечего терять, и мы будем сопротивляться, кто как сможет: одни ак-

тивно, другие пассивно. Вместе с нашими женами и детьми мы погибнем, но как герои. Здесь, в Макове, есть три кладбища, пусть к ним добавится четвертое. Там найдут кости наших [...], мы же погибнем вместе с ними и будем похоронены в одной братской могиле [...]

[...] Когда моя жена пришла назад с улицы, она спросила меня: «Какая разнища, пожертвую я своей жизнью или нет, если у меня есть такое сокровище — мой ребенок?» В ее голосе слышалось безграничное отчаяние. Она стояла, дрожа всем телом, и ее взгляд, направленный на нашего единственного восьмилетнего сына, был полон печали.

Одно мгновение мальчик внимательно наблюдал за матерью, вдруг его лицо исказилось гримасой, после чего он истерически зарыдал. Вздрагивая, сидел он на стуле и жалобно кричал: «Папочка, я хочу жить, сделай все, что можешь, чтобы я остался жить». Как и все дети войны, он видел во время эпидемии тифа [...] много мертвых, лежащих на улицах, и сполна ощутил весь ужас смерти. Им овладело отчаяние. Охваченный глубоким страхом, который излучали его детские глаза, он горько рыдал. Его сердце билось в ускоренном и почти слышимом ритме. Ни на минуту не смолкая, раздавался его душераздирающий плач, его непрерывная мольба к отцу о помощи. Нервные покачивания его тела вперед и назад, его посеревшее личико растрогали бы любое живое существо. [...] Воображение уже нарисовало ему весь ужас смерти.

Глубоко потрясенные и подавленные, со сжавшимся от боли сердцем, сгорбившись, сидели мы — я и моя жена. Глотая слезы, вместе с ним переживали мы его страшную боль. Мы обменивались друг с другом взглядами, полными боли и горя, чтобы этими понятными нам беззвучными тайными знаками хоть немного облегчить наши онемевшие сердца. Но мы так и не нашли для него ни единого слова утешения. Только еще ниже вжимались наши головы в шеи, а сердца беззвучно плакали вместе с ним.

Вдруг мы услышали, что его плач усилился: может, мне уже пора начинать читать псалмы и молить бога о том, чтобы Гитлер погиб от руки еврейского подростка под ударами брошенных в него камней? Ах, если бы я мог предстать перед ним и побороть его, как Давид Голиафа! И тут же я взял Сидур¹¹ и начал читать псалмы. Каждое мое слово было наполнено глубокой болью, но в промежутках между предложениями слышны были истерические всхлипывания. Детский голос утопал в тяжелых слезах. Каждую минуту он перебивал меня и кричал срывающимся голосом: «Что же мне делать? Я хочу жить!»

Наши сердца кровоточили; они были полны боли. Мы не шевелились, словно прикованные к месту. Кто-то сказал нам, что в такой момент утешать ребенка обманом — аморально. Но столь чувствительный ребенок сам справиться с такой страшной болью не в состоянии. Я подошел к нему и погладил по голове, бережно прижал к себе и сказал: «Сынок, мы спрячемся на чердаке, дождемся, пока жандармы уйдут из города, а потом убежим к какому-нибудь нееврею и переживем войну» [...]

Когда наступила ночь и наш сын заснул, жена присела на его кровать и нежно погладила его. Ее большие голубые глаза, полные нежности и материнского тепла, смотрели на него с таким пронизывающим вниманием, что я подумал: вот, в одном-единственном взгляде могут найти себе выражение все человеческие чувства. Из ее глаз непрерывно лились слезы, и до меня доносился ее шепот: «Сынок, как же мне тебя спасти? Ах, как бы я была счастлива!»

И так она сидела очень долго в мертвой тишине с переплетенными руками и опущенной головой. Казалось, что ее порозовевшие щеки светились изнутри, а ее изменившееся лицо окаменело от боли и страдания. Ее взгляд каждую секунду соскальзывал в сторону сына, а внутри плакало ее сердце. Вдруг я услышал гневное и одновременно жалобное всхлипывание: «Почему, мой сынок, ты должен погибнуть таким молодым и так страшно?»

Я чувствовал, что близок к тому, чтобы потерять мужское самообладание и силы к сопротивлению, что-то толкнуло меня в тихий угол, где я мог плакать. «Дебора! — позвал я, — спустись вниз к соседям и попробуй узнать, остаются ли они здесь [...] или собираются убежать? Может быть, мы сможем вместе спастись?»

Моя жена как будто проснулась после глубокого сна: «Я не могу уйти! Самуильчик притягивает мое сердце...» Ее голос вдруг захлебнулся слезами, и я понял, что задел открытую рану.

Я замолчал и начал дрожащими от волнения руками нежно гладить ребенка, страстно и горячо целовать его в лоб. Инстинктивно я почувствовал, что ее возбуждение стихает, и она начинает успокаиваться. Наступил подходящий момент, чтобы сказать ей: «Дебора! Ты такая любящая мать, но нам нужно трезво обдумать, что делать». — «Лейб, — ответила она, — я бы хотела успокоиться, чтобы не огорчать тебя, но не могу! Когда я смотрю на эту невинную жертву, у меня закипает кровь, и сердце мое переполняется страданием. Я понимаю, ты хочешь, чтобы я успокоилась, и посылаешь меня к соседям, чтобы заглушить мои страдания. Ты мой дорогой муж, верный и преданный, ты мое сокровище».

Вдруг ее голос зазвучал медленнее, расплывчатее и сердечнее. Мне показалось, что она внутренне сломалась, сдалась, и что ей просто не хватает слов, чтобы выразить всю свою боль. Я вдруг почувствовал, как эта боль пронизывает и меня вспыхнувшими горящими глазами. Было тихо, и мое сердце застучало быстрее. Меня захватила ее боль, и безграничное сострадание овладело мной. В огромном напряжении и с глубоким сочувствием мы смотрели друг на друга [...] «Я увеличиваю твою боль, ты же прекрасно понимаешь меня. Но это первый — самый трудный и критический момент [...] Успокойся, возьми себя в руки, наберись героической силы. Давай обдумаем наше положение».

Мои слова помогли ей только немного успокоиться, но не смогли переломить ее настроение. Она положила руки на колени, широко раскрыла свои преданные глаза [...] и с глубокой печалью и страхом тяжело вздохну-

ла. [...] Тихо переживая, она погрузилась в раздумья, пока ее голос [...]. Она повернула голову налево, в сторону сына, и из ее глаз ручьем полились тяжелые слезы: то изливалась вся её материнская любовь. Через несколько минут она успокоилась, поднялась с кровати, подошла поближе ко мне и изучающе посмотрела своими широко открытыми глазами, словно ей хотелось заглянуть в самую глубину моего сердца. Я сердечно обнял ее и с горячей любовью прижал к груди. Долго-долго я гладил ее и молча утешал своим горячим сочувствием.

Постепенно она овладела собой и воскликнула: «Это правда, что преданная жена умеет владеть собой в любой ситуации».

Ты знаешь, что всю нашу жизнь я старалась не доставлять тебе лишних огорчений, но в жизни возникают такие ситуации, когда это очень трудно сделать». Она подошла к ребенку и, сердечно целуя его, сказала: «Я спущусь вниз к соседям» [...]

Когда жена вышла, я остался сидеть в глубокой задумчивости, перебирая события сегодняшнего дня. Перед глазами всплывали моменты, когда материнская любовь оказывалась сильнее всего остального. Какая трагедия, какая безграничная боль, когда мать, сознавая собственную беспомощность, должна оплакивать будущую смерть своего здорового, молодого, свежего и цветущего ребенка, не имея возможности спасти его от рук бессердечных убийц!

Женская преданность, неотделимо слившаяся с острой болью, бурлящий поток чувств, постоянно меняющихся, и одновременное желание сохранить самообладание в этом огромнейшем несчастье заставляли ее страдать от сознания еще и того, что она смертельно мучает своего мужа. И это чувство в ней победило. На одно мгновение я забыл наше страшное несчастье и восхитился ее душевной силой. Погруженный в эти раздумья, я вдруг ощутил, как что-то гложет меня изнутри. Я вздрогнул и вскочил. В моих ушах снова зазвучали слова сына: «Папочка, я хочу жить, сделай что-нибудь, что ты можешь, чтобы я остался жить! Сделай все, что ты только можешь, я очень хочу жить!»

Я стоял у кровати сына и запоминал черты его лица: всматривался в изгибы его бровей, носа, ушей и даже ногтей на пальцах его рук. Скоро исполнится мое решение, и я должен буду с ним расстаться, с живым или мертвым. Я должен сейчас вдоволь насмотреться на это лицо с его глубокой печалью, отчаянием и плачем, чтобы оно навсегда запечатлелось во мне и в моих глазах.

Долго стоял я так и чувствовал, как моё «я» растворяется в сыне, сливается с ним. Я представил себе всю безнадежность моей жизни после потери ребенка и бессмысленность моего существования, которое стало бы только мучительнее. Я судорожно вздрагивал от страха и ужаса перед завтрашним днем...

Вдруг из моего рта, как из источника, вырвались тихие душераздирающие слова, как будто излившиеся из самых глубоких тайников моей

души, — больно ранящие слова, слова, от которых в жилах застывает кровь, слова, которые так на меня подействовали, что все когда-то прозвучавшие на земле показались пустым и бессмысленным по сравнению с моей катастрофой.

Неутихающая боль и чувство полной разбитости полностью оглушили меня; всю свою огромную и страшную трагедию воплотил я в медленно произнесенном, оборванном звуке одного-единственного слова, которое с глубоким вздохом сорвалось с моих губ и вобрало в себе весь ужас моей судьбы: «Самуильчик, мой Самуильчик!..» Я еще долго выкрикивал его имя. [...] жульнический обман [...]

Штайнмец, который всегда демонстрировал свой ужасный грубый характер и жестокость, вдруг втерся в доверие к людям тем, что не насмеялся над ними. На этот раз он делал вид, что говорит всю «правду»: ему не удалось добиться выполнения требований местного ведомства. Это было также и не в его пользу.

Он надеялся стать наследником богатых домовладельцев, которые уже и так успели сделать его довольно богатым. Ему хотелось произвести на них хорошее впечатление, так как он надеялся, что они останутся с ним в контакте до последней минуты. Он очень хорошо усвоил обычный нацистский стиль обмана и одурачивания.

В половине третьего он появился еще раз в гетто и вызвал руководителей общины к воротам [...] Сразу после этого Эрлих созвал еще раз все еврейское население в общину.

Люди начали заполнять эти проклятые помещения. Их движения уже не были нормальными, а выглядели нервными и торопливыми. Их бледные лица были отмечены печатью страха, их глаза, потускневшие, безо всякого блеска, или сердитые, угрожающе горящие, — весь печальный человеческий хаос. [...] И только беспокойно бьющиеся сердца объединяют эту возбужденную толпу. [...] стоят в напряженной тишине и их сердца [...] стучат в ускоренном ритме [...] Они стоят и слушают (объяснения) Эрлиха.

Штайнмец указал на некоторые недоразумения, о которых он только теперь рассказал [...] Работоспособные едут не в Аушвиц, а ближе к Катовицам, на работы в угольных шахтах. Работоспособные мужчины могут взять с собой жен и детей, с которыми они будут проживать вместе [...] Будет созвана комиссия [...], которая будет определять, кто работоспособен, а кто нет. С собой разрешается взять два костюма, один выходной и один для работы, две пары белья и еще запасную пару белья, пару ботинок или сандалет и чемодан одежды. Не разрешается брать подушки и пуховики [...], никакой валюты или ценных вещей. Тот, кто возьмет с собой что-нибудь из запрещенных вещей, рискует собственной головой.

Неработоспособным не разрешалось брать с собой ничего. [...], что это произойдет не раньше 18.XI. Как позже оказалось, это был большой, рафинированный блеф, который должен был сбить с толку работоспособ-

ных и сделать невозможным любое сопротивление. Но в первое мгновение он способствовал наступлению относительного покоя, так как, во-первых, у нас появилось еще несколько дней для обдумывания возможностей побега, — фантазеры допускали даже, что еще возможно что-то придумать, чтобы сделать выселение невозможным, — а, во-вторых, семьи должны были ехать вместе!

Сразу возникли две партии с разными мнениями: первые наивно верили в обещанный отъезд и обосновывали это тем, что он для них [...] — для чего же им тогда обманывать, ведь немцы уже и так показали себя по отношению к евреям достаточно жестокими. Другие считали, что первое объяснение Штайнмеца более правдоподобно и обосновывали это тем, что и бургомистр сказал то же самое и что подобным же образом евреев вывезли из Легионова¹² и, наверное, убили. Не может быть, чтобы существовал такой большой лагерь и никто не подавал оттуда даже малейших признаков жизни. Ведь невозможно пройти мимо кладбища и не заметить его.

Аушвиц, — утверждали они, — это лагерь, куда отправляют преступников и спекулянтов. Преступное обращение с заключенными, циничная жестокость и ужасные истязания, практиковавшиеся в соседних лагерях Пшасныша¹³, Млавы¹⁴, Цеханува¹⁵ и Плонска¹⁶, были нам хорошо известны: волосы на голове встали дыбом, когда мы об этом услышали. Только от специально дрессированных диких зверей и бестий можно было ожидать такое нечеловеческое изуверство.

[...] Были особые причины для того, чтобы убедиться в правильности таких взглядов, особенно причины для изменения отношения немецких учреждений к населению. Тот же самый Штайнмец стал настолько мягким и чутким, что при его появлении на территории гетто вокруг него собирались все обитатели и спокойно слушали речи, с которыми он к ним обращался. Он говорил так, чтобы людям могло показаться, будто он о чем-то глубоко сожалел. У умных людей вся эта фальшь и подлое лицемерие вызывали отвращение и тошноту. Да, ему, бедному, было больно расставаться с нами, но только оттого, что больше не будет тех, из чьих костей можно было бы еще повыжимать последние соки и на этом сделать большой капитал.

Или вот немецкие жандармы, которые раньше приходили в гетто, преисполненные гордого презрения и с высоко поднятыми головами, бросали вокруг жестокие угрожающие взгляды и во время переключки угрожающе размахивали резиновыми дубинками, пугая проходящих мимо людей, рискующих своей жизнью, которую они для собственной утехи топтали ногами, и шагали вперед так, как если бы больше всего их интересовало услышать эхо собственных шагов. И вдруг они же приходят в гетто, вежливые и общительные, с нежными и мягкими взглядами, чуткие и приятные. Они навещали знакомых, беседовали с ними, глубоко сочувствовали им и подолгу вместе прогуливались.

Все это выглядело необычно, но было хорошо продумано и имело определенную цель: отобрать и те деньги и собственность, которые они при помощи власти и насилия так и не смогли заполучить. Они ожидали, что евреи попадутся на волшебный крючок их «доброты» и одарят их, своих верных друзей, своими богатствами. Свое истинное лицо, непредставимую преступную натуру показали они только в день выселения. Только тогда те, кто поверил им, потеряли свои прежние иллюзии и надежды, но было уже поздно [...]

На улице [...] возвратившись из правления общины, все достали богатые запасы продуктов, которые заготовили на зиму, и раздавали их, так же как и белье, одежду и топливо. Община открыла свои подземные хранилища картофеля, чтобы он там не замерз. Каждый мог получить разные продукты. Капитал был закопан у забора, и проходящих мимо поляков просили позвать их знакомых из города или из ближайших деревень. Самые лучшие и красивые вещи упаковывали вместе с украшениями и бросали польским приятелям через забор. Их просто забросали сокровищами и богатствами, но у людей было только одно желание, чтобы не немцы нажились на их несчастье. В течение всего дня люди перепрыгивали через стену и снова покидали территорию гетто. Религиозные евреи сообщили о завтрашнем Таанит-циббур¹⁷, который все соблюдали.

Самые последние сообщения Штайнмеца породили большую пуганицу и разрушили существовавшее ранее единомыслие обитателей гетто. Многочисленные дискуссии не приводили к окончательной ясности, и весь этот день прошел под впечатлением неожиданных событий, которые все-таки всех удивили.

Эту первую ночь люди провели без сна. Все с нетерпением ждали утра, беспокойно ворочаясь в кроватях. У всех было чувство, что они находятся во временном отеле. И все чувствовали себя неуверенно, как будто потеряли почву под ногами, всех мучили тяжелые предчувствия.

Еще за два часа до рассвета вышли на улицу: одни стояли, другие ходили взад и вперед. Нетерпение поднимало их из постелей, а нервы выгоняли из помещений. Все разговоры касались одной актуальной темы: когда Штайнмец говорил правду — тогда или теперь? Как нам себя вести? Возможно ли перезимовать в лесу? Кто из знакомых крестьян мог бы взять к себе детей?..

Из-за этих дискуссий даже воздух на улицах пропитался серьезностью момента; любая точка, любой угол, где встречались два человека, превращались в место для обсуждения. Когда рассвело, люди узнали, что местный врач, берлинский еврей, пожилой, болезненный и очень интеллигентный человек, отравился вместе со своей женой. Он оставил адресованное Штайнмецу письмо, в котором написал, что за десять лет работы под нацистским режимом уже достаточно хорошо ознакомился с его убийственным, жестоким, диким и звериным отношением к евреям.

Не помогают ни обращения, ни просьбы, которые должны были бы вызвать у убийц хоть малейшую человеческую реакцию. Поэтому он решил уйти из жизни сам, не дожидаясь гибели от их рук.

Этот поступок и убежденность тех, кто к тому же долго жил в Берлине, непосредственно под боком у нацистов, и совершенно четко себе представлял неизбежность смерти, подвигивали на настроение и состояние жителей гетто как гром с ясного неба, как взрыв бомбы. Это привело к тому, что людское беспокойство подскочило настолько, что и без того уже лишенное последней капли надежды еврейское население совершенно сломалось: «Мы пропали, мы погибли...» [...]

Уже больше года люди в гетто страдали от нехватки воды. Город находился около пруда, но людям с большим трудом удавалось удовлетворить эту одну из основных человеческих потребностей. Каждый день под строгим полицейским контролем на короткое время открывались ворота гетто, и все население бросалось к этим особенным воротам, открытым в сторону пруда, чтобы принести немного воды для самых необходимых потребностей в домашнем хозяйстве. И сегодня люди тоже бежали к пруду, но не для того, чтобы набрать воды, а, наоборот, чтобы прыгнуть в воду, чтобы покончить с жизнью, чтобы утопиться — и раз и навсегда исчезнуть с этой несчастной земли.

Через несколько дней лопнула, как мыльный пузырь, и самая последняя надежда и утешение. Почти все, кто убежал в поисках убежища, вернулись в гетто. Они рассказали, что даже самые доверенные крестьяне не соглашались никого у себя спрятать. Немцы запугали их, пригрозив, что за укрытие евреев их будут убивать. Никому не удалось найти для себя никакого места, даже в хлеву. Они бродили по полям и лесам, и когда уже падали от усталости, то засыпали прямо в снег, коченея от холода. Они никого не встречали, поэтому не могли получить теплой еды. От каждого издали услышанного голоса их пробирала дрожь, ведь это мог быть и жандарм. Грязь разъедала их тела, их мучил смертельный голод.

Война будет еще длиться заведомо больше одного месяца, так что выжить невозможно. Как если бы это проклятый человек, которого мир вышвырнул, а злые духи схватили и оставили у себя. Так одиноко в середине, в центре земли — планеты, которая существует для всех, кроме них, евреев. Бессильные и обманутые, изможденные и покорные, вернулись беженцы назад в гетто, лишившись своей последней иллюзии и последней надежды. У них уже не было больше никакой инициативы, и вся земля стала для них тесна.

Даже их последнее и единственное утешение тем, что несколько сотен молодых людей — ребенок, брат, жена или муж — могли бы спастись, оказалось обманом. Приближалась гибель. Все были немилосердно опутаны огромными сетями, которыми еще раньше нам связали ноги, чтобы лишить любой возможности двигаться и искать последний шанс на спасение.

Из соседнего города Цеханува дошло известие, что оттуда уже изгнаны все евреи¹⁸, в том числе и многие жители Макова, работавшие там в разных

местах. Никогда больше они не увидят своих детей и жен. Они расстались навсегда. Хаос истребления и уничтожения достиг своей высшей точки.

Глава VI **В пути**

Во вторник опять собрали детей, учеников Талмуд-Горы¹⁹, нелегально функционировавшей, несмотря на тяжелые условия в общине и благодаря религиозным евреям и демонстративно принятому решению. Такие чистые, такие невинные [...], такие идеальные, так преждевременно [...] убрать с земли [...] уничтожить, хотя они только и успели что расцвести.

Детям объяснили [...] их родителям, братьям и сестрам большую обшую группу [...] Им описали серьезность ситуации [...], чтобы они ориентировались правильно.

Отчаяние было безгранично; все было ясно [...] для молодежи и [...] тихо вздрагивали головами [...] Руки и [...] опущены; они стояли, и их глаза были неестественно внимательны [...] слезы, которые [...] струились, как полупрозрачный занавес перед их глазами, как туманом закрывая их нервные и напряженные взгляды. Они не хотели громко плакать, это помешало бы им слушать [...], помешало бы понять. Серьезность судьбы преодолела слабость их детского характера. Их сердца были [...] очень, очень [...] и они все это в себе задушили.

Только когда начали читать псалмы и [...] вдруг, как непредставимый взрыв [...] плач оглушил всех слушателей. Вырвалось [...] как будто их оглушили. [...]

Плач от минуты к минуте набирал силу и раздавался все громче. Становился все трогательней и [...] до конца главы, когда вдруг наступила тишина, и напряженная атмосфера оглушила эхом и отзвуком их голосов, которые как-то особенно глубоко трогали сердца. Пронзительные и тяжелые вздохи прорезали воздух. И только когда начали следующий абзац, нашлись и слова для выражения бесконечной боли. Давящая тяжесть бес сильного отчаяния растворялась, и отдельно существовавшие миры слились в один и огромный, прозвучавший в давно погасшем чувстве [...]. Слившись в единое целое, многочисленные разнообразные вздохи и всхлипы обрели такую силу, что потрясали самый сильный характер, проникали в глубоко потаенные закоулки души и, как высоко поднимавшаяся волна, захлестывали все.

Все были возбуждены и глубоко потрясены этой страшной трагедией. Кто бы ни проходил по улице, останавливался, и его уши пронзали эти перехватывающие дыхание, глубоко трогающие, идущие из глубины сердца, наполненные болью слова [...], которые пробуждали сострадание и являлись выражением нечеловеческой боли.

[...] бессильно отчаяние [...] и сильная (воля) к жизни, так же как и несправедливость, которая [...] весь земной шар и все [...] расколола. У стены синагоги Макова [...] и дрожит [...] от возмущения, стоит [...] в комнате и качает своего ребенка [...] колыбель [...] рукой, которую она в своей [...] видит, из глаз льются горючие слезы [...] удел плачущих больших людей [...] страх и горький плач [...] ощутимо [для] ощутимый страх детей, в комнате они слышат их голоса [...] в эти страшные часы [...] и каждый плачет [...] ребенок, который превратился в поток слез, они плачут так естественно с [...] сын и дочь сидят вместе [...] разговор [...] у стола, возник [...] забыли все, что происходит вокруг. С поникшей головой [...] сила притяжения [...] нескончаемый плач.

[...] от плача [...] на другом конце гетто, где стояли люди [...] и вместе с ними плакали. Все гетто было сплошное [...] глухое, но живое и сильное [...] Страшная трагедия [...] тяжесть невообразимого несчастья [...] живой человек [...] печаль, которая охватила всех: молодых и старых, малых и больших [...] сердце к сердцу [...] глава для себя, что вызывает

[...] презрение к одурачиванию [...] в официальной еврейской полиции и [...] работоспособные и неспособные, которые [...] и они крепкие [...] [...] много? Неспособные, когда? Они не имеют [...] видели первый раз в комиссии [...] как управляющий гетто Штайнмец, [...] третий и четвертый раз — жандармерию.

Людей принимали в алфавитном порядке, регистрационная книга общины была предъявлена. [...] зачитывали очередные номера, и все население [...] семьями проходили перед комиссией, которая в общем виде их осматривала. Было так [...], что тот, кого записывали работоспособным [...], тому же, кого определяли неработоспособным, — смертный приговор. Приносили бриллианты, золотые часы и т.д. и все это отдавали, чтобы попасть в группу работоспособных.

Члены комиссии собрали много ценностей и соответствующие проценты — группа из пятисот неработоспособных сократилась на несколько десятков человек. Те же, кого включили в группу работоспособных, не теряли своих иллюзий до последней минуты. Они словно позабыли о своем трагическом положении, зато помнили, что есть люди в значительно худшем положении, чем они, например, признанные неработоспособными. Они так и не поняли, что все это обыкновенный блеф, обманный трюк [...] и что они тоже самое [...] придумали [...] из разных комбинировали [...]

[...] Женщины с маленькими детьми [...] их новые мужья и скрытое в жизни [...] Очень умные люди превращались в наивных простаков [...] Это глупое доверие сохранялось до тех пор, пока люди собственными глазами не увидели [...]. Люди пребывали в [...] Те, кто были признаны неработоспособными, чувствовали себя так [...] в большом отчаянии и предчувствии своей скорой гибели. Живые трупы [...]. Они шли в глубокой печали и выглядели очень мрачными. Они не ели и не пили. Они прощались с каждым встреченным ими человеком. Тяжеловесность их поход-

ки, замедленность их движений, тяжелые [...] бледные лица, печальная пронизательность глаз, в которых прятался дикий страх, срывающийся голос и отсутствие темперамента делали их сразу и легко узнаваемыми [...] Они шли, как во сне, не заботясь о своей одежде [...] Образовались две группы: работоспособные и неработоспособные, которым общее братское сочувствие выражалось [...] до известной степени отделяло одних от других [...] общее явление последнего периода [...]

Между тем [...] прошли тяжелые, трагические дни. Детская жизнерадостность исчезла, и не осталось даже следа от их собственного мира. Тихо, серьезно и мрачно жались они к своим родителям. Они следили за каждым их шагом и напрягали уши, чтобы услышать слова взрослых, самих душевно сломанных и разбитых, говоривших доверительно и тихо. Они хотели понять свою участь. Они чувствовали, что тайна их существования известна только взрослым, которые все знают и все понимают. И они ломали свои головки, пытаясь понять свое положение.

Но они чувствовали инстинктивно, своим особым детским чутьем, и переживали то же, что и их родители. А родители не спускали с них глаз. Дрожащие и нервные, смотрели они за детьми, нежным и внимательным взглядом следили за каждым их движением. Детская интуиция угадывала все это. Да, они точно знали, что это последние дни их жизни. Женщины сидели в комнатах и напевали мелодии, полные бесконечной боли и страдания, и вздыхали о стоящих около них детях и мужьях, с которыми они скоро расстанутся, которые навсегда исчезнут. Их глаза смотрели с пронизывающей остротой, как загипнотизированные [...] волны материнской заботы исходили от них [...], смертельный страх наполнял их. И так сидели они очень долго, углубившись [...]

Вдруг вернулась мысль об угрожающем всем завтра. Матери сидели за столом и кормили своих детей. Горькие слезы лились из их глаз. Они брали с собой маленьких детей, когда выходили на улицу. Они стали нежнее, а их чувства горячее. Они не хотели ни на минуту оставаться без детей. Если ребенок выходил на мгновение из дома и потом возвращался, то мать встречала его, останавливала в дверях и наблюдала с любовью. При этом ее лицо было залито слезами. Она отворачивалась, чтобы ребенок не увидел слез и не расстроился. Он был очень чуткий и понимал каждое движение. Мужчины сидели в комнатах одни, замкнувшись каждый в себе, и долго молчали.

Головы переполняли тяжелые мучительные вопросы, на которые не находилось ответов: они не видели выхода. Проблемы были такими болезненными, что никому не хотелось говорить о них с другими, каждый оставлял их себе.

Люди мало говорили; хорошее настроение покинуло их. И печать серьезности не сходила с лиц.

На улице нельзя было увидеть нормально идущего человека; люди передвигались очень медленно или очень торопливо. Мужчины стали об-

ращаться с женщинами мягче и нежнее. Им хотелось скрыть свою беспомощность, и они пытались помочь им своей верностью. На улицах можно было увидеть небольшие группы людей, они больше молчали, чем говорили. Они внимательно изучали всю трагедию по лицам их спутников, которая была видна в этом живом зеркале.

С наступлением долгих вечеров люди начали собираться в квартирах соседей. Они сидели и часами рассказывали друг другу о чудовищной и смертельной злости и о разных способах и средствах, при помощи которых в разных городах грабили евреев. Обсуждали беззащитность и бессилие, страшную судьбу евреев и основательную систематичность при их уничтожении. Люди были в сильном беспокойстве и бессознательно дрожали от страха [...] взрывались. Ежеминутно они замолкали; головы не шевелились, и кровь застывала в жилах. Серьезно обдумывали ситуацию. Глубокие, тяжелые вздохи сидящих толкали на мучительные размышления.

Когда люди ложились спать, они переворачивались с одного бока на другой от возмущения, боли и беспокойства, тяжелые страшные картины возникали в их сознании и мелькали перед глазами.

Усталые и изнемогающие, они пытались найти покой во сне, но стоило глазам закрыться, как сразу вырывали из сна ясные трезвые мысли, мучили и кричали. Как может уснуть отец, который еще не нашел способа спасти своих детей от смерти, но который по-прежнему с ними общается? [...] тоже счастье, использовать свободное время для того, чтобы плакать, а участь жены и ребенка его не беспокоят [...]

Он только работает для немцев. Лучшие сапожники, портные, часовщики и т.д. работали [...] Это было маленькое гетто среди других таких же гетто в [...] Немецкие заказчики могли приходить. Их заставляли день и ночь работать на немцев [...], а когда пришло время выселения, им не разрешили ...

[...] их страшную трагедию понять [...] физическую смерть. Их души были убиты [...] их мыслями, и они были превращены в механизм, который должен был скрыть и заглушить главные человеческие чувства [...] на край пропасти привел. И вот берет он и кроит [...], и шьет для него роскошные костюмы [...] Их циничные требования не имеют человеческих границ [...]

В гетто разрешили прийти [...] двадцати юношам из Плонска, обессиленным, с глубоко запавшими глазами, избитым [...] кнутами, их тела покрывали многочисленные красные шрамы. Их брюки превратились [...] в лохмотья, длинные худые [...] ноги [...] не указывали на то, что когда-то они были частью прежнего человека [...] босиком зимой, а другой [...] лежал на голых камнях [...] Они были так сильно избиты, что были не в состоянии шевелиться [...] они думали ...

[...] Дату выселения официально назначили на 18.XI. Накануне этого дня община собрала людей на общинной площади для того, чтобы обо всем проинформировать и обсудить все подробности предстоящего отъезда и

ближайшее будущее [...], руководит населением, чтобы окончательно для такой печальной [...] расстаться.

В 12 часов дня в последний раз собралось все население, чтобы огромное несчастье, всю боль и все страдания, пережитые каждым, оплакать вместе, чтобы возбужденные чувства, наполнявшие каждое сердце, слились в общую боль. Чтобы полный поток боли превратился в густой сплав, и несмываемый [...] создать тому, что разрывает и подавляет сознание, чтобы, насколько возможно, выразить это глубоко, остро и полно.

Стояла тишина, исполненная глубокой серьезности и напряженного молчания, когда Гурфинкель и Эрлих обратился к пока еще живым жертвам. Оба чувствовали себя слишком маленькими для того, чтобы нести весь груз трагической ответственности этого момента.

Они явно [...] не доросли до такого сверхобычайного момента. Говорили очень кратко, но эти слова сотрясли души, поток страдания и гнева разливался вокруг людей, и их пылающие жаркие чувства нагревали холодный зимний воздух. Они разъяснили подробности следующего дня. После этого выступал раввин из Красного²⁰; он призывал толпу к душевной стойкости и внутренней силе, к тому, чтобы держаться всем вместе.

Самым мужественным и проникновенным было последнее выступление даяна из Макова²¹. Он говорил совершенно открыто и предупреждал об обмане. Нужно быть зрелыми и готовыми к тому, что нас поведут к неизбежной смерти. Покидая свои дома, нужно проститься [...] со всеми близкими, с женой, с детьми. Это необходимо, потому что мы отдаем нашу жизнь за веру и с чувством большой еврейской гордости. Из всего того, что касается нас освящающей ориентации, мы должны сделать тот вывод, что это единственное, не имеющее примера в еврейской истории, испытание. И мы должны ему соответствовать.

Камни стали мокрыми от наших слез [...], ими наполнился воздух, и многие люди со всей ясностью осознали серьезность этого момента, своего рода единственного в жизни, ведь ничего подобного еще никогда не происходило. Каждый чувствовал, что весь его жизненный опыт слишком мал и недостаточен для того, чтобы оценить весь огромный масштаб ответственности этого момента.

В большом напряжении ловили они каждое слово, но им не хватало решительности. Настал час трагической действительности, полный беспокойства и страха. С печалью и возмущением мы должны [...] были быть готовы к таинственной гибели, время и место которой от нас скрывали.

Это было достаточно страшно и само по себе. Но у большинства людей не было заметно даже малейших признаков душевной слабости или страха, сохранялись самообладание и покой.

Но до [...] героического поступка, как того требовал момент, они не возвысились. [...] Люди вернулись в свои жилища, чтобы проститься с самым большим старым другом, которого они в своей жизни имели — с немым, терпеливым, замечательным товарищем, лучшим регулятором

нашего скромного мира, с тем, чем был для каждого его дом. Испуганно прощались с лестницами, стенами, обстановкой.

Больше всего сожалели о своей кровати. Собственно, только сейчас и осознали, какое это сокровище, только в последний момент, когда отдали себе отчет в том, что они нас и этого лишат. В последний раз приготовили себе теплую еду и согрели дрожащее тело, заставшее от ужаса и холода. Потом наше внимание привлек рюкзак, символ еврейского изгнания, который кожаными ремнями держится на спине [...], чтобы можно было собраться и вместить все нужные в дороге вещи, без которых нельзя обойтись. Немного самых нужных вещей уложили в рюкзак так, чтобы его было удобно нести.

Тяжелое впечатление производила эта сцена, печальная мелодия которой напрягала наши нервы. В один сверток завернули самое необходимое, потом искупали маленьких детей и уложили их спать. И только потом каждый собрался в своем доме, вместе со своими близкими и самыми любимыми людьми. Последние, считанные часы, которые ему остались, сближали и еще теснее связывали его со своей семьей.

Соседского порога не переступали. В душевной близости, в сердечной любви, слившись в полной гармонии, люди тихо жаловались, оплакивали детей и трогательно прижимались друг к другу. В этот час величайшего отчаяния до самого поздна можно было слышать глубокие вздохи, сотрясавшие каждое человеческое существо.

Глава X

Накануне выселения

Накануне выселения весь город был на ногах. Первыми разбудили самых дорогих созданий — детей. На них надели теплую чистую одежду, хорошо ее завязали и застегнули. Потом надели себе на спины рюкзаки, взяли за руку детей и вышли на улицу. Погода была плохой, на земле лежал мокрый снег, и сырой ветер пробирал до костей. Все воспринималось только близко к сердцу. И приказ собраться на улице, у ворот кладбища, которые открыли только тогда, когда [...] вышли [...] Это было так символично, что пугало, как привидение.

Когда мы приблизились к воротам, ноги перестали нам подчиняться. Ах, как же много значит уголок своего теплого светлого дома, в котором порядок и гармония, где человек чувствует себя свободным и ни от кого не зависимым, где он может делать, что и как ему хочется, может даже понять настроение детей, лежащих в кроватке! Покой, свобода, отдых, один [...] имеет место, определенный пункт на большом земном шаре. Быть вырванным из дома — значит проститься с жизнью. И тело отказывалось выходить.

У людей было чувство, что закрытые ворота являются границей между жизнью и гибелью, отделяющей светлое прошлое от темного и злоеющего будущего. Дом как магнит, он притягивает к себе, действует на вас как волшебство. Каждый уголок близок вашему сердцу, даже дверь, дерево, кирпич — все такое свое, близкое, дорогое. С ними связано так много воспоминаний; они разговаривают без слов, они зовут нас.

Но теперь все пропало! Что можно сделать? Мы выходим, но глаза развернуты назад и все еще смотря внутрь наших жилищ.

Теперь и лестницы воюют с тобой, не разрешают по ним спускаться. Как тяжело ставить на них ногу...

Оказавшись на улице, семьи держатся друг за друга, чтобы не растеряться в толпе. Каждая семья искала на улице место, где можно было бы всем встать. Темно и тихо, сильная давка не позволяет двигаться. Люди внимательно за всем наблюдают [...], обмениваются взглядами. Все смотрят с большим сочувствием на остальных — тех, кто проходит мимо.

Вот идет семья, которая еще не почувствовала ужас войны. Как же ей тяжело! Вот проходит мать с маленькими детьми: одних она ведет за руку, других держит на руках. Сердце охватывает сочувствие при виде того, как тяжело ей идти с такими ласточками! И еще одна женщина с маленькими детьми, без мужа. Она неработоспособная и ведет своих детей на смерть. Да! Она ведет их прямо на смерть.

Идут сироты, родители которых были убиты, когда они от голода бежали из Варшавы в Рейх. Крестьяне видели, как они блуждали на границе, и привели их в Маков. Кагал²² и разные люди приняли их. И они такие молодые! Как могут они себе помочь, кто их усыновит? Дети, у которых еще не было в жизни никакой радости, — их тоже ведут на смерть.

Дальше идут зрелые, пожилые люди. Куда идут они? Тоже на смерть. Люди, глубоко потрясенные трагедией других людей, идущих мимо них, на мгновение забыли о том, что предстоит им самим.

Дети [...] женщина кричит что-то протяжно и плачет, она входит в комнату. О, мой малыш, нет тебя больше [...] совершенно разбито [...] отвечает мать. Ее глаза наполнились слезами, сердце охвачено страданием. Она хочет посмотреть на своих детей [...] с глубокой болью, но детей уже нет [...] Только сейчас видит она, что от бывших здесь когда-то многочисленных жильцов осталась только маленькая кучка домашней утвари, все инструменты давно в разбойничьих руках, и от всего ее добра остался лишь скромный узелок на спине.

И все это — всего лишь один этап на пути к еще более страшному завтра.

Глава XI Изгнание

Когда наступил день, на улице появились жандармы с обнаженными саблями, резиновыми нагайками и толстыми, тяжелыми прутьями. Они были вооружены с ног до головы. Некоторые из них проверяли открытые еврейские квартиры, чердаки, подвалы и туалеты. Проверяли, не спрятался ли там кто-нибудь. Если находили одиноких старых людей или больных, то сразу убивали. Детей, чтобы не делать этого на улице, выводили в соседнее помещение и там всех вместе убивали. Их отводили в клозет, голову вставляли в очко и так головой вниз и ногами вверх [...] убивали.

Небольшая группа жандармов устроила охоту на евреев и гнала их со всех близлежащих улиц, чтобы собрать в одном месте. При этом сознательно старались навести ужас, били [...] без исключения [...] по головам [...] они набирались [...]

[...] в городской тюрьме? [...] Рейхс — и фольксдойче [...] лица выглядели [...] начальникам из самых низких слоев населения [...] Отдельные гестаповцы стояли в угрожающих позах [...] они стояли перед [...] и постоянно толкали [...] другие стояли [...] время, загоняемые назад в [зал ?] [...] с двух сторон [...] и [...] стояли и становилось все теснее. Людей загоняли резиновыми нагайками, кнутами и саблями, которыми безостановочно размахивали над головами. [...] до выхода из [...] людей сквозь ворота все больше [...] беспримерно [...]

Возникла такая теснота, что люди даже [...] детей должны были держать наверху [...] поднимались [...] людьми вверх [...] было невозможно. Рюкзачки резали спину [...], словно острые режущие предметы, разыгрывались душераздирающие сцены.

[...] У ворот стояла специальная цепь гестапо и пропускала только по десять человек [...] уже заранее выстроились они по одному в длинный ряд. Якобы, они должны были каждого проверять [...] С обеих сторон стояло по двое бандитов, каждого проходящего они били страшно по голове, с диким и неутолимым садизмом. Кровь брызгала, как из фонтана [...] за дверьми стояли женщины [...] их били и мучили [...] и среди [...] жалкое удовлетворение и [...] через их [...] напирала [...], это пытки или это [...] на земле.

У ворот стоял немецкий гестаповец в штатском и громко кричал о том, что каждый прямо здесь должен отдать все деньги и ценные вещи. Кто не отдаст, тому грозит смерть. При этом он держал в руке револьвер, и люди от страха все бросали перед ним [...] деньги, золото, валюту и т.д., но больше всего кольца и часы [...] Тех, кто не отдавал, били с ужасающей грубостью.

Таким образом, этот и еще один бывший с ним вместе гестаповец, тоже в штатском, набивали себе полные карманы [...] свертками долларов и ценными вещами. Те, кто вышел отсюда невредимым и кому удалось залезть в кузова грузовиков, чувствовали себя так, как будто они вырва-

лись из ада. Когда они залезали на машины, их били нагайками и резиновыми кнутами.

Из-за большой паники многие потеряли своих детей, а дети родителей. Большинство бросали даже свои рюкзаки и свертки, чтобы они не мешали при посадке в машину, и были счастливы уже тем, что им удавалось посадить в машину своего ребенка. Этому они искренне радовались.

Наконец-то все убедились в том, что немцы не имеют никаких человеческих эмоций. Люди удивлялись, что даже знакомые с ними немцы, которые с помощью посредников скупили у них баснословное количество еврейских драгоценностей и валюты и поэтому нормально с ними общались, бьют их теперь (...) с такой циничной грубостью и страшной жестокостью. Люди начали читать Видуй²³. Это убийцы, в чьи руки мы попали! Можно себе представить, что еще мы можем от них ожидать! Отчаяние и обреченность судьбе достигли своей кульминации.

[...] Тех, кому удалось, хотя и с большими трудностями, протиснуться на другую сторону, поджидали несколько молодых людей, которые в мгновение ока «грузили» их в грузовики. Но не нормально и удобно подсаживали, а буквально забрасывали туда, сопровождая «посадку» непрерывным и жестоким битьем по голове. Так же грузили и стариков. Каждая погрузка вызывала взрывы их злости и жестокости.

Между группами машин и по обе стороны ехали жандармы. Вылезти с машины, хотя бы и на минуточку по нужде, означало риск быть застреленным. Так ехали мы до половины восьмого вечера.

Глава XII

В Млаве

В Млаве прибытия еврейского населения уже ждала группа жандармов, единственной задачей которых было их бить. После того, как люди слезли с грузовиков, их отвели в специальную отдаленную часть бывшего еврейского гетто, в котором они были размещены по пять-шесть семей в одной комнате.²⁴

Единственным облегчением было обращение евреев: евреи, здесь [...] еврейские надзиратели и полицейские, они помогали [...] запутавшимся и испуганным евреям [...] найти дорогу [...] наступившая сплошная темнота сбивала их с толку. У полицейских же были карманные фонари. Они светили людям и вели их к жилью. Когда люди входили в комнаты, их охватывал ужас. Абсолютно все было разграблено. Это было печально. Воровские руки, какое [...] несчастье. Даже постельное белье было снято. Каждая комната являла собой картину разгрома и была просто холодной руиной. Горько было на сердце: значит, так же теперь будут выпядеть и наши брошенные жилища [...] Поразительно, что [...] ведет, находились в [...] из головы. Каждое мгновение было выигранной игрой — но [...] чувствует, что [...]

[...] положили детей спать [...] Стулья и остаток [...] события [...] холодно и лежанки жесткие, сон не хотел приходить [...] ужасная ночь [...] пришел нас будить, нужно идти [...] свое место, нужно [...] брать с собой, длинные ряды, целые семьи [...] это еще не последнее мгновение [...] от смерти, вдруг из состояния сна [...] вырваны и разбужены [...] только, когда ей напомнили, что [...] и немцы стали людьми и серьезно к сердцу принимая [...]

[...] по направлению печальной общинной площади [...] Не зная, коснулся он огромного [...] места сбора [...] было пропитано еврейской кровью [...] самый большой и важный городской [...] и [...] между собой и стояли, дрожа от страха [...] приходит известный жандарм Поликарт^[?]²⁵ [...], который для развлечения стрелял в людей [...]. Тот самый ужасный палач, который вешал кого попало [...] с его бандитским сердцем и [...] танцуют на [...] это превосходило все возможные понятия садизма [...]

[...] Он распоряжался всеми эшелонами из гетто изо всего безирка Цеханув [...] приближается к нашим рядам. Он прогуливается рядом с двумя жандармами и постоянно зыркает во все стороны. Его глаза сверлят людей со звериной гордостью, они смотрят сверху вниз. Этими глазами он сжирает и заглатывает людей; всех охватывает страх, и их сердца громко-громко стучат. Царит нервное напряжение. А он доволен, когда люди дрожат перед ним от страха, когда они стоят, как окаменевшие или вросшие в землю, когда кровь застывает у них в жилах. Это его идеал. Первым делом выискивает он пожилых домовладельцев, среди которых встречались почтенные люди, всеми уважаемые и заслужившие всеобщий почет. Их узнавал он как [...] и осуществлял большую несправедливость. Евреев нельзя же так [...]

[...] они живут, не имея никаких средств к существованию [...] лишние часы на земле. Их ведут, не дожидаясь конца проверки, в страшный общинный подвал. Их ведут на расстрел. И только теперь у всех этих слепых людей словно короста упала с глаз, и они поняли, как и для чего они живут на этой земле.

Потом выбрали группу людей и основательно их прощупали и проверили, не зашили ли они в свою одежду деньги. У одной девочки нашли в мешочке скромную сумму в 5 марок, которую она спрятала, чтобы купить пару килограмм хлеба. Ее убили.

А председатель млавской общины стоял все время на другой стороне тротуара и вместе с группой жандармов и эсэсовцев и наблюдал за всем.

Между тем кричали из рядов [...] вместе с гаоном²⁶ и сообщали, что их точно повезут в лагерь, чтобы работать и жить и т.д. Но к этому времени вернувшийся назад Поликарт объявил, что все могут расходиться, но чтобы завтра всем собраться на этом же месте, всем — и трудоспособным, и нетрудоспособным. Люди облегченно вздохнули, но [...] пройти мимо жандармов из Млавы само по себе было большой опасностью и угрозой для жизни [...] Пересекали двор, пробираясь между домами [...]

[...] на следующий день все были готовы ко всему. В самых мудрых предположениях невозможно было себе представить [...] среди евреев. Каждый час, каждое мгновение было счастьем, обретенным сокровищем. Но все равно завидовали всем тем, кто еще был на свободе. И когда возвращались, с радостью смотрели на своих любимых: самое главное, что мы еще живы и еще вместе.

Но что делать? Нужно же купить еду [...] Весь город вымер и ликвидирован, а гетто строго изолировано. Население из Млавы [...] уже восемь молодых людей при помощи большой суммы денег были выкуплены из-под временного ареста. Из-за битвы во время посадки и высадки большинство людей лишились своих рюкзаков с хлебом.

Шли в подвалы в поисках картошки, которую потом делили между собой. Из конюшен приносили торф, который там оставался, сами конюшни разобрали на дрова, и так картошкой с солью люди питались в течение нескольких недель. Поликарт, который так идеально себя вел, показался в общине Млава, чтобы напомнить о своих хороших поступках. Приличная сумма денег, два бриллиантовых кольца и пара мужских золотых часов.

[...] различные золотые изделия [...] перед полным [...] люди ходили туда-сюда [...] неизвестность, восстановилась [...] всем вместе грозящая судьба [...] единственная большая семья, искали [...] управлять собой; они бегали взад-вперед [...] что видели более умных [...] и так люди находились на улице [...] люди в группах [...] и такие, которые очень [...]

[...] дети не спали всю ночь [...] беспримерное беспокойство. Они не оставались ни одной минуты во дворе, потому что каждый ребенок чувствовал, что воздух кругом горит [...] до конца, так они не знали [...] душили [...] никто не выказывал столько здоровья [...] и осмысленности, как эти маленькие создания. [...] всех [...] и всех [...] всего сообщества [...] Это был день тихих вздохов [...] бледные, погасшие [...] вечерами не [...] некоторые люди в помещении, жандармы [...] жарко и непрерывно освещение, чтобы страх парализовал [...] воспоминания о первых людях, которые погибли под [...] было живо,

[...] ранним утром на [...] еще семьсот [...] несколько десятков [...] новые контингенты [...] и послали всех [...] они должны до завтрашнего утра массив(но) ловить и все население арестовать [...] каждый полицейский на собственное усмотрение [...] вытащил на [...] некоторых людей задержал и на [...] на совесть еврейской полиции. Напрасно люди прятались в подвалах, на чердаках, в хлеву [...] возможно наступило. Если жертву находили, то убивали на месте. Следующая семья [...] каждый делал это по-своему.

[...] отцы детей [...] сестер и т.д. [...] всю жизнь, собственная жена, дети [...] крики и жалобный плач [...] хватали руками в горькой [...] люди плакали потрясенно со всех сторон, глубоко трогая сердца [...] болезненно жалобы хотели сжать сердце [...] они чувствуют, что [...] происходит, и они идут на муки. [...] немцев, чтобы схватить их жертвы.

[...] Правда, тяжелая [...] нас поразила, огромное и тяжелейшее несчас-

тье [...], хотя мы этого не заслуживали [...] что вечно [...] и никогда не нашли покоя [...] и чтобы заставить [...], чтобы заставить работать [...] в лицо [...] у тебя другое сердце [...] исчезли [...] с этой земли и навеки забыты [...] испытывать разум на прочность. Такая подлость, такой позор [...] Так много горечи, вырвавшийся вздох, что [...] еврейское сознание так бессильно, обмануто и в отчаянии, как последний [...] себя в [...] брошенный звук

[...] детей у себя оставить [...] и вместе с [...] жертвами, разрешает нам не умереть [...] единственное утешение на краю пропасти. [...] хотя они остались живы [...] в двух мельницах. Пустыня, руины [...] единственное окошечко [...] окно было разбито, и холодный ветер проникал внутрь мельницы [...] Место для сидения было [...] накрыто. Ты идешь, ты падаешь в глубокую пропасть, охватывающий весь поднебесный бесконечный мир [...], осязаемый для разумного и чувствующего человека, вырванного из всего, что ему было любо и дорого, из всего, что они создали [...] в надежде и ожидании, [...] увидеть завтра, которого ждали их дети, [...] их играм, когда была еще нормальная жизнь, они создали единое гармоничное людское [...] сообщество в полные опасности моменты жизни.

И только в самые опасные минуты, когда [...] когда бандиты протянули свои лапы [...] согнутые и разбитые [...] полная страха дрожь, полная ужаса [...] без единого любимого, отцовского [...] Сердце, разорванное на куски, [...] Внутренне полностью разбитые, они хотят [...] такие и похожие мысли [...] и тащились одна за другой [...] под жерновом и напряженно прислушиваясь, чтобы хотя бы одно слово, одно предложение понять чувствовал себя так, как будто находился в кипящем котле [...] и звенят горько плачущие голоса, переплетаются [...] горячее вспыхнувшее [...] из сердца мучительно как [...] слово, которое доходит до его ушей [...] разнообразны, вначале [...] и самое главное [...] боль, страдание и судьба [...] большие и сильные люди [...] в такие юные годы в могилы, под [...] самих себя превратить в жертвы и

[...] разрывающая [...] сердце, до самой глубины проникающая боль и сотрясающее страдание. Дети [...] плач маленьких детей [...] высказать их жалобу [...] и расстаться с этим миром [...] Они ничего не испытали в жизни [...] горячий материнский плач [...] большое мужество и большую храбрость [...] голоса [...] с таким тяжелым [...] с таким гневным [...] жизненный инстинкт [...] выразить словами их несчастье [...] боль, которая в них нарастала [...] и опять прижимало [...] к себе и обрывало руки [...] невозможно запретить клокочущим чувствам [...]

[...] его сердце рвалось на части [...] его снаружи внутрь [...] в его переживаниях единственный [...] тихо прочтет Видуй, и они бьют [...] резко протестуя, да, умереть, но [...] испустить дух в окружении евреев, а не среди [...]

Печальный конец с трагическим эпилогом [...] почему нам выпала такая трагическая судьба? Если бы возможно было хотя бы утром подойти к

двери, хоть еще один раз на нее взглянуть и излить полную чашу слез [...]!

[...] маленькие дети хотят [...] тяжелая, печальная мелодия [...] ночью. Но они чувствуют, крутятся [...], им беспокойно. Никто не успокаивает [...]. И их сердца плачут [...], длинная, тяжелая, страшная [ночь] [...] накануне [...] они начали всех выгонять [...] гнали стадо баранов [...] бросались дрова [...] овечки сквозь забойщиков на шею [...] они шли в таком ужасном беспokoйстве и страхе. Много, очень много людей вышло на площадь [...] они вели живых людей к [...] плача хором [...] Женщины и дети плакали от холода и голода. Они бессильно стонали [...] но безуспешно [...] некоторые дети были [...] они бросались на усталые руки матерей, чтобы там найти защиту, все несчастье и его [...] понять, невероятно испуганные и измученные [...] некоторое время плакали они [...] смотрели на матерей, чтобы прочесть [...] в их лицах, что все так останется [...] глубоко задумавшись, впавшие [...] среди огромной массы людей [...] могущественные окружавших, которые [...] выражали [...] глубокое презрение [...].

[...] часто их гладили и горячо обнимали [...] и целовали их головки с такой страстью [...] чтобы они не застыли и не окаменели [...] из человеческой массы вопреки всему [...] настроение, которое придавало характер [...] охватило женщин; они плакали, жаловались и причитали. Многие из них говорили сильными [...] отчаянными голосами, зывали и требовали справедливости. Они протестовали [...] слова, которые [...]

[...] чтобы согреться и согреть ребенка [...] хотели использовать возможность, несколько часов перед смертью [...]. И опять сплывались люди с [...] искали кого-нибудь, кто бы их взял [...] он дрожал и бросался [...] вихрь, но никого не было, перед кем он мог бы плакать [...]

Настал большой день, когда пришли сборщики, жандармы [...] Всех погнали к вокзалу. Одновременно пришли машины, чтобы подобрать тех, кто не мог ходить [...]. Мы приходим к вокзалу [...] огромная толпа [...] там начали они людей смертельно бить [...] они дико [...] бросались на слабую, беззащитную толпу [...], тяжело вооруженные [...]

[...] и не разрешали им, садиться [...] они заставляли их только, [...] грузовики [...] пакеты с вещами на [...] сильно, потом выстраивают всех с [...] и кто не входит [...], и безостановочно заталкивали их до тех пор, пока [...] полностью не набит и утрамбован [...], пока лежащие люди ни одним членом не могли бы пошевелить [...] перед отправкой поезда [...] много людей [...] капли воды для людей [...] количество воды [...] преобладающее большинство их души выдохнули [...] чувствительный зимний холод [...].

[...] обман [...] отъезжали, транспорт и [...] двинулись вперед и [...] события [...] сильный шок и [...] жертв из гетто вывозить [...] кружила вокруг дома и села [...] и оплакивала [...] убитых, забытых [...] в глубоком отчаянии, полностью под впечатлением недавно пережитых сцен. Люди печально жаловались [...] на новую порцию горького опыта. Разве это возможно, что такие молодые и невинные люди умирают? Сердце [...] Есть конец терпению. Почему люди с этим смирились? Так или иначе — нас

всех ожидает смерть! Люди удивляются, почему нужно перед смертью так страшно мучиться? Никого же не заставляют [...] они получают от этого огромное садистское удовольствие [...] Выдержим ли мы? [...] тогда, когда люди узнали [...] следующие пятьсот неработоспособных [...]

[...] они были выстроены в отдельные колонны, в которых с циничными шутками искали [...] девочек: их [...] поставили в стороне [...] и приказали [...] еврейские [...] язвительно высмеивались [...] мужчинам [...] наклеены. Работоспособных выстроили отдельно от неработоспособных; одна девочка бежала от [...], она была убита на месте [...] и он дальше заглывал деньги [...] чтобы нагнать страха [...] деньги, часы и большие суммы, которые неработоспособные [...], а потом за 50 марок освободили ребенка. И таким образом превращались живые люди от страха перед смертью [...]

[...] Перед самой смертью больной всегда чувствует себя лучше [...] Если немцы и демонстрировали свое лучшее отношение по отношению к евреям, то это было предзнаменованием еще большего несчастья. Были [...] выданы карточки для мармелада [...] тысяча пятьсот или пятьсот были наклеены [...] наблюдение жандармов было ограничено. Утром приехала машина с прицепом [...] поездом вместе [...] Их зарегистрировали, и они получили хлебные карточки в течение ночи на мельнице, утром люди вышли на площадь прямо перед воротами гетто. Спустя много времени появился немец и приказал всех послать назад в квартиры [...] наивные [...] обман, и остались эти люди [...] но он бежал, как быстрый [...] к мельнице, сначала едет [...] машина, нагруженная хлебом и вареньем [...]

Люди сидят на очень темной мельнице, где неопишимо страшная грязь. К тому же все естественные потребности можно справлять только там же, где они сидят. Стоит сильное зловоние, и очень холодно. Дует сильный ветер. Люди сидят не на скамейках, а на своих рюкзаках. Семьи разместились в большой тесноте, один прижат к другому. Усталые дети прижимают ближе к родительской груди, но не спят. В некоторых местах этой огромной руины вспыхивают маленькие огоньки. Взрослые от холода все время в движении. Темные тени скользят по стенам. Все сидят или стоят в пальто, готовые к отъезду. Тихо.

Люди сердечно и доверительно разговаривают друг с другом, сбившись в разные группы. Их воображение работает. Оно рисует, в зависимости от настроения, самые разные картины. И только плачущие голоса детей, которые в этом холодном грязном помещении мерзли, страдали от голода, нарушали тишину и подавляли настроение, пока детей не одолел, наконец, сон. Люди чувствовали себя абсолютно беспомощными, невозможно было удовлетворить самые элементарные потребности собственных детей. Безграничный страх гнал людей домой. Цепь сомнений мучила и пугала их. Велись самые разные разговоры.

Мы обдумывали, что могло бы нас ожидать в конце поездки: жизнь или смерть? Возможно ли, что немцы все-таки будут содержать наших жен и детей? Оставят ли они нас в покое и будут ли кормить во время войны?

Наши глаза видели слишком много преступлений, чтобы мы могли в это поверить. Но тогда для чего все это? Только ли для того, чтобы нас изолировать и чтобы мы не смогли выдать никаких государственных тайн, которые наши глаза видели в закрытых гетто Макова?

Или почему они не разрешают нам что-нибудь взять с собой? Живым людям это же положено. И почему не доходят до нас какие-нибудь признаки жизни от варшавских евреев? Очевидцы из Макова были в Белостоке тогда²⁷, когда подожгли двадцать улиц вместе с евреями, — и в Слониме, когда всех евреев в семь этапов выгнали из города и расстреляли²⁸ — и в Легионово, недалеко от Макова: это преступление было совершено в самом городе.

Этой ночью мы едем дальше. Для чего им это нужно?

Мы же бессильны и не способны к защите. У нас даже нет ни одного карабина.

Христиане не смогут даже представить: нам запрещено хотя бы один раз у них переночевать. И для чего вся эта карточная игра с работоспособными и неработоспособными? И к тому же посылают нас с хлебом и вареньем — зачем? Должно такое сильное государство прибегать к столь примитивным средствам?

Неужели возможно, что нет никаких известий от какого-нибудь спекулянта и т.п.? И какие такие работы могут выполнять такие люди?

С самого начала войны немцы полностью отрезали всех изгнанных ими евреев от остального еврейского мира. Но этот мир существует, и как же возможно, что ни одному известию не удалось просочиться? Если бы мы знали, что они нас ведут на смерть, мы бы сопротивлялись всеми доступными нам способами. Мы бы героически боролись. Тот, у кого были силы, бежал бы и прятался в лесах. Но тогда мы себя опять спрашивали: как же можно зимой бежать с маленькими детьми? Или оставлять детей и спасаться самим? Но тогда для чего и для кого дальше жить? И что делать в случае, если мы позже убедимся, что они нас убьют?..

Эти и подобные разговоры мучили всю ночь наш мозг и наши нервы. Одни считали, что мы и так являемся голодными, измученными, бедными людьми, что в реальности тоже означает неизбежную, мучительную смерть. И что не нужно так быстро покидать это место: что будет, то будет.

Другие — мы же не знаем, что принесет завтрашний день, и не нужно раньше времени быть готовыми умереть. Такие разговоры неустанно пытали нас и мучили рассудок. Между одной и другой мыслью возникала пауза, и нервы были сильно напряжены. Глубокая серьезность сгибала головы, а глаза были настолько задумчивы, что не замечали происходящего вокруг. Волна сменяющих друг друга картин возникала в сознании. Тяжелые мысли, полные страха о таинственном завтрашнем дне, заполняли голову. Сильнейшее беспокойство и невыносимое нервное напряжение буквально разъедали людей, словно ржавчина. И словно занавес, который скрывает последние минуты.

Люди постоянно напрягали интуицию, чтобы проникнуть в этот полный тайн мир, чтобы прикоснуться к нему, почувствовать и услышать, что происходит за этим занавесом. Слабые, сгорбленные люди тихо приближались к разным группам и напрягали слух, чтобы выхватить отдельные слова. Потом отходили в сторону, дрожа от страха.

Человеческие голоса были такими тихими и дрожащими от возбуждения, что самый их звук лишал покоя. Испуганные глаза блуждали в темноте. Не было ни одного нормального движения. Все было очень нервно. Всё вокруг, весь воздух были охвачены дрожью. Всех охватил страх. Ночная темнота опускается на головы, ощущается давление воздуха и его движение. При любом движении, при любом повороте нам грозит смерть. Атмосфера тяжелая и напряженная. Скоро она взорвется, и все развалится на мелкие части. И не останется ни одного воспоминания о том, что мы пережили или совершили. Сердце постоянно стучит. Это последнее решающее мгновение. Трепетно обнимая друг друга, люди чувствуют некоторое успокоение. Чьи-то руки постоянно касаются детей, прижимают их сильно и страстно к себе.

Задумчиво смотрят они на землю. Мысли улетают и погружаются в мир ужасного страха, несчастья, уничтожения, темного ужаса, дрожи и таинственных видений. Депрессия и безграничное отчаяние проникают в глубочайшие закоулки сердца.

Это была единственная и ужаснейшая из ночей.

Глава XVII

К железной дороге

Когда начало рассветать, людей стали выгонять из мельницы на площадь у ворот гетто. Лежало много снега, и от сырости стыли ноги. Была собачья погода, со всех сторон дул ветер.

Матери медлили выходить с детьми. Всю ночь их мучила мысль, что они должны будут на многие часы оставить детей одних на площади. Но ничто не помогало. Дети, постоянно стонущие и ноющие, медленно двигались к выходу и не решались плакать. Они поняли, что их мамы не смогут им помочь. Искаженные болью и страданием лица родителей, что постоянно наклонялись к ним, чтобы любяще их погладить или о чем-нибудь спросить. Их дрожащие теплые взгляды и горячие поцелуи в головки убеждали в том, что плакать бесполезно.

Наоборот, они вели себя героически: каждое мгновение бросали они печальный, испытующий взгляд на родителей, чтобы понять и оценить, как чувствуют себя родители после каждого взгляда. Они старались, чтобы родители не заметили их заплаканных глаз и печальных лиц, чтобы не почувствовали, как сжимались их сердечки. Если они тихо плакали, то отворачивались в сторону.

Остающимся или уезжающим с последней группой детям принесли поесть что-то горячее. Дети ожили, но ненадолго. Началась другая фаза: они должны были попрощаться с родителями.

[...] нет! Сопротивление [...] как будто они были вместе связаны [...] они сжались в один большой запутанный узел. Люди слились и соединились в [...] неделимое целое. Нет! Мы не позволим, чтобы нас разделили! Уже так много у нас отняли, а теперь они хотят оторвать еще больше.

Стена, непроницаемая для человеческого глаза, закрывает собой будущее, наше таинственное завтра. Скоро эта большая [...] завеса упадет, и все прояснится. Оно не будет больше закрыто. Эта налегшая на нас неуверенность, наконец, исчезнет, и мы увидим все то, что еще осталось, [...] еще сердце [...] внутри сжато. Люди плакали, жаловались, причитали, стонали. Пройдены различные этапы, пережиты многие схожие события, которые здесь описаны. И так стояли мы на площади до половины одиннадцатого утра, пока не появилась немецкая жандармерия и еще раз не пересчитала всех людей. Применялись самые разные формы вымогательства по отношению к тем, у кого еще могли быть какие-нибудь ценные вещи. В понедельник уезжала следующая партия. Такой же трюк с мельницей и потом изгнание на площадь.

В одиннадцать часов в понедельник появился Поликарт вместе со своими людьми. Всех выстроили рядами, по пять человек в каждом, и повели посередине сквозь [...] и слякоть, так как после прихода немцев с их [...] законами евреям не разрешалось ходить по тротуарам. Мы идем к вокзалу. Немцы подгоняют людей и стараются заставить их держать темп марша, словно они шли на свадьбу. Ноги отказываются служить [...] это не обещает ничего хорошего [...] никому нельзя упасть, все должны идти с одинаковой скоростью. Они мучают их, они тащат их, [...] они не помогают им [...] пока они наполовину [...] измучены и бессильны [...] и только постоянные удары его подручных вынуждают их быстро двигаться вперед, почти бегом, пока они, совершенно обессиленные и обливающиеся потом, не добрались до станции.

[...] на земле, чтобы не [...] перешагнуть. Эти люди почти забыли, как выглядит обычная, обжитая людьми улица. По пути хотелось посмотреть на свободный мир, но подгоняющие крики и преследующие мысли мешали глазам.

Возникла дисгармония: с одной стороны тянется огромная процессия полумертвых людей и едва исчезает. Ползут полуживые люди с коробками на низко опущенных головах. Они идут безотчетно [...] некоторые падают по дороге [...] и общая ошибка. С другой стороны [...] рюкзак [...] простые, но страшные [...] когда они, наконец, добрались до станции, на них набросились многочисленные важные гестаповцы и эсэсовцы с большими плетками в руках. Большая масса людей была построена на рампе, вдоль путей. Вагоны еще закрыты. Немцы гонят людей с одного места на другое и страшно их при этом бьют. Возникает [...] Немцы все время кричат, что люди плохо строятся и снова бьют их [...]

[...] наконец, открываются вагоны [...] вместе с людьми [...] В каждый вагон загалкивают столько людей, что в нем совершенно невозможно двигаться. О том, чтобы сесть, нечего и думать, невозможно даже присесть, и можно [...] на каждую ногу, на каждую руку давят много людей; они придавлены и сжаты [...] в таком же положении находятся [...] остальные до вечера следующего дня. Рюкзаки, сваленные в одну кучу, невозможно даже потрогать, не то что взять. Так что невозможно было и подкрепиться. [...]

На каждом было надето несколько пар белья и теплая одежда. Было очень тесно и жарко. В воздухе стоял неприятный запах пота. Люди изнывали от страшной жажды, но свежей воды не было. Трудно себе представить, как люди мучились. Сначала товарные вагоны открывались и набивались большим количеством людей. Когда один вагон был полностью утрамбован, его герметически закрывали. Не было ни одного окошка, сквозь которое снаружи мог бы проникнуть воздух. Потом открывали второй вагон и его так же набивали и закрывали. Потом третий и т.д.

Во время посадки людей били по головам, что вызывало искусственную путаницу. Немцам хотелось, чтобы люди потеряли всякую ориентацию. Многие семьи были разделены и посажены в разные вагоны. Два специальных вагона были приготовлены для эсэсовцев и гестаповцев, их охраняли бандиты и опасные преступники. Проблемой, не имеющей решения, было отправление естественных нужд, и это приводило людей в отчаяние. Вскоре на полу стали появляться нечистоты. Люди были страшно измучены. Но у немцев был свой расчет на то, чтобы людей еще до их прибытия на место так мучить и лишать сил. Только позже это станет полностью ясным, но это новое знание мы могли взять с собой только в потусторонний мир. Самым большим желанием, которое у нас тогда было: хоть перед смертью, но выпить хотя бы несколько теплых капель. Дети были полностью оглушены, потому что не выспались; они не могли сесть или, стоя, облокотиться на что-нибудь, и это мешало им заснуть. У них воспалились губы и совершенно пересохло горло.

[...] не могли ничего взять в рот [...] жажда овладела всем, каждый член [...] руки, ноги казались отмершими от усталости и чудовищного напряжения. Кожа и нервы [...] бессильные тела [...]

Сдавленная вместе человеческая масса [...] из-за такой тесноты можно было держать людей [...], как бы висящих в воздухе; это дало им возможность тридцать часов подряд простоять на ногах. Никаких разговоров, никаких дискуссий по дороге [...] не велось. Все были полумертвые от усталости и изнуренности. Эта теснота наложила на всех печать усталости, изнурила нас и привела в решительный момент к победе над духом. Единственный раз была открыта дверь вагона, когда вошли два жандарма, которые разрешили женщинам немного попить — в обмен на полученные от них обручальные кольца.

Единственное, что [...] мы достигли — вечером следующего дня прибыли туда, чего так хотели избежать. Поезд остановился в Аушвице. Сра-

зу же мы увидели площадь²⁹, кишашую эсэсовцами [...], вооруженными с ног до головы [...].

Специальные посты стояли в разных пунктах и несли караул. Группа еврейских рабочих в тюремной одежде стояла в стороне и ждала³⁰. Их было пятеро, выстроенных один за другим. Высокие столбы с частой, плотно натянутой проволокой, через которую был пропущен ток, огибали всю огромную площадь. На каждом столбе была закреплена электрическая лампа, которая очень ярко светила. Высокие столбы, очень часто стоящие, освещали площадь настолько ярко, что их свет слепил глаза и мешал людям думать.

Вначале людей погнали в большой спешке со станции. Рюкзаки и пакеты было запрещено брать с собой. Все, что люди вынесли из вагонов, они должны были сложить в одном месте. Умерших по дороге вытаскивала из вагонов еврейская рабочая команда.

Вызывали женщин, но особенно мужчин и детей. Совершенно оглушенные и пораженные, в спешке, целовали мужчины своих жен и детей, обнимали и прощались с ними. При этом поднялся страшный плач. Эсэсовцы начали гнать толпу вперед; они старались заставить людей двигаться как можно быстрее. В результате многим людям вообще не удалось в последний раз попрощаться со своими самыми близкими и любимыми.

С необычайной серьезностью и [...] терпением они спорили и размышляли вслух о том, в какой именно момент наступит их черед исчезнуть из времени и общемирового пространства. Все это было украдено у отмершей и лишённой уже всех человеческих чувств жизни. Самое лучшее и идеальное было [...] с корнями вырвано. Началась селекция. Мужчины, признанные работоспособными, [...] наоборот, очень быстро пристроили себе детей в длинный ряд.

[...] старые люди, а также [...] особенно молодые, выглядящие здоровыми мужчины [...] старались произвести обманчивое впечатление и убедить в том, что они работоспособные и что могли бы работать. Обе прошедшие селекцию группы мужчин пока стояли и наблюдали [...], как огромные, ярко освещенные автобусы [...] которые ехали с большой скоростью туда и обратно³¹.

В большом напряжении смотрели мужчины в сторону стоящих рядами женщин и детей. Они двигались; они видят, как они ловко садятся на машины, которые повезут их прямо к уничтожению, что станет ясно позже. На наши вопросы, куда их везут, нам отвечали: — В специальные бараки, в которых они будут жить, и где мы с ними каждое воскресенье сможем общаться.

После женщин и детей увезли неработоспособных мужчин [...] Позже мы убедились, что в первой группе насчитывалось четыреста пятьдесят, а во второй пятьсот двадцать пять человек³².

Эсэсовцы лагеря повели нас пешком к знаменитому филиалу ада, в лагерь Биркенау. По дороге нам сразу же бросились в глаза натянутые

вокруг электрические провода, а также очень яркое освещение. Нас привели во внушающий ужас барак.

Там был толстый, как свинья, разожравшийся блокэльтесте³³, который сразу же произнес перед нами речь. С особым нажимом он сообщал, что это очень тяжелый лагерь. За любую неточность или непослушание грозит смерть, и некому жаловаться. Прежде всего, нужно научиться прямо стоять с опущенными руками и поднятой головой. На каждую команду «мютце» нужно дотронуться до шапки рукой, а по команде «долой» нужно шапку снять, по команде «вверх» шапки надеть. Когда слышишь команду «На работу шагом марш!», нужно аккуратно отступить налево³⁴. Дом, жену и детей — забудьте. Два или три месяца здесь, в лагере можно прожить. Только мы евреям и помогаем [...] Война может до этого кончиться. Было бы лучше, если те, кто себе в одежду зашили золото, доллары и т.п., добровольно это отдали. Сейчас будет проводиться большая проверка [...]

Люди должны были стоять на холоде прямо и без шапок. Страх пробирает всех до костей [...]³⁵

[...] Так много людей впихнули, сколько было возможно втолкнуть. Трудно себе представить, что в таком маленьком пространстве может поместиться так много людей. Тех, кто не хотел входить, расстреливали или травили собаками. В течение нескольких часов они могли бы из-за недостатка воздуха задохнуться. Затем двери были плотно закрыты, и сквозь маленькое отверстие в крыше пущен газ. Находящиеся внутри люди уже не могли ничего сделать. Они только кричали горькими, жалобными головами. Некоторые отчаянно кричали, другие судорожно всхлипывали — надо всем стоял жуткий плач.

Некоторые читали «Видуй» или кричали «Шма Исроэль»³⁶. Все рвали на себе волосы, кляня себя за такую наивность, что привела их сюда, за эти закрытые двери. Единственным средством, остававшимся им для того, чтобы сообщить что-то наружу, — криками, рвущимися к небу, — они выражали свой последний протест против этой огромной исторической несправедливости, при которой с абсолютно невиновными людьми поступили так только потому, что хотели таким страшным образом уничтожить сразу все поколение.

Только во имя удовлетворения дикой жадности [...] этих кровожадных бестий, которые не в состоянии испытать раскаяния за проигранное мировое потрясение, которое они вызвали своим безумным темпераментом, и теперь мстят этому слабому беспомощному элементу. И вот они нашли настоящего мнимого виновника и, чтобы очистить от него мир, совершают чудовищные убийства и жесточайшие преступления. Постепенно голоса слабели, газ заполнял легкие. Наконец, все они погибли.

Крики протеста достигали ушей представителей мрачного мира гестапо и СС, собранных здесь со всей Европы и несущих еще больший груз моральной ответственности, нежели их угнетающие людей физически руки.

Таким был конец наших близких — вполне еще работоспособных людей, отказавшихся от сопротивления и тешивших себя надеждой, что они и их семьи будут жить. Умирая, они падали — из-за сильной тесноты — один на другого, пока не образовывалась куча из пяти или шести слоев, достигавшая одного метра высоты. Матери остывали на земле в сидячем положении, обнимая своих детей, мужчины умирали, обнимая жен. Часть людей образовала бесформенную массу.

Другие стояли в согнутом положении, нижняя часть тела — стоя, верхняя часть, наоборот, — от живота и вверх — в лежачем положении. Некоторые из людей под действием газа посинели, другие выглядели абсолютно свежими, как будто заснули.

Места в бункере хватило не всем, и одну часть оставили в деревянном бараке до одиннадцати часов следующего дня. Утром они слышали отчаянные голоса тех, кого уничтожали газом, и сразу поняли, что их ждет.

В течение этой проклятой ночи и первой половины дня они наблюдали за всем и испытали самую ужасную боль, какая только возможна на свете. Кто сам этого не пережил, тот не может иметь даже малейшего представления об этом.

Как я позже узнал, моя жена и мой сын находились в этой же группе. Утром появилась зондеркоманда, которая тогда состояла исключительно из евреев и была поделена на четыре группы. Первая группа шла в бункер, надев на себя газовые маски, и выбрасывала из него мертвые тела. Другая оттаскивала трупы от дверей к рельсам, на которых стояли так называемые лоры — маленькие вагонетки без барьерчиков. Третьи грузили тела в эти вагонетки и тащили их до того места, где³⁷ была вырыта огромная, широкая и глубокая яма, со всех сторон обложенная бревнами, деревяшками и целыми деревьями. Туда подливали бензин, и адское пламя вырывалось оттуда [...]. Там стояла четвертая группа и сбрасывала трупы в огонь. А те горели, пока не превращались в золу.

От всего транспорта осталась маленькая куча обгоревших костей, которые отбросили в сторону. Но даже у этого маленького остатка костей не было покоя. Их выбросили из ямы. [...] Они должны были стать пеплом [...] в землю брошены. На поверхности этой площадки посадили зелень, чтобы не осталось ни малейшего признака той человеческой жизни.

После совершенного преступления убийцы умыли свои кровавые руки.³⁸ Они тоже [...] загнаны вся команда в яму [...] трагический момент, группу во всем [...] загнали внутрь. И так произошло с ними то же самое, что с другими. Это был конец [...] надежды, с которой [...] адское пламя и был огромный столб дыма. И они бросали их в огонь, пока они полностью не сгорели и не развалились на части. На следующий день остатки еще раз подожгли. От всего транспорта осталась маленькая куча обгоревших костей, которые сложили в стороне от ямы. Позже их выбросили оттуда, разбросали и прикрыли землей, после чего на выровненной поверхности земли посадили деревья. Не должно было остаться ни

малейших следов человеческой жизни. Убийцы умывали свои перепачканные кровью руки.

От сжигаемых человеческих тел воздух во всей округе так пропитался запахом жира, что людям⁴⁰, выходящим из машин, сразу же ударял в нос запах жареного мяса.

Безо всякой паузы падали они [...], без малейшего [...]

[...] к такой мощной борьбе, как в Варшаве, этом цветущем центре мирового еврейства, доверились липовому волшебнику [...]

Как же велик наш позор!⁴¹ [...]

Перевод с немецкого и примечания Павла Поляна

¹ Имеется в виду отдел труда юденрата, осуществлявший регистрацию профессий тех евреев, кого, согласно приказам немецких властей, отправляли на принудительные работы в распоряжение городских или армейских структур, в военные части и полицию, на военные предприятия.

² Р. Пыгель, переведивший в свое время текст с оригинала на польский язык, разобрал эту цифру, но он и сам не был в ней до конца уверен.

³ Немецкая жандармерия (*Gendarmerie*) была частью так называемой полиции правопорядка (*Ordnungspolizei*) и следила за порядком в сельской местности, а также в небольших городках как в самом Рейхе, так и на территориях, оккупированных вермахтом. В условиях войны жандармерские айнзаккомандо подчинялись высшим руководителям СС и полиции (*Höhere SS- und Polizeiführern*, или *HSSPF*). В функции жандармерии входили также поддержание порядка в гетто (по мере необходимости) и охранение так называемых РСХА-эшелонов, осуществлявших депортации евреев из мест их концентрации в места их уничтожения.

⁴ По всей видимости, заместитель коменданта города, отвечавший за все вопросы, связанные с еврейским вопросом. Дополнительными сведениями о нем не располагаем, но можем предположить, что после ликвидации гетто он был переведен в Аушвиц и работал с «зондеркоммандо». Во всяком случае, роттенфюрер СС Штайнмец, 1918 года рождения, начиная с декабря 1942 года был командофюрером на объектах «зондеркоммандо»: сначала — на 2-м бункере, а затем на крематории IV.

⁵ Еврейская полиция (официально — «служба порядка») существовала в каждом гетто. Еврейские полицейские носили повязки на рукаве, а иногда и униформу; вместо оружия имели дубинки.

⁶ Дополнительными сведениями не располагаем.

⁷ Малкиния (или Малкиния Горна) — большое село и железнодорожный узел близ Острува-Мазовецкого, место пересечения железных дорог Варшава — Белосток и Остроленка — Седльце. Здесь находился большой транзитный лагерь для евреев, где формировались или отставались эшелоны для отправки в лагерь смерти — Аушвиц и Майданек, но чаще всего в расположенную неподалеку Трешлину.

⁸ Скорее всего, это деревня Сельгов (*Selgow*) к северо-западу от Макова.

⁹ По всей видимости, постоянные или временные рабочие поселки для занятых на лесо- или торфодобыче.

¹⁰ Так называемые «малины».

¹¹ Еврейский молитвенник, включающий в себя различные синагогальные и домашние молитвы.

¹² Во время войны в Legionowo, небольшом городке к северо-востоку от Варшавы (район Нови Двор Мазовецкий), располагались гетто и еврейский рабочий лагерь, размещавшийся, предположительно, в казармах отделения штаблага 368 (центральный лагерь — в Беньяминово). Лагерь ликвидировали в 1943 г., а его узников вывели в неизвестном направлении.

¹³ В 1941 г. в Пшасныше, городке к северо-западу от Макова-Мазовецкого (во время оккупации — также в бецирке Цихенау), был рабочий лагерь, разместившийся в монастыре ордена Сестер св. Фелиции. В лагере находились поляки, польские евреи, литовцы и украинцы (всего около 100 человек), работавшие на строительстве дорог. В 1943 г. лагерь был ликвидирован, а его заключенных перевезли в Штуттхоф.

¹⁴ Город в бецирке Цихенау. В 1940 г. там был устроен рабочий лагерь, располагавшийся в здании тюрьмы на улице Нарutowича. В нем содержались около 200 заключенных поляков и польских евреев, использовавшихся на общественных работах. При ликвидации лагеря 17 января 1945 г. все евреи были убиты.

¹⁵ В декабре 1940 и марте 1941 гг. несколько тысяч евреев из бецирка Цихенау были переселены в Генерал-губернаторство, в районы Люблина и Радома. В 1941 г. в Цехануве и окрестных городках были созданы гетто. В ноябре 1942 г. началась их ликвидация: жителей отправляли в Треблинку или Аушвиц, нередко с промежуточными остановками в Малкинии или Млаве.

¹⁶ В 1941–1942 гг. в Плонском гетто проживало около 5000 евреев из Плонска и окрестностей. Всего же через гетто прошло около 12 тыс. чел. Его узники работали на заводах и на уборке города. В ноябре 1942 г., одновременно с Маковским, Плонское гетто было ликвидировано, а всех его обитателей отправили в Аушвиц.

¹⁷ Общественный пост, назначаемый по особому случаю.

¹⁸ Первый транспорт с евреями из Цеханувского гетто в Аушвиц был отправлен 7 ноября 1942 г. В нем находились 1500 человек: после селекции 694 из них были оставлены в лагере, в том числе 465 мужчин (с номерами от 73431 до 73995) и 229 женщин (с номерами от 23734 до 23962). Остальные 806 человек — дети, матери с детьми и старики — были отправлены в газовые камеры. (*Czech*, 1989. S. 334). Подобные транспорты с евреями из бецирка Цихенау формировались и отправлялись вплоть до середины декабря 1942 г.

¹⁹ Буквально: «Учение Торы» — еврейская начальная школа, содержащаяся из средств общинного фонда. В Талмуд-Торе изучались еврейская Библия (Танах), некоторые трактаты Талмуда, мидраши и различная раввинистическая литература. В Восточной Европе такие школы предназначались для сирот и бедных детей. Свидетельство об окончании этой школы давало право на поступление в высшую школу — йешиву. Юденраты не могли организовывать и содержать такие школы, поскольку школы в гетто допускались только частные — как начальные, так и профессиональные.

²⁰ Местечко на Украине на железнодорожной линии Львов — Броды.

²¹ Автор пишет здесь о себе в третьем лице. Такой прием издавна существует в еврейских автобиографических повествованиях (им пользуется, например, Иосиф Флавий в «Иудейской войне»).

²² Здесь — еврейская община. Кагала как такового уже не было в это время, но в свое время его деятельность не ограничивалась одними религиозными вопросами. Для даяна, вероятно, кагал оставался метафорой структуры, представительной для всей общины.

²³ Букв.: «Покаяние». Предсмертная покаянная молитва, которую можно читать одному или вместе с другими. Читается в посты, особенно в Йом-Кипур, но некоторые особо религиозные евреи читают ее каждый день и ввели обычай читать «Видуй» перед смертью. Главным в молитве является обращение «Воистину, мы грешили», после чего молящиеся каются в своих грехах.

²⁴ Из дневника ясно, что 18 ноября 1942 г., т.е. в день прибытия еврейского населения из Макова-Мазовецкого в гетто Млавы. Последнее было пустым и разграбленным, а его жители уже депортированы. Для евреев из Макова это был не более чем промежуточный лагерь, в котором формировался транспорт в Аушвиц.

²⁵ Дополнительными сведениями не располагаем.

²⁶ Гаон (иврит) — ученый, мудрец, почтенный. Слово употреблялось как своего рода почетный титул для раввина.

²⁷ Имеется в виду массовое убийство евреев в Белостоке, оккупированном вермахтом 26 июня 1942 г. 27 июня солдаты, схватив во время облавы более 1000 евреев, согнали их в Центральную синагогу и подожгли ее. Спасти удалось лишь нескольким евреям.

²⁸ Слоним был оккупирован 25 июня 1941 г. 17 июля немцы арестовали 1200 мужчин-евреев и расстреляли их на окраине города. В августе 1941 г. нацисты согнали евреев Слонима и близлежащих местечек в Слонимское гетто. Около 9000 чел. было уничтожено 14 ноября 1941 г., еще около 10 000 — между 29 июня и 15 июля 1942 г., когда гитлеровцы окружили гетто и подожгли его. Во время второй акции часть еврейской молодежи оказала героическое сопротивление палачам: около 500 чел. сумели покинуть город и скрыться в лесах, где многие впоследствии присоединились к партизанам. К середине июля 1942 г. в Слониме оставалось лишь около 300 евреев, но и они были уничтожены в декабре 1942 г.

²⁹ Автор имеет в виду грузовую вокзал города Аушвица.

³⁰ Задачей этой группы заключенных была транспортировка остающегося после селекции багажа новоприбывших узников на склады «Канады».

³¹ Людей, которых отобрали на смерть, с рампы грузового вокзала к газовым камерам обычно перевозили грузовиками. Но в отдельных случаях эти перевозки осуществлялись и в автобусах.

³² Транспорт с маковскими евреями из Млавы прибыл в Аушвиц 6 декабря 1942 г. Из мужчин селекцию прошли 406 чел., получившие номера с 80262 до 80667 (*Czech*, 1989. S. 196–107).

³³ Серж Шавиньский (см. *Приложение 2*).

³⁴ Другие команды звучали так: «Внимание! Шапки долой!», «Шапки надеть», «Рабочую команду собрать».

³⁵ В этом месте в рукописи — шесть абсолютно нечитаемых страниц (с порядковыми номерами 100–105, согласно пагинации *АРМАВ*).

³⁶ Молитва, составленная из двух отрывков из «Второзакония» и начинающаяся словами: «Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь — един» (Второзаконие. 6:4). Эта молитва — своего рода «Символ веры» иудаизма. Благочестивый еврей должен читать ее трижды в день, а рабби Акива (сер. II в н.э.) прочел ее перед смертью, после чего возник обычай читать ее в смертный час, как последнее исповедание веры в единого Бога.

³⁷ Начиная с этого места текст в оригинале — на листках формата № 2.

³⁸ В рамках «Акции 1005» по заметанию следов преступлений СС выкапывались и сжигались в огромных ямах трупы удушенных в бункерах жертв. Человеческий пепел при этом сначала накапливался в специальных траншеях возле этих ям, но позднее он был выкопан и оттуда и убран. Сами ямы после того, как ими перестали пользоваться, были очищены и засыпаны, сверху их накрыли пластинами газонов, тут же были посажены деревья.

³⁹ По всей видимости, имеет в виду уничтожение членов первого состава «зондеркоммандо» в Биркенау, состоявшееся в начале декабря 1942 г.

⁴⁰ Начиная с этого места текст в оригинале — на листках формата № 3.

⁴¹ Этими словами заканчиваются поддающиеся хоть какому-то прочтению записи, сделанные на втором, отдельном листе формата № 3, вложенном в записную книжку.

В СОДРОГАНИИ ОТ ЗЛОДЕЙСТВА

Случаи

Когда прибыли транспорты из Бендзина и Сосновца¹, среди них обнаружился пожилой раввин. Тесный круг людей, все они знали, что их ведут на смерть. Раввин зашел в раздевалку, как и в бункер², с танцем и песней. Он удостоился своей смертью освятить Имя Бога³.

Два венгерских еврея⁴ спросили одного еврея из зондеркомmando: «Должны ли мы говорить «Видуй»⁵?» Тот ответил, что да. Тогда они достали бутылку водки, выпили «Лехаим!»⁶ с большой радостью. Затем они стали всеми силами уговаривать того зондеркомандовца, чтобы он выпил с ними. Он почувствовал себя глубоко пристыженным и не хотел пить с ними. Они его не отпускали: «Ты должен отомстить за нашу кровь, ты должен жить, а потому... «Лехаим»?!» и долго ему сочувствовали: «Мы тебя понимаем...» Он выпил. При этом он был столь глубоко тронут, что ужасно расплакался. Он вбежал в большой крематорий и долгие часы плакал там горючими слезами: «Друзья! Достаточно уже сожжено евреев! Давайте мы все восстанем и вместе пойдем на Освящение Имени!»

Была середина лета⁷, привезли 101 человека из венгерской еврейской молодежи на расстрел⁸. Они разделись догола во дворе крематория II. У всех была выбрита посередине головы полоса, от одной стороны к другой. Затем пришел убийца обершарфюрер Мусфельдт⁹ и приказал, чтобы они перешли на крематорий III. Из ворот одного крематория к другому проходит открытое шоссе длиной в 60 метров. Он выставил всю свою команду вдоль шоссе стеречь голых евреев, чтобы не разбежались по дороге. Так их гнали совершенно голыми, как овец, ударяя палками по головам. Погонщиком был сам начальник команды¹⁰ вместе с немцем-капо¹¹. На другом конце их загоняли в маленькую комнатку, били и по одному выталкивали на расстрел.

Доставили группу евреев из лагеря¹², истощенных и иссушенных. Они разделись во дворе и один за другим заходили на расстрел. Они были страшно измучены голодом и требовали, чтобы в тот момент, который им еще оставалось жить, им дали кусочек хлеба. Принесли много хлеба. Их глаза, бывшие тусклыми и выпученными от изнуряющего голода, сверкнули диким огнем от радости изумления, и обими руками они хватили кусочек хлеба и глотали с аппетитом, идя по ступенькам прямо на расстрел. Они были настолько изумлены и удовлетворены хлебом, что сама

смерть для них стала гораздо легче. Вот как немец может замучить людей и контролировать их психику. Стоит особо подчеркнуть то, что все они прибыли в лагерь из дома всего несколько недель назад.

Был где-то конец 1943 года¹³. Привезли 164 поляков из окрестностей, среди них 12 молодых девушек. Все — члены подпольной организации¹⁴. С ними прибыла шеренга эсэсовцев. Одновременно привели для газации несколько сот голландских евреев из лагерей¹⁵. Молодая полячка обратилась ко всем присутствующим, уже голым и в газовом бункере, с короткой, зажигательной речью о гитлеровских убийцах и о притеснении и закончила: «Мы не умираем, мы обречены на бессмертие в истории нашего народа. Наша инициатива и наш дух живет и процветает. Немецкий народ гораздо дороже заплатит за нашу кровь, чем он только себе представляет. Долой варварство и гитлеровскую Германию! Да здравствует Польша!» Затем она повернулась к евреям из зондеркомmando. «Помните! Что ваш святой долг — отомстить за нашу невинную кровь. Расскажите нашим братьям-полякам, что с большой гордостью и глубокой осознанностью мы идем навстречу нашей смерти». Тут поляки, исполненные впечатлений, преклонили колени и воодушевленно произнесли известную молитву. Потом они поднялись и вместе запели хором польский национальный гимн¹⁶. Евреи запели «Хатикву». Жестокий общий жребий сплавил вместе в проклятом уголке лирические тона этих столь разных гимнов. С глубоко трогательной сердечностью они излили свои последние чувства и свою утешительную надежду на будущее их народов. После этого они вместе запели «Интернационал». Посреди пения приехала машина Красного Креста, и внутрь бункера вбросили газ. Они возвысили свои души до экстаза в момент пения, в мечте о братстве и улучшении мира.

Был конец лета 1944 года. Привезли транспорт из Словакии¹⁷. Все они ясно себе представляли, что, несомненно, идут на смерть. Несмотря на это, они держались спокойно. Разделись и вошли в бункер. Входя из раздевалки в газовую камеру, одна голая женщина произнесла с упованием: «А может быть, для нас все же еще свершится чудо?»

Это было в конце лета 1943 года. Доставили транспорт евреев из Тарнува¹⁸. Они спрашивали, куда их ведут. Им сказали, что на смерть. Все уже были раздеты. Чудовищной силы тяжесть овладела всеми. Все погрузились глубоко в свои мысли, в тишину, надломленным голосом говоря «Видуй» о грехах своего прошлого. Все чувства были приглушены, и всех охватила и приковала к себе одна мысль: напряженный самоанализ перед смертью. Посреди этого зашла еще группа евреев из Тарнува. Молодой человек поднялся на скамью и попросил, чтобы все его внимательно выслушали. Неожиданно стало мертвенно тихо. «Братья-евреи! — воззвал он. — Не верьте, что вас ведут на смерть. Невозможно помыслить, что может случиться такое, чтобы тысячи невинных людей вели вдруг на ужасную смерть. Это исключено, на свете не может быть такого жестокого,

дрожь наводящего злодейства. Те, кто сказали вам это, определенно имеют какую-то цель...» — и т.п. до тех пор, пока он их совершенно не успокоил. Сразу же после того, как вбросили газ, этот проповедник морали и глубоко убеждающий человек совести протрезвел от своей наивности. Его аргументы, с которыми от так энергично успокоил своих братьев, остались иллюзией самообмана. Но он поумнел слишком поздно.

Был Пейсах 1944 года¹⁹. Прибыл транспорт из Виттеля²⁰, Франция. Среди них — огромное количество значительных еврейских личностей. Один из них был Боянер-Ребе, р. Мойше Фридман²¹, благословенна память праведника. Один из величайших ученых авторитетов польского еврейства, редкий патриархальный образ. Он разделся вместе со всеми. После этого вошел оберштурмфюрер²². Ребе подошел к нему и сказал ему на немецком языке²³, взяв его за лацканы: «Ваш страшный, подлый мир убийства, не думайте, что вы погубите еврейский народ. Еврейский народ будет вечно жить и никогда не исчезнет с арены мировой истории. Вы же, жестокие убийцы, очень дорого заплатите. За каждого невинного еврея вы заплатите десятью немцами. Вы будете стерты и исчезнете не только как власть, но более того — как самобытный народ. Близок день мести. Забытая кровь будет взыскана. Наша кровь не найдет до тех пор успокоения, пока пламенный гнев не выльется на ваш народ и не истребит вашу звериную кровь». Он говорил с ярой страстностью, с мощной энергией. Затем он надел свой капелюш²⁴ и вскричал в неистовом восторге: «Шма Исроэль!»²⁵ Вместе с ним все присутствующие прокричали: «Шма Исроэль!» И мощное вдохновение глубокой веры пронизало всех. Это был очень духовный момент, которому нет сравнения в человеческой жизни, он утвердил вечную духовную сущность еврейства.

Это был кошойский²⁶ транспорт, примерно конец мая 1944 года. Среди различных евреев обнаружилась пожилая ребецн²⁷ из Страпкува²⁸, еврейка 85 лет. Она произнесла громко и отчетливо: «Прежде всего вижу я конец венгерских евреев. Правительство дало возможность большим частям еврейских общин бежать²⁹. Общины спросили советов у ребе, и те дружно их успокаивали. Белзский ребе сказал, что Венгрия будет томиться пустым страхом. Пока не пришла горькая минута, когда евреи уже не могли себе помочь. Да! Воля небес была от них сокрыта, но в последнюю минуту сами они бежали в Эрец-Иср?эл'³⁰, спасая себя, а народ остался как овцы на убой³¹. Ребб'йнэ шел-б'йлем!»³² В последние минуты перед моей смертью прошу тебя, чтобы они были прощены за великое Осквернение Имени³³!»

Была зима, конец 1943 года. Доставили транспорт одних только детей, вырванных курсирующими машинами из материнских домов, когда отцы были на работе в Шауляе, что в Ковненской Литве. Начальник послал команду в раздевалку, чтобы раздели маленьких детей. Девочка около 8 лет стоит и раздевает годовалого братика. Подходит один из командо,

чтобы его раздеть. Девочка произносит: «Прочь, еврейский убийца! Не смей прикасаться своей рукой, измазанной в еврейской крови, к моему замечательному брагику. Теперь я — его добрая мама. Он умрет на моих руках и вместе со мной». При этом стоит мальчик лет семи-восьми. Он произносит: «Ведь ты же еврей! Как ты можешь заводить в бункер таких чудесных детей на газацию, тебе же еще жить. Неужели банда убийц тебе действительно дороже, чем жизни стольких еврейских жертв?»

Было начало 1943 года. Набился полный бункер евреев. Один еврейский мальчик остался снаружи. К нему подошел унтершарфюрер³⁴ и хотел забить его до смерти палкой. Он его страшно избил, и кровь лилась со всех сторон. Вдруг избитый мальчик, который лежал уже без движения, поднялся и своими детскими глазками спокойно оглядел безмолвствующего страшного убийцу. Унтершарфюрер цинично рассмеялся в голос, вынул револьвер и застрелил его.

Гауптшарфюрер Молль, бывало, выставлял 4 мужчин одновременно, одного за другим в шеренгу, и одним выстрелом простреливал всех. Того же, кто наклонял голову, он живьем заталкивал в пылающую яму с трупами. Того, кто не хотел заходить в бункер, он брал за руку и ее выкручивал, валил на землю и топтал после того ногами. Бывало, он перед каждым транспортом становился на скамейку, скрещивал руки на груди и держал речь, совсем короткую: «Здесь заходят в баню, а здесь выходят после нее и разделяются по рабочим местам». Тех, кто сомневался в правдивости его слов, он жестоко избивал, создавая тем самым среди остальных дикий хаос спешки, в которой терялась ориентация.

Обершарфюрер Форст³⁵ вставал перед многими транспортами у двери раздевалки и трогал каждую проходившую мимо молодую женщину за половые органы, когда они голые заходили в газовый бункер. Бывали также случаи, когда немцы-эсэсовцы любых рангов вставляли пальцы в половые органы молодых красивых девушек.

В конце лета 1942 года прибыл транспорт из Пшемьсля³⁶. У молодежи из полицейских были спрятанные в рукавах ножи. Они хотели броситься с ними на эсэсовцев. Их убедил этого не делать их предводитель, доктор, который надеялся благодаря этому войти в лагерь со своей женой и хлопотал об этом у обершарфюрера, который его обнадежил. Он их успокоил. Они разделись, и его (после того) заставили зайти вместе со всеми в бункер, вместе и со своей женой.

Это был лагерь в Белжеце³⁷, совсем рядом с русской границей, где ужас садизма превзошел Аушвиц.

Например, бывало, ежедневно брали евреев копать узкую, глубокую могилу и стаскивали их вниз — одного человека на могилу. После этого принуждали каждого хефтлинга³⁸ опраться внутрь могилы на голову жертвы. Тот, кто не хотел этого делать, получал 25 ударов палкой. Так на него испражнялись в течение всего дня до тех пор, пока он не задохнется от вони.

Русские пограничники по другую сторону границы³⁹ умоляли евреев использовать каждый возможный момент и перебежать на другую сторону колючей проволоки к русским. Интересно, что того, кто делал так в момент, когда эсэсовцы видели, они не имели права подстрелить, потому что пуля упала бы по ту сторону границы. Тогда немцы СС вставали как можно ближе к колючей проволоке и стреляли вдоль нее в еще торчащую руку или ногу, пока человек лезет. Если же русская стража протестовала, эсэсовцы кричали вдогонку: «Нога... или рука еще на нашей территории!»

Работа тогда состояла в том, чтобы выкопать длинный, глубокий, прямой ров⁴⁰ в качестве линии границы. Позже, когда немцы проникли глубоко в Россию, в лесу выстроили 8 больших барачков, расставили столы и скамейки и загнали туда евреев из Люблинского, Львовского и других воеводств и убили их током⁴¹.

Также был пункт в Вершовицком лесу, рядом с Травниками⁴², недалеко от Пьясков⁴³, где выкопали глубокие могилы посреди леса и после этого пригнали машины, набитые евреями. Они подняли кузова и выбросили из себя евреев прямо внутрь могил, в чём они были, одетыми. Там их расстреляли и засыпали.

В Белжеце тоже погибли многие украинцы. Я убежден, что сейчас это уже достаточно широко известно. Я отмечаю это еще, так как об этом мне рассказали те же люди из нашей «команды», которые видели это своими глазами⁴⁴. Они были еще и в Майданеке⁴⁵, рядом с Люблином, когда они вырезали целую деревню, огородили колючей проволокой и выстроили внутри бараки. Порядок там стал такой, что зимой, в ноябре-декабре 1941 года, построили бараки, каждый день утром нужно было кататься в снегу совершенно голыми вместо того, чтобы мыться. После этого заходили в холодный барак одеваться. Затем шли на работу. 4 человека должны были нести огромный деревянный щит или массивное бревно, при этом они должны были бежать трусцой, и голландский инженер бежал за ними и бил плетью по ногам.

В бараки сгоняли русских военнопленных, которые получали в качестве еды только одну картошку и немного супа, без хлеба, и целые дни тяжело трудились под надзором эсэсовцев. Тех, кто терял силы посередине работы и не работал интенсивно, сбрасывали в большую отхожую яму,

прикрытую сверху досками с многочисленными дырами для справления нужды всего лагеря, — подводили туда и бросали внутрь отхожей ямы. Каждую ночь эсэсовцы входили в тот или иной блок и совершенно иссохших, изможденных русских пленников забивали палками до смерти. Они не оставляли ни единого живого человека в блоке. Все были настолько ослаблены, что не оказывали никакого сопротивления. Утром входила группа из 100 евреев, которые утаскивали мертвых и их хоронили. Как только блок становился пустым, быстро доставляли свежих пленных.

Если кто-либо провинился, его подвешивали за ноги вниз головой. Бывали случаи, когда люди висели до 8 часов, пока не умирали. На каждой переключке, когда люди вставали плотно один за другим, в шеренгу стреляли из автомата.

3000 нагих⁴⁶

Начало 1944 года. Было облачно, снежно, дул холодный ветер, земля смерзлась. Прибыла первая машина к крематорию III, плотно загруженная голыми женщинами и девушками. Они не стоят в машине тесно рядом друг с другом, как всегда, нет, они в большинстве своем не могут стоять на ногах, они измождены, они лежат неподвижно, одни на телах других, совершенно обессиленные, они кричат и стонут. Машина останавливается, поднимает кузов и сбрасывает человеческую массу так, как сгружают массу жвира⁴⁷ на шоссе. Те люди, которые лежат спереди, падают вниз на твердую землю, их головы и тела при падении разбиваются до такой степени, что они теряют всякую способность двигаться. На них падают сверху остальные, и они еще и задыхаются и придавливаются от огромной тяжести, напирющей на них. Слышатся [...] стоны. Те, кто еще [...] без того, чтобы выкатиться из выброшенной кучи. Становятся на ноги [...], начинают карабкаться [...]

Земля, они дрожат, их ужасно трясет от холода. Медленно они доползают до бункера, который носит название «раздевалки»⁴⁸ и к которому ведут ступеньки вниз как для того, чтобы войти в подвал. Остальным помогли спуститься члены команды⁴⁹, быстро избежавшие поднимать жертвы в их беспомощной слабости, и осторожно вытаскивают раздавленных, едва дышащих, из этой кучи наружу. Их быстро вводят. Многие уже не могут переставлять ноги, их берут на руки и вносят. Они уже давно в лагере, им уже известно, что здесь в бункере — последний этап на пути к смерти.

Все же они очень благодарны, со взглядами, полными мольбы о жалости, они качают головами, выражая свою благодарность, показывая руками, что им тяжело говорить. Они очень дрожат, они замечают слезу сострадания, подавленность [...] на лице того, кто ведет их вниз. Их трясет от холода, все же [...] уже введенным позволяют посидеть и вводят остальных. Внизу — [...] холодная комната. Знобит и трясет от холода. Вносят угольную печурку, но только немногие из них придвигаются так близко,

чтобы чувствовать тепло, исходящее от печурки. Остальные сидят в полном отчаянии, опечаленные, с головой ушедшие в горе. Холод пробирает до костей, но они уже настолько ушли в себя и озлоблены на жизнь, что думают с отвращением о любом телесном наслаждении. Они молча сидят далеко в стороне.

Одна ведет сама с собой разговор, другие лежат, ослабев [...] Молодая девушка [...] прибыла из Бендзина в конце лета. Она осталась одна из большой семьи. Все время она тяжело работала, плохо питалась, мерзла, но все же она была здорова и хорошо держалась, надеялась выжить.

Восемь дней назад в определенный день не выпустили на работу всех еврейских детей. Приказали: «Евреи, шаг вперед!» Тогда выбрали целый блок еврейских девушек без исключения [...] никто не задумывался, выглядишь ли ты хорошо или плохо, больна ты или здорова [...] и отставили в сторону. После этого их повели к блоку 25⁵⁰. Там им приказали раздеться догола для осмотра, здоровы ли они. После раздевания всех загнали голыми в три блока, по 1000 человек в блок, сжатыми вместе, и тогда заперли их на трое суток, не принося ни капли воды и ни кусочка хлеба. Три страшных голодных дня. На третью ночь им выдали на 16 человек 1 кусок хлеба весом 1,4 килограмм. «Если бы нас в этот момент застрелили, убили газом, все стало бы хорошо. Многие совершенно разомлели, многие — наполовину разомлевшие, все лежали, прижатые друг к другу, на спальных нарах, изможденные до неспособности пошевелиться. Смерть была бы нам безразлична, если бы нас на четвертый день вывели из блока. Изможденных увели в лазарет, остальным опять дали нормальную лагерную еду и держали на положении отдыха, пока они не встанут [...] взяли [...] чтобы жить.

На восьмой день, то есть пятью днями позже, нам опять приказали раздеться догола, затем заперли блок, нашу одежду сразу же убрали, после долгих часов голыми на холоде, на улице, нас погрузили на машину и здесь выбросили на землю. Это — самый мрачный конец нашей последней ложной иллюзии. Как же мы были прокляты в утробах наших матерей, когда нашей жизни выпал такой суровый конец».

Последние слова она уже не закончила, ее голос был заглушен льющимися слезами. [...] Вырвалась молодая женщина.

Они всматривались в наши лица, чтобы рассмотреть, есть ли сострадание к ним. Один⁵¹ из зондеркоммандо встал в стороне и наблюдал за глубокой пропастью одиночества этих беззащитных, истерзанных душ. Он не мог контролировать себя и расплакался.

Одна молодая девушка отзывается: «Ах! До чего я дожила перед своей смертью! Слова сочувствия, забытая слеза о нашем страшном жребии здесь, в лагере убийства, где мучают, бьют, терзают и убивают, смотришь на безграничные злодейства и несправедливости и становишься отупевшим и оцепеневшим к большим бедам, вымирает любое человеческое чувство, падает брат или сестра на твоих глазах, а ты не провожаешь его даже вздохом... Найдется ли еще человек, которого тронет наша горькая судь-

ба, который выразит сочувствие слезами, а? Какое чудесное явление! Что-то противоестественное⁵²! Скоро же сопроводит мою смерть стон, слеза живого еврея. Есть еще тот, кто будет оплакивать нас, а я думала, что мы исчезнем с лица земли как беспризорные сироты. Я нахожусь в молодом человеке некоторое утешение. Среди одних бандитов и жестоких людей я перед смертью разглядела человека, который чувствует».

Она отвернулась в сторону, прислонила голову к стене и тихо, но глубоко трогательно расплакалась. Ее сердце согрелось. Вокруг стояло и сидело еще много девушек с опущенными головами, очень озлобленные, молча, они смотрели с глубоким отвращением на подлый мир и особенно на нас. Одна говорит: «Я ведь еще так молода, я ведь еще ничего не узнала в жизни, почему мне приходит такая смерть? Почему?» Она говорила очень долго надломленным, отсутствующим голосом. Сильно застонала и продолжила: «Так бы хотелось еще жить». Она закончила свои слова с ностальгической мечтательностью и подняла глаза в пустоту, пронзив воздух дико сверкнувшим страхом смерти [...].

С саркастической улыбкой присела ее подруга и задумалась. Она сказала: «Наконец, наконец, пришел счастливый час, о котором я так много мечтала, сердце переполнено болью и страданиями, поглощающими в мире грабежа и жестокости, нижней подлости и мерзкой развращенности, безграничного злодейства, жизнь становится такой тесной, такой тяжелой, такой невыносимой, что я рассматривала смерть как избавителя, как освобождение; тяжелый пожирающий кошмар, задавливающий меня, исчезнет навсегда. Мои измученные мысли найдут покой, вечный отдых, как любовь сладка смерть, которая спустя столько беспокойных ночей стала долгожданной». Она говорила вдохновенно и с пафосом и чувством собственного достоинства. «Я сожалею только, что я сижу так... одиноко, но чтобы смерть была слаще, нужно также пройти и через позор».

В стороне лежит молодая девушка, изможденная, и стонет⁵³ тихо: «Um...ie...gam, um...ie...gam...»⁵⁴ Ее глаза сверкают каждый раз, когда [...]

Мать сидит вместе с дочерью, обе говорят [...] по-польски... Она сидит неподвижно, говорит так, что ее едва слышно от слабости. Голову дочери она прижимает к себе, крепко придерживает ее. «В один час мы обе гибнем, какая трагедия! Ты, дорогая [...] ты, моя последняя надежда! [...] И ты угаснешь? [...]» оставаться сидеть [...] задумавшись в [...] с отсутствующим взглядом! Широко разорванные, которые были заброшены [...] вокруг себя [...] еще долгую минуту, потом пришла в себя и заговорила дальше: «Мое горе о тебе так велико, что я обмираю от одной мысли». Она опустила свои заломленные руки, и голова дочери упала на ее колени. Молодая девушка вздрогнула и отчаянно вскрикнула: «Мама!» Она уже больше не могла говорить. Это были последние ее слова.

Отдали приказ вывести всех на дорогу к крематорию [...] Я быстро исчезаю, дальнейшему ходу событий я уже не был свидетелем, потому что

я принципиально никогда не присутствовал при прогоне евреев на смерть: могло случиться, что эсэсовцы принуждением использовать [...] своих убийственных целей к крематорию.

Долгие часы ехали машины, которые вышвыривали из себя людскую массу, переворачивая их на землю. Когда их окончательно собрали, всех загнали в газовый бункер. Громкие крики отчаяния и горькие рыдания были необыкновенными, страшное замешательство от [...] выражение в чудовищной, горькой [...] боли, всевозможные сдавленные голоса наслаивались друг на друга и прорывались из-под земли так долго, до тех пор, пока не приехала гуманитарная машина⁵⁵ Красного Креста и не положила конец их боли и горю...⁵⁶ Вбросили 4 коробки газа через маленькие дверцы наверху, которые прочно, герметично закрыли.

Скоро стало спокойно. В таинственной тишине они испустили дух.

600 мальчиков⁵⁷

Ярким осенним днем привели 600 еврейских мальчиков возраста от 12 до 18 лет, одетых в полосатую⁵⁸ лагерную одежду, очень легкую и изорванную в клочья. Ботинки или деревянные клотпы⁵⁹. Дети выглядели такими красивыми, такими светлыми, так хорошо сложенными, что они светились сквозь лохмотья. Была вторая половина октября 1944 года. Их вели 25 до зубов вооруженных эсэсовцев. Они поднялись во двор, и начальник коммандо отдал приказ: раздеться во дворе. Дети разглядели дым из труб и быстро сориентировались, что их ведут на смерть. Дико перепугавшись, они начали бегать кругом по двору, туда-сюда, вырывая на себе волосы, не зная, как спастись. Многие разразились страшными рыданиями, поднялся чудовищный стон.

Начальник коммандо со своим помощником сильно избивали растерявшихся детей, чтобы они раздевались. У него даже сломалась палка во время удара, он достал вторую и продолжил прорубаться в головы. Сила своего добилась: дети разделись из-за инстинктивного страха смерти. Голышом и босиком, они прижались один к другому, чтобы защититься от ударов и еще не сошли вниз⁶⁰. Бритый мальчик подошел [...] нам, рядом [...] начальником коммандо, чтобы он позволил ему жить. Какую бы работу ему ни предложили, он готов выполнять — пусть самую тяжелую. Ответом стала пара ударов по голове тяжелой палкой. Многие мальчики стремительно подбежали к евреям из зондеркоммандо, упали им на шею, умоляя: «Спасите меня!» Другие разбежались по большому двору, как бы убегая от смерти. Начальник коммандо призвал на помощь унтершарфюрера с его резиновой дубинкой.

Молодые, чистые детские голоса время от времени усиливались до горьких, тяжких стенаний. Громкие рыдания разносились очень далеко; мы были совершенно оглушены и подавлены этим отчаянным рыданием. С довольной улыбкой, без тени сострадания стояли эсэсовцы и с гордой

радостью победы с помощью жестоких ударов загоняли их в бункер. На ступеньках стоял унтершарфюрер в [...] стояли, они не бежали по приказу на смерть, добавляя каждому страшный удар резиновой дубинкой. Отдельные мальчики, несмотря на всё это, еще бегали, смешавшись, туда-сюда, ища спасения. Эсэсовцы преследовали их, догоняли и пороли до тех пор, пока те не покорились положению, и, наконец, загоняли их внутрь.

Их, эсэсовцев, радость была неопишуемой.
 Неужели у них никогда не было детей?

<Транспорты>⁶¹

9/10 ⁶²	2,000	М[ужчины]	Лагерь немц.	Кр[ематорий]	1.	
9/10	2,000	Сем[ьи]	Терезин	Кр[ематорий]	1.	
9/10	2,000	Же[нщины]	Лагерь Це ⁶³	Кр[ематорий]	4	7/10
10/10	8,00	Дети	Цыгане	Кр[ематорий]	4	4,60
11/10	2,000	Сем[ьи]	Словак[ия] ⁶⁴	"	2.	М[ужчины из]
12/10	3,000	Же[нщины]	Лагерь Це ⁶⁵	"	1.	
13/10	3,000	Же[нщины]	Лагерь Це	"	2.	
13/10	2,000	Сем[ьи]	Терезин	"	1	
14/10	3,000	Терезин	Сем[ьи]	"	2	
15/10	3,000	Же[нщины]	Лагерь Це	"	1	
16/10	8,00.	м[ужчины]	Лагерь немц. ⁶⁶	"	2	
16/10	6,00	м[ужчины]	Лагерь больных	"	2	
17/10	2,000	м[ужчины]	Бунау ⁶⁷	"	.1	
18/ "	3,000	Сем[ьи]	Словак[ия]	"	.1	
18/ "	2,000	Сем[ьи]	Терезин.	"	2.	
18/10	300	Сем[ьи]	Различ[ные] ⁶⁸	"	2	
18/10	22	м[ужчины]	Бункер ⁶⁹	"	2	
18/10	13	п[олитические] ж[енщины]	Тюрьм[а]	"	2	«зондер [командо]»
		м[ужчины]				
		п[олитические]				
19/10	2,000.	Сем[ьи]	Словак[ия]	"	1	
19/10	2,000	Сем[ьи]	Терезин	"	2	
20/10	2,500	Сем[ьи]	Терезин	"	1	
20/10	1,000	м[ужчины]	Деревня (Ди[херрнфурт]) ⁷⁰	"	2	Растеррины
20/10	200.	Же[нщины]	Лагерь Це.	Кр[ематорий]	2.	
20/10	1,000	Сем[ьи]	Лагерь [—]	Кр[ематорий]	1	
21/10	1,000	Же[нщины]	Лагерь Це ⁷¹	"	4	
23/10	4,00	м[ужчины]	Гливиц ⁷²	"	2	
24/ "	2,000	Сем[ьи]	Терезин ⁷³	"	1	

Заметки

14-го октября 1944 года приступили к демонтажу стен крематория IV. Работники из зондеркоммандо.

20-го октября привезли для сожжения 2 небольшие таксувки⁷⁴ и одну тюремную машину с документами хефтлингов, картотеками, освещающими смерть, обвинительными актами и т.п.

Сегодня, 25-го ноября, начали демонтировать крематорий II. После этого на очереди крематорий III. Интересно, что сначала вынимаются вентиля-

ционный мотор и трубы и отсылаются в лагеря: первый в Маутхаузен⁷⁵, второй — в Гросс-Розен⁷⁶, т.к. это еще пригодится для отравления газом в больших масштабах, ведь в крематориях IV–V, в основном, такого механизма не было, это наводит на подозрение, что в этих лагерях будет отдано распоряжение об организации таких же пунктов уничтожения евреев.

Я прошу, чтобы собрали все мои различные по времени, спрятанные описания и заметки с подписью «Й. А. Р. А.»⁷⁷. Они находятся в различных коробочках и слоях на дворе крематория III, как и два больших описания: одно под названием «Депортация». Оно лежит в захоронении костей у крематория II, как и еще одно описание под названием «Аушвиц». Оно лежит среди перемолотых костей в юго-восточной стороне того же двора. После этого я переписал его, дополнил и закопал отдельно среди пепла у крематория III — упорядочили это и опубликовали всё вместе под названием:

«В СОДРОГАНИИ ОТ ЗЛОДЕЙСТВА»

Сейчас мы идем в Сауну, 170 оставшихся человек⁷⁸. Мы уверены, что нас ведут на смерть. Они отобрали 30⁷⁹ человек для того, чтобы остаться в крематории V.

Сегодня 26 ноября 1944 года⁸⁰.

*Перевод с идиша Дины Терлецкой
Примечания — Павла Поляна и Дины Терлецкой*

¹ Окончательная ликвидация гетто в Бендзине и Сосновце (а также в Домброве-Горнице) состоялась 1–3 августа 1943 г., причем евреи оказали серьезное вооруженное сопротивление. При его подавлении погибло около 400 евреев. В акциях по подавлению сопротивления участвовали и эсэсовцы из Аушвица, премированные за это дополнительным выходным днем (см.: *Szternfinkiel*, 1946. P. 59). Всего из Сосновца в Аушвиц прибыло 8 транспортов — 1, 3 (трижды!), 5, 6, 10 и 12 августа. С ними прибыло около 21 тысячи человек, из них селекцию прошел менее чем каждый пятый: 4044 человека, из них 1892 мужчины и 2152 женщины. Транспорт из Бендзина был один — 2 августа: из примерно 2 тысяч евреев селекцию прошли 385 человек, из них 276 мужчин и 109 женщин.

² Имеется в виду т.н. «Белый домик», или бункер-1, — газовая камера, устроенная в деревенском доме. Собственно газовые камеры и крематории к этому времени еще не были построены.

³ Традиционная позитивная заповедь «освящать Божественное Имя» основана на библейском стихе, где Бог обращается к народу Израйля с повелением: «И не бесчестите святого имени Моего, дабы Я был святым среди сынов Израилевых, Я, Господь, освящающий вас» (Лев. 22:32). С точки зрения одного из классических комментаторов Библии РАШИ (акроним «Рабеину — учитель наш — Шломо Ицхаки», 1040–1105, Труа, Франция), это указание расширительно толкуется следующим образом: еврей должен быть готов отдать свою жизнь, но не осквернить имени Творца, и когда он так поступает, освящается имя Бога в мире. Из этого выводится категоричная заповедь освящать Божественное Имя как обязанность жертвовать всем, включая собственную жизнь, во славу Божию. Особенно ярко проявляется в ситуации выбора между

жизнью через отказ (даже фиктивный) от веры в Его существование и единственность — и мученической смертью.

⁴ Массовая депортация венгерских евреев в Аушвиц началась в мае 1944 г. Первые транспорты с ними прибыли на новую рампу в Биркенау 16 мая, а последние — 11 июля 1944 г. В тот же день, 11 июля, были ликвидированы и последние 4000 евреев из Терезина.

⁵ Дословно: «исповедание» (*иврит*), покаянная (здесь — предсмертная) молитва, содержащая «унифицированный» список всевозможных грехов, при произнесении каждого из которых человек ударяет себя в грудь. Грехи перечислены в порядке и количестве букв алфавита, что дополнительно символизирует грех нарушения всех возможных заповедей Торы, от «А» до «Я».

⁶ Дословно «За жизнь!» (*иврит*) — традиционный еврейский тост.

⁷ Лета 1944 г.

⁸ По всей видимости, это была особая группа, состоявшая из участников Сопrotивления. В противном случае их бы не казнили, а пропустили через селекцию на рампе, которую большинство юношей благополучно бы прошли.

⁹ См. Приложение 3.

¹⁰ См. Приложение 3.

¹¹ Карл Конвоент, капо бригады, прибывшей в Биркенау из Майданека, немец по национальности.

¹² То есть тех, кто не прошел внутреннюю селекцию уже в самом концлагере Аушвиц.

¹³ Предположительно 18 или 19 ноября.

¹⁴ В октябре-ноябре 1943 г. произошли аресты в очагах польского движения сопротивления в Кракове, Катовице и в районе Аушвица.

¹⁵ 17 ноября 1943 г. в Аушвиц прибыли 2 транспорта с евреями из Голландии. Первый — 1150 человек из лагеря Херцогенбуш и второй — 995 человек из лагеря Вестерборк. Из них 553 человека селекцию не прошли и были удушены газом.

¹⁶ «Mazurek Dąbrowskie go» («Мазурка Домбровского» или «Марш Домбровского»), написанная предположительно Юзефом Выбицким (Jozef Wybicki) в 1797 г., стала государственным гимном Польши в 1926 г.: «Ещё Польша не погибла, // Если мы живы. // Всё, что отнято вражьей силой, // Саблею вернем!» и т.д.

¹⁷ Новые еврейские транспорты из Словакии, в частности, из Кошице, стали вновь поступать в Аушвиц не в конце лета, а в октябре 1944 г., после подавления восстания в Словакии.

¹⁸ После ликвидации гетто в Тарнуве 2–4 сентября 1943 г., сопровождавшегося сопротивлением жертв, большинство евреев были депортированы в Аушвиц.

¹⁹ В 1944 г. Пейсах пришлось на промежуток с 8 по 15 апреля 1944 г.

²⁰ Привилегированный лагерь для евреев, имевших заграничные паспорта нейтральных стран (в частности стран Южной Америки и др.). С мая 1943 по апрель 1944 г. там находился поэт Ицхак Касенельсон, депортированный в Аушвиц в апреле 1944 г.

²¹ Реб Мойше (Мошеню) Фридман (1881–1943), раввин из Кракова, представитель знаменитой хасидской династии Боянеров из Черновиц.

²² Предположительно, обершарфюрер СС Э. Мусфельдт.

²³ Фраза начинается по-немецки (первое предложение, в идишной транскрипции), после чего текст возвращается на идиш.

²⁴ Традиционная хасидская шляпа, ее простой, «будничныи» вариант — из твердого фетра, без заломов тульи и изгибов полей.

²⁵ Важнейшая еврейская молитва; по сути, символ веры иудаизма. Состоит из трех библейских стихов: Втор. 6:4–9, 11:13–29 и Чис. 15:37–41 и читается ежедневно утром и вечером, а также и в случае смертельной опасности и перед смертью.

²⁶ От Кошау (*идиш* «Кошой») — немецкое название восточнословацкого города Кошице (по-венгерски Косо, Касса).

²⁷ Жена ребе.

²⁸ Страпкув — местечко в Восточной Словакии, откуда был депортирован 1081 еврей, в основном в Аушвиц. По сведениям Б. Марка, страпкувская ребецн ведет свой род, вероятно, от известной династии раввинов и ребе Халберштам.

²⁹ Сведений о попытках венгерского правительства до периода немецкой оккупации, т.е. до 19 апреля 1944 г., спасти евреев, нет. Части евреев удалось бежать через Турцию в Палестину и Румынию.

³⁰ «Страна Израиля» (*иврит*) — словосочетание библейского происхождения, традиционно в еврейской культуре обозначающее Палестину.

³¹ По-видимому, имеется в виду лидер венгерской еврейской общины доктор Рудольф Кастнер, руководитель еврейских штабланов, или «ходатаев» (*иврит*), представлявших общину в целом перед нееврейскими властями.

³² Реббейн шел-бйлем (*иврит*) — «Властелин мира», традиционная молитвенная формула обращения к Богу.

³³ Категория иудаизма, противоположная упомянутому «Освящению Имени». Строжайший запрет на осквернение Божественного имени основан на его прямом упоминании в Библии (Лев. 21:6).

³⁴ На крематориях работало несколько унтершарфюреров (В. Эмерих, Й. Горгес, Р. Эрлер, Ф. Фризе, Й. Пурке и др.).

³⁵ Скорее всего, правильно — обершарфюрер СС Питер Фосс (Фост у Градовского), начальник крематория в Аушвице-Биркенау до мая 1944 г.

³⁶ Первая массовая депортация евреев Пшемысля произошла 27-го июля — 3-го августа 1942 г. Из 12 500 депортированных часть была привезена в Аушвиц. Возможно, автор ошибается в дате, так как пшемысльский транспорт прибыл только в сентябре 1943 г.

³⁷ Польш. *Bełżec* (Люблинское воеводство). В 1941–1940 гг. — трудовой лагерь, с марта 1942 г. до марта 1943 г. — лагерь уничтожения. Убито около 600 тыс. чел., главным образом евреев.

³⁸ Идишская транскрипция немецкого слова *Häftling* — узник.

³⁹ Речь идет о ситуации между 17 сентября 1939 г. и 22 июня 1941 г.

⁴⁰ Часть будущей системы противотанковой обороны.

⁴¹ Так думали в то время. Сейчас достоверно известно, что способом массового умерщвления в Белжеце была газация — удушение выхлопными газами мощного авиационного двигателя.

⁴² Травники (Люблинское воеводство) — трудовой лагерь, филиал концлагеря Майданек. С конца июня 1941 г. под управлением СС.

⁴³ Пьяски (Пьяски Лютерски, или Пьяски Великие) — город в Малопольше, Люблинское воеводство, повет (средняя административно-территориальная единица в Польше) Свиднице. Во время войны в местное гетто свозили евреев из Люблина и Германии (в частности из Бамберга в Баварии). Все они были уничтожены в Белжеце.

⁴⁴ Имеются в виду члены «зондеркоммандо» — советские военнопленные.

⁴⁵ Майданек — концентрационный лагерь и лагерь уничтожения, функционировал с октября 1941 г. по июль 1944 г. Из приблизительно 300 тыс. чел., уничтоженных в Майданеке, на евреев пришлось не менее 2/3. Изначально Майданек создавался в июле 1941 г. как рабочий лагерь СС для военнопленных (то же самое было и в Аушвице).

⁴⁶ Находилось в составе рукописи З. Левенталя. 1–15 января в женском лагере в Биркенау погибли 2661 узниц, из них 700 после селекции в газовых камерах. По всей видимости, это были узницы, заболевшие тифом. Женский лагерь был закрыт на карантин еще в ноябре 1943 г. и наглухо изолирован, что существенно затруднило связь с лагерем Сопротивления. Для восстановления связи был придуман и проведен семинар медицинских работников в Аушвице-1 (*Czech*, 1989. S. 707. Со ссылкой на: *APMAB*. Mat. RO. Bd.7. B1.486).

⁴⁷ Жвир (*польск.*) — крупный песок, песчанник. Написано на идише, в транскрипции.

- ⁴⁸ Крематории II и III имели «раздевалки» — подземные помещения, где жертвы раздевались, прежде чем войти в газовые камеры.
- ⁴⁹ Имеется в виду «зондеркомmando».
- ⁵⁰ Лазарет. Фактически барак для доходяг, или так называемый «Блок смерти», в женском лагере Биркенау (в зоне BIa). Оттуда узников — после еще одной селекции — отправляли в газовые камеры.
- ⁵¹ Ср. тот же мотив у З. Градовского.
- ⁵² Последние четыре слова приведены в искажении по-немецки: «Was a wunderliche Erscheinung! Etwas unnatürliches?» В идишской транскрипции. Образующая при этом попытка «высокого штиля» придает фразе особый сарказм.
- ⁵³ В тексте — польское слово «йеньчет» («стонет»), транскрибированное на идиш.
- ⁵⁴ «Умираю, умираю» (*польск.*). Единственный случай, когда Л. Лангфус прибегает к латинице (не считая списка эшелонов, целиком составленного по-польски — см. ниже).
- ⁵⁵ Обычно серьезный и патетичный, Лангфус здесь позволил себе иронию.
- ⁵⁶ В газовые камеры на крематориях II и III газ «Циклон Б» вбрасывался через дверцы в потолок, а на крематориях IV и V — через окошки в боковой стене.
- ⁵⁷ Находилась в составе рукописи З. Левенталя.
- ⁵⁸ В оригинале: «пасекртиге», т.е. полосатый. Первая часть слова — идишская («пасек», полоска), вторая — немецкая (образование прилагательного «-образный»).
- ⁵⁹ Имеется в виду деревянная, колодкообразная обувь узников, служившая дешевой заменой кожаной обуви; на идише «*klompes*» (ср. *нидерл.* klomp, *лит.* klumpes, *англ.* clog и т.п.).
- ⁶⁰ Во внутренние помещения раздевалки и газовой камеры на крематории II.
- ⁶¹ Находилась в составе рукописи З. Левенталя.
- ⁶² Таблица транспортов с узниками, сожженными в крематориях Биркенау между 9-м и 24-м октября 1944 года. Таблица, в отличие от остального текста, написана по-польски. Непронумерованная последняя строка приписана автором вертикально справа сбоку. Упоминаемые в таблице крематории 1, 2 и 4 у нас имеют нумерацию II, III и V.
- ⁶³ Женский лагерь, или зона ВПс, называемая сокращенно «Лагерь С». Лагерь насчитывал 32 блока.
- ⁶⁴ К транспорту были добавлены 123 женщины из «коммандо» Альтенберга, привезенные из Бухенвальда, и 132 женщины из Венгрии из лагеря-филиала Хасаг, Лейпциг (*Hasag, Leipzig*).
- ⁶⁵ В 131 еврейские женщины из транзитного лагеря и 2836 — из лагеря ВПс.
- ⁶⁶ 805 немецких евреев, которых в тот же день привезли из Берлина. Из них было зарегистрировано только 5 узников (*Czech, 1989. S. 908*).
- ⁶⁷ В тексте дано написание с ошибкой (*Bunau*). «Буна» — чешское фабричное учреждение от немецкой фирмы «Й.Г. Фарбен-Индустрия» в Моновице, несколькими километрами восточнее от Аушвица. Производили синтетический бензин и искусственную резину, т.н. «Буна». Лагерь назывался «Буна» или «Моновиц», а также «Буна-Моновиц». Это был самый большой вспомогательный лагерь т.н. системы «Аушвиц III». В августе 1944 г. количество узников в нем достигло ок. 10,000, на 95% евреи из различных стран Европы. Лагерная администрация СС симптоматично проводила (досл. «фасылала», «посылала сквозь») селекции в то время, когда неспособные к интенсивной работе отправлялись в газовые камеры.
- ⁶⁸ В упомянутый день из Будапешта прибыл в лагерь 431 еврей; из них 18 мужчин и 113 женщин остались в лагере.
- ⁶⁹ Это были политические арестанты из лагерной тюрьмы, т.н. «бункера», в блоке № 11 в Аушвице.
- ⁷⁰ Дети из Дихеррнфурта (*Dyhermnfurth*) рядом с лагерем, который перешел в подчинение концентрационному лагерю Гросс-Розен.
- ⁷¹ Из лагерного госпиталя — 117 и 77 — из транзитного лагеря (*Durchgangslager*).

⁷² В Глейвице (Силезия) находился один из 39 лагерей-филиалов Аушвица.

⁷³ 24 октября 1944 г. из гетто в Терезине прибыл транспорт с 1715 евреями. После селекции 215 женщин и несколько сотен мужчин были отправлены в лагерь, а оставшиеся — в газовую камеру.

⁷⁴ От польск. *«taksowika»* — машина такси. Заимствованное польское слово, написано еврейскими буквами, с идишским окончанием для славянских слов.

⁷⁵ Маутхаузен (Австрия, близ Линца) — в 1938–1945 гг. нацистский концентрационный лагерь.

⁷⁶ Гросс-Розен, сейчас Рогожница (Польша) — в 1940–1945 гг. нацистский концентрационный лагерь.

⁷⁷ См. в статье «Раввин в аду».

⁷⁸ На самом деле этой селекции и ликвидации подверглось не 170, а 100 человек.

⁷⁹ 30 узникам из «зондеркоммандо», отобранным для обслуживания крематория V, удалось выйти из лагеря 18 января 1945 г. с первым транспортом узников, который немцы эвакуировали из Биркенау.

⁸⁰ Последняя запись. Очевидно, Лейб Лангфус попал в число тех 100 членов «зондеркоммандо», которых в этот же или на следующий день и ликвидировали.

**ЗАЛМАН
ЛЕВЕНТАЛЬ**

СВИДЕТЕЛЬ, ХРОНИСТ, ОБВИНИТЕЛЬ!

1

Залман Левенталь родился в 1918 году в Цехануве, городе в Варшавском воеводстве. В семье было семеро детей, он был четвертым. О себе он пишет: *«Я сам из строго религиозного дома...»* Так что не удивительно, что и учиться его отдали хотя и в Варшаву, но не в университет, а в йешиву. Там его и застало 1 сентября 1939 года, и он сразу же поспешил вернуться в Цеханув.

В семье говорили на центральном (польском) диалекте идиша. Но религиозный характер полученного образования сказался, как отмечает А. Полонская, в знании Левенталем иврита и правильном написании гebraизмов и арамейских выражений¹.

В то же время в Варшаве Левенталь тратил на йешиву явно не все свое время. Светские вопросы еврейской жизни, в частности рабочее движение, интересовали его, судя по всему, не меньше. В этом отношении его выдает сама лексика, что встречается на его страницах: «масса» (в смысле народная масса), «класс», «слой», «политическая зрелость», «психология», «сознание», «подсознание», «темперамент», «интеллигентность», «элементы», «профессиональные элементы», «психология» и др. По наблюдению переводчицы, отчасти тут сказалось и влияние немецкого языка, который он, похоже, очень хорошо знал: оно проявилось не только в лексике, почерпнутой, скорее всего, именно из немецкой литературы, но и даже в орфографии и строе предложений.

...Между тем 8 октября 1939 года родной город был переименован из Цеханува в Цихенау, а вся округа — под именем «Бецирк (район) Цихенау» — была присоединена к Рейху, к Восточной Пруссии². В 1940 году город перешел из сферы военного управления в гражданское. Его комендантом стал Рот, организовавший еврейское гетто в центре города.

Впрочем, из перспективы Генерал-губернаторства как части бывшей Польши, не включенной в Рейх, эта «неогерманская» территория ложно казалась похожей на рай. Вот что писал об этом в начале июня 1941 года Эммануэль Рингельблюм, историк польского еврейства, архивариус и хронист Варшавского гетто: *«Продолжается исход из Варшавы. Люди уезжают на машинах и телегах. Некоторые из них отправляются в Рейх, в Цеханув, например, где жить хорошо и даже можно скопить кое-*

что из заработанных в день трех марок. В гетто они получают документы о том, что освобождены от принудительного труда, и затем едут на свои новые места жительства в Рейхе»³.

Разве не рай?..

Но после нападения Германии на СССР отношение к евреям радикализировалось и в этом «раю»: начались первые депортации⁴.

Пожалуй, главной «привилегией» евреев бецирка Цихенау⁵ было то, что систематические «акции», то есть мероприятия по их тотальному уничтожению, начались «только» поздней осенью 1942 года — одновременно с «Бецирком Белосток», откуда депортировали, например, Градовского, но ощутимо позже, нежели в других частях бывшей Польши.

1 ноября 1942 года был издан приказ о том, что назавтра все цеханувские евреи должны покинуть свой город. Правда, по ходатайству немцев, у которых работали «нужные» евреи, власти добавили еще пять дней для того, чтобы предприниматели могли найти замену на их освобождающиеся рабочие места.

Второй отсрочки уже не было, и 6 ноября депортация евреев из Цеханува началась — с первой партией из города выслали 1800 евреев. Второй и последний эшелон с евреями покинул город 7 ноября. В нем был и Залман Левенталь.

Одним из мест транзитной концентрации евреев из бецирка Цихенау являлось гетто города Млава к востоку от Цихенау. Четыре тысячи млавских евреев были депортированы еще за два года до описываемых событий — в декабре 1940 года⁶. После этого их разоренное гетто служило целям холокостного транзита, в том числе и из Цеханува: но в конце ноября млавское гетто было занято евреями из Макова-Мазовецкого, среди которых был и Лейб Лангфус. Поэтому Левенталь и последний эшелон из Цеханува оказались в другом месте — в большом пересыльном лагере-крепости, что в городке Малкиния-Гурна к востоку от Млавы.

И уже из Малкинии, спустя несколько недель, их эшелоны проследовали, но не на восток, в Треблинку⁷, а на юг, в Аушвиц. И снова Левенталь был среди земляков в числе самых последних: «его» эшелон с 2500 евреями в запечатанных вагонах отправили 7 декабря. А 10 декабря, после трех дней ужасной езды в тесноте и неизвестности, он прибыл на конечную станцию для своего «окончательного решения» — на рампу базового лагеря Аушвиц-1. Из 2500 человек селекцию прошли только мужчины — 524 человека⁸, среди них и Залман Левенталь⁹.

Он сразу же попал в «зондеркоммандо», обслуживавшую бункер (газовые камеры и крематории II и III еще не были пущены в строй). Видевший его в это время Дов Пайсикович вспоминал, что Левенталь выглядел старше своих лет и ходил какой-то странной, кривой походкой. В барак «зондеркоммандо» он, вероятно, был штубендингом, то есть дневальным, что избавляло его от самых тяжелых работ¹⁰.

Оказавшись в одном бараке с Лангфусом, маковским магидом, Левенталь проводит между ним — с его продиктованными верой ответами на любые вопросы — и собой отчетливую черту: *«Тут остался только [—] один даян, образованный человек [—] быть с ним, но далёк от понимания всего дела просто из-за его позиций, которые всегда держатся в рамках еврейского закона».*

В истории концлагеря Аушвица выходцы из Цеханува знамениты именно в связи с восстанием «зондеркоммандо», причем особенно героической предстает фигура землячки Левенталья Розы Роботы¹¹.

2

Обнаруженные после войны два схрона с текстами, принадлежащими Левенталью, содержат твердые факты и твердые даты и помогают лучше понять не только фактографию Холокоста, но и характер их автора. Главный из текстов, — бесспорно, «Заметки», охватывающие период с ноября 1942 по 10 октября 1944 г. В отличие от «Заметок», комментарий Левенталья к рукописи из Лодзинского гетто чрезвычайно поспешен: он писался в ночь с 15 на 16 августа 1944 года (видимо, накануне в вещах отправленных на газацию жертв из Лодзинского гетто и были найдены записки Хиршберга).

Обе эти рукописи были обнаружены в 1962 году, и обе — возле крематория III, где Левенталь в свое время работал.

Первой — 28 июля 1962 года — извлекли дневник не установленного поначалу узника Лодзинского гетто вместе с приложенным к ним комментарием-послесловием, автором которого и был Левенталь. Произошло это в ходе поисковых работ, проводившихся здесь 26–28 июля 1961 года сотрудниками Мемориального музея Аушвица-Биркенау и Главной комиссии по изучению нацистских преступлений в Польше.

В поиске участвовал (и в значительной степени его инициировал!) бывший польский узник Освенцима Хенрик Порембский, с апреля-мая 1942 года работавший в Аушвице в бригаде электриков и осуществлявший конспиративную связь между подпольщиками в Аушвице-1 и членами «зондеркоммандо» в Биркенау. Лицом, с которым Порембский непосредственно контактировал, был оберкапо «зондеркоммандо» Яков Каминский. В обмен на медикаменты, которые поступали к «своим» врачам, польское подполье обеспечивало вынос за пределы лагеря письменных документов — касиб.

Но в середине 1944 года, после побега связного, этот канал, по словам Порембского, прикрылся, и для документирования того, что происходило в газовнях, зондеркоммандовцам оставалось только одно — схроны в пепле жертв. Впрочем, как поляк и представитель скорее польского, нежели еврейского Сопротивления, Порембский существенно смягчает ситуа-

цию, в чем его прямо «разоблачает» обнаруженный с его же помощью текст. Евреи из Биркенау перестали пересылать на волю свои касибы через Аушвиц не потому, что какой-то связной сбежал, а потому что польское подполье окончательно вышло из доверия у еврейского.

Порембский, по его вызывающим еще большее сомнение словам, сам и закапывал все это, — в чем ему помогли Мечислав (Митек) Моравя, польский капо крематория III¹², и уже упоминавшийся еврейский узник Давид Шмулевский¹³. До известной степени это утверждение Порембского подтверждает пророческие опасения Левентала о неизбежных попытках уцелевших поляков присвоить себе деяния и заслуги зондеркомандовцев.

Надо сказать, что это была уже далеко не первая попытка Порембского найти рукописи. Но и в 1945 году, когда он застал в бывшем «своем» лагере лагерь для немецких военнопленных, и в 1947 году, когда раскопки только привлекли ненужное внимание охотников за еврейскими ценностями, он ничего не смог найти. Но на этот раз попытка была удачной.

28 июля 1962 года, на третий день поисков, в яме, заполненной остатками человеческого пепла и перемолотых костей, был найден кирпич, а под ним металлический контейнер — сильно проржавевший и искривившийся армейский котелок, по которому к тому же ударила лопата находчика. В котелке находилась пачка туго свернутых и отчасти склеившихся листов бумаги, сплошь исписанных на идише. Бумага отсырела и частично заплесневела.

Усилиями музейного реставратора находка была спасена: в общей сложности было обнаружено 348 листа бумаги длиной от 26 до 29 и шириной от 10 до 11 сантиметров, исписанных с одной стороны (на обороте листов, вырванных из конторской книги), а также 6 нумерованных листов бумаги 6 181 888 16 17 - 20 (а 10 - 11 н)¹⁴.

Все последующие усилия и сверхусилия восстановить текст — химической обработкой, с помощью просвечивания или контрастной пересъемкой — привели к тому, что лишь 50 из 348 листов решительно не поддались прочтению, тогда как 124 поддались полностью, а остальные 174 — частично.

Было установлено, что указанные записи посвящены исключительно событиям в гетто Лодзи (Литцманштадта). Они были оформлены как последовательно продолжавшиеся письма автора к другу, причем имя самого автора нигде не было названо. К записям были приложены шесть дополнительных листов, являвшихся своеобразным комментарием к рукописи: они были подписаны Залманом Левенталем, говорившим как бы от имени всей «зондеркомандо».

Сам «Лодзинский дневник» прерывается на дате «15 августа 1944 года». Именно в этот день 2000 лодзинских евреев прибыли в Аушвиц, и только 244 мужчины из этого транспорта уцелели, пройдя селекцию и получив номера от В-6210 до В-6453. Остальные были в тот же день убиты и сожжены, и в их числе, несомненно, и автор дневника, обнаруженного кем-то из зондеркомандовцев, по всей вероятности, среди его вещей, остав-

ленных в «раздевалке». Впоследствии удалось установить, что писавшим был Эммануэль Хиршберг, писатель и поэт из Лодзи¹⁵.

Начало дневника написано в форме писем автора к некоему условному «Вилли», оно содержит общие сведения о Лодзинском гетто, но ближе ко второй половине начинаются записи в хронологическом порядке: самая ранняя из дат — около 16 сентября 1943 года.

Шесть нумерованных листов — это беглый комментарий Левенталья к «Воспоминаниям» Хиршберга. Автор явно очень торопился: он читал и писал буквально всю ночь, с 19.15 вечера до 8.44 утра, опасаясь быть застигнутым за этой работой. Возможно, что именно на эти дни первоначально и планировалось восстание зондеркомандовцев: в случае предательства несдобровать было бы никому.

В главной концепции автора «Дневника», — мол, во всем виноват юденрат и его король «Хаим Первый», то есть председатель Хаим-Мордехай Румковский, — Левенталь усматривает интересный и исторически ценный психологический изгиб, но относится к нему критически. Такая «концепция», в его глазах, заслоняет главное — неизбежность депортации и последующего за ней убийства, а это не позволяет тем, кого это касается, подготовиться хоть к какому-то сопротивлению (именно Румковский стал символом политики спасения евреев через договоренности с немцами, а не через сопротивление им). Лодзинскому гетто он противопоставляет Варшавское, дерзнувшее на восстание и уже потому победившее, что доказало всем, и прежде всего самим себе, способность биться и сражаться со своими убийцами. Это для Левенталья главное, а все остальное, как он пишет, он *«передоверяет писателям истории и исследователям»*.

Как и Градовский, Левенталь поражается тому, что даже то обстоятельство, что русские стоят у ворот Варшавы, а американцы и англичане у ворот Парижа, не способно отвлечь немцев от их «главного» дела — тотального уничтожения евреев! *«Рассказ о правде, — заканчивает свой комментарий Левенталь, — ещё не вся правда. Вся правда намного более трагична и ужасающа»*.

Впервые этот текст Левенталья был опубликован в 1967 году по-немецки — одновременно и вместе с самой рукописью Эммануэля Хиршберга¹⁶.

3

В приложенных к лодзинским материалам комментариях Левенталья были указаны места, где были спрятаны различные материалы членов «зондеркомандо» и где уже осенью 1962 года действительно были сделаны новые находки, в том числе и его, Залмана Левенталья, собственный дневник.

17 октября 1962 года представитель Комиссии М. Барцишевский и бывшая узница лагеря Мария Езерская обнаружили близ руин крематория III, на глубине около 30 см пол-литровую стеклянную банку, оберну-

тую листовым железом. В ней находился бумажный ролик, в который, как в полотенце, был завернут разодранный на листы блокнот размером 10 на 15 см. Блокнот вместе с листами был схвачен скрепкой, сильно проржавевшей. Кроме того, там находилось несколько разброшюрованных листов того же размера (исписанных синими чернилами) и 1 лист большего размера, исписанный карандашом и только с одной стороны — всего 75 страниц, считая и 10 пустых. Зато страницы записной книжки исписаны с двух сторон, по 18-19 строк на страницу, при этом сначала книжка исписана до конца на одной стороне, а потом идет продолжение на другой — и снова с начала¹⁷.

Примерно 40% текста прочтению не поддавалось. То же, что поддавалось, оказалось написанным на идише, причем, по мнению переводчика, на идише не всегда идеальном¹⁸. Позднее выяснилось, что найденное — плод труда не одного, а двух авторов. Три фрагмента принадлежат не Левентало, а Лейбу Лангфусу, в том числе и единственная страница из числа разброшюрованных, целиком написанная по-польски (суммирующий список транспортов и уничтоженных евреев в октябре 1944 года).

При просушке рукописи случилось непоправимое: листы перепутались, и сегодня мы вынуждены иметь дело исключительно с реконструкциями, причем особенно пострадало начало рукописи, находившееся в верхнем слое свитка и принявшее на себя воздействие сырости.

Первая такая реконструкция-перевод принадлежит Либеру Бренеру и Адаму Вайну. В переводе на польский язык Шимона Датнера (а возможно, и с редактурой, сделанной с идеологических позиций) она была опубликована в Лодзи в 1965 году¹⁹. В 1968 году она вышла в «Бюллетене Еврейского исторического института» в переводе на польский Адама Рутковского и Адама Вайна²⁰. Об этой журнальной публикации известно уже доподлинно: идеологически она, может быть, и выдержана, но текстологически дефектна. Третья версия перевода на польский принадлежит Роману Пытелю, при этом он опирался и на новое прочтение оригинала, выполненное Северином Залменом Гостыньским²¹. Но и этот перевод, как было показано в первой части книги, подвергся цензуре, так что опубликованный текст приходится считать дефектным. Но именно с него осуществлялись впоследствии переводы на немецкий (1972) и английский (1973) языки, которые также дефектны.

Еще одна реконструкция текста по оригиналу принадлежит Беру Марку²². Кстати, именно Бер Марк первым заметил, что два фрагмента принадлежат вовсе не Левентало, а тому же «Неизвестному автору», чью рукопись он уже однажды пытался атрибутировать. Следующий шаг — полную атрибуцию — уже после смерти мужа (в 1966 году) довершила Эстер Марк, добавившая к двум указанным рукописям — кандидатам на переатрибуцию — еще и третью: единственный листок на польском языке, вероятно, приготовленный Левенталем, для передачи польским подпольщикам в Аушвице-1.

Обе реконструкции довольно существенно отличаются друг от друга, в том числе и по составу: вторая — несколько полней, зато в первой некоторые фрагменты прочитаны лучше, детальнее. Но композиция Гостыньского четче соотнесена с хронологией событий, поэтому, а также из соображений большей полноты прочитанности, мы взяли за основу именно ее. При этом мы внесли в нее и ряд своих композиционных изменений, способствующих устроению именно хронологического начала.

4

Несмотря на все трудности прочтения, вызванные состоянием оригинала, «Заметки» Залмана Левенталья составляют последовательный и относительно связный текст, вобравший в себя многие кульминационные моменты жизни «зондеркоммандо» — и прежде всего подготовку и проведение восстания на крематориях 7 октября 1944 года.

При этом Левенталь не просто описывает события как хронист, но и размышляет о них в самых разнообразных контекстах — от геополитического и макроисторического до психологического и сугубо бытового.

Залман Левенталь, светский человек с очень левыми взглядами, много страниц посвятил восстанию и его подготовке. Его собственная роль в ней, скорее всего, была достаточно скромной, иначе бы после подавления восстания СС арестовало бы его и бросило в Бункер, как и Доребуша-Варшавского с Гандельсманом. Вместе с тем он был хорошо информирован и, вероятно, считался, наряду с Градовским и Лангфусом, историографом «зондеркоммандо».

О восстании — как о его несостоявшемся сценарии, так и о его реализованной, вне всяких планов, версии — он пишет особенно много. Разоблачая как польские интриги и русское полупьяное «авось», так и еврейскую непоследовательность, не позволившие тщательно разработанным планам состояться, он охотно пишет об истинных героях еврейского сопротивления на газовнях в Биркенау.

Особенно проникновенно — о тех, с кем сталкивался уже в силу принадлежности к одной и той же коммандо на крематории III. В частности, о Йоселе Варшавском (Доребуше) и Янкеле Гандельсмане. Как одного из лучших во всей «зондеркоммандо» упоминает Левенталь и Залмана Градовского. Персонально Левенталь упоминает и восторженно характеризует еще несколько человек: Элуша Малинку из Гостынина (тот готовился к одиночному побегу, но был выдан своими и ликвидирован), Лейба-Гершко Панича и Айзика Кальняка из Ломжи, Йозефа Дерезинского из Лунно, а также Лейба Лангфуса.

О состоянии самого Левенталья косвенно свидетельствует состояние его текста в оригинале. Как отмечает А. Полонская, Левенталь писал очень нервно, с рассогласованиями по роду и числу, с нагромождением местоимений и придаточных предложений, так что в итоге непросто однозначно определить значение написанного. Нередко он забывал начало своего предложения и глотал слова и предлоги, знаки препинания в его тексте практически отсутствуют, — в итоге создается ощущение, что он не создает письменный текст, а как бы наскоро стенографирует свою полную эмоциями речь²³.

В отличие от Градовского и Лангфуса, ставивших перед собой и художественные задачи, Левенталь подобных амбиций не имел. Он не писатель и не пророк, — но он свидетель, хронист и обвинитель!

Его призвание именно в том, чтобы донести потомкам голую правду об Аушвице. Тем самым он противостоит общему свойству человеческой природы не верить в исторические ужасы и забывать о них, как, впрочем, и тому, что немцы постараются замести все следы. И, в-третьих, тому, что и поляки постараются весь героизм сопротивления и все его успехи приписать одним себе.

Поэтому закономерно, что своего рода нервом повествования Левенталья являются отношения между двумя центрами Сопротивления в Аушвице-Биркенау — польско-австрийским в Аушвице-1 и еврейским, зондеркомандовским, в Биркенау. Эти отношения, как и вся история совместной подготовки ими восстания, весьма поучительны²⁴.

И уже после разгрома восстания — в самом конце своей рукописи, как и своей жизни, — Левенталь бросает полякам из общелагерного подполья прямо в лицо обвинения в сознательной недобросовестности, подлостью, коварстве и антисемитизме. Нас, своих еврейских партнеров из «зондеркомандо», вы не ставили ни в грош и попросту водили за нос! Даже фотографии, статистику и другие материалы, полученные прямо из крематориев, вы приписывали себе и использовали только для своих целей! Сами же — в решительный момент восстания — всегда обманывали нас, всегда бросали на произвол судьбы: наши жизни, жизни проклятых «зондеров», вам не стоили ничего! *«Дай бог, чтобы один из наших ещё раз мог бы встретиться при жизни со всеми этими союзничками»*, — заключает Левенталь свою обвинительную часть.

Вот по этим упрекам и прошлись позднее ножницы польского цензора-коммуниста. Но сами слова Левенталья оказались во многом пророческими: *«Евреев из зондеркомандо, — писал Збигнев Соболевский, — в Польше при коммунистах всегда выставляли предателями, коллаборантами, но в моих глазах это были герои, ибо, имея пусть и небольшие, но шансы на выживание, они вчистую пожертвовали ими и разрушили кре-*

маторий единственно ради того, чтобы сократить смертоносный потенциал Аушвица»²⁵.

Кстати, после войны поляк Соболевский и Христианско-еврейское общество канадской провинции Альберта, куда он переехал, предложили установить на этом месте памятный знак, но поляки даже слышать об этом не хотели.

Павел Полян

¹ Полонская, 2012. С. 245–246.

² См. подробнее выше в предисловии к разделу Лейба Лангфуса («Раввин в аду»).

³ Ringelblum, 1983. S. 293–294.

⁴ Так, в 1941 г. немцы выслали 1500 евреев из Цихенау в Нойштадт.

⁵ Впрочем, как и евреев бецирка Белосток, к которому относился и Лунно — город Залмана Градовского.

⁶ См. в преамбуле к публикации текста Л. Лангфуса «Выселение».

⁷ Наиболее наезженный маршрут из Малкинии.

⁸ Им присвоили номера с 81400 до 81923.

⁹ Czech, 1989. S. 356–357.

¹⁰ Greif, 1999. S. 222.

¹¹ См. о ней во вступительной статье.

¹² В то же время о нем как о яром антисемите и даже садисте вспоминал А. Файнзильбер, а некоторые указывали на то, что именно он и донес на Каминского.

¹³ См.: Die Bergung der Dokumente // *Briefe aus Litzmannstadt*, 1967. S. 89–96. См. также: ‘Willy’ und der Verfasser // *Briefe aus Litzmannstadt*, 1967. S. 7–13.

¹⁴ Местонахождение оригинала: АРМАВ. Syg. Wsp. / Pam. 1961 / 420. Копия и дополнительные материалы: Там же. Ксерокопия: Wspomnienia / Pam.zyd. 1961 / 51a, b, с. Микрофильм: Инв. № 107254. Местонахождение оригинала Лодзинской рукописи: IPN. GK 166/1113 (Sammlung „Z”).

¹⁵ См. атрибуцию в: Fuchs, 1972. P. 184–185.

¹⁶ Der Bericht Zelman Leventhal / Пер.: P.Lachmann u. A.Astel // *Briefe aus Litzmannstadt*, 1967. S. 89–96.

¹⁷ Местонахождение оригинала: АРМАВ.

¹⁸ Наблюдение о «неидеальности» идиша к текстам Лангфуса не относится.

¹⁹ См. Приложение 4.

²⁰ См. Приложение 4.

²¹ См. Приложение 4.

²² См.: Mark, 1977.

²³ Полонская, 2012. С. 245–246.

²⁴ См. подробнее в части I наст. издания.

²⁵ Свидетельство З. Соболевского (Yad Vashem Archive. 03/8410. P. 55–58).

ЗАЛМАН ЛЕВЕНТАЛЬ
«ОТНЫНЕ МЫ ВСЁ
БУДЕМ ПРЯТАТЬ
В ЗЕМЛЕ...»

<ЗАМЕТКИ>¹

<В Цеханувском гетто>

[...] за несколько лет пройти через метаморфозы, страдания и [...] гонения, через которые прошло еврейское население с началом войны в 1939, с тех пор, как немец занял [...], сообщили, что [...] и в нашем местечке [...]. Будут по системе всех других городов специальные еврейские кварталы для евреев [...] кварталы, отгороженные колючей проволокой и построенные [...] Материальные условия в гетто ухудшились. Небольшой заработок [...] состоял в контрабанде с поляками из деревни. Все остальные плацувки² внезапно полностью оборвались, совершенно были отрублены [...] огородили в гетто и запретили евреям передвигаться. [...] плохие материальные условия [...] тесная скученная жилищная система [...] евреи [...] находятся в гетто просто до такой степени [...] собственную мебель на дрова [...] нужно было [...]

[...] бесчестили, угрожая им ножами [...] голые девушки [...] ужасным образом [...] засовывали им в зад палки до тех пор, пока они не умирали в тяжелых, невероятных страданиях, в муках [...] пожилые люди [...] садисты вынимают [...] принуждают их насиловать [...] дети [...] ³ женщин из их семей [...]

[...] раздавать обеды⁴ и ради других различных социальных [...] отодвинули срок. 1/11 1942 [...] было объявлено выселение,⁵ [...], которое охватило Плонск, Нови Двор, Найштот⁶

[...] заперты [...] транспортировать [...], собрали поздно ночью с помощью еврейских полицейских [...] конечно, полагается большая благодарность за их сотрудничество [...] так преданно со своим хозяином [...] их всех уже нет на свете, не то бы я сам завел [...] что из людей [...] отвели к [...] загнали [...] несколько сот в вагон, оторвали [...] ад [...]

[...] картина выглядела [...] до того, как рассвело, еврейское население уже находилось на сборном пункте. В брошенных домах нужно было оставлять двери открытыми. Всё плакало над горькою судьбой. Когда рассвело, [...] собрали всё [...] проезжали мимо тележки [...] просто невозможно пошевелиться [...]

[...] поляки, которые там находились [...] просили деньги [...] понятно, мы не жалели, мы все отдали, чтобы купить немного воды, но, к сожалению, поляки [...] не выпускали [...] одним словом, они от нас все получили [...] умирает мать с 5 детьми, в живых остался из [...] всей семьи только отец, который плакал, но без слез.

<В Малкинию и в Малкинии>

[...] что все решили не двигаться с места [...] пиши пропало [...] что будет со всеми [...] то же должно произойти с каждым из нас [...] определили вместе со своей семьей [...] мы стали [...] и были [...] уже с полным осознанием, что идем на смерть [...] когда пришел день выезда [...] 17/11⁷ [...] вдруг [...] детей, которые еще не могли сами ходить ножками, это [...]

Правда [...] слышали, что едут [...] также и варшавские евреи [...] из нашего края посланы в известные [...] лагеря для дьявола, для самого ангела смерти [...] находятся в эшелоне [...] невинные люди [...] мы фактически [...] не знали об Ойшвице [...] люди были уже месяцами. Это нас [...] обманывало до последней минуты [...] едя [...] мы боялись [...] привезли в Малкинию [...] ⁸ посреди ночи заехали [...] станцию [...] поезд остановился.

[...] но [...] в 5 часов, после нескольких часов стояния, СС и полиция стали выводить [...] громкий циничный смех с [...] бросали людей [...]

[...] из вагонов смертельные удары. Удары [...] ломали руки и ноги [...] были завезены [...] целые семьи [...] картина была [...] детей, которых они не нашли [...] до завтра [...] пока возили транспорты [...].

[...] которые не [...] были просто больны [...] и один за другим еще [...] на глазах [...] были брошены в туалеты [...] люди [...] смотрели на выезд [...] теперь был [...] были посланы назад [...] Ойшвиц нас [...] другие [...]

<Селекция в Аушвице>

[...] это [...] когда транспорт [...] пришел [...] мы [...] собирать умерших в пути и [...] снова собрать все сумки [...] и чемоданы, которые у евреев были с собой [...] все сумки и потом [...] транспорт был отвезен [...] упаков-

вали [...] сумки с одеждой [...] потом [...] отвезли в Германию. Когда мы пришли, [...] мы в конце тоже наткнулись на еврейскую команду [...], команду⁹, в лагере ее называли Канада [...] они все понимали [...] были [...]

[...] встретил на рампе, чтобы отчистить [...] могут выбрать оставшиеся [...], которых потом отослали в Германию под [...] команда [...] чисто еврейская [...] их спросили, что тут происходит [...] быть расстрелянными [...] нас уже [...] СС. [...]

[...] стоят [...] хефтлинги¹⁰, [...] СС-овцы, которые очень вежливо помогают слабым женщинам и детям забраться в кузов машины¹¹ [...] хочешь что-то [...] напрасно [...] ничего не узнать [...] невинные еврейские жертвы [...] на тех же машинах погружают людей [...]

<В бараке «зондеркомmando»>

были расстреляны [...] не могли себе представить что [...] нас привели [...] завели нас в [...] блок [...] ¹² [...]. На следующее утро [...]

[...] мы начали осматриваться, смотреть, с кем мы остались, кто был и кто есть, кто в небесной командо¹³ и кто ещё остался тут. И, само собой разумеется, которые остались только второсортные, более жалкие, горстка еврейчиков. Все, кто получше, благороднее, тихо ушёл, не смог выдержать [...]? Когда в 43 поставили крематории номер IV и V¹⁴, началась новая эпоха в нашей жизни, если это можно назвать жизнью [...] особенно нашей команды [...] трагедия [...] вся механическая работа с помощью [...] люди так [...] людей быстрее раздеваться и гнать в бункер, и при этом различные, совсем радикальные на всё [...] оскорбительные и грязные.

[...] что нас записывают на [...] может, которые ещё живы и еще позволяют себе [...] а потом оттуда выйти на свободу и, может быть, будут ещё проповедовать, что им полагается ещё [...] и почёт потому, что они за это время так много страдали и выдержали [...] понятно [...] напомнить сделанные ими в лагере дела, видя, как ради порции хлеба каждый мелкий бригадир убивал человека, чтобы его [...] и на счете десятки [...] лагеря они держались [...], а было время в этом самом лагере в годы 41-42, когда каждый человек, прямо каждый, кто жил дольше двух недель, думал, что он живёт уже за счёт других жертв [...] других людей или что он забирает у них [...]

через голову он упал мертвым. Это было общее правило лагеря. Это была ежедневная лагерная жизнь. Каждый день — тысячи убитых, без какого бы то ни было преувеличения. Прямо тысячи — и это руками

самых хефтлингов [...] были также среди поляков так же как павшие, так и [...] который только мог держать палку¹⁵ в руке, тот жил. Вот все эти проишествия должны мы, оставшиеся в живых, скорее [...] оставить для других, потому что это [...] но потому, что случилось [...] не знают [...] лучше [...] это никто не знает. У них не будет, потому что все [...] даже самую ничтожную малость забирают [...] землей [...] сверху [...] возможно [...] знать.

<Работа «зондеркоммандо»>

[...] отделённые от людей, ни с кем не встретились [...] только постоянно [...] впервые пришли в лесок, где [...] тогда были бункера, известный мироубийца обершарфюрер Мол¹⁶ держал речь [...] не виноват, приказ есть приказ [...] но как трагически [...] подошли ближе [...] его самые близкие и семья, кто [...] жену и [...] барышень девушек [...]

[...] зондеркоммандо загнали [...] и было невозможно вывернуться под угрозой расстрела. Если просто обернешься [...] стали загонять остатки людей из барака в бункер, отравили их газом под те же крики и вопли, как ночью. Как трагична и ужасна была картина, когда позже оказалось, что те же люди, которые вытаскивали мертвые тела и сжигали [...], понимают, что они ещё оставили в бараках своих самых близких, их семьи, кто отца, кто жену и детей.

Как оказалось позже, когда приступили к работе, по ходу которой каждый узнавал свою семью, потому что коммандо в тот день снова была создана из людей, которые только что прибыли с транспортом и их сразу повели на работу¹⁷. Так погибли все наши земляки, вся наша община, наш город, наши любимые родители, жены, дети, сестры, братья. 10.12.1942¹⁸ поздно вечером, остальные утром.

с нашими [...] год сейчас начался [...] о чем мы до этого времени слышали [...] мы люди, которые уже [...] в лагере [...] наше настроение [...] на наши вопросы — еще раз с [...] нашими женами и детьми [...] они ответили, что это им приказали сказать, и они так и сказали. Всё это ввело нас в [...] заблуждение [...] Между тем мы увидели нечто вроде закрытой легковой машины скорой помощи с большими красными крестами на всех боках. Значит, что [...] о «Скорой помощи» [...]

поддержан сильным [...] если бы он меня тогда подготовил, как бы я остался навечно ему благодарен. Хорошо, что я хотя бы умер сладкой смертью, с плачем на устах. [...]. Но мои самые близкие, мои самые знакомые [...], мои самые дорогие, которые точно всегда были мне намного дороже жизни, потому что в те хорошие времена я бы, чтобы жить [...] когда

уже нет никакой жизни [...] потому что [...] малейший [...] мамина и папина преданность [...] близость его [...] быть верные вся ли его жизнь [...] тогда уже каждый был готов на худшее [...] смерти нам всем уже не [...] всё [...] жить [...] мы уже всё равно будем [...] не нашлось [...]

[...] эти разбойники работа. Отвезли людей на машинах в лесок, там всех вытряхнули, как картошку с воза [...] закрытые машины [...] кто сможет в такое поверить, кто сможет себе это представить [...] бандиты [...]

[...] медицинская помощь для больных людей [...] бандиты только для совершенно здоровых. Для нормальных людей, для нормальных молодых [...] смертельный яд [...] на газ. СС-овцы ведут на отравление газом [...]

[...] крик [...] в лагере [...] крики слышались еще [...] начали понемногу становиться тише люди [...] погибли. Те, которые не поместились в бункерах, остались сидеть голыми в деревянном бараке. Суровый зимний холод [...] прислушивались к крикам и воплям тех, которые [...] с воплями Шма Исроэль на губах, пока они не утихли и не погибли, а они сидели и ждали трагической смерти в свою очередь со стонами, с криком, пока утром пришла знакомая зондер командо¹⁹ и опустошила бункеры [...] отвезла их²⁰ примерно на 800 метров и вышвырнула на пепелище, где уже горели люди со вчерашнего дня, и с позавчерашнего тоже. И после того, как они

[...] ночью вёз [...] тот же вагон, тот же шофёр, те же СС-овцы, отойдя на несколько километров, придя [...] в крошечный ад сразу их лица изменились [...] те, кто секундой раньше [...] эти же вежливые люди [...] уже бросаются достаточно [...] бросались на невинных [...] и били, наносили смертоносные удары палками [...] до тех пор, пока не загнали всех этих людей в деревянный блок, после чего поехали назад к рампе.

И снова эти же [...] вежливо, стали снова обходительными, снова тем же [...]

[...] гнали [...] злыми кусачими собаками [...] на расстоянии 150 метров [...] невинная деревенская хатка с [...] закрыли окна толстыми [...] всем велели раздеться донага, и вскоре начали гнать [...] бежали [...] голые [...] тесно набились в деревенский домик, с помощью палок и собак [...] сквозь маленькие окошечки СС-овец забросил ядовитый газ и быстро закрыл окошечко. Через несколько минут все задыхаются [...]

<Размышления о смысле работы «зондеркомандо»>

совершенно невозможно перенести то, что людей уничтожают всего лишь за то, что они²¹ якобы плохой расы. А тут эти вырожденные типы, гунны. Потому что [...] каждый день тянутся эшелоны из тысяч людей, жен-

щин и детей, слепых людей, которых бандиты ведут к бункеру, которых душат газом и [...] тесно набивают в бункер [...] Они уже мертвы, отравлены газом и мы должны их [...] сжигать, но их пепел при этом тонко измельчать [...] нашу жизнь [...] когда мы убираем вещи убитых [...]

когда я прибыл сюда, в лагерь Биркенау, тут уже были некоторые здания [...] уже было [...] на топких полях и ещё строилось²². Это было 42.10/12²³. Вскоре после первого захода, после селекции, — когда нас из транспорта в 2300 человек выбрали только 500, а остальные сразу пошли в газ, мы, не зная ещё об этом, [...] видя [...] нам еврейский блокэльтесте сообщил, что больше 3 дней никто из них не проживет²⁴. Это было ночью [...] посреди [...] слышались издали ужасные крики, смешивавшиеся с диким ором СС-овцев и десятков собак. Тут нам объяснили, что сейчас с помощью собак ведут на смерть наши семьи [...], наших мам и пап²⁵, жен и детей. Уже тогда [...] из [...] понял [...] достаточно.

Несчастье — вот было чувство каждого из нас. Это была мысль каждого из нас всех. Мы стыдились посмотреть в глаза друг другу. Разбухли глаза от боли и стыда, от плача без жалоб каждый забился в другой угол, чтобы свой его не встретил [...] я признаюсь, я сам [...] что мой папа тоже был [...] от подхода, чтобы он не видел [...] знал, что когда мы будем [...] наши сердца [...] и боли [...] так и было когда [...] лагеря, когда я увидел [...] спрашивает меня, где его сёстры, его братья, его жена и дети, его родители, где они все-все теперь. [...]

Не хватало смелости покончить с нашей жизнью [...] Тогда это никто не сделал, почему? [...] нет, остаётся вопросом, на который пока сложно ответить. Напротив, уже немного позже нашлось много людей после того, как мы пришли в себя, которые при первом событии, как, например, может болезнь, или так вот столкнувшись с внешним событием, которое его чем-то взволновало. Вскоре они кончали с собой²⁶ [...] снаружи в лагере он был среди сотен, которых [...] расстреливали [...] это остаётся вопросом [...] правда, что жизнь [...] воля к жизни [...] представлял, никогда нельзя оценить и никогда не была оценена [...] просто [...] у нас [...]

Нам в мире [...] ещё что-то [...] что должно ещё как-то укрепить в нем волю к жизни и дать силы выдержать беды, ведь ещё придется в жизни с кем-то встречаться, и к тому же факт, невероятная трагедия, ужас [...] поэтому каждый был сам готов [...] собственными ногтями сам вырвать себе глаза [...] в жизни представить себе [...] боль, горе, страдание [...] просто зная, что этот и тот будут [...] Почему, с каких пор, почему жизнь [...] это с ними случилось [...] были грешны, есть ли вообще [...] и утешение [...] есть ли [...]

я был в лагере в разных командах, был в Ойшвице, был в Буна²⁷ на работе, потом вернулся после нескольких недель блужданий по всем местам. Меня 25/1 43²⁸ взяли на эту же фабрику²⁹ работать. Но я немного опоздал по сравнению с моими товарищами. Вот так привыкли люди, нормальные люди с нормальными человеческими чертами, не преступники, не убийцы, а люди с сердцем, с чувствами и сознанием, ко всем этим вещам привыкли — к этой самой работе, но не они в этом виноваты [...] Первые из нас сразу в первую ночь [...] принялись за работу, им просто сказали, что работа тяжелая, но за это они [...]. Никто из них не знал ничего, потому что старая команда, которая там работала, была в тот же день убита из-за доноса еврейского [...] сбежала [...] нашли [...]

Все это происходило под градом палок от постовых СС, которые нас охраняли. И все напрочь забывалось, никто из нас не осознавал, что он делает, когда он это делает и что с ним самим вообще делается. Так мы совсем потерялись, просто как мертвые люди, как автоматы бегали, подгоняемые, не зная, куда нужно бежать и зачем мы бежим, и что мы делаем. Один совсем не смотрел на другого. Я точно знаю, что никто тогда из нас не жил, не думал, не размышлял. Вот что сделали из нас, пока мы [...] не начали приходить в сознание³⁰ [...] кого тащат сжигать. То³¹, что тут произошло. Вскоре ещё и [...] уже оттащили всех людей, отравленных газом, в бункер, бросили на вагонетки³², привезли к месту сжигания, где уже горели люди со вчера и с позавчера [...], там бросали тела в огонь.

После работы, приходя в себя в блоке, когда каждый теперь укладывался отдохнуть, тогда начиналась трагедия. Каждый начинал верить в сон, что вчера ему рассказали, в то, что его самых близких, его самых дорогих уже нет в живых и уже никогда больше не будет, что он уже никогда с ними не встретится. Никогда, потому что он сам их и сжёг. Тогда к чему мне нужна жизнь, к чему мне такая жизнь³³? О еде или питье, само собой разумеется, что понятно, что не зря [...] с пониманием, который может оценить происшедшее. Но даже скотина, животное, когда у нее отнимают близких, которых она родила или от которых была рождена, или с которыми жила вместе, она понимает, что ей причиняют боль, и протестует тем, что не ест и не пьет. Как еще человек, который должен [...] Естественно, одновременно с этим просто царил [...] меланхолия. Отовсюду, [...] со всех сторон доносился плач. [...] Блок был исключительно еврейский, когда [...] тогда брали только евреев, до этого работали также поляки и русские. Но в наше время их уже нет, только евреи [...], что фактически остаётся вопросом, [...] ли

Нам в мире [...] еще что-то [...] что должно еще как-то укрепить в нем волю к жизни и дать силы выдержать беды, ведь еще придется в жизни с кем-то встречаться, и к тому же факт, невероятная трагедия, ужас [...] поэтому каждый был сам готов [...] собственными ногтями сам вырвать себе глаза [...] в жизни представить себе [...] боль, горе, страдание [...]

просто зная, что этот и тот будут [...] Почему, с каких пор, почему жизнь [...] это с ними случилось [...] были грешны, есть ли вообще [...] и утешение [...] есть ли [...]

Психологи говорят, что человек, когда он считает себя окончательно потеряннм, без какого-либо шанса и какой-либо надежды, хотя бы и самой маленькой, уже ни на что неспособен, он уже точно как мертвец. Человек способен, энергичен, рискует, пока он думает при помощи взвешенного шага чего-то достичь, что-то этим выиграть. Напротив, когда он теряет последний шанс, последнюю надежду, тогда он уже ни на что не годен. Начинает думать, как бы совершить самоубийство [...] (проблема для психолога). [...] позволили вести, как телят, самые сильные, самые героические были среди нас были сломаны с той минуты, когда нас сюда привезли в [...] все забрали и дали нам такие [...] тюремные костюмы, нам стало просто стыдно, совсем [...] были завернуты в чужое пальто [...] еще в [...] забрали [...]

В разуме³⁴, которым человек обладает сам по себе, неважно бессознательно или осознанно, люди одержимы духовной волей к жизни, порывом жить и выжить. Как будто ты сам себя уговариваешь, что речь не о твоей жизни, речь не о твоей персоне, а просто ради общества, чтобы выжить, ради того, ради другого, для того, для другого, находишь тысячи предлогов. Но правда в том, что и самому хочется жить любой ценой. Хочется жить, потому что живешь, потому что целый мир живет, и все, что обладает вкусом, все, что с чем-то связано, в первую очередь связано с жизнью. Без жизни [...] это чистая правда. Итак, коротко и ясно, если вас кто спросит, почему ты [...], я отвечу ему [...] это [...] должен констатировать, сам я слишком слаб, пал под гнетом желания жить, чтобы уметь правильно оценить [...] желание жить, но не [...] идет

[...] почему ты выполняешь такую непорядочную работу, то, как же ты живешь, зачем ты живешь и чего ты хочешь достичь в своей жизни?.. [...] В этом и заключается все слабое место [...] нашей команды, которую я абсолютно не намереваюсь защищать в общем, как целое. Тут я должен признать, что многие из группы со временем настолько потерялись, что было просто стыдно перед самим собой, прямо забыли, что они делают, делая это, и со временем они к этому настолько привыкли, что просто удивительно [...] к плачу и жалобам, что от [...] но это совсем нормальные, средние [...] по-простонародному совсем скромно [...] против воли это становится повседневным, и привыкаешь ко всему. Тогда события уже не производят впечатления, кричишь, равнодушно наблюдаешь ежедневно, как погибают десятки тысяч людей — и ничего.

Очень большую роль в этом процессе привыкания играло то, что в первое время, в общем-то, нас, хефтлингов, не использовали ни для каких

транспортов, когда люди еще были живы. Все выполнялось ими самими, двуногими собаками, и с помощью собак четырехногих. Члены команды только приходили каждый рано утром и находили уже бункеры, полные отравленным газом людьми, и еще полные бараки тряпья³⁵, но ни разу не встречали ни одного живого человека. Это психологически очень способствовало уменьшению впечатления от трагедии [...].

Но находились и такие, которые ни под каким предлогом не позволяли себе подвергнуться влиянию привычки, чтобы это стало совсем просто и совсем рутинно. Понятно, профессиональные элементы, которые находились среди нас, например, очень религиозные евреи, как даян из Макова-Мазовецка³⁶ и подобные ему, верят [...] так более благородные люди, которые ни в коем случае не хотели участвовать в игре сегодня жить, а завтра умереть. Я держался любой ценой. Первое время их влияние в команде было очень небольшим. Просто потому, что, насколько их было мало числом, их еще меньше было можно узнать, потому что они не были организованы. Они не представляли собой единую массу, поэтому они терялись в общей массе.

Это совсем не было понятно и те, которые [...] к сожалению, было [...] люди в таких условиях [...] ко всему привыкли, что просто уже никого не должно касаться, что вокруг него творится, как будто это были совсем не люди. Только это достаточно характерное замечание, что при этих условиях, когда команда из 150 человек работала в открытом поле без забора, без цепи часовых, не более 4 постов охраняли нас в тяжелые темные длинные зимние ночи. Были такие времена, что один другого просто не видел за метр, а недалеко от нас, всего в нескольких десятках километров находились тысячи евреев, целые общины³⁷, но ни у кого не возникло и мысли бежать. Во-первых, чтобы не рисковать той самой жизнью, во-вторых, [...] если бы что тут [...] это просто потому, потому что страх перед немцем был так велик [...] каждом шагу [...] из команды, [...] со всеми ними встречался, что это [...] для них был вопросом жизни и смерти, чтобы работа была выполнена как можно лучше и чтобы, не дай бог, кто-то подумал о побеге, как, например, [...] подозревали в мыслях о том, чтобы убежать сразу [...] объяснялись с [...]

<«Зондеркомmando» в Биркенау: зарождение сопротивления>

последний уголовник, альфонс³⁸, приехавший из Франции, и сразу резко решил такие вопросы, не удержался даже от передачи истории прямо в руки лицу из власти. Так ещё с самого начала мы притупили и погасили любое чувство и любую мысль о каком бы то ни было решительном шаге. Теперь о том, что они, капо³⁹, должны сами это сделать или помогать в этом, что было очень легко. Варшавский⁴⁰ действительно прав. Так держался ужас, страх охватывал всех на долгое время, пока [...] когда начало немного [...] режим стал немного мягче [...] с [...] уже не [...] я изо дня в день [...]

[...] похожее принять, и понятно, что, несмотря на все тяжелые условия, которые пережили все в лагере, это всё же не так легко далось привыкнуть к мысли, что нужно о чем-то на завтра думать, не ждать больше, пока нас не придут вести в бункер, как всех, кого ведут изо дня в день вот так же, извне, со свободы, и так же из самого лагеря. В начале мы были вынуждены держаться [...], собственных братьев, только евреев. Но со временем оказалось, что также и со старыми знакомыми, например, с членами рабочих движений или просто интеллигентами, но обязательно левыми из [...] рабочих сфер — с поляками, тоже нужно взаимодействовать. [...] разветвилось наше движение немного дальше и со временем охватило также лагерь Аушвиц, который [...] состоит в основном из поляков. Сверх того мы делали, что только было можно [...] любой ценой, рискуя при этом жизнью всей группы, выдавали разный материал, который только может когда-то заинтересовать мир, обо всех этих убийствах, зверствах, которые тут совершаются, также немалые суммы денег, которые только были необходимы для целей.

Уже будучи в контакте со всеми кругами, мы начали нашу практическую работу по подготовке к чему-то конкретному. Наши союзники, те, которые работали в других командах, и среди них по большей части русские, благодаря своим огромным усилиям достали для нас что-то конкретное. Это, по правде, очень тяжело далось. Я должен при этом сказать, что если бы на этих плацувах⁴¹ находились [...] евреи, было бы сделано много-намного⁴² больше. [...] Нам надо было к ним приходиться, и просить их о помощи в этом деле, потому что отдельные люди, которые тоже были заинтересованы в этом деле, не могли нам помочь, напротив, другие, у которых была такая возможность, [...] не хотели ею пользоваться и предпочитали жить, [...] вопреки всему. Потом для них это уже не было до такой степени вопросом жизни и смерти [...]

Всё же русские и [...] ещё бутылку водки и порой славно нажраться [...] и это для него достаточно, эта малость. Все же те дела, о которых я тут немного рассказал, случились, к сожалению, слишком поздно. [...]

С самого начала и до последней минуты мы были вместе. Это был наш активный соратник и предводитель всего рабочего движения в Варшаве ещё в годы 20-21, известный как коммунистический деятель ещё тогда под именем «Йоселе ди мамелес», позже жил в Париже, постоянный сотрудник коммунистической прессы в Париже, под именем Йосл Варшавский. Сам высококультурный человек, с очень благородным характером, по природе тихий, но с пламенно-огненной душой борца. Его лучший друг приехал вместе с ним из Парижа, там вместе с ним всё время работал. Йекл Гандельсман, родился в Польше, в Радоме [...] но очень энергичный [...] разум, достаточно умный, полный жизненной энергией. [...] сам моложе по возрасту, чем они [...], учился в йешиве в Цузмире⁴³. Позже [...] прозван моими коллегами, известными коммунистами, ешиботником, или социалис-

том закона Моисеева. Правда! Что я испытывал огромное уважение к ним, к тем моим друзьям, просто за сделанную в их жизни работу.

Сам я из строго религиозного дома, жил в маленьком местечке Цеханув, жил себе для себя, не имел ни с кем ничего общего, но всё же мы так легко понимали по-настоящему вместе [...] в лагере и ещё больше наш [...] Мы на самом деле долго размышляли о том, нужно ли нам хотеть жить дальше. Видя, что происходит с нашей командо, что становится с людьми, какими униженными и далёкими от любого человеческого чувства они все уже стали, и чего ещё мы можем, к сожалению, ждать тут [...] мы решили, что не сами [...] во имя чего-либо [...] Невозможно [...] Мы вместе начали работу [...] что-то практическое, о чём-то [...] тогда начали завязывать контакты с лагерем, находить в лагере наилучшие силы каких-то прошлых знакомых людей [...], способных [...] сделать что-то.

[...] достать, а это [...] потому что это происходило систематически [...] это было связано с тем, чтобы хорошо поесть и выпить [...] — это всё, о чем весь лагерь только и мечтал [...] не видели. Вот в это самое время уже начались [...] скрытые чувства у некоторых людей, которые всё же плакали и жаловались [...] тихо и не стали [...] только [...] как над [...] мои друзья [...]

[...] лагере группа [...] но в то же самое время наступил психоз по поводу побега из лагеря. По большей части он обуял круги военнопленных русских, которые фактически должны были стать лучшим материалом для нас в нашей акции⁴⁴. Это очень мешало нам в нашей работе. Мы не имели ничего против. Мы каждому говорили: если ты вернее можешь спастись самостоятельно, то, конечно, пожалуйста! Мы много помогали для этого, одевая в штатское, давали документы и деньги, [...] мы всё для этого делали. И само собой, что каждый [...] из того [...] не у всех есть условия [...] что многих евреев потом [...] не важно. И у нас возникла совсем простая мысль [...] о побеге [...] Она была ещё раньше, чем мысль об общей акции. Я для этого приложил все необходимые усилия и был уже готов сбежать [...] еврейские глаза и еврейские [...] характер [...]

Наши собственные братья, которые не могли убедить себя в том, чтобы кто-то попытался спастись, а он бы оставался тут. Эти и подобные мотивы привели к тому, что мои собственные товарищи меня рано предали и с помощью капо, старшего по блоку мне помешали и лишили к этому всякой возможности. Так, например, за мной следили на каждом шагу днём и ночью. Угрожали передать лагерному начальнику нашей команды о таком опасном шаге [...] В это время, когда все наши ещё могут [...] мои самые близкие [...] и Йеклу⁴⁵ предложили [...] к сожалению, было невозможно [...] один был в [...] командо всего из 1000 (тысячи) людей [...] вовремя [...] и к тому же готовился, но к сожалению [...] доносчиками⁴⁶ и провокаторами был перехвачен и не допущен [...] попытаться спасти свою жизнь [...] Малинка Элуш, рожденный в Гостынине⁴⁷, самый обычный паренек, но с

большой — слишком большой — энергией и стремлением к жизни, очень рискованый и темпераментный, с оригинальными идеями, отважный до невозможности. Приготовил всё, даже определил час, когда он пустится в путь. А несколькими часами раньше [...] был задержан. Да! Да! К сожалению, так хотела судьба.

Всё пропало, к сожалению, лежит в [...] немцем [...] все те, которые проповедовали [...] где не более великая наша [...] оставить жить и также больше никто из зондер командо, к сожалению [...] с нашими [...] с [...] напрасно — не ели и не спали [...] и выполнять до готовности, и [...] ничего, даже ни один из нас, никто [...] уже в последнее время привели [...] всё пропало! [...] и полностью посвятили себя общей акции [...] не шла у нас подготовка как мы хотели. Напряжение росло от часа к часу, мы ради [...] кусочка материала⁴⁸, который мы

[...] то, что мы просили, чтобы он использовал то, что мы каждый вечер ходили по 20 человек с 2-мя охранниками на 2 часа в крематорий. Тогда крематорий ещё был вне цепочки постов⁴⁹, это было ещё в зимние ночи, мы могли прикончить⁵⁰ часовых очень легко и уйти, до рассвета никто бы не узнал, что произошло. Но, к сожалению, на это мы не могли решиться, всегда находился кто-то, кого что-то связывало, одного хорошая еда тут, другого девушка, в которую он влюбился. Одним словом, об этом говорилось каждый день, пока это не стало невозможным. Цепочку постов увеличили, и всё сделалось невозможным. Да, да! К сожалению, нужно сказать правду, что не меньше наши собственные братья виновны,

⁵¹ הָיִינוּ דַאָמְרֵי אִינְשֵׁי אֹרְחֵי וְזִמְנָא בְּיָמֵינוּ

<Зондеркомmando в Биркенау: во время венгерской акции и подготовка восстания>

Вскоре после этого мы узнали, что готовятся привезти сюда [...] для сжигания венгерских евреев. Это нас сломало до последней степени, что мы должны сжигать миллион венгерских евреев⁵². С нас уже и так хватало и до этого, уже давно более чем достаточно всего. Мы ещё должны обогреть руки кровью венгерских евреев! То есть нас довели до того, что просто вся команда без различия класса и слоя, и даже самые худшие из нас, разозлились и решили, что нужно положить игре конец, покончить с этой работой, а заодно и с нашей жизнью, если надо. Мы начали налегать дальше, чтобы требовать извне быстрого решения, но, к сожалению, все вышло не так, как мы это себе представляли.

Через некоторое время началось большое наступление на Востоке, и изо дня в день мы видели, как русские приближаются к нам, и у других создалось мнение, что, может быть, вся работа лишняя, лучше ждать, ещё немного подождать, пока фронт не приблизится и вместе с этим упадёт

моральный уровень и возрастёт дезорганизация у СС-овцев, и это может дать нашей акции много шансов. Действительно, со своей точки зрения, они были правы, к тому же, когда они абсолютно не видели для себя угрозу в их ожидании. [...] ликвидировать [...] время [...] они не должны торопиться для этого, но мы [...]

Но, стоя за работой, мы видели истинное положение вещей, что время пройдет ни с чем. Особенно мы, наше командо, всегда полагали, что именно мы под большей угрозой, чем все другие в лагере, даже чем евреи в лагере. Потому что, полагали мы, немец любой ценой захочет стереть все следы его до сих пор сделанных дел, а это он может не иначе, как только через уничтожение всего нашего командо, не оставив ни одного. Поэтому мы в приближении фронта не видели для себя никакого шанса. Наоборот, мы видели в этом необходимость совершить нашу акцию несколько раньше, если мы ещё что-то хотим сделать при жизни.

Под давлением всего нашего командо мы хотели повлиять на лагерь⁵³, чтобы он понял, что сейчас лучшее время. Но, к сожалению, нас⁵⁴ откладывали со дня в день. Со временем мы разобрались с тем небольшим материалом, который у нас был, и сотворили из него соответственно то, что мы хотели и что было надо. Мы предприняли все усилия, чтобы удержать равновесие в командо, мы всё делали с большим самопожертвованием, но [...] и это длилось месяцами. Поэтому нам удалось, благодаря напряжению и преданности нескольких еврейских девушек, которые работали на фабрике амуниции⁵⁵ [...] чтобы получить чуть-чуть материала, который должен был принести нам пользу в тот момент [...] хранили и [...]

[...] в самое сердце лагеря.

[...] нашего самого большого врага [...]

[...] хранить

[...] Градовский Залман из Сувалок один

[...] составленный из лучших элементов нашей команды [...] под [...]

[...] было надо создать. Мы начали настаивать на том, чтобы наши соратники определили срок, хотя бы просто потому, чтобы наша команда была к этому готова. Случилось это после того, как у нас приостановилась немного работа. Уже не было столько евреев для сжигания. После того, как уже [...] погибли все евреи Польши, среди них [...] и не было предусмотрено больше евреев для сжигания [...], нашу команду уменьшают наполовину, даже забрали 200 (двести) молодых людей из нашей команды в Люблин и там их убили. Вскоре после этого люблинский лагерь⁵⁶ был ликвидирован, и зондер командо из этого лагеря попала сюда в Биркенау. Это были 19 русских и один рейхсдаич⁵⁷, их капо, всего 20 человек. В них наши командо видели для себя опасность, полагая, что приближается день, когда мы [...] погибнем и будут заняты места сжигания. Наши, зная об этом, считали за лучшее время, чтобы сказать: хватит! Для этого еще надо установить срок.

Наши [...] после того, как 20 русских из Люблина с нами прижились, выяснилось, что они могут принести нам большую пользу в нашей акции, в первую очередь, своей жестокостью и силой. Особенно был один военнопленный, майор, совершенно интеллигентный человек. Вначале мы возлагали на него много надежд, но выяснилось, что, несмотря на свое военное образование, которое у него было, никогда нельзя было с ним проконсульгироваться и слишком много доверять. Он просто был [...] мы начали находить других русских военнопленных полковников и до генерала, с которыми мы состояли в контакте. Но им не хватало [...] какой-то политической зрелости с [...] такую сложную работу, таким конспиративным способом, как тут в лагере [...] им не хватало. Понимание, оценка каждого плана, каждого действия [...] ничего не проходило у них гладко.

[...] что-то не было ясно само по себе, не ясно [...] ещё не готовы, после того как русские установили связь с теми снаружи из лагеря, снова что-то не было ясно, снова что-то испортилось, мы больше уже не могли дольше ждать и решились просто сами своими руками [...] просто запросто [...] какое геройство проявили [...] наши ребята, в общем маленькое число. [...] видя [...] которые заставляют нас ждать изо дня в день. [...] со всех тут уже было достаточно [...] худший из нас, который совершал зло и бесчеловечность, [...] тем днём от всего и вся отмылся начисто [...] так как мы решились, а у них есть время, мы попытаемся их принудить, мы поставим их перед свершившимся фактом, а потом пусть они делают, что хотят, лишь бы мы сделали своё.

Был утверждён день — пятница. Нашу команду мы разделили. Одна группа, которая работает в крематории II-III, вторая, которая работает в крематории IV-V. Посреди крематориев находится сауна⁵⁸ и вещевого лагерь⁵⁹. Вы на плане точно убедитесь или где-нибудь в другом месте. В любом случае всё это находится в одном углу лагеря, на западе от лагерных крематориев II-III находится в юго-западном углу и IV-V в северо-западном углу. А в середине сауна и вещевого лагерь, там также еврейская команда. Итак, в 4 мы должны прикончить⁶⁰ наших охранников в количестве до 10 человек, забрать их оружие убийства. Команда из 100 человек из нашей команды крематориев II-III, которая состояла приблизительно из 180 человек, из них отнимается немного неспособных к этому, слабых, больных, просто трусов, итак 100 человек становятся на улице и поджидают когда наступит 5 часов, когда часовые будут меняться на вышках, на ближнюю цепочку постов, на ночь, в количестве 20 человек. Когда последние подходят близко, наши команды набрасываются на них. Определено на каждого из них по пять наших, среди них такие, которые умеют пользоваться пулемётом⁶¹. Прикончив 20 человек, 100 человек делятся, половина идёт с пулемётом сбросить цепочку постов, которая стоит целый день, другая половина идёт к лагерю.

В это время другие наши союзники должны у себя сделать по той же системе: освободиться от собственных охранников, а потом люди из сауны

собираются вместе с командой крематория IV-V с другой стороны лагеря и нападают на часовых, которые идут вставать на ночное дежурство, а потом нападают на руководителей блоков [...] и лагерей, которые вместе: лагерь больных⁶², женский лагерь⁶³ и мужской лагерь⁶⁴. Из наших людей из крематориев II-III должны [...] выйти вперед на дорогу, где они должны встретиться с 8 часовыми с пулемётами и напасть на них вплотную у колючей проволоки нашего мужского лагеря.

Группа наших людей, которые находятся в лагере, стоят и ждут. В ту минуту, когда те приближаются снаружи, они перерубают изнутри проволоку и с громким ура бегут к ним на помощь и поджигают в то же время все бараки лагеря. Остатки нашей команды, которые остались после [...] эти 100 и 25 человек, другая группа должна в это время перерубить колючую проволоку женского лагеря и других соседних лагерей и одновременно взорвать все крематории. Так было решено и так же подготовлено настолько, что все наши люди уже были для этого одеты и даже разделили работы и соответствующие инструменты для этого. Было решено в 9 часов. И в 2 часа ещё пришел [...] последний посланник и сказал, что это не будет отложено.

Народ просто целовался от радости, что мы дожили до минуты, когда мы сами, сознательно и свободно идём положить конец всему. Тем не менее, никто не строил иллюзий, что мы так спасёмся. Наоборот, мы прекрасно отдавали себе отчёт в том, что это верная смерть, но всё же все были этим довольны. Но в последнюю минуту случилось что-то важное с транспортом, что нужно было там, в зоне, остановить и, соответственно, и также всю акцию.

По правде говоря, наши ребята просто слезами заливались, зная, что события нельзя откладывать, если нет, то уже не пойдёт, как хотели. Со временем снова пришли наши союзники из лагеря и попросили дальше поддерживать с ними контакт, заверяя нас, что очень скоро они решатся пойти вместе с нами. Мы дали им себя уговорить. Особенно внешнее политическое положение, которое улучшалось изо дня в день, вынуждало нас ждать, поджидать, рассчитывая тем самым уже не столько на шанс нашего спасения, которое мы никогда даже не пытались себе вообразить, сколько просто на ещё большую вероятность успеха акции.

А что до евреев, которых мы сжигаем за это время, нас лагерь уговорил, что они так или иначе будут сожжены: если не нами, то другими. Но мы каждый день негодовали и хотели уже ускорить событие. Это длилось так долго, пока за это время не были сожжены пол-миллиона венгерских евреев, а у них в лагере всё ещё есть время, просто потому, что их это пока не касается, и всё ещё слишком рано. Чем позже, тем больше шансов.

Со временем план наш действительно расширился благодаря участию всего лагеря и особенно соседнего лагеря в Ойшвице. К нашему плану было добавлено то, что наработала команда из поляков, русских, евреев при разборке старых самолётов⁶⁵ и к тому же разных складов амуниции⁶⁶,

что они должны напасть на их месте на склады и раздать оружие команде, и вся команда пойдёт в бой с СС-овцами в лагере. И немного должно перепасть баракам [...] военных⁶⁷ для поджога. Но и они, к сожалению, в последнюю минуту поставили условие подождать ещё немного. Мы скрежетали зубами и молчали.

Так как мы раньше предусмотрели планы совершить [...] акцию своими руками, в частности, также план совершить акцию поздно ночью и попробовать сразу побежать в поле, попытаться так спастись, что ещё было как-то похоже⁶⁸ на реальность [...] Общая акция нас очень останавливала, просто потому, что не могли подключить к акции обе команды, то есть крематориев II-III и команду крематориев IV-V. И прежде, чем одна команда из нас сделает это и тем предаст остальных, другие команды, мы решили, лучше подождать и сделать общую акцию с теми же шансами для нас обеих, то есть команд обоих крематориев, так мы были преданы и связаны [...].

Настал день, когда наше положение начало становиться серьёзнее из-за того, что вся наша команда перешла жить в крематории IV-V⁶⁹, где нечего было делать, так что было предусмотрено, что скоро, в ближайшие дни придут и заберут группу людей из нас. И вот именно так и случилось. Забрали 2 сотни и убили их и сожгли.⁷⁰

Вскоре после этого снова поднялся порыв покончить с игрой, потому что просто от большого волнения и досады и к тому же акция ещё не была закончена.

Так как мы понимали, что скоро он⁷¹ снова попытается ещё уменьшить команду, ведь будапештских евреев он уже сюда не привезёт. К тому же уже открыто говорят, что он приступил к ликвидации лагеря тем, что он ежедневно увозит транспорты евреев по железной дороге недалеко отсюда, где у нас у всех есть проверенные доказательства того, что они уничтожены, даже одежда их возвращается [...] И к тому же он привозит сюда, к нам в крематорий, ежедневно здоровых свежих молодых людей, уже совсем без селекции, как раньше делалось, а просто блок за блоком. Настолько систематически и планомерно, что видишь точно, что дело идёт к концу всей ликвидации.

И к тому же он ещё попытается уменьшить нас в команду, что ему уже наверняка не удастся, потому что он попадет на таких, которые обо всём знают и предназначены для этой работы. Просто уже давно готовы к событию, так что это ему точно не удастся, и мы это точно знали. После нашего сильного давления на лагерь, когда мы днём и ночью стучали им по голове и доказывали, что ожиданием они дождутся всего лишь своего черед⁷², своей очереди попасть в Бункер⁷³, и больше ничего, они снова, в конце концов, согласились и определили срок общей акции, — сообща, вместе.

Мы снова всё подготовили, но уже осторожнее, чем прежде⁷⁴, потому что после первого раза мы страдали послеродовыми болями от доноса

нашего польского капо по имени Митек⁷⁵, который донёс на нашего еврейского капо⁷⁶, и его по этому самому обвинению действительно забрали и застрелили. В этот раз мы уже хотели быть осторожнее.

Уже определив срок, мы узнали от наших союзников-евреев, которые представляли общую массу лагеря, которые состояли в постоянном контакте с русскими и поляками лагеря, что определение русскими срока было самостоятельное, недостаточное просчитанное, не подготовленное соответственным образом, а просто по их старой уже нам знакомой системе: не задумываться слишком, просто-напросто сделать — и готово, просчитано-непросчитано, есть шансы, нет шансов, сделать — и готово. Удается ли что-то, или нет, это уже для них слишком надо задумываться, это [...] просчитают, что нужно подготовить [...], что все, кого представляем мы [...] Из-за этого должны быть специалистами в этом деле, должны иметь право знать [...] можно ли будет что-то сделать, что-то выполнить.

Должны же [...] раньше знать об этом то есть [...] уже [...] они уже сами узнают. Они слышат ура, крик, стрельбу и они поймут, что происходит. Но что это называется авантюра, на которую мы не хотели решаться, потому что было мало шансов на успех от простой драки. У нас были лучше шансы, если действовать самостоятельно, мы бы больше выиграли. И по правде говоря, наши люди сами нас много раз упрекали в оттягивании [...] совершить самим [...] уже достаточно, и сами мы, те, которые стояли во главе акции, сами мы должны были стать теми, которые остановили, оттянули на день позже и чтобы выиграть больше шансов, больше организованности.

После того срока мы возложили всю ответственность на тех немногих, кто понимает лучше, как организовать всё дело. На нескольких евреев и нескольких поляков. Итак, теперь они начали организовываться и готовить все внешние команды⁷⁷ к событию, чтобы это было как следует, обеспечили каждую команду подходящим доверенным человеком, который обо всём должен быть информирован и знать заранее определённый срок, на месте подготовить необходимые условия с инструментами для этого дела. Разумеется, это оказалось очень правильным, как верный шанс, чтобы соответственно удалось. Но это должно было-таки длиться какое-то время.

Но со временем случилось то, чего мы так сильно боялись. Снова объявили отбытие транспорта из команды крематориев IV-V из 300 (трёхсот) человек. Это внесло совершенное смятение в команду. Были такие из этих 300 человек, которые заранее говорили, что окажут сопротивление. А раз поднимать сопротивление, то понятно, что нельзя предвидеть, чем закончится. И к тому же другие, те, которые должны были остаться, сказали, что они готовы кончить вместе с теми, и может только несколькими часами раньше, не ждать пока придут их забрать, а закончить на один вечер раньше. У них на то наверняка было полное право, фактически так и нужно было делать.

[...] опирались на уверения всего лагеря, что вопрос стопроцентно актуален в ближайшее время. Это вопрос считанных дней, с большой вероятностью участия всего лагеря в числе десятков тысяч людей. И требуя от нас безусловную терпимость к тому, что забрали 300 человек за цену успеха акции.

Мы, чувствуя, что у нас уже есть силы [...] целостности общей акции и, не считаясь с нашей жизнью, уже будучи заинтересованными в наибольшем успехе [...], позволили [...] остаться [...] в стороне, мы [...] и мы им ничего не говорим. Наоборот, пусть они окажут надлежащее сопротивление, пусть сделают что могут. Но мы остаёмся в стороне. Этим мы не упустим свой шанс, который должен придти с божьей помощью несколькими считанными днями позже.

<«Зондеркомmando» в Биркенау: восстание 7 октября>

Событие, которое случилось пару дней назад у нас в крематории IV, привело, к сожалению, к большому [...] несчастью и многое разрушило из всего нашего плана. Но ни у кого нет никакого права как-то принижать моральную высоту и отвагу, мужество и героизм, который [...] показали наши друзья и в этом неудавшемся случае, который ещё до сих пор не имел равного себе в истории Ойшвица–Биркенау и вообще в истории преследований, гонений, бед и горя, которое немец наделал во всём захваченном им мире.

Было у нас 19 русских, которые работали вместе с нами. Они были обо всём и всех информированы и в доверии. Они со своей жестокостью показали немного [...] главному по команде⁷⁸ слишком наглými. Они вообще ни у кого не спрашивали, делали, что они хотели, что этим нашим властителям абсолютно не нравилось. Много раз они говорили о русских, что они отпустят их из команды, но все знают, что означает освободить от зондера, это просто на небо. И на это они самостоятельно чуть-чуть не могли решиться. Не было у них какого-то достаточного предложения.

[...] несколькими днями раньше один из них напился и устроил сильный скандал. Наш шеф, унтершарфюрер, сам профессиональный убийца, видя это, начал его сильно бить. Тот от него убежал, а шеф выстрелил ему вслед и ранил. Потом, желая его, раненого, увезти, он вылез из машины и набросился на этого самого шефа, вырвал у него из руки кнут и дал ему по голове. Последний быстро схватил пистолет и застрелил его насмерть на месте. Он использовал происшествие и сообщил коменданту, что он просто боится русских и требует, чтобы их оттуда забрали, что тот, разумеется, для него сделал. И так как уже говорилось, что из крематориев IV-V

забирают транспорт из 300 человек, шеф им сообщил, что они уйдут вместе с транспортом, а что это значит, они хорошо поняли, потому что сами они, эти вот 19 русских сожгли первый транспорт из 200 человек, который от нас поехал в Люблин к ним в руки.

Возник жуткий хаос среди нас самих. Сами они хотели начать игру вечером. Хитростью мы их удержали. Мы поговорили с шефом о том, чтобы их оставить, объясняя ему, что это была простая случайность с пьяным, который ни за что не отвечает и другой за него тем более не отвечает. Он дал нам себя немного убедить, потому что к нам у него было полнейшее доверие, о чем мы достаточно позаботились, чтобы так было. И это бы точно прошло хорошо, но днём позже — было это утром в шаббат 7/10 44 мы узнали, что через полдня должен уйти транспорт с этими 300 людьми из крематориев IV-V. Мы в последний раз укрепили нашу позицию и точно и ясно заявили нашим связным, как они должны себя держать в различных случаях. Но как только настал час обеда, в 1.15 и пришли забрать 3 сотни человек.

Они выказали потрясающий героизм, не желая сойти с места. Они подняли большой крик, напали на часовых с молотками и кирками, некоторых из них ранили, а остальные напустились, с чем они только могли, просто забросали их камнями. Последствия, которые были, легко себе представить. Это длилось, в общем, считанные минуты, и приехал целый эскадрон с вооружёнными СС, с пулемётами и ручными гранатами, в таком количестве, что на каждого арестанта приходилось не меньше 2-х пулемётов. Такую армию к ним мобилизовали! Наши, видя, что они пропали, хотели в последний момент поджечь крематорий IV и сами под крик все пали в бою, расстрелянные на месте. И весь крематорий исчез в дыму. Наша команда крематория II-III, видя издали огненное пламя и ужасно сильную стрельбу, была уверена, что из той команды в живых не осталось никого.

Нам стало ясно, что эти наши союзники с ними и понятно, что они воспользовались орудиями уничтожения, которые у них были, и в этом случае это был бы самый большой донос на нас, так как у нас находится тоже что-то подобное. Всё же мы решили, что нам нельзя раньше времени реагировать, потому что всё равно это не более чем авантюра и к тому же у нас всегда есть время, даже в последние минуты, потому что, будучи неподготовленными, без помощи всех вместе, не с лагерем, и при этом было посреди бела дня, без какого бы то ни было шанса на то, чтобы поверить, чтобы кому-то удалось спастись, даже одному. Поэтому мы должны выждать. Может быть, вообще решится до сумерек, и тогда, если это будет срочно, мы сделаем это вечером. Русских, которые были с нами, не так легко было удержать, потому что они думали, что их сразу заберут с транспортом, и когда там всё умирает в бою, они полагали, что для них лучшее время. К тому же помогло то, что они заметили издали, как приближается к нам толпа вооружённых СС-овцев. Пришли они из

мер предосторожности, но они в этом видели, что приходят непосредственно за ними. В последнюю минуту было невозможно их одолеть, и они набросились на оберкапо, рейхсдайч, и его моментально живого толкнули в горящую печь, что он точно честно заслужил. И, быть может, ещё слишком лёгкой была для него смерть. И с той же целью принялись за дальнейшую работу.

Другие товарищи из крематория II, видя, что их поставили перед свершившимся фактом, который уже невозможно взять назад, быстро в этой ситуации сориентировались и попробовали заманить шефов, которые тогда находились на улице. Но они уже почувствовали угрозу и ни в коем случае не хотели дать себя завлечь⁷⁹. Не будучи в состоянии больше ждать, потому что каждая минута играла роль из-за приближения прибывающих вооружённых постов, в мгновение ока, быстро распределили среди себя всё, что у них было в последнюю минуту, и они перерубили колючую проволоку.

И все разбежались вокруг цепочки постов. Они же проявили столько ответственности и самопожертвования в последние минуты, когда имела значение каждая секунда для вероятности спасения, а их жизнь была в опасности от постов, которые за ними гнались. Но они всё же на некоторое время остановились и выполнили их задачу, перерубили ещё проволоку соседнего женского лагеря, чтобы дать женщинам возможность разбежаться. К сожалению, им очень мало удалось, если не считать того, что они отбежали на несколько километров от лагеря. Их всё же окружили другие посты, которых по телефону вызвали из соседних лагерей⁸⁰, и от них они все, к сожалению, погибли на бегу. Многие из них к тому же использовали их материал⁸¹, который у них был при себе, и благодаря этому получили возможность⁸² так далеко убежать. Но всё же сила власти была достаточно велика. Как и было предусмотрено, с помощью

[...] он, к сожалению, окружил всех наших героических братьев и изда- лека убил всех пулемётами. В особенности кто же может оценить отвагу и преданность этих нескольких из этих наших товарищей, которые остались в числе 3 человек, чтобы вместе с собой взорвать крематорий на воздух и вместе с ним они должны будут погибнуть, сознательно пожертвовали своим шансом на спасение [...]

что в конце концов прокрадывается надежда [...] может быть, всё же и тут от него отказались для [...] пожертвовали, разве на самом деле не возложили свою собственную жизнь на жертвенник? Сознательно всем сердцем, с большой самоотверженностью⁸³, потому что никто в тот момент к этому не принуждал. Они могли попытаться просто бежать со всеми и всё же отказались ради дела. Так что, конечно, кто способен оценить величие этих наших товарищей, героизм их поступка. Да! Да! Наше лучшее там погибло, именно лучшее, самое дорогое, лучшие элементы [...] самые достойные, как жизни, так и смерти. [...]

[...] они были товарищами в бою [...] в жизни и в смерти [...]

Мы, стоявшие вдалеке во время всего события, не зная, что там произошло, потому что договорено было по-другому, и то, что там произошло в последнюю минуту [...], не успели дать нам знать, и мы, увы, остались одни без наших близких, без наших самых дорогих, уже не с кем жить и, что ещё хуже, не с кем умирать. Из всех наших доверенных не осталось ни одного из [...]. Остался в живых упомянутый Йекл Гандельсман, один из столпов главного руководства всей акции. Благодаря тому, что он был вместе с теми 3 людьми, которые остались чтобы взорвать⁸⁴ крематорий и вместе с теми [...] поздно [...] который они ещё не успели взорвать [...] здание и они [...] Но, к сожалению, снова он находится вместе с несколькими русскими, которые находились [...] в крематории III и были пойманы: они сидят, арестованные, в Бункере⁸⁵, в руках политотдела, и легко себе представить, что там с ними делают. Тут остался только [...] один даян⁸⁶, образованный человек [...], быть с ним, но далёк от понимания всего дела просто из-за его позиций, которые всегда держатся в рамках еврейского закона, и ещё один, упомянутый Малинка Элш, который должен был быть вождём акции в команде крематория, который он [...], но многие вещи, которые требуют размышления. Он слишком молод с маленьким жизненным опытом. Это событие, военное событие [...], связанное с военными вопросами.

Но не мы виновны [...] недостаточно удалась, виновен [...] и его мощная сила, которую он [...] в первый раз дожили, чтобы люди — принимая во внимание то, что требует от них [...] не пугаясь того [...] несмотря на то, что у них ещё были шансы жить дольше и жить как раз⁸⁷ в хороших условиях, потому что еды и питья, курева у нас в избытке [...] и всё же решиться и героически положить конец собственной жизни! Это достойно восхищения, записать в нашей истории, но с тех пор, как [...] преданные золотые товарищи, вас больше нет с нами, как вы уже выполнили⁸⁸ ваше задание и сделали своё, будьте уверены, что и мы, которые сейчас ещё живут, которые ещё бродят по большой печальной могиле.

из-под [...] уверены ли [...] предадим, мы [...] не будем [...] нас тоже ничего не пугает [...] с вами [...] вместе бороться [...] начали [...] начали [...] начали, но мы это [...] и все вместе мы всё дело сделаем.

И такое останется навечно у нас и все те, которые сумеют оценить наше положение. Остается [...] помянуть их добром.

89. 7. 2. 5. 1. П

[...] встретились с нашими союзниками [...] в общем деле. Мы все думаем, что это продлится несколько дней из-за того [...] Ойшвиц по нашим причинам [...] узнают, живёте ли вы [...] будете сами себя обманывать до тех пор, пока сами себя заманите. Это мы поймем позже. Поэтому мы с нашей акцией точно не опоздаем. Так что помните, мы вас предупреждаем, только один шанс у [...] помните, не теряйте последний шанс, который тут

[...] временем они хорошо поняли, и они сделают как вы [...], но не преждевременно, это нам подскажет время. [...] И в их словах мы уже как-то начали немного сомневаться, они уже потеряли у нас часть доверия из-за их непоследовательности и другого.

<После восстания>

Теперь, ещё через пару дней после события [...] мы уже знаем точно, где мы в этом мире, где мы находимся [...] приходим к решению — отважные [...] быть готовыми к [...] нужно было перейти от слов к практике, к поступкам, выяснилось, что все они⁹⁰ ещё далеко не готовы. Ещё хуже, что они ещё не готовы мысленно. Они ещё не в состоянии предпринять такое. Попросту говоря, им ещё хочется жить. Умереть, говорит он, у меня ещё есть время. Поэтому [...], в отличие от наших парней, [...] всё время нас упрекали, что мы слабые, трусы.

Те, которые боятся смерти, те, которые хотят прожить ещё день, для которых час жизни играет роль [...] но реальность, события [...] показали [...] событие за [...] как раз мы, которых обвиняли в трусости, были теми [...] всё время с ожиданием [...] чего-то дожидаться мы [...] шанс на что-то [...], но чем шире это было [...] когда мы увидели, что нам нечего ждать, что все эти обещания и уверения, которые мы получали всё это время, все были пустыми фразами, построенными на лжи и лицемерии. Тогда мы решили и сказали: достаточно. Не пугаться исхода боя [...], несмотря на то, что у них ещё были шансы чуть-чуть пожить, может быть, ещё дольше, чем у всех тех из лагеря, все же у них была сила сознательно пойти на смерть. Почему [...] у всех остальных из лагеря не было силы [...] обращение с нами [...] обычно в контакте с поляками [...] это просто [...] преданность делу отдавать им! [...] они использовали нас во всех областях [...] мы доставляли всё, что они требовали, то есть золото, деньги и другие ценные вещи на большие миллионы.

И ещё важнее то, что мы им поставляли тайные документы, материал обо всём, что с нами произошло [...]. Всё мы им передали о каждой мелочи, которая произошла, такое, что может когда-нибудь заинтересовать мир. И наверняка всем интересно⁹¹ знать, что с нами произошло, потому что без нас никто не узнает, что и когда произошло. И если кто-то что-то знает, то это всё благодаря нашим усилиям, нашему самопожертвованию, тому, что мы рисковали жизнью и, может быть, ещё [...] сделали просто потому, что чувствовали, что это наш долг. Мы делаем то [...], что мы должны делать. Мы не требовали ничего [...] работа [...] но не это оказалось, что нас обманули эти вот поляки, наши союзники, и всё, что они у нас забрали, они использовали для своих собственных целей. Даже материал, который мы

выдавали, был приписан на их собственный адрес, и совершенно умалчивалось наше имя, как будто бы мы не имели с этим ничего общего. Да! Они себе на наши деньги, нашей болью и трудом, нашей кровью создали популярность и славу.

[...], принялись тянуть из лагеря [...] они достойны того, чтобы им помогли выбраться [...] или кто настоящие представители, у кого есть какая-то настоящая [...] случается это записывать? Это никто не знает [...], у нас наболело [...] пострадавшие, мы знаем [...] почему это с нами происходит, почему [...] это заняли собственными [...] ещё пара дней прошли и мы знаем [...] им не хватает ещё одной мелочи, которую нам надо [...] мы сделали свое [...] оказалось, что их интерес с провололочкой был только в том, чтобы они смогли [...] как можно больше отсюда вытянуть, полагая, что, сделав нашу акцию самостоятельной [...] позже материал будет [...] дальше подмазывать⁹² [...] дальше добиваться своего, их собственные личные интересы ценой нас, ценой нашего [...] ценой нашей жизни, через что мы прошли [...] были обмануты, и у нас забрали всё [...] и мы были поставлены перед необходимостью сказать, что так не годится [...] сказать [...] дальше так не пойдет. Хочешь себе что-то заработать, хочешь что-то достать, так иди сам рискуй, доставая [...] сам, не за счет другого [...] даже вы интеллигенты, вы [...] с вашим разговором, с вашими гладкими речами. Ах, [...] теперь выразить нашу [...] досаду и боль, которую мы испытываем [...] союзники.

Дай бог, чтобы один из наших ещё раз мог бы встретиться при жизни с этими всеми союзничками.

Зато [...] мы бы им тем [...] раскрыли бы их истинное лицо, мы бы их [...] открыли и перед всем миром его представили [...] они с нами сблизились, с нами, с их союзниками, они всё у нас выманили и нас [...] оставили стоять одних. У нас нет [...] мы должны были послушаться их [...] потому что [...] решение [...]

все они смогут... Полный [...] сам и [...] лучше умереть [...] который [...] смерть [...] это рисковать [...] так говорит каждый, но поляки [...] или можно [...] для тех снаружи⁹³, но мы [...] достаточно позволили использовать себя [...] популярность [...] выбираться из тёмного ада и поэтому отплатить полным антисемитизмом, который мы чувствовали на каждом шагу. Вот, например, с ними уже ушли многие десятки людей⁹⁴ и только ни один не хотел взять с собой еврея! [...] время [...] со многими людьми [...] глупыми надуманными отговорками [...] а мы, евреи, идём и погибаем, от нас от [...] ни один из нас [...] использовали это для себя. Мы будем дальше делать своё. Мы всё попробуем и все сохраним для мира, но просто сокрытым в земле, в [...], только тот, который захочет найти, который [...] ещё вы ещё найдете [...] от двора под нашим крематорием не к дороге [...], а с другой стороны, многое вы там найдете [...], потому что мы должны так до

сих пор, до [...] события [...] по порядку хронологически исторически всё высказать перед миром. С этого момента мы будем хранить всё в земле.

Посвящается моим самым близким, в честь их памяти:

Йосл Варшавский, родился в Варшаве, приехал в Париж

Залман Градовский, Сувалки

Лейб Гершко Панич⁹⁵, Ломжа

Айзик Кальняк⁹⁶, Ломжа

Дережинский Йозеф, Лунна возле Гродно

Лейб Лангфус из Макова Мазовецка, родился в Варшаве, сейчас ещё в крематории

Йекл Гандельсман, Радом — Париж, сейчас в Бункере

Пишущий эти строки Залман Левенталь, Цеханув, сейчас в команде.

История Ойшвица, Биркенау как рабочего лагеря вообще, и как места уничтожения миллионов людей, в частности, я думаю, будет очень мало передана миру. Немного через штатских⁹⁷ людей, и я думаю, что мир уже знает сейчас об этих ужасах. Остальные, может быть, кто ещё из поляков останется в живых благодаря какой бы то ни было случайности, или из лагерной элиты, которые занимают лучшие плацувки и ответственные [...] может быть, благодаря им, в любом случае ответственность уже не так велика. По сравнению с процессом уничтожения в Биркенау поляков, как и евреев [...] те, которые уже находились в лагере [...] видели, как все они погибли планомерно, сотни тысяч по приказу [...] исполнение [...] собственными братьями, арестантами [...] были предупреждены на работе капо и бригадирами теперь [...] которые [...] живут [...]

[...] в наше время — в двадцатом столетии, в его середине, в самом сердце цивилизованной Европы [...] и люди [...] перед [...] приказам [...] порабощение [...] и ненависть к людям из [...] до чего они довели мир [...] стоял над пропастью и при этом должно быть ясно само [...] условия, особенно наша [...] знакомая зондер команда! В связи с нашей работой, под которой мы так долго жили и держались до сего дня и выдержали в нашей [...] это мы со временем подумали [...] и всё что [...] за это время жили с [...]

[...] записанное [...] сотни лет спустя и [...] ещё лучше сказано [...] они, должно быть, не поверят, мы знаем это наверняка [...] произошло [...] больше к аду [...]

[...] пусть все небеса были бы чернилами [...] кровью записали в мире [...] героического [...] чтобы узнать [...]

Но мы [...] и вы соответственно используете⁹⁸, когда мы пойдем и не [...] когда к нам [...] помогут [...] то наш [...]

Залман Левенталь

10/10/44.

10 октября⁹⁹.

*Перевод с идиша Алины Полонской
Примечания Павла Поляна и Алины Полонской*

¹ Перевод выполнен с идиша по изданию: *Mark*, 1977. P. 377–429, с учетом перевода на немецкий язык в: *Inmitten des grauemollen Verbrechens*, 1996. S. 202–254. Разбиение на главки и их названия принадлежат публикатору.

² В оригинале польское слово *placówka* (букв. «рабочее место»), написанное на идише. Здесь оно имеет коннотацию скорее заработка, чем рабочего места.

³ Подобные жестокие сцены происходили в Цеханувском гетто в 1940–1941 гг. Б. Марк ссылается также на свидетельства Ицхока Лейба Кленица и Эстер Млоцкер в своем архиве.

⁴ Возможно, имеется в виду инициатива цеханувских ремесленников по созданию народной кухни в Нойштадтском гетто, где выдавались бесплатные обеды для 300 еврейских семей, высленных туда 1.11.1941 из Цеханува (см.: *Roza Robota. Kehilat Ciechanuv Bekhurbana Umot-Giburim*. Tel Aviv, 1952. С. 17).

⁵ В оригинале польское слово *wysiedlenie* (выселение), написанное на идише.

⁶ Города Плонск (Płońsk), Нови двор (Nowy Dwór), Нойштадт (Nowe Miasto) входили в т.н. «Бецирк Цихенау» (см. во введении).

⁷ Так в тексте. Вероятно, описка. Датой депортации третьего транспорта евреев из Цеханува является 7 ноября 1942 года.

⁸ Малкия — место, откуда 10 декабря 1942 г., согласно Д. Чех (*Czech*, 1989. S. 356), прибыл транспорт, в котором находился и З. Левенталь. В то же время известно, что местом транзитной концентрации евреев бецирка Цихенау являлось гетто города Млава близ Цихенау. Малкия же слыла «форпостом» Трешлинка, о которой как о фабрике смерти было известно гораздо больше, чем об Аушвице.

⁹ Автор иногда пишет «командо» с окончанием «о», как в немецком языке, а иногда пишет идишское окончание «е». Здесь сохранено написание с «о», а написание с «е» переведено русским словом «команда».

¹⁰ Здесь и далее немецкое слово *Häftling* (арестант, узник) написано еврейскими буквами.

¹¹ Здесь и далее польское слово *Samochód* (автомобиль) написано еврейскими буквами. Подразумевается при этом грузовик, но в одном случае, за счет добавления уменьшительного суффикса (*Samochódl*), имеется в виду легковая машина.

¹² В немецком издании здесь вписан номер блока: «38» (интересно, что в польском протоиздании 1971 года номер не указан). Нумерация блоков (бараков) в лагере Биркенау имела только внутри каждой из четырех зон лагеря, но ни в одной из них не было барака с номером 38.

¹³ «Небесная команда» (нем.: *Himmelskommando*). На так называемом «крематориумном эсперанто» это означало: те, кто работают на небе, то есть те, кто уже умерли (*Jagoda, Klodziński, Masłowski*, 1987).

¹⁴ Соответственно, 22–23 марта и 4 апреля 1943 г.

¹⁵ То есть: кто исполнял какую-либо функцию в так называемом «самоуправлении» узников: благодаря своей власти над другими узниками, они могли легче выжить за счёт других.

¹⁶ О. Молль (См. Приложение 3).

¹⁷ В силу экстренной необходимости замены старой «зондеркомандо» новый состав «зондеркомандо» приступил к работе, не пройдя ни карантин, ни другие установленные процедуры.

¹⁸ День, когда последняя группа цеханувских евреев, и среди них Л. Левенталь, прибыла в Аушвиц. Из Млавы их отправили 7 декабря 1942 г.

¹⁹ Так в тексте — в два слова, причем слово «зондер» — еврейскими буквами.

²⁰ Группы, извлеченные из газовой камеры (бункера).

²¹ Имеются в виду евреи.

²² Строительные работы в Аушвице, Биркенау и других вспомогательных лагерях начались в октябре 1941 и не прекращались до конца 1944 г.

²³ 10 декабря 1942 г.

²⁴ М. Чехановер вспоминал, что в бараке к ним навстречу вышел еврейский блокэльтесте в сопровождении эссовца и сказал: *«Вы находитесь в лагере смерти Биркенау. Тут вы будете много работать, а еды вы будете получать мало. Будете себя хорошо вести — выдержите три-четыре месяца, а если нет — содохнете в ближайшие дни...»* (Чехановер, 1969. С. 327).

²⁵ Так в тексте.

²⁶ Германизм: от нем. *«seinem Leben ein Ende machen»* (букв.: «творить конец своей жизни»). На немецкое происхождение этого выражения указывает и окончание «е» в слове *«Ende»* («конец»), которое обычно пишется в идише без «е».

²⁷ Имеется в виду большой рабочий лагерь в Моновице при заводе по производству искусственного каучука *Bunawerke*, построенном *AG Farbenindustrie* в 1941–1942 гг.

²⁸ 25 января 1943 г.

²⁹ Автор имеет в виду крематории.

³⁰ Глагол, образованный от польского *przytomność* (сознание) при помощи прибавления приставки и глагольного окончания.

³¹ Так в тексте.

³² В тексте нем. слово *Lore* — «Лор» (тележка, вагонетка), написанное еврейскими буквами.

³³ Так в тексте. Фраза, начиная «про других», заканчивается «про себя».

³⁴ Так в тексте (рассогласованное предложение).

³⁵ В тексте — нем. *Klamotten* (тряпье), написанное еврейскими буквами.

³⁶ Имеется в виду Лейб Лангфус.

³⁷ Ко времени прибытия З. Левенталь в лагерь, в декабре 1942 г., ближайшие к Аушвицу еврейские общины находились в Бендзине и Сосновце — на расстоянии около 35 км. В первые дни августа 1943 г. они были также ликвидированы, а их жители депортированы в Аушвиц.

³⁸ С. Шавиньский (См. Приложение 2).

³⁹ Аббревиатура от *KaPo* — *Kameradschaft-Polizei*. Чаще всего, но ошибочно, возводится к итальянскому *capo* — начальник.

⁴⁰ Йосл Варшавски.

⁴¹ Ряд немецких и польских предпринимателей получили военные заказы и право нанимать еврейских рабочих. Возникшие таким образом предприятия назывались «шопами». Некоторые из них, так называемые «плацувки», находились за пределами гетто, и еврейских рабочих — «плацувкаржей» — водили туда ежедневно в колоннах под охраной. Здесь, то есть применительно к Аушвицу-Биркенау, под «плацувками» понимаются любые более или менее автономные рабочие места (например, электрики, пожарники и т.п.).

- ⁴² Так в тексте.
- ⁴³ Еврейское название города Сандомира.
- ⁴⁴ В плане подготовки восстания.
- ⁴⁵ Юкл (Янкл) Гандельсман.
- ⁴⁶ Гебраизм написан неправильно מוסר вместо מוסר . Возможно, ошибка или описка Бер Марка.
- ⁴⁷ Город в Мазовецком воеводстве, к северу от Кутно.
- ⁴⁸ Здесь и далее имеется в виду порох, производившийся на фабрике «Union-Werke».
- ⁴⁹ Германизм: кетте (от нем. *Kette*) вместо «кейт».
- ⁵⁰ Здесь и далее в оригинале нем. *erledigen* (прикончить), написанное еврейскими буквами.
- ⁵¹ «Как говорится, свобода или смерть» (арам.). Поговорка «товарищество (содружество) или смерть» приводится в тексте трактата Таанит 23а. Слово «товарищество» חַבְרַתוֹת отличается от слова «свобода» חַבְרַתוֹת одной буквой, а термин «содружество» применяется и по отношению к сообществу изучающих Тору. Вероятно, автор остроумно переиначивает арамейскую поговорку, иронизируя по поводу того, что по вине друзей он потерял свободу. Благодарим Ш. Андрушака и У. Гершовича за помощь в интерпретации этой фразы.
- ⁵² Современная оценка числа погибших в Аушвице венгерских евреев (с учетом направления их части на принудительные работы в Рейх) — около 270 тыс. чел.
- ⁵³ Имеется в виду организация Сопrotивления в центральном лагере Аушвице-1.
- ⁵⁴ Так в тексте.
- ⁵⁵ На «Union-Werke».
- ⁵⁶ Имеется в виду концентрационный лагерь Майданек около Люблина, который начинал свое существование летом 1941 г. как рабочий лагерь СС для советских военнопленных (аналогичная структура была создана и в Аушвице-1).
- ⁵⁷ То есть гражданин Германии (Рейха). В противоположность «фольксдойчу» — немцу по национальности, но не гражданину Рейха.
- ⁵⁸ Баня. Находилась рядом с крематорием IV.
- ⁵⁹ Так называемая «Канада». Написано еврейскими буквами.
- ⁶⁰ От нем. *erledigen*. Написано еврейскими буквами.
- ⁶¹ В оригинале немецкое слово *Maschinengewehr*, написанное еврейскими буквами и означающее «пулемет». Судя по контексту, могут подразумеваться и автомат, и пулемет.
- ⁶² Находился на участке В II f.
- ⁶³ Находился на участке В I a, В I b.
- ⁶⁴ На участке В II d.
- ⁶⁵ В оригинале русское слово *самолет*, записанное еврейскими буквами.
- ⁶⁶ Группа заключённых, занятая этой работой, называлась *Zerlegebetriebskommando*.
- ⁶⁷ Имеются в виду бараки, где жили СС-овцы.
- ⁶⁸ В оригинале польское слово *podobne* (похоже), записанное еврейскими буквами.
- ⁶⁹ Работники «зондеркоммандо» жили в особых бараках, абсолютно изолированно от остальных. В начале в блоках 22-23 на участке лагеря ВIb, после этого в блоке 2 и в основном в блоке 13 в мужском лагере, участок В II d. Позднее, чтобы ещё плотнее изолировать их от других заключённых, они были переведены во внутренние помещения в самих крематориях.
- ⁷⁰ Это случилось в сентябре 1944 г. Руководство лагеря обмануло жертв, сказав, что их переведут в Глейвиц, даже выдав новую одежду и еду на дорогу. В Аушвице-1 их убили, а трупы привезли в Биркенау для сжигания в крематориях, причем этим занимались непосредственно эссовцы. Тем не менее члены «зондеркоммандо» узнали трупы своих друзей.
- ⁷¹ Он — то есть Немец, то есть Третий рейх, непосредственным воплощением которого для зондеркоммандо и являлся СС.

- ⁷² В оригинале полонизм: польск. *kolejka* (очередь), записанное еврейскими буквами.
- ⁷³ Имеется в виду тюрьма СС в блоке 11 в Аушвице-1.
- ⁷⁴ В оригинале германизм: нем. *bevor* (прежде), записано еврейскими буквами.
- ⁷⁵ Имя записано еврейскими буквами.
- ⁷⁶ Имеется в виду капо Каминский.
- ⁷⁷ Рабочие группы, которые работали за оградой лагеря.
- ⁷⁸ Написано сокращенно: «ком.»
- ⁷⁹ Информация неточна. Сам Левенталь не видел развития событий, который происходили в крематориях IV и II.
- ⁸⁰ Имеются в виду ближайшие лагеря в Рейско, Будах, Харменже и Бабице.
- ⁸¹ В данном случае — огнестрельное оружие и, возможно, гранаты.
- ⁸² Германизм: от нем. *ermöglichen* (сделать возможным)
- ⁸³ Германизм: от нем. *Selbstopferung* (самопожертвование).
- ⁸⁴ Германизм от нем. *sprengen* (взрывать).
- ⁸⁵ То есть в тюрьме в 11-м блоке в Аушвице-1. После восстания в Бункер были посажены 14 членов зондеркомmando и, позднее, 5 девушек, добывавших пороха.
- ⁸⁶ Лейб Лангфус.
- ⁸⁷ Германизм «гроде» вместо «грод». От нем. *gerade* — «как раз».
- ⁸⁸ Германизм от нем. *erfüllen* (выполнить).
- ⁸⁹ «Да будут их души завязаны в узле жизни» (иврит). Традиционная аббревиатура надписи на «мацевах» — еврейских могильных памятниках.
- ⁹⁰ Имеются в виду союзники-поляки.
- ⁹¹ В оригинале: «интересны».
- ⁹² То есть давать взятки.
- ⁹³ Имеется в виду основной лагерь Аушвиц-1 — в противопоставлении зондеркомmando.
- ⁹⁴ Имеются в виду побег.
- ⁹⁵ См. Приложение 3.
- ⁹⁶ См. Приложение 3.
- ⁹⁷ Здесь, предположительно, вольнонаемные в рабочих командах или же поляки — местные жители.
- ⁹⁸ В немецком издании: «вас, соответственно, используют».
- ⁹⁹ Слово «октябрь» написано на польском языке.

< КОММЕНТАРИЙ К «ЛОДЗИНСКОЙ РУКОПИСИ» >¹

[...] написана [...] узким кругом зондеркоммандо крематория Ш. 19-15/8-44² Залманом Левенталем, Польша-Цеханув. Кто бы этому поверил теперь уже в 8-ом месяце — 1944. Ещё надо дальше вести проклятую игру неслышанной системы уничтожения, которую тут уже ведут, к сожалению, 2-3 года с такой ужасной жестокостью против евреев [...] Лодзинское «гетто» было известно, ещё когда мы были дома, как самое страшное из всех гетто с его строгой изолированностью и [...] конечно же огромной бедностью, которая там царила. Но это многие могли бы [...]

[...] также не меньше психологи, желая изучить и понять душевное состояние людей, которые приложили свою руку к такой жестокой мрачной грязной работе. Это будет интересно! Но кто знает, дойдут ли эти вот исследователи до правды, будет ли кто в состоянии основательно [...]

[...] из человеческого пепла — в других местах [...] Ищите хорошо, вы много найдёте.

Но тут я добавлю небольшое замечание к истории жизни в лодзинском гетто. Я всё прочел с нечеловеческим [...]

[...] область Радома³ [...] что там с ней стало. Гои и евреи [...] так он весь мир взял со всеми евреями Европы, теперь эта акция проводится в известной Лодзи⁴ [...]

взяли [...] группу людишек, всего 200 человек (двух сот), ещё меньше. Выделенная из них всех группа всего — 20 — человек (двадцать), по поводу этой маленькой горстки людей будут мучиться не только историки [...]

[...] одного [...] выселения [...] загадка никто не знает, что, может быть, всех убьют? [...] нет, иди уже, иди! Только не это, почему? Потому что мне неудобно этому верить. Ещё пару месяцев [...]

[...] ещё [...] искать. Ещё много содержит материала, который вам, большой мир, принесет много пользы на этом самом месте и также на месте соседней фабрики, которая стоит напротив через улицу. Ищите там в ямах.

[...]

Все видят, как расстреливают [...] других и вот уже наступает его очередь, кажется, он сейчас получит пулю и умрёт. И никто не противится, почему? Лодзинское гетто не может жить [...] всё решит. Такова жизнь.

[...] расстрелы? Почему наши братья дают вести себя на убой так спокойно, без какого бы то ни было малейшего сопротивления? Исключение составляет случай, который стоит упомянуть во славу [...] благословенна их память в Варшаве! Уже второй раз, когда не позволили [...] выселять, вернее сказать, убивать. [...]. Лучше пасть в бою от пуль и гранат и ещё и ещё раз Варшава, которая со времен всей акции уничтожения миллионов евреев Варшава один раз выказала героизм⁵, не давая себя [...] вырезать [...]

[...] из маленького местечка [...] дальнейшее я оставляю для писателей истории и исследователей. Мы с нашей стороны сохраняем каждое интересное и нужное слово [...]

[...] мы теперь в немецких руках [...]

[...] безоружный, слабый духом еврей [...] за что? Те же чёрные лапы, которая убивает⁶ этих еврейских [...] женщин и детей, та же самая лапа ведёт их самих к гибели [...]

Сейчас! Вот уже 3 недели красный⁷ стоит у дверей Варшавы — уже несколько дней, как он стоит у ворот Парижа, а он⁸ всё ещё держит черную мрачную власть в силе⁹, и дальше продолжает её¹⁰ дьявольскую игру: расстреливает, вешает, душит газом, сжигает, бьёт всё, что можно уничтожить, — кто бы поверил тому, что ещё сейчас у него буд[е]т достаточно много времени, чтобы уничтожить остаток евреев, которые ещё где-то остались. Маленькие горстки, благодаря их тяжелой нужной работе, которые находились до этого момента в разных маленьких лагерях вокруг [...] большой горячей известковой¹¹ печи, которая тут называется Ойшвиц-Биркенау [...]

[...] теперь конец лета 44, по еврейскому календарю уже месяц элул¹², факт, что он существовал¹³, о внутренних условиях тамошней жизни, у вас будет тут, в собранном материале — ясная картина всего, начиная с экономического, духовного, и таким образом физического состояния здоровья. Как вы тут видите, определённый человек постарался с интересом к истории и собрал картинки, факты, доклады и просто известия, что наверняка заинтересует и принесёт пользу будущему историку. Но мы, маленькие группы людишек, по поводу которых историкам придется работать не меньше, чем над тем ужасным, что история может

[...] каждый факт человеческого достоинства — вопроса: почему? и начали шумиху и набросились на СС-овцев. И еврейской молодой женщине¹⁴ удалось вырвать револьвер у обершарфюрера и расстрелять им нескольких человек. [...] самые ужасные люди лагерной эпохи! [...] да будет благословенна их память. Кроме этого всё происходит с сильной [...] приезжают люди, но, зная куда их везут, они приезжают в крематорий. [...]

Снова та же игра и снова не знают, куда. Так всему в мире поверят, но в это никто не поверит при [...] мы слышим это со всего мира. Ты не хочешь верить в правду и вы потом уже не поверите в подлинный факт, вы потом, вероятно, будете искать различные отговорки [...] правду поймут несчастье такого горя [...]

[...] было бы совсем наивно, будет [...], когда это кому-то удастся найти больше тетрадей, то, что было написано — в стенах черного здания¹⁵. В то же время, когда тот¹⁶ искал ответ о причине его страданий у своего президента¹⁷, тогда мы могли уже дать ему лучший ответ по поводу событий. — В то же время ещё интересна психология человека, который ни в каком случае не позволяет себе плохой мысли о том, что он ясно видит перед собой. Он говорит, рассказывает о том, что произошло с тем евреем. Так

рассказывают нам те же [...] теперь имеют на службе [...] и что думают люди. Я хочу сказать, что они точно не дойдут до правды, потому что никто не способен это себе представить. Точно так же, как и сами события ни один человек не сможет себе представить. Потому что это невероятно — так точно знать наши переживания быть способным [...] всё это [...] передать, будет ли ещё один из [...] из нашего узкого круга. Если кто из нас случайно выживет, во что мы ни на 1 процент не верим. Так и я, найдя пачку записанного материала, считаю своим долгом сохранить его [...], чтобы его работа не была потеряна и чтобы мир [...] будущие [...]

Сейчас я не могу позволить себе описать то, что я хотел бы по различным причинам, — в основном потому, что нас, к сожалению, уже держат под наблюдением¹⁸. Но я не могу это¹⁹ хранить без того, чтобы я не добавил вот эти пару слов о той большой ошибке, которую мы все совершили, уговаривая себя тем, что он²⁰ должен иметь людей для работы. Ему они на самом деле нужны. Но факт уничтожения евреев стоит у него [...] на первом месте, превыше всего [...]

[...] это даст последующим исследователям, историкам и ещё больше психологам ясную картину и прольёт свет на историю событий и страданий, потому что [...] настоящее зеркало польской жизни в гетто это обязательно Лодзь — а не Варшава. Второе [...] — потому что с первого выселения до второго варшавское еврейство жило в необычных условиях гетто, которые так много позволяли. [...] поднялись на борьбу за [...]

[...] когда знакомишься с живыми людьми из гетто [...], тогда получаешь ясный ответ на всё, рассказ о правде, потому что это всё ещё не вся правда. Вся правда ещё намного более трагична и ужасающа. В тетради [...] вырыл, стоит искать [...] случайно это²¹ было закопано в нескольких местах.

– Ищите ещё! Вы [...] ещё найдете.

*Перевод с идиша Алины Полонской
Примечания Павла Поляна и Алины Полонской*

¹ Перевод выполнен с идиша по изданию: *Mark*, 1977. P. 430–435. С учетом перевода на немецкий язык в: *Inmitten des grauenvollen Verbrechens*, 1996. S. 192–197.

² 15 и 16 августа 1944 г. в Биркенау прибыли еще 2 транспорта из гетто: из первого было зарегистрировано и, стало быть, оставлено в живых всего 224 человека, все мужчины, из второго — 400 человек, также одни мужчины (под номерами от В-6210 до В-6453 и от В-6454 до В-6853). Судя по тому, что Левенталь упоминает и 19 августа, автор записок о Лодзинском гетто прибыл со вторым из этих эшелонов.

³ Еврейское гетто в Радоме было организовано в марте 1941 г. Его ликвидация началась в августе 1942 и завершилась в июле 1944 гг. Основным местом уничтожения евреев из Радомского гетто была Треблинка, однако некоторые транспорты поступили и в Аушвиц.

⁴ Ликвидация Лодзинского — последнего на территории Польши — гетто происходила с 23 июня до 31 августа 1944 г. Последние два транспорта из Литцманштадта прибыли в Биркенау 2 сентября 1944 г. К 15 августа 1944 г. из гетто и полицейской тюрьмы Литцманштадта в Аушвиц поступило 60 тыс. чел., а общее число жертв составило примерно 75 тыс.

⁵ Имеется в виду вооруженное восстание в Варшавском гетто, начавшееся 19 апреля 1943 (на Песах) и подавленное только 16 мая 1943 г.

⁶ Так в тексте.

⁷ Имеется в виду Красная Армия и СССР в целом.

⁸ То есть немец, Гитлер — имеются в виду немцы в целом.

⁹ Так в тексте.

¹⁰ Так в тексте.

¹¹ Так в тексте.

¹² Название 12-го месяца еврейского календаря. Соответствует второй половине августа-началу сентября.

¹³ Так в тексте. Правильно: оно (гетто). Рассогласование между существительными «город [Лодзь]» (в идише — женского рода) и «[Лодзинское] гетто» (среднего рода). Многочисленные рассогласования и логические пропуски у Левенталя — явные свидетельства той спешки и того эмоционального волнения, с которыми он писал.

¹⁴ Имеется в виду убийство рапортфюрера СС Шиллингера.

¹⁵ То есть внутри крематория.

¹⁶ По-видимому, автор Лодзинской рукописи.

¹⁷ Председателя юденрата Лодзинского гетто Мордхэ-Хаима Румковского.

¹⁸ Эти два слова написаны еврейскими буквами, но по-польски [pod obserwacją], что и означает «под наблюдением».

¹⁹ Лодзинскую рукопись.

²⁰ «Немец», то есть гитлеровская Германия.

²¹ Документы, заметки.

**ХАИМ
ГЕРМАН**

«АД ДАНТЕ НЕВЕРОЯТНО СМЕШОН ПО СРАВНЕНИЮ С НАСТОЯЩИМ АДОМ ТУТ...»

Сама рукопись этого письма была обнаружена едва ли не первой из всех, что дошли до нас, — в середине февраля 1945 года. Нашел ее Анджей Заорский из Варшавы, 22-летний студент–медик и член добровольного корпуса Польского Красного Креста в Кракове¹. Этот корпус прибыл тогда в Освенцим для того, чтобы помочь разместить там госпиталь для бывших узников концлагеря.²

После нескольких дней напряженной работы в головном лагере, Заорский с коллегами совершил «экскурсию» в Биркенау. И вдруг в пепле за крематорием IV он случайно обнаружил самую обычную стеклянную пол-литровую бутылку, внутри которой виднелись листки бумаги!

Открыв бутылку, он вынул стопку листов бумаги в клеточку, хорошо сохранившихся и сложенных в восьмеро, как будто это письмо. На самом верхнем из листов стоял адрес Польского Красного Креста (ну разве не поразительно, что бутылку нашел сотрудник именно этой организации?!), а на его обороте — собственно почтовый адрес лица, которому предназначалось письмо: адрес где-то во Франции.

Остальная бумага была исписана мелкими строчками на французском языке: то было будничное письмо мужа жене, в котором он описывал свою трагическую судьбу и переживания человека, волею судеб работающего в чудовищной «зондеркоммандо» при крематории. Он ясно осознавал, что вскоре погибнет, как погибли уже многие его товарищи, и отдавал жене свои последние распоряжения. Он, в частности, просил ее как можно скорее выйти замуж и ни при каких обстоятельствах не возвращаться и не приезжать в Польшу³.

А. Заорский сохранил письмо и передал его в марте 1945 года во французскую миссию в Варшаве. 10 февраля 1948 года французский министр по делам бывших военнопленных и жертв войны передал машинописную копию этого письма председателю Союза бывших узников концлагеря Аушвиц во Франции⁴, а в 1967 году Государственный музей Аушвиц-Биркенау в Освенциме получил фотокопии этой машинописи и сопроводительного к ней письма из упомянутого министерства.⁵

Только после этого удалось установить личность писавшего: им был Хаим Герман — польский еврей, родившийся 3 мая 1901 года в Варшаве и переехавший в начале века во Францию. Сам по себе французский язык, которым написано это письмо, не слишком хорош, что совершенно нормально для эмигранта в первом поколении⁶. Однако интересно, что Герман не стал писать жене на идише, полагая, по-видимому, что так у письма просто больше шансов достичь адресата во Франции. Жил он, возможно, в Париже, в доме 65 на рю де Монтре⁷.

2 марта 1943 года его депортировали из Дранси в Аушвиц, куда он прибыл 4 марта 1943 года. Он получил № 106113 и был зачислен в «зондер-

коммандо». Уже при разгрузке их эшелона № 49 в составе 1132 человек были первые мертвецы и сошедшие с ума, около ста человек были отобраны для работы, остальные — на смерть. С тем же самым транспортом в Аушвиц прибыли и также попали в «зондеркоммандо» упомянутые в письме Давид Лахана, торговец кожами из Тулузы⁸, а также не упомянутые Яков (Янкель) Гандельсман и Иосиф (Йосель) Доробус, он же Иосиф Варшавский⁹. Ко времени написания письма, то есть спустя почти 21 месяц пребывания Германа в Аушвице, из той сотни в живых оставалось всего двое.

На служащей нам оригиналом машинописной копии письмо отчетливо датировано 6 ноября 1944 года. Но, судя по упоминанию начала демонтажа Крематория II, начавшегося только 25 ноября, написано оно скорее 26 ноября 1944 года. То есть, весьма вероятно, за несколько часов до смерти автора, ибо 26 ноября состоялась последняя селекция, унесшая жизнь и Лейба Лангфуса, чьи последние записи датированы этим же днем. Это объясняет и то, что письмо лежало в простой бутылке — ничего другого, более стойкого против времени и сырости, под рукой в эти минуты просто не было. В то же время, пролежав в земле не больше 10 недель, оно, похоже, неплохо сохранилось.

Точная дата — не единственная загадка, которую ставит письмо Хаима Германа. Ведь оно не просто письмо, а как бы и ответ на другое письмо, полученное от жены и дочери в начале июля! Неужели евреи — узники лагеря смерти, да еще члены зондеркоммандо! — могли переписываться со своими домашними, — и тоже, надо полагать, не арийцами?!..

В сущности, да: каждый зарегистрированный узник любого немецкого концлагеря был вправе дважды в месяц получать и писать письма своим родным. При этом принимались письма, написанные исключительно на немецком языке, причем как можно более стандартными фразами, — письма цензурировались.

А М. Нижли сообщал даже о навязывании узникам в июне-июле 1944 года почтовых карточек с обратным адресом «Am Waldsee» вместо Аушвица или Биркенау¹⁰. Уж не таким ли образом случилась и переписка в семье Германа?

И тогда — еще одна загадка! Откуда отозвалась на его открытку семья?.. Откуда-нибудь с юга — из Виши? Из Гурса?.. Или, может, все из того же Дранси?.. (Мы ведь даже не знаем, где во Франции Герман проживал до ареста).

Интересно, что свой адюв труд в «зондеркоммандо» Герман сравнивает со службой в «Хевра кедиша» (Chevra Kedischa) — еврейском похоронном товариществе, пекущемся в первую очередь о больных и умирающих, а также о поддержании кладбищ в порядке и о проведении похорон. Само по себе сравнение деятельности зондеркоммандо с «хевра кедиша» — даже несколько кощунственно, ведь евреев, согласно еврейской традиции, полагается не сжигать, а хоронить в земле, а вот согласно немецкой инструкции — как раз наоборот: полагается сжигать.

Накануне своей неизбежной смерти, он сетует на то, что не смог обеспечить свою семью материально, и надеется, что после войны, когда наступит нормальная жизнь, его близкие как-то сумеют прокормить себя самостоятельно. И дочь, и жену он просит смело и поскорей выходить замуж, но в первую очередь дочь: для чего ей отчим?

Эта трезвая — традиционная для еврейства — серьезность, семейственность и вообще сосредоточенность на житейских делах — но где? на эшафоте! — поистине поражает.

P.S. Местонахождение оригинала письма и хоть какие-то следы жены и дочери Германа до сих пор не установлены. Такой поиск непросто, но дело не в том, что он был безуспешным, — дело в том, что он никем не велся. Наиболее вероятные для архивного поиска места (все в Париже): архивы Министерства иностранных дел и Министерства по делам бывших военнопленных и жертв войны (в Национальном архиве Франции в Париже?) и Военного Министерства в Сент-Этьенне.

В письме упоминаются имена целого ряда лиц, сведениями о которых мы не располагаем.

Павел Полян

¹ В это время в Освенциме был развернут Терапевтический полевой подвижной госпиталь (см. в главе «История обнаружения, перевода и издания рукописей, найденных в Аушвице»)

² См. справку, выданную А. Заорскому 21 февраля 1945 г. в том, что он добровольно работал с 6 по 20 февраля в воинской части 14884 (начальник — майор Вейников) и по окончании работы проследовал в г. Краков (*APMAB*. D-RO XXIV. Photokolie grypsów. Nr. Mikrofilm 1358/114)

³ *APMAB*. Oświadczenia. Bd. 70. Bl. 212 f. (Отчет д-ра А. Заорского, март 1971).

⁴ *APMAB*. D-RO XXIV. Photokolie grypsów. S. 91. В деле имеются также переводы письма на французский и польский языки.

⁵ *APMAB*. D-RO/147. Собрание документов о движении сопротивления. Т. XXIV. Л. 91. Остается все же не вполне ясным, «дошло ли» письмо непосредственно до адресата — жены автора письма.

⁶ В оригинале, точнее, в снятой с него машинописной копии, практически не было запятых. Иногда, по наблюдению переводчицы, автор глотал слова, и получалось несколько коряво. Эту корявость переводчица стремилась, по возможности, сохранить.

⁷ См. факсимиле фрагмента эшелонного списка транспорта от 2 марта 1943 г. в: *Wśród koszarnej zbrodni...*, 1975. P. 254.

⁸ 24 февраля 1944 г., вместе с 200 членами «зондеркоммандо», Д. Лахана был вывезен в концлагерь Майданек (Люблин) и там уничтожен. Именно об этой селекции как о трагедии пишет в главе «Расставание» и З. Градовский.

⁹ Обоих упоминает и З. Левенталь.

¹⁰ *Nyiszli*, 1961. P. 113.

ХАИМ ГЕРМАН

ПИСЬМО ИЗ АДА ДОМОЙ

Биркенау, [2]6 ноября 1944.

Моим дорогим жене и дочери,

В начале июля этого года я очень обрадовался, получив ваше письмо (без даты), это было как бальзам в эти скорбные дни здесь, я, конечно, перечитываю его, и я не расстанусь с ним до последнего моего вдоха.

У меня с тех пор не было возможности ответить вам, и, если я пишу вам сегодня с большим риском и опасностью, то это лишь для того, чтобы объявить вам, что это мое последнее письмо, что наши дни сочтены и, если однажды вы получите это послание, то вы должны считать меня среди миллионов наших братьев и сестер, покинувших этот мир. В этом случае я должен вас уверить, что я ухожу спокойно и, может быть, героически (это будет зависеть от обстоятельств) и сожалею только, что не смогу вас увидеть ни на одно мгновение, тем не менее, я желаю дать для вас несколько указаний. Я знаю, что я не оставил много в материальном смысле, чтобы обеспечить ваше существование, но после этой войны сама жизнь будет стоить много с разумной волей и со своими пятью пальцами каждый сможет хорошо жить, попробуйте войти в дело с вязальщиком, чтобы работать только за его счет.

Я надеюсь, что ничего из того, что вы доверили вашим друзьям, не потеряно, в случае каких-то трудностей обращайтесь к президенту нашего общества взаимопомощи¹, который приложит свои силы, чтобы восстановить ваши права. Я не забываю моего большого друга мосье RISS, о котором я часто думаю, который заботится о вас. Я выражаю моей дражайшей и незабываемой Симоне свое неперемнное требование, чтобы она вела общественную и политическую жизнь, как ее отец. Я хочу, чтобы она вышла замуж, как можно раньше, за еврея и при условии, чтобы у них было много детей. Поскольку судьба лишила меня потомства с моей фамилией, то ей, Симоне, надлежит дать мое имя², как и всякого другого из нашей семьи в Варшаве, где все погибли.

Тебя, моя дорогая жена, я прошу простить меня, если иногда в жизни у нас были маленькие несогласия. Теперь я понимаю, что мы не умели дорожить прошедшим временем; здесь я все время думал, что, если я чудесным образом выйду, я заживу другой жизнью... Но, увы, это исключено, никто отсюда не выходит, все кончено. Я знаю, ты еще молода, ты должна снова выйти замуж, я предоставляю тебе полную свободу действий, я даже приказываю тебе, потому что я не хочу видеть вас в трауре. Но я и не хочу, чтобы у Симоны был отчим, так что постарайся выдать ее замуж как можно раньше, чтобы она отказалась от высшего образования, после чего ты будешь свободна.

Никогда не думай возвращаться в Польшу, на эту проклятую для нас землю. Это французскую землю надо холить и лелеять (если обстоятельства приведут вас в другое место, то, по меньшей мере, ни за что в Польшу).

Вас, конечно же, интересует мое положение. Оно таково: вкратце, так как, если бы я был должен написать обо всем, через что я прошел, с тех пор, как я вас покинул, я должен был бы писать всю жизнь, столько я прошел.

Наш транспорт, который состоял из 1132 человек, покинул Дранси 2 марта чуть свет, и мы прибыли сюда в сумерках 4 марта в скотном вагоне без воды. Когда мы выходили, уже было много мертвых и сумасшедших.

100 человек отобрали, чтобы выйти в лагере, там был и я, остальные поехали на газ и потом в печи. На следующий день после холодной ванны и без всего, что у нас было с собой (кроме пояса, который я все еще ношу на себе), с бритыми даже головами, не говоря об усах и бородаках, нас как будто случайно назначили в знаменитое «Зондер Коммандо»³. Там нам объявили, что мы прибыли в качестве подкрепления, чтобы работать как похоронное бюро или как «хебра кедиша». С тех пор прошло 20 месяцев, мне кажется — век, абсолютно невозможно написать вам обо всех испытаниях, которые я пережил тут, если вы будете жить, вы прочтете много произведений, написанных об этом зондер коммандо. Но я прошу вас никогда не судить обо мне плохо, и, если среди наших были хорошие и плохие, то я, конечно же, не был среди последних. В этот период я делал все, что было в моей возможности, не боясь ни риска, ни гибели, чтобы облегчить участь несчастных или, если я из соображений такта не могу написать вам об их участи⁴, знайте, что моя совесть чиста и накануне моей смерти я могу гордиться этим.

Вначале я много страдал, даже просто от голода, я иногда думал о куске хлеба и еще больше о плотке горячего кофе. Многие мои товарищи пали либо от болезней, либо их просто убивали, каждую неделю их насчитывалось все меньше, в настоящее время нас осталось только 2 (двое) из нашей сотни. Правда, что, в общем, многие встретили более или менее славную смерть, и, что если я не был среди них, то это не от трусости, нет, но просто случайно. В любом случае, моя очередь придет в течение этой недели, быть может.

Мои физические страдания закончились к сентябрю 1943. С тех пор, как я учу своего шефа играть в белот⁵, играя с ним, я был освобожден от тяжелых и утомительных работ. За это время я стал просто скелетоподобным, мои руки даже не узнавали моего тела, когда терли его, но с тех пор я исправляюсь и сейчас, когда у нас все есть, и особенно с мая 1944, у нас вдосталь всего (кроме драгоценной свободы). Я очень хорошо одет, проживание и питание хорошие, я в полном здоровье, без живота, конечно, вполне стройный и спортивный, только голова седая, мне дают 30 лет.

Во время всех этих двадцати месяцев здесь, я всегда считал самым приятным время на своей кровати, на которую я ложился с мыслью, что я

среди вас, что я с вами говорю и часто я видел вас в моих снах. Иногда я даже плакал с вами, особенно вечером первого дня «Кипура», или «Кол-нидре»⁶, которую мы⁷ импровизировали у себя дома. Я много плакал, думая, что и вы делаете то же, где-то в уголке втайне думая обо мне.

Я все время видел, как Симона удаляется в день 17 февраля в компании мосье VANHEMS, когда я провожал их взглядом из окна. И не раз, прогуливаясь в огромном зале (пустого) крематория⁸, я громко произносил имя Симоны, как будто звал ее и слушал, как мой голос отзывался этим драгоценным именем, которое я, к несчастью, не должен был больше называть: вот это самое большое наказание, которому мог нас подвергнуть наш враг.

С тех пор, как я нахожусь здесь, я никогда не верил в возможность вернуться, я знал, как мы все, что всякая связь с другим миром прервана, здесь другой мир, если хотите, это ад, но ад Данте невероятно смешон по сравнению с настоящим адом тут, и мы, очевидцы, не должны выжить. Несмотря ни на что, я время от времени сохраняю небольшую искорку надежды, может быть, каким-то чудом, я, которому уже столько раз везло, один из самых старших тут, прошедший через столько препятствий, оставшийся в числе двоих из ста, может быть, случится это последнее чудо, но, что тогда станет со мной до того, как найдут это захороненное письмо?

Знайте также, что все те, кто был привезен из Дранси, мертвы: Мишель, Анри, Адель с детьми и все наши друзья и знакомые, которых я не называю здесь по имени.

Я был счастлив тут, среди моих страданий, веря, что вы живы, и с тех пор, как я получил личное письмо от вас, с почерком каждой, — письмо, которое я достаточно часто целую. С этого времени я совершенно доволен, я умру спокойно, зная, что, по крайней мере, вы спаслись. Большинство моих товарищей приехали сюда целыми семьями, а в живых остались только поляки да еще, на данный момент, и мы, немногие евреи из разных стран. Среди поляков есть Figlary (или Figlarz), он — двоюродный брат отца нашего Figlarz (кстати, что с ним стало?), есть также люди, которые знали Мишеля и Эву в гетто.

Я попрошу вас об одной услуге. Я жил тут общей жизнью с товарищем из моего транспорта, французским евреем, изготовителем и торговцем мехами из ТУЛУЗЫ под именем Давид LAHANA, мы договорились с ним передавать новости друг о друге семьям каждого, в случае кончины одного из нас, и так как, по скорбному несчастью, он ушел прежде меня, то мне нужно дать знать его семье через вас, что его жена, мадам ЛАХАНА, умерла через три недели после нашего прибытия (она доехала живой в наш лагерь с тридцатью другими француженками, которые все уже мертвы), а сам он уехал на транспорте из двухсот человек, все из зондер команды, 24 февраля 1944 в Люблин, где их уничтожили несколько дней спустя⁹.

Давид был ангелом, несравненным товарищем, скажите его семье, что он все время думал о своих двоих сыновьях с исключительной отцовской любовью, думая, естественно, что они спаслись в Испании, также о своей матери, как и о своих сестрах и зятях. Он всегда повторял в тоске «Боже

Милостивый, Боже Милостивый, за что мне столько страданий, сжался, сжался...», а я его утешал, он не знал ни немецкого, ни польского, ни идиша, и поэтому все время оказывался в плохом положении, откуда я его выручил, но я не мог спасти его от транспорта, Бог мне свидетель. Напишите же письмо этой семье, несомненно, достаточно хорошо известной в Тулузе, чтобы дать о ней справку, или другим способом, зятя BABANI (если я не ошибаюсь) держат магазин шелка и китайских товаров на бульваре Мальзерб¹⁰, попробуйте же найти его через них.

Я прошу вас никогда не забывать добро и поддержку наших друзей, которые помогали вам в мое отсутствие, таких как Martinelli, Vanhems и других, если они есть, не забывайте, что, если вы живы, то это благодаря Богу и им. К сожалению, мне ничего не остается, как только выразить мою искреннюю благодарность и наилучшие пожелания: провидение внемлет желаниям, которые человек высказывает перед смертью.

Мое письмо подходит к концу, как и мое время, и я говорю вам последнее: прощайте навсегда, это последний привет. Я обнимаю вас очень сильно в последний раз, и я прошу вас еще раз верить мне, что я уйду весело, зная, что вы живы и что наш враг проиграл. Возможно даже, что из истории «Зондеркоммандо» вы узнаете точный день моего конца¹¹: я нахожусь в последней команде из 204 человек, в настоящий момент усиленно ликвидируют Крематорий III¹², где я нахожусь, и говорят о нашей собственной ликвидации в течение этой недели.

Извините меня за мой нескладный текст и за мой французский язык, если бы вы знали, в каких обстоятельствах я пишу.

Пусть извинят меня также и все мои друзья, которых я не называю из-за невозможности места¹³, с которыми я прощаюсь со всеми вместе, говоря им: отомстите за наших невинных братьев и сестер, павших на эшафоте.

Прощайте, моя дорогая жена и моя любимая Симона, исполните мои заветы и живите в мире¹⁴, и да хранит вас Бог.

Тысяча поцелуев от вашего мужа и отца.

P.S. По получении этого письма прошу вас сообщить г-же Germaine COHEN, Union Bank в Салониках (Греция), что ее Леон¹⁵ разделяет мою судьбу, как он делил и мои страдания, он всех обнимает и особенно рекомендует Билла своей жене. Даниэль и Лили также давно мертвы, адвокат YASOEL и его семья погибли месяц назад.

*Перевод с французского Алины Полонской
Примечания Павла Поляна и Алины Полонской*

¹ По-видимому, одна из еврейских касс взаимопомощи.

² Еврейский обычай называть ребенка в честь умершего родственника.

³ Так в тексте (раздельно).

⁴ Автор хочет сказать, что «участь» заключенных настолько тяжела, что он не решается описывать ее своим близким.

⁵ Белотте (Belotte), карточная игра. Играется двумя командами по два человека при помощи колоды из 32 карт (Правила игры см.: http://samouchiteli.dljavseh.ru/Kartochnye_igry/Belot.html)

⁶ Молитва «Кол Нидре» содержит в себе поминания усопших. Она читается вечером в Йом Кипур (Судный День).

⁷ В источнике опечатка: «вы».

⁸ Скорее всего, имеется в виду раздевалка газовой камеры при Крематории II.

⁹ Этой же селекции посвящен текст З. Градовского «Расставание».

¹⁰ *Boulevard Malesherbes* в Париже.

¹¹ Согласно Л.Лангфусу, это произошло 26 ноября 1944 г.

¹² К этому приступили 25 ноября 1944 г.

¹³ Имеется в виду то, что у пишущего заканчивалась бумага.

¹⁴ Так в тексте.

¹⁵ См. о нем.: *Cohen*, 1996, а также в *Приложении 2*.

**МАРСЕЛЬ
НАДЖАРИ**

КРИК О МЕСТИ

1

Марсель Наджари, по профессии электрик, родился в 1917 году в Салониках — городе с крупнейшей в довоенной Греции еврейской общиной (около 60 тыс. чел.¹).

Убежденный греческий патриот, он был 28 октября 1940 года призван в греческую армию, воевал в Албании. 15 мая 1941 года, уже после военного поражения Греции, вернулся домой, в Салоники, оказавшийся внутри немецкой оккупационной зоны.

В феврале 1943 года два относительно спокойных года под оккупацией сменились насильственным сселением в гетто, причем та его часть, что примыкала к вокзалу, — так называемый квартал Барона Хирша, — стала транзитным лагерем для депортируемых. Одними из первых были увезены его отец, мать и сестра.

Сам Марсель Наджари, вместе с другом Илией Коэном, в это время жил в Афинах, где теперь стало слишком опасно оставаться. Они бежали в город Ларису, что в итальянской оккупационной зоне, где, в отличие от немецкой и болгарской зон, евреев не трогали. Там, вместе с еще четырьмя друзьями — Товией Бепой, Пико и Вико Брудо и Давидом Коро, — Марсель и Илия открыли небольшую мыловарню. Но 12 сентября 1943 года Италия капитулировала, и уже 7 октября братьям пришлось снова бежать — на этот раз в Ламию, а оттуда в Сперхиаду, что в префектуре Пирей, — в область, контролировавшуюся тогда силами ЭЛАС («Греческая народная освободительная армия»). К этому партизанскому прокоммунистическому войску братья и присоединились. Снабдили Марселя и новой идентичностью — именем Манолиса Тазалидиса.

У эласовцев он провел около трех месяцев, наполненных огорчениями и приключениями. Опустим их здесь, кроме одного: Марсель схватил лихорадку и сгорал от нее, но за миску риса, принесенного другом — и, как оказалось, украденного, — их обоих приговорили к четырем месяцам тюрьмы. Отбывать срок надлежало в Карпенизи, где находился штаб, но там его от наказания освободили и тайно переправили в Афины — на лечение. Там Наджари, действительно, поставили на ноги, но 30 декабря 1943 года в дом, где он остановился, ворвался отряд СС и схватил его вместе с хозяином.

Месяц в Авероффской тюрьме был полон допросами, пытками и избиениями, но «Манолис» всячески отрицал какую бы то ни было связь с партизанами. Его перевели в лагерь «Хайдари» — впрочем, ничем не отличавшийся от тюрьмы. Там он встретил знакомых, с некоторыми из них он потом был вместе в «зондеркомmando», например, Альберто Эрреру.

В «Хайдари» он провел около двух месяцев, и то, что в лагере постепенно набиралось все больше и больше евреев, явно говорило о приближающейся депортации.

И действительно: 2 апреля 1944 года партию евреев привели на вокзал и заголкали в вагоны. Причем не только из «Хайдари», но и из нескольких других сборных мест. Станцию назначения никто не знал, но надежда встретить «там» родителей и сестру заслоняла любые мысли о побеге.

Станцией назначения оказался Аушвиц, куда эшелон прибыл 11 апреля. Около 320 человек прошли на рампе селекцию². В том числе Наджари, зарегистрированный под номером 182669³.

После месячного карантина, он был зачислен в «зондеркоммандо». Это произошло, по-видимому, 15 мая, когда к зондеркоммандовцам враз добавили сотню человек⁴. Наджари переехал в 13-й блок и завязал первые знакомства. Среди «ветеранов» большинство составляли польские евреи, общим языком со многими из них оказался французский. С некоторыми он подружился, например, со Штрассенфогелем, как и с Мишелем — офранцузившимся греческим евреем⁵. Не говоря уже о более давних знакомцах из числа греческих евреев: Вико Брудо, Морис Арон, Исаак Барух, Леон Коген и др.

То, с чем ему пришлось столкнуться в «зондеркоммандо», ежедневно ставило его перед самым страшным для верующего вопросом — о бытии Бога. Наджари принадлежал к тем, кто каждый раз находил в себе силы отвечать на этот вопрос утвердительно. В чем, возможно, ему помогало и общение с Лейбом Лангфусом, — оба работали в бригаде, обслуживавшей крематорий III.

Эта бригада фактически не участвовала в восстании, и именно она дала больше всего выживших зондеркоммандовцев, и Наджари был одним из них. По всей видимости, он входил в состав самой последней из «зондеркоммандо» — той, что занималась разрушением крематориев и газовых камер.

Перед эвакуацией всего концлагеря всех живых членов «зондеркоммандо» перевели из изолированной зоны крематориев в общий лагерь в Биркенау⁶. Марселю, по-видимому, удалось незамеченным переместиться из одной колонны в другую и смешаться с другими узниками. Скрыв таким образом свою лагерную идентичность (однозначно смертоносную!) и не откликаясь на свой номер на переключках, — он уцелел!⁷

25 января 1945 года (за два дня до освобождения лагеря!) Наджари был эвакуирован в Маутхаузен, где был еще раз зарегистрирован (под номером 119116), а 16 февраля 1945 года его перевели на работы в маутхаузенский филиал Гузен-2. Назвав себя электриком, он поработал в Мельке, на заводе «Мессершмит». Голод, холод, нарывающая рана между пальцами — выжил он чудом, благодаря оптимизму и еще тому, что рядом всегда был кто-то из тех 26 греческих товарищей, которых миновала последняя селекция. Их любимым развлечением было рассказывать друг дру-

гу о вкусной домашней еде и о способах ее приготовления, вступая при этом в жаркие споры о наилучших способах и ингредиентах.

После счастливого освобождения Марсель вернулся в Грецию. Первое, что он сделал после того, как пришел в себя, — написал воспоминания. Дата «15 апреля 1947 года», проставленная в их начале, — скорее всего датирует конец работы.

В том же 1947 году Марсель Наджари женился. Спустя четыре года, в 1951 году, вместе с женой, Розой, и маленьким сыном Альбертом, он переехал в Нью-Йорк, где и умер 31 июля 1971 года.

2

Рукопись, написанная М. Наджари, была обнаружена спустя 9 лет после его смерти: 24 октября 1980 года, при раскорчевке местности около руин бывшего крематория III, на глубине примерно 30–40 см.⁸ Ученик Лесного техникума в г. Бринке Леслав Дурц⁹ нашел стеклянную колбу от термоса, закрытую пластмассовой пробкой и завернутую в кожаную сумку.

В колбе была рукопись — 13 страниц формата 20x14 см, вырванных, по всей видимости, из блокнота. Текст написан убористым почерком, на хорошем греческом языке. Рукопись подверглась воздействию сырости, ее состояние и, соответственно, читаемость очень плохие. Естественно, что она была тотчас же принята на хранение в Государственный музей Аушвиц-Биркенау в Освенциме¹⁰.

Непонятно как, но довольно быстро слух об этой находке дошел и до Розы Наджари, перебравшейся к этому времени в Париж. Уже 7 марта 1982 года она обратилась в Освенцимский музей с просьбой выслать ей копии. Ей не только выслали фотокопию рукописи, но и вернули подлинную сумку, в которой нашли колбу с рукописью.

Тотчас же после этого — 22 апреля 1982 года — состоялась первая публикация того, что удалось разобрать, — в греческой газете «Risospasti»¹¹. Его первым переводчиком стал Янис Лициос.

В тексте упоминается освобождение Греции — событие, которое невозможно привязать к одной конкретной дате: оно растянулось по сентябрю с октябрем 1944 года. Это позволяет датировать весь текст как написанный скорее всего в ноябре. А возможно — и 26 ноября, когда слухи о предстоящей — и действительно состоявшейся! — селекции «зондеркомандо» достигли максимума¹².

Но вне зависимости от даты своего написания текст Марселя Наджари звучит несколько иначе, чем все остальные известные нам тексты. Несмотря на плохую свою сохранность и на традиционное для юга Европы обстоятельное перечисление родственников и друзей, текст Наджари более всего напоминает — крик.

Но не крик о помощи, а крик о мести!

Есть в его воспоминаниях и такие слова: «*Я не о том жалею, что умираю, а о том, что не смогу отомстить так, как я этого хочу и как могу...*». И на тот случай если он умрет, не отомстив, — он перекладывает этот долг на других, на своих близких, — и это придает перечислению имен некий особый смысл.

Есть и такие: «*Каждый день мы задаемся вопросом, есть ли Б-г, и несмотря ни на что, я верю, что есть. И все, чего Б-г желает, пусть будет Его воля*».

Для того чтобы в таких условиях на такой вопрос давать такой ответ требовалась не только неиссякаемость веры, но и колоссальные внутренние напряжение и мужество.

3

В 1991 года, попечением фонда «ETS Ahaim Foundation» из Салоник, вышла небольшая книга Марселя Наджари. Эта 66-страничная рукопись — размноженное на гектографе чистовое факсимиле английского перевода греческого оригинала. Из предисловия к публикации явствует, что активнейшую роль в деле сохранения деталей трагедии евреев из Салоник сыграл местный адвокат Йомтов Якоэл, — возможно, родственник погибшего в Аушвице адвоката Якоэла, которого упоминает в своем «Письме из ада жене» и Хаим Герман¹³.

Сама эта книга — больше, чем комментарий к письму Марселя Наджари 1944 года. Это плод систематической работы его памяти, реконструкция событий, охвативших 6-летие между октябрем 1940 и весной 1945 года.

В его памяти запечатлелось немало ярких сцен. Например, эпизод с молодыми лентями, переходившими при селекции на рампе в левый ряд — в надежде прокатиться до будущего лагеря на грузовике, а не переться пешком. Или перепись золотых зубов во ртах новоприбывших и их построение в алфавитном порядке перед присвоением номеров. Незабываем и запах горелых отбивных, все мерещившийся Марселю в карантине: голодный, он думал, что это всех блокэльтесте лагеря кормят мясом. Жуткая природа запаха открылась ему тогда не сразу...

Павел Полян

¹ Среди них — около 300 евреев с итальянским гражданством, некоторое время служившим для них дополнительной защитой. К их числу принадлежал, например, Шломо Венеция (*Venezia*, 2008. S. 22–23).

² Сам Наджари в воспоминаниях пишет лишь о 260–270 из примерно полутора тысяч людей в эшелоне (*Natzari*, 1991).

³ Его имя встречается и в транспортном списке (см.).

⁴ *Czech*, 1989. S.774.

⁵ Идентифицировать его точнее пока не удалось, но весьма вероятно, что именно о нем пишет в своем письме и Х.Герман.

⁶ АРМАВ. D-Mau-3/9/8. Zugänge vom KL Auschwitz, Bl.90.

⁷ Подробно эта фаза выживания описана в книге Филиппа Мюллера.

⁸ Л. Коэн писал, что среди узников было распространено закладывание в бутылки писем родным и закапывание их на 30-сантиметровой глубине в пепле.

⁹ См. соответствующий протокол, подписанный Ф.Пипером 25.10.1984 (АРМАВ. Wsp. / Nadjar Marcel. Bd.135.)

¹⁰ АРМАВ. Sygn. Wsp. T.135 / Nadjar Marcel. (Там же перевод на польский язык, датированный 31 июля 1981 года и выполненный Т.Алексиу, переводчиком Министерства иностранных дел Польши)

¹¹ *Natzari*, 1991.

¹² Тем же числом датированы тексты Лангфуса и Германа. У Левенталя последняя из дат — 10 октября 1944 г.

¹³ Эти сведения, почерпнутые из: *Natzari*, 1991, впоследствии не подтвердились: в соответствующем номере газеты такой публикации нет (сообщено Я. Каррасом). В случае с публикацией материалов о Марселе Наджари, отмечается роль его вдовы, а также профессора философии в Университете Салоник Франгисти Абаджопулу и Елену Элегмиту, готовивших книгу к печати.

МАРСЕЛЬ НАДЖАРИ

«МНЕ НЕ УДАСТЯ ОТОМСТИТЬ ТАК,

КАК Я ХОЧУ, И ТАК, КАК Я ЗНАЮ...»

[...] Стефанидиса № 4, Фессалоники, Греция¹.

[...] Моим дорогим Деметриосу Стефанидису, Илие Козну, Георгиосу Гунарису.

Моим дорогим товарищам, Смаро Эфраимиду (из Афин) и многим другим.

Я буду помнить всегда, до конца, мою возлюбленную Родину, «ЭЛЛА-ДУ», чьим хорошим гражданином я всегда был.

Мы выехали из наших Афин 2-го апреля 1944 года после месяцами перенесенных страданий в лагере «ХАЙДАРИ», где я постоянно получал посылки, посылаемые мне доброй Ма[...], чьи усилия по отношению ко мне останутся незабываемыми и в эти страшные дни, через которые я прохожу.

[...] Позже, [...] Биркенау, где мы пробыли около месяца и откуда нас послали направили — куда? куда? [...] Жертвы уже готовы и заходят голыми, и когда их число достигает 3000, они закрывают двери и убивают их газом. От шести до семи минут мучений — и они умирают.

[...] трагедии, они вбрасывали газ [...] груз, который мы несли — тела невинных [...] шли. Мы несли к печам сотни [...] закладывали в печи тех, кто еще [...] топливо [...] кто давал один [...] который [...] они заставляли нас просеивать, и проходить через [...] тонко просеивать после этих. [...] в грузовик и бросать их в реку, пересекавшуюся с расположенной рядом Вистулой² [...] Затирали любой след [...] и так [...] трагедии, которые видели мои глаза, неопишуты [...] мои глаза.

[...] Около 600000 (шестьсот тысяч) евреев из Венгрии, французы, поляки [...] в этом внутреннем [...] об

[...] Но опять у меня сохранялось чувство [...] возмездия. Я хотел и хочу, если выживу, отомстить за смерть моего отца, моей матери и моей дорогой сестры Нелли.

Невозможно представить себе всё то, что видели мои глаза

Ради этого Илия, мой дорогой кузен. Если меня не будет, то ты должен знать, ты и друзья, [...] ваш долг, я узнал [...] от Сарики.

Мое единственное и последнее, возможно, желание — чтобы ты получил [...] Митсо. [...] Илья, [...] мой кузен [...] иметь [...] все здесь [...] ты понимаешь [...] от любого.

[...]

в Биркенау, я не жалею [...] Я скоро умру, но поскольку мне не удастся отомстить таким способом, как я хочу и как знаю.

И если случится так, что ты получишь письмо от наших родственников из-за границы, пожалуйста, напиши им немедленно, что семья Наджари была смита с лица земли [...] убита цивилизованными немцами [...] **НОВАЯ ЕВРОПА.**

[...] они называются — странно с?

Пианино моей Нелли Митсо (возьми его из семьи Сионидас и отдай Илие), теперь оно будет с ним, и так она останется в его памяти.

Она так сильно его любила, и он также ее любил [...]

Каждый день мы задаемся вопросом, есть ли Б-г, и несмотря ни на что, я верю, что есть. И на все, чего Б-г пожелает, да будет воля Его.

Я умираю удовлетворенным — с той поры, как узнал, что в этот момент наша Греция освобождена.

Мне не придется жить, но пусть моими последними словами будут:
УРА ГРЕЦИИ

Марсель Наджари.

[...] Достойный грек [...] Посольство — получит [...] от грека Эммануэля или Марселя Наджари из Салоник — адрес: ул. Италиас № 9. Салоники.

Пожалуйста, направьте мое письмо по этому адресу:

Деметриос Стефанидис ул. Крусова 4, Тессалоники, ГРЕЦИЯ.

Это моя последняя воля.

Я обречен на смерть немцами, потому что я — еврейской религии.

Спасибо.

Марсель Наджари.

Перевод с английского и примечания Павла Поляна

¹ Этот адрес — на первом листе, справа вверху.

² Висла. Имеется в виду Сола, первый крупный приток Вислы, впадающий в нее близ Освенцима.

**АВРОМ
ЛЕВИТЕ**

ВРЕМЯ: НАКАНУНЕ СМЕРТИ. МЕСТО: НА ЭШАФОТЕ

Этот поразительный, написанный на идише текст увидел свет в первом номере журнала «YIVO-Bleter» (Записки ЙИВО) за 1946 год. Весенне-летний номер, в котором он появился, вышел летом или осенью, то есть самое меньшее спустя полтора года после «3 января 1945 года» — даты, которой этот текст был подписан. Есть в публикации и вторая дата — 14 июня 1945 года, Руан: датировка короткого авторского предисловия к своему предисловию (выделено в тексте другим шрифтом).

Публикации была предпослана следующая редакционная преамбула:

«Летом 1945 Авром Левите из Бржезива, что рядом с Саноком, Польша, тогда беженец в Штутгарте (Германия), передал следующий документ капеллану Морису Дембовицу. Через посредство профессоров Аврома Иешуа Гешеля и Макса Арцта из Еврейской Теологической Семинарии в Нью-Йорке рукопись была передана в ЙИВО, и мы печатаем ее тут без изменений, даже в орфографии, только систематически проставили огласовки (а-о, п-ф) и т.д.; более ничего. В предисловии сделано несколько маленьких стилистических исправлений. — Редакция».

Из преамбулы ясно, что иными сведениями о судьбе Аврома Левите редакция не располагала.

Увы, довольно скупы и наши сведения.

Авром Левите родился в 1917 году в местечке Бжезив (Бжозув) в Галиции, недалеко от города Санок. Учился там в хедере.

Когда началась война, он не ушел вместе с другими еврейскими беженцами на восток и дождался прихода немцев. Только тогда, увидев своими глазами, что такое «культурные немцы», он бежал в советскую зону и осел в аннексированном СССР Лемберге (Львове) — сначала на правах беженца, то есть полулегально, а после получения «трефного», как он пишет, советского паспорта — в местечке Козово, что близ города Бережаны в современной Тернопольской области на Украине, где Советы устроили тогда что-то вроде резервата для таких легализовавшихся беженцев, как Левите. Когда в 1941 году, на сей раз в Козове, Авром снова оказался во

власти немцев, он вернулся в родное местечко. Ему, конечно же, были рады в семье, но с его возвращением у них умерла надежда на то, что хотя бы один из семьи спасся.

8 августа 1942 года его как трудоспособного депортировали в гетто города Прокачив-Плашув, что под Краковом. А всех его «нетрудоспособных» близких — отца, мать, младшего брата и сестер — через день расстреляли в близлежащем лесу.

В марте 1943 года, после того, как плашувское гетто ликвидировали, Авром Левите попал в Аушвиц и прошел селекцию, как он думает, лично у Менгеле¹. Его номер — 108200. Узники в полосатой одежде и шапках, которых он встретил в бараках, напоминали ему пуримшилеров, только пуримшилеров наоборот, — когда Аман праздновал свою победу над евреями, а не они над ним.

Левите направили на работу на угольные рудники в Бржезице-Явишвице², но ему повезло: он работал не в шахте, а наверху, в ремонтных мастерских. В декабре 1943 года, с переломом ноги, он попал в аушвицкую больницу, но, сумев чудом уцелеть в еженедельных селекциях, выжил и тут. Он вспоминал и об «отчаянной лихости» советских военнопленных, и о «пережитках гуманизма» у венгерских евреев, о которых он выразился так: «еще одну веточку отрезали».

Аушвицкий текст Аврома Левите датирован 3 января 1945 года. Жанр, в котором он написан, просто невероятен: это предисловие к антологии художественных сочинений на идише и иврите, написанных несколькими еврейскими авторами из Биркенау — в... Биркенау! Если Градовский и другие писатели из «зондеркомmando» в своих записках были сконцентрированы на том, как евреи здесь умирали, то авторы антологии собирались рассказать о том, как они здесь жили. Но авторы погибли, а с ними и сама антология, и уцелели лишь предисловие к ней и его автор, Авром Левите!³

18 января 1945 года концлагерь Аушвиц-Биркенау был эвакуирован. Левите со своей больной ногой выжил и на марше смерти: его пригнали сначала в концлагерь Гросс-Розен, а потом перевезли в Бухенвальд, откуда погнали в сторону Цвиккау, но по дороге он сбежал. Стоял уже конец апреля или начало мая...

Он освободился как бы сам, и встреча с американцами только завизировала чудо его спасения. И свой дальнейший маршрут он хотел бы определить сам: преамбула к предисловию зафиксировала его промежуточную станцию — французский Руан в июне 1945 года.

Еще в 1945 году он оказался в Палестине, где — вероятно, очень скоро — женился. В Израиле Левите был редактором и, по-видимому, инициатором «Книги памяти» своего родного местечка («Сефер зикарон кехилат Бжезив»), вышедшей на иврите и идише в 1984 году⁴. Он написал для нее много статей и перевел на иврит свой текст 1945 года. В статье «Годы страха и потери близких» он вспоминает свое местечко, свою молодость, «свой» лагерь Ойшвиц и свое чудесное освобождение. Кроме того,

он оставил воспоминания («Путешествие в прошлое. Воспоминания ученика хедера из местечка Бжозув (Бжезив)») и собрал книгу идишских пословиц.

И то, и другое вышло уже после смерти Аврома Левите в 1990 году: в 1992 — мемуары, в 1996 — пословицы.

Но думаю, что не ошибусь, если скажу: главным литературным трудом Левите были именно те несколько страниц, что он написал в 1945 году для фантастической литературной антологии.

Однако публикация 1946 года долго оставалась неизвестной, бума переводов на другие языки она не породила.

Но и совсем незамеченной она тоже не была. Так, отрывки из «предисловия» были процитированы министром культуры и образования Израиля Бен-Ционом Динуром в его речи в Кнесете 12 мая 1953 года при обсуждении и утверждении закона об увековечении памяти о Катастрофе и создании мемориала Яд Вашем⁵. Вскоре весь текст А. Левите был переведен на иврит и включен в книгу «Люди и пепел — книга Аушвица-Биркенау», выпущенную под редакцией Исраэля Гутмана в 1957 году. Спустя 42 года, в 1999 году, он увидел свет и по-английски⁶.

Первая — газетная — публикация А. Левите на русском языке увидела свет 27 января 2012 года в «Московских новостях».

Павел Полян

¹ Тут Левите, вероятно, ошибается, поскольку «ангел смерти» — гауптштурмфюрер СС д-р Йозеф Менгеле (1911–1979) — прибыл в Аушвиц только в мае 1943 г. В Аушвице он начинал врачом т.н. «цыганского лагеря», затем стал старшим врачом всего лагеря Аушвиц-Биркенау. Он, как правило, лично проводил селекцию новоприбывших на рампе, решая кому умереть и кому еще пожить, попутно учитывая и «интересы» своих медицинских «экспериментов» (прежде всего над близнецами, карликами, различными аномалиями).

² Brzeszcze-Jawischowitz (польск.) — угольная шахта в 12 км от Освенцима (эксплуатируется и по сей день) и один из сублагерей лагерного комплекса Аушвиц-III. Между августом 1942 г. и январем 1945 г. принадлежала концерну Reichswerke Hermann Göring; на ней работало около 2000 заключенных.

³ См. об этом подробнее в специальном разделе, посвященном этой рукописи.

⁴ Ее оцифрованную версию см. на сайте Нью-Йоркской публичной библиотеки, на странице Yiddish Book Center's Spielberg Digital Yiddish Library («Дигитальной библиотеки на идише Стивена Спилберга») за № 13715: <http://yizkor.nyupl.org/index.php?id=1027>

⁵ См. эту речь в книге «Алумот» (снопы) — книга для чтения для 8-го года обучения (Тель-Авив, Ам овэд, 1954. Сост. Шмуэль Гадон).

⁶ *Suchoff*, 1999. P. 59-68.

АВРОМ ЛЕВИТЕ

ИЗ АНТОЛОГИИ «ОЙШВИЦ»

В начале января этого года, незадолго до ликвидации печально известного лагеря уничтожения Ойшвиц¹, несколько серьезных юношей задумали создать там нечто вроде антологии под названием “Ойшвиц”, где находились бы стихи, описания и впечатления от увиденного и пережитого. Тетрадки в нескольких экземплярах мы должны были закопать в бутылках в разных местах, на рабочих местах снаружи лагеря, доверить это нескольким порядочным полякам, с которыми вместе работали, и попросить их о том, чтобы после освобождения они вынули это из земли и передали в еврейские руки.

Эти юноши, как и все, кто находился в Ойшвице, были убеждены, что они оттуда больше не выйдут, и планируемая антология должна была стать попыткой изображения их страданий, выражением их ожесточенности и как бы извинением за их жизнь, которая казалась им невероятно отвратительной в свете жутких и леденящих кровь убийств, которые мы видели своими глазами.

В книгу должны были войти многие материалы, собрания фактов исторического значения, а также описания гетто и убийств нацистских бандитов, еще до того, как мы прибыли в лагерь.

Уже были написаны несколько удачных стихов на иврите венгерского ивритского поэта, просьба о прощении в “Письме к моему брату в земле Израиля” и другие.

Этого не произошло, потому что через две недели лагерь был эвакуирован из-за приближения русской армии.

Написанное осталось у тех, кто это написал, а то, что приведено тут дальше, должно было стать предисловием к антологии.

*Я ничего не меняю в тексте, потому что я рассматриваю его как документ, который был написан об Ойшвице **в самом Ойшвице**², это взгляд на лагерь смерти через лагерные очки, он также выражает чувства многих товарищей и сочувствующих, и я думаю, что как таковой, он должен иметь определенную ценность.*

Руан, Франция, 14 июня 1945.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЛАНИРУЕМОЙ АНТОЛОГИИ «ОЙШВИЦ»

Когда-то я читал о людях, которые поехали на Северный полюс, и их корабли застряли в трещинах льда, а сигналы S.O.S.³ остались без ответа. Еда у них закончилась, мороз зажал их в тиски, и они ждали смерти, оторванные от мира, замерзшие, изголодавшиеся. И все же эти люди не выпускали карандаша из цепенеющих пальцев. Они продолжали делать заметки в дневниках, перед глазами у них маячила вечность.

Как меня тогда трогало то, что люди в таких трагических обстоятельствах, которых жизнь так безжалостно оттолкнула, а смерть уже наложила на них свои лапы, все же так поднялись над собственной судьбой и продолжали исполнять свой долг перед вечностью.

Все мы, кто умирает тут в полярном ледяном равнодушии народов, забытые миром и жизнью, все же имеем потребность оставить что-то для вечности, если не полноценные документы, то, по крайней мере, обломки того, как мы, живые мертвецы, помнили и чувствовали, думали и говорили. На могилах, где мы лежим, засыпанные заживо, мир танцует дьявольский танец, и наши стоны и крики о помощи затаптывают ногами, когда мы уже задохнемся, нас примутся откапывать; тогда нас уже не будет, только наш пепел, развеянный по семи морям, тогда каждый культурный и порядочный человек будет считать своим долгом сожалеть о нас и произносить надгробное слово. Когда наши тени появятся на экранах и сценах, милосердные дамы будут вытирать глаза надушенными платочками и скорбеть о нас: ах, несчастные.

Мы знаем: живыми мы отсюда не выйдем. На воротах этого ада дьявол собственноручно написал: «оставь надежду всяк сюда входящий»⁴. Мы хотим исповедаться?, пусть это будет наше «Шма Исрозль» для будущих поколений. Это должно быть исповедью трагического поколения, поколения, которое не доросло до своей задачи, рахитичные ноги которого согнулись под тяжелым бременем мученичества, которое время возложило ему на плечи.

И посему речь тут не идет о фактах и цифрах, о сборе сухих документов — это и без нас сделают. Историю Ойшвица смогут восстановить и без нашей помощи. Фотографии, свидетельства и документы тоже расскажут вам о том, как умирали в Ойшвице. Но мы также хотим создать картину того, как «жили» в Ойшвице. Как выглядел нормальный, среднестатистический рабочий день в лагере. В этом дне смешение жизни и смерти, страха и надежды, отречения и воли к жизни. День, в котором одна минута не знает о том, что принесет с собой другая. Как копают и отрубают кайлом куски собственной жизни, кровавые куски, юные годы, и, задыхаясь, гру-

зят их на вагонетку⁵ времени, которая со скрипом и стенаниями тащится по железным рельсам лагерной жизни. А в сумерках, до смерти замученные, вагонетку опрокидывают⁶ в глубокую пропасть. Ах, кто достанет из бездны этот окровавленный день вместе с его черной тенью, залитой страхом ночью, и покажет его миру?

Да, отсюда выйдут живые люди: неевреи. Что они расскажут о нашей жизни? Что они знают о наших страданиях? Что они знали о еврейской нужде в нормальное время? Они знали, что мы — народ Ротшильдов. Они и теперь будут прилежно собирать бумагу из-под маргарина и колбасные шкурки и показывать: неплохо было евреям в лагере. Им не захочется рыться в мусорном ведре памяти и вызывать оттуда бледные, вечно испуганные тени с потухшими глазами, которые, всегда рыскали возле блоков и ложками, зажатыми в посиневших пальцах, дочиста выскребали баки из-под супа. Десять раз прогнанные палками, они рылись в мусорном ведре, в поисках заплесневелых хлебных крошек. Несчастные, они дрожали и гасли, как свечки, не имея возможности осуществить свою единственную мечту — хоть один раз наесться досыта. Тысячи называемых на лагерном языке «мусульманами⁷», по отношению к которым каждый «общинный деятель» и лагерный начальник считал своим долгом исполнить заповедь Ойшвица «азойв тазойв»⁸: им помогали — умереть. Эти тысячи неизвестных, слабых и беспомощных, несли на своих слабых плечах все одиночество, всю жестокость и весь ужас лагеря. Весь — потому что они должны тащить и часть работы привилегированных, и они тащили, пока не падали, и пара начищенных сапог «капо» не придавливала их насмерть, как червяков.

Они об этом не расскажут, зачем же портить настроение и вызывать призраки? В особенности, когда собственная совесть тоже не слишком чиста... Лучше говорить о нескольких сытых, с которыми они предпочитали знаться. В целом море одиночества и горя, они видят только пару плавающих на поверхности капель жира, которые остались от расколовшегося корабля. Да, когда мы кусаем от боли собственное тело, эти говорят, что мы едим мясо досыта, а когда казнят наших родителей, они завидуют нам, что мы сможем продать их одежду.

Мы сами должны рассказать о себе. Мы отдаем себе отчет в том, что нам не хватает сил, чтобы описать и создать такое, что могло бы отразить и выразить нашу трагедию. Но — написанное вообще не нужно класть на весы литературы. Оно должно рассматриваться как документ и приниматься во внимание как таковой, нужно учитывать время и место, а не художественную ценность вещи. Время: накануне смерти. Место: на эшафоте. Только от артиста на сцене требуется, чтобы он кричал, плакал и стонал по всем правилам искусства. Ведь ему не больно. В конце концов, никто не будет критиковать упомянутую⁹ жертву за то, что она стонет слишком громко или плачет слишком тихо.

А сказать нам есть что, хотя с литературной точки зрения мы заики. Мы расскажем, как мы можем, на нашем языке. Даже совсем немые не

могут молчать, когда им больно, тогда они говорят, но на своем языке: языке жестов. Молчат только Бонци¹⁰. Эти делают таинственную мину, как будто бы они бог знает что имели сказать. И только там, в истинном мире¹¹, где поза и притворство больше не проходят, они выдают секрет своей жизни — булку с маслом!

Игра уже окончена. Была проделана гигантская работа, работа поколений. Иегуда¹² был стерт с поверхности земли. Уже разбрасывают и тушат головни. Разбирают печи, культурные памятники новой Европы, архитектурные образцы стиля новой готики. Уже моют руки и идут благословлять «на покрытие крови»¹³, пусть пеплом, это мелочь для пяти таких светлых крематориев.

А убой был гуманный.

Восхитительный летний день. Едет вагон с «депортированными»¹⁴. Вагоны для скота. Окошки заделаны колючей проволокой. На каждой ступеньке солдат в полном вооружении. Через зарешеченное окно выглядывает ребенок. Светлое личико, ясные невинные глаза, взгляд — такой любопытный и смелый. Он не подозревает ни о чем плохом, он видит большую, широко раскрытую книгу с цветными картинками: едут поля и луга, фабрики... Двигаются леса и сады, дома и деревья, окружают полукругом и исчезают.... Краски сливаются в один отрезок, он покрутится какое-то время и вскоре исчезает из виду. Появляются люди и лошади, маленькие, как живые игрушки, они ходят или даже стоят на месте, но само это место все равно едет... — Куда всё это едет???

Вдруг с шумом и натиском подбегает поезд, он заслоняет панораму, гасит солнце, как черный дьявол, и напускает удушливый дым... Вагоны бегут, один хочет догнать другого... Из окон выглядывают люди в мундирах, такие странные, черные, окутанные дымом, что-то высматривают, как нечисть какая... ох, этот дым... он и это заслоняет... наконец-то — поезд прошел и снова та же картина: леса и поля, луга и сады, горы и долины, текут так спокойно и уютно, двигаются по огромной ленте, проходят и исчезают где-то вдали... Домики и парки, деревья и телеграфные столбы проплывают, как будто смытые большим наводнением. Всё идет, всё движется, всё живет, так странно, как в сказках, что рассказывает мама... Куда всё это идет?..

Внутри сидит мать. Она схватилась руками за голову. Лицо мрачное. Сердце стучит как-то странно. Перед глазами пробегают картины целой жизни: детство, юность, короткое семейное счастье: дом, муж, ребенок, родительский дом, местечко, поля, леса, сады, всё бежит, перемешивается как колода карт, одна картина прогоняет другую, и на всем этом черное пятно: оставленная на произвол судьбы разоренная квартира, разрушенное семейное гнездо: расколоченные двери и окна, взломанные шкафы, разбитая посуда, разбросанная, затоптанная одежда, все это оставлено позади, а теперь: караул, куда мы все едем?!...

Поезд идет медленно, как похоронная процессия. Как будто бы хочет оказать жертвам последнюю честь. Через десять минут он уже идет назад пустой. Еврейский плутократ и еврей-большевик, который намеревался уничтожить арийский мир, обезврежен навеки. Грузовая команда уже упаковывает еще теплые вещи в машины: лааус, лааус¹⁵, туда, в страну фрицев¹⁶. По заказу государства родился новый ребенок, рейхскасса платит премии, государственные деньги, Крупп¹⁷ уже приготовил для него винтовочку. Это для него везут белые рубашечки Абрамчика, вышитые преданными материнскими руками.

А мир? Мир наверняка делает все, что может. Протестуют и интерпелируют¹⁸, собирают комитеты пяти, тринадцати и восемнадцати¹⁹, красный крест гремит кружкой «цдоке тацл мимовес»²⁰, пресса и радио делают хеспед²¹, архиепископ Кентерберийский молится²² «Эйл моле рах-мим»²³, в церквях говорят «кадиш»²⁴ и хозяева мира пьют за нас «лехаим» и желают друг другу «мазл тов», за спасение и вознесение²⁵ наших душ.

Веревка накинута на шею. Вешатель великодушен. У него есть время. Он играет с жертвой. Пока он выпивает кружку пива, закуривает сигарету и довольно улыбается. Давайте воспользуемся моментом, когда палач налился²⁶, и употребим виселицу в качестве печатной машинки: набросаем то, что нам есть сказать и рассказать.

Итак, друзья, пишите, описывайте коротко и остро, коротко, как дни, которые нам осталось жить и остро, как ножи, которые нацелены в наши сердца. Пусть останется пару листков для ЕНО²⁷, Общества Еврейских Несчастий, пусть наши оставшиеся в живых, свободные братья прочтут это, и может быть, оно их чему-то научит.

А мы просим у судьбы:

Да будет воля Твоя, не²⁸ слышащий голос плача, сделай для нас хоть это — сложи слезы наши в кожаный мех Твой²⁹. Сохрани эти страницы слез в дорожной суме бытия³⁰, и да попадут они в правильные руки и совершат свое исправление³¹.

К.л. Ойшвиц, 3 января 1945.

*Перевод с идиша Алины Полонской.
Примечания Павла Поляна и Алины Полонской*

¹ Так звучит Аушвиц на идише (по-польски — Oświęcim, или Освенцим). Другое идишское название Освенцима — Ошпицин (Ушпицин).

² Выделено автором.

³ Написано еврейскими буквами.

⁴ Бук.: «Оставьте надежду все вы, входящие сюда» цитата из Божественной комедии Данте. *Lasciate ogni speranza voi ch'entrate*. Ад. Песнь 3. Стих 9. Нами использован русский перевод Дмитрия Минна (1855–1879).

⁵ От нем. *Lore*: написано еврейскими буквами.

⁶ От нем. *kippen*: написано еврейскими буквами.

⁷ Имеются в виду доходяги. См. о «мусульманах» в концлагерях в первой части книги.

⁸ Имеется в виду заповедь помогать ближнему, даже врагу, в случае нужды, а также милосердно относиться к животным. Она выводится мудрецами из фразы: «Если увидишь осла врага твоего упавшим под ношею своею, то не оставяй его: развьючь вместе с ним». (Исход 23:5 синод. перев.). В то же время сама по себе фраза *וְזוֹרֵת תַּעֲזֹב*, которая в данном контексте означает «развьючить» в смысле «освободить от ноши», что переводится как «оставь совсем». Автор, по-видимому, имеет в виду именно этот зловещий смысл и иронизирует над принципом «взаимопомощи» в лагерных отношениях. Самая гуманистическая заповедь — о помощи врагу, превращается в заповедь: «падающего толкни».

⁹ Германизм: от нем. *Betreffend*.

¹⁰ Автор имеет в виду героя очень популярного в свое время рассказа И.Л. Перца «Бонця-молчалиник» (1894). Многострадальный и безответный грузчик Бонця попадает на небесный суд, где ему уготована заслуженная награда за многочисленные несправедливости, которые он молчаливо претерпевал на земном пути. К стыду небесной свиты, его единственным желанием оказывается каждый день иметь к завтраку горячую булку с маслом. Большинство современников Перца видели в рассказе призыв к социалистической борьбе и освобождению пролетариата, не замечая горькую иронию автора по поводу невысокого духовного потенциала последнего.

¹¹ На том свете.

¹² Т.е. еврейский народ.

¹³ Благословение на покрытие зарезанного животного землей «עַל בֵּיסוּרֵי הָדָם» произносится резником. Согласно еврейским законам, перед употреблением животного в пищу, его пролитая кровь должна быть покрыта землей.

¹⁴ От нем. *ausgesiedelte* — «депортированные».

¹⁵ Так автору слышится немецкое слово «гаус» («вон!»), может быть, с приданием дополнительной иронии за счет еврейской картавости.

¹⁶ Йеке-ланд — Германия. От «Йеке» — презрительного названия немца.

¹⁷ Крупп, название немецкой фирмы по производству оружия.

¹⁸ То есть делают запросы в парламент. Явная пародия на политическую говорильню.

¹⁹ В оригинале написано цифрами: 5 13 18.

²⁰ *צְדָקָה תַּצִּיל מִמוּת* «Добродетель избавляет от смерти» (Мишлей (Притчи) 10:2; 11:4 перев. Д. Йосифона). В талмудический период слово «צְדָקָה» «праведность, добродетель», в синодальном переводе «правда», получило дополнительное значение «милостыня». Именно в этом смысле оно используется в идише. Во время еврейских похорон принято провозглашать этот стих и собирать милостыню в кружку для пожертвований.

²¹ Надгробное слово. Автор намеренно изображает христиан формально соблюдающими религиозные еврейские обряды.

²² Буквально «делает», т.е. «делает браху».

²³ «Бог, исполненный милосердия». Часть еврейской поминальной молитвы.

²⁴ «Освящение». Название еврейской поминальной молитвы.

²⁵ Т.е. вознесение к престолу всевышнего.

²⁶ Буквально: «пока палач занят выпивкой».

²⁷ ЙИВО (Йидише висншафтлехе организации), позднее переименованная в Йидишер Висншафтлехер Институт (Еврейский научный институт) международная еврейская организация, основанная в 1925 г. в г. Вильно, с 1940 ее центральный филиал находится в Америке. Целью организации является исследование языка идиш и культуры восточноевропейского еврейства. Автор расшифровывает аббревиатуру названия организации ЙИВО как «Йидишер Вейтотс-Архив», «Архив еврейских болей». Переводчица стремилась отразить это хотя бы отчасти в переводе.

²⁸ Автор приводит первые две строчки известного пияута (религиозного гимна) неизвестного автора «Слышащий голос плача...», но в первой строчке добавляет частицу «не», изменяя, таким образом, смысл песнопения: «Да будет воля Твоя, слышащий голос плача, (аллюзия на Тегилим (Псалмы) 6:9) / Сложишь слезы наши в кожаный мех Твой (аллюзия на Тегилим 56:9) / И спасешь нас от всех жестоких гонений / Ибо лишь к Тебе обращены глаза наши». В иудаизме существует представление о том, что слезы, пролитые евреями, попадают в «копилку» (мех, суму, кубок или бурдюк) Бога и служат искуплением грехов еврейского народа и приближению Мессии.

²⁹ Выделенный курсивом текст написан на иврите.

³⁰ Левите переводит глагол «лихийойс» в тексте пияута идишским глаголом «зайн», то есть быть. Таким образом, в его версии перевода появляется некая «сума бытия» как философский термин.

³¹ В еврейской мистике существует представление об исправлении души *тиккуне* с целью восстановления первоначальной гармонии мироздания, которое является задачей каждого человека и мира в целом.

**ВМЕСТО
ЗАКЛЮЧЕНИЯ**

КАСИБА, КОТОРАЯ ДОШЛА

*Спой песнь последнюю о гибнущем народе, —
Ее безмолвно ждет последний иудей...*

Ицхак Каценельсон

Свитки из пепла...

Шесть авторов, десять текстов...

О жизни в гетто, о депортациях, о равнодушной луне, о селекциях на рампе и в бараках, о диктате мишпухи, о неудовлетворенной жажде мщения, о высокотехнологичном превращении людей в трупы, а трупов в пепел. Феноменален и жанровый диапазон — от бытового письма с наказом жене и дочери и комментария к чужой рукописи до летописного свидетельства, публицистического памфлета и подражания пророкам.

Но все рукописи — разные и о разном — как бы впадают в огромное кровавое море, именуемое Аушвиц-Биркенау, и уже не покидают его берегов.

И нет в литературе о Катастрофе других текстов, написанных с такой малой — лишь только руку протянуть! — дистанции от газoven и крематориев. Эти живые свидетельства — центральные и важнейшие.

«Пусть будущее вынесет нам приговор на основании моих записок и пусть мир увидит в них хотя бы каплю того страшного трагического света смерти, в котором мы жили», — так закончил Залман Градовский свое письмо из ада, свою касибу потомкам.

Письмо до нас чудесным образом дошло и, вместе с другими касибами, легло в основание этой книги. Но вечная память и тем, чьи рукописи были найдены и выброшены или не были найдены и уже никогда не будут найдены, — их унесла река времен.

Вечная память и тем миллионам евреев, что приняли мученическую смерть и не проронили об этом ни словечка. Тем больший вес ложится на уцелевшие и дошедшие до нас свитки.

Аврома Левите в свое время поразили героические полярики, и перед лицом смерти не выпускавшие карандашей из цепенеющих пальцев и продолжавшие — ради вечности и науки — делать заметки в своих полевых дневниках.

«Все мы, кто умирает тут в полярном ледяном равнодушии народов, забытые миром и жизнью, все же имеем потребность оставить что-то для вечности, если не полноценные документы, то, по крайней мере, обломки того, как мы, живые мертвецы, помнили и чувствовали, думали и говорили. На могилах, где мы лежим, засыпанные заживо, мир танцует дьявольский танец, и наши стоны и крики о помощи затаптываются ногами, когда мы уже задохнемся, нас примутся откапывать; тогда нас уже не будет, только наш пепел, развеянный по семи морям...»

Но Левите предупреждает: его бы покорило, если этот зов дойдет не по адресу! Если грядущие хамы и фарисеи будут считать своим долгом громко «сожалеть о нас» и бросятся произносить свои пустейшие «надгробные слова», а «милосердные дамы будут вытирать глаза надушенными платочками и скорбеть о нас: ах, несчастные!».

И даже Того, кого он обвинил в глухоте и нежелании слышать, он тоже не считает адресатом, хотя и просит Его не дать этим узническим запискам пропасть: *«Да будет воля Твоя, не слышащий голос плача, сделай для нас хоть это — сложи слезы наши в кожаный мех Твой. Сохрани эти страницы слез в дорожной суме бытия, и да попадут они в правильные руки и совершат свое исправление».*

Он словно предугадал адорновскую максиму (*«Это варварство — после Аушвица писать стихи»*, 1949) — и заранее дал на нее возражение.

Да, произошла беспримерная планетарная Катастрофа, как если бы в Землю врезалась комета ненависти и выжгла смертным огнем половину одного небольшого народа. От удара образовался глубочайший кратер, *Apus Mundi*, земная кора растрескалась, но планета не раскололась.

Да, евреев уничтожали, — но евреев не уничтожили. И долг уцелевших — засвидетельствовать и сохранить память об этой Катастрофе, рассказать о ней так, чтобы именно после Аушвица могли бы возникнуть новые стихи — такие, каких еще не знала поэзия. Такие, в которых, — о чем бы они ни были, хоть о пингвинах в Антарктиде, — уже отразились бы подспудно весь опыт аушвицких газовен, бабьярских рвов и развалин восставшего гетто, под которыми прятались последние, как им самим казалось, оставшиеся на Земле евреи.

И в этом, возможно, главное назначение публикуемых здесь свитков и рассказа об их истории.

Отныне прочесть их сможет каждый желающий. Но их истинный адресат — те самые «правильные руки», еврейские и нееврейские, в которых строки из Ада оживут, обретут свои голоса и по-настоящему заговорят.

POSTSCRIPTUM

На первый взгляд, этот корпус «свитков из пепла» имеет вид подытоживающей сводки. Но это иллюзия. Максимум того, на что тут можно

претендовать, — промежуточная версия. Напротив, издание скорее призвано стимулировать свое продолжение.

У двух текстов из десяти — все еще не установлены местонахождения оригиналов! Их непременно надо искать и найти — в Польше и во Франции.

Но самое, пожалуй, главное: на текстах Градовского, Лангфуса, Левенталя и Наджари просто рано ставить точку. Ведь прочитанность рукописи Градовского, хранящейся в Санкт-Петербурге, — всего 60 %, а прочитанность остальных, хранящихся в Освенциме и Варшаве, гораздо ниже.

А ведь отнюдь не исключено и некоторое приращение прочитанного — с помощью современных технологий и технических средств, применяемых, например, в криминалистике. Их грамотное и осторожное приложение к рукописям зондеркомандовцев позволило бы впервые прочитать те места, что до сих пор не поддавались расшифровке. Или, по крайней мере, существенную их часть.

Одной из таких перспективных технологий является метод гиперспектрального отображения¹, основанный на специальном фотографировании с применением света разных длин волн — от ультрафиолетового до инфракрасного. Получается условный гиперкуб, одна из осей координат которого записывается в виде длины волны, а остальные две относятся к сфотографированной площади. Специальная контрастная обработка данных позволяет обособлять буквы и, стало быть, заново выделить и распознать письменный текст.

Таким образом часто удается прочитать выцветшие, поблекшие или, как в нашем случае, сильно размытые чернила. Прочитанное же можно записать и перевести, а переводя — попытаться осмыслить отвоєванную у небытия информацию.

Правда, на этом пути, кроме технологических, могут встать и иные преграды: бюрократические. И тут гиперспектрограммы бессильны.

К сожалению, ряд уже предпринятых попыток к успеху пока не привел — ни в Санкт-Петербурге, ни в Освенциме. А ведь чем больше времени будет упущено, — тем слабее будет эффект от применения новейших технологий.

Однако прочтение непрочитанного представляет настолько большой историко-культурный интерес, что рано или поздно будут преодолены и эти преграды.

¹Этим описанием метода я обязан И. Рабин.

ПРИЛОЖЕНИЯ

**ХРОНИКА СОБЫТИЙ,
СВЯЗАННЫХ С «ЗОНДЕРКОММАНДО» В АУШВИЦЕ-БИРКЕНАУ**

Даты	События
	1939
9 сентября	Оккупация Освенцима (Аушвица) немецкими войсками.
	1940
29 марта	Открытие в Сосновице сборного лагеря для разгрузки тюрем Верхней Силезии от уголовников.
18–19 апреля	Комиссия под руководством гауптштурмфюрера Рудольфа Хёсса, начальника концлагеря Заксенхаузен, посетила бывшие польские артиллерийские казармы в Аушвице и поддержала предложение организовать в них карантинно-транзитный лагерь для 10 тысяч осужденных польских граждан, которых отсюда будут распределять по немецким концлагерям.
27 апреля	Приказ Гиммлера об организации в Аушвице нового концлагеря.
30 апреля	Прибытие в Аушвиц Р. Хёсса.
5 мая	Назначение Р. Хёсса комендантом будущего концлагеря.
20 мая	Прибытие в Аушвиц из Заксенхаузена первых 30 узников (немецких уголовников) — будущих главных «функциональных узников». Они получили лагерные номера с 1 по 30.
Май–июнь	Около 300 еврейских рабочих из Аушвица заняты на работах по оборудованию будущего концлагеря.
14 июня	Прибытие в Аушвиц первых 728 польских узников из тюрьмы в Тарнуве, получивших лагерные номера с 31 по 758.
19 июня	Насильственное выселение первых 500 поляков, живших в непосредственной близости от будущего концлагеря.
28 июня	Начало строительства фирмой «J. A. Topf und Söhne» крематория I в Аушвице-1.
5/11 июля	Газ «Циклон Б» впервые применен в Аушвице для дезинфекции жилых помещений (казармы СС).
15 августа	Первая апробация крематория I.
Сентябрь	Ввод в строй крематория в концлагере Аушвиц (крематорий I).
	1941
13–20 января	Остановка крематория I из-за выявившихся дефектов и его ремонт.
20 января — 22 февраля	Монтаж второго муфеля крематория I.
1 марта	Первое 1,5-часовое посещение концлагеря Г. Гиммлером. Приказ о расширении Аушвица-1 до вместимости в 30 тыс. чел. и о начале строительства лагеря для военнопленных в Биркенау вместимостью 100 тыс. чел.

17 марта	Приказ о депортации из Аушвица, Биркенау, Райско и ряда других сельских поселений в окрестностях Аушвица части польского (800 чел.) и всего еврейского (250 чел.) населения.
Начало апреля	Депортация евреев из Аушвица в Сосновец и Бендзин (большинство из них погибло летом и осенью 1942 г. в лагере уничтожения Белжец).
23–28 июня	Из-за последствий перегрузки остановлен крематорий I.
3 июля	Строительное управление к/л Аушвиц выписало оттиски научных публикаций о применении синильной кислоты для нужд дезинфекции.
Август	Р. Хёсс принимает участие в конференции Еврейского отдела РСХА под руководством А. Эйхмана.
Конец августа	Возможно, первые эксперименты с удушением людей газом Циклон Б: сначала 30 чел., потом 100 чел.
Август — сентябрь	Установка фирмой «J. A. Topf und Söhne» в Аушвице-1 первого крематория.
3–5 сентября	По приказу начальника лагеря Фритцша — пробная газация 600 советских военнопленных и 250 больных поляков в подвале блока 11 с последующими транспортировкой и сжиганием их трупов в крематории I. Формирование из поляков и евреев первой «коммандо» по обслуживанию крематория (<i>Leichenträger</i> , переносчики трупов, это фактически первая «зондеркоммандо»; капо — поляк М. Морава).
15 сентября	Организация в Аушвице-1 отдельного рабочего лагеря для советских военнопленных.
16 сентября	Пробная газация 900 советских военнопленных в переоборудованной мертвецкой Крематория I.
22–25 сентября	Переговоры и переписка с фирмой «J. A. Topf und Söhne» о технических деталях новых крематориев.
Осень	Посещение Р. Хёссом Трелинки, где практиковалось убийство узников двуокисью углерода (выхлопными газами).
Сентябрь	Посещение Аушвица А. Эйхманом, отобравшим в качестве будущих мест массовой газации евреев два крестьянских подворья около Биркенау (будущие бункеры 1 и 2).
1 октября	Назначение гауптштурмфюрера СС Карла Бишофа начальником спецотдела по строительству лагеря для советских военнопленных вместимостью 125 тыс. чел. и начало строительства в Биркенау 2-й очереди к/л Аушвиц.
Ноябрь	Работа в Аушвице-1 специальной комиссии гестапо из Катовице по селекции советских военнопленных.
17 ноября	Первое упоминание в касибах об убийствах газом.
1942	
Январь	Переоборудование мертвецкой крематория I в газовую камеру.
20 января	Ванзейская конференция.

1 февраля	Организация Главного экономического управления СС под началом Освальда Поля.
15 февраля (?)	Начало массового уничтожения евреев. Первая группа (предположительно, немецкие евреи из Бойтена, без регистрации) была удушена в газовой камере крематория I.
27 февраля	Визит в Аушвиц Х. Каммлера — начальника отдела по строительству Центрального экономического управления СС. Решение о переносе строительства нового крематория из Аушвица в Биркенау.
26 марта	Первый еврейский транспорт из Словакии. Первый в Аушвице женский транспорт — с немецкими узницами из Равенсбрюка.
30 марта	Первый еврейский транспорт из Франции (из Компьена).
Март—апрель	Начальник айзатцгруппы СД 4а Пауль Блобель назначен начальником «зондеркоммандо 1005» с заданием уничтожить следы массовых расстрелов евреев.
Конец апреля — 4 мая	Первая селекция «зондеркоммандо»: ликвидация 80 членов ее первого состава (их доставили в больницу и убили уколами фенола).
2-я половина апреля — начало мая	Формирование второго состава «зондеркоммандо», так же состоявшего почти сплошь из словацких евреев: сначала — 45 чел. из транспорта, прибывшего 17 апреля. Расширено до 200 чел., в том числе 50 чел. использовались на бункере 1 и 150 — на рытье новых ям.
4 мая	Первая селекция (словацкие евреи) на территории лагеря Биркенау.
9 мая	Перевод «зондеркоммандо» на территорию лагеря Биркенау (зона В, блок 2)
12 мая	Транспорт из Сосновице — первый еврейский транспорт из польских гетто.
20 мая	Ввод в действие изолированной газовой камеры (два помещения с вентиляцией) — бункера 1 («Красного домика»). Трупы убитых сжигаются в гигантской яме, вырытой поблизости на лугу. Формирование первого состава «зондеркоммандо».
30 мая	Пуск третьей печи на крематории I.
Начало июня	Гиммлер вызвал Хёсса в Берлин и проинформировал о той особой роли, которую должен будет сыграть к/л Аушвиц в деле уничтожения евреев.
Конец июня	Ввод в действие бункера 2 («Белого домика») — еще одной изолированной газовой камеры (четыре помещения общей площадью в 105 кв. м, без вентиляции).
Начало июля	Первые случаи сыпного тифа на территории Биркенау, начало эпидемии, достигшей своего максимума в первой декаде сентября (до 375 смертей в день).
Начало июля	Увеличение числа членов «зондеркоммандо» до 300, а затем до 400 чел.
17 июля	Первый еврейский транспорт из Голландии.

17–18 июля	Второе посещение Аушвица и Биркенау Гиммлером, лично присутствовавшим при газации в бункере 2. Гиммлер приказал увеличить вместимость лагеря для советских военнопленных в Биркенау до 200 тыс. чел. и избавиться от массовых захоронений.
Август	Газация около 80 членов «зондеркоммандо».
5 августа	Первый еврейский транспорт из Бельгии.
8 августа	Пуск отремонтированного и усиленного до трех печей крематория I.
Около 10 августа	Перевод женского лагеря из Аушвица в Биркенау.
12 августа	Приказ Хёсса о случае легкого отравления газом «Циклоном Б» и о необходимости соблюдения мер предосторожности при открытии газовых камер.
Около 15 августа	Решение о строительстве крематориев II, III и IV.
18 августа	Первый еврейский транспорт из Югославии.
Конец лета	Восстание евреек — узниц женской штрафной роты — в Будах близ Биркенау. Около 90 узниц погибли, их убийцы — 6 немецких уголовниц — были казнены в конце октября.
5 сентября	Селекция около 800 узниц в больнице женского лагеря и их газация.
16 сентября	Хёсс и унтерштурмбаннфюреры СС Ф. Хёсслер и В. Дежако (начальник планового отдела) посетили установку по сжиганию трупов на открытом воздухе в Кулмхофе (Хелмно) под Лодзью, подчиненную П. Блобелю.
21 сентября	Начало «Акции 1005» в Аушвице: раскопки массовых захоронений, эксгумация и сжигание трупов, сброс пепла в Солу и Вислу.
28 октября	Первый еврейский транспорт из Терезиенштадта.
6 ноября	Массовый побег советских военнопленных.
Середина ноября	Конец эпидемии сыпного тифа, унесшей около 20 тыс. чел.
Конец ноября	Завершение раскопки массовых захоронений, эксгумации и сжигания трупов (около 107 тысяч).
1 декабря	Первый еврейский транспорт из Норвегии.
3, 10 и 17 декабря	Ликвидация в газовой камере при крематории Аушвиц-1 большей части «зондеркоммандо» — уничтожено около 300 (200?) чел. После формирования нового состава остальных направляли небольшими партиями в больницу, где их убивали уколами фенола. Среди немногих оставленных в живых — самые опытные: кочегары (зажигальщики), механики и функциональные узники, в том числе и словацкие евреи из Фишл-коммандо.

- 6–10 декабря Экстренное (без карантина!) формирование нового состава «зондеркоммандо» (по-видимому, сначала 200, затем 300–400 чел.). Первые из «новичков» — 200 польских евреев из Макова и других мест (транспорт из Млавы от 6.12.1942 и др.). 2-я волна — транспорты из Колбасино (8.12.1942) и Малкинии (10.12.1942), затем — пополнения за счет транспортов из Кракова (19.1.1943), Франции (из Дранси, 2–4.3.1943), Греции и др. стран.
- 7 декабря Побег двух членов «зондеркоммандо» — Л. Кноппа и С. Кулеа. Оба схвачены 9 декабря и 10 декабря доставлены в блок 11 Аушвица-1.
- 9 декабря Побег шести членов «зондеркоммандо». Из них два — Бар и Ной Боренштейны — были схвачены 10 декабря и расстреляны перед строем «зондеркоммандо» 17 декабря. О судьбе остальных четырех сведений не имеется.
- 10 декабря Первый выход на работу нового состава «зондеркоммандо»: по 100 чел. работало на бункере 1 и 2.
- 17 декабря Повешение перед строем «зондеркоммандо» ее бывших членов — братьев Бара и Ноя Боренштейнов.

1943

- Конец января – середина апреля Вторая эпидемия тифа, достигшая своего максимума в первой половине марта (250–300 умерших в день).
- Начало года Организация мини-лазарета в бараке для «зондеркоммандо».
- 19 января Пополнение «зондеркоммандо» за счет транспорта с польскими евреями, прибывшего из Кракова.
- Конец января Переговоры строительного управления СС с фирмой «J. A. Topf und Söhne» о строительстве крематория VI.
- 12 февраля Вследствие эпидемии на всей территории к/л Аушвиц объявлен запрет на передвижение.
- 2 марта Перевод из к/л Бухенвальд в Биркенау заключенного, капо Августа Брюка, специалиста по эксплуатации трехмуфельных печей фирмы «J. A. Topf und Söhne».
- 2–4 марта Пополнение «зондеркоммандо» за счет транспорта с французскими евреями, прибывшего из Дранси. Суммарная численность «зондеркоммандо» насчитывает уже 400 чел. (количество, которое поддерживалось вплоть до февраля 1944 г.).
- 4 марта Пробная топка на крематории II. Сожжено 45 трупов: время сгорания — около 40 мин. вместо ожидаемых 30. Среди 12 чел. первой рабочей смены «зондеркоммандо» — Хенрик Таубер.
- 5 марта Прибытие в Биркенау А. Брюка, назначенного оберкапо над всеми крематориями.
- 9 марта Побег 2-х членов «зондеркоммандо» — Белы Фельдиша и неизвестного. Их вскоре поймали, доставили в Бункер, где пытали и 16 марта убили.

- 13–14 марта Неофициальный пуск газовой камеры и крематория II: первые его жертвы — 1492 нетрудоспособных евреев из гетто в Кракове. Расход газа «Циклон Б» — 6 кг.
- 20 марта Первый еврейский транспорт из Греции. Кремация 1291 чел. нетрудоспособных на крематории II.
- 22–23 марта Пуск и приемка крематория IV с пропускной способностью 768 трупов в сутки. Первые жертвы — цыгане. Капо крематория IV назначен поляк-коммунист Владислав Томичек.
- 31 марта Приемка крематория II с пропускной способностью 1440 трупов в сутки. Его капо назначен М. Морава, отозванный для этого с крематория I.
- 4 апреля Пуск и приемка крематория V с пропускной способностью 768 трупов в сутки.
- Середина апреля Окончание второй эпидемии тифа, унесшей около 12 тыс. жизней.
- 19 апреля Начало восстания в Варшавском гетто.
- Середина мая — начало июля Третья и последняя эпидемия тифа — только в цыганском лагере (смертность — до 90-95 чел. в день).
- Май Формирование в Аушвице-1 «Боевой группы Аушвиц»
- 22 мая — около 20 июня Остановка крематория II для ремонта внутренней облицовки трубы и дымоходов.
- 9 июня Аprobация газовых камер при крематориях IV и V.
- 24–26 июня Приемка и пуск газовой камеры и крематория III с пропускной способностью 1440 трупов в сутки. Первые жертвы — евреи из Дранси и Бендсбурга.
- 26 июня Крематории оснащены ситами для просеивания непрогоревших остатков тел.
- 30 июня Эшелон с 2044 греческими евреями из Афин и Корфу. Из них селекцию прошли 175 женщин и 446 мужчин, которым приписывается отказ от участия в «зондеркомmando».
- Начало июля Завершение эпидемии тифа в цыганском лагере, унесшей около 2500 жизней.
- 12 июля Перевод «зондеркомmando» в Биркенау из блоков 1 и 2 в секторе ВIb в блоки 13 и 11 в зоны ВIId. Польские члены «зондеркомmando» переведены в блок 2.
- 19 июля Остановка крематория I в Аушвице-1.
- 12 августа Восстание в лагере смерти Треблинка.
- 16–21 августа Восстание в Белостокском гетто.
- 19 августа Восстание в гетто местечка Глубокое.
- 7–8 сентября Создание семейного лагеря для евреев из Терезиенштадта.
- 14 октября Восстание в лагере смерти Собибор под руководством А. Печерского.

- 23 октября Прибытие из Берген-Бельзена транспорта с «евреями на обмен» — обладателями южноамериканских паспортов. Одна из находившихся в нем узниц застрелила в раздевалке крематория обершарфюрера СС Й. Шиллингера.
- 23 октября Первый еврейский транспорт из Италии.
- 3 ноября Расстрел около 17 тысяч евреев в концлагере Майданек.
- 11 ноября Оберштамбанфюрер СС А. Либехеншель сменяет Р. Хёсса на посту коменданта концлагеря Аушвиц. Организация 3-х обособленных лагерей — Аушвиц (*Stammlager*), Биркенау (*Frauenlager*) и Моновиц (*Nebenlager*).
- Начало дека- Переезд «зондеркомmando» из блока 2 в секторе В, отданном под женский лагерь, в блок 13 в секторе D.
- бря (?)
- 14 декабря Завершение строительства «эффектенкамеры», т.е. зоны для складирования, обработки и хранения имущества узников и убитых («Канада»).
- 27 декабря Смерть от тифа оберкапо Августа Брюка. Его преемником становится Яков Каминский.

1944

- Середина Неудавшийся побег Даниэля Остбаума, Ферро Лангера и еще троих членов «зондеркомmando», с подкупом СС.
- февраля
- 24 февраля Селекция 200 членов «зондеркомmando», которых отправляют в Майданек и там расстреливают. Им на замену отбирают около 100–150 греческих евреев, прошедших карантин; их помещают в барак 13.
- 29 февраля Инспекция лагеря А. Эйхманом, отдавшим приказ о ликвидации «семейного (чешского) лагеря».
- Начало Узнав о готовящейся акции, члены «зондеркомmando» предупредили о ней «чешский лагерь», но те отказались поверить в этот «слух». Самоубийство Фредди Хирша, директора школы «чешского лагеря».
- марта
- 7–8 марта Ликвидация «чешского лагеря».
- 21 марта Передача Би-Би-Си с публикацией списка палачей из СС и объявлением им смертного приговора.
- 10–15 Прибытие в Аушвиц эшелонов (в основном из Греции), из состава которых спустя месяц сформируют обновленные «зондеркомmando».
- апреля
- 4 апреля Первая аэрофотосъемка концлагеря Аушвиц союзниками.
- 16 апреля Из концлагеря Люблин (Майданек) прибывают члены местного «зондеркомmando» — 19 советских военнопленных и 1 немец-оберкапо Карл Конвоент. Они рассказывают о расстреле в Майданеке 17 тысяч евреев 3.11.1943, а также членов «зондеркомmando» из Биркенау, «эвакуированных» 24.2.1944.
- 2 мая Прибытие первых транспортов из Венгрии: начало «венгерской операции».

Между 3 и 8 мая	Посещение Аушвица-Биркенау А. Эйхманом. В связи с «венгерской операцией» Хёсс приказывает подъездной железнодорожный путь, подводивший к территории Биркенау, дотянуть до крематориев II и III и построить там разгрузочную рампу. Начальником над всеми крематориями назначен гауптшарфюрер СС О. Моль. Увеличение численности «зондеркоммандо» на 100 чел. и первый выход новичков на работу.
16 мая	Попытка ликвидации цыганского лагеря. Попытка не удалась, т.к. цыгане были накануне предупреждены.
16 мая	В Биркенау прибыло сразу три эшелона с венгерскими евреями.
До середины мая	Численность «зондеркоммандо» — около 414 чел.: из них по 121 чел. — на крематориях II и III и по 86 — на крематориях IV и V.
Начало мая	Выход из строя всех 8 печей крематория IV и 6 печей крематория V (скорее всего — в связи с перегрузками из-за увеличившегося объема работы).
25, 28 мая	Спонтанные попытки колонн венгерских евреев скрыться в перелесках возле крематориев.
Около 1 июня	Перевод врача Миклоша Нижли (венгерский еврей) из лагеря Моновиц на крематорий IV в качестве ассистента доктора Менгеле.
16 июня	Радио Би-Би-Си сообщило об убийстве части евреев из Терезиенштадта 7.3.1944 и о планирующемся убийстве другой части около 20 июня.
16 июня	Первоначальная дата общего восстания, согласованная с польским подпольем. Накануне, 15 июня, успешный побег совершили два активиста сопротивления — коммунисты А. Клар и С. Братковский, добравшиеся до Варшавы.
16 июня	Посещение Аушвица обергруппенфюрером СС О. Полем. Он приказывает усилить маскировочные мероприятия на территории крематориев.
20 июня — 20 июля	Мелкие ремонтные работы на крематории II.
20 июня	Старейшина еврейского гетто в Терезине Якоб Эдельштейн, его семья и его ближайшие сотрудники расстреляны и сожжены в крематории III.
23 июня	Посещение Аушвица делегацией Международного Красного Креста.
26 июня	Аэрофотосъемка Аушвица союзниками.
30 июня	Эшелон с 2044 греческими евреями из Афин и Корфу. Из них селекцию прошли 175 женщин и 446 мужчин, которым приписывается отказ от участия в «зондеркоммандо».
Конец июня (по другим даным — ок. 10 июня)	Перевод «зондеркоммандо» из барakov № 13 и 11 в секторе BIIIд на чердаки крематориев II и III и в раздевалку крематория IV.

7 июля	Бомбардировка производств в Блешхаммере, в 25 км от Аушвица.
8 июля	Аэрофотосъемка Моновица союзниками.
10–11 июля	Окончательная ликвидация «семейного лагеря».
11 июля	Прекращение массовых депортаций из Венгрии.
20 июля	Покушение на А. Гитлера. Назначение Г. Гимmlера командующим войсками резерва.
24 июля	Освобождение концлагеря Люблин (Майданек) советскими войсками. При этом было захвачено 5 эсэсовцев из числа работавших в лагере.
28 июля	Новая дата восстания «зондеркоммандо». Однако именно в этот день в Биркенау прибыл большой транспорт с эвакуированными из Люблина узниками концлагеря Майданек в сопровождении большого количества эсэсовцев.
31 июля	Личный состав «зондеркоммандо» достигает своего максимума — 903 чел., в том числе 30 работающих на разгрузке дров.
Август	Посещение Аушвица и крематория III Мусой Абдаллой эль Хусейни, племянником муфтия Иерусалима Хаджиамина эль Хусейни.
1 августа	Начало Варшавского восстания.
2 августа	Селекция и ликвидация цыганского лагеря. Часть цыган переведена в Бухенвальд.
2–3 августа	Убийство оберкапо Я. Каминского О. Моллем.
7 августа	Бомбардировка производств в Тржбине, в 20 км от Аушвица.
15 августа	Прибытие транспорта из Лодзинского гетто. Среди прибывших — Э. Хиршберг с летописью событий в Лодзи.
20 августа	Бомбардировка американской авиацией завода «ИГ Фарбениндустри» в Моновице.
21 августа	На запрос связного Армии Крайовой о возможности взорвать крематорий и газовую камеру дан положительный ответ при условии, что будут поставлены взрывные материалы.
Начало сентября	Второе назначение Р. Хёсса комендантом концлагеря с заданием его ликвидировать. Предложение О. Молля осуществить это посредством артобстрела и бомбардировки с воздуха («План Молля»).
6 сентября	Дата под «Письмом...» З. Градовского.
7–8 сентября	Возможная дата восстания.
13 сентября	Бомбардировка американской авиацией завода «ИГ Фарбениндустри» в Моновице. Несколько бомб случайно падают на Биркенау, в район «Мексики»: убито несколько человек, повреждена грунтовая дорога, ведущая к крематориям.
21(22?) сентября	Неудачная попытка побега члена «зондеркоммандо» грека А. Эрреры.
23 сентября	Внутренняя селекция «зондеркоммандо» якобы для работ в Глейвице; сокращение личного состава с 873 до 661 чел. Отобранных убивают в душевой «Канады».
2 октября	Капитуляция Варшавского восстания.

5 или 6 октября	От членов «зондеркоммандо», работавших на крематориях IV и V, требуют «эвакуационный» список еще на 300 чел.
7–8 октября, суббота и воскресенье	Восстание на крематориях IV и II. Всего погибло 451 чел. В живых осталось 212 чел. (с крематориев III и V), которых разместили на чердаке крематория III.
9 октября	Арест на крематории III 14 узников, подозреваемых в причастности к подготовке восстания. В их числе Г. Гандельсман, Ю. Врубель, все советские военнопленные.
11–20 октября	Уничтожение нескольких тысяч евреев (из Словакии, Бухенвальда, Терезина) газом на крематориях II и III.
12 октября	Комендант Бэр объявляет в приказе о гибели 3-х ээсовцев во время восстания и о награждении 5-ти других Железными Крестами.
14 октября	Начало работ по разрушению стен крематория IV.
14 октября	На крематорий III привезли в мешках трупы 14 членов «зондеркоммандо», арестованных 9 октября.
20 октября	Сожжение в печи для мусора крематория III части архива и картотеки лагеря.
20 октября	Убийство 1000 (по другим сведениям — 600) еврейских мальчиков в возрасте от 12 до 18 лет на крематории III.
Около 25 октября	Начало демонтажа крематория II (в первую очередь вентиляторного оборудования).
31 октября	Последняя газация в крематории V (жертвы — венгерские еврейки-«доходяги»). Но убийства не прекратились: жертв отныне расстреливали — в раздевалке крематория или во дворе.
3 ноября	Прибытие последнего еврейского транспорта (из Серед в Словакии). Всех прибывших, без селекции, регистрируют.
6 ноября	Остатки «зондеркоммандо» переведены в общий лагерь, в тот же изолированный блок 13, где они были прежде.
25 ноября	Начало демонтажа крематориев II и III (вентиляторы).
26 ноября	Около полудня — селекция еще 100 чел., якобы отправляемых в концлагерь Гросс Розен. Среди них — Л. Лангфус, в этот день сделавший свою последнюю запись, и, вероятно, Х. Герман. Около 15 чел. спаслись, среди них — Хайм-Лемке Плишко, Хенрик Таубер, Давид Ненсил и Мориц Кессельман. Оставшиеся 30 чел. (среди них Ф. Мюллер), работавшие на крематории V, размещены там же. На крематории V некоторое время работал и врач Миклош Нижли (см. 1.6.1944). 70 чел. возвращены в мужской лагерь, в неизолированный барак 16.
1 декабря	Формирование команды по обрушению крематориев. Кроме членов «зондеркоммандо» к работам (в частности и для ликвидации и маскировки ям, где сжигались трупы) привлекаются и другие узники, в том числе 100 женщин, а с 5.12.1944 — еще 100 женщин.
Декабрь	Остановка крематория V.

1945

5 января	Эвакуация шести польских членов «зондеркоммандо» в Маутхаузен.
----------	--

- 6 января Казнь четырех евреек, работавших на *Union Werke* и обеспечивших восставших узников порохом для гранат.
- 14 января Последний выход на работу команды по разрушению крематориев.
- 18 января Эвакуация основной части узников, среди них и около 100 членов «зондеркоммандо»; некоторым из них удается на марше бежать.
- 20 января Подрыв крематориев II и III.
- 22 января Подрыв крематория V.
- 27 января Освобождение концлагерей Аушвиц и Биркенау.
- 2-я пол. февраля Обнаружение рукописи X. Германа.
- Февраль — Обнаружение рукописи З. Градовского «Дорога в ад».
- март
- 5 марта Обнаружение рукописей З. Градовского «В сердцевине ада» и «Письмо из ада».
- 3 апреля Последняя селекция — расстрел шести польских членов «зондеркоммандо» в Маутхаузене.
- Апрель Обнаружение рукописи Л. Лангфуса «Выселение».
- 8 мая Сообщение ЧГК «О чудовищных преступлениях германского правительства в Освенциме».
- 20 ноября Начало Международного суда над главными военными преступниками в Нюрнберге (окончен — 1 октября 1946 г.).
- 1946**
- 1 февраля Передача части комплекса в Освенциме-Бжезинке в ведение Комиссии по делам культуры и искусства и заложение основ будущего музея.
- 1 октября Окончание Международного суда над главными военными преступниками в Нюрнберге.
- 9 декабря — Первый Нюрнбергский процесс над нацистскими преступниками — врачами («США против Карла Брандта»).
- 20 авг. 1947 г.
- 1947**
- 11 марта — Суд над Р.Хёссом в Варшаве.
- 2 апреля
- 8 апреля — Четвертый Нюрнбергский процесс над нацистскими преступниками — по делу Главного административно-хозяйственного управления РСХА («США против Освальда Поля»).
- 3 ноября
- 16 апреля Казнь Р. Хёсса в Освенциме, около бывшего крематория I.
- 2 июля Официальное открытие музея в Освенциме-Бжезинке.
- 14 авгу — Шестой Нюрнбергский процесс над нацистскими преступниками — по делу «ИГ Фарбениндустри» («США против Карла Крауха»).
- 30 июля 1948
- 24 ноября — Суд над эсэсовцами из к/л Аушвиц в Кракове. 22 обвиняемых приговорены к смертной казни.
- 16 декабря
- 1952**
- Ноябрь Обнаружение рукописи Л. Лангфуса «Содрогание от злодейства». Имя автора тогда еще не было установлено.

1954

Первые публикация текста рукописи «Неизвестного автора» [Л. Лангфуса] в «Бюллетене Института еврейской истории» (на польском языке) и «Исторические записки» (на идише).

1958

- 1 марта Исковое заявление бывшего узника концлагеря Аушвиц-Биркенау А. Рёгнера против б. сотрудника Политического отдела концлагеря Аушвиц обершарфюрера СС В. Богера, послужившее отправным пунктом для серии так называемых «Аушвицких процессов» во Франкфурте-на-Майне.
- Декабрь Учреждение в Людвигсбурге Центра по исследованию национал-социалистических преступлений.

1961

- Середина года Открытие Госпрокуратурой ФРГ следственного дела № 4 Js 444/59. против 24 нацистских преступников.

1962

- Март На заседании Польского исторического общества в Варшаве Б. Марк впервые проинформировал о З. Градовском и его дневнике.
- Май Публикация информации о Градовском и первая публикация фрагмента его текста в варшавской газете «Фольксштимме», выходящей на идише.
- 28 июля Обнаружение рукописи Л. Левентала с вложенными в нее фрагментами Л. Лангфуса.
- 17 октября Обнаружение «Лодзинской рукописи» Э. Хиршберга с комментариями Л. Левентала.

1963

- 20 декабря Начало первого «Аушвицкого процесса» («Государство против Мулки и других») в Земельном суде Франкфурта-на-Майне (завершился 20 августа 1965 г.).

1964

- 19 ноября Открытие во Франкфурте-на-Майне выставки, посвященной Аушвицу-Биркенау.
- 14–16 декабря Посещение участниками «Аушвицкого процесса» во Франкфурте-на-Майне территории бывшего к/л Аушвиц-Биркенау.

1965

- 20 августа Окончание первого «Аушвицкого процесса» в Земельном суде Франкфурта-на-Майне.
- 14 декабря Начало второго «Аушвицкого процесса» («Государство против Бургера, Эрбера и Нойберта») в Земельном суде Франкфурта-на-Майне (завершился 16 сентября 1966 г.).

1966

- 16 сентября Окончание второго «Аушвицкого процесса» в Земельном суде Франкфурта-на-Майне.

1967

- 30 августа Начало третьего «Аушвицкого процесса» над немецкими капо («Государство против Бонитца и Виндека») в Земельном суде Франкфурта-на-Майне (завершился 14 июня 1968 г.).

- 1968**
- 14 июня Окончание третьего «Аушвицкого процесса» в Земельном суде Франкфурта-на-Майне.
- 1970**
- Октябрь Вторичное обнаружение рукописи Л. Лангфуса «Выселение».
- 27 октября Начало четвертого «Аушвицкого процесса» над представителями «расовой науки» СС («Государство против Бегера и Вольфа») в Земельном суде Франкфурта-на-Майне (завершился 6 апреля 1971 г.).
- 1973**
- 18 декабря Начало пятого «Аушвицкого процесса» («Государство против Фрея и Завацки») в Земельном суде Франкфурта-на-Майне (завершился 25 ноября 1974 и 26 февраля 1976 гг.).
- 1974**
- 25 ноября Окончание дела Фрея в рамках пятого «Аушвицкого процесса» («Государство против Фрея и Завацки») в Земельном суде Франкфурта-на-Майне.
- 1976**
- 26 февраля Окончание дела Завацки в рамках пятого «Аушвицкого процесса» («Государство против Фрея и Завацки») в Земельном суде Франкфурта-на-Майне.
- 1977**
- 6 сентября Начало шестого «Аушвицкого процесса» («Государство против Червинского и Шмидта») в Земельном суде Франкфурта-на-Майне (завершился 27 февраля 1981 г.).
- 1980**
- 24 октября Обнаружение рукописи М. Наджари.
- 1981**
- 27 февраля Окончание шестого «Аушвицкого процесса» («Государство против Червинского и Шмидта») в Земельном суде Франкфурта-на-Майне.
- 1985**
- Выход на экраны фильма К. Ланцмана «Шоа».
- 1993**
- 8 сентября Посещение Аушвица-Биркенау Г. Грайфом с группой бывших членов зондеркоммандо.
- 1997**
- 30 апреля Открытие выставки произведений Д. Олере в Яд Вашеме, Иерусалим.
- 2005**
- 27 января Торжества в Освенциме в память о 60-летию со дня освобождения к/л Аушвиц-Биркенау Красной Армией.
- 1 ноября Резолюцией ООН № 60/7 дата 27 января — день освобождения к/л Аушвиц-Биркенау — объявлена Международным днем памяти жертв Холокоста.

СПИСОК ЧЛЕНОВ ЕВРЕЙСКОЙ «ЗОНДЕРКОММАНДО» В АУШВИЦЕ-БИРЖЕНАУ

ФАМИЛИЯ, ИМЯ, ЛАГЕРНЫЙ НОМЕР, ПРОФЕССИЯ	БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ	ИДЕНТИЧНОСТЬ	ТРАНСПОРТИРОВКА В ЛАГЕРЬ	ЗАЧИСЛЕНИЕ В «ЗОНДЕРКОММАНДО» И ФУНКЦИЯ В НЕЙ
Аарон Морис — Aaron Moris (182XXX)	Салоник	Гр	2.4.1944, Афины — 11.4.1944	15.5.1944 К-II К-V
Абоав Альфред — Aboav Alfred (118475)	22.3.1922	Гр	26.4.1943	В: грузчик (1 неделя), затем перевод в А-I в Явожно
Агретовский Ян — Agretowski Jan (74545)	24.6.12 — 3.4.45 (5.1.1945 переведен в к/д Маутхаузен, где был расстрелян)	Пол	13.11.1942, Варшава	К-II: с 6.2.1943; К-II — конюгар; 4.3.43 — К-III, затем К-V
Айзенер Морис — Eizener Maurice (106000)	12.1.1929, Париж	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Айзенмидт Элизаер — Aijenszmidt Eltazer (80764)	27.1.1921, Луно	Лит	8.12.1942, Гродно	В2: грузчик 10.12.42 (3-4 месяца), К IV: с 3-4.1943 — электрик, после 7.10.44 конюгар и дробильщик костей. Пилель капо Остбаума и, после его гибели, капо Вельбеля.
Алгус Шимон — Altus Szymon	Цеханув(?) — 7.10.44	П	Цеханув (Малкиния)	
Ардетти Мишель — Ardetti Michel (182XXX)	Корфу	Гр	2.4.1944, Афины — 11.4.1944	15.5.1944 К-II: повар?

Арух Соломон — Aroch Salomon (115583)	1928, Салоники	Гр	17.4.1943	15.5.1944
Байнфельдвейг Цейзах — Bainfelzweg Zeisach (106XXX)	27.10.1895, Горно	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	С 5.3.1943(?)
Байрах Берл — Beirach Bert	Лунна	П		
Байрох Морис — Beiroch Maurice (106XXX)	26.4.1926, Париж	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	С 4.3.1943(?)
Балбин Абрахам-Андре — Balbin Abraham Andre (41796), портгой, во Франции с 1926. Автор книги «Лодзь в Аушвице»	12.5.1909, Томашув- Мазовецкий — 2003, Нанси	Ф	27.6.1942, Пилтыве	В Grubenaukdo. (ок. 3 недели, предположительно, в 8.1942)
Барсильай Йихак (Арон) — Barsilai Yizhac (Aron) (182XXX)	Ок. 1905 — 7.10.44?	Гр	2.4.1944, Афины — 11.4.1944	15.5.1944 Зубной техник?
Барух Йозеф (Джузеппе) — Baruch Joseph (Giuseppe), кличка «Пепо». (182XXX). Офицер- кавалерист	Н.д., Корфу — Конец апреля — начало мая 1945, Эбензее	Гр	11.4.1944, Афины —12.5.1944	К-II:15.5.1944- К-III
Барух Исаак — Baruch Isaac (182XXX)		Гр	2.4.1944, Афины — 11.4.1944	15.5.1944: К-III, К-V
Бауэр Фреци — Bauer Fredu. (160403)	28.4.1912, Вена	А	3.11.1944, Шопинице	В Begrabungskdo?
Бахрах Мойше — Bachrach Moische	Маков-Мазовецкий	П		
Бачко — Baczko	Маков-Мазовецкий	П		
Беккер Берко (Берл) — Becker Berko (Bert) (80778)	5.5.1896, Лунно — Нью-Джерси, США	П	8.12.1942, Гродно	В2: волочильщик; К-IV: мастер

Бенбонисти Жак — Benbonisti Jacques (182XX), художник	1944, расстрелян	Гр	2.4.1944, Афины — 11.4.1944	
Бецель Пауль-Зигмунд , доктор — Bendel Paul-Siegmund, Dr. (167460)	14.9.1914, ? — Париж	Ф	10.12.1943, Дранси	К-II-V — врач, с июня или начала или сер. 8.1944-?
Бетруби Морис — Betrubi, Maurice (51059)	27.12.1914, Салоники	Гр	23.7.1942, Анжер-Сэнт-Ло	В1. Ок. 27.7. — 4.9.1942, Волочыцкич
Беркович Егула — Berkovicz Jehuda				
Бискуп Владислав — Biskup Wladyslaw (74501)	25.6.1909 -3.4.1945, растр. в к-л. Мэутхузен (перевелен 5.1.1945)	П	12.11.1942, Краков	К-I: с 6.2.1943 К-II: Кочетар. К-III: с 4.3.1943 К-V
Блюм Барух — Blum Baruch (80276-?)	5.12.1917?, Белосток — 12.2000, Израиль	П	6.12.1942, Млава	В
Боренштейн Бар — Borenstein Bar (74858)	10.02.1920 — 17.12.1942	П	14.11.1942, Цехену	В1 или В2 Бежал 9.12.1942, схвачен 10.12.1942 и повешен перед строем «зондеркоммандо» 17.12.1942.
Боренштейн Ноэх — Borenstein Nojeh (74859)	25.3.1925, Шренек — 17.12.1942	П	14.11.1942, Цехену	В1 или В2 Бежал 9.12.1942, схвачен 10.12.1942 и повешен перед строем «зондеркоммандо» 17.12.1942.
Боренштейн Йосель — Borenstein Jossel	Плонск	П	5.1944	

Брандштейн Гутман — Brandstein Guttmann	Нови Двор	П			
Бруон Андре — Broun Andre (106XXX)	26.2.1907, Чудноволыш	Рос	2.3.1943, Дранен — 4.3.1943		Вероятно, с 5.3.1943(?)
Брудер Рубин — Bruder Rubin (106XXX)	29.10.1998, Ченстохово	П	2.3.1943, Дранен — 4.3.1943		Вероятно, с 5.3.1943(?)
Брудо Вико — Brudo Viko (182XXX)		Гр	2.4.1944, Афины — 11.4.1944	15.5.1944 К-II К-V	
Брумер Зальман — Brumer Salmen (106XXX)	1898, Чемеринки	П	2.3.1943, Дранен — 4.3.1943		Вероятно, с 5.3.1943(?)
Брюк Август — Brück August (10679), слесарь	22.10.1897, Альштаден/ Оберхаузен — 27.12.1943, больница	Г	5.3.1943, к/л Бухенвальд		К-II :оберхапо
Буки Мильтон (Милех) — Buki Milton, (80312), плиточник	1.11.1909, Дробнин (Райхенфельд) — 1988, Иерусалим, Израиль	П	6.12.1942, Млава — 10.12.1942		В 2 Сортировщик одежды, грузчик К-II грузчик К-III форарбайтер (мастер)
Бурак Мойша — Burak Moshe	Ломжа, — 7.10.1944	П	17.1.1943, Заброва — 7.10.1944		
Бургер Адольф — Burger Adolf		Сл			К-I Фишл-коммандо — до 5.1942 К-V? (возможно, что использовался и вне лагеря в качестве палача)
Бурковский Давид — Burkowski Dawid (106XXX)	17.1.1902, Олесса	Рос	2.3.1943, Дранен — 4.3.1943		Вероятно, с 5.3.1943(?)

Бурштан Ишко — Bursztyn Isko (89084)	12.12.1905	П	17(18?) .1.1943, вероятно из Люмжи или Замброво	
Валнер Ферро (Франц) — Wagner Fero (Franz), (36614)	Трнава — 9.12.1942, селекция	Сл	22.5.1942, кл Маугхаузен	В
Вайехан Давид — Wejman David (106XXX)	8.6.1906, Козинце	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Вайкранц Янкель — Weinkranz Jankiel (81882)	23.6.1910, Попова — 30.8.1996, Тель-Авив	П	10.12.1942, Малкина	
Вайкранц Мойше — Weinkranz Moische (80653)	6.8.1912, Попова — 20.3.1975, Тель-Авив	П	6.12.1942, Млава	
Вайнштейн Марум — Wainstein Marum (106XXX)	28.5.1904, Баску	Р	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Вайншток Герман — Wainstock Herman (106XXX)	2.1.1896, Тройца		2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Вайс Александр — Weiss Aleksander	Трнава — 9.12.1942, селекция	Сл		
Вайс Войцех — Weiss Wojtech	Трнава — 9.12.1942, селекция	Сл		
Вайс Йоска (Йозеф) — Weiss Josphka (Joseph) (29054)	8.10.1923, Тренчин, округ Серед — Израиль	Сл	13.4.1942, Серед	В1: похоронная команда — 8.1942-2-3.9.1942 (2-3 недели)
Вайс Карол — Weiss Karol, племянник Й.Вайса		Сл		
Вайс Филипп — Weiss Filip	Серед — 31.5.1942, расстр.	Сл		К-1: Филл-командо (31.5.1942)

Варшавский — см. Доребус						
Вассерман Абрам — Wassertrann Абрам (153966), мясник	1906	П	2.10.1943, Радом			
Вельбель, Леон (Элиазер, Лейзер) — Welbel Leon (Eliazer) (80982), шорник	12.7.1916, Лунно — США	П	8.12.1942, Гродно		К-IV и К-V: капо (с лета 1943)	
Венеция Барух — Venezia Baruch (182XXX), портной	Салоники	Гр	2.4.1944, Афины — 11.4.1944		15.5.1944 К-III	
Венеция Бруно (Шломо) — Venezia Bruno (Szłomo) (182729)	29.12.1923, Салоники — Италия	Гр	2.4.1944, Афины — 11.4.1944		15.5.1944 К-II: 15-17.5.1944; В-5: грузчик К-III: отрезание волос, измельчение костей; раздевание	
Венеция Гуго — Venezia Hugo (182XXXX)	1926, Салоники — 10.1944	Гр	2.4.1944, Афины — 11.4.1944		15.5.1944 К-III К-II	
Венеция Динос — Venezia Dinos (182XXXX)		Гр	2.4.1944, Афины — 11.4.1944		15.5.1944	
Венеция Исаак — Venezia Isaak (182XXXX)	?, Салоники — 1.1945, Эбензе(?), застрелен при эвакуации (?)	Гр	2.4.1944, Афины — 11.4.1944		15.5.1944 К-IV или К-V	
Венеция Морис — Venezia Maurice (182728), парикмахер	25.2.1921, Салоники — США	Гр	2.4.1944, Афины — 11.4.1944		15.5.1944 К-II: 15.5.1944; В-5: грузчик К-IV: кочегар К-III	

Вейлер Дезидер — Weizler Dezider	Трнава — 9.12.1942, селекция	Сл		
Виник Кадуш — Winiak Katusz (90964), сапожник	26.10.1921	П	20.1.1943, Гродно	
Вольфман Мойше — Wolfman Mojzez (106XXX)	12.5.1925, Лодзь	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Вольфман Шима — Wolfman Szuma (106XXX)	16.1.1900, Казанов	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Врубель Юкл — Wrobel Jukei, пекарь	? — 10(?).10.1944, расстр.	П		К-III: кочегар
Врон Аврахам (Авром) — Wron Awraham	?, Ломжа — 23.9.1944, селекция	П	17.1.1943, Замброва — 7.10.1944	
Врон (Верона) Йокл (Янкель) — Wron Joki	Цеханув — 7.10.1944	П	Цеханув (Малкиния)	
Выгнанский Моше — Wugnanski Moshe (132436?)	?, Бедзин — 1948, Израиль (погиб в бою под Груш Эризон)	П	1.8.1943, Бедзин	
Габай Дарно — Gabał Darno (182568)	10.9.1922, Салоники — США	Ит	2.4.1944, Афины — 11.4.1944	К-II: В-V: т.к. К-V не работал ок. месяца К-III: с сер/конца 6.1944 — грузчик
Габай Яков — Gabał Jakov (182569), типограф	26.9.1912, Афины — 20.2.1993, Израиль	Ит	2.4.1944, Афины — 11.4.1944	К-II: 15.5.1944 — подвальныйщик В-V: грузчик (3 дня) К-III: кочегар/с 23.5.1944 — грузчик
Габерман Давид — Haberman Dawid (154305)	27.12.1900	П	2.10.1943, Радом	

Гальперн Давид — Halpern Dawid (106XXX)	20.5.1895, Варшава	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Гандельсман Янкель — Handelsman Jankiel (106112), дамский парикмахер	30.8.1908, Лейпциг (жил в Радоме, учился в Сандомире, в 1931 эмигрировал во Францию) — 11.1944, расстрелян в блоке 11 Аушвица-1	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	В: 5.3.1943? К-III:
Геллер Шарль — Geller Charles (106110)	2.8.1895, Львов	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Гельбер Кальман — Gelber Kalman (106104)	4.3.1900, Брехачка	Рум	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Гельбер Мишель — Gelber Michel (51148), ремонтёр печей	17.10.1906, Рава- Русская — 28.8.1996, Нанси	Ф	23.7.1942, Анжер-Сэнт-Лю	
Герман Хайм — Herman Chaim (106113)	3.5.1901, Варшава — 26.11.1944, селекция.	Ф	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	В: 5.3.1943 К-III:
Герчек Гершко — Gersek Herschko (87937)	1911, Нунце — 7.10.1944	П	30.1.1943, Оранжаксе	К-II; перевелен в ЗК летом 1944
Гершкович		В		
Гершликович Майер — Herszlikowicz Mayer (106XXX)	16.12.1899, Гродзаны		2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Гликсман Хайм — Glicksmann Chajm	Бендзин	П		
Голан Давид — Godan David		П		

Гольдберг — Goldberg	Сосновице	П		
Гольдберг Курт — Goldberg Kurt (106XXX)		А	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Гольдвассер Струль — Goldwasser Struhl (106XXX)		П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Гольфарб Бенъямин — Goldfarb Benjamin (106XXX)	15.3.1899, Шиглин	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Гольфарб Рене — Goldfarb Rene (106XXX)	5.6.1897, Варшава	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Гольдшмидт — Goldschmidt	? — 31.5.1942, расстрелян			К-І: 31.5.1942, Фишл-командо
Гольдштайн Абрахам — Goldschtajn Abraham (106XXX)	3.1.1905, Варшава	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Гольдштайн Аврам — Goldschtaun Avram (106XXX)	26.1.1909, Озаров	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Горовиц Исаак — Horowicz Isaak (106XXX)	16.1.1910, Братислава	Б.г.	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Готланд Симон — Gotland Simon (53908)	13.12.1898, Варшава	Ф	29.7.1942, Дранси	В: Раскапыватель: с 8-9.1944 — 4-6 недель
Град Хенри — Grad Henry (106XXX)	18.5.1899, Радкович	А	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Градковский Залмен — Gradowski Salmen (80XXX) продавец, служкаций, журналист	1908/1909, Сувалки — 7.10.1944	П	8.12.1942, Колбасин/ Гродно	В: 9.12.1942? К-IV:

Грибовский Мотл — Grybowski Motl	Ломжа — 7.10.1944,	П	17.1.1943, Замброва — 7.10.1944	
Гринберг Нузен — Grinberg Nuzen (81483)	25.12.1904, Маков- Мазовецкий	П	10.12.1942, Малкينيا	
Гроф — Grof, студент-агроном	Дебрецен	В		К
Грушковский Абрам — Gruszkowski Abram (80818)	5.1906	П	8.12.1942, Гродно	
Грюн Мордке — Grün Mordke (106XXX)	22.2.1894, Пильч	П	2.3.1943, Дранен — 4.3.1943	
Гуз Юлиус — Guz Juliusz	? — 1944, расстр.	П		
Гутман Давид — Gutman Dawid	Бедзин — 7.10.1944?	П		
Гутман Левек — Gutman Lewek (106XXX)	12.7.1925, Варшава	П	2.3.1943, Дранен — 4.3.1943	
Де-Геллер Шломо — De-Geller, Shlomo, адвокат	Волковыск	П		
Деренский (Деревянский) Ицхак — Derensky (Derevjansky) Yitzhak	Белосток, — летом 1943 сожжен заживо	П		
Деревянский (Деревянский) Йозеф — Deresinski (Derevanski) Josef	27.7.1906?, Жирардув? — 7.10.1944	П	8.12.1942?, Колбасин (сам из Луцко)	
Диксман Зигмунд — Dickmann Sigmund (106XXX)	21.9.1909, Станиславов	П	2.3.1943, Дранен — 4.3.1943	
Дорбус (Варшавский) Иосиф — Dorebus (Warszawski) Josef (Jossef, Jossele di mameles) сапожник, профсоюзный деятель	27.7.1906, Жирардув (эмиграция во Францию в 1931) — 7.10.1944	П	2.3.1943, Дранен — 4.3.1943	К-III: 5.3.1943?

Драгон Абраам — Dragon Abraham (80360), портной	18.6.1919, Жеромин (Sticheberg)	П	6.12.1942, Млава	В2: 10.12.1942 — сортировка одежды, с 11.12.1942 — штубовый
Драгон Шломо — Dragon Shlomo (80359), торговец	19.3.1922, Жеромин — 10.2.2001, Израиль	П	6.12.1942, Млава	В2: 10.12.1942 — сортировка одежды, с 11.12.1942 — штубовый К-IV: штубовый
Дьерь Денеш, доктор мед. — Görg Denesh, Dr. Med. (A-17677)	29.1.1901, Будапешт — предп.: конец 1.1945 расстрелян в к/л Маутхаузен	В	7.1944	К-II: сепсонная — с 9.1944
Жаба Хайм — Szaba Haim	Высокое-Мазовецкое	П		
Журковский Зигмунд — Jurkowski Sigmund	? — Польша	П		К-V
Зак Шимон — Sak Szumon (92844)	16.8.1916, Гродно — 24.2.1943, селекция	Лит	22.1.1943, Гродно	В
Заккар Йозеф — Sackar Josef (182739)	1924, Арга — Израиль	Гр	2.4.1944, Афины — 11.4.1944	15.5.1944 К-IV: 3 дня К-III: грузчик, раздевалка
Зелонка Леон — Zielonka Leon (106XXX)	17.2.1913, Габин	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Зельман Мойше — Zelman Moise	15.1.1898, Рохов	Рос	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Зельманович Даниэль — Zelmanowicz Daniel (106XXX)	1894, Белосток	Рос	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Зельманович Дов — Zelmanowicz Dov		П?		
Зендер (Sender) — предположительно тесть командфюрера СС в Аушвице Штейнберга	Берлин, Германия	Н		

Зильберберг Яков (Янкл) — Silberberg Jakov (Yankl) (84129), пекарь	17.1.1918, Закрычим под Варшавой — Израиль	П	17.12.1942, Плонск	12.1942 — 8-9.1944 К-IV: грузчик (с 8-9.1944) К-V: кочегар и повар у капо Кирленбаума и командофюрера Грюнберга
Зильберкноп? — Zilberknap?	Бедзин	П		
Золти Мошек — Zolty Moszek	20.1.1894, Грильнев	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Зоммер Калел — Sommer Calel (106XXXX)	19.9.1900, Кучки	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Зоснер — см. Цизнер				
Ильчук Йозеф — Itzjak Jozef (14916), владелец молочной фермы, учитель	23.8.1910, Копернин — 3.4.1945 (5.1.1945 переведен в к/л Маутхаузен, где был расстрелян)	Пол	6.4.1941, Люблин	К-I: с 6.1941, писарь К-IV?: 19.7.1943, сварщик; с 15.10.1943 мастер, затем капо кочегаров
Индекс Морис — Indesch Morris (106XXXX)	15.8.1897, Варшава	Р	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Йоханан Максис — Yohanan Makis, (182XXXX), торговец запасными частями	Ок. 1914, Арта — Афины	Гр	2.4.1944, Афины — 11.4.1944	15.5.1944 К-II К-III: раздвалка
Каганович — Kaganowic		Лит		
Кадлобский Генех (Енох)		П		
Кайзер Юлиус — Kaiser Julius Kaulmann, торговец	Ок. 1890, Zagreb — 7.10.1944	Иг	4.4.1944, Триест	

Калман							
Калман							
Калманович Тувия — Kalmanowicz Tuvia	Загребне						
Кальняк Аїзник (Ицик) — Kalniak Aizyk (Izzyg). Происходил из религиозного и состоятельного дома в Ломже, отец был хозяином магазина одежды, в котором работали двое его сыновей и дочь. Слонист, член «Ха-Шомер Ха-цаир».	Ломжа — 7.10.1944						
Каминский Яков (Яков- Хайм?) — Kaminski Jassov (Jassov-Chaim?), (80XXX- 83XXX), учитель?	Ок.1910 (между 1904-11), Скидел или Соколка — 3.8.1944, убит			Лит		11(12?).1942, Белосток	К-III: капо, с 1.1943 К-IV?: оберкапо (с конца 12.1943 — 16.4.1944, после Брюка и перед Каролем)
Кан Арон	Рутке						
Кан Сяхель	Рутке						
Капон Генри-Нахама — Capon Henri- Nahama (182XXX)	1923, Салоники — 23.9.1944			Гр		2.4.1944, Афины — 11.4.1944	15.5.1944 К-V
Карасо Сэм — Sarasso Sam (182000), коммивояжер	— 7.10.1944(?)			Гр		2.4.1944, Афины — 11.4.1944	15.5.1944 К-II
Карелич Хоня — Karelis Honia (94297)	12.4.1918, Волковасск -26.2.1943, блок 11 в Аушвице-1			П		28.1.1943, Волковасск	

Кац Вела — Katz Bela	Сегед	Р	Вероятно, 16.5.1944, Сегед (1-й транспорт)	
Кац Лейбл — Katz Leibl, ювелир?	Париж — 26.11.1944, селекция	Ч(?)		С 2.2.1943?: К-III: команда зубных техников — с позднего лета 1943
Кац Ниссон — Katz Nisson (106XXX)	16.6.1900, Цолак	Р	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Кац Пауль — Katz Paul	Варшава — 26.11.1944	П		К-III: капю
Кац Шмуль — Katz Szmuel	? — 9.12.1942, селекция	Сл		Блок 2: шпубовый до 9.12.1942
Кёрнер Йозеф (Иезекииль), доктор — Körner Josef (Jezeskieil), Dr. med. (169840), врач	Ок. 1912, Ницца	Ф	20.12.1943, Дранси (63-й транспорт?)	К-II: сессии с 9.1944
Кессельман Морис-Менахем (Монек) — Kesselmann Moris-Menachem (Moniek) (111900)	30.12.1926, Лодзь — США	П	31.3.1943, гетто Сырадж(?)	В 2: конец 5.1944 (1 Tag) К-III: пиписька капю Лемке Плишко и конетар у начальника команды СС
Киль — Kiel		П		К-II: Май-июнь 1942 (Фишл-командо)
Кирбель Нойцк — Kierbel Nojck (106XXX)	1899, Вирзбник	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Киршенбаум Шломо — Kirszenbaum Schlomo (81573)	1.6.1916, Маков-Мазовецкий — 1970-е, Нью-Йорк?	П	10.12.1942, Малкиния	К-V: капю дневной смены
Клазнер Ицек — Klasner Icek (90067)	10.7.1910	П	19.1.1943, Краков	Предположительно то же, что и у Таубера

Клсс Капель — Kliss Kappel (106XXX)	12.1.1897	П	2.3.1943, Дранел — 4.3.1943	
Клус Юлка — Kluss Ludka (153983)	20.3.1893	П	2.10.1943, Радом	
Клейб ван, Мойшек — Kleib, Mosteck van	После войны — в Голландии	Гл		До 18.1.45
Клейн Бенни — Klein Benmie, боксер	1942	Гл		В1: мастер, 8.1942
Кнопк Ладислав — Кнопр Ladislav (36816), автомобиль	6.5.1912, Тополчаны — бежал 7.12.1942, схвачен 10.12.1942 и расстрелян 15.12.1942.	Сл	22.5.1942, к/л Майданек	В1(??)
Коген — Cohen (182XXX)		Гр	2.4.1944, Афины — 11.4.1944	15.5.1944 К-П
Коген — Cohen (182XXX)		Гр	2.4.1944, Афины — 11.4.1944	15.5.1944 К-П
Коген Джейм — Cohen Jaime (182XXX)	Афины — 7.10.1944	Гр	2.4.1944, Афины — 11.4.1944	15.5.1944 К-П?
Коген Леон — Cohen Leon (182492), торговец, в т.ч. и оружейм	15.1.1910, Салоника — 1989, Бат-Ям, Израиль	Гр	2.4.1944, Афины — 11.4.1944	15.5.1944 К-П: 15-17.5.1944; ВУ: огненные ямы; К-V: на 3 дня, затем — К-III: «дангист», периодически — оттаксивальщик
Коллас Пепо — Kollas Pepo (182XXX)	Ок.1924, Арта — Греция	Гр	2.4.1944, Афины — 11.4.1944	15.5.1944 К-III: раздвалака

Кулея Самуэль — Culea, Samuel (38313), торговец	4.5.1901, Яссы, Румыния — бежал 7.12.1942, схвачен 10.12.1942 и расстрелян 15.12.1942	Р	7.6.1942, Компьен	В1 или В2
Кульба — Kulba	Пултыск	П		В: 9.12.1942
Курковский Абрам — Kurkowski Abram (154313)	14.1.1914	П	2.10.1943, Радом	
Курник Гершель (Эйбшиц Лейб) — Kunik Herschel (Ejbsiz Leib)	Маков-Мазовецкий — 7.10.1944	П		К-III?
Күфельд Илек — Kufeld Isak (82233)	24.2.1914, Млава	П	11.12.1942, Малкиния	
Кучер — Kutscher	[племянник Йозефа Вайса]	Сл		
Лакана Давид — Lahana David (106XXX), фабрикант и торговец мехами	10.1.1906, Тулуза — 24.2.1944, селекция	Ф	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	К-III
Лакер Озиас — Lacher Osiat (106XXX)	17.7.1911, Двок	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Лангфус Лейб — Langfuß Leib, дьян из Макова (80XXX)	Ок. 1910, Варшава — 26.11.1944, селекция	П	5(6?).12.1942, Млава — 6(8?).12.1942	В1: сортировка одежды В2: караул К-III: мытье и сушка волос К-III: бригадир
Левенталь Заимен — Löwental Zaimen (81XXX), студент	5.11.1918, Малкиния — 26.11.1944, селекция	П	10.12.1942, Цеханув — Малкиния	В2: с 25.1.1943 К-III

Леви Моше (Маркесис) — Levi Moshe (Markesis) (182XXXX)		Гр	2.4.1944, Афины — 11.4.1944	15.5.1944 К-III
Левин Натан (Нысел) — Levin Nathan (Nysel) (80885)	1912, Луно — Аргентина	Лиг	8.12.1942, Гродно	
Левинас Израэль — Levinas Israelis (106XXXX)	3.4.1895, Волковыск	Лиг	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Левкович Израэль — Lewkowicz Israel	Маков-Мазовецкий	П		К: мастер
Лейбович Арон — Lejbowicz Aron (80880)	25.2.1899, Вольна	П	8.12.1942, Гродно	
Лейбович Шмуль — Lejbowicz Szmul (8XXXXX)	? — Израиль	П		
Лембергер — Lemberger	Барановичи — 1944, растр.	П	Из Франции	
Леонов Мозал — Leonoff Mozal (106XXXX)	15.4.1911, Астул	Б	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Леонов Нисим — Leonoff Nissim (106XXXX)	26.4.1909, Плевна	Б	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Леттич Андже (51224), студент-медик	27.6.1908, Пожа, Миколоуи	Р	23.7.1942, Анжер Ст.Ло	Бл.2: уборщик, 1-3.1943
Липка Вацлав (Венцель) — Lipka Waslaw (Venzel) (2520). Механик, слесарь-машинист	20.11.1908, Дзярнув — 3.4.1945, растр. В ж/д Мягкухауэне (переведен туда 5.1.1945)	Пол	15.8.1940, Варшава	К-1: кочегар, с 9.1940 К-IV и К-V: кочегар, с 19.7.1943 Капо кочегаров — с 15.10.1943, оберкапо — конец 11.1944.

Личи Менахем — Litschi Menaschem (182XXX), шорник (ремни)	? — 18.5.1944, самоубийство	Гр	2.4.1944, Афины — 11.4.1944	15.5.1944 BV: землекоп
Лулуэ Морис — Lulus Maurice	1916(1917?) — конец 4.1945, Эбензее	Алж	31.5.1942	K-I: Фишл-коммандо K-V: ? (возможно, использовался вне лагеря как палач)
Любин Шмуль — Lubin Szmut (89943), портной	4.3.1911	П	19.1.1943, Замбров	K-IV: пипель капо Вельбеля
Любович Аарон (Арчик) — Lubowitsch Aaron (Artchik)	? — Канада	П		
Майорчик — Majorczyk	Варшава — нач. 1945, застрелен при попытке побега	П		K-IV?
Малинка Елуш — Malinka Elusz	?, Гостынин — 10.1944, расстрелян	П		K-II
Малинков (Маленков? Малинов?)		Св	19.4.1944, Майданек — 10.1944	Один из 19 советских военнопленных из «зондеркоммандо» в Майданеке
Малинский Габриэль — Malinski Gabriel (138449)	18.5.1915, Стульская- Воля — Канада	П	23.8.1943, Коло — 1943, побег	K-II
Маназон Морис — Monasohn Maurice (106XXX)	1894, Варшава		2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Мандельбаум Хенрик — Mandelbaum Henryk (181970), торговец мясом	15.12.1922, Олькуш — 17.6.2008, Быгом, Польша	П	22.4.1944, сборный транспорт из тюрьмы в Сосновце (с 6.1944 — в «зондерком- мандо») — бежал во время «Марша смерти»	K-V: грузчик K-III (на 3 недели); K-V: землекоп

Манни(?) Лейб-Герш	Ломжа	П		
Марковский Натан (Носен) — Markowski Nathan	Ломжа — 7.10.1944	П	17.1.1943, Заблорова — 7.10.1944	
Маркелес — Markesis (182XXX)	Янина — 23.9.1944, селекция	Гр	2.4.1944, Афины — 11.4.1944	15.5.1944
Марли Хайм — Marly Chaim (15987)		П	2.10.1943, Радом	
Марлон Соломон — Marlon Solomon (106XXX)	22.9.1998, Надьрергер		2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Маковский Натан — Maikowski Nathan	Ломжа — 7.10.1944	П		
Мельман Бернард — Mehlman Bernard (106XXX)	15.2.1898, Заров	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Менкес Эдвард — Menkes Edward	17.12.1910, Вена	А	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Мила Ехецкиль — Mla Jecheskiel	Ок. 1921/ 1922, Закрочим — расстрелян летом 1944	П		
Милесс Беньян — Milses Benjan (106XXX)	20.1.1905, Варшава	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Минковский Анри — Vinkowski Henry (106XXX)	12.12.1921, Пригыка	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Миттельманн Манни (или Миттмахер Вильф) — Mittelmann Manni (Mittmacher Wilf)	? — США	П		

Модяно Ино — Modiano Ino (182XXX)	1919, Салоники	Гр	2.4.1944, Афины — 11.4.1944	15.5.1944
Молхо Саул — Molho Saul				Мелк, завод «Мессершмидт»
Морава Мечислав (Мирек) — Morawa Mieczyslaw (Mirek) № 5730, плиточник	19.3.1920, Краков — 3.4.1945, к/л Маугхаузен	Пол	8.10.1940, Краков (4-й транспорт из тюрьмы Тарнув) 5.1.1945 — перевод в к/л Маугхаузен	К-1: капо кочегаров (6.1941 — 5.1943) К-IV и К-V: капо кочегаров (с 15.7.1943) К-II: капо (1944) К-II и К-III: некот. время оберкапо
Мотин Н. (Николай?)		Св	19.4.1944, Майданек — 10.1944	Один из 19 советских военнопленных из «зондеркоммандо» в Майданеке
Мюллер Филипп — Müller Filip (29236), гидроинженер. С 1969 — в Зап. Европе	3.1.1922, Серед на Вааге — Германия	Сл	13.4.1942, Словакия	К-1: Фишл-коммандо (31.5.1942 — 6.1942) К-II: кочегар (с 7.1943) К-IV, К-V и, время от времени, К-III: кочегар (8.1943–18.1.1945)
Мюнцер Норберт — Münzer Norbert (106XXX)	20.8.1908, Вена	А	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Награба Людвик — Nagrada Ludwik		П		
Наджари Марсель — Nadžari Marcel (182669), торговец и фабрикант, военнослужащий	1.1.1917, Салоники — 31.7.1971, Нью-Йорк	Гр	2.4.1944, Афины — 11.4.1944	15.5.1944 К-II: 15–17.5.1944 К-III
Нахам (Нусель) — Nacham (Nysel)	Лунно — Аргентина	П	Гродно	
Нейман — Neumann	? — 31.5.1942, расстрелян	Сл		К-1: Фишл-коммандо — с 31.5.1942
Нейман — Neumann	Сосновиц	П		С лета 1944

Несе Мандель — Несе Мандель (106XXX)	15.5.1895, Каменец-Подольский	Рос	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Нижки Миклош , доктор — Nyizli Miklos, Dr. (A-8450)	17.7.1901, Сомгё — 5.5.1956	В	29.5.1944, Венгрия	К-II: 9.1944 — сепесстонная, ассистент
Нисенбаум Макс — Nusenbaum Max (106XXXX)	26.5.1898, Влодава		2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Новик Айлик — Nowik Ajzik (80910), стюард	22.11.1918, Луна — после войны жил в Италии	П	8.12.1942, Гродно	К-V: капо дневной смены
Нойхоф Хайм — Neuhoff Chaim	Ок.1895, Сосновиц — 7.10.1944	П		К-IV: 1944
Нэнсел Давид — Nensel David (82321), часовщик из Рифича(?)	10.7.1916, Рупин — Канада	П	12.12.1942, Маленния — 1.1943	В 2: грузчик, сортировщик одежды (с 1.1943); К-II: часовая мастерская; К-III
Обстбаум Даниэль — Obstbaum Daniel (38XXX), рабочий, член Иностранного легиона	1910, Варшава — нач. янв. 1944, застрелен при победе	П	7.6.1942, Комьен	К-IV: капо, мастер
Обудзинский Роман — Obudzinski Roman (292)	? — Польша, ок. 1990	Пол	14.6.1940 (1-й транспорт)	К-I: кочетар (с.1940)
Олере Давид — Olire David (106144), художник и скульптор. С 1937 во Франции..	19.1.1902, Варшава — 21.8.1985, Нуази-Ле-Гран, Франция	Ф	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	В 2: похоронная команда (сомнительно); К-III: художник Некоторое время в Моновице
Острович Якоб — Ostowich Jakob (106XXXX)	21.2.1899, Варшава	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	

Пайскович Дов («Мальяр») — Paiskovitch Dov (A-3076)	1.4.1924, Вели Раковец, Словакия — 1988, Хелера, Израиль	В	21.5.1944, Венгрия — 27.5.1944	ВУ: грузчик и сортировщик одежды (8 дней); К-II: подносчик еды, землекоп, грузчик, обслуживание лифта (8 дней) К-III: грузчик, кочегар у Лемке; дневальный и подносчик еды, (6-8.1944)
Пайскович Исаак — Paiskovitch Isaak (A-3075)	Ок. 1983 — 1945, Эбензе (перед освобождением)	В	21.5.1944, Венгрия — 27.5.1944	ВУ: К-II: с сер. 6.1944 К-III: дневальный (с конца 1944)
Панич Лейб-Гершко — Ranich Lejb-Gerszko. У его родителей в Ломже был мебельный магазин. Спонсет, член «Ха-Шомер Ха-Цаир».	Ок. 1911-1912, Ломжа — 7.10.1944 (самосожжение)	П	17.1.1943, Замброва — 7.10.1944	
Паш Жак (Жан?) — Rach Jacques (Jean?), врач в Париже	15.6.1908, Бухарест — 26.11.1944	Р	1942	ВI: с ранней весны 1943, врач, в т.ч. несколько месяцев в «свободном» блоке, затем — блок 13, с 6.1944 — начальник станции в Больнице зоны П f.
Пекарчик Меир — Piekarszyc Meir	Ок. 1920, Маков- Мазовецкий — самоубийство	П	-9.12.1942	К-IV или К-V
Пероладес Давид — Perales David (182XXX)	?, Афины? — 7.10.1944	Гр	2.4.1944, Афины — 11.4.1944	15.5.1945 К-II
Петерс Золтан, доктор — Peters Zoltan, Dr., врач	— 7.10.1944, самоубийство	В		К-IV или К-V
Пильдер Израэль — Pilder Israel (106XXX)	3.1.1897, Пиллица	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	

Плишко Лемке (Хайм-Лемке) — Pliszko Lemke (Haim-Lemke) (88674)	1918, Червоный Бор — Израиль	П	16.1.1943, Ломжа	К-П, затем К-III: мастер, унтеркапо, капо
Прессбургер Отто — Pressburger Otto		Сл		
Рагерос Барон — Raugeros Baron (106XXX)	1895, Константинополь	Т	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Рейнхольц Йосек — Reinholz Josek (81735)	6.6.1918, Серпец (Зишельберг)	П	10.12.1942, Малкияня	
Резник Александр — Reznik Alexandre (106XXX)	10.7.1895, Рига	Лат	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Ринг Фейвел — Ring Feevel (106XXX)	12.5.2010, Нови Сач	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
ван Рик Георг — van Ryk George (58028)	1920-8.1989	Гл	11.8.1942, Вестербок	В1: 12.8 — сер. 9.1942
Розенбаум Юла — Rosenbaum Juda (106XXX)	1899, Варшава	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Розенбах Израель — Rosenbach Israel (106XXX)	24.8.1896, Краков	А	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Розенблум ЕгOSHуа — Rosenblum Jehoshua (174466)	25.2.1923, Явужно — 5.1998, Хайфа	П	26.2.1944, Сосновиц — в ЗоКо с 15.5.1944	К-V: грузчик
Розенталь Феликс — Rosenthal Felix (176475), автомеханик	24.2.1916, Карвина — не ранее 1971	Сл	Предположительно 31.3.1944	К-П или К-III: до конца 5.1944 К-V: землекоп, дневальный — с 6.1944
Розин Арност — Rosin Arnost (39858), продавец, рабочий	20.3.1913, Снинау Кошице — 4.2000, Дюссельдорф	Сл	17.4.1942	В1: землекоп (5-6.1942)

Рокониц Марэ — Rokonič Marais (106XXX)	28.6.1890, Шук(?)	А	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Ротшильд Вильгельм — Rotschild Wilhelm (106XXX)	4.3.1910, Фоканфурт	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Рочкин Залман — Ročkin Zelman	?, Ломжа	П		
Рыбак Йекеэль — Rybak Yehekel	?, Ломжа — 7.10.1944	П	17.1.1943, Замброва — 7.10.1944	Один из руководителей восстания
Рыбак Шимон — Rybak Szymon (106XXX)	15.6.1904, Новогрудок	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Сава — Sawa	? — Германия	Гр	2.4.1944, Афины — 11.4.1944	15.5.1945
Садь (Шлезингер) Миклош — Sadi (Schlesinger) Miklos (179606)	28.1.1896 — 7.10.1944, у К-IV	Ит	4.4.1944, Трлест	К-IV и К-V
Себаг Давид — Sebag Dawid (106110)	23.2.1903, Могадор	Ф	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Сегал Тувиа — Segal Tuvia, дамский портной	Ок. 1920, Маков- Мазовецкий — 7.10.1944	П	9.12.1942	К-IV или К-V; грузчик
Сижуй Леон — Sijui Leon	? — 9.12.1942	Сл		Первый блокельсте ЗоКо
Сикора Мозек — Sikora Mosek (106110)	5.7.1920, Нови Двор	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Соботка Моше — Sobotka Moshe	?, Ломжа — 10-11.1944	П		Один из руководителей восстания
Сокол Авром-Берл — Sokol Avrom-Berl, стюляр	5.3.1905?, Белосток (Высококе-Мазовецкое?) — Израиль	П		

Сосновский Янкель — Sosnowski Jankele (89284)	2.8.1915, Ломжиде —?, Австралия	П	18.1.1943, Замброва
Стон Лео	? — 26.11.1944	Ч	
Суховлянский Абель — Suchowlanski Abel (80955)	12.11.1897, Скюдлы	П	8.12.1942, Гродно
Табакон Давид — Tabakoff Dawid (106XXX)	29.12.1902, Аккирман	Рос	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943
Ташер Берко — Таргер Берко		П	
Ташер Ицик — Таргер Itzig	Маков-Мазовецкий	П	
Таубер Хенрик (Фуксенрионнер, или Фукс Генри) — Tauber Henryk (Fuksenbrunner, или Fuchs Henry), (90124), сапожник	8.7.1917, Цеханув — 11.1999, Нью-Джерси, США	П	19.1.1943, тюрьма Монтегулли, Краков
Титарж Виктор — Titarz Viktor (106XXX)	10.5.1899, Лодзь	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943
Томичек Владислав — Tomiczek Wladyslaw (1483)	Ок. 1915, Тешин — 8.1943, убит	Пол	9.8.1940, Каговице
Умшвайф Симон — Umschweif Simon (85075)	?, Вена — 1985, Вена	А	30.12.1942, Вена
Файнзильбер (Файнзильберг) Альтер Шмуль — Feinsilber (Fajnzilberg) Alter Szmul, Или Янковский Станислав — Jankowski Stanislaw (27675), Кельнер	23.10.1911, Сточек/Луков — 9.1987, Париж	П	30.3.1942, Компьен, Франция —

Фараджи — Faradgy (182XXX)	? — 23.9.1944, селекция	Гр	2.4.1944, Афины — 11.4.1944	15.5.1945
Фатер Симон — Fater Simon (80390)	1907	П	6.12.1942, Млава	
Фатер Шмуль — Fater Szmul (81469)	10.6.1912, Цеханув	П	10.12.1942, Малкиния	
Фельдман Лейб — Feldmann Lejb (81459)	8.9.1910, Насельск	П	10.12.1942, Малкиния	
Фельдман Франциск (Франц) — Feldmann Frantisek (Franz) (36661), зубной техник	1910, Тренчанске Теплице - 26.11.1944, селекция.	Сл	22.5.1942, к/л Маутхаузен (словацкий транспорт) 2.2.1943	К-III: командо зубных техников, с конца лета 1943 К-V
Фёльдш Бета — Foeldsch Beta (106099)	10.5.1909, Будапешт — 16.3.1943, после побега убит в блоке П Аушвица-1	В-Ф?	2.3.1943, Дранел — 4.3.1943	Попытка побега: 9.3.1943
Ферстфельд Бенек — Ferstenfeld Benek	Бендзин	П	6.12.1942, Млава	
Фиглярж — Figlarz		П		К-III
Филишка Лейм				
Финк — см. Финкель				
Финкель (Финк) Луис (Вельфке) — Finkel (Fink) Louis (Welfke)	12.7.1916, Варшава — США	П		К-IV (К-V): с 1943
Финкельштейн Даниэль — Finkelstejn Daniel, горной	22.12.1926?, Лозь? ?	П	Из Франции	

Фишер Адольф — Fischer Adolf (170XXX), ассистент патологанатома Пражского Анатомического института	24.8.1907?, Кляче? — предположительно, погиб при эвакуации лагеря	Ч	20.12.1943, Терезиенштадт?	К-П: сепсис?, с 9.1944
Фишл Голиаф — Fischl Goliath, мясник	ок. 1919 — поздняя осень 1942	П		К-1: мастер, сер. или конец 5.1942 — конец лета 1942
Флекнер Самуэль — Flekner Samuel	18.12.1894, Эгган	Рос	2.3.1943, Дранен — 4.3.1943	
Фляйшер Макс — Fleischer Max		Г		К-П
Френкель Владек — Frenkel Wladek	Маков-Мазовецкий	П	Маков-Мазовецкий	
Фридман Вольф — Frydmann Wolf (106102)	16.3.1898, Плотницка	П	2.3.1943, Дранен — 4.3.1943	
Фридман Давид — Fridmann David (106101)	29.11.1897, Севастополь	Рос	2.3.1943, Дранен — 4.3.1943	
Фридман Лейб — Fridmann Leibr (81459)	8.9.1910, Насельск	П	10.12.1942, Малкияня	
Фрицман Моше (Мошек) — Frydmann Moshе (Monek)	? , Забброва — 1997, Израиль	П		
Фукс Велвел — Fuchs Welwel	Маков-Мазовецкий			
Фукс Генри — см. Таубер Хенрик				
Фукс Моше — Fuchs Moshе		П		
Фуксенбрюннер — см. Таубер Хенрик				

Фухсебруннер Юлек — Fuchsentrinner Julek, кузен Х. Таубера	? — 26.11.1944, селекция	П		
Фурер Вальтер — Furer Walter (106103)	22.11.1924, Вена	А	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Фурман Калмин — Furmann Kalmin (80810)	Ок. 1919 — 1943(?)	П	8.12.1942, Гродно	К-V — расстрелы
Фюрстенфельд Бенек — Fürstenfeld Benek	Бедзин	П		
Хавае Лео, доктор. — Hayas Leo, Dr. (A-13315), врач и депутат парламента	13.12.1895, Мункач — 7.10.1944, самоубийство	Р	17.5.1944, Венгрия	С 21.5.1944: К-IV, затем К-V
Хазан Шаул — Shasan Shaul (182527)	15.8.1924, Салонки — Израиль	Гр	2.4.1944, Афины — 11.4.1944	15.5.1945 В-II: грузчик К-III: грузчик, уборщик газовой камеры и раздевалки
Хайм Янкел — Khaïm Yankel	Ломжа, — 7.10.1944	П		
Хайльблум Самуэль — Hejblum Samuel (57177)	10.8.1925, Луков	П	7.8.1942, Бон-де-Роланд/ Пгитивье	В: 8.8.1942, 2 недели в похоронной команде
Хайльблум Эрко — Hejblum Erko (49269)	? — 1994, Франция	П	19.7.1942, Бон-де-Роланд/ Пгитивье — 9.1942	В Кдо. Нёблер: 9.1942-10.1942
Хамог Йиди — Hamog Jidi (182XXX)	? — 5.1944, самоубийство	Г	2.4.1944, Афины — 11.4.1944	

Харуман Хайм — Haumann Chaim (106XXX)	10.9.1896, Рычево	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943
Хельброннер Жорж — Hellbronner Georges (106XXX)	11.1.1904, Париж	Ф	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943
Хершберг Натан — Herzberg Nathan (106XXX)	27.4.1925, Париж	Ф	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943
Хмельницкий Пинкус — Chmielecki Pinkus (41270)	умер в лагере	Ф	24.6.1942, Франция Блок 22: блокэлегесте, лето 1942
Хрзан Жавек — Chrzan, Zawełk (80351)	16.7.1919, Гостынин	П	6.12.1942, Млава
Целкович Луис — Zelkowiez Luis (106XXX)	1.3.1927, Петркув	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943
Целкович Маке — Zelkowiez Max (106XXX)	5.3.1923, Петркув	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943
Цизнер Можек — Cyzner Moszek (184661?)	28.4.1925?, Явожно	П	29.4.1944?, сборный транспорт К-V; ок. 6.1944
Цисинский Уде — Cisiński Ude		П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943
Цукерман Габриэль			
Цукерман Срулек			
Чалчай Хайм — Charchai Chaim (106XXX)	23.8.1904, Одесса	Рус	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943
Чехановер Морлехай (80XXX), Маков-Мазовецкий		П	
Шабла Хайм — Szabla Chaim	Высокос-Мазовецкое	П	

Шавицкий Серж — Szwajnski, Serge (28417), 1910, торговец тканями и сутенер(?)	10.10.1910, Польша — предположительно во Франции	Ф	30.3.1942, Компьен, Франция	Блокадесте с нач. 1943; Блок 2Виб, затем Блок 13, Блок 11 (11.1944 — нач. 1.1945); Блок 16 (1.1945 — 18.1.1945). Эвакуирован в 1945 году в Маутхаузен.
Шаевич Юда — Sezajewicz Judd (106XXX)	5.1.1899, Воля	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Шайнер Оскар — Schneider (36425)	?, Грнава — 9.12.1942, селекция	Сл	22.5.1942, к/л Маутхаузен	В
Шафран Менахем — Safran Menaschem (106XXXX)	29.8.1900, Кросно		2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Шварц Макс (Моритц) — Schwarz Max (Moritz)	Брежов	Сл		К-1: Филл-коммандо (с 31.5.1942); К-III: шаттмайстер
Швец Сигизмунд — Schwetz Sigismund (106XXXX)	29.9.1896, Варшава	Рос	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Шелекс Морис — Schellekes Maurice (58053)	11.1916, Зандвоорт — 1998, Хайфа	Гл	11.8.1942, Вестерборк	В-1: Похоронная команда 12.8.1942 — сер. 9.1942
Шлес Рубин — Szuyles Rubin (88953)	1907	П	17.1.1943, Ломжа	
Шкарлат Янкель — Szkarlatt Jankiel (106XXXX)	12.2.1898, Варшава	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Шклов Хайм — Szklow Chaim	Высокос-Мазовецкое	П		
Шкуляс — Skulpas	Подольицы	Сл		В2: капо или мастер
Шмаевский Хайм — Schmaewski Chaim (106XXXX)	17.3.1894, Черны аул	Рос	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Шмилевич Жорж — Schmilévitch Georges (106XXXX)	4.10.1895, Коха (м.б. Каховка?)	Рос	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Шостак Мойше — Szostak Moïshe	Маков-Мазовецкий	П		

Шоэль Яцко — Shoel Jacko (182000?)	— Мельк, Австрия	Гр(?)		Мельк, ф-ка «Мессершмидт»
Шперлинг Хайм — Schperling Chaim (106XXX)	20.8.1898, Томашов	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Шпанк Милан (Шпитцер) — Spanik Milan (Spitzer) (36820)	8.1.1912 — 5.2002, Братислава	Сл	22.5.1942, к/л Маугхаузен	В-2: похоронная команда, выкапывание трупов (23.5.1942 — конец 12.1942). Пережил селекцию в больнице
Шпитцер — см.: Шпанк				
Шпитцер Адалар — Spitzer Adalar (36818)	Трнава — 9.12.1942, селекция	Сл	22.5.1942, к/л Маугхаузен	В
Штайн Лео — Stein Leo	?; Табор — 1943(4?) — заживо сожжен	Ч		
Штайнмюллер Жюль — Steinmüller Jules (106XXX)	12.3.1895, Любашов	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Штрассенфогель Герд — Strassenvogel Hertz (106XXX), промышленник из Парижа	1895, Варшава — 23.9.1944, селекция	Ф	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	К-П
Штарк Йозеф — Sztark Josef (106XXX)	6.7.1911, Вланов	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Шубин Хайм — Schubin Chaim (106XXX)	1898, Казелам(?)	Рос	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Шуйс Рубин — Szujs Rubin (86953)	1907	П	10.12.1942, Малкия	
Шулькларпер Рахимин — Schulklapper Rachmin (106XXX)	2.9.1911, Сосновице	П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
Шульман Йцек — Szulman Isiek (81797)	15.4.1904, Погловквичи на Пултуске —	П	10.12.1942, Малкия	

Эйбшиц Лейб — см. Курник Гершель						
Эйдельман Эммануэль — Eidelman Emmanuel (106XXX)	2.2.1908		П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943		
Эпштейн — Epstein	? — 1944?		Ф			К-IV (К- ^{V?}), дантист
Эрих Иешуа — Erich Vishayahu	Бендзин		П			
Эррера (Михаэлидес) Альберт (Алекс) — Herrera (Michaelides) Albertos (Alexos) (182 XXX), офицер флота	?, Ларисса, — конец 8.1944, застрелен во время побега		Гр	2.4.1944, Афины — 11.4.1944	15.5.1945	К- ^V : котегар, вывоз пепла
Юрковский Зигмунд — Jurkowski Sigmund (153980)	5.5.1911 — жил в Польше		П			К- ^V
Яблонка Матес — Jablonska Mates (106XXX)	10.2.1908, Парчев		П	2.3.1943, Дранси — 4.3.1943		
Якоэль Йом-Тов — Yakovel Yom- Tov (182XXX), адвокат	? — 23.9.1944, селекция		Гр	2.4.1944, Афины — 11.4.1944		
Янковский — см. Файнзильбер						
Яхон Альберто — Jachon Alberto (182XXX)	Салоники, — конец 4.1945, Эбензее (от губеркулеза)		Гр	2.4.1944, Афины — 11.4.1944		К-П
Яхон Генри — Jachon Henri (182XXX)	Салоники, — 6.5.1945, Эбензее		Гр	2.4.1944, Афины — 11.4.1944		К-П
Яхон Рауль — Jachon Raoul (182XXX)	Салоники, — 7.10.1944		Гр	2.4.1944, Афины — 11.4.1944		К-IV
? Виктор —			Св	19.4.1944, Майданек — 10.1944		К-III
Гаврила			Св	19.4.1944, Майданек — 10.1944		

? Григорий –				19.4.1944, Майданек — 10.1944	К-III
? Иван –	Бендзин				К-IV: участвовал в поджоге К-IV
? Йосель				19.4.1944, Майданек — 10.1944	К-III
? Мишель —					К-II, повар
? Николай —				19.4.1944, Майданек — 10.1944	К-III
? Любашка (Сашка?) —				19.4.1944, Майданек — 10.1944	К-III
? Юрка (Юрий) —				19.4.1944, Майданек — 10.1944	К-III
? (3200)	? — 6.1941			28.8.1940, в/л Заксенхаузен	К-III: капо, с 9.1940 по 6.1941
? (36807)	Трнава			22.5.1942, из к/л Мвугхаузен	В-2: группная команда, похоронная команда (23.5.1942 — конец 8.1942)
? (106106)				2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
? (106143)				2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
? (106154)				2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	
? (106165)				2.3.1943, Дранси — 4.3.1943	

Источники: *Friedler, Stebert, Killian*, 2008, S.371-392; [Nadjari], 1991; http://www.sonderkommando.info/skauschwitz/differents_SK/les_individus.html Забочень, 1965. АРММ.

Жирным шрифтом выделены имена тех, кто уцелел.

Сокращения: А – австрийский еврей; Алж – алжирский; Б – болгарский; Б.г. – без гражданства; В – венгерский еврей; Г – немецкий; Гл – голландские; Гр – греческий; Ит – итальянский; Лаг – литовский; Н – немец; П – польский еврей; Пол – поляк; Р – румынский еврей; Рос – российский (гражданин Российской империи); Св – советский военнопленный; Сл – словацкий еврей; Т – турецкий; Ф – французский; Ч – чешский.

ЗоКо – «Зондеркомmando».

В1 – бункер-газовня № 1 («Красный домик»); В2 – бункер-газовня № 2 («Белый домик»); В – неустановленный бункер; В5 – яма возле Кремагатория V.

СПИСОК ЧЛЕНОВ СС, РАБОТАВШИХ НА КРЕМАТОРИЯХ В АУШВИЦЕ-БИРЖЕНАУ

Фамилия, имя, профессия, последняя должность в к/л. Аушвиц	Даты жизни	Время службы в к/л. Аушвиц	Функция в «зондеркомmando»	Последствия:
Айдемюллер (Eidemüller), роттенфюрер СС			К-II и К-III: часовой и командофюрер, 1944	
Аккерман Фредди (Ackermann Freddy), унтершарфюрер СС	26.9.1909 — 14.2.1946 (в сов. плену)	5.2.1942 — 10.1944	К-III командофюрер ВП	
Баретки Штефан (Baretzki Stefan), унтершарфюрер СС	24.3.1919, Черновцы — 21.6.1985, Бад Наухайм	Осень 1941(?) — 18.1.45	Блокфюрер бл.13 и (в 1.1945) — бл.16	19.8.1965 приговорен к пожизненному заключению
Бенцингер Йозеф (Benzinger Josef), штурман СС		3.6.1943 — ?	К-III: Часовой	
Биккель (Bickel), штурман СС		18.7.1944 — ?	Часовой или командофюрер	
Бух Герман-Бальгазар (Buch Hermann Balhassar), торговец, гауптшарфюрер СС.	30.12.1896, Нидерхохштадт / Таунус — 10.7.1959, Кронберг	28.2.43 (из женского концлагеря Равенсбрюк) — 18.1.45	К-IV и К-V: командофюрер (9.1944)	Суд в Кракове, приговорен 22.1.1948 к 6 годам тюрьмы
Бухгольц Франц (Buchholz Franz)			Часовой/командофюрер (примерно с 7.1944)	

Бусх Хуберт (Busch Hubert), обершарфюрер СС.	2.7.1914, Яверник близ Фрайвальда (Судеты) — 12.1.1999, Гамбург	1940; 15.9.1944 — 18.1.1945	К-IV и К-V: красляйтер СС, с 9.1944 К-II?	Спокойно жил в Гамбурге, работал мясником
Ваца — Ваца, унтершарфюрер СС				11.1944-1.1945 Если идентичен с: Watz Stanislaus, то был осужден в 1948 г. в Кракове к 4 годам тюремны
Герберт (Herbert), гауптшарфюрер СС			Коммандофюрер?	
Горгес Иоганн (Gorges Johann), унтершарфюрер СС, в СС с 1933.	1.12.1900, Фель у Трира -18.7.1971, Трир (сельскохоз. рабочий, кучер)	4-5.1941— 20.1.1945	В-I: с осени 1942; К-V: крайсляйтер с 6.1943 — до конца: команда по взрыву крематориев	Спокойно жил до 1961; на Франкфуртском процессе обвинен Ф.Мюллером и умер во время следствия
Гутас (Gutas)			К-V: Часовой	
Грабнер Максимилиан (Grabner Maximilian), унтершарфюрер СС	Начальник полит. отдела к/л Аушвиц			Осужден в 1947 в Кракове к смертной казни.
Гронберг (Grünberg)				
Заватски Вилли-Рудольф (Sawatzki Willi Rudolph)	10.11.1919, Перле- берг/Бранденбург	Коммандофюрер цыганского лагеря	1-3.1942 и 4.1943-1.1945	Обвиняемый на 5-м Франкфуртском процессе, оправдан.

Зайтц Роберт (Seitz Robert), крестьянин. Обершарфюрер СС, в СС с 1933.	22.10.1897, Лидольсхайм	Из к/л Маутхаузен Коммандофюрер на крематориях, 4.1944	К-IV и К-V: Начальник крематориев — 5. 1944	
Кадук Освальд (Kaduk Oswald), мясник, персонал по уходу за престарелыми. Унтершарфюрер СС, в СС с 1939.	26.8.1906 Кенигсхютте (Верхняя Силезия) — 1997.	1942? — 18.1.1945	В: замещал командофюрера Моля — конец 1942 — начало 1943?	Приговорен к пожизненному заключению 19.8.1965, на Франкфуртском процессе
Квакернак Вальтер-Конрад (Quakernack Walter-Konrad), Обершарфюрер СС, Nr.132 855.	9.7.1907, Билефельд — 11.10.1946, Гамельн	6.1940	Аушвиц-І: начальник регистрационной службы Политического управления, К-І: начальник, 1941-1942	Смертный приговор в Люнебурге, казнен в Гаммельне 11.10.1946
Келлер (Keller)			К-II: Часовой / командофюрер (с 7.1944)	
Кельм Эвальд (Kelm Ewald) унтершарфюрер СС	22.2.1913, Бружинска, округ Лодзь (крестьянин, ткач) — 23.2.1989, Г'мюнд	21.4.1941 — 18.1.1945	В-V: командофюрер 5.1944 — 18.1.1945 К-II: Крайсляйтер: лето 1944	1962: следствие прекращено
Кнауэс Герман (Knaus Hertram), роттенфюрер СС	9.2.1908, Рамзау, Лицен — 16.8.1944, там же	4.12.1941	Коммандофюрер	
Кунцельманн Ромуальд (Kunzelmann Romuald) унтершарфюрер СС.	9.7.1916, Радауц в Румынии, фольксдойче — осень 1988, Линген-на-Эмсе	1941 — 18.1.1945	К-IV или К-V: часовой или, с 18.1.1945, командофюрер,	Прожил неразоблаченным в окрестностях Оснабрюка

Куршусе (Kurschuss) Штурман СС.				К-У: часовой 1943, ок. 5.1944 — командофюрер	
Мейер (Meier)					
Молль Отто (Moll Otto), садовник. Гауптшарфюрер СС, в СС с 1935.	4.3.1915, Хюэншенбург, Мекленбург -28.5.1946, Дахау	2.5.1941 — 9.1945		В-1 и В-П: начальник бункеров 1 и 2 — 10.1943? — 4.1944 12.1942 — 9?.1943 — началь- ник штрафной команды в Аушвице-1. В апреле 1942 г. награжден Крестом за боевые заслуги второго класса. 1944: перевод в Равенсбрюк 5-9.1944: начальник всех крематориев	Смертный приговор в Дахау 13.12.45, казнен 28.5.1946
Мусфельдт Эрих (Mushfeldt Erich), пекарь из Мангейма. Обершарфюрер СС, в СС с 1940.	18.2.1913, Бенбрук-на- Шпрее — 22.12.1947, Краков	А-1: 8.1940 — 15.11.1941 Майданек, начальник крематория: 15.11.1941 — 6. 4.1944 Вторично: 6.4.1944 (прибыл из к/л Майданека)		В Аушвице с августа 1940 по 15.11.1941 г. Начальник крематория и блокфюрер барака 20 1-го поля в Майданеке: с 15.11.1941 по 6.4.1944 (причем с сер. 12.1941 до до конца 3.1942 — в госпитале: тиф) — после выписки блокфюрер барака 20 первого поля, где размещалась «зондеркоммандо», состоявшая из 300 сов. в пл), с 6.4.1944 снова в Аушвице. 4-9.1944: начальник крематориев II и III; 10-12.1944: начальник всех крематориев	Смертный приговор в Кракове 22.12.47, казнен в тот же день.

Мюллер (Müller) обершарфюрер СС.							Нет сведений
Росчек (Roscheck)						К-III: командофюрер	
Фосс Петер (Voss Peter) Обершарфюрер СС	18.12.1897, Фленсбург — ок. 1976, Ганновер	1943 —				К-II: начальник крематория К-V: 1943?-5.1944 К-IV и К-V: начальник крематория с 5.1944? К-III: командофюрер?	
Фукс (Fuchs)						К-III: крайсляйтер? 1943 1943: Направление на фронт	
Хаймис Виктор — Shaimies Victor	1.6.1914, Кроттинген (Кретинга), Литва (фольксдойче)					Командофюрер	
Хертвиг (Hertwig)							
Хёсслер Франц (Hößler Franz), обершарфюрер СС, в СС с 1932 (Nr. 41940). Фотограф.	4.2.1906, Обердорф/ Алгау -13.12.1945, Гаммельн	6.1940 (из к/л Дахау) — 18.1.1945				В-I и В-II: Командофюрер, 5.12.1942 — 18.1.1945 (предположительно)	Приговорен к смерти в Люнебурге 17.11.1945, казнен: 13.12.1945
Хирш (Hirsch), гауптшарфюрер СС.						Командофюрер или крайсляйтер	
Холэндер (Holländer) унтершарфюрер СС	1912? (фольксдойче)					В-II: часовой К-II или К-III: часовой/ командофюрер	
Шмидт (Schmidt)							

Шгаймец (Schteinmetz) роттенфюрер СС.	1918?	Из гетто Макова-Мазовецкого?	В-II: командофюрер, 12.1942 К-IV: командофюрер 1943?	
Штейнберг Карл-Фриц (Steinberg Karl-Fritz), мастер-каменщик. Обершарфюрер СС, в СС с 1941.	14.1.1911, Атлендорф, Саксония	1941 — 18.1.1945?	К-II+ К-III: начальник крематориев — до 5.1944; К-II: командофюрер с 5.1944	
Штруц Роберт (Strutz Robert), роттенфюрер СС		20.4.1943	В26 В1: часовой, предположит. 9–10.1942	
Шульц Хайнц-Артур (Schulz Heinz- Arthur) унтершарфюрер СС; В СС с 1939	9.4.1920, Хелвигсдорф	Из к/л Наувайлер	Крайслайтер — лето 1944	
Экхард Йозеф (Eckhardt Josef), унтершарфюрер СС (член СС с 1939). Из рабочих.	22.12.1918, Братислава (фольксдойче из Венгрии) — 17.11.1991, Траун	12.1940 (из к/л Дахау) — 1944	В-V: командофюрер, с 5.1944 К-IV; 2-й командофюрер К-V: ? — 12.1944	Из-за принадлежности к СС, вероятно, выслан из США

Источники: *Friedler, Slobert, Killian*. 2008. S.392-395; *АРМАВ*; *АРММ*

**ПУБЛИКАЦИИ РУКОПИСЕЙ ЧЛЕНОВ «ЗОНДЕРКОММАНДО»
И СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К НИМ**

Библиография

1954

(Польск.) W otchłani zbrodni (Kronika oświęcimska nieznanego autora) [На дне злодейства. Хроника неизвестного освенцимского автора] // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego. Warszawa. 1954. Nr.9–10. S. 303–309.

С примечанием «От редакции»: «Найдено в ноябре 1952 г. Написано на идиш. Последняя дата в тексте — 26 ноября 1944. Название — авторское.

(Идиш) In Greuel fun retzkihe // Bleter far Geschichte. 1954, Vol. VII, No. 5. P.100–107.

Записки неизвестного автора. В предисловии рассказано о находке. Идентификации автора как Лейба Лангфуса еще нет. Включает в себя разделы: «Подобности», «Записки» и «Садизм». Но последний раздел не вошел в публикацию как относящийся к Белжецу, а не к Аушвицу.

1957

(Иврит) Anashim va efer: Sefer oshvits-birkenau / Ed. I.Gutman. Merhavia, 1957.

1962

(Нем.) [Неизвестный член зондеркомmando] Im Abgrund des Verbrechens // Auschwitz. Zeugnisse und Berichte / Hg. von H.G.Adler, H. Langbein, E. Lingens-Reiner. Köln — Frankfurt am Main: Europäische Verlagsanstalt, 1962. S. 94–97 (2-е изд.: 1979)

Отсутствует глава «Садизм».

(Идиш) Без подписи [Марк Б.]. [В ленинградском медико-военном музее находятся записки Залмана Градовского из Освенцима] // Folksztyme. Warszawa. 1962. № 68. 3 мая. С.3.

В заметке упоминаются книжка и письмо Градовского, найденные во время раскопок недалеко от крематория IV. Приведен и текст письма, что, в сущности, является первой публикацией не только самого письма, но и вообще первой публикацией З.Градовского. Автор неподписанной заметки (вероятнее всего Б. Марк) поясняет: *«Из текста на последней странице записной книжки явствует, что Залман Градовский сначала закопал книжку в одном месте, потом выкопал ее и спрятал в другом. Оказалось, что бутылка, в которой были спрятаны записная книжка и письмо, закрывалась негерметично, и в нее попала вода, поэтому часть текста оказалась уничтожена».*

(Идиш) [Б.Марк. Новый потрясающий документ. Освенцимский дневник Залмана Гродовского] // *Folksztyme*. Warszawa, 1962. № 72, 10 мая. С.3–4.

1965

(Польск.) *Rękopis Zelman Lewentala* [Рукопись Зельмана Левентала] / Прочтение на иврите и идиш: Lieber Brener, Adam Wein; пер. на польск. яз.: Szymon Datner // “Szukajcie w popiołach”. *Papiery znalezione w Oświęcimiu* [«Ищите в пепле». Рукописи, найденные в Освенциме]. [Główna Komisja Badania Zbrodni Hitlerowskich w Polsce]. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, 1965. S.125–130.

1967

(Нем.) *Der Bericht Zelman Leventhal* / Пер.: P.Lachmann u. A.Astel // *Briefe aus Litzmannstadt* / Hrsg. von Janusz Gumkowski, Adam Rutkowski und Arnfried Astel. Köln: F.Middelhaue, 1967. S.89–96.

1968

(Польск.) *Zelman Lewental*. *Pamiętnik członka Sonderkommando Auschwitz II* / Предисловие: Adam Rutkowski; перевод: Adam Rutkowski i Adam Wein // *Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego*. Warszawa, styczen — czerwiec, 1968, Nr.65–66. P. 211–233.

Дефектная публикация.

1969

(Польск.) *Zalmen Gradowski*. *Pamiętnik* / Предисловие и примечания: Bernard Mark. *O pamiętniku Zalmena Gradowskiego, członka Sonderkommando w obozie koncentracyjnym Oświęcim*. Подготовка текста: Edwarda Mark. // *Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego*. Warszawa, lipiec-grudzien 1969, Nr.71–72. P. 172–204.

Дефектная публикация (непрочитанные фрагменты не обозначены графически). Публикатор (Б. Марк) благодарит А.А. Лопатёнка из ЦВММ за предоставленную в 1962 г. возможность ознакомления с записками и протоколом комиссии Попова и Герасимова.

1971

(Польск.) *Wśród koszmarnej zbrodni: Notatki więźniów Sonderkommando / Zeszyty Oświęcimskie. Numer specjalny 2.* / Ред.: Bezwińska, Jadwiga; Czech, Danuta. *Oświęcim*: Wydawnictwo Państwowe Muzeum w Oświęcimiu, 1971. 287 S.

В текстах З. Градовского и Л.Лангфуса отброшены отдельные фрагменты как не относящиеся к Аушвицу.

1972

(Нем.) *Inmitten des grauensvollen Verbrechens*. *Handschriften von Mitgliedern des Sonderkommandos*. HVA. Sonderheft I / Auswahl und Bearbeitung: J.

Bezwinska, D. Czech; Beglaubigung der Entzifferung der Handschriften aus dem Jiddischen: R. Rytel; Nachwort: W. Bartoszewski; Übersetzung: H. Henschel. Oświęcim: Verlag Staatliches Auschwitz-Museums, 1972. 220 S.

(Польск) Rękopis Lejba / Предисловие: J. Bezwinska, D. Czech. Предисловие переводчика: R. Rytel // Zeszyty Oświęcimskie. 1972. Nr. 14. P.6-62.

1973

(Англ.) *Amidst a nightmare of crime: Manuscripts of Members of Sonderkommando* / Ed.: J. Bezwinska. Oświęcim: Publications of State Museum at Oświęcim, 1973. 208 p.

(Нем.) *Lejb*. Handschrift / Vorwort: J. Bezwinska, D. Czech; Vom Übersetzer: R. Rytel. Übers. von R. Rytel // HVA. Heft 14. 1973. S.17–71.

1975

(Польск.) *Wśród koszarnej zbrodni: Notatki więźniów Sonderkommando. II wydanie rozszerzone* / Ed.: J. Bezwińska, D. Czech. Oświęcim: Wydawnictwo Państwowe Muzeum w Oświęcimiu, 1975. 287 s.

1977

(Идиш) *Salmen Gradowski*. In Harts Fun Gehenem [В сердцеvine ада] / Chaim Wolnermann. Araynfir [Предисловие]; David Sfar. Eynike zikhroynes fun Salmen Gradowski [Некоторые воспоминания о Залмане Градовском]; Yehoshua Wigodsky. A wort fun a gewezenem osir in Oyshwitz [Слово бывшего узника Аушвица]. Jerusalem, 1977.

(Идиш) Bernard Mark. Megilles Oyshvits [Свитки Аушвица]. Tel Aviv: Israel-Book, 1977. 470 p.

В сети: <http://ia700308.us.archive.org/26/items/nybc208507/nybc208507.pdf>

1978

(Иврит) Bernard Mark. Megillat Auschwitz [Свитки Аушвица]. Tel Aviv: Israel-Book, 1978. 284 p.

1979

(Нем.) [Неизвестный член зондеркомmando] *Im Abgrund des Verbrechens // Auschwitz. Zeugnisse und Berichte* / Hg. von H.G.Adler, H.Langbein, E.Lingens-Reiner. 2. Auflage. Köln — Frankfurt-am-Main: Europäische Verlagsanstalt, 1979. S.75–77.

1982

(Фр.) *Ber Mark*. Des voix dans la nuit. La résistance juive à Auschwitz-Birkenau. Paris: Librairie Plon, 1982. 362 p.

Пер. кн.: Mark, Ber. Megiles Oyshvits [Свитки Аушвица]. Tel Aviv: Israel-Book, 1977. 472 p.

(Греч.) *Marcell Nadjari* / Publ. Jannis Litios // Risospasti. 1982, 22 April (неточные сведения).

1985

(Англ.) *Mark, Ber. The Scrolls of Auschwitz* / Пер. с иврита: Sharon Neemani. Tel Aviv: Am Oved Publishing House, 1985. 306 p.

Пер. кн.: *Mark, Ber. Megiles Oyshvits* [Свитки Аушвица]. Tel Aviv: Israel-Book, 1977. 472 p.

1988

(Иврит) *Gradowski, Zalman. Reshimot. [Записки]* / Tel Aviv: Sifriyat-Poalim, 1988.

1991

(Англ.) *Natzari M. Hroniko. 1941–1945. Iđryma Etō Achatm. Фeσσaλoνικh*, 1991. 66 p. [На англ.яз. рукопись, размноженная на гектографе. 46 P.]. (АРМАВ. Syg. Wsp./ Nadjar / 1073). P.3–7.

1994

(Чешск.) *Olexy, Krýstyna. Svědectví vězňů ze zonderkomanda — Salmen Gradowski // Terezínský rodinný tábor v Osvětimi-Birkenau. Praha, 1994. S. 92–104.*

1996

(Нем.) *Inmitten des grauensvollen Verbrechens. Handschriften von Mitgliedern des Sonderkommandos. HvA. Sonderheft I / Auswahl und Bearbeitung: J. Bezwinska, D. Czech; Beglaubigung der Entzifferung der Handschriften aus dem Jiddischen: R. Rytel; Nachwort: W. Bartoszewski; Übersetzung: H. Henschel, J. August. Oświęcim: Verlag Staatliches Auschwitz-Museums, 1996. 287 S.*

1997

(Исп.) *Mark, Ber. Paginas de Auschwitz. Montevideo, 1997. 160 p.*

Пер. кн.: *Mark, Ber. Megiles Oyshvits* [Свитки Аушвица]. Tel Aviv: Israel-Book, 1977. 472 p.

1999

(Нем.) *Gradowski, Salmen. Im Herzen der Hölle // Theresienstädter Studien und Dokumente. 1999 / Hg. von M.Karny u R.Kemper. Edition Theresienstädter Initiative Academia. Prag, 1999. S.112–140*

Фрагменты из всех трех глав.

(Ит.) *La voce die sommersi. Manoscritti ritrovati di membri del Sonderkommando di Auschwitz / A cura di Carlo Soletti, prefazione die Frediano Sessi, poafazione di Franciszek Piper // Venezia: Marsilio editori, 1999, 254 p., appendici.*

Перевод с нем. издания 1996 г. (p. 33–80: З.Градовский; p. 81–146: Л.Левенталь; p. 147–211: Неизвестный автор; p. 212–225: Х.Херман; p. 237–244: М.Наджа 237–244: М.Надьяри).

2001

(Фр.) *Des voix sous du cendre. Manuscrits des Sonderkommandos d'Auschwitz-Birkenau.* Paris: Calmann-Lévy / Mémorial de la Shoah, 2001. 422 p.

(Фр.) *Gradowski, Zalmen.* Au cœur de l'enfer. Document écrit d'un Sonderkommando d'Auschwitz — 1944 / Edition dirigée et présentée par Philippe Messnard et Carlo Soletti; traduit du yddish par Batia Baum. Paris: Edition Kimé, 2001. 170 pp.

Составитель благодарит Хайма и Йетту Волнерман.

2002

(Ит.) *Gradowski, Salmen.* Sonderkommando. Diario da un crematorio di Auschwitz, 1944 / A cura di Philippe Mesnard e Carlo Soletti. Venezia, 2002.

2003

Макарова Е., Макаров С., Неклюдова Е., Куперман В. Крепость над бездной. Терезинские дневники. 1942–1945. Иерусалим — Москва: Гешарим — Мосты культуры, 2003. С.220–221

Впервые — фрагмент на русском языке.

2005

(Фр.) *Des voix sous du cendre. Manuscrits des Sonderkommandos d'Auschwitz-Birkenau /* Preface: G.Benosussan; C. Saletti; P. Mesnard. Paris: Calmann-Lévy / Mémorial de la Shoah, 2005. 442 p.

Полян П. «В последнее время они начали замечать следы». Письмо из Освенцима. В России публикуется впервые / Публ. и послесловие (под заглавием «Кто такой Залман Градовский») // Известия. 2005, 28 января. С.4.

Полян П. Записка из пепла // Еврейское слово. 2005. № 5 (2–8 февр.). С.7.

Полян П. «Дорогой находчик, ищите везде!». Эти слова одного из узников Освенцима, оставившего документальные свидетельства Холокоста, звучат сейчас как голос из бездны // Еврейская газета (Берлин). 2005, № 3 (март). С.26.

2008

Полян П. И в конце тоже было Слово... // Звезда. 2008, № 7. С.91–108.

Градовский З. <Письмо к потомкам>. <Дорога в ад>. / Публ. П. Поляна, перевод с идиша М.Карпа и А. Полян // Звезда. 2008. № 7. С.109–140.

З. Градовский. <III>. Посреди преисподней / Публ., примеч. П. Поляна, перевод с идиша А. Полян // Звезда. 2008. № 8. С.152–187

З. Градовский. <III>. Посреди преисподней / Публ., примеч. П. Поляна, перевод с идиша А. Полян // Звезда. 2008. № 9. С.146–161

Полян П. Чернорабочие смерти. Зондеркоманда в Освенциме // Звезда. 2008, № 9. С.146–161.

(Голл.) *Zalmen Gradowski*. In het hart van de hel. Sonderkommando in de gaskamers / Enleiding v. Philippe Mesnard. Laren: Verbum, 2008 (Ser.: Verbum Holocaust Bibliotheek)

2009

Полян П. И в конце тоже было слово... Как был создан один из самых потрясающих документов Холокоста // Еврейская Газета (Берлин). 2009, июнь. С.21.

Градовский З. Посреди преисподней... Из записок, найденных в пепле у печей Освенцима / Публ. и предисл. П.Поляна. Пер. с идиш А.Полян // Еврейская Газета (Берлин). 2009, июнь. С.21.

2010

Градовский З. В сердцеvine ада. Записки, найденные в пепле возле печей Освенцима / Сост., ред., примеч. и предисл. П.Поляна. Пер. с идиш А.Полян и М.Карпа. М., ГАММА-ПРЕСС, 2010. 224 с., илл.

2011

Градовский З. В сердцеvine ада. Записки, найденные в пепле возле печей Освенцима / Сост., ред., примеч. и предисл. П.Поляна. Пер. с идиш А.Полян и М.Карпа. Изд. 2-е, доп. и испр. М., ГАММА-ПРЕСС, 2011. 224 с., илл.

2012

(Иврит) *Gradowski Z.* Be-lev ha-Gehenom: yomano shel asir u-mi-manhigey mered ha-zonderkomando be-Oshwits [В сердце геенны. Дневник узника — одного из руководителей восстания зондеркомандо в Аушвице] / Сост. и послесл. Г. Грайфа. Пер. с идиша, 2-е предисл. и 2-е послесл.: А.Цур. Другие предисловия: Й. Вольнерман, Х. Вольнерман и Д. Сфард. Тель-Авив: Йедиот ахронот, 2012. 367 с.

Левите А. Свитки из пепла. Из рукописей, найденных в Освенциме [А.Левите. Предисловие к альманаху «Ойшвиц»] / Публ. П. Поляна. Перевод А.Полонской // Московские новости. 2012. 27 янв. С.15.

В сети: <http://www.mn.ru/friday/20120127/310380236.html>

Лангфус Л. В содрогании от злодейства / Публ. и предисл. П. Поляна. Перевод с идиша Д.Терлецкой // Новый мир. 2012. № 5. С.160-177.

В сети: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2012/5/110.html

[Наджари М.] «Мне не удастся отомстить...» / Публ. П. Поляна. Перевод с идиша А.Полонской // Еврейское слово. 2012. 1-7 мая. № 13. С.10.
В сети: <http://www.e-slovo.ru/573/10pol1.htm>

Герман Х. Послание из ада / [Публ., предисл. и комм. П. Поляна] Перевод с французского А.Полонской // Еврейское слово. 2012. 17-23 июля. № 24. С.8, 13.
В сети: <http://www.e-slovo.ru/584/8pol1.htm>

Левенталь З. Заметки / Публ. и вступит. статья: П.Полян; пер. с идиша (под редакцией П.Поляна) и вступит. заметка А.Полонская; комментарии: П.Полян и А.Полонская // Ab Imperio. 2013. № 6. С.213-277.

2013

Отрывок из рукописи Лангфуса / П. Полян. Чернорабочие смерти // Дилетант. 2013. № 8. С. 52-55

Лангфус Л. Выселение / Публ. и вступит. статья П. Поляна // Голокост і сучасність. Студії в Україні і світі. 2013. (В печати).

**ANUS MUNDI
ЧТО ОСВОБОДИТЕЛИ УВИДЕЛИ В АУШВИЦЕ
(ДОКУМЕНТЫ)**

<1>

<4 марта 1945 года>

АКТ

1945 года, марта 4-го дня.

Комиссия, в составе: председателя — капитана интендантской службы ГЕРШКОВИЧА Х.Д. и членов: капитана юстиции ПОПОВА Д.А., гражданин НАСАЛЯ Евгениуша, РАДЧЕНКО П.Н. и профессора медицины ЛИМУЗЕН Генрика, произвела осмотр зданий, сооружений и построек, расположенных на территории бывшего осьвенцимского концентрационного лагеря.

При осмотре и обследовании зданий комиссия выявила следующее:

I.

В чердачном помещении здания в юго-западной части лагеря, площадь в 2301 кв. мтр. обнаружен склад нижнего и верхнего мужского платья, бывшего в употреблении. Готовое платье лежит на полу навалом, подготовленное к сортировке, так как на всем протяжении чердачного помещения оборудованы специальные полки для сортировки готового платья.

На значительном количестве верхней одежды нашиты стандартно изготовленные знаки в виде шестиугольной звезды с надписью внутри звезды «Иудэ».

На мужских пиджаках имеются рекламные ярлыки портных разных стран (Франция, Бельгия, Голландия, Венгрия, Румыния и т.д.).

Комиссия установила, что в чердачном помещении имеется 219.429 единиц мужской одежды (пиджаки, брюки, жилетки, куртки, пальто, плащи, верхние сорочки, рубашки нательные, кальсоны и проч.).

II.

В 150-200 метрах южнее указанного склада обнаружена огромная яма, в которой сложено разной металлической и эмалированной посуды (кастрюли, кружки, миски, чашки, горшки, кувшины, сковороды, чайники и проч.), бывшей в употреблении, общим количеством 52.061 штука, что составляет 9 вагонов.

На указанной посуде имеются фабричные марки разных европейских стран.

Ш.

В северо-западной части лагеря обнаружены два складских помещения (каменный и деревянный), в которых выявлено:

а) каменный склад - площадь 468 кв. мтр. Склад завален навалом женской верхней и нижней одеждой, бывшей в употреблении. Склад оборудован специальными полками для сортировки одежды, причем на некоторых полках обнаружена отсортированная женская одежда, упакованная в пачки.

В указанном складе имеется, по подсчету комиссии, 836.225 единиц женской одежды (платья, юбки, пижамы, джемперы, пуловеры, чулки, бюстгалтеры, трико, трусы, сорочки, блузки и т.п.).

б) Деревянный склад - площадь 180 кв. мтр. Обнаружена, насыпью на полу, разная детская нижняя и верхняя одежда, бывшая в употреблении, а также поношенная женская обувь.

Установлено наличие детской одежды - 115.063 единицы (распашонки, рубашечки, чулочки, рукавички, платяица, штанишки, матроски, курточки, детские джемпера, пальто, носочки, пижамки и проч.).

Обнаруженная детская одежда - размерами на детей от грудного возраста до 10-11 лет.

Женской обуви (туфли, ботинки, полуботинки) выявлено 5525 пар.

Оба указанные склада (деревянный и каменный) расположены в 25-30 метрах от газокамеры, где производилось уничтожение людей.

В одной из комнат при указанных складах, служившей канцелярией, обнаружена книга записи и учета отгруженных вагонов с одеждой.

Записи в книге отражают: дату отгрузки, номера вагонов и их тип, наименование отгруженных вещей, станцию назначения и наименование грузополучателей. По каждому вагону в книге имеется штамп жд. станции Аушвиц о приеме к отгрузке данного вагона.

Книга начата 12.12.1944 года (очевидно, является продолжением других книг), и записи прерываются 18.1.1945 года.

За указанный период, т.е. за 37 дней, как видно из записей в книге, отгружено 116 вагонов разной одежды и носильных вещей.

IV.

В южной части лагеря, в одном из корпусов, на чердаке обнаружен склад мужской верхней одежды (пиджаки, брюки, пальто), бывшей в употреблении, лежащей навалом на полу. Площадь чердака 189 кв. мтр.

Наличие мужской одежды на указанном чердаке составляет 27.401 единица.

V.

В восточной части лагеря обнаружены три двухэтажные корпуса, каменные, специально приспособленные под складские помещения и сортировочные цеха.

При осмотре указанных корпусов выявлено:

1. Швейных машин разных марок и фирм	376 шт.
2. Постельного и столового белья (наволочки, полотенца, простыни, скатерти и проч.)	68 054
3. Металлической и эмалированной посуды	17 787 или 3 вагона
4. Фаянсовой посуды	2 вагона
5. Щетки сапожные, одежные, головные	49 865
6. Помазков для бритья	7 837
7. Столовых ножей, вилок и ложек	14 693
8. Бритв безопасных	4 358
9. Зубных щеток	9 892
10. Расчески разные	2 739
11. Камни для бритья (дезинфекционные)	1 165
12. Зеркала карманные и ручные	421
13. Ножницы разных размеров	2 368
14. Мясорубки	23
15. Термоса малые	180
16. Пудреницы	116
17. Очки разные	12 910
18. Матрацев мягких	592
19. Ковров, дорожек, покрывал	13 964
20. Одеяд ватных, байковых и суконных	9 205
21. Талесов (для молитв)	5 508
22. Чемоданов разных	3 162
23. Обувь мужская без подошв	38 000 пар
24. Мыло стирочное (разных фабрик)	25 тн.

Все перечисленные предметы и вещи домашнего обихода, судя по внешнему их виду, были в употреблении и на ряде вещей (посуда, чемоданы, мыло и проч.) имеются фабричные марки разных европейских стран (Франция, Бельгия, Голландия, Венгрия и т.д.). На многих чемоданах имеются ярлыки гостиниц разных городов разных европейских стран.

Складские помещения всех корпусов оборудованы специальными полками для сортировки и временного хранения, с наличием на каждой полке ярлыков, надписей и вывесок, для какого рода вещей они предназначены.

В складах, на стенах, имеются специальные доски с записями мелом количества и наименования имущества, завезенного в склад для сортировки и хранения.

Записи сделаны по состоянию на 17.1.1945 года.

При складах обнаружены швейная и сапожная мастерские, предназначенные для ремонта и реставрации одежды и обуви для последующей отправки в Германию.

Также выявлены при складах специальные комнаты, предназначенные для складывания загрязненных вещей, доставляемых в склады для сортировки из газакамер, крематориев и с мест массового истребления людей.

VI.

При осмотре помещений и складов выявлено всего разных носильных вещей и предметов домашнего обихода, бывших в употреблении:

1. Мужской нижней и верхней одежды	246820 шт.
2. Женской нижней и верхней одежды	836225 "
3. Детской нижней и верхней одежды	115063 "
4. Женской обуви разной	5525 пар
5. Мужской обуви без подошв	38000 "
6. Посуды металлической и эмалированной	69848 шт. или 12 вагонов
7. Посуды фаянсовой разной	2 вагона
8. Постельное и столовое белье	68054 шт.
9. Ковров, дорожек, покрывал	13964 "
10. Одеял разных	9205 "
11. Щеток разных	49865 "
12. Щеток зубных	9892 "
13. Помазки для бритья	7837 "
14. Камни для бритья	1165 "
15. Бритв безопасных	4358 "
16. Ножей, вилок, ложек	14693 "
17. Мясорубок	28 "
18. Зеркал разных	421 "
19. Расчески, гребни	2739 "
20. Ножниц разных	2368 "
21. Матрацы	592 "
22. Пудреницы	116 шт.
23. Термоса	180 "
24. Талесы молитвенные	5508 "
25. Чемоданы	3162 "
26. Очки разные	12910 "
27. Швейных машин	376 "
28. Мыло стирочное	25 тн

Судя по устройству специальных полок для сортировки, наклейкам, ярлыкам и надписям на полках, наличию комнат, предназначенных для складывания загрязненных вещей, наличию рекламных ярлыков портных на костюмах, фабричных марок на посуде и чемоданах, ярлыков гостиниц на чемоданах, наличию книги учета отгруженного имущества, а также судя по тому, что женская, детская одежда складывались навалом в склады, находящиеся в непосредственной близости от газовых камер, где уничтожались люди, комиссия устанавливает, что:

1. Все обнаруженные вещи и предметы домашнего обихода принадлежали бывшим заключенным, привезенным с разных стран Европы, исторбленным в Освенцимском концентрационном лагере.

2. Ограбленные у уничтоженных людей вещи и предметы домашнего обихода подвергались сортировке, ремонту и реставрации и вывозились в Германию.

Председатель комиссии --

Капитан интендантской службы:

Капитан юстиции:

Члены Комиссии:

Профессор медицины:

(ГЕРШКОВИЧ)

(ПОПОВ)

(НАСАЛЬ)

(РАДЧЕНКО)

(ЛИМУЗЕН)

ГАРФ. Ф.Р-7021. Оп. 108. Д.18. Л. 156-162. Впервые: Strzelecki, 2000a. S.95-99.

<2>

<8 марта 1945 года>

АКТ

1945 года, марта 8-го дня.

Мы, нижеподписавшиеся: Главный судебно-медицинский эксперт 1-го Украинского Фронта подполковник медицинской службы доцент БРЫЖИН Ф.Ф., судебно-медицинский эксперт 60-той Армии майор медицинской службы ЧУРСАНОВ М.Г., эксперт-криминалист Центральной судебно-медицинской лаборатории Красной Армии лейтенант административной службы ГЕРАСИМОВ Н.И., по предложению помощника военного прокурора Военной прокуратуры 1-го Украинского Фронта майора юстиции ПАХОМОВА Л.Н., произвели осмотр склада волос, находящихся в цехе кожевенного завода Освенцимского лагеря. При осмотре оказалось, что в складе находится 293 мешка волос весом в среднем по 20 кгр каждый и 12 мешков весом в среднем по 88 кгр. Произведено раскрытие 12 малых мешков, волосы тонким слоем разложены на полу, где и произведен их

подробный осмотр, причем оказалось: в мешках волосы плотно спрессованы, в виде отдельных плоских клубков, набитых слоями, с весом каждого клубка от 0,5 до 1-1,5 кг. При осмотре клубков разволокнение его оказалось, что в каждом клубке имеются пучки волос различных цветов. Если с этой точки зрения оценить волосы, выложенные из 12 мешков, то можно насчитать такие цвета, как темно-русые, светло-русые, седые, рыжие, черные с ясным преобладанием русых волос. При разборе волос на отдельные пучки одного и того же цвета оказалось, что большинство пучков имеет длину 20-30-50 см. Указанные представляют собой то рыхлые пучки, то сплетенные косы, то похожие на парики. При тщательном осмотре отдельных пучков волос в некоторых из них найдены женские гребешки, шпильки, заколки, а на периферическом конце кос завязанные тесемки, ленточки. На одном пучке найдена сетка из тонкой коричневой нитки. Кроме вышеуказанного в пучках волос и между слоями пучков обнаружены мелкие деревянные стружки, комки и пластинки штукатурки, сетчатые кусочки от мешковины, обертки от конфет и бритвенные лезвия, а также обертки от бритвенных лезвий, тоненькие ветки хвои и комочки грязи. Волосы в большей своей части производят впечатление чистых, без специфических на них отложений. При детальном осмотре концов волос, особенно пучков, видно, что центральные концы их ровные (отрезаны), такой же отчетливый вид отрезанных концов имеют и другие разрыхленные пучки. Коротких волос не попадалось.

Клубки волос разобраны на отдельные компактные пучки, принадлежащие как бы одному человеку, и взвешены. Подобных пучков взвешено около трех штук. Средний их вес выражался в таких цифрах: 40-45-50 гр., только отдельные пучки имели вес до 100 грамм.

Следственными органами произведен точный подсчет всего количества и веса мешков, причем оказалось, что в этом складе имеется 293 мешка со средним весом 20 кг каждый и 12 мешков по 88 кг, что при соответствующем подсчете дает общее количество волос свыше 7.000 кг. Мешки малого размера – из грубой бумаги, а мешки большие – из обычной мешковины (типа матрацев). На каждом мешке имеется обозначение «КЛ Ау» (что обозначает концентрационный лагерь Аушвиц).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из свойств обнаруженных волос: длины, цвета, толщины, внешнего их вида, характера пучков, заплетенных кос с наличием в них дамских гребешков, заколок, шпилек, тесемок и ленточек – следует заключить, что означенные волосы являются человеческими и почти исключительно женскими.

Учитывая, что в женских волосах обнаружены предметы дамского обихода – шпильки, заколки, гребешки, а в косах – тесемки и ленточки, следует полагать, что волосы отрезались от трупов, т.е. возможно в крематории и в частности после умерщвления газом перед сжиганием, что подтвержда-

ют и свидетели, бывшие заключенные ТАУБЕР Г., МАНДЕЛЬБАУМ, ДРАГОН, работавшие в зондеркоманде.

Если ориентировочно во внимание средний вес отделенных волос с головы в 50 гр. с одной головы, то условно можно считать, что волосы в количестве 7.000 кгр. могли быть сняты со 140.000 женщин.

ГЛАВНЫЙ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИЙ ЭКСПЕРТ
1-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА ПОДПОЛКОВНИК
МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ ДОЦЕНТ (БРЫЖИН)

ГАРФ. Ф.Р-7021. Оп. 108. Д.18. Л. 195-197. Впервые: Strzelecki, 2000a. S.149-151.

<3>

НКО СССР
Секретно
Экз. № 1
Главное политическое управление
Рабоче-Крестьянской Красной Армии
21 апреля 1945 г.
№ 229746
Г.Москва, ул. Фрунзе, 19

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОММИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩИКОВ тов. ШВЕРНИКУ Н.М.

Направляю Вам поступившие в ГлавПУРККА материалы химразведки Штаба 4-го Украинского фронта, произведенной на территории концентрационных лагерей в Освенцим, а также акт технической экспертизы Правительственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков.

Приложение: упомянутое на 25 листах, только адресату.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ (ШИКИН)

Отп.2 экз.
20.IV.45г.

ГАРФ. Ф.Р-7021. Оп.108. Д.36. Л.5. Оригинал.

На тексте надпечатка: «Чрезвычайная Государственная Комиссия. Спецотдел. Входящий ш-172с. 24.4.1945. Количество листов 26 л.» и резолюция: «т.Никитину. Подпись [нрзб]. 24.IV».

НКО СССР
Секретно
Экз. № 1

Технико-химическое Управление
4 Украинского Фронта

16 марта 1945 г.
№ 0488

КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 4 УКРАИНСКОГО ФРОНТА

В результате химразведки на территории концентрационного лагеря в ОСЬВЕНЦИМ 12.2.45 был обнаружен ряд аппаратов для тщательной проверки противогазов, кислородных изолирующих приборов и других средств противохимической защиты.

Характер аппаратов указывает на то, что в ОСЬВЕНЦИМ находилась немецкая солидно оборудованная стационарная химическая лаборатория, где испытывались средства ПХЗ обслуживающего персонала лагерей, который производил уничтожение заключенных отравляющими веществами.

Для тщательной разведки района лагерей мной был направлен офицер фронтальной лаборатории инженер-майор ЛАВРУШИН, вошедший в состав Правительственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в качестве технического эксперта.

В результате 25-дневной работы получены следующие данные.

С 1941 г. и до момента подхода к ОСЬВЕНЦИМ частей Красной Армии немцы производили массовое истребление заключенных с помощью отравляющего вещества – синильной кислоты, входившей в состав препарата «ЦИК-ЛОН» (кизельгур, пропитанный синильной кислотой) в специально построенных газокамерах.

По минимальным подсчетам, в течение всего периода немцы уничтожили только этим способом около 4000000 людей.

В отделении РЕЙСКО существовала лаборатория, возглавлявшаяся тремя немецкими офицерами – специалистами в области химии и медицины (капитан Бруно ВЕБЕР, ст. лейтенант ДЕЛЬМОНТ и лейтенант Ганс МЮНХ).

Сотрудники лаборатории в количестве 51 человека состояли из заключенных ученых и производственников (преимущественно специалистов-химиков и медиков).

Среди различных работ, проводимых в лаборатории, отмечено широкое проведение различных экспериментов над людьми (искусственное оплодотворение, стерилизация, искусственные роды, прививание рака и др.).

ГАРФ. Ф.Р-7021. Оп.108. Д.36. Л.17-. Оригинал.

На тексте надпечатка: «Канцелярия нач. штаба фронта. Входящий № 249с. 18.3.1945) и резолюция: «Нач[альнику] Полит[ического] Управления. Ознакомьте с документом руководящий состав полит[ического] Управл[ения] фронта. Документ вернуть через пару дней. 18.3.45. Подпись [нрзб].»

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

Генерал-полковнику тов. Мехлис

РАСЧЕТЫ ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ КОЛИЧЕСТВА ЛЮДЕЙ,
УНИЧТОЖЕННЫХ НЕМЦАМИ В ЛАГЕРЕ ОСЬВЕНЦИМ

На основании следственных материалов можно установить, что немцы, тщательно заметая следы своих преступлений и злодеяний в концентрационном лагере Осьвенцим, уничтожили все документы и данные, по которым можно было бы более или менее точно установить количество людей, погибших в лагере от рук гитлеровских палачей.

Так, например, уничтожены немцами данные прибытия железнодорожных эшелонов с людьми в лагерь, уничтожены данные учета людей в лагере, уничтожены данные о количестве вывезенных из лагеря женских волос, очков, одежды и т.п. показателей, которые при использовании статистических методов исчисления могли бы пролить свет на фактическое количество погибших здесь людей. Несмотря на это, считаем возможным произвести расчет для определения порядка числа, характеризующего масштаб массового истребления немцами заключенных лагеря.

Для расчета выделяем наиболее характерные периоды:

Период 1 - конец 1941 г. - март 1943 г. - продолжительность 14 мес.

Период 2 - март 1943 г. - май 1944 г. - продолжительность 13 мес.

Период 3 - май 1943 г. - октябрь 1944 г. - продолжительность 6 мес.

В первом периоде функционировал крематорий № 1 и газовые камеры №№ 1 и 2 и костры при них.

Во втором периоде – крематории №№ 2, 3, 4 и 5. В третьем периоде – крематории №№ 2, 3, 4 и 5, газовая камера № 2 и костры при ней.

Начнем с третьего периода, когда в лагерь стали интенсивно прибывать эшелоны с людьми. В этот период немцы уже не удовлетворялись мощными крематориями №№ 2,3, 4 и 5. Они снова прибегли к газовой камере № 2 и кострам. Таким образом, очевидно, что крематории в это время полностью загружены. Допуская на весь этот период неравномерность работы и недогрузку крематориев в среднем в 10 проц[ентов], получаем коэффициент загрузки = 0,9. Пропускная способность крематориев №№ 2, 3, 4 и 5 в месяц 270.000, за шесть месяцев – $270.000 \times 6 = 1.620.000$, с учетом коэффициента 1.450.000.

Для определения процента загрузки крематориев во второй период мы не располагаем точными данными, однако можно исходить из того, что немцы не сооружали бы таких мощных установок, если бы не рассчитывали на их более или менее полное использование, поэтому во всяком случае крематории использовались не менее чем на 50 процентов. Принимая для этого периода коэффициент 0,5, имеем:

$$0,5 \times 270.000 \times 13 = 1750\ 000 \text{ человек.}$$

Принимая тот же коэффициент использования 0,5 для первого периода, имеем:

$$0,5 \times 9\,000 \times 14 = 63\,000 \text{ человек.}$$

Таким образом, немцами при помощи крематориев было уничтожено за все время не менее 3 263 000 человек.

Принимая в третьем периоде работы газовой камеры № 2 со средней нагрузкой только 50 процентов и ограничиваясь ее возможной пропускной способностью только в 3 000 человек в сутки, имеем

$$0,5 \times 90\,000 \times 6 = 270\,000 \text{ человек.}$$

Принимая, что в первом периоде эта газовая камера была загружена еще меньше, чем в третьем периоде, порядка 25 проц[ентов], и что такой же процент загрузки имела газовая камера № 1 – имеем

$$0,25 \times 305\,000 \times 14 = 525\,000 \text{ человек.}$$

Таким образом, при помощи отдельных газовых камер и костров немцами за все время было уничтожено не менее $270\,000 + 525\,000 = 795\,000$ человек, что в сумме с выше подсчитанными слагаемыми дает

$$3\,263\,000 + 795\,000 = 4\,000\,000 \text{ (округленно)}$$

как количество людей, которые по самым скромным подсчетам было немцами уничтожено в концентрационном лагере Осьвенцим за период его существования.

ПРОФЕССОР, ДОКТОР-ИНЖЕНЕР
ПРОФЕССОР, ДОКТОР-ИНЖЕНЕР
КАНДИДАТ ХИМИЧЕСКИХ НАУК,
ИНЖЕНЕР-МАЙОР
ИНЖЕНЕР-КАПИТАН

(ДАВИДОВСКИЙ)
(ДОЛИНСКИЙ)

(ЛАВРУШИН)
(ШУЕР)

ГАРФ. Ф.Р-7021. Оп.108. Д.36. Л.6-8. Оригинал.

<6>

АКТ

1945 года, февраля 14 – марта 8 дня, г. ОСЬВЕНЦИМ

Экспертная техническая комиссия в составе профессора доктора-инженера ДАВИДОВСКОГО Романа из города КРАКОВА, профессора доктора-инженера ДОЛИНСКОГО Ярослава из города КРАКОВА, кандидата химических наук инженер-майора ЛАВРУШИНА Владимира Федоровича и инженер-капитана ШУЕРА Абрама Моисеевича в результате детального изучения чертежей и документации, обнаруженных в концентрационном лагере ОСЬВЕНЦИМ, подробного исследования остатков взорванных крематориев и газовых камер, на основании следственных материалов, особенно показательный свидетелей из числа заключенных, работавших при газовых камерах и в крематориях, – установили:

В концентрационном лагере ОСЬВЕНЦИМ немцы организовали огромного размера комбинат массового уничтожения людей, преимущественно путем умерщвления отравляющим веществом «ЦИКЛОН» и последующего сожже-

ния в крематориях или на кострах. Из всех стран, оккупированных немцами, – Франции, Бельгии, Голландии, Югославии, Польши, Греции и др., – в ОСЬВЕНЦИМ прибывали эшелоны с людьми, предназначенными для уничтожения. Лишь незначительная часть наиболее здоровых, временно используемых как рабочая сила на военных заводах и как подопытные оставлялись в лагере для разного рода медицинских экспериментов, оставлялось в лагере для последующего уничтожения.

За период существования лагеря ОСЬВЕНЦИМ с 1940 г. по январь 1945 года в нем функционировали сверхмощные крематории, имевшие общим числом 62 отдельных реторты для сжигания трупов. При крематориях, а также отдельно от них в гигантских масштабах производилось отравление людей ядовитым газом в специально оборудованных и усовершенствованных газовых камерах. Наряду с этой совершенной техникой уничтожения людей, производилось сожжение трупов также в огромных количествах на специальных кострах. Здесь, в концентрационном лагере ОСЬВЕНЦИМ, немецкие мракобесы развивали и рационализировали способы и масштабы массового истребления людей.

Построенный в 1941 году первый крематорий на шесть реторт вскоре перестал удовлетворять аппетиты гитлеровских палачей, и небывалыми темпами проектируются и строятся в отделении лагеря в БИРКЕНАУ еще четыре крематория.

I. ТЕХНИКА ЛЮДОЕДОВ - ГАЗОВЫЕ КАМЕРЫ И КРЕМАТОРИИ.

а/ Крематорий № 1.

В начале 1941 г вступил в действие в отделении ОСЬВЕНЦИМ крематорий, называемый № 1. Крематорий имел две 2-ретортные печи, отапливаемые четырьмя коксовыми генераторами. В конце 1941 года (сентябрь, октябрь) в этом же помещении построена третья 2-х ретортная печь такого же типа, как и две первых. В каждую реторту одновременно загружалось 3-5 трупов, сжигание которых продолжалось полтора часа, а количество сжигаемых в сутки трупов достигало 300-350. При этом крематории существовала газовая камера, имевшая с обеих противоположных сторон газогерметические двери со смотровыми окошками и четыре плотно закрывающихся люка в потолке. Через эти люки забрасывался «ЦИКЛОН» для умерщвления людей.

Крематорий № 1 функционировал до марта 1943 года, просуществовав, таким образом, два года.

б/ Строительство новых крематориев.

После инспекторского посещения концлагеря ОСЬВЕНЦИМ летом 1942 г. рейхсфюрером СС ГИММЛЕРОМ, им было приказано расширить до гигантских размеров и технически усовершенствовать существовавшие устройства по отравлению и уничтожению людей (письмо от 3. 8.1942 г. за № 11450/ 42/ Ви/ГА/). Строительство мощных крематориев поручается фирме «ТЁПФ и СЫНОВЬЯ» в ЭРФУРТЕ. Сразу же после этого в отделении БИРКЕНАУ начинается строительство четырех крематориев, обозначенных на общем плане

лагеря (чертеж 2216) цифрами 2 и 3, 4 и 5. Из БЕРЛИНА требовали ускорения строительства крематориев и окончания всех работ в начале 1943 года (письмо из ОСЬВЕНЦИМА фирме «ТЕПФ и СЫНОВЬЯ» от 22.12.1942 года за № 20420/42/Ер/Л/), письмо от 12 февраля 1943г, письмо от 29 января 1943 года.

в/ Крематории №2 и № 3.

Крематории 2-3 являются одинаковыми (строительные планы № 932 и № 933 от 28.1.1942 года) и построены симметрично по обе стороны дороги. Осенью 1943 года там же был проведен железнодорожный подъездной путь, непосредственно примыкающий к крематориям и предназначенный только для подачи эшелонов с людьми прямо в крематорий. Кокс и другие материалы доставлялись автотранспортом. Каждая из 10 печей обоих крематориев была 3-х ретортная с двумя полугенераторными топками. В одну реторту загружалось от трех до пяти трупов, сжигание которых продолжалось от 20 до 30 минут. Таким образом, в 30 ретортах двух крематориев при полной загрузке сжигалось около 6000 трупов в сутки. Для форсировки хода печей, кроме естественной тяги были устроены дополнительные дымососные устройства. Производительность такого дымососа равнялась 10000 м³ в час отходящих печных газов. Однако эти дымососы работали недолго, так как при столь форсированной работе печей последние могли быстро выйти из строя. Поэтому дымососы были демонтированы и в дальнейшем пользовались только естественной тягой. Расход кокса на один крематорий составлял две тонны в сутки. В каждом крематории за дымоходом имелась еще одна печь, обозначенная на одном чертеже «Для сжигания мусора» (чертеж № 963 от 19.1.1942 г.), а на другом – «Для сжигания одежды» (чертеж № 932 от 28.1.1942 года). В этих печах, по показаниям свидетелей, сжигались малоценные вещи отравленных людей.

Крематорий № 2 функционировал с марта 1943 года по октябрь 1944 года, т.е. 1 год и 7 месяцев. Крематорий № 3 – с апреля 1943 года по октябрь 1944 года, т.е. всего 1 год и 6 месяцев.

Оба крематория 2 и 3 имели подземные помещения, именуемые на планах «Подвал для трупов», которые в действительности были предназначены для отравления людей газами.

Прибывающих из эшелонов людей немцы насильно направляли в подземные раздевалки, обозначенные на чертеже № 932 и № 933 («Подвал для трупов 2»). Раздевалка имела 50 метров длины, 7,9 метра ширины (площадь 395 м²) и 2,3м высоты (объем 910 м³). Второе подземное помещение, обозначенное «Подвал для трупов 1», длиной 30 м, шириной 7 м (площадь 210 м²) и высотой 2,4 м (объем 504 м³). На крыше этого помещения имелись четыре люка размером 45х45 см, расположенные в шахматном порядке, над ними выступала низкая труба высотой 30 см, которая герметически закрывалась слоем войлока и массивной бетонной крышкой. Внутри помещения от каждого люка и до самого пола располагались пустые внутри фальшивые колонны, поверхность которых была сделана из сетчатого железа. Кроме того, с потолка свисали фальшивые душевые распылители.

По данным следствия, эти помещения, т.е. «Подвал для трупов 1», в обоих крематориях являлись газовыми камерами для отравления людей газами.

В газовой камере была устроена приточно-вытяжная вентиляция. Вытяжной вентилятор имел мотор в 3,5 лошадиных силы и обладал производительностью 8.000 м³ в час. Нагнетающий вентилятор с мотором в 7,5 лошадиных сил обладал нагнетательной способностью 16.000 м³ воздуха в один час.

При значительном уплотнении людей, принимая 10 чел/ м², в такую камеру могло вместиться одновременно 2000-2100 человек.

г/ Крематории № 4 - № 5.

Крематории 4-5 имели каждой по одной 8-миретортной печи (всего 16 реторт). Эти крематории построены в отделении БИРКЕНАУ на расстоянии 750 метров от вышеописанных крематориев № 2 и № 3 и расположены симметрично. В каждую реторту загружалось от 3 до 5 трупов, сжигание которых продолжалось 30-40 минут. Таким образом, в 16 ретортах этих двух крематориев, при полной их загрузке сжигалось порядка 3000 трупов в сутки.

Крематорий № 4 функционировал с конца марта 1943 г. по август 1944 года, т.е. один год и пять месяцев. Крематорий № 5 работал с мая 1943 года по январь 1945 года, т.е. всего один год и 8 месяцев, в том числе 1 год 6 месяцев с отравлением людей газом, т.к., по данным следствия, немцы после октября 1944 года прекратили в отделении БИРКЕНАУ работу газовых камер и стали проводить мероприятия по разборке газовых камер и крематориев. При крематориях № 4-5 была пристройка длиной около 20 м, шириной 12 м, всего 240 метров в квадрате. Внутри пристройка эта была стенами разделена на три отделения, каждое из которых было газовой камерой. Для забрасывания «ЦИКЛОНА» в наружных стенах газовой камеры на высоте около двух метров были устроены люки с решетками, закрывающиеся герметически крышками. Через эти люки забрасывался в камеру «ЦИКЛОН». В каждой газокамере имелось по две герметически закрывающиеся двери. Газовые камеры разделялись коридором от помещения раздевалки, равного по площади газовым камерам, вместе взятым.

Характерно, что в официальной переписке немцы газовые камеры называли «Банями особого назначения» (письмо № 12115/42/Ер/Га. от 21.8.48 г.)

II. СЖИГАНИЕ ТРУПОВ НА КОСТРАХ.

а) Газовая камера № 1 с кострами.

Вскоре после пуска газовой камеры при первом крематории осенью 1941 года, устраиваются в лесу, на некотором отдалении от лагеря БИРКЕНАУ еще две газовые камеры. Первая газовая камера, размером 8x10 м с общей площадью 80 м² имела двери для входа и выхода. На входных дверях с внешней стороны была надпись на немецком языке «Для дезинсекции», а на выходных дверях с внутренней стороны «Для купания». Возле дверей и боковой стены были устроены люки для забрасывания «ЦИКЛОНА». Кроме того, имелось два деревянных барака стандартного образца, предназначенные для раздевания. Такая камера при насильственных способах уплотнения людей, применяемых немцами, вмещала до 800-1000 человек одновременно.

Принимая, что на раздевание, отравление людей и выгрузку трупов из камер, по данным следственных материалов, немцами затрачивалось 5-7 часов, следует, что в течение суток можно было провести три таких операции. Таким образом, при полной загрузке немцы с помощью газовой камеры № 1 могли отравить в сутки не менее 2500 человек.

Пятью вагонетками по узкоколейке трупы отвозились к четырем канавам, длиной 25х30 м, шириной 4-6м и глубиной 2 м, где они укладывались послойно с дровами и сжигались. Данная газовая камера и костры при ней действовали около полутора лет и были ликвидированы немцами в марте-апреле 1943 года.

б/ Газовая камера № 2 с кострами.

Вторая газовая камера была размером 9х11 м с общей площадью 100 м². Устроена она была по типу газовой камеры № 1. Немцы при полной загрузке отравляли в этой газовой камере 3000 человек, принимая за исходные те же расчетные данные, что и для первой газовой камеры.

Четырьмя вагонетками по узкоколейке трупы отвозились к кострам, количество которых в разное время было от 4 до 6. Работа во второй газовой камере и на кострах при ней прекращалась в апреле 1943 года, затем снова была возобновлена в мае 1944 года и продолжалась до октября 1944 года. Таким образом, эта газовая камера и костры при ней функционировали в общей сложности один год и десять месяцев.

в/ Костры при крематории № 5.

С мая до октября 1944 года в крематории № 5 были остановлены печи, и трупы отравленных людей сжигали на трех кострах, расположенных на территории крематория.

г/ Отдельная газовая камера.

В отделении ОСЬВЕНЦИМ, возле главной котельной центрального отопления, также обнаружена газовая камера. На герметического устройства дверях помещалась надпись на немецком языке - «Ядовитый газ». При входе в помещение «Опасно для жизни». Камера размером 16 х 8,7 х 3 м без окон, с тремя пропеллерными вентиляторами, имеющими плотно закрывающиеся крышки с войлочными прокладками. У стен находятся три комнатных печи, отапливаемые с внешней стороны здания. Эта камера использовалась для дезинфекции одежды, а также и для умерщвления людей, как это имело место в августе 1944 года, когда газами были отравлены 200 человек из особой команды по обслуживанию крематориев, периодически уничтожаемых с целью устранения свидетелей чудовищных преступлений немцев.

III. ПРОЦЕСС МАССОВОГО ОТРАВЛЕНИЯ НЕМЦАМИ ЛЮДЕЙ В ЛАГЕРЕ ОСЬВЕНЦИМ

После исследования остатков взорванных крематориев, раскопок костров и на основании следственных материалов, техническая экспертиза установила

методы и способы умерщвления немцами людей отравляющими веществами, в частности, «ЦИКЛОНОМ».

Подобно тому, как это принято в промышленности, немцы подвели подъездные железнодорожные пути непосредственно к месту сосредоточения крематориев. По этим путям эшелоны с людьми, предназначенными для уничтожения, подавались на разгрузочную рампу при крематории. В них находилось по 2-3 тысячи человек. Таких эшелонов в отдельные периоды поступало до пяти и более в сутки. Здесь же на рампе происходил первый отбор наиболее трудоспособных людей для направления их в лагерь, а остальные направлялись в крематории, под предлогом необходимости прохождения бани и дезинфекции. Отбор производили немецкие врачи. Люди, предназначенные в лагерь, шли в баню, находившуюся неподалеку от крематория, где производилась дополнительная выборка из раздевшихся донага людей. Здесь для уничтожения отбиралась еще часть людей. Однако, сплошь и рядом, люди из эшелонов полностью попадали в крематории. Почти целый эшелон в несколько тысяч человек направляли в раздевалку, при входе в которую имелась надпись «Баня и дезинфектор». Из раздевалки голых людей гнали в газовую камеру. В газовых камерах СС-овцы уплотняли людей при помощи собак и дубинок. После заполнения людьми закрывались газогерметические двери и затем через специальные люки всыпали внутрь газовой камеры «ЦИКЛОН». Вскрытие коробок «ЦИКЛОНА» при помощи специального ключа, забрасывание его в газовые камеры и последующее закупоривание люка производил СС-овец в противогазе. Смерть наступала в течение первых 3-8 минут, но для полной гарантии экспозиция выдерживалась до 20 минут, после чего проветривали газовую камеру и выгружали трупы, которые находились в стоячем положении.

У трупов, извлеченных из газовых камер, вынимали золотые зубы, снимали перстни, серьги, часы и женщинам стригли волосы. Все это собиралось в специальные ящики. После этого трупы сжигались в крематориях или на кострах. Пепел от сожжения трупов немцы вначале закапывали в землю, а затем, стремясь замести следы своих преступлений, пепел вывозили и выбрасывали в реки ВИСЛА и СОЛА.

По данным следствия и вещественным доказательствам, обнаруженным в лагере ОСЬВЕНЦИМ: химико-аналитического прибора для определения синильной кислоты в воздухе, двух дверных ключей с биркой «ЦИКЛОН», ящиков с «ЦИКЛОНОМ» и пустых банок из-под «ЦИКЛОНА» следует, что немцы в газовых камерах применяли для массового уничтожения людей «ЦИКЛОН». В связи с этим приводим некоторую характеристику его свойств и действия на человека.

При производстве «ЦИКЛОНА» для целей дезинфекции к нему прибавляют раздражающие вещества, дабы исключить возможность случайного отравления. Об этом имеется указание в технической литературе, как, например, в книжке профессора ГЕРГАРДТА «Основы фармакологии и токсикологии», стр. 311, 1944 год, Мюнхен.

Найденный в лагере «ЦИКЛОН» и тара от него был без этих примесей, о чем написано на этикетке банок. «Осторожно. Без предостерегающего вещества». Обнаружены банки разных размеров с обозначением на этикетке 500, 1000 и 1500 гр. содержания синильной кислоты. «ЦИКЛОН» представля-

ет собой кусочки кизельгура (или другой пористой массы), пропитанные синильной кислотой. Синильная кислота - легко подвижная жидкость, кипящая при 27°С. Смертельная концентрация для человека - 0,2-0,3 гр. на куб. мтр. Действие общедавитое и проявляется моментально. Коробка «ЦИКЛОНА» с содержанием, например, 500 гр. синильной кислоты достаточно для создания смертельной концентрации 1700 куб. мт. объема воздуха.

IV. ДАННЫЕ О РАБОЧЕЙ СИЛЕ ПО ОБСЛУЖИВАНИЮ КРЕМАТОРИЕВ, ГАЗОВЫХ КАМЕР И КОСТРОВ.

Для обслуживания крематориев, газовых камер и костров немцы создали специальную команду – «Зондеркомmando» – из заключенных лагеря. За период существования лагеря число таких рабочих колебалось от 200 до 1000 человек. Так, с марта-апреля 1943 г. было в зондеркомmando всего 400 человек. Они распределялись по крематориям следующим образом:

В крематориях № 2–3	240 человек
В крематориях № 4–5	120 человек
Вольных и на разных работах	40 человек

В феврале 1944 года осталось 180 человек. В мае 1944 года добавили до 1000 человек, так как с этого времени при крематории № 5 стали сжигать трупы в кострах, была восстановлена и пущена отдельная газовая камера № 2 и костры при ней. Указанные 1000 человек «зондеркомmando» были распределены для работы следующим образом:

Крематорий № 2	120 человек (по 60 чел. в смену)
Крематорий № 3	120 человек
Крематорий № 4	60 человек
Крематорий № 5	300 человек
Отдельная газовая камера № 2 и костры при ней	300 человек

В каждом из крематориев № 2-3 работало две смены рабочих по 12 часов каждая. В одну смену было обычно до 60 человек, при форсированной работе немцы увеличивали число рабочих. По выполняемой работе они распределялись следующим образом:

1	Уборка вещей, оставшихся в раздевалке, погрузка их на автомашины, уборка помещения	15 чел.
2	Выгрузка из камеры трупов и подноски их к т.н. подъемнику	15 чел.
3	Укладка на подъемник	2 чел.
4	Парикмахеры (стрижка женских волос с трупов)	4 чел.
5	Дантисты (удаление золотых зубов у трупов)	2 чел.
6	Для обслуживания генераторов	2 чел.
7	Обслуживание подъемника для трупов	2 чел.
8	Уборка трупов с подъемника	2 чел.
9	Подноска трупов к муфелям (ретортам)	2 чел.
10	Загрузка в муфеля (две группы по 5 человек)	10 чел.
11	Помощник надсмотрщика	4 чел.

В крематориях № 4-5 работало в смену при нормальной работе по 30 человек. На все 4 крематория было, кроме этого, по 3 человека золотых дел мастеров, которые переплавляли золотые зубы.

V. ПРОПУСКНАЯ СПОСОБНОСТЬ КРЕМАТОРИЕВ, ГАЗОВЫХ КАМЕР И КОСТРОВ

Пропускная способность крематориев, газовых камер и костров в ОСЬВЕНЦИМЕ неизменно возрастала, и ее динамика выражается в следующем:

а/ До марта 1943 года функционирует крематорий № 1, при суточной производительности 300 трупов, имел пропускную способность $300 \times 300 = 90000$ в месяц. Тогда же функционировали газовые камеры №1 и 2 с кострами с общей пропускной способностью не менее 5 000 человек в сутки, или в месяц $5000 \times 30 = 150\ 000$ чел.

б/ От марта 1943 года до 1 мая 1944 года функционировали крематории № 2,3,4 и 5 общей пропускной способностью 9000 трупов в сутки, или 270000 в месяц.

в/ От мая до октября 1944 года кроме указанных четырех крематориев работала газовая камера № 2 с кострами, что увеличивало общую пропускную способность до 12 000 в сутки или 360 000 в месяц.

VI. НЕМЦЫ УНИЧТОЖИЛИ В ОСЬВЕНЦИМЕ МИЛЛИОНЫ БЕЗВИННЫХ ЛЮДЕЙ

Тщательно замечая следы своих преступлений, немцы принимали все меры к тому, чтобы скрыть все данные, могущие показать миру количество уничтоженных ими в ОСЬВЕНЦИМЕ ни в чем не повинных людей. Однако сооруженная ими в ОСЬВЕНЦИМЕ мощная техника уничтожения изобличает палачей в том, что здесь были отравлены и сожжены миллионы людей.

Только по одним крематориям за все время их существования немцы могли уничтожить:

Наименование	Продолжительность существования (в месяцах)	Пропускная способность (трупов в 1 месяц)	Пропускная способность (трупов за весь период существования)
Крематорий № 1	24	9000	216 000
Крематорий № 2	19	90 000	171 000
Крематорий № 3	18	90 000	161 800
Крематорий № 4	17	45 000	765 000
Крематорий № 5	18	45 000	81 000

При учете применения немцами в широких масштабах костров для сжигания трупов общая пропускная способность существовавших в концлагере ОСЬВЕНЦИМ и находящихся в распоряжении гитлеровских палачей сооружений для уничтожения людей выразится в значительно большем размере. Гитлеровские заправилы, совершенствуя и рационализируя свою людоедскую технику, ускоренными темпами сооружая в ОСЬВЕНЦИМЕ все новые и новые крематории, успели эту технику использовать в значительной степени.

Базируясь на следственных данных, можно установить, что немцами за период существования лагеря ОСЬВЕНЦИМ было уничтожено не менее 4 миллионов человек, и вполне вероятно, что фактическое количество людей, погибших здесь от руки немецких палачей, достигло еще более потрясающих масштабов.

ВЫВОДЫ:

1. Немецко-фашистские мракобесы, одержимые идеей истребления народов, в концентрационном лагере ОСЬВЕНЦИМ построили гигантский комбинат массового уничтожения людей.

2. За период существования лагеря – с 1940 года по январь 1945 года – функционировало пять крематориев на 52 реторты с производительностью около 270 000 трупов в месяц.

3. При каждом крематории была своя газовая камера, где происходило отравление безвинных людей отравляющим газом «ЦИКЛОН». Производительность газовых камер значительно превышала пропускную способность печей и обеспечивала самую предельную нагрузку при работе крематориев.

4. Кроме того, существовали отдельно две газовых камеры, при которых немцы сжигали трупы на грандиозных кострах. Обе эти газовые камеры имели пропускную способность не менее 150 тысяч человек в месяц.

5. Немецко-фашистские людоеды в концентрационном лагере ОСЬВЕНЦИМ, по самым скромным подсчетам, отравили в газовых камерах и сожгли в крематориях и на кострах не менее 4 миллионов человек.

ПРОФЕССОР, ДОКТОР-ИНЖЕНЕР	(ДАВИДОВСКИЙ)
ПРОФЕССОР, ДОКТОР-ИНЖЕНЕР	(ДОЛИНСКИЙ)
КАНДИДАТ ХИМИЧЕСКИХ НАУК, ИНЖЕНЕР-МАЙОР	(ЛАВРУШИН)
ИНЖЕНЕР-КАПИТАН	(ШУЕР)

Верно: пом. Нач. химотдела 4 Укр. фронта по разведке гвардии майор Реутов

ГАРФ. Ф.Р-7021. Оп.108. Д.36. Л.19-28. Заверенная копия.

ВЫДЕРЖКА ИЗ СООБЩЕНИЯ ЧГК «О ЧУДОВИЩНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ
ГЕРМАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОСВЕНЦИМЕ»¹

8 мая 1945 г.

<...>

Гитлеровские бандиты убили в Освенциме более 4 миллионов человек

Тщательно заметая следы своих чудовищных преступлений в Освенциме, немцы перед своим отступлением старательно уничтожали все документы, могущие показать всему миру точное количество людей, уничтоженных ими в Освенцимском лагере. Но сооруженная немцами в лагере мощная техника человекоубийства, показания освобожденных Красной Армией узников Освенцима, показания 200 опрошенных свидетелей, отдельные найденные документы и другие вещественные доказательства достаточно изобличают немецких палачей в том, что в Освенциме ими уничтожены, отравлены и сожжены миллионы людей. Только по пяти крематориям (52 реторты) за время их существования немцы могли уничтожить:

Номер крематория	Продолжительность существования крематория (в месяцах)	Пропускная способность крематория по сожжению трупов (в один месяц)	Пропускная способность за весь период существования
№ 1	24	9.000	216 000
№ 2	19	90.000	1 710 000
№ 3	18	90.000	1 620 000
№ 4	17	45.000	765 000
№ 5	18	45.000	810 000
ВСЕГО		279.000	5 121 000

Учитывая применение немцами в широких масштабах костров для сожжения трупов, общая пропускная способность сооружений для убийства людей в Освенциме должна быть значительно повышена.

Однако, применяя поправочные коэффициенты на недогрузку крематориев, на отдельные простои их, техническая экспертная комиссия установила, что за время существования Освенцимского лагеря немецкие палачи уничтожили в нем **не менее 4 миллионa граждан СССР, Польши, Франции, Югославии, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Болгарии, Голландии, Бельгии и других стран.**

<...>

¹ О чудовищных преступлениях германского правительства в Освенциме. Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. // Красная Звезда. 8.5.1945.

То же — отдельной брошюрой: Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. О чудовищных преступлениях германского правительства в Освенциме. М.: ОГИЗ, 1945. 34 с. Подписано в печать 6 июня 1945 г. Тираж 50 0000 экз. (2-е изд.: Ульяновск, 1945. 24 с.)

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Аушвиц-I — базовый лагерь концлагеря Аушвиц
- Би-Би-Си — государственное английское радио (от BBC — British Broadcasting Corporation).
- ВВС — Военно-воздушные силы.
- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Москва.
- ГУПВИ — Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР.
- ЙИВО — Йидише висншафтлехе организацие (позднее переименован в Йидишер Висншафтлехер Институт (Еврейский научный институт), Вильно — Нью-Йорк.
- к/л — концлагерь.
- К-I, К-II, К-III, К-IV и К-V — Крематории I, II, III, IV и V (только в Приложениях 2 и 3).
- РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории. Москва.
- РГВА — Российский государственный военный архив. Москва.
- РСХА — Имперская главная служба безопасности (RSNA, или Reichssicherheitshauptamt).
- СД — Служба безопасности при СС (SD, или Sicherheitsdienst der SS).
- СС — Охранные отряды национал-социалистической рабочей партии Германии (SS, или Schutzstaffel der NSDAP).
- ТАСС — Телеграфное агентство Советского Союза.
- ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны РФ. Подольск.
- ЦВММ — Военно-медицинский музей Министерства обороны РФ. Санкт-Петербург.
- ЧГК — Чрезвычайная государственная комиссия при Совнаркоме СССР по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба. Москва.
- Яд Вашем — Национальный мемориал Катастрофы и героизма еврейского народа. Иерусалим.
- АРМАВ — Archiv Panstwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau, Oświęcim, Polska (Архив Государственного музея Аушвиц-Биркенау. Освенцим, Польша).
- АРММ — Archiv Panstwowe Muzeum Majdanek. Lublin, Polska (Архив Государственного музея Майданек. Люблин, Польша).
- НvA — НvA (Oświęcim).
- ИfZ — Institut für Zeitgeschichte, München (Институт новейшей истории, Мюнхен).
- YIVO — см. ЙИВО.
- YVA — Yad Vashem archive, Jerusalem (Архив Яд Вашема, Иерусалим).
- ŻIH — Żydowski Instytut Historyczny, Warszawa (Институт еврейской истории, Варшава).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА*

Абкович И. № 77722, пепел Освенцима // Последние свидетели. М.: Фонд «Ковчег», 2002. С. 10–22.

Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008.

Документы обвиняют. Холокост: свидетельства Красной Армии / Сост.: Ф. Д. Свердлов. М.: Центр «Холокост», 1996. 130 с.

Забочень М. С. Антифашистское подполье Освенцима // Новая и новейшая история. 1965. № 3. С. 108–123.

Кацнельсон И. Сказание об истребленном народе / Пер. Е.Г.Эткинда под редакцией Ш.Маркиша. М.: Языки русской культуры. 2000. 240 с.

Кловский Д. Дорога из Гродно. Самара, 1994. 432 с.

Лагерь советских военнопленных в Беларуси 1941–1944. Справочник. Минск, 2004.

Макарова Е., Макаров С., Неклюдова Е., Куперман В. Крепость над бездной. Терезинские дневники. 1942–1945. Иерусалим — Москва: Гешарим — Мосты культуры, 2003.

Отрицание отрицания, или битва под Аушвицем. Дебаты о демографии и геополитике Холокоста / Сост.: А. Кох, П. Полян. М.: Три квадрата, 2008. 388 с.

Обреченные погибнуть. Судьба советских военнопленных-евреев во Второй мировой войне. Воспоминания и документы / Сост. П. Полян и А. Шнеер. М.: Новое издательство, 2006. 576 с.

Петренко В. До и после Освенцима. М.: Фонд «Холокост», 2000. 160 с.

Полонская А. От переводчика // Ab Imperio. 2012. № 3. С. 245–246.

Полян А. От переводчика // Залмен Градовский. В сердце вине ада. Рукописи, найденные возле печей Освенцима. 2-е изд. М., 2011. С. 9–10.

Полян П.М. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные и их репатриация. М.: Ваш выбор ЦИРЗ, 1996. 442 с.

Полян П.М. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и не родине. М.: РОССПЭН, 2002. 898 с.

Полян П. Между Аушвицем и Бабьим Яром. Размышления и исследования о Катастрофе. М.: РОССПЭН, 2010. 584 с.

Полян П. И в конце тоже было слово... // Залман Градовский. В сердце вине ада. Рукописи, найденные возле печей Освенцима. 2-е изд. М., 2011. С. 12–53.

Рольникайте М. Я должна рассказать... Екатеринбург: Гонзо, 2012. 576 с.

* Издания текстов членов зондеркоммандо на различных языках собраны и частично проаннотированы в *Приложении 4*.

- Скобло В.* На уцелевшем челне. М.: Новый хронограф, 2006.
- Собибор* / Сост. С.С. Виленский, Г.Б. Горбовицкий, Л.А. Терушкин. М.: Возвращение, 2008. 263 с.
- Сохрани мои письма...* Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. / Сост. И. Альтман, Л. Терушкин. М., 2007.
- Сталинские депортации. 1928–1953. Документы* / Сост.: Н. Поболь и П.Полян. М.: Материк — Фонд Демократия, 2005. 904 с.
- Терлецкая Д.* От переводчика // Новый мир. 2012. № 5. С. 165–166.
- [Хаузнер Г.] 6 000 000 обвиняют. Речь израильского генерального прокурора на процессе Эйхмана. [Иерусалим] Библиотека Алия, 1989.
- Фашизм — гетто — массовые убийства.* Документы об уничтожении и сопротивлении евреев в Польше во время Второй мировой войны. Берлин, 1960.
- Холокост на территории СССР.* Энциклопедия / Гл. ред.: И. А. Альтман. М., 2009. 1143 с.
- Цирульницкий М.* Двадцать шесть месяцев в Освенциме // Черная книга о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941–1945 гг. / Сост. под ред. В.Гроссмана и И.Эренбурга. Вильнюс, 1993. С. 451–460.
- Чехановер М.* По кровавым дорогам. Маков-Мазовецкий. Тель Авив, 1969.
- [Айгер Егошуа [Ишаягу]. Сопротивление в Аушвице-Биркенау // Fom letzten khurban [О последнем уничтожении]. München. 1948. Nr.10. S. 70–75 (на идише).
- Adler H. G.* Theresienstadt 1941–1945. Göttingen, 2005.
- America and the Holocaust.* The Abandonment of the Jews. Vol. 12. Bombing Auschwitz and the Auschwitz Escapees Report / Ed. D.S. Wyman. New York and London: Garland Publishing Inc., 1990.
- Der Aufstand des Sonderkommandos im Auschwitz-Birkenau.* Dossier zum 50. Jahrestag des jüdischen Sonderkommandos in Auschwitz-Birkenau. Frankfurt am Main, Oktober 1994. 37 s.
- August J.* Der Transport von 575 Häftlingen des KL Auschwitz nach Sonnenstein (28. Juli 1941). Rekonstruktion einer vernichtenden Transportliste // HvA. Heft 24. 2009. S.125–190.
- Auschwitz — «Direkt von der Rampe weg...».* Kaduk, Erber, Klehr: Drei Täter geben zu Protokoll / Hrsg. von E. Demant E.. Rowohlt, 1979. 142 s.
- Auschwitz-Prozess 4 Ks 2/63 Frankfurt am Main* / Hg. Von I. Wojak. Im Auftrag von Fritz-Bauer Institut, Frankfurt am Main. Anlässlich der Ausstellung „Auschwitz-Prozess 4 Ks 2/63 Frankfurt am Main“ vom 27. März bis 23. Mai 2004im Haus Gallus, Frankfurt am Main. Köln: Snoeck, 2004. 872 s.
- Baum B.* Widerstand in Auschwitz. Bericht der internationalen antifaschistischen Lagerleitung. Berlin: Kongress-Verlag, 1962. 111 s.

Berkhoff K. "Total Annihilation of the Jewish Population". The Holocaust in the Soviet Media, 1941-45 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Winter 2009. No 1. P.79–94.

Bezwinska J., Czech D. Vorwort // *Handschriften von Mitgliedern des Sonderkommandos*. 1972. S.5–17.

Bowman S.B. The Greeks in Auschwitz // *Fromer R.* The Holocaust Odyssey of Daniel Bannahmias, Sonderkommando. Tuscaloosa and London: University Press of Alabama, 1993. 184 p.

Brandhuber J. Die sowjetische Kriegsgefangene in Konzentrationslager Auschwitz // *HvA*. 1961. Nr. 4. S.5–62.

Breitman R. Auschwitz partially decoded // Holocaust critical concepts in historical studies / Ed.: D.Cesarini. Vol. 5. Responses to the Persecution and Mass Murder of the Jews. London, New York: Routledge, 2004. P.185–194.

Briefe aus Litzmannstadt / Hrsg. von Janusz Gumkowski, Adam Rutkowski und Arnfried Astel. Köln: F.Middelhaue, 1967. 134 s.

Čapkova K. Das Zeugnis von Salmen Gradowski // *Theresienstädter Studien und Dokumente*. 1999. Prag, 1999. S.105–111.

Ceglowska T. Strafkompagnien in KL Auschwitz // *HvA*. 1985. Nr. 17. S.157–203.

Cohen L. From Greece to Birkenau: the Crematoria workers' uprising. Tel Aviv, The Salonika Jewish Research Center, 1996. 107 p.

Crankshaw E. Die Gestapo. Berlin, 1959.

Czech D. Deportation und Vernichtung der griechischen Juden in KL Auschwitz // *HvA*. 1970. Nr.11. S. 5–39.

Czech D. Kalendarium der Ereignisse im Konzentrationslager Auschwitz/Birkenau 1939–1945 / Vorwort Walter Laqueur. Reinbeck bei Hamburg: Rowohlt, 1989. 1059 s.

Dawidowicz L. S. The War against the Jews, 1933-1945. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1975. 460 s.

Diamant D. 250 combattants de la résistance témoignent. Paris: Éditions l'Harmattan, 1991. P. 322–325

Evans J. The Nazi New Order in Poland. London, 1941.

Friedler E., Slebert B., Killian A. Zeugen aus der Todeszone. Das jüdische Sonderkommando in Auschwitz [1. Auflage]. Lüneburg: zu Klampen, 2002. 309 s.

Friedler E., Slebert B., Killian A. Zeugen aus der Todeszone. Das jüdische Sonderkommando in Auschwitz. 3. Auflage. München: Deutscher Taschenbuchverlag, 2008. 416 s.

Fromer R. The Holocaust Odyssey of Daniel Bannahmias, Sonderkommando / Introduction Stewen B. Bowman. Tuscaloosa and London, University of Alabama Press, 1993.

Fuchs H. L. The Heavenly Lodz. Tel Aviv: Y.L. Peretz Press, 1972 (на иврите).

Garlinski J. Fighting Auschwitz. The resistance movement in the concentration camp. London, 1975. 324 p.

Gerlach C., Götz A. Das letzte Kapitel. Der Mord an den ungarischen Juden. Stuttgart, 2001.

German extermination camps — Auschwitz and Birkenau. Washington, 1944. 59 p.

Gilbert M. Atlas of the Holocaust. London, Rainbrd Publishing Group, 1982. 256 p.

Gradowski Z. Pamiętnik / Предисловие и примечания: Bernard Mark. O pamiętniku Zalmena Gradowskiego, członka Sonderkommando w obozie koncentracyjnym Oświęcim. Подготовка текста: Edwarda Mark // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego. Warszawa, lipiec — grudzien 1969. Nr.71–72. P. 172–204.

Greif G. Die moralische Problematik der «Sonderkommando»-Häftlinge // Die nationalsozialistischen Konzentrationslager. Entwicklung und Struktur. Bd.II. Göttingen, Wallstein Verlag, 1998. Bd. I. S.1023–1045.

Greif G. «Wir weinten tränenlos... » Augenzeugenberichte der jüdischen «Sonderkommandos» in Auschwitz. Frankfurt am Main, 1999. 384 s.

Das “Großdeutsche Reich” und die Juden: nationalsozialistische Verfolgung in den “angegliederten” Gebieten / W. Gruner, J.Osterloh (Hg.). Frankfurt am Main [u.a.]: Campus-Verlag, 2010. 440 s.

Grynberg M. Żydzi w reencji ciechanowskiej 1939–1942. Warsaw, 1984. 201 p.

Gutman I. Der Aufstand der Sonderkommando // Auschwitz. Zeugnisse und Berichte. / Hg. von H.G.Adler, H.Langbein, E.Lingens-Reiner. 2. Auflage. Köln — Frankfurt-am-Main: Europäische Verlagsanstalt, 1979. S.273–279.

Halvini T. The Birkenau Revolt: Poles prevent a Timely Insurrection // Jewish Social Studies. Vol.51, No.2. 1979. P.123–154.

Hilberg R. Die Vernichtung der europäischen Juden, die Gesamtgeschichte des Holocaust, Berlin, 1982.

Hilberg R. Der Vernichtungskrieg der europäischen Juden. Bd.1-3. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuchverlag, 1999. 1351 s.

[*Höss R.*] Kommandant in Auschwitz. Autobiographische Aufzeichnungen von Rudolf Höß. / Eingeleitet und kommentiert von Martin Broszat. Veröffentlichungen des Instituts für Zeitgeschichte. Stuttgart: Deutsche Verlag-Anstalt, 1958. 184 s. (Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte. Bd.5)

In Honor of Alla Gertner, Róża Robota, Regina Safirztajn, Ester Wajcblum. Martyred Heroines of Jewish Resistance in Auschwitz, executed on January 5, 1945. [Место и время издания не указаны] [Wyd. A.Heilman, 1992]. 162 p.

Inmitten des grauenvollen Verbrechens: Handschriften von Mitgliedern des Sonderkommandos. HvA. Sonderheft 1. Oświęcim: Verlag Staatliches Auschwitz-Museum. 1972. 220 s.

Inmitten des grauenvollen Verbrechens: Handschriften von Mitgliedern des Sonderkommandos. HvA. Sonderheft 1. Oświęcim: Verlag Staatliches Auschwitz-Museum. 1996. 287 s.

Jankowski S. Aussage // *Handschriften von Mitgliedern des Sonderkommandos*, 1972. S.32–71.

Iwaszko T. Häftlingsfluchten aus dem Konzentrationslager Auschwitz // *HvA*. 1990. Nr.18. S. 147-181.1964. Nr.7. S. 3–70.

Jacobsen H.-A. Kommissarenbefehl und Massenexekutionen sowjetischer Kriegsgefangener // *Anatomie des SS-Staates*. Berlin; Freiburg; Olten, 1967. Bd 2. S.137–231.

Jagoda Z., Klodziński S., Masłowski J. „Bauernfuss, goldzupa, himmelautostrada“. Zum „Krematoriumsesperanto“, der Sprache polnischer KZ-Häftlinge // *Die Auschwitz-Hefte*. Texte der polnischen Zeitschrift „Przegląd Lekarski“ über historische, psychische und medizinische Aspekte des Lebens und Sterbens in Auschwitz. Bd.2. Hamburg: Beltz, 1987. S.241–258.

Jarosch B. Les organisations de la résistance et leur activité et à l'extérieur du camp // *Piper F. et Świebocka T.* (Ed.). *Camp de concentration et d'extermination*. Oświęcim, 1994.

Jewish creativity in the Holocaust. Exhibition of Jewish Creativity in the Ghettos and Camps under Nazi Rule, 1939-1945 / Ed.: Y. Kermiez, Y. Szeintuch. Jerusalem, 1979.

Jezierska M. E. Archeologia oświęcimska // *Tygodnik Powzsechny*. 1963. No. 5. 3 Februar. S. 1–2.

Kádár G., Vági Z. Self-financing genocide. Central European University Press, Budapest, 2004.

Kagan R. Die letzten Opfer des Widerstandes // *Auschwitz*. Zeugnisse und Berichte. Köln — Frankfurt-am-Main: Europäische Verlagsanstalt, 1979. S.220–222.

Karny M. Die Studien und Dokumente 1995. Prag, 1999. S.157–183.

KL Auschwitz in den Augen der SS: Höß, Broad, Kremer / Hg. von J. Bezwinska und D. Czech. Oświęcim: The Auschwitz-Birkenau State Museum, 1973. 337 s.

Kielar W. Edek und Mala // *HvA*. 1962. Nr.5. S.121–132.

Kielar W. Anus Mundi: fünf Jahre Auschwitz / Vorwort: M. Kieta. Frankfurt-am-Main: S. Fischer, 1979. 419 s.

Kilian A. Der Aufstand der Verlorenen. Teil 1: In tiefster Verzweiflung, tragischer Hilflosigkeit und ungebrochenem Überlebensdrang (Neue Forschungsergebnisse und Erkenntnisse zur Vorgeschichte des legendärsten Häftlings-Aufstands im Vernichtungslager Auschwitz-Birkenau, März 1943-August 1944) // *Mitteilungsblatt der Lagergemeinschaft Auschwitz — Freundeskreis Auschwitz*. 2002, Jg. 22. H. 2. S.14–28.

Kilian A. Der Aufstand der Verlorenen. Teil 2: Endstation Hoffnungslosigkeit: Ein Akt des letzten Augenblicks (Neue Forschungsergebnisse und Erkenntnisse zu Vorgeschichte und Ablauf des legendärsten Häftlings-Aufstands im Vernichtungslager Auschwitz-Birkenau, August 1944-Oktober 1944) // *Mitteilungsblatt der Lagergemeinschaft Auschwitz, Freundeskreis der Auschwitz*. 2003a. 23.Jg., H.1. S. 16–29.

Kilian A. Der Aufstand der Verlorenen. Teil 3: Gespaltene Reaktion - Häftlingsverhalten zwischen Eskalation und Resignation (Neue Forschungsergebnisse und Erkenntnisse zur Geschichte des legendärsten Häftlings-Aufstands im Vernichtungslager Auschwitz-Birkenau, Oktober/November 1944) // Mitteilungsblatt der Lagergemeinschaft Auschwitz, Freundeskreis der Auschwitziter. 2003b. 23.Jg. H.2. S.16–26.

Kilian A. „...so dass mein Gewissen rein ist und ich am Vorabend meines Todes stolz darauf sein kann.“ „Handlungsräume“ im Sonderkommando Auschwitz // R. Gabriel, E. Mailänder- Kosslov, M. Neuhofer, E. Rieger (Hg.): Lagersystem und Repräsentation. Interdisziplinäre Studien zur Geschichte der Konzentrationslager. Studien zum Nationalsozialismus. Bd. 10. Tübingen 2004, S.119–139.

Klein P. Die Einsatztruppen in der besetzten Sowjetunion, 1941–1942. 1997.

Kogon E. Der SS-Staat. Das System der Deutschen Konzentrationslager. München: Europäische Verlagsanstalt, 1974. 422 s.

Konieczny A. Bemerkungen über die Anfänge des Konzentrationslager Auschwitz // HvA. 1971. Nr.12. S. 5–44.

Kraus O., Kulka E. Die Todesfabrik Auschwitz. Berlin: Dietz Verlag, 1991. 375 s.

Kremers Tagebuch / Vorwort: J. Rawicz // HvA. Nr. 13. 1971. S.30–117.

Langbein H. Der Auschwitz-Prozeß. Eine Dokumentation [in 2 Bd.]. Wien — Frankfurt — Zürich: Europa Verlag, 1965. 1027 s.

Langbein H. Die Kampfgruppe Auschwitz // Auschwitz. Zeugnisse und Berichte / Hg. von H.G.Adler, H.Langbein, E.Lingens-Reiner. 2. Auflage. Köln — Frankfurt-am-Main. Europäische Verlagsanstalt, 1979. S.227–238.

Langbein H. Sonderkommando // Langbein H. Menschen in Auschwitz. Wien, München : Europaverlag, 1995. S.221–234.

Lanzman C. Shoah. Düsseldorf : Claassen-Verlag, 1986. 280 s.

Lasik A. Die SS-Besatzung des KL Auschwitz // *Dlugoborski W., Piper F.* (Hg.). Studien zur Geschichte des Konzentrations — und Vernichtungslager Auschwitz. Bd.I–IV. Oswiecim, 1999. S. 321-394.

Lasik A. Die Verfolgung, Verurteilung und Bestrafung der Mitglieder der SS-Truppe des KL Auschwitz. Verfahren. Fragen zu Schuld und Verantwortung // HvA. Nr.21. 2000. S.221–299.

Levi P. Die Untergegangenen und die Geretteten. München, 1995. 214 s.

Leszczynska Z. Kronika obozu na Majdanku. Wydawnictwo Lubelskit, 1980. 351 s.

Levin D. Unique characteristics of Soviet Jewish Soldiers in the Second World War // The Shoah and The War / Ed.: A.Cohen, Y.Cochavi, Y.Gelber. — Tel-Aviv: Institute for Research of the Shoah, 1992. — P.217–230. — (Studies on the Shoah, Vol.3).

London has been informed... Reports by Auschwitz escapees. Oswiecim: The Auschwitz-Birkenau State Museum, 2002. 316 p.

Majdanek 1941 — 1944 / Praca zbiorowa pod redakcja T. Mencla. Lublin: Izdatelstwo Lubelski, 1991. 556 s.

Mark B. Über die Handschrift von Salmen Gradowski // *Handschriften von Mitgliedern des Sonderkommandos*, 1972. S.75–78.

Mark B. Megillah Auschwitz. Tel Aviv, Israel-Book, 1977. 472 p.

Mark B. The Scrolls of Auschwitz. Tel Aviv: Am Oved Publishing House, 1985. 472 p.

Mark E. Notes on the identity of the „Anonymous“ auther and on his manuscript // *Ber Mark. The Scrolls of Auschwitz*. Tel-Aviv, 1985. P.166–170.

Meyer F. Die Zahl der Opfer von Auschwitz. Neue Erkenntnisse durch neue Archivfunde // *Osteuropa*. 2002. Nr.5. S.631–641.

„Führer-Erlasse“ 1939–1945. Edition sämtlicher überlieferter, nicht im Reichsgesetzblatt abgedruckter, von Hitler während des Zweiten Weltkrieges schriftlich erteilten Direktiven aus dem Berwisch Staat, Partei, Wirtschaft, Besatzungspolitik und Militärverwaltung / Zusammengestellt und eingeleitet von M. Moll. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997. 556 s.

Müller F. Sonderbehandlung: 3 Jahre in den Krematorien und Gaskammern von Auschwitz. München: Steinhausen. 1979. 287 s.

Nalewajko-Kulikov J. Na brzegu Sambationu. Burzliwe życie żydowskiego komunisty // *Midrasz*, 2006, №. 3. P. 24–33.

Natzari M. Hroniko. 1941–1945. Thesaloniki : ETS Ahaim Foundation, 1991. 66 p. [На англ.яз. рукопись, размноженная на гектографе. 46 P.]. (APMAB. Syg. Wsp./Nadjar / 1073).

Nyisli M. Auschwitz : a Doctor's Eyewitness Account / Transl.: T.Kremer, R.Seaver; foreword: B. Bettelheim. New York : Frederick Fell, 1960. 222+xviii p.

Ogorreck R. Die Einsatzgruppen und die „Genesis der Endlösung“. Berlin, 1996. 240 s.

Oler A., Olère D. Vergessen oder vergeben. Bilder aus der Todeszone. Springe: zu klampen, 2004. 120 s.

Olexy K. Salmen Gradowski — ein Zeuge aus dem Sonderkommando // *Theresienstädter Studien und Dokumente*. 1995. Prag, 1999. S. 121–135.

Pankowicz A. Das KL Auschwitz in den Nürnberger Prozessen // *HvA*. 1990. Nr.18. S. 247–367.

Perl W. R. The Holocaust Conspiracy: An International Policy of Genocide. NY: Shapolsky Publisher, 1989. 261 p.

Pendorf R. Mörder und Ermordete. Eichmann und Judenpolitik des Dritten Reiches. Hamburg: Rütten & Loening, 1961. 150 s.

Piper F. Die Zahl der Opfer von Auschwitz aufgrund der Quellen und der Erträge der Forschung 1945 bis 1990. Oświęcim: Verlag Staatliches Museum in Oświęcim, 1993. 248 s.

Piper F. Rezension auf: *Pressac J.-C.* Die Krematorien von Auschwitz. Die Technik des Massenmordes. München — Zürich: Piper, 1995 // *HvA*. Heft 24. 2009. S.374–402.

Ploski S. German Crimes against Soviet P.O.W.s in Poland // German Crimes in Poland. Warsaw, 1946.

Poliakoff L. Breviare de la Haine. Paris, 1951.

Polian P. First Victims of the Holocaust: Soviet-Jewish Prisoners of War in German Captivity. // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Fall 2005. Vol.6, no. 4. P. 763–787.

Porat D. Attitudes of the young State of Israel toward the Holocaust and its Survivors: a Debate over Identity and Values // *New Perspectives on Israeli History. The Early Years of the State* / Ed. By L.J.Silberstein. New York, 1991. P. 157–174.

Renz W. Auschwitz vor Gericht. Zum 40. Jahrestag des ersten Frankfurter Auschwitz-Prozesses // *HvA*. Heft 24. 2009. S.191–300.

Report of Rudolf Vrba and Alfred Wetzler // London has been informed... Reports by Auschwitz escapees. Oswiecim: The Auschwitz-Birkenau State Museum, 2002.

Pressac J.-C. Die Krematorien von Auschwitz. Die Technik des Massenmordes. München — Zürich: Piper, 1995. 212 s.

Pressac J.-C. Auschwitz: Technique and operation of the Gas Chambers, New York, The Béate Klarsfeld Foundation, 1989. 564 p.

Pulawski A. W obliczu zagłady. Rząd BR na Uchodźstwie, Delegatura Rządu RP na Kraj, ZWK-AK wobec deportacji Żydów do obozów zagłady (1941–1942). Lublin: IPN, 2009. 583 P.

Reitlinger G. Die Endlösung. Hitlers Versuch der Ausrottung der Juden Europas 1939–1945. Berlin: Colloquium Verlag, 1958. 698 s.

Ringelblum E. Kronika getta warszawskiego; wrzesień 1939- styczeń 1943 / Wstęp i redakcja A. Eisenbach. Przełożył z jidysz Adam Rutkowski. Warszawa: Czytelnik, 1983.

Scheffler W. Judenverfolgung im Dritten Reich 1933-1945. Frankfurt am Main, Wien, Zürich, 1961.

Schönker H. Ich war acht und wollte leben. Eine Kindheit in Zeiten der Shoah. Düsseldorf, 2008. 235 s.

Schulz A. Regierungsbezirk Zichenau // Das „Großdeutsche Reich“ und die Juden: nationalsozialistische Verfolgung in den „angegliederten“ Gebieten / W. Gruner, J.Osterloh (Hg.). Frankfurt am Main [u.a.]: Campus-Verl., 2010. S.261–280.

Steiner J.-F. Treblinka. Die Revolte eines Vernichtungslagers. Hamburg: Gerhard Stalling Verlag, 1966.

Stone D. The Sonderkommando Photographs // *Jewish Social Studies. New Series*. 2001. Vol. 7. No 3 (Spring-Summer). P.131–148.

Strzelecka I. Männerlager in Birkenau (BIId) // *HvA*. Nr.22. 2002. S.149–341.

Strzelecki A. Der Raub des Besitzes der Opfer des KL Auschwitz // *HvA*. Nr.21. 2000a. S.7–100.

- Strzelecki A.* Die Verwertung der Leichen // HvA. Nr.21. 2000b. S.101–164.
- Suchoff D.* A Yiddish Text from Auschwitz: Critical History and the Anthological Imagination // Prooftexts. 1999. No.19. P. 59–68.
- Swiebocki H.* Das Erstellen und Sammeln. Gedenkbuch. Sinti und Roma im Konzentrationslager Auschwitz-Birkenau. In 2 Bd. München, 1993.
- Swiebocki H.* Die lagernahe Widerstandsbewegung // HvA. 1995. Nr.19. S. 164–184.
- Swiebocki H.* Spontane und organisierte Formen des Widerstandes in Konzentrationslagern am Beispiel des KL Auschwitz // Die nationalsozialistischen Konzentrationslager. Entwicklung und Struktur / Hg. von U.Herbert, K.Orth und Ch. Dieckmann. Bd.II. Göttingen, Wallstein Verlag, 1998. S.959-982.
- Swiebocki H.* Auschwitz: What Did the World Know During the War? // *London has been informed...*, 2002. P.7–98.
- Szternfinkiel N.* Zagłada Żydów Sosnowca. Katowice, 1946.
- Terezinsky Rodinny Tabor v Osvetimi-Birkenau.* Prague, 1994. P. 190–197.
- Tyas S.* Allied Intelligence Agencies and the Holocaust Information Acquired from German Prisoners of War // Holocaust und Genocide Studies. 2008. Vol.22. Nr.1. P. 1–24.
- Yzkor Book Suwalk / Ed. Berl Kahan.* New York. 1961.
- Venezia S.* (im der Zusammenarbeit mit B.Prasquier). Meine Arbeit im Sonderkommando Auschwitz. Das esrter umfassender Zeugnis eines Überlebenden / Vorwort von Simone Veil. Nachwörter: Marcello Pezzetti und Umberto Gentiloni. Aus dem franz. von Dagmar Mallett. Karl München: Blessing Verlag, 2008. 271 s.
- Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden* durch das nationalsozialistische Deutschland. 1933–1945. Bd. 4. Polen. September 1939 — Juli 1941 / Bearbeitet von K.-P.Friedrich. Mitarbeit: A.Löw. München: Oldenburg Verlag, 2011. 751 s.
- Vrba R. — Bestic A.* Ich kann nicht vergeben. München: Rütten + Löffing Verlag, 1964. 318 s.
- Wasserstein B.* Britain and the Jews of Europe 1939-1945. London, 1979.
- Wellers G.* Essai de détermination du nombre de morts au camp d'Auschwitz // Le Mond Juif. 1983. Nr.12. S.125–159.
- Wenck A.* Zwischen Menschenhandel und Endlösung. Paderborn, 1997.
- Witte P., Tyas S.* A new document on the Deportation and Murder of Jews during "Einsatz Reinhard" 1942 // Holocaust und Genocide Studies. 2001.Vol.3. Nr.1. P.468–486.
- Wśród koszmarnej zbrodni: z. II wydanie rozszerzone / Ed.: J. Bezwińska, D. Czech. Oświęcim: Wydawnictwo Państwowe Muzeum w Oświęcimiu, 1975. 287 s.
- Zarembina N.* Oboz smierci. 1942.

Zimmerman J. C. Holocaust Denial: Demographics, Testimonies and Ideologies. Lanham — New York: Oxford: University Press of America, 2000. 406 p.

Żmijewska-Wiśniewska A. Zeznania szefa krematorium Ericha Muhsfeldta na temat byłego obozu koncentracyjnego w Lublinie (Majdanek) // Zeszyty Majdanka. Tom XX. Lublin, 1999.

Zürcher R. „Wir machten die schwarze Arbeit des Holocaust“: das Personal der Massenvernichtungsanlagen von Auschwitz. Nordhausen : Bautz, 2004. 244 s. Reihe: (Berner Forschungen zur neuesten Allgemeinen und Schweizer Geschichte; Bd.1).

Интернет-сайты:

Berachowicz-Kosowska E. The Destruction of Luna-Wolie // Grodner Aplangen. 1948. №.2. В сети: <http://kehilalinks.jewishgen.org/lunna/Yevnin.html>

[Об истории еврейских местечек]: www.shtetlinks.jewishgen.org/

SOKOS: www.sonderkommando-studien.de

Véronique Chevillon: http://www.sonderkommando.info/index_d.html

<http://www.hr-online.de/website/static/spezial/auschwitzprozess/>

<http://137.248.11.66/Verfahren%20Polen%20Namen>

CONTENTS

Author's notes	7
PART ONE:	
LIFE AND DEATH IN HELL	13
Residence of death: demographic balance of Auschwitz	15
What and when did the allies know about Auschwitz?	39
Liberation of Auschwitz: Holocaust without Jews!	50
Unskilled workers of death: "Sonderkommando" in Auschwitz-Birkenau	64
Destroyed crematorium: meaning and price of one uprising	104
History of discovery, translation and publication of manuscripts, found in Auschwitz	137
PART TWO:	
MANUSCRIPTS FOUND IN ASHES	
NEAR AUSCHWITZ OVENS	155
Zalman Gradowski.	
In the midst of hell	157
In the end was the word as well... (<i>P. Polian</i>)	159
Zalman Gradowski	203
<Road to hell > (<i>Translated from Yiddish by A. Polian</i>)	204
In the middle of hell (<i>Translated from Yiddish by A. Polian</i>)	240
<Letter from hell> (<i>Translated from Yiddish by M. Karp</i>)	309
Leib Langfuss.	
The Horrors of the Murder	311
Rabbi in hell (<i>P. Polian</i>)	313
Leib Langfuss	
Expulsion (<i>Translated from German by P. Polian</i>)	333
The Horrors of Murder (<i>Translated from Yiddish by D. Terlets kaya</i>)	368
Zalman Loewenthal.	
"From now on we'll hide everything in the earth ..."	383
Witness, chronicler, accuser! (<i>P. Polian</i>)	385
Zalman Loewenthal	
<Notes> (<i>Translated from Yiddish by A. Polonskaya</i>)	397
<Comments to "Łódź manuscript"> (<i>Translated from Yiddish by A. Polonskaya</i>)	425

Chaim Herman.	
Letter home from hell	429
“Dante’s hell is incomparably ridiculous in comparison with this real one here Dante’s” (<i>P. Polian</i>)	431
Chaim Herman	
< Letter home from hell >	
(<i>Translated from Yiddish by A. Polonskaya</i>)	434
Marcel Najari.	
Cry for revenge	439
Cry for revenge (<i>P. Polian</i>)	441
Marcel Najari	
“I can’t revenge as I want and as I know ...»	
(<i>Translated from English by P. Polian</i>)	446
Avrom Levite.	
From “Auschwitz” anthology	449
Arom Levite. <The time: shortly before death. The place: on the executioner’s scaffold.> (<i>P. Polian</i>)	451
Avrom Levite	
From “Auschwitz” anthology	
(<i>Translated from Yiddish by A. Polonskaya</i>)	454
AS A CONCLUSION	461
Kasiba that arrived	462
Postscriptum	463
SUPPLEMENTS	465
Abbreviations	545
Bibliography	546

Pavel Polian. Scrolls from the ashes. Jewish “Sonderkommando” in Auschwitz-Birkenau and its chroniclers. — Manuscripts of Sonderkommando members, found in the ashes near the furnaces of Auschwitz (Z. Gradowski, L. Langfuss, Z. Loewenthal, Ch. Herman, M. Najari and A. Levite). Moscow — Rostov-on-Don: Phoenix, 2013. 556 pp., ill. (Series: “Scrolls from the ashes: evidences of Holocaust”)

This book is dedicated to members of Sonderkommando, who were auxiliary workers in the teams comprised almost completely from Jews whom Nazi compelled to assist in mass conveyor style murder of tens and hundreds thousand persons, both Jews and other nations, in gas chambers, cremation of corpses and utilization of ashes, golden dentures and women hair. Nazi could not even imagine that they will survive and outlast Shoah. Nevertheless about hundred ten persons from about two thousand have survived and some dozens either wrote about their experience or gave detailed interviews. However many of those who perished also left written evidences and part of them was found after the war in the ground and ashes near crematoria of Auschwitz-Oświęcim. These scrolls are undoubtedly the core documents of Holocaust until recently completely unknown in Russia, have been for the first time compiled in this book.

The book includes two parts. The first is written solely by the author, it describes extermination camp and Sonderkommando members as unprecedented historical and ethical-psychological phenomenon. Further this part covers circumstances of their resistance culminating in revolt of October 7, 1944, as well as the progress and results of search for and findings of manuscripts after the war, translation to European languages and publication.

The second part is given for the evidences and is an anthology compiled of their works, more accurately, of the parts that could be read and translated. It includes all nine texts of those five Sonderkommando members, whose manuscripts were found: Zalman Gradowski, Leib Langfuss, Zalman Loewenthal, Chaim Herman and Marcel Najari. The tenth manuscript added to these nine is the manuscript of Avrom Levite, who had no relation to Sonderkommando in Birkenau, but his text, preface to literature almanac “Oyshvits”, was written in several hundreds meters from gas chambers and the history of manuscript is equally complicated and impressive. Special section is devoted to each author including both all their texts and preceding essays by Pavel Polian.

All texts except for the ones by Zalman Gradowski, were translated for this publication and are first published under the same cover in Russian.

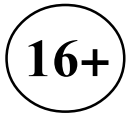
Translated from Yiddish (edited by P. Polian) by M. Karp, A. Polonskaya, A. Polian and D. Terletsкая; translations from French by A. Polonskaya. Translations from German and English by P. Polian.

Notes by A. Polonskaya, A. Polian, P. Polian and D. Terletsкая.

Series: “Scrolls from the ashes: evidences of Holocaust” published with the support by Russian Jewish Congress since 2011

Series compiler – P. Polian

Board of trustees: B. Briskin, A. Gladkova, Ya. Gordin, D. Granin, A. Zeltser, P. Il’in, Yu. Kanner, A. Lustiger, Ch.-Ch. Nolte, B. Pasternak, N. Pobol, a. Simonov, L. Smilovitsky, J. Tavor, L. Terushkin, L. Ulitskaya, K. Feferman, B. Frezinsky, M. Chaika, A. Shneer, M. Edelshtein

Научно-популярное издание

ПАВЕЛ МАРКОВИЧ ПОЛЯН

СВИТКИ ИЗ ПЕПЛА

**ЕВРЕЙСКАЯ «ЗОНДЕРКОММАНДО»
В АУШВИЦЕ-БИРКЕНАУ И ЕЕ ЛЕТОПИСЦЫ**

—

**РУКОПИСИ, НАЙДЕННЫЕ В ПЕПЛЕ
У ПЕЧЕЙ ОСВЕНЦИМА
(З. ГРАДОВСКИЙ, Л. ЛАНГФУС, З. ЛЕВЕНТАЛЬ,
Х. GERMAN, М. НАДЖАРИ И А. ЛЕВИТЕ)**

Выпускающий редактор	<i>Галина Логвинова</i>
Редактор	<i>Евгений Барыбин</i>
Художественный редактор	<i>Дмитрий Очаков</i>

Подписано в печать 25.08.2013.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ № .

ООО «Феникс»

344082, г. Ростов-на-Дону, пер. Халтуринский, 80

Тел./факс: (863) 261-89-50, 261-89-59

Сайт издательства: www.phoenixrostov.ru

Интернет-магазин: www.phoenixbooks.ru

Залман Градовский с женой Соней

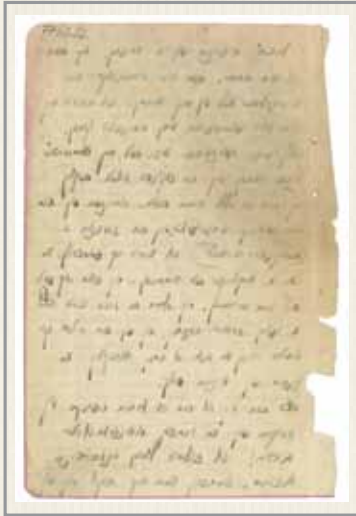
Фляга с рукописями З. Градовского (1945 г.)

Фляга с рукописями З. Градовского (2004 г.)

Хайм Волнерман

Страница рукописи 3. Градовского «В сердцеvine ада»

Страница записной книжки З. Градовского

Письмо З. Градовского

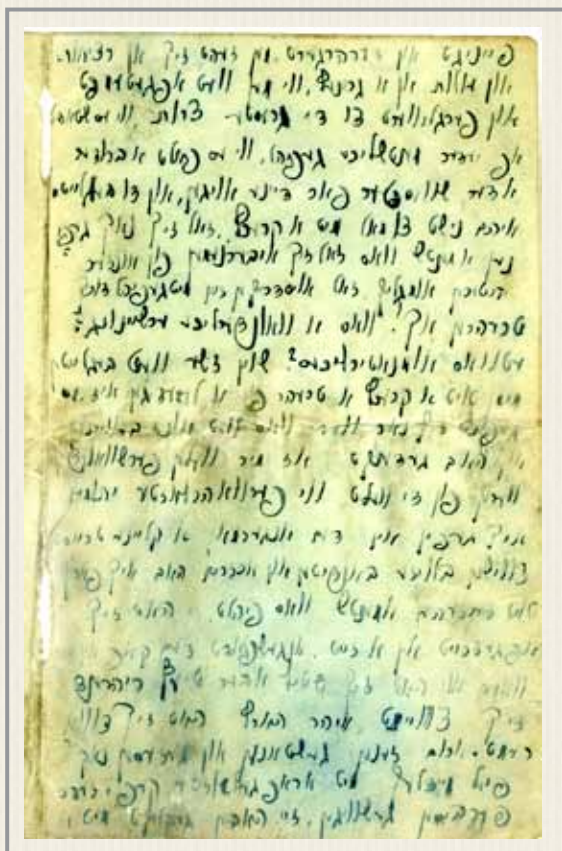
Меур Карп. 1957 г.

Антон Лопатёнок. 1959-1960 гг.

Бернард Марк. 1965 г.

Страница рукописи Л. Лангфуса

*На рытье окопов в Макове.
Второй справа, возможно, Лейб Лангфус*

Эпизоды депортации из Цеханува

Залман Левенталь

Страница рукописи З. Левенталя

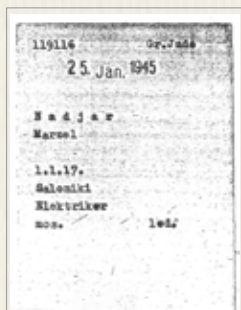
Находка рукописей З. Левенталя

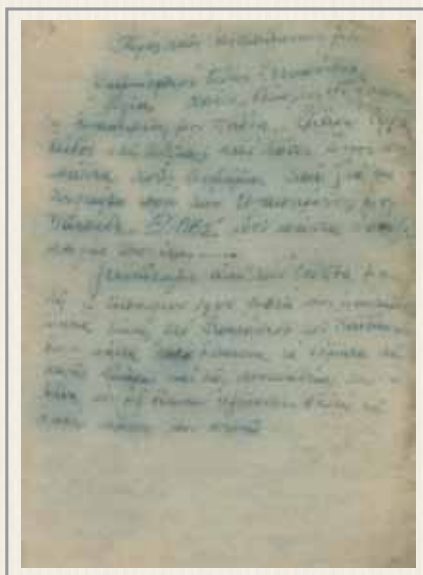
Янкель Гандельсман

Хенрик Таубер

*Марсель Наджари.
Учетная карточка*

Страница рукописи М. Наджари

Находка рукописи М. Наджари

Страница «лодзинской рукописи» Г. Хиришберга

*Хайм Румковский (в центре),
глава юденрата Лодзинского гетто*

Эстер Вайсблум

Эстер Вайсблум с племянницей и собакой (1937 г.)

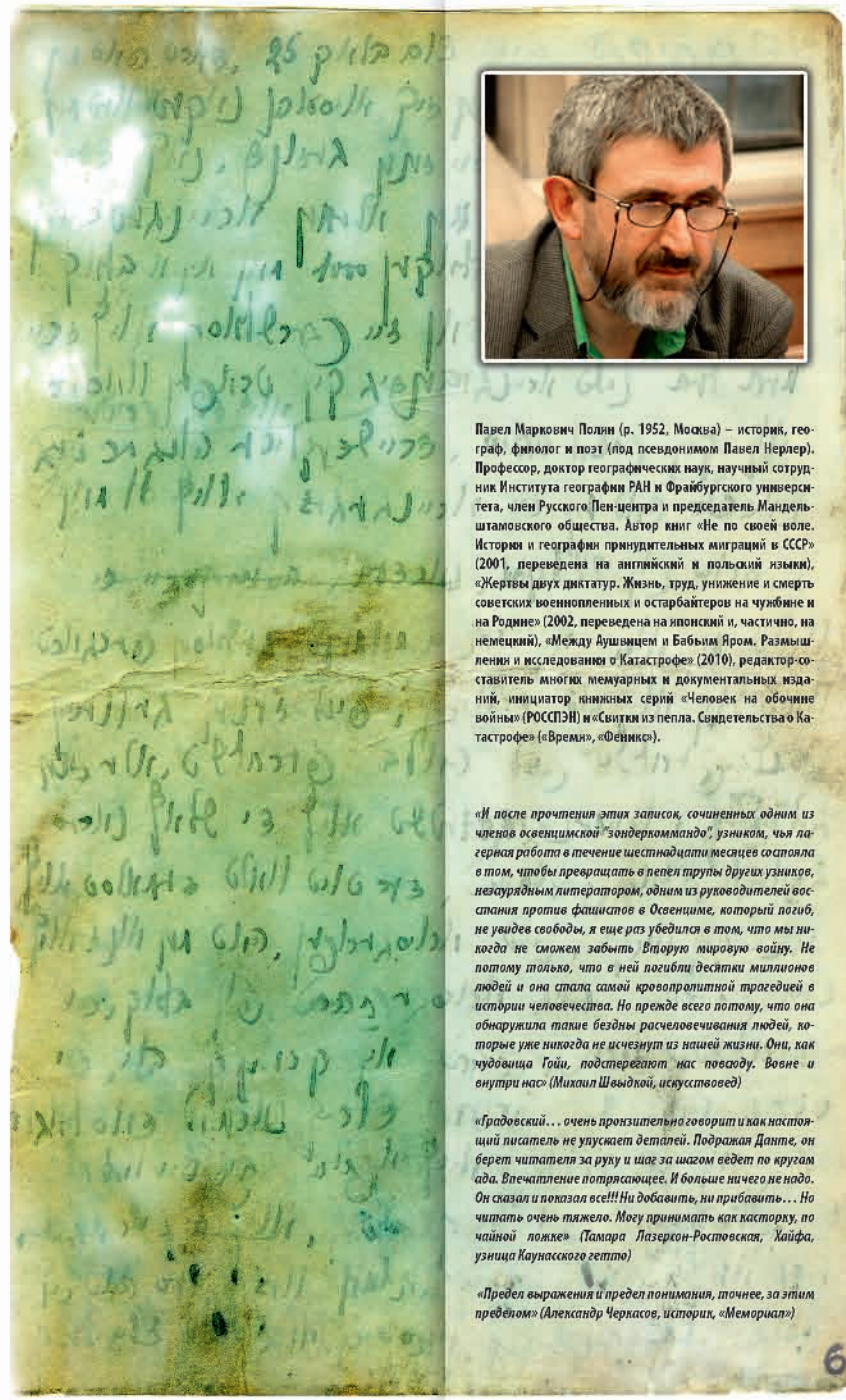
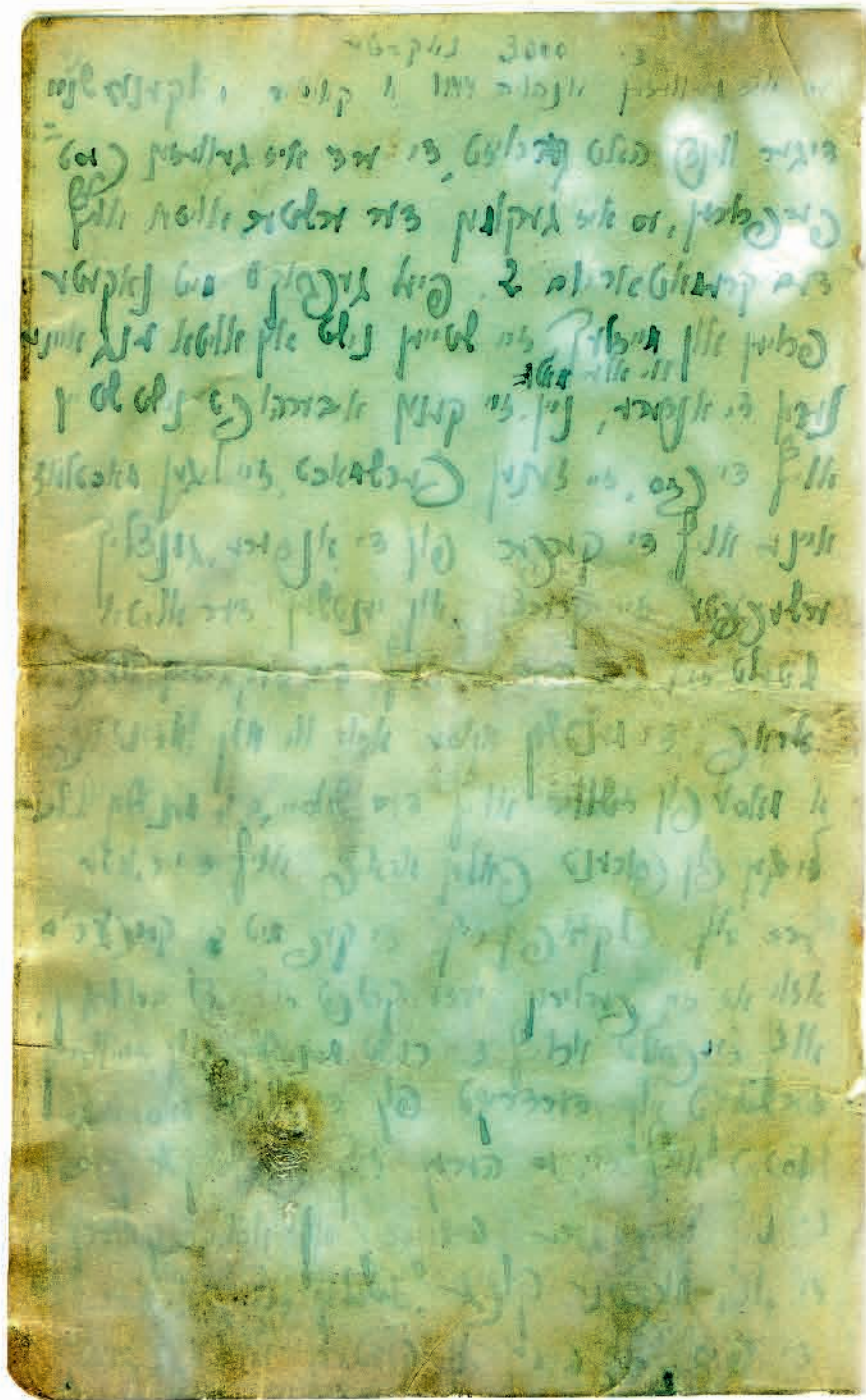
Роза Робота

Алла Гертнер

Регина Сафирштейн

Павел Маркович Полин (р. 1952, Москва) – историк, географ, филолог и поэт (под псевдонимом Павел Нерлер). Профессор, доктор географических наук, научный сотрудник Института географии РАН и Фрайбургского университета, член Русского Пен-центра и председатель Мандельштамовского общества. Автор книг «Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР» (2001, переведена на английский и польский языки), «Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на Родине» (2002, переведена на японский и, частично, на немецкий), «Между Аушвицем и Бабьим Яром. Размышления и исследования о Катастрофе» (2010), редактор-соавтор многих мемориальных и документальных изданий, инициатор книжных серий «Человек на обочине войны» (РОССПЭИ) и «Святики из пепла. Свидетельства о Катастрофе» («Время», «Феникс»).

«И после прочтения этих записок, сочиненных одним из членов освещенской "зондеркоммандо", узником, чья лагерная работа в течение шестнадцати месяцев состояла в том, чтобы превращать в пепел трупы других узников, незаурядным литератором, одним из руководителей восстания против фашистов в Освенциме, который погиб, не увидев свободы, я еще раз убедился в том, что мы никогда не сможем забыть Вторую мировую войну. Не потому только, что в ней погибли десятки миллионов людей и она стала самой кровавой трагедией в истории человечества. Но прежде всего потому, что она обнаружила такие бездны расчеловечивания людей, которые уже никогда не исчезнут из нашей жизни. Они, как чудовища Гои, подстерегают нас повсюду. Вовне и внутри нас» (Михаил Швейцкой, искусствовед)

«Градский... очень пронзительно говорит и как настоящий писатель не упускает деталей. Подражал Данте, он берет читателя за руку и шаг за шагом ведет по кругам ада. Впечатление потрясающее. И больше ничего не надо. Он сказал и показал все!! Ни добавять, ни прибавить... Но читать очень тяжело. Могу принимать как кашпорку, по чайной ложке» (Тамара Лазерсон-Ростовская, Хайфа, узица Каунасского гетто)

«Предел выражения и предел понимания, точнее, за этим пределом» (Александр Черкасов, историк, «Мемориал»)